ISSN: 2542-212X

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

I

2025

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 1 / 2025

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1

Свидетельство о регистрации	Эл № ФС77-59844 от 17 ноября 2014
ISSN	2542-212X
Периодичность	4 раза в год
Учредитель/Издатель	Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
E-mail редакции	caucasology.kbsu@gmail.com
URL-адрес издания	http://www.kbsu.ru/nauchnye-izdaniya/zhurnal-kavkazologiya/

Редакционный совет

Альтудов Юрий Камбулатович, профессор, ректор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.

Барахоева Нина Мустафаевна, директор Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева, Магас, Россия.

Берсиров Батырбий Махмудович, главный научный сотрудник Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева», Майкоп, Россия.

Горбунов Александр Павлович, ректор Пятигорского государственного университета, Пятигорск, Россия.

Грусман Владимир Моисеевич, советник директора, руководитель научной части Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Гапуров Шахрудин Айдиевич, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, Грозный, Россия.

Дерлугьян Георгий Матвеевич, профессор Нью-Йоркского университета Абу-Даби, США.

Дмитриев Владимир Александрович, ведущий научный сотрудник Российского этнографического музея, Санкт-Петербург, Россия.

Дюмон Жерар Франсуа, географ, экономист и демограф, профессор, преподаватель Университета Париж-Сорбонна, Париж, Франция.

Ивахненко Евгений Николаевич, профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ильин Владимир Иванович, профессор кафедры социологии культуры и коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия.

Карамурзов Барасби Сулейманович, профессор, руководитель Центра развития цифровой экономики МГУ им. М.В. Ломоносова, действительный член Российской академии образования, Нальчик, Россия.

Левитская Алина Афакоевна, профессор Северо-Кавказского федерального университета, Ставрополь, Россия.

Магомедов Магомед Ибрагимович, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы, Махачкала, Россия.

Мусукаев Александр Ибрагимович, доктор исторических наук, профессор, Нальчик, Россия.

Мюльфрид Флориан, доктор наук, Йена, Германия.

Рябов Андрей Виленович, главный редактор журнала «Мировая экономика и международные отношения», Москва, Россия.

Томеллери Витторио Спрингфилд, профессор департамента славянской филологии университета г. Мачерата, Марчета, Италия.

Узденов Таусолтан Аубекирович, ректор Карачаево-Черкесского государственного университета имени У.Д. Алиева, Карачаевск, Россия.

Editorial Council

Altudov Yuri Kambulatovich, Professor, Rector, Kabardino-Balkarian State University, Nalchik, Russia.

Nina Mustafaevna Barakhoeva, Director, Ingush Institute for the Researches in Humanities, Magas, Russia.

Bersirov Batyrbiy Mahmudovich, Principal research fellow, Adyghe Republic's Institute for Humanitarian Studies, Maikop, Russia.

Gorbunov Alexandr Pavlovich, Rector, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia.

Grusman Vladimir Moiseevich, advisor to the director, head of the scientific part, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Gapurov Shahrudin Aidievich, Head of the Department of Modern and Contemporary History of the Chechen State University, Groznyi, Russia.

Derluguian Georgi, Professor, New York University Abu Dhabi, UAE, USA.

Dmitriev Vladimir Alexandrovich, Leading Researcher, Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia.

Dumont Gerard Francois, geographer, economist and demographer, Professor of Paris-Sorbonne University, Paris, France.

Ivakhnenko Evgeny Nikolaevich, Professor, M.V. Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Ilyin Vladimir Ivanovich, Professor, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Karamurzov Barasbi Suleymanovich, Professor, CEO, Lomonosov Moscow State University Digital Economy Development Center, Full Member of the Russian Academy of Education, Nalchik, Russia.

Levitskaja Alina Afakoevna, Professor, The North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russia.

Magomedov Magomed Ibragimovich, Principal Research Fellow, Institute of Language, Literature and Art, Makhachkala, Russia.

Musukaev Alexander Ibragimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Nalchik, Russia.

Mühlfried Florian, PhD, Jena, Germany.

Ryabov Andrey Vilenovich, Editor-in-chief, World Economy and International Relations, Moscow, Russia.

Tomellery Vittorio Springfield, Professor, University of Macerata, Macerata, Italy.

Uzdenov Tausoltan Aubekirovich, Rector, Karachay-Cherkess State University, Karachaevsk, Russia.

Главный редактор
Абазов Алексей Хасанович
доктор исторических наук, доцент

Заместитель главного редактора
Кажаров Артур Гусманович
доктор исторических наук, доцент

Ответственный секретарь
Анищенко Елена Александровна

Редактор текстов на английском языке
Ашхотова Алина Пшимурзовна

Редакционная коллегия:
Аккиева Светлана Исмаиловна – доктор исторических наук;
Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук;
Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор;
Аствацатурова Майя Арташесовна – доктор политических наук, профессор;
Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук;
Бауаев Казим Каллетович – доктор филологических наук, доцент;
Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор;
Берберов Бурхан Абуюсуфович – доктор филологических наук;
Бижева Зара Хаджимуратовна – доктор филологических наук, профессор;
Бижоев Борис Чамалович – доктор филологических наук;
Бозиева Наима Борисовна – кандидат филологических наук;
Боров Аслан Хажисмелович – кандидат исторических наук, доцент;
Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук;
Бухуров Мухамед Фуадович – кандидат филологических наук;
Гераев Хаким Камильевич – кандидат исторических наук;
Гутов Адам Мухамедович – доктор филологических наук, профессор;
Дзамихов Касболат Фицевич – доктор исторических наук, профессор;
Канукова Залина Владимировна – доктор исторических наук, профессор;
Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук;
Кудаева Зинаида Жантемировна – доктор филологических наук, доцент;
Кузьминов Петр Абрамович – доктор исторических наук, профессор;
Кучукова Зухра Ахметовна – доктор филологических наук, профессор;
Кушхабиев Анзор Викторович – доктор исторических наук, доцент;
Лобанов Владимир Борисович – кандидат исторических наук;
Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор;
Муратова Елена Георгиевна – доктор исторических наук, профессор;
Нальчикова Елена Аниуаровна – кандидат исторических наук, доцент;
Прасолов Дмитрий Николаевич – кандидат исторических наук, доцент;
Сабанчиев Хаджи-Мурат Алексеевич – доктор исторических наук, профессор;
Сокаева Диана Вайнерова – доктор филологических наук;
Тамазов Муслим Султанович – кандидат исторических наук;
Текуева Мадина Анатольевна – доктор исторических наук, доцент;
Тимижев Хамиша Тарканович – доктор филологических наук, профессор;
Тумов Аскер Асланбекович – кандидат исторических наук;
Узденова Фатима Таулановна – доктор филологических наук;
Улаков Махти Зейтунович – доктор филологических наук, профессор;
Хавжокова Людмила Борисовна – доктор филологических наук;
Хараева Лариса Ханбиевна – доктор филологических наук, профессор.

Editor-in-Chief
Abazov Alexey Khasanovich
doctor of science (history), associate professor

Deputy Editor-in-Chief
Kazharov Artur Gusmanovich
doctor of science (history), associate professor

Executive Secretary
Anishchenko Elena Aleksandrovna

English text editor
Ashkhotova Alina Pshimurzovna

Editorial board:
Akkieva Svetlana Ismailovna – doctor of science (history);
Albogachieva Makka Sultan-Gireevna – doctor of science (history);
Alikaev Rashid Sultanovich – doctor of science (philology), professor;
Astvatsaturova Maya Artashesovna – doctor of science (political science), professor;
Barazbiev Muslim Ismailovich – PhD (in history);
Bauaev Kazim Kalletovich – doctor of science (philology), associate professor;
Bashieva Svetlana Konakbievna – doctor of science (philology), professor;
Berberov Burkhan Abuyusufovich – doctor of science (philology);
Bizheva Zara Khadzhimuratovna – doctor of science (philology), professor;
Bizhoev Boris Chamalovich– doctor of science (philology);
Bozieva Naima Borisovna – PhD (in philology);
Borov Aslan Khazhismelovich – PhD (in history), associate professor;
Borova Asiyat Ruslanovna – doctor of science (philology);
Bukhurov Muhamed Fuadovich – PhD (in philology);
Gegraev Hakim Kamilevich – PhD (in history);
Gutov Adam Mukhamedovich – doctor of science (philology), professor;
Dzamikhov Kasbolat Fitzevich – doctor of science (history), professor;
Kanukova Zalina Vladimirovna – doctor of science (history), professor;
Ketenchiev Mussa Bakhautdinovich – doctor of science (philology);
Kudaeva Zinaida Zhantemirovna – doctor of science (philology), associate professor;
Kuzminov Petr Abramovich – doctor of science (history), professor;
Kuchukova Zukhra Akhmetovna – doctor of science (philology), professor;
Kushkhabiev Anzor Viktorovich – doctor of science (history), associate professor;
Lobanov Vladimir Borisovich – PhD (in history);
Mamsirov Khamitbi Borisovich – doctor of science (history), professor;
Muratova Elena Georgievna – doctor of science (history), professor;
Nalchikova Elena Aniuarovna – PhD (in history), associate professor;
Prasolov Dmitry Nikolaevich – PhD (in history), associate professor;
Sabanchiev Haji-Murat Alekseevich – doctor of science (history), professor;
Sokaeva Diana Vainerova– doctor of science (philology);
Tamazov Muslim Sultanovich – PhD (in history);
Tekueva Madina Anatolyevna – doctor of science (history), associate professor;
Timizhev Khamisha Tarkanovich – doctor of science (philology), professor;
Tumov Asker Aslanbekovich – PhD (in history);
Uzdenova Fatima Taulanovna – doctor of science (philology);
Ulakov Makhti Zeitunovich – doctor of science (philology), professor;
Khavzhokova Lyudmila Borisovna – doctor of science (in philology);
Kharaeva Larisa Khanbievna – doctor of science (philology), professor.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

Беппаев А.Р.
Становление основ и методов управления народным капиталом
на Центральном Кавказе в конце 1840-х годов
(на примере малокабардинской общественной суммы) **15-26**

Урусмамбетова Л.А.
Роль инспекторов в формировании системы начальных училищ
в Терской области во второй половине XIX века **27-38**

Анищенко Е.А.
Деятельность комитета по истреблению саранчи
терского областного правления на территории Нальчикского округа
в последней четверти XIX века **39-51**

Гаунова Л.Р.
Проблемы просвещения в Нальчикском округе
на страницах периодической печати в начале XX века **52-71**

Дабагова И.М.
Проблемы реорганизации полицейской охранной стражи
в Терской области в политическом дискурсе
областного и окружных правлений в 1911–1913 годах **72-83**

Новейшая история

Дышеков М.В.
Батырбек Абуков: о судьбах представителей этнической элиты
Северного Кавказа в период политических
и социально-экономических преобразований 1917–1938 годов **84-98**

Яхутль Ю.А.
Социалистическая реконструкция сельского хозяйства
адыгского аула (1928–1932 гг.) **99-112**

Тетуев А.И.
Раскулачивание и принудительное переселение кулаков
(на примере Кабардино-Балкарской автономной области) **113-134**

Воропай Е.С.
Создание и деятельность системы оккупационных органов на территории Донбасса и Северного Кавказа в 1942–1943 гг.: сравнительный анализ **135-153**

Этнология, антропология и этнография

Баразбиев М.И.
Генеалогия таубия Ислама (Дадаша) Балкарукова **154-167**

Досхоева Р.Х.
Традиционная ингушская люлька-колыбель и связанные с ней обряды и обычаи **168-180**

Зельницкая Р.Ш.
Поверья, связанные с возвращением души покойника в родной дом, в традиционной похоронно-поминальной обрядности народов Северо-Западного Кавказа (на примере абхазов и карачаевцев) **181-191**

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Биттирова Т.Ш.
Социально-нравственные проблемы современности в автобиографических повестях Османа Коркмазова **192-201**

Борова А.Р., Хульчаева М.Х.
Формирование этнодуальной символики кабардинской поэзии 1960-х – 1970-х годов **202-213**

Хакуашева М.А.
Образы-символы в романе Алана Черчесова «Венок на могилу ветра» **214-228**

Чекалов П.К.
Роман Х.Д. Жирова «Пробуждение гор» **229-246**

Шомахов Ф.С.
Об историчности образа черкеса Арганта в поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» **247-260**

Русский язык. Языки народов России

Ахматланы Ахматны къызы Мариям
Къарачай-Малкъар тилде бир тамырлы синонимлени алагъа ушагъан сёзледен айырыу **261-274**

Карданов М.Л.
Проблема определения звуко-корня и его семантики на примере одного звука кабардино-черкесского языка **275-285**

Кетенчиев М.Б., Хуболов С.М., Мизиев А.М.
Полиаспектный анализ зоолексемы тюлкю ‘лиса’ в карачаево-балкарском языке **286-297**

Мусаева Р.А.
Антропонимы в ономастическом пространстве кумыкских фольклорных сказок **298-311**

Мусуков Б.А., Махиева Л.Х.
Обозначение цветовой геосимволики в географических названиях (на материале карачаево-балкарского языка) **312-323**

Ульбашева З.М.
Паремиологическая зона концепта «той» («свадьба») в карачаево-балкарской лингвокультуре **324-333**

Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Башиева С.К., Чернышова Е.Б.
Оценочный компонент концепта «Смерть» (по материалам русских фразеологических словарей и результатов ассоциативных экспериментов) **334-345**

Кенетова Р.Б., Бозиев А.Т., Хашхожева З.Т.
О некоторых способах выражения категории определенности и неопределенности в разноструктурных языках на примере кабардино-черкесского, русского и английского языков **346-356**

Хараева Л.А., Дзасежева Л.Х.
Родной этнический язык в системе целостной идентичности личности (на материале кабардино-черкесского языка) **357-373**

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Албогачиева М.С.-Г.
Лёля Кунижева – первый профессиональный этнограф абазинского народа **374-382**

Басангова Т.Г.
Рецензия на книгу «Калмыцкие песни о Сибири. – М.: Бумба, 2023. – 216 с.» **383-386**

Наши авторы **387-390**

CONTENTS

HISTORY, ETHNOLOGY AND ARCHAEOLOGY

Medieval and modern history

Beppaev A.R.
The formation of the foundations and methods of managing people's capital in the Central Caucasus in the late of the 1840s (using the example of the malokabardinsky social sum) **15-26**

Urusmambetova L.A.
The role of inspectors in the formation of the primary school system in the Tersk region in the second half of the 19th century **27-38**

Anishchenko E.A.
Activities of the committee for the extermination of locusts of the Tersk regional government in the territory of Nalchik district in the last quarter of the 19th century **39-51**

Gaunova L.R.
The problems of education in the Nalchik district on the pages of the periodical press at the beginning of the XX century **52-71**

Dabagova I.M.
The problems of the reorganization of the police security guard in the Tersk region in the political discourse of the regional and district boards in 1911-1913 **72-83**

Contemporary history

Dyshekov M.V.
Batyrbek Abukov: about the fate of the representatives of the ethnic elite of the North Caucasus during the political and socio-economic transformations of 1917–1938 **84-98**

Yakhutl Y.A.
Socialist reconstruction of agriculture in the adyghe village (1928–1932) **99-112**

Tetuev A.I.
Diskulakization and forced relocation of kulaks (on the example of The Kabardino-Balkar autonomous region) **113-134**

Voropai E.S.
Creation and activity of occupation authorities on the territory of Donbass and the North Caucasus in 1942-1943: comparative analysis **135-153**

Ethnology, Anthropology and Ethnography

Barazbiev M.I.
The genealogy of taubiy Islam (Dadash) Balkarukov **154-167**

Doskhoeva R.H.
Tradition ingush cradle and associated and customs **168-180**

Zelnitskaya R.Sh.
Beliefs related to the return of the soul of the deceased to his native home in the traditional funeral and memorial rituals of the peoples of the North-West Caucasus (on the example of the Abkhazians and Karachays) **181-191**

PHILOLOGY

Literature of the peoples of the Russian Federation (literature of the peoples of the North Caucasus)

Bittirova T.Sh.
Social-moral problems of modernity in autobiographical stories of Osman Korkmasov **192-201**

Borova A.R., Khulchaeva M.Kh.
Formation of ethnodual symbols Kabardin poetry of the 1960s – 1970s **202-213**

Hakuasheva M.A.
Images-symbols in Alan Cherchesov's novel «A wreath on the wind's grave» **214-228**

Chekalov P.K.
Roman H.D. Zhirov «Awakening of the mountains» **229-246**

Shomakhov F.S.
On the historicity of the image of the circassian argantes in T. Tasso’s poem «Jerusalem delivered» **247-260**

Russian language. Languages of the peoples of Russia

Akhmatova M.A.
Differentiation of single-root synonyms from similar units in the Karachay-Balkar language **261-274**

Kardanov M.L.
The problem of determining the sound root and its semantics using the example of one sound of the Kabardino-Circassian language **275-285**

Ketenchiev M.B., Khubolov S.M., Miziev A.M.
Multidimensional analysis of the zoolexeme tülkü 'fox' in the karachay-balkar language **286-297**

Musayeva R.A.
Anthroponyms in the onomastic space kumyk folklore tales **298-311**

Musukov B.A., Makhieva L.H.
Designation of color geosymbolics in geographical names (based on the material of the Karachay-Balkar language) **312-323**

Ulbasheva Z.M.
Paremiological area of the concept “wedding” in the Karachay-Balkarian linguoculture **324-333**

Theoretical, applied and comparative linguistics

Bashieva S.K., Chernyshova E.B.
The evaluative component of the concept of "death" (based on the materials of Russian phraseological dictionaries and the results of associative experiments) **334-345**

Kenetova R.B., Boziev A.T., Khashozheva Z.T.
The expression of certainty and uncertainty with complex structures based on the Kabardian-Circassian, Russian and English languages **346-356**

Kharaeva L.A., Dzasezheva L.Kh.
Native ethnic language in the system of integral identity of the personality (on the basis of the Kabardino-Circassian language) **357-373**

ESSAYS, NOTES, REVIEWS

Albogachieva M.S.-G.
Lelya Kunizheva is the first professional ethnographer of the Abaza people **374-382**

Basangova T.G.
Review of the book «Kalmyk songs about Siberia. – M.: Bumba, 2023. – 216 p.» **383-386**

Our authors **387-390**

ИСТОРИЯ, ЭТНОЛОГИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Средневековая и новая история

УДК 93/94(470.64)
Научная статья
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-15-26
EDN: AASBMJ

СТАНОВЛЕНИЕ ОСНОВ И МЕТОДОВ УПРАВЛЕНИЯ НАРОДНЫМ КАПИТАЛОМ НА ЦЕНТРАЛЬНОМ КАВКАЗЕ В КОНЦЕ 1840-Х ГОДОВ (НА ПРИМЕРЕ МАЛОКАБАРДИНСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ СУММЫ)

Азамат Русланович Беппаев
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, beppaev33@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы становления основ и методов управления народным капиталом на Центральном Кавказе в конце 1840-х годов на примере малокабардинской общественной суммы. Определены каналы пополнения и расходования средств малокабардинской общественной суммы в 1848–1849 гг. Установлено, что основной ее доход составляли денежные сборы с населения Малой Кабарды за вывоз леса за пределы Кавказской линии для продажи, штрафы за преступления и средства от продажи имущества местных жителей, самовольно переселившихся из региона проживания на неподконтрольные российской власти территории. Определена роль начальника Центра Кавказской линии как основного распорядителя собранных средств. Охарактеризованы основные направления деятельности в пределах собственных полномочий штаба войск Кавказской линии и Черномории, начальника Центра Кавказской линии, государственного казначея управления Центра и пристава Малой Кабарды. Определен порядок ведения казначеем специальной шнуровой книги для фиксирования прихода и расхода малокабардинской общественной суммы, а также проанализировано содержание периодических отчетов о приходе, расходе и остатке этой суммы. Сделан вывод о том, что в конце 1840-х гг. малокабардинская общественная сумма представляла собой важный финансовый инструмент, закладывавший принципы и основы пополнения и управления народным капиталом. Ее функционирование отражало стремление властей к налаживанию эффективной системы управления регионом и учета финансовых ресурсов на Кавказе.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, Малая Кабарда, Штаб войск Кавказской линии и Черномории, Центр Кавказской линии, пристав, приставское управление, казначей, Кабардинская общественная сумма, общественный капитал

Для цитирования: Беппаев А.Р. Становление основ и методов управления народным капиталом на Центральном Кавказе в конце 1840-х годов (на примере малокабардинской общественной суммы) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 15-26. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-15-26. EDN: AASBMJ.

© Беппаев А.Р., 2025

Original article

THE FORMATION OF THE FOUNDATIONS AND METHODS OF MANAGING PEOPLE'S CAPITAL IN THE CENTRAL CAUCASUS IN THE LATE OF THE 1840S (USING THE EXAMPLE OF THE MALOKABARDINSKY SOCIAL SUM)

Azamat R. Beppaev
Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, beppaev33@mail.ru

Abstract. The article investigates the issues of foundation development and ways of administering national capital in the Central Caucasus in the late of the 1840s, using the Malokabardin public administration as an example. The article identified the routes of replenishment and spending of monetary fees from the Malokabardinsky public during 1848-1849. It was determined that the primary source of income were monetary fees collected from the Malaya Kabarda population for the export of timber outside the Caucasian Line for sale, fines for crimes, and funds from the sale of property owned by locals who voluntarily moved from their native region to territories beyond the control of the Russian government. The Caucasian line's head administers collected funds. The Caucasian Line forces' headquarters, Chernomoriya, the head of the Caucasian Line Center, the Center's state treasurer, and the Malaya Kabarda bailiff define their main operational areas within their respective jurisdictions. The mechanism for the treasurer to keep a specific corded ledger to record the arrival and expenditure of the Malokabardinsky public sum has been established, and the preservation of periodic reports on the arrival, expenditure, and balance of its amount has been examined. It is determined that in the late 1840s, the Malokabardinsky social sum was a significant financial instrument that established the principles and foundations for the growth and administration of the national capital. Its operation reflected the authorities' goal to build a competent system of managing and accounting for financial resources in the Caucasus.

Keywords: Central Caucasus, Malaya Kabarda, Headquarters of the Caucasian line and Chernomoriya troops, Center of the Caucasian line, bailiff, bailiff's office, treasurer, Kabardian public sum, public capital

For citation: Beppaev A.R. The formation of the foundations and methods of managing people's capital in the Central Caucasus in the late of the 1840s (using the example of the malokabardinsky social sum). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 15-26. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-15-26. EDN: AASBMJ.

© Beppaev A.R., 2025

Введение

К настоящему времени в отечественной историографии стало усиливаться внимание к функционированию в дореволюционный период финансовых институтов при учреждениях власти на местах, на которые «поначалу возлагались функции управления денежными активами и хранения, учета прихода и расхода средств, что было во многом сопоставимо с казначейскими функциями» [Бербекова 2023: 3]. Сохранились сведения о функционировании в 60-е гг. XIX в. в Осетинском округе Терской области Окружной общественной суммы [Административная практика… 2012: 307], общественной казны у карачаевского населения Кавказа [Нухрикян 2015a: 132; Нухрикян 2015b: 709-716], караногайском

капитале в начале XX в. [Терский календарь 1915: 56] и т.п. Наиболее разработанной в кавказоведении в этом направлении представляется проблематика, связанная с функционированием общественного капитала в Нальчикском округе Терской области во второй половине XIX – начале XX в., который представлял собой «условную совокупность капиталов Кабардинской общественной суммы и сельских общественных касс» [Бербекова 2023: 186]. Также обращалось внимание на истоки становления Кабардинской общественной суммы во второй четверти XIX в. [Прасолов 2019b: 88; Прасолов 2019a: 60; Прасолов 2022: 76; Прасолов 2023: 34; Бербекова 2023: 34]. Вместе с тем проблемам становления основ и методов управления народным капиталом на Центральном Кавказе во второй половине 1840-х гг. на примере малокабардинской общественной суммы в историографии политической истории народов региона не уделялось. Тогда как в делопроизводственной практике управления Центра Кавказской линии и приставства Малой Кабарды сохранились сведения по состоянию на 1848–1849 гг. о малокабардинской общественной сумме, исследование материалов о которой дает возможность определить источники ее пополнения, учета и контроля, взаимодействия по этому вопросу в пределах собственных полномочий штаба войск Кавказской линии и Черномории, начальника Центра Кавказской линии, государственного казначея управления Центра и пристава Малой Кабарды и т.п. Исследование этого вопроса позволяет расширить представления об особенностях складывания общественного капитала на Центральном Кавказе, формирования принципов управления им со стороны учреждений российской военной власти в регионе и роли учреждений локального судебно-административного контроля (приставских управлений и специальных судебных учреждений для коренного населения) в этом регионе.

Вопросы, связанные с функционированием малокабардинской общественной суммы в конце 40-х гг. XIX в., в историографии не затрагивались. Тогда как некоторые аспекты складывания и развития Кабардинской общественной суммы в Центре Кавказской линии во второй четверти XIX в. рассматривались в трудах Д.Н. Прасолова и М.Х. Бербековой [Прасолов 2019b: 88; Прасолов 2019a: 60; Прасолов 2022: 76; Прасолов 2023: 34; Бербекова 2023: 34]. Сведения о состоянии исследований общих вопросов взаимодействия Управления Центра Кавказской линии с учреждениями локального судебно-административного контроля (в том числе, и с приставом Малой Кабарды) подытоживались в трудах А.Х. Абазова [Абазов 2007; Абазов 2015; Абазов 2016; Абазов 2017; Абазов, Нахушева 2020; Абазов 2023], И.Р. Марзей (Нахушевой) [Алхасова 2022; Алхасова 2024], Д.М. Алхасовой [Нахушева 2020; Абазов, Нахушева 2020; Нахушева 2021; Марзей 2021] и т.п. Тогда как сведения о малокабардинской общественной сумме сохранились в материалах управления Центра Кавказской линии и отложились в фонде И-16 («Управление Центра Кавказской линии») УЦГА АС КБР (г. Нальчик). Для ее характеристики в ходе исследования были проанализированы предписания начальника штаба войск Кавказской линии и Черномории начальнику Центра Кавказской линии, рапорта начальника Центра Кавказской линии главнокомандующему войсками на Кавказской линии и Черномории, рапорта пристава Малой Кабарды начальнику Центра Кавказской ли-

нии, предписания начальника Центра Кавказской линии приставу Малой Кабарды и казначею управления Центра, шнуровые книги «на записку прихода и расхода малокабардинской общественной суммы», периодические отчеты пристава Малой Кабарды о «приходе, расходе и остатке малокабардинской общественной суммы» и т.п.

Результаты исследования

О функционировании Кабардинской общественной суммы во второй четверти XIX в. известно, что некоторые правила ее функционирования были закреплены в Наставлении временному Кабардинскому суду генерала А.П. Ермолова от 1822 г. Поначалу она пополнялась в основном за счет отчислений по назначенным этим судом штрафов за преступления, уплаченных «местными жителями денег за вывоз леса из предгорных районов за пределы Кавказской линии для продажи» и т.п. Собранные таким образом средства расходовались на основании распоряжений начальника Центра Кавказской линии и шли на общественные нужды (проведение торжеств в честь пожалования императором знамени кабардинцам в 1844 г.; организация встреч местных жителей с представителями российский власти в регионе; содержание здания управления Центра и т.п.) [Цит. по: Прасолов 2019b: 88; Прасолов 2019a: 60; Прасолов 2022: 76; Прасолов 2023: 34; Бербекова 2023: 34]. Вместе с тем изучение этого имеет определенную исследовательскую перспективу. В архивных фондах управления Центра Кавказской линии сохраняется много документов по этому вопросу. Например, на основе анализа предписания штаба войск Кавказской линии и Черномории и.д. начальника Центра Кавказской линии от 7 августа 1846 г. видно, что главнокомандующий войсками распорядился до утверждения штата Кабардинского временного суда назначить туда на службу двух писарей из военных контонистов с выплатой жалования за счет средств Кабардинской общественной суммы [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 567. Л. 5].

В 1848–1849 гг. начальник Центра Кавказской линии состоял в активной переписке с приставом Малой Кабарды по вопросам движения денежных средств по малокабардинской общественной сумме. Анализ документов управления Центра Кавказской линии и приставского управления Малой Кабарды показывает, что в эти годы малокабардинская общественная сумма воспринималась как самостоятельный финансовый инструмент с собственным наименованием в делопроизводственной документации и отлаженной системой учета и отчетности движения средств по ней. Пристав Малой Кабарды, ответственный за сбор средств, регулярно отчитывался перед начальником Центра Кавказской линии, предоставляя подробные сведения о ее пополнении. Рапорта пристава по этой части тщательно проверялись и утверждались, что свидетельствует о строгом контроле за движением денежных средств по общественной сумме. Для этого были введены шнуровые книги «на записку прихода и расхода малокабардинской общественной суммы». Вероятно, время функционирования малокабардинской общественной суммы в качестве отдельного финансового института было недолгим, т.к. уже в 1852 г. в материалах управления Центра Кавказской линии встречаются распоряжения его начальника на основании рапор-

тов пристава Малой Кабарды о зачислении собранных им пошлин с малокабардинского населения за вывоз леса на продажу в доход Кабардинской общественной суммы [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 297. Л. 21 об.]. Аналогичные сведения можно получить и на основе анализа рапортов и ведомостей о приходах и расходах Кабардинской общественной суммы за 1854–1855 гг. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1295. Л. 40]. Предположительно, между 1850 и 1851 гг. малокабардинская общественная сумма была присоединена к общекабардинской. Но этот вопрос требует дополнительного исследования.

Далее на конкретных примерах рассмотрим основные направления взаимодействия начальника Центра Кавказской линии с приставом Малой Кабарды по вопросам движения денежных средств по малокабардинской общественной сумме. Так, с 16 августа 1848 г. по 1 января 1849 г. от пристава Малой Кабарды на имя начальника Центра Кавказской линии направлялись рапорта о состоянии малокабардиснкой общественной суммы [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 1]. Например, 16 августа 1848 г. пристав Малой Кабарды хорунжий Тургиев направил рапорт начальнику Центра Кавказской линии, в котором сообщалось о взыскании с «проезжавших в разные места малокабардинцев, исключая жителей аулов Бековича и Константиновского, для продажи разного рода делового леса, начиная с 16 февраля по сие число, всего 400 руб. серебром, каковые… записаны на приход в шнуровой книге, препровождённой при упомянутой надписи [начальника Центра Кавказской линии с возложением обязанности производить такие денежные сборы] [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 1]. Из этой суммы 390 руб. 52 коп. были направлена в распоряжение начальника Центра Кавказской линии по факту, а остальные 87 руб. 48 коп. должны были быть отправлены в срочном порядке [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 1]. Подобные рапорты позволяли контролировать поступление средств в общественную сумму и их целевое использование. Они также служили важным источником информации о социально-экономической жизни Малой Кабарды в указанный период.

Анализ документов управления Центра Кавказской линии показывает, что в 1848–1849 гг. пристав Малой Кабарды рапортовал начальнику и направлял в его распоряжение денежные средства на пополнение малокабардинской общественной суммы примерно один раз в 2 месяца. Например, рапорта со схожим содержанием были направлены приставом начальнику Центра Кавказской линии 1 октября 1848 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 3.], 14 января 1849 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 4.], 2 марта 1849 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 6.], 4 мая 1849 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 7.] и т.п.

Кроме того, вопросы пополнения и расходования средств малокабардинской общественной суммы находились на контроле высшего военного начальства на Кавказе. Так, 7 мая 1849 г. из штаба войск Кавказской линии и Черномории в адрес начальника Центра Кавказской линии было направлено предписание, в котором сообщалось о том, что по распоряжению начальника Центра Кавказской линии был «заведен порядок пошлинного взыскания с Малой Кабарды, которая занимается промышленностью леса и штрафами за разные

предметы, и каковым доходом в состоянии будет уделять часть подлежащих с нея денег на содержание учреждаемой в Нальчике общественной школы» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 8]. В этом документе начальнику Центра Кавказской линии также предлагалось предоставить отчетность о поступлении в доход денежных средств от этих сборов. В ответ на это 20 мая 1849 г. начальник Центра Кавказской линии ходатайствовал перед начальником Штаба генера-майором Филиповым выслать «шнуровую книгу на записку прихода и расхода малокабардинской общественной суммы» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 8 об.]. 13 июня 1849 г. из Штаба войск Кавказской линии и Черномории (канцелярии по управлению мирными горцами) шнуровая книга была направлена начальнику Центра Кавказской линии [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 11].

28 мая 1849 г. пристав Малой Кабарды сотник Тургиев в рапорте начальнику Центра Кавказской линии сообщал о том, что им было взыскано 125 руб. 90 коп. с малокабардинцев, выезжавших за пределы Кавказской линии для торговли лесом [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 10]. 19 июня 1849 г. Центральному казначею сотнику К. было предложено все собранные приставом Малой Кабарды сотником Тургиевым с 16 августа 1848 г. по 4 мая 1849 г. за вывоз из Кабарды за пределы Линии общественного леса для продажи и препровождённые начальнику Центра Кавказской линии средства в размере 1042 руб. 50 коп. записать в присланную из Штаба войск специальную шнуровую книгу [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 11 об.].

После получения шнуровой книги из управления Центра Кавказской линии в Штаб войск стали направляться периодические отчеты о «приходе, расходе и остатке малокабардинской общественной суммы, находящейся в распоряжении начальника Центра Кавказской линии» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 12]. Отчеты заверялись «центральным казначеем» сотником К. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 12]. Анализ отчетов позволяет сформировать представления о малокабардинской сумме на начальных этапах становления и развития системы общественного капитала на Центральном Кавказе в это время. Так, в отчете о «приходе, расходе и остатке малокабардинской общественной суммы за май-июнь 1849 г.» в числе доходных статей указывались только суммы, собранные с местных жителей за пересечение линии с целью продажи общественного леса (а именно: 916 руб. 25 коп. – по состоянию до получения шнуровой книги, и 331 руб. 25 коп. – после). Всего в анализируемом отчете по доходной статье было зафиксировано 1244 руб. 50 коп. Расходов показано не было [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 13 об. – 14]. В аналогичном отчете за август 1849 г. статьи прихода были теми же, общая сумма прихода составляла 1282 руб. 30 коп. Расходов не было [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 16 об. – 17]. Это еще раз подчеркивает, что на начальном этапе становления и развития народного капитала на Центральном Кавказе во второй четверти XIX в. основным источником формирования малокабардинской общественной суммы являлись сборы с местного населения за продажу леса. А шнуровая книга, в свою очередь, представляла собой важный документ, в котором

фиксировались все приходные и расходные операции с общественными средствами малокабардинского общества.

Далее можно охарактеризовать процедуру направления денежных средств по этой части. Так, пристав Малой Кабарды являлся основным сборщиком податей и периодически направлял и начальнику Центра Кавказской линии в сопровождении собственным рапортом. Начальник Центра Кавказской линии на входящем рапорте ставил отметку о получении денежных средств и ставил резолюцию (предписание) казначею сотнику К. о необходимости записать представленные деньги в приход в шнуровую книгу о малокабардинской общественной сумме [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 15 об.].

Схожая процедура применялась и в отношении денежных средств, собранных приставом Малой Кабарды с жителей подведомственной территории в виде штрафов за преступления. Например, в рапорте пристава Малой Кабарды начальнику Центра Кавказской линии от 23 октября 1849 г. сообщалось о том, что «с жителей Малой Кабарды в штраф за разные преступления деньги» было взыскано 200 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 19–19 об.]. Пристав испрашивал распоряжение начальника Центра Кавказской линии о том, как поступить с этими деньгами. Начальник Центра Кавказской линии предписал направить их в управление Центра Кавказской линии для приобщения к малокабардинской общественной сумме, а казначею, в свою очередь, принять их и отразить в качестве прихода в той шнуровой книге, в которой заносились сведения о приходе средств от сборов за право вывоза общественного леса за пределы линии для продажи. В связи с этим в отчете начальника Центра Кавказской линии о «приходе, расходе и остатке малокабардинской общественной суммы» за октябрь 1849 г. к обычной статье прихода (за вывоз из Кабарды за Линию леса для продажи) добавилась еще одна статья – «от взыскания с малокабардинцев в штраф за разные преступления» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 21 об.]. В октябре 1849 г. расходов также не было, а общий размер суммы был 1594 руб. 35 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 21 об.]. В целом, штрафы, взимаемые приставом Малой Кабарды с местного населения, служили важным источником пополнения малокабардинской общественной суммы, которая находилась под контролем вышестоящего начальства в регионе.

В ноябре 1849 г. ситуация не измелись, а общий размер суммы вырос до 1650 руб. 85 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 26]. В декабре 1849 г. к этим статьям дохода суммы добавилась еще одна – от продажи имущества жителей подведомственной малокабардинскому приставу территории, самовольно переселившихся (бежавших) за пределы Кавказской линии. Так, в рапорте пристава Малой Кабарды начальнику Центра Кавказской линии от 12 декабря 1849 г. сообщалось о том, что после побега жителя подведомственной ему территории И-Ва осталось 30 баранов, которые были проданы приставом Малой Кабарды на основании распоряжения начальника Центра Кавказской линии за 35 руб. 25 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 27]. В рапорте пристав испрашивал разрешение начальника Центра Кавказской линии о том, как распорядиться вырученными средствами. Начальник Центра Кавказской линии принял такое же решение, как и в случаях с пошлинами за вывоз

леса для продажи и сборами штрафов за преступления. Он уведомил пристава о необходимости пополнить ими малокабардинскую общественную сумму, а центральному казначею предписал записать на приход в шнуровую книгу малокабардинской общественной суммы [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 27 об.]. В отчете о «приходе, расходе и остатке Малокабардинской общественной суммы» за декабрь 1849 г. добавилась строка, которой до этого не было – «вырученные от продажи после побега… И-ва тридцати штук баранов» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 28 об.]. Расходов по-прежнему было. Общий размер суммы вырос до 1686 руб. 20 коп. [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 28 об.]. В отчете за декабрь 1849 г. была помещена резолюция начальника Центра Кавказской линии с предписанием казначею сотнику Крамаревскому о том, что «оставшуюся от прошлого 1849 г. к 1 числу января сего 1850 г. малокабардинская общественная сумма – 1686 руб. 20 коп. серебром препровождаю Вашему Благородию записать на приход в высланную книгу из Штаба войск Кавказской линии и Черномории на записку прихода и расхода этой суммы в 1850 году» [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 921. Л. 28 об.]. Т.е. основным распорядителем малокабардинской общественной суммы в то время было управление Центра Кавказской линии, движение денежных средств по ней (приход, расход) осуществлялось на основании распоряжений (предписаний) начальника Центра Кавказской линии. И к этому времени сложились и практиковались основные принципы управления общественным капиталом региона. Пристав Малой Кабарды отчитывался перед начальником Центра Кавказской линии, который, в свою очередь, давал указания центральному казначею о том, как использовать поступившие средства. Казначей вел учет всех поступлений и расходов в шнуровой книге. Получается, что к концу 1849 г. малокабардинская общественная сумма пополнялась из нескольких источников: пошлины за вывоз леса, штрафы за преступления и средства, вырученные от продажи имущества бежавших жителей.

Заключение

Таким образом, в 1848–1849 гг. основной доход малокабардинской общественной суммы составляли денежные сборы с населения Малой Кабарды за вывоз леса за пределы Кавказской линии для продажи, штрафы за преступления и средства от продажи имущества местных жителей, самовольно переселившихся из региона проживания на неподконтрольные российской власти территории. Собранные средства направлялись в распоряжение начальника Центра Кавказской линии. Расходная часть была представлена незначительными суммами на делопроизводство и почтовые отправления. Сведения обо всех средствах заносились казначеем управления Центра Кавказской линии в выданную для этих целей штабом войск на Кавказской линии и Черномории начальнику Центра специальную шнуровую книгу для фиксирования прихода и расхода малокабардинской общественной суммы. Казначей управления осуществлял финансовые операции на основании предписания начальника Центра Кавказской линии. Анализ периодических отчетов о приходе, расходе и остатке малокабардинской общественной суммы показывает, что в 1848–1849 гг. ее размер

постоянно увеличивался. Начальник Центра Кавказской линии, в свою очередь, отвечал за общее руководство сбором и распределением денежных средств с населения Малой Кабарды за вывоз леса и штрафов за преступления. Он контролировал деятельность пристава и казначея, следил за своевременностью поступления платежей и целевым использованием денежных средств. В конце 1840-х гг. малокабардинская общественная сумма представляла собой важный финансовый инструмент, закладывавший принципы и основы пополнения и управления народным капиталом. Ее функционирование отражало стремление властей к налаживанию эффективной системы управления и учета финансовых ресурсов на Кавказе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2007 – *Абазов А.Х.* К вопросу о деятельности Кабардинского временного суда // Архивы и общество. – 2007. – № 3. – С. 50-57.

Абазов 2015 – *Абазов А.Х.* Кабардинский временный суд в условиях интеграции Кабарды в состав Российской империи во второй четверти XIX в // Кавказский сборник. – М.: Русская панорама, 2015. – С. 150-170.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Абазов 2017 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в политико-правовом пространстве Российской империи: судебные преобразования конца XVIII – начала XX в. Дис. д-ра ист. н-к. – Нальчик, 2017. – 505 с.

Абазов 2023 – *Абазов А.Х.* Делопроизводственная практика Кабардинского временного суда: документальное измерение региональной интеграции народов Центрального Кавказа в 1822-1858 гг. // Новое прошлое. – 2023. – № 1. – С. 48-63.

Абазов, Нахушева 2020 – *Абазов А.Х., Нахушева И.Р.* Приставские управления на Северном Кавказе в последней трети XVIII – первой половине XIX века: эволюция деятельности // Научный диалог. – 2020. – № 8. – С. 287-300.

Административная практика 2012 – Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов. Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.

Алхасова 2022 – *Алхасова Д.М.* Делопроизводственная документация управления Центра Кавказской линии в 30-50-х гг. XIX в. // Электронный журнал "Кавказология". – 2022. – № 1. – С. 30-47.

Алхасова 2024 – *Алхасова Д.М.* Управление Центра Кавказской линии в административной системе и политической практике Российской империи в 30–50-е гг. XIX в. Дис. канд. Ист. н-к. – Ставрополь, 2024. – 224 с.

Бербекова 2023 – *Бербекова М.Х.* Общественный капитал в системе финансово-экономических отношений Нальчикского округа Терской области во второй половине XIX – начале XX в. Дисс. канд. ист. н-к. – Нальчик, 2023. – 206 с.

Марзей 2021 – *Марзей И.Р.* Система приставских управлений на Северном Кавказе в 1769–1864 гг. Дисс. канд. ист. н-к. – Нальчик, 2021. – 193 с.

Нахушева 2020 – *Нахушева И.Р.* Приставское управление в Кабарде в 1769-1858 гг.: динамика, полномочия, персоналии // Электронный журнал "Кавказология". – 2020. – № 3. – С. 60-78.

Нахушева 2021 – *Нахушева И.Р.* К вопросу о финансировании деятельности приставских управлений на Кавказе в начале 50-х гг. XIX в. // Шаг в науку – 2021: Сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Нальчик, 08–10 февраля 2021 года. – Нальчик: Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, 2021. – С. 190-193.

Нухрикян 2015b – *Нухрикян Е.С.* Нормативно-правовая основа общественного имущества Карачая и Балкарии в пореформенный период (1860-е гг. – начало XX в.) // Политика и общество. – 2015. – № 6 (126). – С. 709-716.

Нухрикян 2015a – *Нухрикян Е.С.* Эволюция правового регулирования землепользования в горских обществах Карачая и Балкарии (1860-е гг. – начало XX в.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 6-2 (56). – С. 128-134.

Прасолов 2019a – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 208 с.

Прасолов 2019b – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в практиках местного самоуправления кабардинцев и балкарцев во второй половине XIX – начале XX в. – Нальчик: Издательский отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 208 с.

Прасолов 2022 – *Прасолов Д.Н.* Съезды доверенных в политической культуре кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Принт-Центр, 2022. – 240 с.

Прасолов 2023 – *Прасолов Д.Н.* Праздники как ресурс власти в политической культуре центра Кавказской линии // Вестник КБИГИ. – 2023. – № 1 (56). – С. 30–37.

Терский календарь 1915 – Терский календарь на 1915 год. Вып. 24 / под ред. С.П. Гортинского. – Владикавказ: изд. Терского обл. стат. ком, 1915. – 221 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики (г. Нальчик).

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *K voprosu o deyatel'nosti Kabardinskogo vremennogo suda* [On the question of the activities of the Kabardian Provisional Court]. In: Arkhivy i obshchestvo. – 2007. – № 3. – P. 50-57. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Kabardinskii vremennyi sud v usloviyakh integratsii Kabardy v sostav Rossiiskoi imperii vo vtoroi chetverti XIX v* [The Kabardian Provisional Court in the context of Kabarda's Integration into the Russian Empire in the second Quarter of the 19th century]. In: Kavkazskii sbornik. – M.: Russkaya pano-rama, 2015. – P. 150-170. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire in the late XVIII – early XX century]. – Nal'chik: «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v politiko-pravovom prostranstve Rossiiskoi imperii: sudebnye preobrazovaniya kontsa XVIII – nachala XX v.* [The Peoples of the Central Caucasus in the Political and Legal Space of the Russian Empire: judicial Transformations of the Late 18th – early 20th Centuries]. Dis. d-ra ist. n-k. – Nal'chik, 2017. – 505 p. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Deloproizvodstvennaya praktika Kabardinskogo vremennogo suda: dokumental'noe izmerenie regional'noi integratsii narodov Tsentral'nogo Kavkaza v 1822-1858 gg.* [Clerical practice of the Kabardian Provisional Court: a documentary measurement of the regional integration of the peoples of the Central Caucasus in 1822-1858]. In: Novoe proshloe. – 2023. – № 1. – P. 48-63. (In Russ.).

ABAZOV A.KH., NAKHUSHEVA I.R. *Pristavskie upravleniya na Severnom Kavkaze v posled-nei treti XVIII – pervoi polovine XIX veka: evolyutsiya deyatel'nosti* [Bailiff offices in the North Caucasus in the last third of the XVIII – first half of the XIX century: the evolution of activity]. In: Nauchnyi dialog. – 2020. – № 8. – P. 287-300. (In Russ.).

Administrativnaya praktika Rossiiskoi imperii na Tsentral'nom Kavkaze s kontsa XVIII v. do 1870 g. (na materiale Osetii) [Administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus from the end of the XVIII century to 1870 (based on the material]: Sbornik dokumentov. Sost., vstup. st., komment. E.I. Kobakhidze. Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 399 p. (In Russ.).

ALKHASOVA D.M. *Deloproizvodstvennaya dokumentatsiya upravleniya Tsentra Kavkazskoi linii v 30-50-kh gg. XIX v.* [Office documentation of the Office of the Center of the Caucasian Line in the 30-50s of the XIX century]. In: Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya". – 2022. – № 1. – P. 30-47. (In Russ.).

ALKHASOVA D.M. *Upravlenie Tsentra Kavkazskoi linii v administrativnoi sisteme i politicheskoi praktike Rossiiskoi imperii v 30–50-e gg. XIX v.* [Management of the Center of the Caucasian Line in the administrative system and political practice of the Russian Empire in the 30-50s of the XIX century]. Dis. kand. Ist. n-k. – Stavropol', 2024. – 224 p. (In Russ.).

BERBEKOVA M.KH. *Obshchestvennyi kapital v sisteme finansovo-ekonomicheskikh otnoshe-nii Nal'chikskogo okruga Terskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Public capital in the system of financial and economic relations of the Nalchik district of the Tersk region in the second half of the XIX – early XX century]. Diss. kand. ist. n-k. – Nal'chik, 2023. – 206 p. (In Russ.).

MARZEI I.R. *Sistema pristavskikh upravlenii na Severnom Kavkaze v 1769–1864 gg.* [The system of bailiff offices in the North Caucasus in 1769-1864]. Diss. kand. ist. n-k. – Nal'chik, 2021. – 193 p. (In Russ.).

NAKHUSHEVA I.R. *Pristavskoe upravlenie v Kabarde v 1769-1858 gg.: dinamika, polno-mochiya, personalii* [Bailiff's office in Kabarda in 1769-1858: dynamics, powers, personalities]. In: Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya". – 2020. – № 3. – P. 60-78. (In Russ.).

NAKHUSHEVA I.R. *K voprosu o finansirovanii deyatel'nosti pristavskikh upravlenii na Kavkaze v nachale 50-kh gg. XIX v.* [On the issue of financing the activities of bailiff offices in the Caucasus in the early 1850s.]. In: Shag v nauku – 2021: Sbornik materialov Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Nal'chik, 08–10 fevralya 2021 goda. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii nauchnyi tsentr Rossiiskoi akademii nauk, 2021. – P. 190-193. (In Russ.).

NUKHRIKYAN E.S. *Normativno-pravovaya osnova obshchestvennogo imushchestva Kara-chaya i Balkarii v poreformennyi period (1860-e gg. – nachalo XX v.)* [The regulatory and legal basis of public property in Karachay and Balkaria during the reform period (1860s - early twentieth century)]. In: Politika i obshchestvo. – 2015. – № 6 (126). – P. 709-716. (In Russ.).

NUKHRIKYAN E.S. *Evolyutsiya pravovogo regulirovaniya zemlepol'zovaniya v gorskikh obshche-stvakh Karachaya i Balkarii (1860-e gg. – nachalo XX v.)* [The evolution of legal regulation of land use in the mountain societies of Karachay and Balkaria (1860s - early twentieth century)]. In: Istoricheskie, filosofskie, politi-cheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i is-kusstvovedenie. Voprosy teorii i prak-tiki. – 2015. – № 6-2 (56). – P. 128-134. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Congresses of Kabardians and Balkarians trusted in the practices of local self–government in the second half of the XIX - early XX century]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2019. – 208 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v praktikakh mestnogo samoupravleniya kabardintsev i balkartsev vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [Congresses of Kabardians and Balkarians trusted in the practices of local self–government in the second half of the 19th - early 20th centuries]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel IGI KBNTs RAN, 2019. – 208 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *S"ezdy doverennykh v politicheskoi kul'ture kabardintsev i balkartsev* [Congresses of Kabardians and Balkarians trusted in political culture]. – Nal'chik: Print-Tsentr, 2022. – 240 p. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Prazdniki kak resurs vlasti v politicheskoi kul'ture tsentra Kavkazskoi linii* [Holidays as a resource of power in the political culture of the center of the Caucasian Line]. In: Vestnik KBIGI. – 2023. – № 1 (56). – P. 30–37. (In Russ.).

Terskii kalendar' na 1915 god [The Terek calendar for 1915]. Vyp. 24 / pod red. S.P. Gortinskogo. – Vladikavkaz: izd. Terskogo obl. stat. kom, 1915. – 221 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki (g. Nal'chik) [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic (Nalchik).]. (In Russ.).

Информация об авторе
А.Р. Беппаев – аспирант Научно-образовательного центра.
Information about the author
A.R. Beppaev – postgraduate student at the Scientific and Educational Center.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.
The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 94
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-27-38
EDN: ADWGFJ

РОЛЬ ИНСПЕКТОРОВ В ФОРМИРОВАНИИ СИСТЕМЫ НАЧАЛЬНЫХ УЧИЛИЩ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Лаура Адамовна Урусмамбетова
Центр непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников Минпросвещения КБР, Нальчик, Россия, layra_ya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5891-0571

Аннотация. Статья посвящена исследованию роли инспекторов в становлении и развитии начальных училищ в Терской области во второй половине XIX в. Деятельность инспекторов рассматривается в контексте становления системы управления начальными училищами, потому что за инспекторами закреплялись функции связующего звена между центральной властью и обществом. Основное внимание уделяется их влиянию на организацию учебного процесса и внедрение новых образовательных программ. Анализируется взаимодействие инспекторов с местными властями, образовательными учреждениями и обществом. Выявляются причины их конфликтов, рассматриваются направления их конструктивного взаимодействия и вклад в сохранения этнокультурного наследия. Новизна статьи заключается в исследовании влияния инспекторов на развитие этнокультурного образования и сохранения этнической истории. Такой подход позволяет оценить их роль в формировании этнокультурной образовательной политики в многонациональных регионах России. При исследовании данного направления их деятельности использован архивный материал, в том числе ранее не опубликованный. Для осуществления исследования использованы ряд научных методов, в числе которых историко-аналитический, сравнительный, контекстуальный, интерпретативный, применение которых позволило всесторонне изучить деятельность инспекторов и определить их вклад в развитие начальных училищ в России.

Ключевые слова: инспекторы, начальные училища, образовательная система, реформы, этнокультурное образование, управление, контроль.

Для цитирования: Урусмамбетова Л.А. Роль инспекторов в формировании системы начальных училищ в Терской области во второй половине XIX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 27-38. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-27-38. EDN: ADWGFJ.

© Урусмамбетова Л.А., 2025

Original article

THE ROLE OF INSPECTORS IN THE FORMATION OF THE PRIMARY SCHOOL SYSTEM IN THE TERSK REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Laura A. Urusmambetova
Center for Continuous Improvement of Professional Skills of Teaching Staff of the Ministry of Education of the Kabardino-Balkarian Republic, Nalchik, Russia, layra_ya@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-5891-0571

Abstract. The article studies the role of inspectors in shaping and developing primary schools in the Tersk region during the second half of the 19th century. Inspectors' activities are discussed in the context of the development of the primary school administration system, since inspectors were assigned the role of a liaison between the central government and society. Their influence on organizing the educational process and implementing new educational programs receives primary attention. The interaction of inspectors with local authorities, educational institutions, and society is analyzed. The causes of their conflicts are identified, the directions of their constructive interaction and contribution to the preservation of ethnocultural heritage are considered. The novelty of the article lies in the study of the influence of inspectors on the development of ethnocultural education and the preservation of ethnic history. This approach allows us to assess their contribution to the formation of ethnocultural educational policy in multinational regions of Russia. In the study of this area of their activities, archival material was used, including previously unpublished. Carrying out the research involved the use of several scientific methods—historical-analytical, comparative, contextual, and interpretive—which enabled a comprehensive study of inspectors' activities and their contribution to the development of primary schools in Russia.

Keywords: inspectors, primary schools, educational system, reforms, ethnocultural education, management, control.

For citation: Urusmambetova L.A. The role of inspectors in the formation of the primary school system in the Tersk region in the second half of the 19th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 27-38. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-27-38. EDN: ADWGFJ.

© Urusmambetova L.A., 2025

Введение

Вторая половина XIX в. в Российской империи является временем становления системы образования и вовлечения ее обширных территорий в единое образовательно пространство. В этом процессе важную роль выполняли инспектора народных училищ, которые являлись связующим звеном между государством и обществом, а также были проводниками политических изменений государственной образовательной стратегии обучения.

Должностной функционал инспекторов народных училищ был объемным, изучение набора их функций позволяют глубже понять механизмы, которые лежали в основе становления системы национального образования. В процессе изучения комплекса направлений их деятельности выявляются новые аспекты образовательной политики исследуемого периода. Изучение прошлого опыта, который применялся к системе образования Российской империи во второй половине XIX в. важно в силу актуальности аналогичных вызовов в современности. В первую очередь, это необходимость учета этнокультурного потенциала в системе образования и важность интеграции различных культурных и языковых групп в образовательный процесс. Современные проблемы образования, связанные с необходимостью учета поликультурности российского общества, предъявляют к системе образования требования по обеспечению равных возможностей для всех учащихся, а также сохранению и развитию этнической идентичности. Исторический опыт, связанный с деятельностью инспекторов начальных училищ в Терской области во второй половине XIX в., может служить ценным ориентиром для разработки современных подходов к этнокуль-

турному образованию. Помимо этого, обращение к прошлым методам регулирования и контроля качества образования позволяет лучше понять, как административные механизмы могут эффективно работать в условиях поликультурной и поликонфессиональной среды.

Целью исследования является изучение роли инспекторов в формировании системы начальных училищ в Терской области во второй половине XIX в. Формулировка цели исследования позволяет выделить задачи статьи:

1. Изучить взаимодействие инспекторов с местными властями и обществом.
2. Описать комплекс контролирующих функций инспекторов в системе начальных училищ.
3. Изучить роль инспекторов в становлении этнокультурного образования в начальных училищах XIX в.

Материалы и методы

При написании статьи использован ряд научных методов, в числе которых историко-аналитический, сравнительный, контекстуальный, интерпретативный, применение которых позволило исследовать тему комплексно.

В качестве материалов исследования использованы архивные документы, содержащие фактические данные о деятельности инспекторов народных училищ в Терской области во второй половине XIX в. В них предоставлена информация об их взаимодействии с местными властями и обществом. Для написания статьи использованы материалы периодической печати, законодательные акты, нормативные документы, а также научные исследования и монографии.

Историографию по теме исследования можно разделить на три группы: дореволюционную, советскую и современную. В дореволюционной историографии, представленной в данной статье авторами Б.Л. Модзалевским, Е.А. Звягинцевым, изучение деятельности инспекторов, ограничивалось официальной историей, отражающей интересы государственной власти. Акцент делался на исследовании государственных реформ и административных аспектов системы образования.

В советской историографии, в которой господствовала марксистко-ленинская концепция, изучение деятельности института инспекторов не вызывала активного научного интереса. Проблемы административного контроля и надзора воспринимались как следствие дореволюционной системы с её недостатками и ограничениями, что делало эти вопросы менее актуальными для изучения в рамках советской исторической науки. В научных работах советского периода можно найти обрывочные сведения о деятельности инспекторов в связи с другими, более масштабными социальными проблемами. Это прослеживается в работах М.О. Косвена, Т.Х. Кумыкова.

В современной историографии роль инспекторов исследуется комплексно. Важное внимание уделяется изучению специфических особенностей работы инспекторов в различных регионах Российской империи. В современных исследованиях изучается роль инспекторов, связанных с формированием педагогических стандартов, борьбой с неграмотностью и внедрением новаторских

подходов в обучении. Это характерно для работ Н.К. Гуркиной, Л.М. Демешек, И.Н. Мамкиной, И.Т. Шатохиной, С.Б. Шатохина, С.Д. Галиуллиной, Д.И. Герасимова, А.Б. Созаева, Е.А. Сафиной, Н.П. Мудровой, С. Х-Г. Оруджевой и др.

Анализ историографии по теме исследования показывает, что, несмотря на наличие большого количества научных работ по теме исследования, отсутствуют труды, в которых системно изучается роль инспекторов в формировании системы начальных училищ в России во второй половине XIX в. При этом отсутствуют работы, посвященные деятельности инспекторов в Терской области, что подтверждает актуальность статьи.

Результаты

Система начального образования в Российской империи во второй половине XIX в. динамично вовлекалось в русло единой образовательной политики. Параллельно складывалась система управления народными училищами. В 60-80-е гг. XIX в. проводилось активное обсуждение реформы управления образованием, при этом рассматривались несколько предложений по их реализации. Основные концепции реформирования исходили от А.В. Головина и М.А. Корфа. Они предлагали разные варианты. В первом случае управление должно было быть сконцентрировано в руках Министерства народного просвещения, во втором – в земствах. После длительных обсуждений был избран средний путь [Гуркина 2017: 18]. Управлением народных училищ занимались училищные советы на местном уровне. В него входили представители земств и ведомств. С течением времени функции советов ограничивались утверждением незначительных вопросов, связанных с материальным обеспечением [Зубков 2010: 27]. Весомые полномочия по управлению содержательной части и хода учебного процесса оставляло за собой Министерство народного просвещения.

В середине XIX в. на Кавказе начали создаваться образовательные учреждения, направленные на интеграцию местного населения в единое образовательное пространство. Одним из таких учреждений стала Нальчикская горская школа, открытая в 1859 г. Для обеспечения качества образования и надзора за учебным процессом в школе была введена должность инспектора. Финансирование его деятельности осуществлялось за счёт Кабардинской общественной суммы. Подобные локальные инициативы в сфере образовательного надзора предвосхитили общегосударственные реформы. Для оптимизации системы коммуникации управлением образования по всей территории империи «29 мая 1869 г. были введены должности инспекторов народных училищ» [Гуркина 2017: 2]. Несколькими годами позже, в 1874 г. учреждались должности директоров народных училищ. Количество инспекторов народных училищ увеличивалось по мере расширения сети школьного образования.

Должности инспекторов народных училищ были созданы в связи с политической необходимостью. Государственным советом был утвержден документ «О некоторых мерах к развитию начального народного образования» и введены должности инспекторов в губерниях Юго-Западного края. Решение об этом было принято после подавления Польского восстания 1863-1864 гг. Штат инспек-

торов вводился в «Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской и Могилевской губерниях» [ПСЗРИ 1866: № 39411, 40154].

В Российской империи происходил поиск концепции реформирования. Спорным моментом дискуссий являлись вопросы соотношения регионального и общегосударственного компонентов в управлении системой образования. В связи с этим, Кавказский учебный округ был сначала упразднен, а затем восстановлен. После восстановления Кавказского учебного округа 9 декабря 1867 г., должность главного инспектора была сразу легитимизована. На эту должность пригласили Я.М. Неверова, который приступил к инспекции народных училищ и проверке учебного округа [Модзалевский 1880: 42]. Прогрессивность идей Я.М. Неверова заключалась в том, что он активно содействовал работе по разработке алфавитов кавказских народов и поддерживал идею о том, что успех вовлечения горцев в систему образования во многом будет зависеть от учителей, которые «обязательно должны владеть местными наречиями» [Неверов 1869: 126-130].

Инспектора должны были совершать надзор над училищами, так, чтобы «на каждого приходилось не более 50 училищ» [Зубков 2010: 252]. В этот период быстрыми темпами происходило их открытие. Поэтому штат инспекторов увеличивался, если в 70-е гг. XIX в. их было 34, то в 1900 г. было уже 350 инспекторов [Гуркина 2014: 19]. В функции инспекторов входило содействие училищным советам и распространение начального образования. С введением должностей инспекторов Министерство народного просвещения связывало распространение именно министерских или «образцовых школ». Первоначальные функции инспекторов, которые были расписаны в нормативных документах, были достаточно расплывчатыми, это требовало дальнейшего уточнения. Так, 29 октября 1871 г. была составлена инструкция, утвержденная Министром народного просвещения − Д.А. Толстым. Согласно новому документу, инспектора должны были «управлять всеми городскими и сельскими начальными учебными заведениями», содержание которых осуществлялось за счет казны [Зубков 2010: 253].

Круг функций инспекторов дополнялся тем, что они должны были осуществлять надзор за школами, которые «полностью или частично финансировались земствами, городами, частными лицами» и др. На этом функционал инспекторов не завершался. В 1874 г., в новом Положении о начальных народных училищах, значилось, что инспектора должны были содействовать открытию народных училищ не только за счет казны, но и вовлекать в финансирование сельские общества, частные лица и др. [Галлиулина и др. 2013: 111]. Помимо этого, они должны были контролировать исполнение обязательств учредителей по содержанию училищ, подбирать преподавателей, допускать к работе учителей, отстранять их, помогать им с методической помощью. В целом, инспектора выполняли связующие функции между «государством, обществом и учителями» [Мамкина 2020: 42].

Помимо обозначенных функций, инспектора участвовали в заседаниях училищных советов, вели переписку с администрацией, совершали ревизии школ. Ревизии училищ, в качестве реализации контролирующей функции ин-

спекторов на местах, должны были совершаться «по одному разу в течение двух лет» [Дамешек, Мамкина 2016: 46]. Широта полномочий инспекторов предъявляла к ним повышенные требования в плане образования, их должны были избирать «из лиц, известных педагогическим опытом». Однако не всегда это было возможным, и зачастую на должности брали «народ самый разнокалиберный» [Звягинцев 1914: 34]. При этом, хотя, требования к должности и функционалу инспекторов были повышенные, заработная плата им устанавливалась в размере 2000 руб. в год [ПСЗРИ 1876: № 53574]. Инспектора могли делать карьеру, но при этом самым высоким чином по должности являлся «V классный чин – статский советник» [Шатохин, Шатохина 2022: 164].

Деятельность инспекторов по контролю системы начальных училищ нередко встречала сопротивление со стороны органов местного управления. В качестве спорных вопросов были кандидатуры учителей, а также вопросы о школьных учебниках. Инспектора внимательно следили за тем, чтобы в учебный процесс народных училищ внедрялись только те учебники, которые были утверждены Ученым комитетом Министерства народного просвещения. Строгость в вопросах использования методической литературы зачастую игнорировалась со стороны земств и сельских обществ [Зубко 2010: 260].

В отчете инспектора народных училищ Терской области Ивана Афанасьева, опубликованного 6 августа 1882 г., рассмотрены ряд ключевых вопросов, которые дают наглядную информацию о деятельности инспекторов как весомого звена управления системой образования в Терской области Кавказского учебного округа [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об].

Отчет инспектора начинается с указания на необходимость ознакомления с распоряжением «Господина Попечителя Кавказского Учебного Округа от 6 июня 1882 г. № 2893», который посвящен вопросам развития учебной и хозяйственной части округа» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об.]. Контрольная функция инспектора проявляется в настоятельных рекомендациях педагогическому составу народных училищ основательнее ознакомиться и «принять самые заботливые меры к точному исполнению указаний, которые Его Превосходительство изволило сделать в обозначенном распоряжении» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об.]. Для донесения важности следования распоряжениям властей инспектор рекомендовал смотрителям, учителям народных училищ «возможно основательнее знакомиться с содержанием несомненно полезных педагогических и иных книг библиотеки вверенных им училищ, внимательнее и живее относиться к содержанию Циркуляров по Управлению Кавказским Учебным Округом, где таковые получаются и к статьям, выписываемых для всех училищ педагогических журналов» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об.].

Важным направлением деятельности инспекторов являлась активизация методической работы в училищах. Становление единой методической основы в процессе обучения является весомым фактором приведения к единообразию в системе обучения. Следовательно, работа инспектора способствовала ускоренному развитию данного процесса. Так, инспектор И. Афанасьев рекомендовал учителям читать всю литературу из школьных библиотек, после чего нужно

«излагать мысли и отзывы, подкрепляя их надлежащими фактами преимущественно из учительской практики» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об]. Чтобы стимулировать учителей к самообразованию, инспектор подчеркивал, что «такие работы могут доставляться мне, они будут приняты с благодарностью, а авторы… будут всегда считаться первыми кандидатами на замещение вакансий в лучших школах Терской области, а их труд… может быть напечатан в каком-либо периодическом органе печати» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об.].

Рекомендации по организации деятельности народных училищ затрагивали вопросы развития обучающихся, которым «рекомендовалось давать соответствующие их степени развития полезные книги для чтения из ученических библиотек» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об]. Учителям рекомендовалось «собственным примером внушать любовь и уважение к труду, поощрять к работе, показывая им возможность пользоваться приобретенными сведениями с наибольшею для своего быта пользою» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об]. Любопытным являлась рекомендация инспектора по воспитательной части. И. Афанасьев советовал учителям «отказаться от наказаний, …от исключения учеников из школы, памятуя, что причины неуспехов и шалостей учащихся почти всегда коренятся в домашней жизни их, а также в отношениях к ним и своему делу самого учителя» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об.].

Контролю подвергался содержательный процесс обучения [Созаев 2009: 67]. Ревизии училищ зачастую выявляли уровень методического обеспечения школ. Инспектор И. Афанасьев отмечал, что начальные школы Терской области «не отличаются достатком наглядных пособий, особенно при обучении учеников по книгам» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об]. При этом в отчете отмечалось отсутствие денежных средств на их приобретение. Чтобы упразднить данные дефициты инспектор рекомендовал учителям применять меры «к составлению коллекций из разных полезных в элементарном обучении предметов. Материалом для таких коллекций могут быть земли, минералы, зерновые хлеба, сделанные ученикам модели домашних орудий, сбруи и проч.; чучела: птиц, зверей, рыб и пр. С этой целью полезно устраивать с учениками небольшие прогулки» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об].

Важным направлением деятельности инспекторов являлся контроль организации учебного процесса и дисциплины педагогов. Учителям рекомендовали «вести занятия в порученных им школах возможно регулярнее, начинать таковые раньше… как в одноклассных, так и в двухклассных училищах» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об]. В содержании отчета приводились рекомендации заканчивать учебный год 15 июня, а «в течение всего учебного семестра без разрешения инспектора, не отлучаться из мест своей службы, хотя бы даже на один день и в такое время самовольно не сдавать кому-либо училищного имущества под опасения подвергнуться за это законной ответственности. Следует доносить мне каждый раз, когда отпуск, о месте нахождения в таковом и о времени возвращения своем к месту службы» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об.].

В отчётах инспекторов народных училищ Терской области публиковались статистические данные о численности и квалификации педагогического состава. Так, в одном из выпусков газеты «Терские ведомости» приводятся данные о том, что «на 1 января 1882 г. на лицо состояло 130 учащих, в том числе 94 учителя и 36 учительниц» [Терские ведомости 1883: № 35: 3]. Инспектор, проанализировав соответствие учителей их квалификации отметил в отчете, что необходимую подготовку имели лишь 70 % от их общего количества учителей Терской области. Это свидетельствовало о существенном дефиците квалифицированных педагогических кадров.

Инспектора регулировали методическое, наглядное сопровождение учебного процесса, а также деятельность библиотек. Инспектор И. Афанасьев ориентировал «вести училищное и библиотечное имущество в надлежащем порядке с тем, чтобы в школах книги и пособия были записаны в каталог прошнурованный» и утвержденный «местным правлением» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об].

Отдельным направлением их деятельности являлось наблюдение за дисциплиной и опрятностью учеников. Инспектор Терской области рекомендовал «неуклонно следить за поддержкой опрятности учащихся и их вещей, в классах, библиотечных шкафах, школьных двора, потому что в том отношении некоторые из училищ и учащих (учителей) заслуживают несовместимое с их званием порицание» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об.].

Надзорные функции инспектора проявлялись в наблюдении за общественным согласием, настаивая на том, что нужно «воздерживаться от писания кому-либо из местных обывателей разного рода вздорных просьб и газетных статей кляузного характера» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об]. В качестве аргумента инспектор И. Афанасьев использовал тезис о том «что свои силы и дорогое время можно расходовать гораздо целесообразнее и что добрые отношения с членами общества, где приходится работать учащим – лучший залог преуспевания школы и скромного труда учителя» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об.].

Важным являлся вклад инспекторов в улучшение ресурсного оснащения народных училищ. В качестве примера можно привести случай с приездом инспектора в с. Кашхатау Нальчикского округа Терской области в августе 1915 г. для выяснения степени повреждения школьного здания от землетрясения [УЦГА АС КБР. Ф. 6. Оп. 1. Д. 858. Л. 22]. В результате вовремя принятых мер со стороны инспектора, школу отремонтировали, усилили ее ресурсное и методическое сопровождение.

Инспектора народных училищ имели широкий спектр полномочий. Они же внесли весомый вклад в развитие этнокультурного образования. Ярким примером может служить деятельность инспектора Пятигорского округа «известного кавказоведа Л.Г. Лопатинского» [Кумыков 1996: 160]. В конце XIX в. был опубликован текст «Нартского эпоса», примечания к которому были составлены Л.Г. Лопатинским. Кроме этого, Лев Григорьевич долгие годы был главным редактором «Сборника материалов для описания местностей и племен Кавказа» [Мудрова 2022: 107]. Данный сборник издавали практически 50 лет. В нем эт-

нокультурный материал Кавказских народов публиковался с переводом на русский язык, это способствовало сохранению «фольклорных образцов народов Кавказа» [Оруджева 2013: 118]. Посредством сбора и публикации фольклорного материала происходило сохранение исторической памяти народов Кавказа, «передававших из рода в род в песнях историю, законы, мысли и чувствования» [Косвен 1955: 330-331].

Призыв к активизации работы по написанию сборника фольклорных материалов присутствовал в уже упомянутом отчете инспектора И. Афанасьева. В нем отмечалось, что «ранее была разослана программа собирания сведений для описания местностей и племен Кавказа для всех учащих (учителей) в начальных школах с просьбою принести посильную работу по разработке вопросов, намеченных в той программе» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об.], что еще раз подтверждает вклад инспекторов в развитие этнокультурного образования.

Инспектора не только контролировали, но и направляли деятельность учителей, обозначая круг актуальных вопросов, в том числе связанных с изучением местного быта и обычаев. В своем отчете И. Афанасьев отмечал, что «между тем, означенное предложение далеко не достигло своей цели… Вследствие этого я снова убедительно прошу гг. смотрителей, учителей и учительниц вышеупомянутых училищ отнестись к тому предложению внимательнее и быть в том отношении возможно полезнее» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 26. Л. 77 об.]. В результате большой работы инспекторов в сотрудничестве с местным населением под руководством Л.Г. Лопатинского был сохранен «большой пласт фольклорного материала о народах Кавказа».

Заключение

В ходе исследования выявлено, что инспектора выполняли множество функций, в том числе контролировали качество преподавания, проверяли соответствие учебных заведений государственным стандартам, а также следили за исполнением правительственных указов в области образования. При их содействии происходило распространение педагогических идей, инноваций и распространялись идеи просвещения. Однако в ряде случаев влияние инспекторов было ограничено социально-политической ситуацией, отсутствием конструктивного диалога с местными властями. Это являлось проявлением недостатков, связанных с отсутствием четко разграниченных функций, между центральной и региональной властями. Несмотря на это, постепенно выстраивались конструктивные коммуникации инспекторов с обществом, которые выполняли роли посредников между государством и обществом.

Важной частью работы инспекторов являлось создание и адаптация учебных материалов, учитывающих специфику горского населения Кавказа и поликультурность региона. С этой целью они устанавливали контакты со старожилами, народными певцами, после чего собранные материалы переводились на русский язык. Это позволило сохранить уникальный фольклорный и исторический этнокультурный материал.

В целом, исследование выявило важность роли инспекторов в формировании и развитии народных училищ. Они выступали не только с контрольно-

надзорными функциями, но и были катализаторами образовательных изменений. Весомым являлся их вклад в развитие этнокультурного образования, сбор и сохранение материалов по местной истории. Эти материалы не потеряли свою актуальность и в современное время. Данные факты позволяют выделить значимость роли инспекторов в истории отечественного образования и оценить их деятельность как заслуживающей глубокого изучения. Таким образом, изучение их работы не только обогатит понимание прошлого опыта, но и поможет осмыслить уроки, которые могут быть полезны для совершенствования современной образовательной политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Галлиулина и др. 2013 − *Галиуллина С.Д., Герасимова Д.И., Сафина Е.А.* Попечительство в области просвещения нерусских народов в Оренбургском учебном округе (1874-1917 гг.) // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. − 2013. − № 4 (6). − С. 109-114. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/popechitelstvo-v-oblasti-prosvescheniya-nerusskih-narodov-v-orenburgskom-uchebnom-okruge-1874-1917-gg (дата обращения: 06.12.2024).

Гуркина 2017 − *Гуркина Н.К.* Материалы фондов директоров и инспекторов народных училищ как исторический источник // Научный вестник Крыма. − 2017. − № 5 (10). − С. 1-7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/materialy-fondov-direktorov-i-inspektorov-narodnyh-uchilisch-kak-istoricheskiy-istochnik (дата обращения: 06.12.2024).

Гуркина 2014 − *Гуркина Н.К.* Провинциальный учитель в дореволюционной России. − СПб.: Полторак, 2014. − 247 с.

Дамешек, Мамкина 2016 − *Дамешек Л.М., Мамкина И.Н.* Государственная политика в области управления народным просвещением в Восточной Сибири в XIX – начале XX века // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. − 2016. − № 4. − С. 42-50. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-upravleniya-narodnym-prosvescheniem-v-vostochnoy-sibiri-v-xix-nachale-hh-veka (дата обращения: 06.12.2024).

Звягинцев 1914 − *Звягинцев Е.А.* Инспекция народных училищ. − М.: Задруга, 1914. − 132 с.

Зубков 2010 − *Зубков И.В.* Российское учительство: повседневная жизнь преподавателей земских школ, гимназий и реальных училищ. 1870-1916. − М.: Новый хронограф, 2010. − 511 с.

Косвен 1955 − *Косвен М.О.* Материалы по истории и этнографии Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. − М.: Изд-во АН СССР, 1955. − Т. I. − С. 330-331.

Кумыков 1996 − *Кумыков Т.Х.* Культура, общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 328 с.

Мамкина 2020 − *Мамкина И.Н.* Инспекторский корпус Забайкальской дирекции народных училищ: социокультурный портрет // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. – 2020. – С. 42-50. №. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inspektorskiy-korpus-zabaykalskoy-direktsii-narodnyh-uchilisch-sotsiokulturnyy-portret (дата обращения: 06.12.2024).

Модзалевский 1880 − *Модзалевский Б.Л.* Ход учебного дела в Кавказском крае с 1802 по 1880 год. Памятная книжка Кавказского учебного округа на 1880 год. − Тифлис: тип. А.А. Михельсона, 1880. − Отд. I. − 96 с.

Мудрова 2022 − *Мудрова Н.П.* К вопросу об историографическом опыте изучения истории северокавказских народов в XVIII-XIX вв. // Современная научная мысль. − 2022. − № 1. − С. 105-110. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istoriograficheskom-opyte-izucheniya-istorii-severokavkazskih-narodov-v-xviii-xix-vv (дата обращения: 06.12.2024).

Неверов 1869 − *Неверов Я.М.* К вопросу об образовании инородцев // Журнал министерства народного просвещения. − 1869. − № 146. − С. 123-134.

Оруджева 2013 − *Оруджева С. Х-Г.* СМОМПК – сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа и его вклад в сохранение азербайджанского фольклора // Вестник ТГПУ. − 2013. − № 7 (135). − С. 114-120. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smompk-sbornik-materialov-dlya-opisaniya-mestnostey-i-plemen-kavkaza-i-ego-vklad-v-sohranenie-azerbaydzhanskogo-folklora (дата обращения: 06.12.2024).

ПСЗРИ 1866 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1866. Т. 38.

ПСЗРИ 1876 – Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1876. Т. 49.

Созаев 2009 − Созаев А.Б. Народное образование в Терской области в 60-х гг. XIX в. – 1917 г.: дисс. к.и.н. − Владикавказ, 2009. − 200 с.

Терские ведомости 1882 – О состоянии народных училищ в Терской области // Терские ведомости. 1882. № 35. 6 с.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Шатохин, Шатохина 2022 − *Шатохин И.Т., Шатохина С.Б.* Директора и инспекторы народных училищ в российской провинции во второй половине XIX – начале XX века // Известия Воронежского государственного педагогического университета. − 2022. − № 4. − С. 163-69.

REFERENCES

GALIULLINA S.D., GERASIMOVA D.I., SAFINA E.A. *Popechitel'stvo v oblasti prosveshcheniya nerusskikh narodov v Orenburgskom uchebnom okruge (1874-1917 gg.)* [Guardianship in the field of education of non-Russian peoples in the Orenburg Educational District (1874-1917)]. In: Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, ekonomika. Seriya: Ekonomika. − 2013. − № 4 (6). − P. 109-114. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/popechitelstvo-v-oblasti-prosvescheniya-nerusskih-narodov-v-orenburgskom-uchebnom-okruge-1874-1917-gg (data obrashcheniya: 06.12.2024). (In Russ.).

GURKINA N. K. *Materialy fondov direktorov i inspektorov narodnyh uchilishh kak istoricheskij istochnik* [Materials of funds of directors and inspectors of public schools as a historical source]. In: Nauchnyj vestnik Kryma. − 2017. − № 5 (10). − P. 1-7. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/materialy-fondov-direktorov-i-inspektorov-narodnyh-uchilisch-kak-istoricheskiy-istochnik (data obrashhenija: 06.12.2024). (In Russ.).

GURKINA N.K. *Provintsial'nyi uchitel' v dorevolyutsionnoi Rossii.* [Provincial teacher in pre-revolutionary Russia]. − SPb.: Poltorak, 2014. − 247 p. (In Russ.).

DAMESHEK L. M., MAMKINA I. N. *Gosudarstvennaja politika v oblasti upravlenija narodnym prosveshheniem v Vostochnoj Sibiri v XIX - nachale HH veka* [State policy in the field of public education management in Eastern Siberia in the 19th – early 20th century]. In: Gumanitarnyj vektor. Serija: Istorija, politologija. − 2016. − № 4. − P. 42-50. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvennaya-politika-v-oblasti-upravleniya-narodnym-prosvescheniem-v-vostochnoy-sibiri-v-xix-nachale-hh-veka (data obrashhenija: 06.12.2024). (In Russ.).

ZVYAGINTSEV E.A. *Inspektsiya narodnykh uchilishch.* [Inspection of public schools]. − M.: Zadruga, 1914. − 132 p. (In Russ.).

ZUBKOV I.V. *Rossiiskoe uchitel'stvo: povsednevnaya zhizn' prepodavatelei zemskikh shkol, gimnazii i real'nykh uchilishch. 1870-1916.* [Russian teaching: the daily life of teachers of zemstvo schools, gymnasiums and real schools. 1870-1916.]. − M.: Novyi khronograf, 2010. − 511 p. (In Russ.).

KOSVEN M.O. *Materialy po istorii i etnografii Kavkaza v russkoi nauke* [Materials on the history and ethnography of the Caucasus in Russian science]. In: Kavkazskii et-nograficheskii sbornik. − M.: Izd-vo AN SSSR, 1955. − T. I. − P. 330-331. (In Russ.).

KUMYKOV T. H. *Kul'tura, obshhestvenno-politicheskaja mysl' i prosveshhenie Kabardy vo vtoroj polovine XIX - nachale XX veka.* [Culture, socio-political thought and enlightenment of Kabarda in the second half of the 19th – early 20th century]. − Nal'chik: Jel'brus. 1996. − 328 p. (In Russ.).

MAMKINA I. N. *Inspektorskij korpus Zabajkal'skoj direkcii narodnyh uchilishh: sociokul'turnyj portret* [The inspection corps of the Trans-Baikal Directorate of Public Schools: a socio-cultural portal]. In: Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istorija. − 2020. − P.

42-50. №. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/inspektorskiy-korpus-zabaykalskoy-direktsii-narodnyh-uchilisch-sotsiokulturnyy-portret (data obrashhenija: 06.12.2024). (In Russ.).

MODZALEVSKII B.L. *Khod uchebnogo dela v Kavkazskom krae s 1802 po 1880 god. Pamyatnaya knizhka Kavkazskogo uchebnogo okruga na 1880 god.* [The course of education in the Caucasus region from 1802 to 1880. Commemorative book of the Caucasian Educational District for 1880]. − Tiflis: tip. A.A. Mikhel'sona, 1880. − Otd. I. − 96 p. (In Russ.).

MUDROVA N. P. *K voprosu ob istoriograficheskom opyte izuchenija istorii severokavkazskih narodov v XVIII-XIX vv.* [On the historiographical experience of studying the history of the North Caucasian peoples in the XVIII-XIX centuries.]. In: Sovremennaja nauchnaja mysl'. − 2022. − № 1. − P. 105-110. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-istoriograficheskom-opyte-izucheniya-istorii-severokavkazskih-narodov-v-xviii-xix-vv (data obrashhenija: 06.12.2024). (In Russ.).

NEVEROV JA.M. *K voprosu ob obrazovanii inorodcev.* [On the issue of education of foreigners]. In: Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshhenija. − 1869. − № 146. − P. 123-134. (In Russ.).

ORUDZHEVA S. H-G. *SMOMPK – sbornik materialov dlja opisanija mestnostej i plemen Kavkaza i ego vklad v sohranenie azerbajdzhanskogo fol'klora* [SMMPK is a collection of materials describing the localities and tribes of the Caucasus and its contribution to the preservation of Azerbaijani folklore]. In: Vestnik TGPU. − 2013. − № 7 (135). − P. 114-120. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/smompk-sbornik-materialov-dlya-opisaniya-mestnostey-i-plemen-kavkaza-i-ego-vklad-v-sohranenie-azerbaydzhanskogo-folklora (data obrashhenija: 06.12.2024). (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. 2-e. − SPb., 1866. − T. 38. − № 39411, 40154. (In Russ.).

Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii (PSZRI). [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Sobr. 2-e. − SPb., 1876. − T. 49. № 53574. (In Russ.).

SOZAEV A. B. *Narodnoe obrazovanie v Terskoj oblasti v 60-h gg. XIX v. - 1917 g.: diss. k.i.n.* [Public education in the Tersk region in the 60s of the XIX century – 1917: dissertation of the Candidate of Historical Sciences.]. − Vladikavkaz. 2009. − 200 p. (In Russ.).

O sostoyanii narodnykh uchilishch v Terskoi oblasti [About the state of public schools in the Tersk region]. In: Terskie vedomosti. − 1882. − № 35. − 6 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki. [Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki]. (In Russ.).

SHATOHIN I.T., SHATOHINA S.B. *Direktora i inspektory narodnyh uchilishh v rossijskoj provincii vo vtoroj polovine HIH - nachale HH veka.* [Directors and inspectors of public schools in the Russian province in the second half of the nineteenth and early twentieth centuries]. In: Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. − 2022. − № 4. − P. 163-169. (In Russ.).

Сведения об авторе:
Л.А. Урусмамбетова – кандидат педагогических наук.
Information about the author:
L.A. Urusmambetova – PhD (in Pedagogy).

Статья поступила в редакцию 08.12.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 08.12.2024; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-39-51
EDN: BWAZDI

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТА ПО ИСТРЕБЛЕНИЮ САРАНЧИ ТЕРСКОГО ОБЛАСТНОГО ПРАВЛЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ НАЛЬЧИКСКОГО ОКРУГА В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Елена Александровна Анищенко[1,2]
[1] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, elen_anischenko@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-2839-3933
[2] Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

Аннотация. В статье определена роль Комитета по истреблению саранчи в Терской области – одной из структур хозяйственной части Терского областного правления в последней четверти XIX в. В этот период одним из путей включения населения Центрального Кавказа в социально-экономическое пространство Российской империи являлось решение вопросов повышения эффективности сельского хозяйства за счет внедрения новых сельскохозяйственных практик, в том числе улучшения мер борьбы с такими насекомыми-вредителями, как саранча. В статье рассмотрены функции Комитета по истреблению саранчи и механизмы осуществления его деятельности по разработке и внедрению мер по борьбе с саранчой на примере Нальчикского округа. Проанализированы финансовые аспекты реализации системы защиты посевов и урожая от вредителей. Сделан вывод о синтезе научно-исследовательского подхода в изучении природных факторов, благоприятствовавших появлению и распространению популяции саранчи, таких как: мониторинг ее жизненного цикла от кладки яиц до появления взрослых особей, исследование природных и климатических условий конкретных местностей, повышавших вероятность распространения саранчи, – и практической деятельности по разработке комплекса мер по истреблению саранчи, способов их реализации, а также планомерного внедрения их в повседневную сельскохозяйственную жизнь населения.

Ключевые слова: Терская область, Нальчикский округ, Комитет по истреблению саранчи, саранча, посевы, урожай.

Для цитирования: Анищенко Е.А. Деятельность комитета по истреблению саранчи терского областного правления на территории Нальчикского округа в последней четверти XIX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 39-51. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-39-51. EDN: BWAZDI.

© Анищенко Е.А., 2024

Original article

ACTIVITIES OF THE COMMITTEE FOR THE EXTERMINATION OF LOCUSTS OF THE TERSK REGIONAL GOVERNMENT IN THE TERRITORY OF NALCHIK DISTRICT IN THE LAST QUARTER OF THE 19TH CENTURY

Elena A. Anishchenko[1,2]

[1] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, elen_anischenko@mail.ru, https://orcid.org/0009-0007-2839-3933

[2] Kabardino-Balkar Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia

Abstract. The article defines the role of the Committee for the Extermination of Locusts in the Tersk region, one of the structures of the economic part of the Tersk regional government in the last quarter of the 19th century. During this period, one of the ways to include the population of the Central Caucasus in the socio-economic space of the Russian Empire was to address issues of improving agricultural efficiency through the introduction of new agricultural practices, including improving measures to control insect pests such as ranching. The article examines the functions of the Locust Extermination Committee and the mechanisms for its activities to develop and implement measures to control locusts using the example of the Nalchik district. The financial aspects of implementing a pest protection system for crops and crops are analyzed. The conclusion is made about the synthesis of a scientific and research approach in the study of natural factors that favored the emergence and spread of a locust population, such as monitoring its life cycle from egg laying to the appearance of adults, studying the natural and climatic conditions of specific localities that increased the likelihood of locust spread, and practical activities to develop a com-a set of measures for the extermination of locusts, ways of their implementation, as well as their systematic introduction into the daily agricultural life of the population.

Key words: Terek region, Nalchik district, food policy, the Committee for the Extermination of Locusts, locusts, crops, harvest.

For citation: Anishchenko E.A. Activities of the committee for the extermination of locusts of the Tersk regional government in the territory of Nalchik district in the last quarter of the 19th century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 39-51. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-39-51. EDN: BWAZDI.

© Anishchenko E.A., 2025

Введение

Во II половине XIX в. основой экономики Центрального Кавказа являлось сельскохозяйственное производство. Различным вопросам его эффективной организации со стороны государственной власти уделялось повышенное внимание. Одним из направлений такой деятельности выступала борьба с природными явлениями и вредителями, негативно влияющими на количество и качество урожая хлебов.

В этой связи актуальным вопросом организации сельского хозяйства на этой территории являлась борьба с саранчой. Донесения, содержащие в себе данные о жизненном цикле саранчи, методах борьбы с ней и ущербе, нанесенном ей посевам и урожаю встречаются в делопроизводственной документации чиновников царской администрации еще в 1850-х гг. Так, в 1855 г. пристав Малой Кабарды рапортовал начальнику центра Кавказской линии генерал-майору А.П. Грамотину о появлении большого числа саранчи, которая истребила значительные объемы посевов проса [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 1365, Т. 2. Л. 185]. Для избавления от вредителя население традиционно использовало метод поджига земель с осевшей саранчой. Однако частыми были случаи, когда

из-за сильного ветра пожар распространялся не только на территорию, занятую саранчой, но и на соседние селения. Поэтому, с целью организации системной борьбы с саранчой в 1879 г. при областном правлении был создан Комитет по истреблению саранчи в Терской области. В его задачи входил регулярный мониторинг состояния посевов хлеба на территории области, изучение жизненного цикла саранчи, анализ природных условий, которые влияли на распространение вредителя, а также разработка мер по эффективному истреблению саранчи, их дальнейшее внедрение в земледельческие практики жителей станиц и селений области и контроль за правильным исполнением обозначенных мер на местах.

Особенности организации борьбы с саранчой на территории Нальчикского округа Терской области в последней четверти XIX в. не становилась ранее предметом специального исследования. При этом вопросам развития сельского хозяйства и экономики в означенный период уделено внимание в работах различных авторов. Вопросы хозяйственного развития Терской области освещены в работе Г. Казбека [Казбек 1888]; система организации земледелия и сельского хозяйства в конце XIX в. описаны в очерке Г. Малявкина [Малявкин 1891]; вопросы землепользования и хозяйственного быта Кабарды отражены в работах В.П. Пожидаева [Пожидаев 1925] и С.М. Месяца [Месяц 1928]; вопросы организации земледелия и сельского хозяйства в регионе в начале XX в. отражены в работе В. Христиановича [Христианович 1928]; особенностям социально-экономического развития Кабарды во второй половине XIX в. посвящено исследование И.Ф. Мужева [Мужев 1952]; вопросы организации социально-экономических отношений в Нальчикском округе в XIX в. подробно освящены в работах Т.Х. Кумыкова [Кумыков 1959; Кумыков 1965]; аспекты зарождения капиталистических отношений в экономике Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. представлены в работе Г.Х. Мамбетова [Мамбетов 1961]; описание аграрных отношений в Кабарде и Балкарии в XIX в. содержится в работе Т.А. Жакомихова [Жакомихов 1963]; особенности экономического развития в Кабарде и Балкарии в конце XIX – начале XX вв. содержатся в работе М.Х. Ацканова [Ацканов 1967]; процессы интеграции Кабарды и Балкарии в общеимперскую систему управления рассматриваются в работе Ж.А. Калмыкова [Калмыков 2007] и др.

Источниковой базой исследования послужили материалы Ф. 198 «Комитет по истреблению саранчи в Терской области» Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198] и Ф. И-16 «Управление Центра Кавказской линии» Управления Центрального государственного архива Архивной службы КБР, содержащие большой массив данных по теме исследования [УЦГА АС КБР. Ф. И-16]. Была изучена переписка Комитета по истреблению саранчи с чиновниками и органами исполнительной власти различных уровней, таких как начальник главного управления Кавказского Наместника, начальник области, начальники округов, в том числе – начальник Нальчикского округа, областное правление, Ставропольская контрольная палата, Войсковое хозяйственное правление. Также были изучены отчеты Начальника Терской области о ходе борьбы с саранчой, которые направ-

лялись министру внутренних дел, и материалы периодической печати, опубликованные в газете «Терские ведомости» в последней четверти XIX в. [Терские ведомости…].

В ходе исследования были выделены и проанализированы следующие типы делопроизводственной документации: циркуляры; годовые Всеподданнейшие отчеты Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состояния области и войска; доклады представителей Комитета по истреблению саранчи начальнику области; предписания начальника области нижестоящим органам власти; рапорты лесного ревизора Терского казачьего войска в Войсковое хозяйственное правление; рапорты начальника Нальчикского округа, атаманов станиц и сельских старшин вышестоящему начальству; рапорты, доклады и отчеты председателя Комитета по истреблению саранчи начальнику области; отчеты и рапорты председателя Комитета по истреблению саранчи в Терской области Начальнику главного управления Кавказского Наместника; отчетную финансовую документацию, например, Сведения о числе работ, – которая направлялась окружным начальством в областное правление, а оно в свою очередь направляло далее на ревизию в Ставропольскую контрольную палату.

Анализ документов дает возможность подробно проанализировать особенности организации и финансирования деятельности по истреблению саранчи в Терской области.

Деятельность Комитета по истреблению саранчи в Терской области по разработке системы мер по борьбе с вредителем

Вопросам организации эффективного сельскохозяйственного производства в Терской области уделялось существенное внимание не только со стороны областных властей, но также и со стороны Министерства внутренних дел и канцелярии Наместника на Кавказе. Одной из проблем для этого направления деятельности являлась саранча и существенный урон, который она ежегодно наносила посевам и урожаям. С целью повышения результатов борьбы с этим вредителем в 1879 г. и был создан областной Комитет по истреблению саранчи. Начало кампании по истреблению саранчи было положено публикацией циркуляра о мерах борьбы с саранчой, адресованного губернаторам и начальникам областей Кавказского и Закавказского края, в № 18 и 19 газеты «Терские ведомости», автором которого был начальник Главного управления землеустройства и земледелия Кавказского края П. Пещуров [Терские ведомости…]. Основной целью борьбы с саранчой в соответствии с этим документом должно было выступать уничтожение кладок яиц. Это предлагалось осуществлять следующими способами: перепашкой, боронованием, сапованием и вырыванием лопатами; активным выпасом в местах кладки яиц саранчи свиней, а также приучением домашней птицы питаться кладками саранчи, не давая другого корма. Следующая группа мер была направлена на борьбу с «пешей саранчой» [Терские ведомости…]: только что вылупившуюся следовало топтать ногами, обкладывать соломой и сжигать, собирать ее ручными черпаками; для борьбы с

подросшей саранчой необходимо было рыть ямы, сгребая в них саранчу и засыпая землей, причем работа должна была начинаться рано утром и завершаться поздно вечером; в сухую погоду самой эффективном мерой было признано использование волокуш и тяжелых деревяных и каменных каток. Истребление взрослых особей должно было осуществляться с помощью таких мер, как рытье канав и загон в них саранчи с последующим засыпанием ее толстым слоем земли или ее сжиганием. В случае большого количества саранчи и невозможности вовремя рыть достаточное количество каналов, следовало: выстраивать вокруг полей подобие стен из холста и поливать саранчу большим количеством воды или давить катками; гнать саранчу к реке и топить в ней, расставив людей вдоль берега, чтобы препятствовать ей выползать на берег; конструировать вал из горючего материала, например, сена или соломы, сгонять саранчу к этому валу и поджигать его; а также вытаптывать саранчу табунами, что использовалось в редких случаях из-за трудоемкости и неэффективности процесса, т.к. использование 5 волокуш было сравнимо с использованием 100 лошадей.

В циркуляре было обозначено, что применение тех или иных мер напрямую должно зависеть от локальных условий и осуществляться локальными органами власти. Так, при первом появлении саранчи местный пристав или помощник окружного начальника обязан был лично, не перепоручая сельским старшинам, объехать весь свой район и поставить вехи на местах кладки яиц или наличия роя саранчи. Каждую весну местная полиция должна была собрать достаточное количество людей и отправить их на обозначенные места. При этом у каждого рабочего должны быть деревянная или железная лопатка, по два пучка длинного хвороста и запас хлеба на 10 дней. Также на каждых 50 рабочих должно было приходиться по 10 серпов для резки бурьяна и по 2 повозки – для бурьяна и соломы и для бочки с питьевой водой. Контроль за этим процессом возлагался на локальные органы власти: пристав с казаками должны были присутствовать при активной фазе истребления саранчи. Окружной начальник также должен периодически посещать районы истребления саранчи и при необходимости просить областное начальство о командировании опытного агронома [Терские ведомости…].

В последующие годы Комитет организовал активную исследовательскую деятельность для разработки и внедрения мер по истреблению вредителя: чиновники различных органов власти были командированы в местности Терской области с целью сбора информации и формирования предложений по осуществлению борьбы с саранчой.

Так, в 1881 г. Комитет по истреблению саранчи поручил младшему делопроизводителю Войскового хозяйственного правления Терского казачьего войска, агроному Тускаеву и Отто Марграфу, лесному ревизору Терского казачьего войска изучить жизненный цикл саранчи в конкретных местностях Терской области с целью разработки наиболее эффективных способов борьбы с ней.

Тускаев должен был провести исследование, в ходе которого необходимо было определить места кладки яиц саранчой и опытным путем выявить наиболее эффективные меры по ее истреблению на участке области между станицами Прохладной и Николаевской вблизи границы Ставропольской губернии [ЦГА

РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 2. Л. 122-124 об.]. Свой доклад начальнику Терской области Тускаев представил в декабре 1881 г. Он провел тщательное исследование и подробно описал различные особенности процесса кладки яиц саранчи, такие как: территория распространения, продолжительность кладки, погодные условия, виды почв и рельеф, более других подверженные этому явлению, виды и способы кладки яиц, их количество и способ расчетов этого количества, а также то, что наиболее часто поражаемой саранчой зерновой культурой являлось. Примечательно, что в соответствии с отчетами начальников Терской области в 80-90-х гг. XIX в. посевом проса в больших размерах занимались преимущественно «кабардинцы Нальчикского округа, употребляющие почти исключительно просяной хлеб» [Всеподданнейшие отчеты…].

Тускаев провел экспериментальный сбор кладок в нескольких станицах и проанализировал такие данные, как объемы и скорость сбора кладок в разных станицах разными категориями сборщиков – мужчинами, женщинами, мальчиками – с учетом общего количества кладок в этих населённых пунктах и погодных условий, при которых осуществлялись сборы. При этом успешность сборов он напрямую связывал с наличием достаточного вознаграждения для сборщиков, предлагая ввести специальный «саранчовый капитал» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 2. Л. 124 об.]. Помимо сбора яиц саранчи, он предложил и подробно описал технологии применения следующих мер по истреблению саранчи: перепашку и боронование земель ранней осенью и ранней весной, обязательная натуральная повинность с копанием рвов, раздавливание яиц саранчи с помощью ивовых или терновых волокуш.

В самом докладе также присутствовала ремарка о приблизительном характере представленных сведений. Причиной этого являлось неисполнение местными властями распоряжений областного начальства о подготовке к прибытию агронома, что должно было выражаться в расстановке вех, определяющих точную территорию работ. Всего по левую сторону р. Терек кладка яиц саранчи охватила территорию площадью в 1 866 дес., в том числе в станицах Екатериноградской, Новоосетинской, Павлодольской, Луковской, Котляревской, Прохладной и Государственной [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 2. Л. 122 об.], ставших частью Нальчикского округа в 1882 г. [Список населенных мест Терской области 1885: 22–28].

Еще одной аналитической запиской по борьбе с саранчой в Терской области стал рапорт Отто Марграфа, лесного ревизора Терского казачьего войска в Войсковое хозяйственное правление [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 2. Л. 127-131 об.]. В нем были отражены уже имевшиеся у населения практики борьбы с саранчой.

Осенью 1881 г. Марграф был направлен в местность, занимавшую ¼ Терской области, которая расположена западнее полотна железной дороги «Владикавказ – Ростов», а именно в район Пятигорской возвышенности, Большой Кабарды и западной части Владикавказской равнины. В силу времени года основной задачей ревизора стало наблюдение на местности и опрос местных жителей, что отразилось и на структуре документа: рапорт разделен на две части – наблюдения и меры. В соответствии с рассказами местных жителей на этой

территории в 1881 г. и ранее саранча появлялась с востока и ее присутствие было минимальным, именно в летний сезон, а кладки осуществлялись в стороне станиц Прохладной и Зольской. В годы нашествия саранчи она появлялась на поздних стадиях развития озимых и яровых и ущерб наносился только «десятому или двадцатому загону их проса» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 2. Л. 128]. При этом каждый хозяин сам принимал по своему усмотрению меры, включавшие в себя как рытье борозды против кладок, так и стрельбу или брянание металлическими орудиями против летающей саранчи. Маргаф также подробно описал географическое положение и природные условия территорий, наиболее благоприятные для вредителя, при этом отмечая, что исследуемые им местности находились не ниже 1 800 футов над уровнем моря, что создавало обратный эффект. Меры против саранчи он также разделил на частные и общие. Основной целью первых являлось сохранение урожая в конкретной местности. Вторые же были нацелены на полное избавление от саранчи не только локальное, но и в соседних губерниях. Частные меры должны были стать основой для сохранения урожаев в отдельных местностях. Среди них, помимо уже обозначенных выше – ранний сбор озимых и раннее высевание яровых с целью сбора урожая до начала сезона саранчи в августе. К общим регулярным профилактическим мерам по уничтожению саранчи и ее кладок Маргаф в своем докладе отнес использование волокуш при участии конных частей. Он подробно описал технологию реализации этих мер в течение года, отведя различным участкам Терской области. Так, ранней весной, сразу после вылупления саранчи каждый двор должен был сделать по одной волокуше, по два веника и два сачка по специальной технологии. К маю, когда саранча начинает свой ход, каждый двор должен был быть готов рыть борозды и выставлять на берегах рек шеренги взрослых и детей с сачками и вениками, а по утрам и вечерам дети должны были ловить саранчу. Причем за полный мешок саранчи полагалась плата в 5 коп. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 2. Л. 131]. Все эти работы должны проводиться под руководством специально назначенных местных опытных людей. Изыскания Маргафа и Тускаева были объединены с ранее сделанным докладом Золотарева и представлены в виде общего доклада для Комитета по истреблению саранчи в конце 1881 г. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 2. Л. 192].

На основе этого доклада председатель Комитета по истреблению саранчи в Терской области в феврале 1882 г. составил подробный отчет для Начальника главного управления Кавказского Наместника и сопроводил его рапортом [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 3. Л. 1]. Отчет представлял собой подробное описание всех этапов организации борьбы с саранчой в течение 1881 г. В начале отчетного года для обеспечения работ во всех округах области комитет запросил 30 тыс. руб., из которых в распоряжение начальника области было ассигнована только половина, с указанием, что рабочим, нанятым из числа местных жителей, назначать жалование не деньгами, а продовольствием и только тогда, когда они работают вдалеке от своих и не имеют своего продовольствия. При этом половину ассигнованной суммы осталась неизрасходованной ввиду следования рекомендации по сокращению трат. На основании командировок

Марграфа, Тускаева и Золотарева были разработаны меры по истреблению саранчи: разработка правил по борьбе с саранчой, распашка мест, где были отложены яйца саранчи, сбор их детьми и взрослыми, ранней весной в каждом районе и селении области были назначены руководители работ, причем в округах их назначали из числа распорядительных членов администрации, а в селениях – уважаемые жители, которых выбирали сами жители. Каждому ответственному давались в помощь 1-2 объездчика, обязанностью которых было постоянное наблюдение за вылуплением саранчи и ее дальнейшим движением в границах своей местности. Также распорядителям, исходя из условий местности, были рекомендованы определенные способы борьбы с саранчой [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 3. Л. 3-6].

Для точности описания процесса истребления саранчи, изученного в экспедициях 1881 г. автор отчета приводит сведения о погодных условиях и хронологии активной работы: в силу сырой и холодной погоды вылупление саранчи началось в конце апреля и продолжалось до середины июля в зависимости от округа, а сам процесс истребления продолжался с середины мая до начала июля. В течение всего этого времени Марграф, Тускаев и Золотарев занимались объездом области и корректировали работу на месте.

Также на основании двухлетнего опыта систематизации борьбы с саранчой в отчете был выделен ряд наиболее эффективных и ранжированных по хозяйственному и географическому признаку мер. В степной части области, где преобладал упряжной скот, наибольшую эффективность достигали сочетанием двух способов: в сырую погоду необходимо было утаптывать саранчу концентрическими кругами с помощью повозок и арб, а в жаркую – загонять саранчу в заранее вырытые канавы для закапывания. В центральной части области, где хозяйство сконцентрировано на коневодстве, лучшим способом оказалось вытаптывание верховыми с помощью пеших. В восточных частях области, где саранча выводилась в основном в бурьяне и камыше, наиболее успешным способом оказалось сжигание этих растений в сезон.

Особенности взаимодействия различных органов власти в процессе организации борьбы с саранчой в Нальчикском округе

В отчете председателя Комитета по истреблению саранчи в Терской области в феврале 1882 г. для Начальника главного управления Кавказского Наместника были также представлены результаты деятельности по истреблению саранчи, затраты, а также масштабы вреда, ею нанесенного. Эти сведения были получены из рапортов начальников округов области. Так, в Нальчикском округе в отчетном году было поедено саранчой 303 дес. яровых хлебов. 4 600 казенных дес. окружной земли было заложено кладками яиц саранчи. При этом потрачено на борьбу с вредителем было 958 руб. 57 коп. Всего же в области было поедено саранчой 763 дес. яровых хлебов, кладки яиц саранчи заняли 18 000 казенных дес. окружной земли, а общая сумма, затраченная на истребление саранчи в области, составила 5162 руб. 19 коп. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 3. Л. 5 об.].

В дальнейшем подобные отчеты составлялись на основе рапортов сельских старшин и начальников округов и городов Терской области и являлись ежегодной практикой: в случае появления саранчи, сельское правление направляло сведения участковым приставам, те – окружному начальнику, а он в свою очередь – в область. В этих рапортах начальник округа сообщал о новых колониях саранчи и о мерах, принятых для борьбы с ней. Так, начальник Нальчикского округа в течение 1882 г. направил в область несколько таких рапортов: летом – о появлении в округе со стороны Кизлярских степей саранчи и предписании станичным и сельским атаманам и старшинам ее уничтожить и осенью во время кладки обставить знаками эти места для облегчения весенних работ [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 7. Л. 168] и о появлении в селении Бороковском с востока двух больших партий саранчи и о принятии мер к ее уничтожению [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 7. Л. 123]; в ноябре – об успешной и своевременной борьбе с вредителем, организации успешных дополнительных разъездов по уничтожению саранчи [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 7. Л. 201, 220].

При этом в Комитет по истреблению саранчи окружные начальники направляли рапорты всегда по запросу сверху. Так, летом 1882 г. начальник Нальчикского округа рапортовал об отсутствии саранчи на вверенной ему территории и обязался при появлении саранчи принять меры по ее истреблению согласно предписаниям и правилам, а также сообщил о направлении пристава 5-го участка в станицу Петропавловскую, граничившую со Ставропольской губернией, для контроля за кладками вредителя [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 7. Л. 99].

Еще одной формой взаимодействия по вопросам истребления саранчи между округом и областными органами власти являлась переписка по финансовым вопросам. Так, летом 1882 г. нальчикский окружной начальник в своем рапорте начальнику Терской области уточнял источники финансирования для оплаты 12 руб. 40 коп. купцу Гонжалову за листовое железо, которое использовали в 1881 г. при истреблении саранчи [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 7. Л. 99].

Примечательно, что само финансирование работ по истреблению саранчи отпускалось на имя специальных уполномоченных, которые после совершения расходов предоставляли отчетную документацию в комитет. Комитет, в свою очередь, проводил первичную фиксацию и анализ расходов и отправлял далее на ревизию – через областное правление в Ставропольскую контрольную палату.

Через несколько лет активной работы Комитета, организованная борьба с саранчой стала приносить результаты. Так, начальник Нальчикского округа в 1886 г. сообщал в своем рапорте о практически полном уничтожении саранчи на привычных территориях ее кладок – землях станицы Александрийской на границе со Ставропольской губернией. В истреблении вредителя участвовало порядка 400 человек из числа жителей станиц Александрийской, Лысогорской и Подгорной. После лично сделанного объезда территории начальник округа отметил, что небольшое количество саранчи стало окрыляться и блуждать партиями, не причиняя при этом вреда в силу собственной малочисленности и уже снятого хлеба за исключением проса, которое и так пострадало от засухи. При

этом озимой пшеницы в станице саранча испортила до 200 дес. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 7. Л. 35-35 об.]. При этом сумма ущерба за поеденные 200 дес. пшеницы составила 6 000 руб. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 7. Л. 38-41 об.].

В станицах Подгорной, Екатериградской, Приближенской, Прохладной и Курской, а также местечка Эдиссии саранча была окончательно уничтожена без вреда для хлебов. Также к рапорту начальника Нальчикского округа прилагались Сведения о числе работ по истреблению саранчи с указанием дат, мест, видов хлебов и стоимости [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 7. Л. 86].

На следующем иерархическом уровне также составлялись отчеты – начальник Терской области на основании рапортов начальников округов и атаманов участков формировал в течение года отчеты министру внутренних дел. Так, в августе 1886 г. начальник Терской области предоставил промежуточный отчет на имя министра внутренних дел. Он рапортовал, что организация борьбы с саранчой в соответствии с системой, разработанной областным Комитетом по истреблению саранчи, принесла свои плоды: из всей саранчи, народившейся на 1 527 дес., она окончательно уничтожена на 1 102 дес. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 7. Л. 40]. Он также отметил, что окончательные результаты будут представлены только в октябре, после завершения сбора урожая. Отдельно в отчете начальника области отмечено, что единственной территорией области, на которой пострадали хлеба, стали земли в станице Александровской Нальчикского округа, причем предотвратить порчу посевов в этой ситуации не представлялось возможным, т.к. саранча народилась в самих пшеничных полях, откуда она не вышла, пока не истребила их [ЦГА РСО-Алания. Ф. 198. Оп. 1. Д. 7. Л. 38-41 об.].

Работа Комитета по истреблению саранчи в Терской области продолжалась вплоть до 1890 г. После чего его функции были распределены между органами власти различного уровня.

Заключение

Деятельность органов власти по организации эффективных сельскохозяйственных практик в округах Терской области в последней трети XIX в. выступала одной из форм инкорпорации жителей в социально-экономическое пространство Российской империи. Одним из первых примеров такого подхода стало создание в структуре органов власти Терской области Комитета по истреблению саранчи. В ведении этой структуры находились такие вопросы как исследование природных факторов, благоприятствовавших появлению и распространению популяции саранчи, в том числе мониторинг ее жизненного цикла от кладки яиц до появления взрослых особей, исследование природных и климатических условий конкретных местностей, повышавших вероятность распространения саранчи; разработка комплекса мер по истреблению саранчи, способов их реализации, а также планомерного внедрения их в повседневную сельскохозяйственную жизнь населения. Такое внедрение обеспечивалось, с одной стороны, циркулярными предписаниями областных властей личного присутствия местных чиновников в полях и контроля ими процесса истребле-

ния саранчи. А с другой – финансовым вознаграждением местным жителям, хотя и носившем минимальный характер. При этом в ведении Комитета не были закреплены финансовые функции. Решение финансовых вопросов входило в компетенцию других областных органов власти и осуществлялось в несколько этапов. Средства выделялись по отдельному запросу окружного начальника из областного бюджета на имя специальных уполномоченных из числа местных чиновников, несших непосредственную ответственность за организацию борьбы с саранчой. Они предоставляли финансовую отчетность в Комитет, который проводил первоначальный анализ расходов. Затем документы направлялись в областное правление, а оттуда – в Ставропольскую контрольную палату: ее задачей была быстрая и качественная проверка присылаемых данных.

После завершения в 1890 г. деятельности Комитета по истреблению саранчи его функции были распределены между местными и областными органами власти, а в начале XX в. – аккумулированы в активно создаваемых в Терской области сельскохозяйственных обществах, а также в деятельности Владикавказской железной дороги по организации агрономических поездов.

Таким образом, в последней трети XIX в. повышение эффективности сельского хозяйства за счет внедрения новых сельскохозяйственных практик, в том числе и практик избавления от насекомых-вредителей являлось одним из способов инкорпорации населения Центрального Кавказа в социально-экономическое пространство Российской империи. Именно на решение этого вопроса в 1879-1890 гг. была направлена работа Комитета по истреблению саранчи в Терской области, объединившая в себе исследовательскую деятельность и создание и внедрение новых практик ведения сельского хозяйства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ацканов 1967 – *Ацканов М.Х.* Экономические отношения и экономические взгляды в Кабарде и Балкарии (1860-1917 гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. книж. изд-во, 1967. – 131 с.

Жакомихов 1963 – *Жакомихов Т.А.* Аграрные отношения в Кабарде и Балкарии (XIX в.) // Ученые записки КБГУ. Серия сельскохозяйственная. – Нальчик, 1963. – Вып. 18. – С. 79-86.

Казбек 1888 – *Казбек Г.Н.* Военно-статистическое описание Терской области. В 2-х ч. – Тифлис: Отд. ген. штаба Кавказского воен. округа, 1888. – 349 с.

Калмыков 2007 – *Калмыков Ж.А.* Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик: Эль-Фа, 2007. – 232 с.

Кумыков 1959 – *Кумыков Т.Х.* Социально-экономические отношения и отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии (1800–1869-е гг.). – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, 1959. – 172 с.

Кумыков 1965 – *Кумыков Т.Х.* Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное изд-во, 1965. – 420 с.

Малявкин 1891 – *Малявкин Г.Ф.* Очерк общинного владения в Кабарде // Терские ведомости. – 1891. – № 86. – 27 октября. – С. 3–4.

Мамбетов 1961 – *Мамбетов Г.Х.* К вопросу о проникновении капиталистических отношений в экономику Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX века // Сборник статей по истории Кабардино-Балкарии, Вып. 9. – Нальчик: Каб.-Балк. кн. изд-во, – 1961. – С. 110-148.

Месяц 1928 – *Месяц С.М.* Население и землепользование Кабарды. Воронеж: [б. и.], 1928. – 191 с.

Мужев 1952 – *Мужев И.Ф.* Социально-экономическое развитие Кабарды во второй половине XIX в. (1868–1900 гг.) [Текст] / И. Ф. Мужев // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. – Нальчик: Кабардинское книжное издательство, – 1952. Т. VII. – С. 77–113.

Пожидаев 1925 – *Пожидаев В.П.* Хозяйственный быт Кабарды: историко-этнографический очерк. Воронеж: [б. и.], 1925. – 106 с.

Христианович 1928 – *Христианович В.П.* Сельскохозяйственные районы Кабарды // Труды по естественно-историческому и экономическому обследованию Кабарды, т .3. – Воронеж: б/и, 1928. – 228 с.

Всеподданнейшие отчеты Начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состояния области и войска за 1889-1902 гг.: Владикавказ: Типография Областного Правления Терской области, 1903. – 115 с.

Список населенных мест Терской области 1885 – Список населенных мест Терской области: По сведениям к 1 янв. 1883 г. / Сост. Тер. обл. стат. ком. под ред. секр. ком. Н. Благовещенского. – Владикавказ: типография Терского областного правления, 1885. – 58 с.

Терские ведомости… – Терские ведомости, № 18-19, 28 апреля - 5 мая 1879 г., Владикавказ, Типограф. Терского Обл. Правл.

УЦГА АС КБР. Ф. И-16 – Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики. Ф. И-16 «Управление Центра Кавказской линии».

ЦГА РСО-Алания. Ф. 198 – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания. Ф. 198 «Комитет по истреблению саранчи в Терской области»

REFERENCES

ATSKANOV M.KH. *Ekonomicheskiye otnosheniya i ekonomicheskiye vzglyady v Kabarde i Balkarii (1860-1917 gg.).* [Economic relations and economic views in Kabarda and Balkaria (1860-1917)]. – Nalchik: Kab.-Balk. books publishing house, 1967. – 131 p. (In Russ.).

ZHAKOMIKHOV T.A. *Agrarnyye otnosheniya v Kabarde i Balkarii (XIX v.).* [Agrarian relations in Kabarda and Balkaria (XIX century)]. In: Scientific notes of KBSU. Agricultural series. – Nalchik, 1963. – Issue. 18. – Pp. 79-86. (In Russ.).

KAZBEK G.N. *Voyenno-statisticheskoye opisaniye Terskoy oblasti. V 2-kh ch.* [Military statistical description of the Terek region. In 2 p.]. – Tiflis: Dep. gene. headquarters of the Caucasian military. Okrug, 1888. – 349 p. (In Russ.).

KALMYKOV ZH.A. *Integratsiya Kabardy i Balkarii v obshcherossiyskuyu sistemu upravleniya (vtoraya polovina XVIII – nachalo XX veka).* [Integration of Kabarda and Balkaria into the all-Russian management system (second half of the 18th – early 20th centuries)]. – Nalchik: El-Fa, 2007. – 232 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Sotsial'no-ekonomicheskie otnosheniya i otmena krepostnogo prava v Kabarde i Balkarii (1800–1869-e gg.)* [Socio-economic relations and the abolition of serfdom in Kabarda and Balkaria (1800-1869)]. – Nal'chik: Kab.-Balk. kn. izd-vo, 1959. – 172 p. (In Russ.).

KUMYKOV T.KH. *Ekonomicheskoye i kul'turnoye razvitiye Kabardy i Balkarii v XIX v.* [Economic and cultural development of Kabarda and Balkaria in the 19th century]. – Nalchik: Kabardino-Balkarian Book Publishing House, 1965. – 420 p. (In Russ.).

MALYAVKIN G.F. *Ocherk obshchinnogo vladeniya v Kabarde*. [Essay on communal ownership in Kabarda]. In: Terskie Vedomosti. – 1891. No. 86. October 27. – P. 3–4. (In Russ.).

MAMBETOV G.KH. *K voprosu o proniknovenii kapitalisticheskikh otnosheniy v ekonomiku Kabardy i Balkarii vo vtoroy polovine XIX – nachale KHKH veka*. [On the issue of the penetration of capitalist relations into the economy of Kabarda and Balkaria in the second half of the 19th - early 20th centuries]. In: Collection of articles on the history of Kabardino-Balkaria, Vol. 9. – Nalchik: Kab.-Balk. book publishing house, 1961. – P. 110-148. (In Russ.).

MUZHEV I.F. *Sotsial'no-ekonomicheskoye razvitiye Kabardy vo vtoroy polovine XIX v. (1868–1900 gg.).* [Socio-economic development of Kabarda in the second half of the 19th century.

(1868–1900)]. In: Scientific notes of the Kabardian Research Institute. Nalchik: Kabardian Book Publishing House, – 1952. T. VII. – P. 77–113. (In Russ.).

KHRISTIANOVICH V.P. *Sel'skokhozyaystvennyye rayony Kabardy. Trudy po yestestvenno-istoricheskomu i ekonomicheskomu obsledovaniyu Kabardy, t.3.* [Agricultural regions of Kabarda. Proceedings on the natural-historical and economic survey of Kabarda, vol.3]. – Voronezh, 1928. – 228 p. (In Russ.).

Spisok naselennykh mest Terskoi oblasti [List of settlements in the Tersk region]: Po svedeniyam k 1 yanv. 1883 g. / Sost. Ter. obl. stat. kom. pod red. sekr. kom. N. Blagoveshchenskogo. – Vladikavkaz: tipografiya Terskogo oblastnogo pravleniya, 1885. – 58 s. (In Russ.).

Vsepoddanneyshiy otchet Nachal'nika Terskoy oblasti i Nakaznogo Atamana Terskogo kazach'yego voyska o sostoyanii oblasti i voysk za 1902 god [The most loyal report of the Head of the Terek region and the Nakazny Ataman of the Terek Cossack army on the state of the region and troops for 1902]. Vladikavkaz, Tipografiya Oblastnogo Pravleniya Terskoy oblasti, 1903 g. 115 s. (In Russian).

Terskiye vedomosti [Tersky Gazette], № 18-19, ot 28 aprelya – 5 maya 1879 g., Vladikavkaz, Tipograf. Terskogo Obl. Pravl. (In Russ.).

UTSGA AS KBR (*Upravlenie tsentralnogo gosudarsivennogo arkhiva Arkhivnoy sluzhby Kabardino-Balkarskoy Respubliki)* [OCSA AS KBR (Office of the Central State Archive of the Archive Service of the Kabardino-Balkarian Republic)]. F. I-16, « Upravleniye Tsentra Kavkazskoy linii».

TSGA RSO-Alaniya (*Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya-Alaniya*) [CSA RSO-Alaniya (Central State Archives of the Republic of North Ossetia-Alania)] F. 198 «Komitet po istrebleniyu saranchi v Terskoy oblasti»

Информация об авторе

Е.А. Анищенко – аспирант, старший преподаватель.

Information about the author

E.A. Anishchenko – postgraduate student, senior lecturer.

Статья поступила в редакцию 14.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 14.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-52-71
EDN: DCGYBP

ПРОБЛЕМЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ В НАЛЬЧИКСКОМ ОКРУГЕ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Лина Ризуановна Гаунова
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, gaunova.lina@mail.ru, https: //orcid.org/0009-0000-7651-6466

Аннотация. В статье анализируются проблемы просвещения в Нальчикском округе Терской области, поднимаемые на страницах периодической печати в начале XX в. Рассмотрено состояние образовательной системы, акцентировано внимание на публикациях в местных газетах: «Терские ведомости», «Пятигорское Эхо», «Терек» и т.д., в которых поднимаются ключевые проблемы народного просвещения русского, казачьего и горского населения в образовательной сфере, в том числе и административные препоны, затруднявшие доступ детей к учебе. К ним относим недостаточное количество школ различных уровней, отсутствие локальных учебных программ и адаптированных учебников для обучения детей горцев, квалифицированных педагогов, знающих язык кабардинцев и балкарцев, и др.

Широко обсуждался в печати вопрос о слабом знании школьниками из кабардинских и балкарских семей или даже полном незнании русского языка, что затрудняло освоение учебных программ. И, в то же время, чрезмерном акценте в семьях горцев на изучении арабского письменного языка, что было необходимо для чтения Корана.

Варианты преодоления сложившихся трудностей в системе образования в Нальчикском округе зависели от взаимодействия различных сил общества. Сотрудничество окружной администрации, выборных лиц слободского самоуправления, неформальных горских лидеров, служителей конфессий, способствовало улучшению образовательных условий и было ключевым в развитии просвещения в регионе.

Исследование подчеркивает важность учета локального контекста в образовательной политике. Опыт Нальчикского округа демонстрирует, что успешная модернизация просвещения возможна лишь при гибком сочетании государственных инициатив с культурными особенностями региона. Периодика не только освещала успехи образования, но и фиксировала вызовы, с которыми сталкивалась местная общественность. Это помогало находить компромиссные решения и укрепляло значение образования как средства объединения многонационального общества.

Ключевые слова: Нальчикский округ, периодическая печать, образование, школы, Кавказский учебный округ, Терская область, кабардинцы, балкарцы, горские народы.

Финансирование и благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ. Договор № 14 от 9.07.2024 г.

Для цитирования: Гаунова Л.Р. Проблемы просвещения в Нальчикском округе на страницах периодической печати в начале XX века // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 52-71. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-52-71. EDN: DCGYBP.

© Гаунова Л.Р., 2025

Original article

THE PROBLEMS OF EDUCATION IN THE NALCHIK DISTRICT ON THE PAGES OF THE PERIODICAL PRESS AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Lina R. Gaunova
Kabardino-Balkarian State University named H.M. Berbekov, Russian Federation, gaunova.lina@mail.ru, https: //orcid.org/0009-0000-7651-6466

Abstract. The article analyzes the problems of education in the Nalchik district of the Tersk region, raised on the pages of periodicals at the beginning of the 20th century. The article reviews the state of the educational system, focusing on articles in local newspapers — "Terskiye Vedomosti", "Pyatigorsk Echo", "Terek", and others—that address key issues in educating the Russian, Cossack, and mountain populations, including administrative obstacles hindering children's access to education. These include the insufficient number of schools at various levels, the lack of local curricula and adapted textbooks for teaching children of mountaineers, qualified teachers who know the language of Kabardians and Balkarians, etc.

The issue of poor knowledge of Russian by schoolchildren from Kabardian and Balkarian families or even complete ignorance of the Russian language was widely discussed in the press, which made it difficult to master the curricula. And the excessive emphasis in mountaineer families on learning the Arabic written language, which was necessary for reading the Koran.

The options for overcoming the existing difficulties in the education system in the Nalchik district depended on the interaction of various forces of society. The cooperation of the district administration, elected officials of the Sloboda municipality, informal mountain leaders, and religious ministers contributed to the improvement of educational conditions and was key to the development of education in the region.

The study highlights the importance of considering the local context in educational policy. The experience of the Nalchik region demonstrates that successful modernization of education is possible only with a flexible combination of government initiatives with the cultural characteristics of the region. The periodicals not only highlighted the successes of education but also recorded the challenges faced by the local community. This helped to find compromise solutions and reinforced the importance of education as a means of uniting a multi-national society.

Keywords: Nalchik district, periodical press, education, schools, Caucasian educational district, Tersk region, Kabardins, Balkars, mountain peoples.

Funding and acknowledgements: The study was financially supported by an Internal grant from KBSU. Agreement No. 14 dated 07/9/2024

For citation: Gaunova L.R. The problems of education in the Nalchik district on the pages of the periodical press at the beginning of the XX century. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 52-71. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-52-71. EDN: DCGYBP.

© Gaunova L.R., 2025

Введение

Периодическая печать, как исторический источник по истории становления и развития образования характерна тем, что она предлагает освещение вопросов, возникших в процессе обучения, т.е. «здесь и сейчас», благодаря чему становится ценным инструментом познания скрытых проблем и недостатков в системе

просвещения изучаемого периода, а, с другой стороны, предлагает и обобщает проекты их решения. В отличие от сухого формализованного текста официальных документов и отчетов, появляющихся после инспекционных поездок чиновников, статьи в газетах и журналах пишутся на доступном, разговорном, понятном языке, объясняющем детали обсуждаемых проблем. Такая форма подачи информации позволяет журналистам и авторам статей объяснить читателям сущность проблем в системе просвещения. Авторы публикаций часто обращают внимание на социальные и культурные аспекты, влияющие на обучение детей, включая вопросы национальной неприязни, культурного разнообразия и доступа к образованию. Это помогает выявлять и озвучивать латентные факты школьной жизни, которые отсутствуют в официальной статистике.

Развитие системы просвещения на Северном Кавказе в начале XX в. имело свои особенности, обусловленные как историко-культурными факторами, так и уникальными демографическими и экономическими условиями региона. На примере освещения образовательной системы в Нальчикском округе мы можем проследить общие тенденции в этом процессе и выявить особенности, характерные только для данного района.

Материалы и методы

Материалами для статьи послужили выпуски газет «Терские ведомости» [Закон… 1909; Сел. Муртазово 1911; Торжество закладки… 1911; Торжество закладки… 1911a; Торжество закладки… 1911b; Решетин 1913; Решетин 1913a], «Терек» [Сел. Докшукино 1911; Сел. Кармово 1911; Сел. Муртазово 1911a; Сел. Нальчикско-Клишбиевское 1911; Нальчик 1914], «Пятигорское Эхо» [Отчет 1916; Отчет 1916a; Ревнители… 1908; Ст. Муртазово 1913; Ходатайство… 1914; Школьный вопрос 1909], «Кавказ» [Торжество… 1911], «Новая Русь» [Народное образование 1910], Санкт-Петербурские ведомости [Нальчик… 1914], а также альманах под редакцией А. Цаликова «Утро Гор» [Цаликов 1910].

В статье использовались архивные материалы из Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург, Российская Федерация] – Ф. 733 (Департамент народного просвещения). Оп. 187. Д. 1132. и Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской республики (Нальчик, Российская Федерация) – Ф. И-6 (Управление Нальчикского округа Терской области). Оп. 1. Д. 858, также были просмотрены документы Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания (Владикавказ, Российская Федерация) – Ф. 11 (Терское областного правления). Оп. 13. Д. 933 и Ф. 123. (Дирекция народных училищ Терской области). Оп. 13. Д. 795.

Сведения о динамике финансирования школьного строительства были взяты из «Обзора деятельности Кавказского учебного округа за 1908-1914 гг.» [Рудольф 1914].

В процессе анализа особенностей провинциальной периодической печати использован комплекс современных общенаучных и специальных методов, позволяющих исследовать различные стороны образовательного процесса в региональных изданиях.

Принцип историзма предполагает рассмотрение явлений в их исторической динамике, с учетом конкретных условий и контекста эпохи. В данном исследовании этот принцип был применен для анализа развития системы образования в Нальчикском округе в начале XX в. Учитывались социально-экономические, политические и культурные условия того времени.

Системный подход позволил рассмотреть образовательную систему Нальчикского округа как сложную структуру, состоящую из взаимосвязанных элементов, что позволило выявить наиболее острые проблемы образовательного процесса, такие как нехватка финансирования, низкая квалификация учителей, несоответствие учебных программ местным условиям, а также роль отдельных личностей в улучшении ситуации.

Источниковедческий анализ был применен для критического изучения периодической печати как основного источника информации. Этот метод позволил выделить как объективные данные (например, статистика по количеству школ и учеников), так и субъективные оценки (например, мнения журналистов и общественных деятелей).

Обсуждение

Тема освещения вопросов образования в периодической печати на Кавказе, несмотря на ее значимость для общества, редко была объектом внимания исследователей по ряду причин. Объем печатной продукции газет и журналов, который требуется проанализировать, велик, многогранен и зачастую был недоступен для его оперативного получения. На сегодняшний день оцифровано лишь незначительное количество газетных изданий, абсолютное большинство которых отсутствуют в местных библиотеках и архивах, даже в таком как ЦГА РСО-Алания во Владикавказе, который был центром Терской области. Основная часть этих материалов сосредоточена только в крупных библиотеках Москвы, Санкт-Петербурга, Тбилиси. Как следствие, значительные затруднения в поиске исторических источников, на основании которых проводится исследование.

В этом контексте, важно подчеркнуть значимость сборника материалов, составленный Р.Х. Хашхожевой «Адыгская публицистика конца XIX – начала XX века» [Адыгская… 2005]. В нем представлены статьи кабардинской/адыгской интеллигенции, посвященные проблемам региона, в том числе образования. Уникальность этого издания состоит в том, что в нем собраны редкие публикации, которые ранее были практически недоступны широкой аудитории, а значит только фрагментарно изучены исследователями. В сборнике также приведены подробные биографические данные авторов публикаций, что дает нам более полное представление о них как о просветителях, много сделавших для развития горских народов, глубже понять их мотивацию, взгляды и социальные контексты, в которых они работали.

Работа Е.С. Тютюниной представляет собой многогранное исследование жизни и творчества одного из ярких представителей кавказской интеллигенции начала XX в. – Евгения Баранова, в котором анализируются основные произведения писателя и журналиста, его статьи, рассказы и очерки, опубликованные в местных газетах и журналах [Кавказ… 2014]. Особое внимание уделено его де-

ятельности как публициста и общественного деятеля, который активно выступал за улучшение системы образования и сохранение культурного наследия народов Кавказа.

Значимы для исследования статьи, раскрывающие историю некоторых периодических изданий. Так статья К.У. Таутиева и Ф.С. Киреева дает общее представление о газете «Терские ведомости» [Таутиев 2015], исследование Л.А. Турпалова раскрывает роль газеты «Терек» в контексте политической ситуации 1905 г. [Турпалов 2019], а Ю.В. Лучинский анализирует изменение редакционной политики газеты «Кавказ» в начале XX в [Лучинский 2021]. Исследования П.А. Кузьминова и А.А. Журтовой выявили особенности периодической печати как исторического источника [Кузьминов 2024; Кузьминов, Журтова 2024; Кузьминов, Журтова 2024а].

Труды Т.Х. Кумыкова и М.З. Саблирова посвящены развитию просвещения и культуры горских народов Кабарды и Балкарии [Кумыков 1996; Соблиров 2001]. Эти работы исследуют становление системы образования, включая открытие школ и влияние русской культуры на образовательные процессы. Они основаны на большом количестве архивных и периодических материалов, что делает эти работы ценными источниками для изучения проблемы, поднятой в данном исследовании.

Д.Н. Прасолов ввел в научный оборот информацию об «иногородних» жителях Нальчика, которые просили учесть их потребности в обучении и воспитании детей в школах [Прасолов 2016]. Кроме того, им была опубликована работа, в которой освещается роль доверенных Нальчикского округа в развитие образования в регионе, в частности, была поднята проблема закрытия министерских школ и реакция на это со стороны общественности [Прасолов 2019].

К.А. Батова на конкретных примерах доказала прямое влияние руководителя округа С.К. Клишбиева на изменение акцентов в обучении детей в Нальчикском округе [Батова 2020].

Вызывает интерес статья П.А. Кузьминова, посвященная истории Кабардино-Горского реального училища, в которой подробно проанализирована финансовая роль местного населения в открытии первого среднего учебного заведения в Нальчикском округе [Kuzminov et al., 2022].

Изучение системы народного образования на Кавказе в начале XX в. было объектом интереса многих исследователей [Натолочная и др., 2022; Шевченко и др., 2016; Гаунова и др. 2024; Гаунова и др. 2024а]. В этих трудах образовательная политика региона рассматривается в контексте общей российской образовательной стратегии того времени.

Таким образом, даже беглый обзор имеющихся публикаций по заявленной теме показывает, что несмотря на обилие публикаций, проблемы просвещения в Нальчикском округе требуют углубленного исследовательского внимания.

Результаты

В Терской области, в которую входил и Нальчикский округ, в начале XX в. издавалось не мало периодических изданий, которые затрагивали вопросы, связанные с изучением стратегии и тактики обучения детей в школах. Особой популярностью

у населения пользовались общекавказские, областные, городские газеты: «Кавказ»[1], «Терские ведомости»[2**], «Терек»[3***], «Пятигорское Эхо»[4****], и др.

Основным программным положением, объединяющим все издания, была публикация жизненно важных вопросов края, предоставление полезной информации и актуальных новостей, а также знакомство российской общественности с особенностями жизни, традициями и обычаями народов, населяющих Кавказ. При этом много внимания уделялось вопросам образования.

Просмотрев сотни газетных выпусков, можно утверждать, что редкий номер издания обходился без информации о школах в области. Газеты публиковали сообщения об открытии или расширении учебных заведений, их финансировании, поднимались вопросы, затрагивающие недостатки образовательной системы в области, округах, городах и т.д. Это позволяет нам рассмотреть состояние образовательной сферы в Нальчикском округе в достаточно полном объеме.

Евгений Баранов, писавший под множеством псевдонимов («Адыге», «Горец», «Кабардинец», «Лесной»), часто обращался к вопросам повседневного быта слободы Нальчик, высказывался о недостойном поведении интеллигенции, а также о неудовлетворительном состоянии школьного дела в округе [Кавказ… 2014: 3]. Он не ограничивался изложением фактов, а глубоко анализировал проблему, обосновывал свою точку зрения и предлагал конкретные рекомендации их решения [Адыгская… 2005: 107]. Его статьи публиковались во многих изданиях, распространённых на Северном Кавказе. Одна его статья, опубликованная в газете «Пятигорское Эхо», заслуживает особого внимания, поскольку в ней обозначены «больные» места образования начала XX в.

В статье «Школьный вопрос» Е. Баранов (статья опубликована под псевдонимом «Кабардинец») поднимает проблему острой нехватки в аулах Нальчикского округа начальных школ для обучения русской грамоте. Журналист описывает, как во многих селах и аулах школьные помещения были переполнены или вовсе отсутствовали, из-за чего сотни детей не могли посещать занятия. В таких аулах образование становилось недоступной роскошью, и детям приходилось либо учиться в неблагоприятных условиях, либо вовсе отказываться от получения знаний.

Автор приводит пример того, как плохая организация школьного дела существенно замедлила развитие образования в округе. В начале XX в. во многих аулах Нальчикского округа были открыты начальные школы, и дети кабардинцев и балкарцев их активно посещали. Но уже скоро проявились существенные недостатки учебного процесса. В аул, где не было ни одного русского человека

---

[1] «Кавказ» – газета политическая и литературная, выходила в Тифлисе в 1846-1918 гг. Возникла в 1846 г., по инициативе наместника кн. Воронцова. *URL:* https://bukvica.org/wiki/Кавказ *(дата обращения 10.01.2025 г.)*

[2**] «Терские ведомости» – официальный орган областной администрации, выходивший в свет с 1868 по 1917 год. *URL:* https://terskievedomosti.ru/about *(дата обращения 10.01.2025)*

[3***] «Терек» – ежедневная политическая и литературная газета либерально-буржуазного направления. Выходила во Владикавказе с 1906 по 1918. Ред.-изд. А. П. Казарова (1906-1912), С.И. Казаров (1912-1918). *URL:* https://bukvica.org/wiki/Терек_(Владикавказ,_1906—1918) *(дата обращения 10.01.2025 г.)*

[4****] «Пятигорское эхо» – ежедневная общественно-политическая и литературная газета, выходившая с 1905 по 1918 гг. Редакторами издания являлись А.И. Попова и Е.И. Поповой, а также известный публицист К.К. Кибардин. *URL:* https://pyatigorsk.myhistorypark.ru/media/toponimika-kmv/gazeta-«pyatigorskoe-exo».html *(дата обращения 10.01.2025 г.)*

и русский язык почти никто не знал, назначали русских учителей без должной педагогической подготовки, без знания ими кабардинского языка, норм обычного права, местных обычаев и культурных традиций, что привело к полной девальвации образовательного процесса. Дети не понимали учителей. Учителя не понимали детей. Дети переставали ходить в школы и в селениях с двухтысячным населением оставалось всего по два-три ученика. В результате сельские сходы выносили решения о прекращении финансирования своих школ, и ходатайствовали перед окружными властями о закрытии учебных заведений [Школьный вопрос 1909: 3].

Автор поднимает болезненную для всего Кавказа проблему незнания русского языка горцами и, в то же время, чрезмерного внимания к арабскому, по совету аульных мулл и эфенди. Широко распространенное мнение о неприязненном отношении горских народов к русскому языку является ошибочным, считает «Кабардинец». Вопрос заключается в том, пишет корреспондент, что использование арабского языка на Северном Кавказе обусловлено рядом факторов. До недавнего времени этнические группы, населяющие этот регион, не имели национальной письменности, поэтому, как правило, пользовались арабской графикой. Практически единственной возможностью научиться грамоте, были мусульманские школы-мектебе при мечетях, что способствовало распространению арабского языка в учебной и культурной сферах.

Е. Баранов задается вопросом: «Если они не любят русскую грамоту, то, спрашивается, какую еще им любить, если она так необходима им на каждом шагу, без которой им нельзя обойтись?» и приходит к выводу, что «как только появится квалифицированный преподаватель из числа местных жителей, горцы охотно начнут учиться этому языку» [Школьный вопрос 1909: 3].

Злободневной проблемой слободы Нальчик в начале XX в. стал значительный рост численности «иногородних». «Иногородцами» называли русских жителей слободы, поселившихся здесь после 1871 г. К 1914 г. их насчитывалось более 1650 душ, хотя они звались «иногородними», многие из них родились и выросли в слободе, тем не менее, многих социальных и административных прав они были лишены [Прасолов 2016: 57]. В частности, их дети не принимались в слободские школы, что вызывало бурные протесты и дискуссии в периодической печати.

Анализируя конфликт между попечительским советом местной школы и некоторыми коренными жителями слободы по поводу предложения преобразовать школы в двухклассное училище с возможностью для детей иногородних жителей обучаться за плату [Ревнители… 1908: 3], «Кабардинец» выступил в поддержку школы и остро критиковал «аборигенов», называя их «горлопанами». Озвученные ими аргументы, в его интерпретации, основывались на том, что школа якобы была построена на их деньги, а их предки «проливали кровь», чтобы создать её. Опровергая эти доводы, он пишет, что средства на школу были собраны не из «кровных» денег жителей, а от доходов с кабаков слободы, и что настоящих воинов, участвовавшие в завоевании Кавказа, давно уже нет в живых [Ревнители… 1908: 3].

Автор подчеркивает, что коренные жители мало используют школьное образование, предпочитая жить «весь свой век в навозном тепле и по праздничным дням под пьяную руку сокрушая женам и домочадцам зубы и скулы», тогда как «иногородние» стараются дать своим детям образование, несмотря на материальные трудности [Ревнители… 1908: 3].

Острота данной проблемы подтверждается тем, что она неоднократно поднималась на страницах периодической печати, при чем она была злободневной во всех округах Терской области [Ходатайство…1914: 4; Нальчик 1914: 3].

В газете «Пятигорское Эхо» 24 марта 1914 г. была напечатана заметка собственного корреспондента издания, в которой говорилось о желании 45 домохозяев-осетин на правах иногородних открыть одноклассное начальное училище. С этой целью, они подали прошение руководству «Общества распространения образования и технических сведений» горцев Терской области во Владикавказе о выплате казенного пособия. Основная цель «Общества» – всемерное светское просвещение народов округа, изучение родных языков в школах, оказание денежной помощи студентам и гимназистам, выехавшим в российские города для получения образования, организации торжественных мероприятиям по значимым датам страны или округа с обязательными концертами, открытие своими силами в аулах светских школ, подбор педагогов и др. [Кузьминов, 2024]. «Общество» передало эту просьбу дирекции народных училищ области, которая так им и не ответила [Ходатайство… 1914: 4]. Автор заметки, обращаясь к читателям газеты, пишет, что подобная инициатива должна быть поддержана как «Обществом», так и дирекцией, поскольку способствует развитию просвещения и культуры в крае.

В 1906 г. на съезде доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ был поднят вопрос о закрытии 27 начальных министерских школ. Участники съезда обосновывали это предложение значительными расходами – ежегодно на содержание учреждений выделялось до 20 000 рублей, при этом их результативность оставалась крайне низкой. В качестве альтернативы предлагалось перенаправить финансирование на открытие в 4 участках округа по одной двухклассной школе с пансионами [Прасолов 2019: 47; Народное образование… 1910: 3]. Этот приговор так и не был реализован на практике.

Тем не менее, дискуссия по этому вопросу вызвала бурное обсуждение на страницах периодической печати. Среди публикаций выделим статью видного представителя кабардинской интеллигенции Пшемахо Коцева, писавшего под псевдонимом П. Кабардей, который опубликовал ее в общероссийской газете «Новая Русь»[1] [Адыгская… 2005: 161].

Освещая проблемы народного образования в регионе, он акцентирует внимание на недавних событиях в одном из аулов Нальчикского округа, где местные жители закрыли школу, решив, что она бесполезна для их детей. Это событие не было единичным, и автор анализирует основания такого отношения горцев к школе [Народное образование… 1910: 3].

[1] «Новая Русь» – ежедневная газета, отстаивающая кадетскую программу. Выходила в Петербурге с 1908 по 28 октября 1917. *URL:* https://bukvica.org/wiki/Новая_Русь_(Пг.,_1908—1917) *(дата обращения 10.01.2025)*

Главными причинами этого явления П. Кабардей считает плохую организацию школьного дела в области и округе, неспособность аульных школ дать даже элементарные начала грамотности. Это связано с отсутствием должного надзора со стороны местного общества за развитием «школьного дела», враждебным отношением религиозных лидеров к школам, несоответствие общих образовательных программ местным условиям. Одним из важнейших условий эффективности обучения детей является преподавание предметов на родном языке с постепенным переходом к изучению на русском, считает П. Коцев, однако, ввиду отсутствия развитой письменности на родном языке ходатайствовать о реформе школьной системы на иных началах не представляется возможным. Поэтому приговор съезда доверенных о закрытии «бесцельных, бесполезных» министерских школ и открытии вместо них участковых, казалось единственно верным решением, поскольку планировалось «не стесняться ни размерами школьных зданий, ни необходимыми средствами, дабы всем желающим дать возможность учиться» [Народное образование… 1910: 3].

П. Коцев подчеркивал, что кабардинский народ не против просвещения, напротив, именно в Кабарде, раньше многих других горских регионов, начали открываться светские школы, выделяя для этих целей сравнительно большие финансы. Долгие годы на местные средства содержалась Горская школа и пансион при ней, а в 1909 г. на средства Кабардинской общественной суммы она была преобразована в реальное училище, первое среднее учебное заведение в округе с 70 казенными стипендиями [Kuzminov et al. 2022: 848].

Несмотря на объективные сложности, автор выражает уверенность в том, что только путем адаптации системы образования к местным условиям и активной поддержке интеллигенции, можно изменить отношение общества к школе и раскрыть потенциал просвещения как залог светлого будущего Кабарды [Народное образование… 1910: 3].

На волне обсуждения приговора доверенных известный осетинский просветитель Ахмет Цаликов опубликовал статью в альманахе «Утро Гор»[1**], где поднял проблему о невостребованности учебных заведений у кабардинцев. Следует обратить внимание на то, как автор строит аргументацию. Сначала он ставит вопрос: действительно ли горцы не хотят отдавать детей в школы, или причина в самой школе? [Цаликов 1910: 82]. На примере Хапцевского училища, А. Цаликов доказывает, что причины низкой посещаемости связаны не с культурной «инертностью», а с системными проблемами в организации школьного дела.

Автор приводит цитаты из ревизионных записей и рапортов учителей. Из них следует, что инспекторы и учителя жалуются на низкую посещаемость, нерадивость родителей, плохое отношение к школе. Согласно выпискам из предписания инспектора народных училищ М.М. Орла, становится известно, что ученики подвергались как физическому (порванные уши, порки), так и психологическому насилию, что приводило к бегству детей из школ. Это стало

[1**] «Утро гор» – общественно-политический, экономический и литературный альманах, посвященный жизни горцев Кавказа, выходивший под редакцией А. Цаликова. Изначально планировалось как периодическое издание, с выпуском 12 раз в год, однако, насколько известно, был опубликован только первый номер. *URL:* https://vivaldi.dspl.ru/bx0004999/details *(дата обращения 10.01.2025)*

возможно потому, что учителя и почётный блюститель училища Шужей Сахаров полностью игнорировали свои обязанности, вследствие чего, в школе отсутствовала дисциплина, порядок, чистота [Цаликов 1910: 83].

А. Цаликов приходит к выводу, что низкая посещаемость Хапцевского училища объяснялась «не косностью горцев» и не ленью родителей, а отсутствием доверия к системе из-за пренебрежения к их нуждам. Школы воспринимались как инструмент русификации, а не просвещения. Учителя – «культуртрегеры» глумились над местными обычаями, усиливая отторжение со стороны горского населения [Цаликов 1910: 84].

Подводя итог, автор отмечает, что «школа должна быть создана исключительно в целях культурного подъема населения, а для этого она должна быть приноровлена к этнографическим и бытовым особенностям населения. Только в этом случае она будет выполнять свою высокую миссию, не вбиваясь клином в народную жизнь и не внося в нее сумятицы и раздора» [Цаликов 1910: 85].

Эта проблема также была рассмотрена в статье Н. Решетина «Что нужно туземным школам?». Автор упоминает о выделении Министерством народного просвещения 160 тысяч рублей на развитие образования, однако критикует решение Терского областного руководства направить эти средства на строительство 200 школ [Решетин 1913: 3]. Опираясь на работу А. Цаликова, Н. Решетин подчеркивает необходимость привлечения более квалифицированных специалистов в сельские образовательные учреждения. Для реализации этой задачи, по его мнению, требуется повысить оплату труда педагогов, сократить стаж для выхода на пенсию, а также предоставить дополнительные льготы. Вместо создания «пустующих» школ, автор предлагает сосредоточиться на повышении качества преподавания и подготовке кадров из числа местного населения [Решетин 1913а: 2].

Эта публикации вскрывают острое противоречие между официальными отчетами и реальными причинами проблем в системе народного образования в Нальчикском округе.

Хотя в среде активных общественников Нальчикского округа существовали сомнения в эффективности аульных школ, к 1914 г. в округе было открыто 73 одноклассных и двухклассных начальных училищ [РГИА. Ф. 733. Оп. 187. Д. 1133. Л. 2–32.]. Этого удалось добиться, в частности, благодаря усилиям начальника Нальчикского округа, Султанбека Касаевича Клишбиева, вступившего в должность в 1910 г. Под его руководством были созданы несколько благотворительных организаций, которые содействовали развитию образования, финансируя стипендии для местных жителей и поддерживая строительство школ [Кузьминов 2024: 106]. При административной поддержке С.К. Клишбиева было возведено новое здание для Кабардино-Горского реального училища [Батова 2020: 139].

Его участие в развитии образовательной сферы находит отражение в статье, опубликованной в газете «Санкт-Петербургские ведомости»[1], посвященной

[1] «Санкт-Петербургские ведомости» (с 1914 по 1917 год «Петроградские ведомости» — ежедневная общественно-политическая газета Санкт-Петербурга. Одна из старейших российских газет, выходившая с 1728 по 1917 год. *URL:* https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/3532981 *(дата обращения 10.01.2025)*

двухдневному совещанию доверенных Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ с представителями Дирекции народных училищ Терской области [Нальчик 1914: 5].

В 1908 г. в стране был принят закон о «Народном образовании», согласно которому ответственность за создание сети начальных школ возлагалась на местные органы управления. Таким образом, правительство ожидало, что это позволит рационально распределять ресурсы и обеспечить эффективное строительство школ. В связи с этим попечитель Кавказского учебного округа направил циркулярное распоряжение провести обследование территорий, где отсутствовали образовательные учреждения, находящиеся в ведении Министерства Народного Просвещения [Гаунова 2024: 1455]. В 1914 г. Нальчикский округ разработал собственный план введения всеобщего начального образования, для обсуждения которого и состоялось двухдневное совещание.

В ходе мероприятия были озвучены результаты проверки учебных заведений и представлена подробная статистика, отражающая состояние образовательной системы в округе. Так, корреспондент указывает, что на момент выхода публикации в округе с населением 101 тыс. человек работало 65 министерских школ (3 тыс. учеников), но грамотность среди детей составляла лишь 3 %. Для охвата всех 10,4 тыс. детей требовалось открыть ещё 143 школы [Нальчик 1914: 5].

Автор статьи отмечает, что финансовое обеспечение школ (в зависимости от их комплекта в пределах 240–450 рублей) возлагалось на местные общества. В то же время государство предоставляло субсидии и ссуды на строительство учебных заведений в рамках установленных норм [Нальчик 1914: 5].

На совещании были рассмотрены и другие вопросы хозяйственного и учебного характера. Например, были четко регламентированы сроки выплаты жалования учителям, определены периоды начала и окончания учебного года, а также продолжительность перерывов на время полевых работ [Нальчик 1914: 5]. Совещание завершилось согласием всех участников поддержать план введения всеобщего образования в Нальчикском округе.

Статья отражает имперский нарратив о «просвещении» народов Кавказа. Успех проекта связывается не только с улучшением образования, но и с укреплением лояльности к России. Кабардинцы, по мнению автора, осознали необходимость прогресса, а С.К. Клишбиев стал ключевой фигурой в этом процессе, сочетая местные интересы с государственными задачами. Его роль в тексте ключевая: он представлен как инициатор данного мероприятия и энергичный реформатор, нацеленный на устранение социально-экономического и образовательного разрыва, наблюдаемого у кабардинцев в сравнении с их русскими и осетинскими соседями. Аналогично высокую оценку работе С.К. Клишбиева дал известный кабардинский кавказовед Т.Х. Кумыков, который отметил в нем такие качества, как требовательность, внимательное отношение к работе местных управленцев и строгое применение дисциплинарных мер к тем, кто проявлял халатность или недобросовестность в управлении школьными делами. [Кумыков 1996: 253].

В ноябре 1911 г. в газете «Терек» появилась небольшая корреспонденция, сообщающая, что одноклассное училище в сел. Докшукино находится в столь бедственном положении, что не может себе позволить приобрести необходимые учебные пособия [Сел. Докшукино 1911: 4].

Когда начальнику округа стало об этом известно, он провел внеплановую инспекцию, лично посетив учебное заведение. В своем отчете, С. К. Клишбиев отметил, что внутреннее состояние классных и других помещений школы свидетельствует о полной заброшенности. В связи с этим он вынес предписание начальнику 3-го участка объявить выговор старшине села за неисполнение требований по обеспечению нужд школы и обязать его под личным контролем устранить все выявленные недостатки [Кумыков 1996: 253].

2 марта 1911 г. в газете «Терек» вышла статья об открытии в селении Кармово училища, где благодаря инициативе начальника округа был налажен учебный процесс. Корреспондент газеты отмечает, что до последнего времени количество учеников, посещавших школу, было ничтожно мало, а сельское правление никак на это не реагировало, полагая, что оно не вправе требовать от местных жителей отправлять детей в школу. В отличие от них, С.К. Клишбиев «перестал миндальничать и попросту приказал, чтобы ребята учились» [Сел. Кармово 1911: 3]. То есть с приходом нового начальника округа, понимавшего значимость образования, отношение населения к школам стало меняться, «появились ученики, а сонные учителя кабардинцы проснулись». Осенью 1911 г. в школе обучалось уже 82 мальчика и 2 девочки [Сел. Кармово 1911: 3].

Корреспондент газеты «Терек» отмечает, что недавно посетивший одну из старейших школ в Кабарде в селении Нальчикско-Клишбиевское, родное село С.К. Клишбиева, Попечитель Кавказского учебного округа, был настолько впечатлен познаниями учеников, что наградил заведующего школы г. Кожегуба 120 рублями – крупной суммой для того времени. Вскоре новым заведующим в школе стал кабардинец, с этого момента, количество детей, желающих посещать школу, значительно выросло, на что обратил внимание начальник округа, который инициировал проект преобразования школы в двухклассное училище. Общественный приговор селения постановил сделать необходимую пристройку к школе и давать все необходимое училищу на свой счет, в очередной раз доказав, что кабардинцы никогда не стояли против просвещения [Сел. Нальчикско-Клишбиевское1911: 3].

Тема финансирования школ являлась одной из самых популярных на страницах периодической печати. Это было связано с ростом материального положения населения области, назначением нового Попечителя Кавказского учебного округа Ф.Н. Рудольфа, при котором объем финансов, выделяемых на народное образование, увеличился более чем в пять раз, достигнув к 1914 г. суммы в 2019942 руб. [Рудольф 1914: 7]. Однако, в регионах Северного Кавказа распределение бюджета происходило неравномерно. Часто выделенных средств на открытие учебных заведений не хватало, поэтому школы существовали за счёт средств от благотворительных организаций, частных пожертвований или сборов денег с родителей учеников.

В этом контексте интересна судьба начального училища в поселке Муртазово, которое было открыто в сентябре 1910 г. по инициативе и финансовой поддержке Л. Лазарева и братьев Суроковых [Сел. Муртазово 1911: 3]. Дирекция народных училищ Терской области назначила учительницу, а общество поселка выделило участок под строительство школы, сообщает Г. Самойленко в «Терских ведомостях» [Сел. Муртазово 1911: 3].

1 февраля 1911 г. корреспондент газеты «Терек» отмечает, что в данной школе обучается 17 мальчиков и 7 девочек, а в следующем учебном году прогнозировалось увеличение числа учащихся, что подчеркивало необходимость строительства нового здания. Корреспондент акцентирует внимание на том, что часть финансовых средств муртазовцы планировали получить из казны дирекции народных училищ, а оставшуюся часть местные жители намеревались собрать через пожертвования [Сел. Муртазово 1911а: 3].

В 1913 г. газета «Терек» вновь возвращается к «школьным вопросам», и журналист сообщает, что обещание дирекции оплатить половину затрат на строительство школы не выполнено. Тем не менее, процесс строительства уже был инициирован, при этом строительные материалы приходилось брать в долг. Для того чтобы оплатить труд каменщиков и плотников, местные жители вынуждены брать кредит в банке. После многократных просьб дирекция выделила 1 тысячу рублей, в то время как частные пожертвования составили 850 руб., таким образом, удалось собрать в общей сложности 1850 руб., тогда как строительство школьного здания обошлось в 6029 руб. 97 коп. [Ст. Муртазово 1913: 3]. Оставшийся долг обществу пришлось взять на себя, в надежде, что дирекция и администрация железной дороги, проходящей неподалеку от села, откликнутся на нужды местных жителей и помогут с его погашением. Однако, «ни дирекция, ни управление не слышит вопль сельчан, которые, с чувством глубокой скорби, начали поговаривать о продаже школы с торгов, чтобы погасить долг», отмечает корреспондент газеты «Терек». [Ст. Муртазово 1913: 3].

Несмотря на финансовые трудности, школа продолжала работать и пользовалась уважением местных жителей, хотя за обучение взималась плата. Документы свидетельствуют, что в 1912 г. с 25 учеников было собрано 430 рублей, по 18 руб. в год, а от государства школа получала 360 руб. [РГИА. Ф. 733. Оп. 187. Д. 1132. Л. 28.]. В перечне начальных школ за 1914 г. отмечается, что количество обучающихся в этой школе, включая мальчиков и девочек, увеличилось до 38 человек [ЦГА КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 858. Л. 71 об. – 72], т.е. за два года численность обучающихся выросла вдвое.

Интересный сюжет описан в газете «Пятигорское Эхо» за 22 и 23 сентября 1916 г., где опубликован отчет правления нальчикской грузинской школы о собранных пожертвованиях на строительство здания. Оно было открыто и освящено 3 мая 1915 г. Благодаря этой заметке мы узнаем, что для школы строилось новое здание, и средства на его возведение были пожертвованы жителями всего Северного Кавказа: из Георгиевска 29 человек собрали 147 руб.; из Кисловодска 74 человека передали 234 руб. 20 коп.; из Ессентуков 30 человек пожертвовали 96 руб.; из Пятигорска 34 человека внесли 155 руб.; из Железноводска 27 человек добавили 72 руб. 25 коп. В общей сложности было пожертвовано 704

руб. 45 коп. [Отчет 1916: 3; Отчет 1916a: 4]. В газете опубликованы имена меценатов и вложенные суммы, что позволяет оценить значимость и роль каждого из вкладчиков в поддержке просвещения в регионе. Это демонстрирует уровень общественного участия и заинтересованность местного населения в развитии просвещения в крае.

Одним из важнейших событий в сфере образования в Нальчикском округе было открытие «Кабардино-Горского реального училища» в 1909 г. Это событие было настолько значительным, что редакция «Терских ведомостей» посчитала нужным разместить в первом отделе официальной части «Закон о преобразовании нальчикской горской школы в реальное училище» [Закон… 1909: 1], тем самым информируя читателей об успехе дела за которым газета следила почти 30 лет.

Здание, где размещалось училище, ранее использовалось горской школой, которое не соответствовало требованиям среднего учебного заведения, поэтому в 1910 г. был образован строительный комитет, а в 1911 г. началось возведение нового здания. В торжественной обстановке и в присутствии высоких гостей произошла закладка первого камня. Для Нальчикского округа это было долгожданное событие, масштаб которого озвучили самые популярные периодические издания того времени: «Терские ведомости» [Торжество закладки…1911: 2-3; Торжество закладки… 1911a: 2; Торжество закладки… 1911b: 2] и «Кавказ» [Торжество… 1911: 2-3].

Текст публикаций идентичен. Корреспонденты газет в подробностях описывают торжество закладки, начиная от перечисления прибывших гостей до произнесенных ими речей. Из выступления Попечителя Кавказского учебного округа можно заключить, что государственная субсидия на начальные расходы училища составила 20 000 руб. [Торжество…, 1911: 3]. По словам Н.Ф. Рудольфа, подобные суммы редко выделялись даже для образовательных учреждений, расположенных в крупных городах. Попечитель акцентировал внимание на этом факте, чтобы подчеркнуть высокую степень доверия, оказанную государством кабардинскому народу. Это доверие обусловлено тем, что, несмотря на затянувшиеся бюрократические проволочки по вопросу преобразования училища, местное сообщество в течение многих лет усердно откладывало средства на строительство нового здания. Роль местных народов в возведении здания была зафиксирована в памятке, которую вслух прочли на русском и кабардинских языках, а позже замуровали в фундамент. В ней было написано: «Средства на постройку даны кабардинским народом и горцами пяти обществ Нальчикского округа», в сумме более 150 000 руб. [Торжество… 1911: 2]. Как видим, эта цифра почти в восемь раз превышает средства государства.

Заключение

Анализ проблем просвещения в Нальчикском округе сквозь призму публикаций в периодической печати дает основание подчеркнуть, с одной стороны, их значимость как репрезентативных источников информации о трудностях и успехах просвещения в Нальчикском округе. С другой стороны, благодаря острым замечаниям, а иногда и открытой критике действий администрации, они

способствовали выделению средств для поддержки школ, устранению организационных недостатков, т. е. оказывали практическое воздействие на процесс обучения.

Корреспонденты с мест или сотрудники газеты проявляли внимание к проблемам взаимодействия традиционного уклада жизни с требованиями нового времени, что ясно отразилось в обсуждениях на страницах печати. Вопросы переполненности школ, нехватки учебных заведений, неподготовленности учителей поднимались многократно, что свидетельствует о структурных недостатках образовательной системы.

Особое внимание на страницах газет уделялось роли меценатов, общественных организаций и активности местной интеллигенции в развитии образовательной системы. Среди них выделялся Султанбек Клишбиев, который внёс значительный вклад в организацию школ и поддержку образовательных инициатив.

Финансирование являлось одной из наиболее обсуждаемых тем, о чём свидетельствуют многочисленные статьи. Вопросы материальной обеспеченности школ поднимались как на уровне сельских сообществ, так и в администрации, но решались они трудно. И все-таки, несмотря на финансовые трудности, жители Нальчикского округа проявляли высокую заинтересованность в развитии учебных заведений.

Таким образом, анализ заявленной проблемы позволяет утверждать, что вопросы просвещения в Нальчикском округе занимали центральное место в общественном дискурсе Северного Кавказа начала XX в. Газеты того времени выступали важным инструментом информирования местного сообщества, отражая проблемы образовательной системы и создавая резонанс вокруг наиболее острых вопросов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Адыгская… 2005 – Адыгская публицистика конца 19 – начала 20 века (Избранное) / Сост. *Р.Х. Хашхожева*. – Нальчик: «Эль-Фа», 2005. – 352 с.

Батова 2020 – *Батова К.А.* Роль С.К. Клишбиева в превращении Кабардино-Горского реального училища в культурно-образовательный центр Кабарды и Балкарии // Перспектива – 2020: Материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных. – Том I. –2020. – С. 137-141.

Гаунова и др. 2024 – *Гаунова Л.Р., Кузьминов П.А., Журтова А.А., Соблирова З.Х.* Н.Ф. Рудольф – организатор и попечитель народного образования на Кавказе // *Былые годы*. – 2024. – 19 (3). – С. 1453-1461.

Гаунова и др. 2024а – *Гаунова Л.Р., Кузьминов П.А., Азикова Ю.М., Соблирова З.Х.* Отражение темы народного образования на страницах газеты «Терские ведомости» в 1907–1912 гг. // *Былые годы*. – 2024. – № 4. – С. 1910-1919.

Закон… 1909 – Закон о преобразовании Нальчикской горской школы в реальное училище // *Терские ведомости*. – 1909. – № 93. – С. 1.

Кавказ… 2014 – Кавказ: живой отголосок прошлого. Жизнь и творчество писателя Евгения Баранова/Авт.-сост. Е.С. Тютюнина. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (Полиграфсервис и Т), 2014. – 280 с.

Кузьминов 2024 – *Кузьминов П.А*. Становление культурно-просветительских организаций в Кабарде в конце XIX – начале XX вв. на страницах периодической печати Терской области // Роль империй нового времени в истории и судьбах народов Кавказа (к 250-летию Кючук-Кайнарджийского мирного договора): материалы международной научно-

практической конференции (Ставрополь, 26-27 сентября 2024 г.). – Ставрополь: Ставропольское издательство «Параграф», 2024. – С. 100-109.

Кузьминов, Журтова 2024 – *Кузьминов П.А., Журтова А.А.* Генезис периодики на Кавказе // *Народы Кавказа в XVIII–XXI вв.: история, политика, культура: материалы XI Международного форума историков–кавказоведов, посвященного 100-летию принятия первой союзной Конституции и образования Северо–Кавказского края (г. Ростов-на-Дону, 16-19 октября 2024 г.).* – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2024. С. 116-123;

Кузьминов, Журтова 2024а – *Кузьминов П.А., Журтова А.А.* Исторические и историографические источники периодической печати изучения реформ 50–70–х гг. XIX в. у горских народов Северного Кавказа // *Материалы Межрегиональной научно–практической конференции «Национально–государственные образования в России: история и современность», посвященной 100-летию образования Республики Ингушетия, состоявшейся 11-13 ноября 2024 г. в г. Магасе Республики Ингушетия.* – Ростов-на-Дону, 2024. – Т. 1. – С. 116-123.

Кумыков 1996 – *Кумыков Т.Х.* Культура общественно-политическая мысль и просвещение Кабарды во второй половине XIX – начале XX века. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 328 с.

Лучинский 2021 – *Лучинский Ю.В., Осташевский А.В., Болтуц О.А*. Редакторский корпус газеты «Кавказ» в первое десятилетие XX века: трансформация информационной политики // Известия ЮФУ Филологические науки. – 2021. – Т. 25. – № 4. – С. 194-206.

Нальчик 1914 – Нальчик // Терек. – 18 марта 1914. – С. 3.

Нальчик... 1914 – Нальчик, Терской обл. // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1914. – № 98. – С. 5.

Народное образование 1910 – Народное образование в Кабарде // *Новая Русь*. – 1910. – №42. – С.3.

Отчет 1916 – Отчет // *Пятигорское Эхо*. – 22 сентября 1916. – С. 3.

Отчет 1916а – Отчет // *Пятигорское Эхо*. – 23 сентября 1916. – С. 4.

Прасолов 2016 – *Прасолов Д.Н.* Нальчик и кабардинское общество в XIX – начале XX в. // *Уральский исторический вестник*. – 2016. – № 3 (52). – С. 52-61.

Прасолов, 2019 – *Прасолов Д.Н.* Просветительские практики и интеллектуальная культура коренного населения Северного Кавказа в условиях имперской модернизации (школьный вопрос на съездах доверенных Нальчикского округа в последней трети XIX – начале XX в.) // Электронный журнал «Кавказалогия». – 2019. – № 2. – С. 37-54.

РГИА – Российский государственный исторический архив

Ревнители… 1908 – Ревнители просвещения // *Пятигорское Эхо* . – 1908. – №386. С.3.

Решетин 1913 – *Решетин Н.* Что нужно туземным школам? // *Терские ведомости*. – 1913. – №116. – С. 3.

Решетин 1913а – *Решетин Н.* Что нужно туземным школам? // *Терские ведомости.* – 1913. – №117. – С. 2.

Рудольф 1914 – *Рудольф Н.Ф.* Обзор деятельности Кавказского учебного округа 1908-1912 гг. – Тифлис, 1914. – 231 с.

Саблиров 2001 – *Саблиров М.З.* Культура народов Кабарды и Балкарии в конце XIX – начале XX в. – Нальчик: Адыгэ хэку, 2001. – 232 с.

Сел. Докшукино 1911 – Сел. Докшукино // Терек. – 11 ноября 1911. – С. 4.

Сел. Кармаво 1911 – Сел. Кармово // *Терек*. – 2 мата 1911. – С. 3.

Сел. Муртазово 1911 – Сел. Муртазово // *Терские ведомости*. – № 199. –1911. – С.3.

Сел. Муртазово 1911а – Сел. Муртазово // *Терек*. – 1 февраля 1911. – С.3.

Сел. Нальчикско-Клишбиевское 1911 – Сел. Нальчикско-Клишбиевское // *Терек.* – 5 апреля 1911. – С. 3.

Ст. Муртазово 1913 – Ст. Муртазово. Школьный вопрос // *Пятигорское Эхо*. – 18 июня 1913. – С. 3.

Торжество закладки… 1911 – Торжество закладки здания для Нальчикского реального училища // *Терские ведомости*. – 1911. – №154. – С. 2-3.

Торжество закладки… 1911a – Торжество закладки здания для Нальчикского реального училища // *Терские ведомости*. – 1911. – №155. – С. 2.

Торжество закладки… 1911b – Торжество закладки здания для Нальчикского реального училища // *Терские ведомости*. – 1911. – №156. – С. 2.

Торжество… 1911 – Торжество закладки здания нальчикского реального училища // *Кавказ*. – 1911. – № 167. – С. 2-3.

Турпалов 2019 – *Турпалов Л.А.* Трансформация системы прессы Северного Кавказа в контексте цензурной реформы под влиянием первой русской революции // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2019. – № 6. – С. 74-93.

УЦГА АС КБР – Управление Центрального Государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Ходатайство… 1914 – Ходатайство об открытии школы // *Пятигорское эхо*. – 1914. – № 65. – С. 4.

Цаликов 1910 – *Цаликов* А. Отклики горской жизни // *Утро гор.* – 1910. – Вып.1. – С. 80-86.

Школьный вопрос 1909 – Школьный вопрос// *Пятигорское Эхо*. – 1909. – №679. – С.3.

Cherkasov 2023 – *Cherkasov A.A.* Caucasian Educational District in the last years of the Imperial Period (1914–1917): Some Results of the Pre-Revolutionary Education System // *Bylye Gody*. – 2023. – 18(1). – P. 465-474.

Kuzminov et al. 2022 – *Kuzminov P.A. Apazheva S.S., Zhurtova A.A.* «The Temple of Sciences Has Been Erected»: on the History of the Creation of the Real School in the Nalchik District // *Bylye Gody*. – 2022. – 17(2). – P. 844-852.

Natolochnaya et al., 2022 – *Natolochnaya O. V., Allalyev R. M., Dyuzhov A. V., Petrova S. P.* To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848−1917. Part 2. // *Bylye Gody*. – 2022. – 17(1). – P. 189-198.

Shevchenko et al. 2016 – S*hevchenko N. A., Vidishcheva E. V., Emelyanova O. V.* The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features // Bylye Gody. – 2016. – 40 (2). – P. 363-372.

REFERENCES

Adygskaya publitsistika kontsa 19-nachala 20 veka (Izbrannoe) [Adyghe journalism of the late 19th-early 20th century (Selected)]. *Sost. R. Kh. Khashkhozheva*. – Nal'chik: «El'-Fa», 2005. – 352 p. (In Russ.).

BATOVA K.A. *Rol' S.K. Klishbieva v prevrashchenii Kabardino-Gorskogo real'nogo uchilishcha v kul'turno-obrazovatel'nyi tsentr Kabardy i Balkarii* [The role of S.K. Klishbiev in the transformation of the Kabardino-Urban Real School into the cultural and educational center of Kabarda and Balkaria]. IN: *Perspektiva – 2020: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh.* – Tom I. – 2020. – P. 137-141. (In Russ.).

GAUNOVA L.R., KUZ'MINOV P.A., AZIKOVA YU.M., SOBLIROVA Z. KH. *Otrazhenie temy narodnogo obrazovaniya na stranitsakh gazety «Terskie vedomosti» v 1907-1912 gg.* [Reflection of the theme of public education on the pages of the newspaper "Terskiye Vedomosti" in 1907-1912]. IN: *Bylye gody.* – 2024. – № 4. – P. 1910-1919. (In Russ.).

GAUNOVA L.R., KUZ'MINOV P.A., ZHURTOVA A.A., SOBLIROVA Z.KH. *N.F. Rudol'f – organizator i popechitel' narodnogo obrazovaniya na Kavkaze* [N.F. Rudolf – organizer and trustee of public education in the Caucasus]. IN: *Bylye gody.* – 2024. – 19(3). – P. 1453-1461. (In Russ.).

Kavkaz: zhivoy otgolosok proshlogo. Zhizn' i tvorchestvo pisatelya Evgeniya Baranova [The Caucasus: a living echo of the past. The life and work of writer Evgeny Baranov] /Avt.-sost. E.S. Tyutyunina. – Nalchik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh (Poligrafservis i T), 2014. – 280 p. (In Russ.)

Khodataistvo ob otkrytii shkoly [Petition for the opening of a school]. IN: *Pyatigorskoe ekho*. – 1914. – № 65. – P.4. (In Russ.).

Khodataystvo ob otkrytii shkoly [Petition for the opening of the school].IN: Pyatigorskoe ekho. – 1914. – № 65. – P.4. (In Russ.).

Kumykov T. Kh. Kultura obshchestvenno-politicheskaya mysl i prosveshchenie Kabardy vo vtoroy polovine XIX – nachale XX veka [Culture, socio-political thought and enlightenment of Kabarda in the second half of the 19th – early 20th century]. – Nalchik: Elbrus, 1996. – 328 p. (In Russ.).

KUZMINOV P.A. APAZHEVA S.S., ZHURTOVA A.A. «The Temple of Sciences Has Been Erected»: on the History of the Creation of the Real School in the Nalchik District. IN: *Bylye Gody*. – 2022. – 17(2). – P. 844-852.

KUZ'MINOV P.A. *Stanovlenie kul'turno-prosvetitel'skikh organizatsii v Kabarde v kontse XIX – nachale XX vv. na stranitsakh periodicheskoi pechati Terskoi oblasti* [The formation of cultural and educational organizations in Kabarda in the late XIX – early XX centuries on the pages of the periodical press of the Tersk region]. IN: *Rol' imperii novogo vremeni v istorii i sud'bakh narodov Kavkaza (k 250-letiyu Kyuchuk-Kainardzhiiskogo mirnogo dogovora): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', 26-27 sentyabrya 2024 g.).* – Stavropol': Stavropol'skoe izdatel'stvo «Paragraf», 2024. – P. 100-109. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A. *Stanovlenie kul'turno–prosvetitel'skikh organizatsii v Kabarde v kontse XIX – nachale XX vv. na stranitsakh periodicheskoi pechati Terskoi oblasti* [The formation of cultural and educational organizations in Kabarda in the late 19th and early 20th centuries on the pages of the periodical press of the Tersk region]. IN: *Rol' imperii novogo vremeni v istorii i sud'bakh narodov Kavkaza (k 250-letiyu Kyuchuk-Kainardzhiiskogo mirnogo dogovora): materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', 26-27 sentyabrya 2024 g.).* – Stavropol': Stavropol'skoe izdatel'stvo «Paragraf», 2024. – P. 100–109. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A., ZHURTOVA A.A. *Genezis periodiki na Kavkaze* [The genesis of periodicals in the Caucasus]. IN: *Narody Kavkaza v XVIII–XXI vv.: istoriya, politika, kul'tura: materialy XI Mezhdunarodnogo foruma istorikov–kavkazovedov, posvyashchennogo 100–letiyu prinyatiya pervoi soyuznoi Konstitutsii i obrazovaniya Severo–Kavkazskogo kraya (g. Rostov–na–Donu, 16–19 oktyabrya 2024 g.).* – Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNTs RAN, 2024. – P. 116-123. (In Russ.).

KUZ'MINOV P.A., ZHURTOVA A.A. Istoricheskie i istoriograficheskie istochniki periodicheskoi pechati izucheniya reform 50–70–kh gg. XIX v. u gorskikh narodov Severnogo Kavkaza [Historical and historiographical sources of the periodical press for studying the reforms of the 50-70s of the XIX century among the mountainous peoples of the North Caucasus]. IN: *Materialy Mezhregional'noi nauchno–prakticheskoi konferentsii «Natsional'no–gosudarstvennye obrazovaniya v Rossii: istoriya i sovremennost'», posvyashchennoi 100-letiyu obrazovaniya Respubliki Ingushetiya, sostoyavsheisya 11-13 noyabrya 2024 g. v g. Magase Respubliki Ingushetiya*. – Rostov-na-Donu, 2024. – T. 1. – P. 116-123. (In Russ.).

LUCHINSKII YU.V., OSTASHEVSKII A.V., BOLTUTS O.A. *Redaktoroskii korpus gazety «Kavkaz» v pervoe desyatiletie XX veka: transformatsiya informatsionnoi politiki* [Editorial staff of the newspaper "Kavkaz" in the first decade of the XX century: transformation of information policy]. IN: *Izvestiya YuFU Filologicheskie nauki.* – 2021. – T. 25. – № 4. – P. 194-206. (In Russ.).

Murtazovo. Shkol’nyy vopros [Murtazovo. The school question]. IN: Pyatigorskoe Ekho. 18 iyunya 1913. – P. 3. (In Russ.).

Nal'chik [Nalchik]. IN: *Terek.* – 18 marta 1914. – P. 3. (In Russ.).

Nal'chik, Terskoy obl. [Nalchik, Tersk region]. IN: *Sankt-Peterburgskiye vedomosti*. – 1914. – № 98. – P. 5. (In Russ.).

Narodnoe obrazovanie v Kabarde [Public education in Kabarda]. IN: *Novaya Rus'*. – 1910. – №42. – P.3. (In Russ.).

NATOLOCHNAYA O.V., ALLALYEV R.M., DYUZHOV A.V., PETROVA S.P. To the Issue of the Public Education System on the Territory of the Caucasian Educational District in 1848−1917. Part 2. IN: *Bylye Gody*. – 2022. 17(1). – P. 189-198. (In Russ.).

Otchet [Report]. IN: *Pyatigorskoe Ekho*. – 22 sentyabrya 1916. – P. 3. (In Russ.).

Otchet [Report]. IN: *Pyatigorskoe Ekho*. – 23 sentyabrya 1916. – P. 4. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Prosvetitel'skie praktiki i intellektual'naya kultura korennogo naseleniya Severnogo Kavkaza v usloviyakh imperskoy modernizatsii (shkol'nyy vopros na s"ezdakh doverennykh Nal'chikskogo okruga v posledney treti XIX – nachale XX v.)* [Educational practices and intellectual culture of the indigenous population of the North Caucasus in the context of imperial modernization (a school issue at congresses of representatives of the Nalchik district in the last third of the XIX – early XX century)]. IN: Kavkazalogiya. – Nalchik: KBGU, 2019. – №2. – P. 37-54. (In Russ.).

PRASOLOV D.N. *Nal'chik i kabardinskoe obshchestvo v XIX – nachale XX v.* [Nalchik and Kabardian society in the XIX – early XX century]. IN: *Ural'skii istoricheskii vestnik*. – № 3 (52). – 2016. – P. 52-61. (In Russ.).

RESHETIN N. *Chto nuzhno tuzemnym shkolam*? [What do native schools need?]. IN: Terskie vedomosti. – 1913. – №116. – P. 3. (In Russ.).

RESHETIN N. *Chto nuzhno tuzemnym shkolam?* [What do native schools need?]. IN: Terskie vedomosti. – 1913. – №117. – P. 2. (In Russ.).

Revniteli prosveshcheniya [Zealots of enlightenment]. IN: *Pyatigorskoe Ekho*. – 1908. – №386. – P. 3. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. (In Russ.).

SABLIROV M.Z. *Kultura narodov Kabardy i Balkarii v kontse XIX – nachale XX v*. [Culture of the peoples of Kabarda and Balkaria in the late 19th – early 20th centuries]. – Nalchik: Adyge kheku, 2001. – 232 p. (In Russ.).

Sel. Dokshukino [Dokshukino village]. IN: Terek. – 11 noyabrya 1911. – P. 4. (In Russ.).

Sel. Karmovo [Village Karmovo]. IN: Terek. – 2 marta 1911. – P. 3. (In Russ.).

Sel. Murtazovo [Village Murtazovo]. IN: Terek. – 1 fevralya 1911. – P.3. (In Russ.).

Sel. Murtazovo [Village Murtazovo]. IN: Terskie vedomosti. – № 199. –1911. – P.3. (In Russ.).

Sel. Nal'chiksko-Klishbievskoe [Village Nalchik-Klishbievskoye]. IN: Terek. – 5 aprelya 1911. – P. 3. (In Russ.).

SHEVCHENKO N.A., VIDISHCHEVA E.V., EMELYANOVA O.V. The Establishment of the System of Public Education in the Caucasus (1802–1917 years): the Characteristic Features. IN: *Bylye Gody*. – 2016. 40 (2). – P. 363-372.

Shkol'nyi vopros [The School Question]. IN: *Pyatigorskoe Ekho*. – 1909. – №679. – P.3. (In Russ.).

Torzhestvo zakladki zdaniya dlya Nal'chikskogo real'nogo uchilishcha [The celebration of the laying of the building for the Nalchik Real School]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1911. – №154. – P. 2-3. (In Russ.).

Torzhestvo zakladki zdaniya dlya Nal'chikskogo real'nogo uchilishcha [The celebration of the laying of the building for the Nalchik Real School]. IN: *Terskie vedomosti*. – 22 iyulya 1911. – P. 2. (In Russ.).

Torzhestvo zakladki zdaniya dlya Nal'chikskogo real'nogo uchilishcha [The celebration of the laying of the building for the Nalchik Real School]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1911. – №156. – P. 2. (In Russ.).

Torzhestvo zakladki zdaniya nal'chikskogo real'nogo uchilishcha [The celebration of the laying of the building of the Nalchik real school]. IN*: Kavkaz*. – 1911. – № 167. – P. 2-3. (In Russ.).

TSALIKOV A. *Otkliki gorskoy zhizni* [Responses of mountain life]. IN: Utro gor. 1910. – Vyp.1. – P. 80-86. (In Russ.).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kabardino-Balkarskoi respubliki [Central State Archive of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

TURPALOV L.A. *Transformatsiya sistemy pressy Severnogo Kavkaza v kontekste tsenzurnoi reformy pod vliyaniem pervoi russkoi revolyutsii* [Transformation of the North Caucasus press system in the context of censorship reform under the influence of the first Russian Revolution].IN: *Vestnik Moskovskogo universiteta*. Seriya 10. Zhurnalistika. – 2019. – № 6. – P. 74-93. (In Russ.).

Zakon o preobrazovanii Nal'chikskoi gorskoi shkoly v real'noe uchilishche [The Law on the transformation of the Nalchik Mountain school into a real school]. IN: *Terskie vedomosti*. – 1909. – № 93. – P.1. (In Russ.).

Сведения об авторе:
Л.Х. Гаунова – младший научный сотрудник
Information about the author:
L.H. Gaunova – Junior Researcher

Статья поступила в редакцию 09.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.
The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

УДК 93/94(470.64)
Научная статья
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-72-83
EDN: DDBHJT

ПРОБЛЕМЫ РЕОРГАНИЗАЦИИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ОХРАННОЙ СТРАЖИ В ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ОБЛАСТНОГО И ОКРУЖНЫХ ПРАВЛЕНИЙ В 1911–1913 ГОДАХ

Инна Мухамедовна Дабагова
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, innadabagova@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена проблемам реорганизации полицейской охранной стражи в Терской области в политическом дискурсе областного и окружных правлений в 1911–1913 годах. В ходе работы были проанализированы предписания начальника Терской области начальникам округов и отделов, рапорта начальников округов и отделов областному начальнику, доклады начальника области в областное правление, проекты новых штатов Терской полицейской охранной стражи и т.п. Проанализирован закон «о временном изменении штата управления округов Терской области» от 29 декабря 1911 г. Охарактеризованы предложения начальников округов и отделов Терской области (в том числе, и начальника Нальчикского округа) по улучшению эффективности деятельности Терской полицейской охранной стражи, необходимости ее модернизации и увеличения штатной численности. Подробно проанализирован составленный с учетом мнений начальников округов и отделов доклад начальник Терской области в терское областное правление о преобразовании полицейской части от 11 сентября 1912 г. Сделан вывод о том, что возможность начальников округов и отделов Терской области участвовать в обсуждении вопросов преобразования Терской охранной стражи и разработке ее штата представляла собой важный шаг в укреплении государственной власти и обеспечении безопасности населения в регионе.

Ключевые слова: Терская область, Нальчикский округ, правоохранительные органы, полиция, Терская полицейская охранная стража

Для цитирования: Дабагова И.М. Проблемы реорганизации полицейской охранной стражи в Терской области в политическом дискурсе областного и окружных правлений в 1911–1913 годах // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 72-83. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-72-83. EDN: DDBHJT.

© Дабагова И.М., 2025

Original article

THE PROBLEMS OF THE REORGANIZATION OF THE POLICE SECURITY GUARD IN THE TERSK REGION IN THE POLITICAL DISCOURSE OF THE REGIONAL AND DISTRICT BOARDS IN 1911-1913

Inna M. Dabagova
Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, innadabagova@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the problems of the reorganization of the police security guard in the Tersk region in the political discourse of the regional and district boards in 1911-1913. In the course of the work, the instructions of the head of the Tersk region to the heads of districts and departments, reports of the heads of districts and departments to the regional chief, reports of the head of the region to the regional board, drafts of new staff of the Tersk police security guard, etc. were analyzed. The law "on the temporary change of the staff of the administration of the districts of the Tersk region" dated December 29, 1911 is analyzed. The proposals of the heads of districts and departments of the Tersk region (including the head of the Nalchik district) to improve the effectiveness of the Tersk police security guard, the need to modernize it and increase its staffing are described. The report of the head of the Tersk region to the Tersk regional government on the transformation of the police unit dated September 11, 1912, compiled taking into account the opinions of the heads of districts and departments, is analyzed in detail. It is concluded that the opportunity of the heads of districts and departments of the Tersk region to participate in the discussion of the issues of the transformation of the Tersk Security Guard and the development of its staff represented an important step in strengthening state power and ensuring the safety of the population in the region.

Keywords: Tersk region, Nalchik district, law enforcement agencies, police, Tersk Police security guard

For citation: Dabagova I.M. The problems of the reorganization of the police security guard in the Tersk region in the political discourse of the regional and district boards in 1911-1913. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 72-83. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-72-83. EDN: DDBHJT.

© Dabagova I.M., 2025

Введение

Терская охранная стража была учреждена в 1862 г. Она стала одним из важнейших элементов системы охраны общественного порядка и безопасности в Терской области. Ее учредительным документом было «Положение об учреждении в Терской области охранной стражи и земской полиции» [Административная практика… 2012: 248–250], разработанное начальником Терской области Д.И. Святополк-Мирским для «наблюдения за внутренней безопасностью и благоустройством в округах горского населения» [Кулешин 2009: 91]. Впоследствии вплоть до начала революционных событий 1917 г. неоднократно предпринимались попытки реорганизации системы органов охраны правопорядка в Терской области. Так, уже в 1865 г. было «принято решение взамен охранной стражи, земской полиции и Терского конно-иррегулярного полка образовать постоянную милицию из 14 сотен» [Кулешин 2009: 91]. Для этого в январе 1865 г. было принято «Положение о Терской постоянной милиции». В начале XX в. стали вновь обсуждаться вопросы о необходимости реорганизации этой системы и принятия новых нормативных актов. Прежняя структура этих учреждений уже не отвечала требованиям времени и не могла эффективно противостоять преступности и политической нестабильности. В связи с этим, перед правительством встала задача создания более централизованной и профессиональной полицейской силы, способной обеспечить порядок и законность на территории Терской области. В 1910 г. проект «закона о Терской охранной страже был одобрен Госдумой. Учреждалась она временно, на пять

лет, в качестве эксперимента» [Кулешин 2009: 91]. Предполагалось, что охранная стража будет состоять из казаков и горцев. В её задачи входили охрана железнодорожных линий, промыслов и других важных объектов от нападений и диверсий. Вместе с тем, на фоне таких преобразований оставалось много нерешенных вопросов, которые требовали дополнительного исследования, осмысления и учета мнений специалистов, непосредственно задействованных в управлении регионом. И нередко для подготовки проектов новых решений учитывались и мнения начальников округов и отделов Терской области. В этом плане исследование проблем реорганизации полицейской охранной стражи в этом регионе, высказанных на стадии подготовки очередного этапа преобразований начальниками окружных правлений в 1911–1913 гг. (в частности, начальником Нальчикского округа), вызывает определенный научный интерес, т.к. это ценный источник информации о текущем состоянии дел и возможных последствиях реорганизации полицейской стражи. Анализ этих мнений позволяет выявить проблемные зоны, которые могли ускользнуть от внимания центральных властей, а также учесть специфику региональных условий. Реорганизация полицейской стражи, как и любые другие административные преобразования, затрагивала интересы различных слоев населения и требовала тщательной проработки с учетом местных особенностей. В этой связи изучение высказываний начальников окружных правлений Терской области позволяет получить более полное представление о сложностях и противоречиях, возникавших в процессе реформирования системы охраны правопорядка. Это, в свою очередь, способствует более глубокому пониманию исторического контекста и механизмов принятия управленческих решений в Российской империи начала XX в.

Проблемы реорганизации полицейской охранной стражи в Терской области в политическом дискурсе областного и окружных правлений в 1911–1913 гг. в отечественной историографии специального исследования до настоящего времени не получили. Вместе с тем некоторые аспекты становления и развития здесь системы правоохранительных органов затрагивались в трудах З.Х. Ибрагимовой [Ибрагимова 2006], М.Г. Кулешина [Кулешин 2009], А.Х. Абазова [Абазов 2011; Абазов 2015; Абазов 2016], З.Р. Болиева [Болиев 2021], Т.К. Макоева [Макоев 2023], И.С. Пазова [Пазов 2024; Пазов 2025] и др.

Исследование выстраивалось на нормативно-правовые акты («Положение об учреждении в Терской области охранной стражи и земской полиции» [Административная практика… 2012: 248–250]; Закон «о временном изменении штата управления округов Терской области» [РГИА. Ф. 1276. Оп. 6. Д. 24] и др.) и делопроизводственные материалы фонда 11 «Терское областное правление. Канцелярия общего присутствия по деятельности (1866–1917 гг.)» (опись 52) Центрального государственного архива Республики Северная Осетия – Алания (г. Владикавказ). В ходе работы были проанализированы предписания начальника Терской области начальникам округов и отделов, рапорта начальников округов и отделов областному начальнику; доклады начальника области в областное правление; проекты новых штатов Терской полицейской охранной стражи и т.п.

Результаты исследования

29 декабря 1911 г. Государственная Дума приняла закон «о временном изменении штата управления округов Терской области», по которому в составе управлений округов Терской области утверждалось 23 должности помощников участковых начальников, увеличивалось финансовое обеспечение деятельности начальников округов, их старших и младших помощников, начальников участков, в отношении начальников участков увеличивалось финансирование на наем писцов и на канцелярские расходы за счет средств государственного казначейства [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 2]. Для реализации этого закона из управления Терской области в адрес начальников округов и отделов поступило распоряжение выразить пожелания и рекомендации к нему. Рапорт начальника Нальчикского округа по этому вопросу был направлен начальнику Терской области 7 апреля 1912 г. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 69]. Предложения начальника Нальчикского округа С.К. Клишбиева по реорганизации полицейской части в Терской области содержали целый ряд мер. Он полагал, что существовавшие в то время в городах Терской области сыскные отделения, создаваемые в помощь к городской полиции, способствовали борьбе с преступностью в значительной степени [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 80]. При этом он был уверен, что в округах Терской области учреждение сыскной части было необходимой мерой из-за склонности местных жителей к сокрытию преступлений. Для этого он считал целесообразным учредить сыскные отделения в округах из 1 агента-чиновника и 2-х низших агентов в каждом участке. Он также считал, что материально-техническое обеспечение сыскных отделений следовало обеспечить должным образом всем необходимым для сыска с двумя обученными собаками в каждый округ [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 80].

Из-за того, что на служащих окружных администраций было возложено множество обязанностей и в условиях развития культуры местного населения, модернизации предприятий промышленности, роста численности населения и количества совершаемых преступлений С.К. Клишбиев предлагал увеличить штат окружной полиции. Непосредственно в Нальчикском округе он считал желательным учредить пятый административный участок из частей 1 и 3 участков ввиду обширности их территории [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 80] и дополнительно ввести должности штатных переводчиков при окружном правлении, горском словесном суде, начальнике округа, его помощниках и участковых начальниках. Необходимость расширения аппарата делопроизводителей при окружных правлениях он объяснял «увеличением сложности переписки» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 80]. Это предложение было особенно актуальным в условиях многонационального состава населения Нальчикского округа, где знание русского языка не было повсеместным.

Для более успешной борьбы с преступностью на местах начальник Нальчикского округа считал необходимым «дать в распоряжение каждого сельского старшины по два стражника, на обязанности которых должно лежать преследование злоумышленников и несения полицейской службы в селениях» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 80]. По его мнению, стражники должны были

входить в состав Терской охранной стражи и носить установленную форму [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 80 об.]. При этом он был уверен, что в лице таких стражников администрация получит контролеров деятельности выборных лиц и опору сельским старшинам при выполнении своих служебных обязанностей. Основную обязанность стражников он видел в преследовании и поимке преступников [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 80 об.]. Для этого он считал необходимым увеличить штат Терской охранной стражи [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 80 об.]. В числе других преобразований он предлагал переложить на сельские сходы обязанность управления общественными делами, т.к., по его мнению, шестилетний опыт назначения сельскими старшинами выборных от общества делегатов показал, что не всегда ими становились сельчане, обладавшие достаточными компетенциями.

В числе конкретных мер для преобразований начальник Нальчикского округа предлагал: 1) изменить закон о высылке порочных жителей за пределы населенного пункта; 2) расширить компетенцию сельских судов для повышения эффективности и скорости разбираемых споров и конфликтов; 3) расширить компетенцию сельских обществ по вопросам исполнения некоторых общественных приговоров (например, установление повышенных штрафов за проступки против нравственности или нарушение общественных интересов); 4) расширить сеть сельских школ и усилить преподавательский состав [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 80 об. – 81] и т.п. Все это позволило бы более эффективно решать локальные вопросы и учитывать мнение жителей аулов.

11 сентября 1912 г. начальник Терской области подготовил обстоятельный доклад в терское областное правление о преобразовании полицейской части в Терской области, который в определенной мере затрагивает и Нальчикский округ [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 126–153]. Он считал, что дело полицейской охраны Терской области страдало не столько от недостаточного числа полицейских чинов и незначительности получаемого ими содержания, сколько от неудовлетворительного внутреннего устройства полицейской части в области [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 126–126 об.]. В докладе он выявлял условия и причины культурно-просветительского и экономического характера о необходимости проведения преобразований.

Для этого областной начальник предложил ряд мер, которые разделил на две категории: предупредительные и карательные. К числу предупредительных относил: запрет на ношение оружия; учреждение постояннодействующего военного отряда в помощь администрации для искоренения преступлений; учреждение должностей ответственных ночных караульных за счет средств сельских обществ; учреждение за счет средств местного населения вольноорганизованных полицейских страж из жителей Веденского, Грозненского, Назрановского и Нальчикского округов; учреждение караулов, пикетов и разъездов из числа местных жителей в виде натуральной повинности [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 132]. К числу карательных: наложение штрафов на аульные общества; признанные виновными на основании доведенных до них следов преступлений; создание экзекуционных отрядов; лишение права выбора старшин; упразднение хуторов и некоторых поселений из числа коренного населения; вы-

сылка преступников за пределы Кавказа [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 132–132 об.]. Далее в докладе для каждой конкретной меры были даны подробные характеристики. Например, по поводу учреждения вольноорганизованных полицейских страж из числа представителей местного населения он считал, что это, с одной стороны, одна из лучших и полезнейших мер, с другой, видел существенный недостаток в том, что учреждение команд основывается «на добросовестном несении ими полицейской службы» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 134 об.]. А это – основание для злоупотребления полномочиями. Учреждение караулов из числа местных жителей в качестве натуральной повинности начальник области считал мерой совершенно непригодной для сложившихся условий [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 135].

Непосредственно по вопросам организации полицейской службы в Теркой области и мерах по борьбе с преступностью в области он предлагал на законодательном уровне возложить на полицейские учреждения роль исполнительных органов и осуществление всех мер по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 144]. Для него также считалось немаловажным, чтобы «переход уголовных дел от полиции к суду не был бы засорен затемняющими систему правосудия приемами… и чтобы привлеченные к суду лица не имели бы повода разрушить пред судом доверие к полиции» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 144].

Для повышения эффективности полицейской службы начальник Терской области считал оправданным реализовать следующие меры: расформирование военного отряда и полное восстановление обязанностей и ответственности окружной полиции по борьбе со злоумышленниками; ограничение оснований вызова войск при учреждении только дежурных частей; прекращение удовлетворений ходатайств о материальных компенсациях потерпевшим от краж и грабежей путем наложения штрафов на населенные пункты на основании доведенных следов и обращение штрафов от таких преступлений в доход казны и т.п. [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 144 об.].

Отдельные соображения высказывались по вопросу увеличения штата полицейской стражи в области. Руководитель региона считал 510 стражников недостаточным для обеспечения потребностей Терской области, а квоту 1 стражник на 2500 человек населения неудовлетворительной, «если принять во внимание исключительные условия Теркой области» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 144 об.] (географические характеристики, численность, плотность расселения и этнический состав населения и т.п.).

Также в качестве издержек сложившейся системы он называл возложение некоторых полицейских полномочий на участковых начальников, объясняя это перегруженностью их текущей деятельности [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 146]. Он обращал внимание на то, что на основании соответствующей инструкции на участковых начальников возлагались обязанности, которые в уездах внутренних губерний исполняются земскими начальниками (надзор за деятельностью аульных правлений; наблюдение за делопроизводством в них и за действиями сельских должностных лиц; ревизия их отчетности; проверка финансовой отчетности и опекунских дел; частый объезд подведомственных

населенных пунктов; производство дознаний по тяжбам и апелляционным жалобам на решения Горских словесных судов; составление множества протоколов; взыскание штрафов, недоимок; рассылка повесток из судебных учреждений по участку; личный посетителей и жалобщиков; засвидетельствование почтовых повесток; учет и хранение поступавших вещественных доказательств и т.п.) [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 146, 149]. Помимо этого, на них возлагался большой объем письменной работы, «от своевременного исполнения которой зависят интересы не только местного населения, но и интересы ведомств разных министерств» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 146–146 об.]. Начальник области особо отмечал, что все это отнимает у участковых начальников много времени и сил. И в виду этого нельзя строго оценивать участковую полицию за криминогенную обстановку в регионе. Поэтому становилось понятным, что подобная перегруженность участковых начальников неизбежно отражалась на эффективности их деятельности по поддержанию порядка и борьбе с преступностью. Отмечалась нехватка времени на профилактические мероприятия, взаимодействие с населением и оперативное реагирование на возникающие правонарушения.

Все это дало начальнику области основание утверждать, что при определении штата полицейской стражи следует принимать во внимание не только количество населения в регионе, но и условия службы, которые «связаны с исключительным характером обслуживаемой местности» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 146 об. – 147]. Он был уверен, что в этих условиях постовая служба и патрулирование играют огромную роль и «ради успеха дела должны быть доведены до возможного совершенства с постоянной готовностью стражников поспевать всюду по тревоге, а главное – во всякое время быть хозяевами всех воровских дорог и проходов» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 147]. По его мнению, для удовлетворительного осуществления этой задачи нельзя обойтись нормой менее, чем 1 человек на 1000 населения, т.е. при населении области в 1 117 000 человек полицейских стражников должно быть не менее 1170 человек [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 147]. Также для качественной организации сыскного дела в регионе, он считал возможным учредить не менее 2-х сыскных отделений в г. Грозном и сл. Ведено [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 147 об.]. В то время как за полицейской стражей должна оставаться охрана безопасности дорог, спокойствие и порядка населения, оказание помощи населению, задержание преступников и преследование их по горячим следам. А за сыскными отделениями – все то, что «недостаточно или неуловимо для наружной полицейской силы, что составляет самую большую часть местного полицейского дела, а именно разоблачение успевших скрыться преступников и систематический надзор за преступниками и порочными элементами» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 147 об.].

При этом текущую деятельность окружной полиции с ее участковыми отделениями областной начальник оценивал, как проявлявшую «явную несостоятельность в сыскном деле и, если не считать острых вопросов, возникавших в связи с крупными происшествиями и вызвавших необходимость сосредотачи-

вать на них все наличные силы и внимание полиции, работу последней, несмотря на крупные затраты надо считать в этом отношении совершенно ничтожной» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 147 об.]. Также считалось необходимым приобрести для служебной надобности 4 породистых собаки-ищейки для введения в сыскные отделения Хасав-Юртовского, Веденского, Грозненского и Владикавказского округов [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 150]. Еще одной мерой по улучшению эффективности деятельности органов правопорядка в регионе, по его мнению, была организация на местах подготовки полицейских кадров [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 151 об.]. Он был уверен, что предварительная теоретическая подготовка стражников должна была привести к улучшению качества полицейской службы, а поэтому считал целесообразным учредить при областном правлении особую школу для низших полицейских чинов и небольшими группами обучать стражников тому, что «необходимо им для сознательного и умелого выполнения своих обязанностей» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 152]. При этом он считал, что на должность руководителя такой школы можно было бы назначить специалиста из прокурорского надзора по предварительному согласованию с прокурором Владикавказского окружного суда [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 152]. При этом в числе ожидаемых позитивных последствий от таких преобразований начальник Терской области видел: 1) сокращение возможностей преступников уклоняться от полицейского преследования; 2) увеличение численности обвиняемых в судебном процессе (как результат увеличения числа раскрытых преступлений и проведения более качественного расследования по ним); 3) исключение необходимости применять меры наказания к целым населенным пунктам по принципу круговой поруки; 4) снижение нагрузки на сельских старшин, т.к. «население и без этого будет чувствовать пред собою сильную полицейскую власть, а выборный старшина будет считаться с ней и в нужных случаях опираться на нее» [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 152 об.]; 5) снижения уровня преступности после высылки «порочных» жителей населенных пунктов за пределы Кавказа [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 152 об.].

К докладу начальника Терской области был приложен проект нового штата для охранной стражи. В нем предусматривались должности 1 обер-офицера для поручений при начальнике Терской области, 6 обер-офицеров, 10 вахмистров, 30 старших и 60 младших урядников, 120 старших и 804 младших стражников [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 164]. На основании анализа примерного плана распределения Терской охранной стражи видно, что в Нальчикском округе предполагалось образовать 6 постов и 1 резерв для дислокации стражников. Посты должны были располагаться в сс. Даутоковском, Черекском, Котляревском, Ахловском, Баксанском, Муртазовском. Резерв – в слободе Нальчик [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 165]. Всего планировалось направить на службу в Нальчикский округ 95 стражников, в том числе 1 вахмистра (в Нальчике), 9 младших урядников, 80 младших стражников и 5 пеших стражников. Из них – 2 для сопровождения почты в почтовой повозке, 2 для дежурства в округе и 1 вестовой обер-офицеру стражи [ЦГА РСО-

Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 165]. Для сравнения во Владикавказском округе для службы на 5 постах и 2 резервах предлагалось направить 150 стражников; в Назрановском для службы на 10 постах и 1 резерве – 150 стражников; в Грозненском для службы на 13 постах и 1 резерве – 190 стражников; в Веденском для службы на 10 постах и 1 резерве – 175 стражников; в Хасав-Юртовском для службы на 8 постах и 1 резерве – 135 стражников; в Пятигорском отделе для службы в 2 резервах – 22 стражника; в Моздокском для службы в 3 резервах – 34 стражника; в Сунженском для службы на 2 постах и 1 резерве – 22 стражника; в Кизлярском для службы на 3 постах и 3 резервах – 51 стражник [ЦГА РСО-Алания. Ф. 11. Оп. 52. Д. 1290. Л. 165–166 об.]. В целом, представленный проект штата Терской охранной стражи отражал стремление областных и окружных властей к укреплению правопорядка и безопасности в регионе. Распределение личного состава по округам и отделам демонстрировало учет общей численности населения в них, а также местных особенностей и оперативной обстановки. Нальчикский округ, с его 95 стражниками, занимал важное место в общей системе охраны, что подчеркивало его значимость для Терской области.

Заключение

Таким образом, увеличение штата помощников участковых начальников позволило бы усилить контроль над ситуацией на местах и оперативнее реагировать на правонарушения. Это подчеркивали все начальники округов и областей, в том числе и начальник Нальчикского округа, чьи предложения представляли собой комплексную программу реорганизации полицейской части в Терской области, направленную на повышение эффективности борьбы с преступностью и укрепление правопорядка. Инициативы руководителя Нальчикского округа отражали стремление к созданию в области современной и профессиональной системы сыска. Введение должности штатных переводчиков при различных административных органах должно было существенно облегчить коммуникацию между властями и населением, сократить языковой барьер и обеспечить более справедливое и эффективное рассмотрение дел в суде. Он также предлагал расширить полномочия сельских сходов, включив в их компетенцию в том числе и вопросы образования. Передача этих функций на местный уровень способствовала бы более оперативному и эффективному решению проблем, так как сельские жители лучше осведомлены о своих потребностях и нуждах. В свою очередь, начальник Терской области понимал, что существующая система организации полиции устарела и уже не отвечала требованиям времени. Он подчеркивал, что при разработке обновленной структуры полицейской службы необходимо учитывать особенности региона, его этнический состав, экономическое положение и культурные традиции. Особое внимание в обсуждении этих вопросов уделялось необходимости укомплектования полицейских учреждений подготовленными сотрудниками, способными не только эффективно бороться с преступностью, но и пользоваться доверием населения. Подчеркивалась важность профессиональной подготовки полицейских, их обучения юридическим тонкостям и методам оперативно-розыскной деятельности.

Акцентировалось внимание на том, что существовавшая на тот момент штатная численность полицейской стражи не позволяла в полной мере охватить все населенные пункты и обеспечить должный уровень безопасности для жителей. Недостаток личного состава приводил к увеличению времени реагирования на происшествия. Мнение начальника Терской области в вопросах усиления полицейской стражи нашло понимание в вышестоящих инстанциях. Его аргументы, подкрепленные ссылками на специфику региона и необходимость поддержания порядка в условиях сложной криминогенной обстановки, имели должный эффект. Вскоре было принято решение об увеличении штата полицейских, хотя и не в том объеме, о котором просил начальник области. В целом, возможность начальников округов и отделов Терской области участвовать в обсуждении вопросов преобразования Терской охранной стражи и разработке ее штата представляла собой важный шаг в укреплении государственной власти и обеспечении безопасности населения в регионе. Предлагаемые ими меры и расчеты говорят о серьезном подходе к решению этой задачи. А увеличение штата полицейской охранной стражи, введение должности переводчиков, расширение полномочий сельских сходов и другие меры, предложенные начальниками округов и отделов, стали важным шагом на пути к созданию современной и эффективной системы охраны правопорядка, отвечающей потребностям населения и вызовам времени.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абазов 2011 – *Абазов А.Х.* Формирование многоуровневой судебной системы в Кабарде в конце XVIII – начале XX в.: этапы, особенности // Caucasica: Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона / Под редакцией В.А. Захарова. Том 1. – Москва: Русская панорама, 2011. – С. 93-108.

Абазов 2015 – *Абазов А.Х.* Горские словесные суды Терской и Кубанской областей в 1871-1918 гг. // История государства и права. – 2015. – № 23. – С. 58-63.

Абазов 2016 – *Абазов А.Х.* Народы Центрального Кавказа в судебной системе Российской империи в конце XVIII – начале XX в. – Нальчик: «Печатный двор», 2016. – 264 с.

Административная практика… 2012 – Административная практика Российской империи на Центральном Кавказе с конца XVIII в. до 1870 г. (на материале Осетии): Сборник документов. Сост., вступ. ст., коммент. Е.И. Кобахидзе. – ФГБУН Сев.-Осет. ин-т гум. и соц. исслед. им. В.И. Абаева. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. – 399 с.

Болиев 2021 – *Болиев З.Р.* Полиция Северной Осетии. История и современность: 300-летию Полиции России посвящается. – Владикавказ: ИПП им. В.А. Гассиева, 2021. – 216 с.

Ибрагимова 2006 – *Ибрагимова З.Х.* Чеченцы в зеркале царской статистики (1860-1900). – М.: Пробел-2000, 2006. – 244 с.

Кулешин 2009 – *Кулешин М.Г.* Горская милиция на страже порядка в Терской области во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2009. – № 1. – С. 90-94.

Макоев 2023 – *Макоев Т.К.* Правоохранительные органы Терской области как предшественники частей и подразделений Росгвардии (по материалам газеты «Терские ведомости») // Известия СОИГСИ. – 2023. – № 47(86). – С. 150-177.

Пазов 2024 – *Пазов И.С.* История становления органов общественного правопорядка в Кабарде и Балкарии (вторая половина XIX века – первая половина XIX века) // Право и управление. – 2024. – № 10. – С. 358-363.

Пазов 2025 – *Пазов И.С.* Административно-полицейский аппарат управления Кабарды и Балкарии во второй половине XIX – начале XX вв. // Образование и право. – 2025. – № 1. – С. 124-131.

Тимошевская 1998 – *Тимошевская А.Д.* Особенности организации полиции в национальных регионах Российского государства, XIX в. – начало XX в. Дис. к.ю.н. – М., 1998. – 207 с.

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).

ЦГА РСО-Алания – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (г. Владикавказ).

REFERENCES

ABAZOV A.KH. *Formirovanie mnogourovnevoi sudebnoi sistemy v Kabarde v kontse XVIII – nachale XX v.: etapy, osobennosti* [Formation of a multi–level judicial system in Kabarda at the end of the XVIII - beginning of the XX century: stages, features]. In: Caucasica: Trudy Instituta politicheskikh i sotsial'-nykh issledovanii Chernomorsko-Kaspiiskogo regiona / Pod redaktsiei V.A. Zakharova. Tom 1. – Moskva: Russkaya panorama, 2011. – P. 93-108. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Gorskie slovesnye sudy Terskoi i Kubanskoi oblastei v 1871-1918 gg.* [The Mountain verbal courts of the Tersk and Kuban regions in 1871-1918]. In: Istoriya gosudarstva i prava. – 2015. – № 23. – P. 58-63. (In Russ.).

ABAZOV A.KH. *Narody Tsentral'nogo Kavkaza v sudebnoi sisteme Rossiiskoi imperii v kontse XVIII – nachale XX v.* [The peoples of the Central Caucasus in the judicial system of the Russian Empire at the end of the XVIII – beginning of the XX century]. – Nal'chik: «Pechatnyi dvor», 2016. – 264 p. (In Russ.).

Administrativnaya praktika Rossiiskoi imperii na Tsentral'nom Kavkaze s kontsa XVIII v. do 1870 g. (na materiale Osetii) [The administrative practice of the Russian Empire in the Central Caucasus from the end of the XVIII century to 1870 (based on the material of Ossetia)]: Sbornik dokumentov. Sost., vstup. st., komment. E.I. Kobakhidze. – FGBUN Sev.-Oset. in-t gum. i sots. issled. im. V.I. Abaeva. – Vladikavkaz: IPO SOIGSI, 2012. – 399 p. (In Russ.).

BOLIEV Z.R. *Politsiya Severnoi Osetii. Istoriya i sovremennost': 300-letiyu Politsii Rossii posvyashchaetsya* [The police of North Ossetia. History and modernity: the 300th anniversary of the Russian Police is dedicated]. – Vladikavkaz: IPP im. V.A. Gassieva, 2021. – 216 p. (In Russ.).

IBRAGIMOVA Z.KH. *Chechentsy v zerkale tsarskoi statistiki (1860-1900)* [Chechens in the Mirror of Tsarist statistics (1860-1900)]. – M.: Probel-2000, 2006. – 244 p. (In Russ.).

KULESHIN M.G. *Gorskaya militsiya na strazhe poryadka v Terskoi oblasti vo vtoroi polovine XIX – nachale XX v.* [The mountain militia on guard of order in the Tersk region in the second half of the XIX – early XX century]. In: Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Is-toriya Rossii. – 2009. – № 1. – P. 90-94. (In Russ.).

MAKOEV T.K. *Pravookhranitel'nye organy Terskoi oblasti kak predshestvenniki cha-stei i podrazdelenii Rosgvardii (po materialam gazety «Terskie vedomosti»)* [The law enforcement agencies of the Tersk region as the forerunners of the units and divisions of the Russian Guard (based on the materials of the newspaper "Terskiye Vedomosti")]. In: Izvestiya SOIGSI. – 2023. – № 47(86). – P. 150-177. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Istoriya stanovleniya organov obshchestvennogo pravoporyadka v Kabarde i Balkarii (vtoraya polovina XIX veka – pervaya polovina XIX veka)* [The history of the formation of public law enforcement agencies in Kabarda and Balkaria (the second half of the 19th century – the first half of the 19th century)]. In: Pravo i upravlenie. – 2024. – № 10. – P. 358-363. (In Russ.).

PAZOV I.S. *Administrativno-politseiskii apparat upravleniya Kabardy i Balkarii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv.* [The administrative and police administration of Kabarda and Balkaria in the second half of the 19th – early 20th centuries]. In: Obrazovanie i pravo. – 2025. – № 1. – P. 124-131. (In Russ.).

TIMOSHEVSKAYA A.D. *Osobennosti organizatsii politsii v natsional'nykh regionakh Rossiiskogo gosudarstva, XIX v. – nachalo XX v.* [Features of the police organization in the national

regions of the Russian State, 19th century – early 20th century]. Dis. k.yu.n. – M., 1998. – 207 p. (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian State Historical Archive (Saint Petersburg)] (g. Sankt-Peterburg). (In Russ.).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya [The Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania (Vladikavkaz)] (g. Vladikavkaz). (In Russ.).

Информация об авторе

И.М. Дабагова – соискатель Научно-образовательного центра.

Information about the author

I.M. Dabagova – the applicant at the Scientific and Educational Center.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 94+929
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-84-98
EDN: DIHTRV

БАТЫРБЕК АБУКОВ: О СУДЬБАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В ПЕРИОД ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ 1917–1938 ГОДОВ

Мурат Владимирович Дышеков
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, dugur1@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-4659-5704

Аннотация. Исследование посвящено роли национальной элиты в революционных событиях 1917 г., гражданской войне и становлении советской власти. Роль представителей национальных элит в революции 1917 г. была сложной и неоднозначной, что отражало разнообразие их интересов в условиях распада Российской империи и формирования нового политического порядка. Местное дворянство и интеллигенция стремились адаптироваться к изменениям, вызванным революцией. Они пытались сохранить свои позиции и влияние в новых политических реалиях, часто поддерживая Временное правительство или участвуя в национальных движениях. На примере биографии Батырбека Абукова показана социальная мобильность кабардинской традиционной элиты и её высокая степень адаптационности к происходящим событиям.

Революция 1917 г. открыла возможности для национальных движений, выступавших за автономию или независимость своих регионов. Представители элит, такие как Батырбек Абуков, активно участвовали в создании национальных советов и органов самоуправления, стремясь защитить интересы своих народов. Многие представители традиционной элиты оказались перед сложным выбором: поддержать ли большевиков, выступавших за радикальные социальные преобразования, или сохранить верность прежним идеалам. Некоторые, как Абуков, изначально выступали против большевиков, но позже перешли на их сторону, видя в них силу, способную обеспечить стабильность. В статье приводятся малоизвестные факты о вовлеченности Б. Абукова в революционные события на Кавказе. Значительное внимание уделено участию Б. Абукова в установлении советской власти в Персии и других значимых эпизодах советской истории 20-30-х гг. XX в.

После установления советской власти многие представители национальных элит, несмотря на их вклад в революцию, стали жертвами репрессий. Их прошлое, связи с дореволюционными структурами или участие в национальных движениях часто рассматривались как угроза новой власти. На основе идеографического (нарративного) метода исследования проведена реконструкция жизненного пути Батырбека Абукова, что позволило проследить эволюцию его взглядов и роль в ключевых событиях советской истории.

Ключевые слова: Б. Абуков, М. Булле, Я. Блюмкен, Гилянская Советская Социалистическая Республика, Наркомнац, Восточный отдел Военной академии.

Для цитирования: Дышеков М.В. Батырбек Абуков: о судьбах представителей этнической элиты Северного Кавказа в период политических и социально-экономических преоб-

разований 1917–1938 годов // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 84-98. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-84-98. EDN: DIHTRV.

© Дышеков М.В., 2025

Original article

BATYRBEK ABUKOV: ABOUT THE FATE OF THE REPRESENTATIVES OF THE ETHNIC ELITE OF THE NORTH CAUCASUS DURING THE POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATIONS OF 1917–1938

Murat V. Dyshekov
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, dugur1@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-4659-5704

Abstract. The study is devoted to the role of the national elite in the revolutionary events of 1917, the civil war and the formation of Soviet power. The role of representatives of national elites in the 1917 revolution was complex and ambiguous, reflecting the diversity of their interests in the context of the collapse of the Russian Empire and the formation of a new political order. The local nobility and intelligentsia sought to adapt to the changes caused by the revolution. They tried to maintain their positions and influence in the new political realities, often supporting the Interim Government or participating in national movements. The biography of Batyrbek Abukov shows the social mobility of the Kabardian traditional elite and its high degree of adaptation to the events taking place.

The 1917 Revolution opened up opportunities for national movements that advocated the autonomy or independence of their regions. Representatives of the elites, such as Bashirbek Abukov, actively participated in the creation of national councils and self-governing bodies, seeking to protect the interests of their peoples. Many representatives of the traditional elite faced a difficult choice: whether to support the Bolsheviks, who advocated radical social transformations, or to remain faithful to their former ideals. Some, like Abukov, initially opposed the Bolsheviks, but later switched sides, seeing them as a force capable of ensuring stability. The article presents little-known facts about B. Abukov's involvement in the revolutionary events in the Caucasus. Considerable attention is paid to B. Abukov's participation in the establishment of Soviet power in Persia and other significant episodes of Soviet history in the 20-30s of the XX century.

After the establishment of Soviet power, many representatives of national elites, despite their contribution to the revolution, became victims of repression. Their past, connections with pre-revolutionary structures, or participation in national movements were often seen as a threat to the new government. Based on the ideographic (narrative) method of research, the reconstruction of Batyrbek Abukov's life path was performed, making it possible to trace the evolution of his views and his role in key events of Soviet history.

Keywords: B. Abukov, M. Bulle, Ya. Blumken, Gilan Soviet Socialist Republic, People's Commissariat of Nationalities, Eastern Department of the Military Academy.

For citation: Dyshekov M.V. Batyrbek Abukov: about the fate of the representatives of the ethnic elite of the North Caucasus during the political and socio-economic transformations of 1917–1938. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 84-98. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-84-98. EDN: DIHTRV.

© Dyshekov M.V., 2025

Введение

Личность Батырбека Абукова малоизвестна историкам. Фрагментарные данные о нем можно встретить лишь в нескольких работах Т.Ю. Красовицкой [Красовицкая 2007], В.Л. Гениса [Генис 1999], П. Аптекаря[1], Е.В. Матонина [Матонин 2016], О.М. Морозовой [Морозова 2010], С.С. Близниченко [Близниченко 2021: 46-54]. Вместе с тем научный интерес к этой личности был вызван сначала целями генеалогического исследования, а затем как пример для изучения адаптации национальных элит к новым условиям трансформирующегося российского общества.

Как верно отмечала М.В. Кротова:

> «Одной из первых участие представителей старинной родовой аристократии в революции отметила С.Р. Грансберг в своих воспоминаниях, причем многих из этих людей она хорошо знала лично: А.М. Устинова и его жену Наталью Рославец, кабардинского князя Абукова, В.Н. Рембелинского, сына статс-секретаря Государственного совета и др.» [Кротова 2017: 127].

Причины, по которым дворяне поддержали революцию были разнообразны. Часть из них разделяла либеральные и революционные идеи. Другие надеялись, что участие в революции позволит им занять более влиятельные позиции в новом политическом устройстве. Третьи из личных предпочтений. Однако, практически все они, рано или поздно, поплатились за свой выбор. Судьба Батырбека Абукова показательна в этом отношении.

Абуковы – знатный абазинский род, представители которого на протяжении нескольких столетий проживали в Кабарде и к началу XX в. уже считали себя кабардинцами. Многие Абуковы находились на военной службе в русской армии и геройскими делами прославили свой род.

Батырбек Абуков родился в семье Лукмана Абукова (1859-1918 гг.) и Гошеляны Шардановой (?-1916 г.). У него было три брата (Магомет, Сахатгирей (Альбек) и Якуб) и четыре сестры (Таужан, Марьям, Ханым, имя четвертой сестры не установлено). Родители постарались дать сыновьям передовое образование. Так, Магомет окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета и работал в дореволюционный период в судебной системе, после февральской революции 1917 г. он вошел в созданный Кабардинский национальный совет, затем эмигрировал. Сахатгирей (Альбек) получил медицинское образование и работал врачом. Якуб получил образование в Турции, работал в кооперации бухгалтером в Кисловодске.

Основные этапы жизненного пути Батырбека Абукова были отражены в автобиографии, составленной им в 1935 г. Из автобиографии следует, что он родился в 1899 г. (В анкете ответственного работника Наркомнаца указывается другая дата – 15 мая 1896 г.) [Красовицкая 2007: 95].

После восьми лет учебы в кисловодской гимназии, которую он успешно завершил в 1916 г., Батырбек поступил в Екатеринославский Горный институт.

[1] Аптекарь П. Восточный экспресс Льва Троцкого // Электронный ресурс. Режим доступа: http://rkka.ru/oper/pers/pers.htm Дата обращения (10.11.2024 г.).

Февральская буржуазно-демократическая революция 1917 г. пришлась на время обучения Б. Абукова в институте. Как известно студенчество играло значительную роль в революционном движении дореволюционной России, выступая одной из активных и политически сознательных социальных групп. Студенческие кружки и организации были важными центрами распространения революционных идей. Не остался в стороне от революционного процесса и Б. Абуков, который был избран членом студенческого исполкома института. Однако в июне 1917 г. он вернулся в Кабарду и больше не смог продолжить обучение в этом институте. В это время он зарабатывал на жизнь, давая частные уроки. [ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 21. Д. 374. Л. 71-92].

Между Февралем и Октябрем: в поисках революционной идентичности

На родине Б. Абуков активно включился в революционную деятельность Нальчикского округа. Из «Воспоминаний участников борьбы за советскую власть» следует, что после свержения монархии представители княжеско-дворянских сословий ездили по селам и пытались успокоить население.

> В частности, «осенью 1917 года из Большой Кабарды в селение Верхний Курп прибыли студенты Абуков и Захохов. В помещении школы было устроено собрание. Прибывшие студенты на сходе сказали, хотя царь и свергнут, но законы остались прежние. Земля, как собственность князей и дворян должна оставаться за ними. Они призвали продать скот, имущество, купить оружие и выступить против большевиков на защиту Временного правительства» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 90. Л. 2-3].

С такими же речами Б. Абуков выступал и в других селениях Малой Кабарды. В частности, вместе с Хафыцой Кунжевым и инженером Магомед-Гери (Паго) Тамбиевым выступил в сел. Хамидия, Нижний Курп [УЦДНИ АС КБР. Ф. 25. Оп. 1. Д. 90. Л. 203-204].

В последующем Батырбек занимал должность секретаря Нальчикского окружного комитета.

В начале 1918 г. Батырбек перебрался в Кисловодск. Уже в феврале 1918 г. он принимал участие в работе II съезда народов Терека. Этот съезд стал историческим событием для народов Северного Кавказа. В его работе приняли участие более 500 человек, представлявших интересы народов бывшей Терской области. На четвертый день работы съезда была зачитана телеграмма от Нальчикского окружного исполнительного комитета, в которой говорилось о том, что фракция кабардинцев и балкарцев, участвующая в работе съезда избрана в нарушение избирательных правил и не может выступать выразителем интересов кабардинцев и балкарцев [Съезды народов Терека… 1977: 91]. Товарищ председателя Анджиевский, зачитывавший телеграмму, предложил, передать её фракции кабардинцев и балкарцев с тем, чтобы они к утру высказали свои соображения. Это предложение поддержал Б. Абуков заявивший, что «кабардинцы лучше знают местные условия и сумеют в них быстро разобраться» [Съезды народов Терека… 1977: 91].

В процессе работы съезда Б. Абуков активно включался в обсуждение ключевых вопросов. О характере интересующих его вопросов можно судить по содержанию его выступления. На одном из заседаний он высказал собственную позицию по ситуации в регионе. В частности, он отметил:

«Борьба с анархией есть дело всей демократии. К сожалению, демократия не располагает сейчас достаточными вооруженными силами. Вы слышали, что осетинский полк еще не готов и что кабардинский не может оставить Нальчик и другие места Кабарды, ибо у нас тоже начинаются грабежи и анархия. Но прежде всего должны выяснить вопрос о власти. Ибо, отдавая вооруженные силы и средства, мы должны знать, кому мы даем, на каких основах будет работать наша власть, не признает ли она власть Совета Народных Комиссаров. Как избранники народа мы должны прямо говорить обо всем» [Съезды народов Терека… 1977: 93].

Народ больше всего беспокоила неопределённость, и Батырбек Абуков не мог оставить это без внимания.

Основываясь на деятельности Б. Абукова в Кабарде летом 1917 г. и его выступлениях на съезде, можно сделать вывод, что он был противником большевиков, а не их сторонником. Он выражал опасения, что органы власти, создаваемые II съездом народов Терека, признают власть большевиков (Совет народных комиссаров).

Воспоминания К.А. Чхеидзе, личного адъютанта З. Даутокова-Серябрякова, подтверждают эту точку зрения. В своих воспоминаниях он указывает на Б. Абукова как на одного из инициаторов формирования добровольческих отрядов для защиты от большевиков в конце февраля – начале марта 1918 г. [Чхеидзе 2008: 35].

В конце 1918 г. мировоззрение Б. Абукова заметно изменилось. По нашему мнению, ключевую роль в этом сыграло знакомство с Мильдой Булле.

Неизвестно, когда и при каких обстоятельствах Батырбек познакомился с Мильдой. Несмотря на разницу в возрасте (Мильда была старше Батырбека на 7 лет), Батырбек сильно увлёкся ею и впоследствии женился. Можно предположить, что именно под влиянием Мильды он примкнул к большевикам.

В качестве секретаря Горского совета при Кисловодском Совдепе Батырбек Абуков был активно вовлечен в политическую деятельность. В частности, он был делегатом V съезда народов Терека, работавшего с 28 ноября по 9 декабря 1918 г. в г. Владикавказ. Кстати, на съезде встал вопрос о подлинности мандатов, выданных Баташеву, Абукову и Мехтиеву Кисловодским совдепом [Съезды народов Терека… 1977: Т. 2. 214]. После получения подтверждения, вопрос был улажен.

События, которые разворачивались в последние месяцы 1918 г., глубоко запечатлелись в памяти Б. Абукова. Как он вспоминал: «Ситуация на фронте становилась всё хуже. Белые войска теснили Красную армию, а тиф уносил жизни солдат. Казачьи станицы были охвачены восстанием» [Абуков 2010: 82].

В это сложное и неоднозначное время Батырбек принял окончательное решение. По рекомендации делегатов съезда, Степана Такоева и слесаря Кузнецова, он вступил в РСДРП(б).

Осложнения на фронте вынудили большевиков провести партийную мобилизацию. Батырбек Абуков принял решение вступить в ряды Красной армии.

Первый опыт военных действий рядовой Батырбек Абуков получил в бою под Ессентуками. Серьезные потери среди красных привели к тому, что он уже через несколько дней был назначен командиром роты.

В начале 1919 г. Добровольческая армия развернула наступление на Северном Кавказе. Острый недостаток в вооружении, боеприпасах, обмундировании и продовольствии привел к серьезным потерям среди красных. В этой ситуации чрезвычайный комиссар Юга России Г.К. Орджоникидзе телеграфировал В.И. Ленину:

«XI армии больше не существует. Она полностью разложилась. Противник занимает города и станицы практически без сопротивления. Ночью стоял вопрос об оставлении всей Терской области и уходе в Астрахань» [Орджоникидзе 1956: 66].

Отступление красных к Астрахани в 1919 г. было крайне тяжелым и сопровождалось значительными трудностями. Разрозненные части Красной армии, включая остатки XI армии, отходили через степные территории, испытывая нехватку продовольствия, боеприпасов и снаряжения. Суровые климатические условия, отсутствие надежных коммуникаций и постоянное давление со стороны противника усугубляли ситуацию. Многие солдаты страдали от истощения, болезней и дезертирства. Серьёзное заболевание тифом вынудило Батырбека остаться в селе Яндыки на некоторое время. После выздоровления он выразил желание отправиться на восточный фронт, где в то время шли бои против армии адмирала Колчака.

Командующий армией М.К. Левандовский поручил Батырбеку сформировать кавалерийский дивизион из числа отступивших горцев. В начале июня 1919 г. Б. Абуков возглавил этот дивизион и отправился на красноярский участок фронта. В сентябре того же года он получил контузию и провёл почти два месяца на лечении.

О своём участии в последующих событиях гражданской войны Батырбек Абуков рассказывает следующее:

«После выздоровления по просьбе командующего Волжско-Каспийской военной флотилией тов. Раскольникова в ноябре 1919 года был направлен в его расположение. Получил назначение н-ка 4-го десантного отряда моряков, участвовал под Танюшкиным. Затем был выдвинут Военкомом всех десантных отрядов моряков, которыми командовал товарищ Кожанов И.К. Участвовал в захвате Баку и в очищении Ленкоранского уезда от остатков муссаватийских отрядов. В мае 1920 года в качестве военкома экспедиционного корпуса (командир корпуса т. Кожанов) участвовал в захвате Каспийского флота белых в Энзели (Персия)» [Абуков 2010: 83].

Следует более подробно остановиться на этой странице биографии Батырбека Абукова.

Роль Б. Абукова в установлении Гилянской Советской Социалистической Республики

Опасность неминуемого поражения белогвардейцев вынудила их перебазировать корабли в персидский порт Энзели.

Стремились ликвидировать остатки белогвардейских и антисоветских сил, которые могли использовать территорию Персии как базу для организации сопротивления. Советское правительство дало разрешение на проведение военной операции.

Советское руководство стремилось экспортировать революционные идеи в Персию. Большевики надеялись спровоцировать восстание местного населения против монархического режима и британского влияния, чтобы установить просоветское правительство.

Командующему Волжско-Каспийской флотилии Ф.Ф. Раскольникову одобрили проведение блокады порта Энзели с одновременным десантированием частей Красной армии. Ему также было поручено сообщить шахскому правительству, что территориальная целостность Персии не будет нарушена, и после выполнения боевой задачи советские войска будут выведены.

Операция по взятию города Энзели (ныне Пехлеви, Иран) советскими войсками началась 18 мая 1920 г. и прошла весьма успешно. В тот же день остатки британских войск, находившихся в порту, капитулировали и были вынуждены отступить в город Решт. Утром 19 мая советские корабли вошли в гавань Энзели, что ознаменовало успешное завершение основной части операции. Чтобы объяснить цели и задачи советского присутствия в регионе военком Батырбек Абуков организовал митинг для местного населения.

«Весь двор, – сообщал один из будущих функционеров Иранской компартии Т. Чилингарьян, – был переполнен слушателями, многие залезли на деревья. Тов. Абуков сказал двухчасовую речь, которая прерывалась переводом на фарси. Он говорил о том, что большевики пришли в Энзели, во-первых, для получения российского государственного имущества (пароходов и орудий), оставленного в Энзели деникинцами; во-вторых, приняв приглашение персидского революционного вождя Мирзы Кучек-хана, для того чтобы прогнать англичан. Несмотря на это, большевики оставят Персию сейчас же, если только персидский народ не захочет, чтобы они остались» [Цит. по: Генис 1999: 66].

19 мая 1920 г. Батырбек Абуков направил Кучек-хану, лидеру революционного движения в Гиляне, письмо, в котором обсуждались вопросы сотрудничества между советскими войсками и местными революционными силами, а также координация совместных действий против общего противника – британских войск и их союзников. Как представитель советского командования Б. Абуков писал:

«Дорогой товарищ Мирза Кучек-хан! Советской России давно известно о твоих подвигах в деле освобождения некогда великого и могущественного персидского народа от английского ига и предавшего за английское золото свою родину шахского правительства… Мы считаем своим долгом поставить тебя в известность о целях нашего прихода в Энзели. Мы пришли сюда не в качестве завоевателей и не для того, чтобы вместо английского ярма наложить на исстрадавшуюся Персию новое русское ярмо» [Цит. по: Генис 1999: 67].

Б. Абуков прямо указывал, что красный десант выполнил стоящую перед ним задачу – вернул принадлежащие советской России корабли и теперь предлагал ему помощь:

«Мы готовы всеми силами помочь персидскому народу избавиться от английского ига. Если наша помощь нужна тебе, то ты должен со своей стороны связаться с нами. Было бы очень желательно лично повидаться с тобой, обо всем подробно переговорить и условиться о дальнейшей совместной работе. Если твой приезд в Энзели почему-либо невозможен, то назначь время и место для личных переговоров» [Цит. по: Генис 1999: 67].

Через несколько дней в Энзели прибыл лидер курдских повстанцев Мирза Кучек-хан. Как сообщал Кожанов:

«23 утром Кучук прибыл в Энзели. В результате беседы выяснилось, что он хочет начать революционное движение в Персии под советскими лозунгами, для чего считает необходимым образование советского правительства в Персии. Население Кучук-хана встречает восторженно. Все ждут переворота. Принимаем все меры для предотвращения преждевременных шагов, но думаю, что вряд ли удастся удержать революционное движение»[1].

Переговоры с Кучек-ханом завершились успешно. В обмен на поддержку в борьбе против британских войск Кучек-хан согласился на создание Персидской Советской Республики. Чтобы скрыть участие Советской России в предстоящих операциях, десантный отряд был официально расформирован.

4–5 июня 1920 г. объединенные войска взяли г. Решт. Было сформировано Временное революционное правительство, которое возглавил Мирза Кучек-хан. После этого был сформирован Революционный военный совет Персии, в состав которого который вошли три перса, а также И. Кожанов (Ардашир) и Б. Абуков. В то же время, по предложению Серго Орджоникидзе, Б. Абуков был назначен представителем Кавказского бюро ЦК РКП(б) в Персии.

Б. Абуков заслуженно считается основателем Персидской красной армии. Костяк этой армии составили военно-морские силы, прибывшие с десантом, дженгелийцы – сторонники Кучек-хана, и добровольцы, набранные в Баку. Командование армией принял генерал-майор В. Каргалетели, известный под псевдонимом «Шапур».

Совершив несколько походов, персидская советская армия не достигла значительных результатов. Персидские коммунисты одной из ключевых причин неудач в военных операциях считали нерешительность Кучек-хана.

Уже 10 июля, под давлением Мдивани, Центральный комитет Иранской коммунистической партии (ИКП) принял секретное постановление, в котором предписывалось «устранить» Кучек-хана и его правительство, обвинив их в том, что они «перестали быть лидерами национально-освободительного движения»[2].

[1] Аптекарь П. Восточный экспресс Льва Троцкого // Электронный ресурс. Режим доступа: http://rkka.ru/oper/pers/pers.htm Дата обращения (10.11.2024 г.).

[2] Генис В. Поход на Тегеран. В 1920 году Советская Россия попыталась оккупировать Персию // Политический журнал. Электронный ресурс. Режим доступа: https://web.archive.org/web/20130508225902/http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=50&tek=423&issue=14 Дата обращения (10.11.2024 г.).

Кучек-хан, предчувствуя опасность, поспешил скрыться в лесах. 31 июля город Решт был взят без какого-либо сопротивления отрядом, возглавляемым Яковом Блюмкиным (Якуб-заде). Руководство новым правительством перешло к левому дженгелийцу Эхсанулле. Власти сразу же начали проводить меры по экспроприации собственности буржуазии, что спровоцировало отрицательную реакцию со стороны местного населения, которое расценило эти действия как новую форму оккупационного режима.

Кучек-хан направил личное послание В.И. Ленину, в котором изложил сложившуюся ситуацию, уделив особое внимание роли Б. Абукова в происходящих событиях. В своём письме он, в частности, отмечал:

«Тов. Абуков, который рекомендует себя то представителем России, то представителем партии “Адалет”, с несколькими персидскими коммунистами, прибывшими из России, не знающими ни обычаев, ни характера населения, несмотря на договоренность о несвоевременности проведения коммунистической пропаганды, собирает население на митингах, рассылает воззвания, с помощью которых стремится к достижению успеха, вмешивается во внутренние дела, тем самым, подрывает авторитет Советской власти, бывали даже случаи, когда они отзывались обо мне и моих сторонниках, как о сподвижниках буржуазии, с каждым днем запутывают дело революции и ставят меня в безвыходное положение».[1]

Наряду с политическими требованиями Кучек-хан просил удаления из Персии Б. Абукова[2].

Чрезвычайный уполномоченный Совета обороны И.П. Бабкин поддержал позицию Кучек-хана по поводу Б. Абукова. Он понимал, что назначение Абукова негативно сказывалось на отношениях между Советским Азербайджаном и Персией, и согласился с необходимостью его замены. Бабкин пишет В. Ленину 30 июля 1920 г., что Абуков, хотя и «коммунист чуть ли не с 1919 г.», но «бывший князь с Кавказа, офицер», подчеркивает его склонность к «склоке и комиссарству» и требует «отозвания» [Красовицкая 2007: 71]. Это решение могло способствовать улучшению двусторонних отношений и стабильности в регионе. Ленин прочитал письмо, но не отреагировал на сообщение Бабкина и Б. Абуков продолжил свою деятельность в Персии.

Тем не менее, без поддержки населения Гилянская республика была обречена на поражение. Город Решт несколько раз менял своих хозяев. В этот период Б. Абуков принимал участие в сражениях против английских войск и войск ханского правительства, выступая в роли политического лидера курдских партизанских отрядов.

Благодаря постоянной поддержке Персидской революции людскими и материальными ресурсами из России, некоторое время удавалось удерживать захваченные территории. Как пишет Е.В. Матонин:

«В сентябре 1920 года вокруг руководства Иранской компартии началась настоящая свара – ЦК обвиняли во всех неудачах. Многие требовали его распустить. Попахивало даже

[1] Аптекарь П. Восточный экспресс Льва Троцкого // Электронный ресурс. Режим доступа: http://rkka.ru/oper/pers/pers.htm Дата обращения (10.11.2024 г.).
[2] См: Аптекарь П. Восточный экспресс Льва Троцкого // Электронный ресурс. Режим доступа: http://rkka.ru/oper/pers/pers.htm Дата обращения (10.11.2024 г.).

расколом партии. К тому же произошла весьма неприятная история с одним из руководителей партии Абуковым и его женой Булле (тоже членом ЦК). Их обвинили в утаивании партийных денег и исключили из ЦК» [Матонин 2016].

В октябре 1920 г. по приказу руководства Б. Абуков был возвращен в Россию.

После заключения советско-иранского, а затем и англо-советского договоров судьба Гилянской советской республики была предрешена.

Летом 1921 г. она прекратила своё существование. Неудачи Персидской революции объясняются совокупностью экономических, политических и социальных факторов. Однако некоторые исследователи склонны видеть корень всех проблем исключительно в человеческом факторе. Например, современные исследователи И.Б. Линдер и С.А. Чуркин связывают провал революции в Персии с «самодеятельностью» части руководства Иранской компартии (Б.Л. Абуков, М.О. Булле), а также ультралевых из Иранского бюро коммунистических организаций (Б. Мдивани, А. Микоян и В. Ломинадзе).[1] Тем не менее, следует помнить, что для советского руководства революция в Персии была лишь инструментом давления на Великобританию.

Трудовая деятельность Б. Абукова в 20-30-е гг. XX вв.

По решению партии Батырбек Абуков был отозван из Ирана и направлен в Иваново-Вознесенскую губернию, где вошёл в президиум Союза текстильщиков. Однако военный опыт Б. Абукова еще раз пригодился стране.

Экономический кризис, охвативший страну после окончания гражданской войны, отразился и на рабочих Петрограда. По причине отсутствия сырья и топлива 11 февраля 1921 г. временно были закрыты 93 петроградских предприятий, среди которых оказались Путиловский, Сестрорецкий и другие заводы. Около 27 тыс. питерских рабочих остались без работы. По городу прокатилась волна митингов и забастовок. 25 февраля в городе было объявлено военное положение и создан Комитет обороны Петрограда, начались аресты рабочих-активистов. 1 марта моряки крепости Кронштадт поддержали рабочих Питера. Восставшие не выдвигали требований о свержении советского строя, но требовали перехода к многопартийной системе, предоставления свободы слова и собраний, а также ликвидации продовольственной диктатуры. Комитет обороны Петрограда неделю вел безуспешные переговоры с моряками. 8 марта, силами восстановленной 7-й армией, под командованием М.Н. Тухачевского был начат штурм крепости Кронштадт. Но полностью овладеть крепостью и подавить восстание смогли лишь 18 марта 1921 г.

В подавлении восстания моряков крепости Кронштадт принимал участие и Батырбек Абуков, мобилизованный Ивановским губкомом в качестве военно-политического работника.

[1] Линдер И.Б., Чуркин С.А. Диверсанты. Легенда Лубянки – Яков Серебрянский // Электронная книга. 2011. // Электронный ресурс. Режим доступа: http://fictionbook.ru/author/iosif_borisovich_linder/diversantyi_legenda_lubyanki_yakov_serebryanskiyi/read_online.html?page=8 Дата обращения (10.11.2024 г.).

В том же 1921 г. Батырбек Абуков был отозван в Наркомат по делам национальностей, где работал в отделе учебных заведений и ученых обществ. В соответствии с анкетой, приведенной Т.Ю. Красовицкой, Батырбек Абуков последовательно занимал должности: «заведующий отделом, комиссар ИЖВЯ (Института живых восточных языков), секретарь коллегии Наркомнаца, с мая 1922 года по предложению М.П. Павловича – ученый секретарь Ассоциации Востоковедения» [Красовицкая 2007: 95]. Интересно отметить, что в анкете ответственного работника Наркомнаца Б. Абуков в графе знания языков и степень их знания указал: русский, кабардинский, французский и немного немецкий [Красовицкая 2007: 95].

Первое время работу в Наркомнаце Батырбек совмещал с учебой на Восточном отделе Военной академии. Затем полностью посвятил себя учебе. Следует отметить, что упомянутый Восточный отдел Военной академии был предназначен для подготовки высококлассных специалистов, как в мирное время, так и в военное. Интересно, что в 1922 г. тот же Восточный отдел окончил Я.Г. Блюмкин, знавший Б. Абукова по Персии. Фактически в нем готовили разведчиков. Отбор кандидатов на обучение, учебный процесс и распределение выпускников курировало Разведывательное управление РККА.

В 1923 г. вышел сборник статей «Военная академия за пять лет, 1918-1923» [Военная 1923], подготовленный с участием таких видных революционеров как Г. Чичерин, Н. Подвойский, И. Вацетис, А. Климович и др. Статью «Восточный отдел Военной Академии» подготовил Б. Абуков. Следует отметить, что статья выгодно отличается от большинства других статей, построенных на личных воспоминаниях слушателей и преподавателей.

Б. Абуков дал обстоятельный анализ состояния подготовки специалистов-востоковедов в дореволюционной России и обосновал необходимость направить кадры для проведения советской политики на Востоке.

> «…для Советской России, связанной теснейшими экономическими, политическими и духовными узами с Востоком, для России рабочих и крестьян, несущей народам Востока взамен угнетения, насилия, организованной и циничной эксплуатации царской России с властной необходимостью, встала задача изучения современного, сегодняшнего Востока» – писал Б. Абуков [Военная 1923: 210].

В статье отражены трудности организации учебного процесса на Восточном отделении. Так, из-за отсутствия руководителей не были открыты кафедры по монгольскому и корейским языкам. Ощущался дефицит специалистов по страноведению.

В работе Б. Абукова уделяется внимание изменениям, внесенным в учебный план. Учебная программа состояла из 5 циклов: восточные и западные языки; предметы страноведения; социально-политический цикл; юридический цикл; военное дело.

Огромное внимание в академии отводилось изучению языков. При этом акцент был сделан на усвоение разговорного языка. Изучались турецкий, араб-

ский, персидский, урду и китайский языки. А также европейские языки (английский и французский).

Проанализировал Б. Абуков и данные о слушательском составе Восточного отдела. Им приводится подробный социальный, партийный, образовательный срез слушателей, а также указывается их военный опыт и опыт практической работы на Востоке.

Е.В. Матонин, автор книги о Якове Блюмкине, ознакомившись со статьей Б. Абукова, писал: «Судя по тому, как подробно Абуков описывает особенности учебного процесса на Восточном отделении, он, похоже, имел отношение к его администрации» [Матонин 2016]. Также он предполагает, что Б. Абуков способствовал зачислению Я. Блюмкина в слушатели отделения. Однако, оба предположения Е.В. Матонина не верны.

По окончании восточного отдела Академии в 1924 г. Батырбек Абуков был направлен в Наркомвнуторг, для усиления оргторговли. До 1931 г. он проработал начальникам различных управлений Хлебопродукта при Наркомвнуторге, а затем – членом правления Союзхлеба.

Как удалось установить, в Москве Батырбек Абуков проживал по адресу Гоголевский бульвар, Дом 29, квартира № 19[1] (данные на 1926 г.).

В 1931 г. по его просьбе он был командирован на учебу в Институт Красной Профессуры мирового хозяйства и мировой политики. Как указывала в своих воспоминаниях С.Р. Грансберг:

> «…Б. Абукова, учившегося в Институте красной профессуры, направляли в Башкирию начальником организовавшихся тогда в деревне политотделов (ударный фронт для руководства никак не хотевшими работать колхозами)» [Грансберг 1992: 44].

Вместе с ним поехала и его жена Мильда.

В 1933 г. Батырбек был мобилизован начальником политотдела Альшеевского зерносовхоза. После разукрупнения совхоза он работал начальником политотдела Раевского зерносовхоза. В июле 1934 г. он назначен начальником политчасти Башзернотреста. Последняя должность, на которой работал Батырбек Абуков – зав. совхозным сектором обкома ВКП(б) Башкирии.

Батырбек Абуков был делегатом от Башкирии на XVII съезде ВКП (б), состоявшегося в феврале 1934 г.[2] Этот съезд имел важное историческое значение для нашей страны так, как проходил в период коренных преобразований у него есть два названия «Съезд победителей» или съезда «Съезд расстрелянных» т.к. более половины его делегатов впоследствии были репрессированы.

К сожалению, маховик репрессий не обошел стороной и Батырбека. 14 октября 1937 г. он был арестован. Как отмечает исследователь О.М. Марозова:

[1] Электронный ресурс. Режим доступа: https://forum.vgd.ru/post/3299/146262/p4615677.htm?hlt=%D0%90%D0%B1%D1%83%D0%BA%D0%BE%D0%B2#pp4615677 Дата обращения (10.11.2024 г.).

[2] Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.hrono.ru/vkpb_17/reshgolos.html Дата обращения (10.11.2024 г.).

«Судя по набору статей обвинения, Абукову инкриминировалось вредительство, организация террора представителей Советской власти или деятелей революционных рабоче-крестьянских организаций; служба у контрреволюционных правительств период Гражданской войны. По-видимому, так было оценено участие в Гилянской авантюре» [Морозова 2010: 18].

13 июля 1938 г. Батырбек Абуков был расстрелян. Реабилитирован в октябре 1956 г.

Заключение

Таким образом, приходится констатировать, что в условиях революции 1917 г. национальная элита, являвшейся, по сути, частью российской, была также фрагментирована. Часть интеллигенции и буржуазии поддерживала Временное правительство, тогда как другая часть, стремилась к радикальным изменениям вместе с большевиками. После окончания гражданской войны значительная часть элиты вынуждена была эмигрировать. Это создало вакуум и привело к формированию новой советской элиты, которая состояла из партийных функционеров и активистов, в том числе представителей традиционной национальной элиты. По мере упрочения советской власти и формирования тоталитарной системы многие представители старой элиты были либо репрессированы и их место заняли молодые партийные функционеры и активисты.

Личность Батырбека Абукова представляет значительный исторический интерес, несмотря на фрагментарность данных о его жизни. Его судьба является примером адаптации национальных элит к трансформациям российского общества в период революций и гражданской войны. Абуков изначально выступал против большевиков, поддерживая Временное правительство, однако позже, под влиянием личных обстоятельств, перешел на сторону большевиков. Это отражает сложность и неоднозначность выбора, стоявшего перед многими представителями дворянства и национальных элит в тот период.

Б. Абуков активно участвовал в боевых действиях на стороне Красной армии, занимая различные командные должности. Его военный опыт и организаторские способности были востребованы в условиях гражданской войны. Б. Абуков сыграл ключевую роль в установлении Гилянской Советской Социалистической Республики в Персии, где он занимался формированием революционной армии и осуществлял политическое руководство. Однако его деятельность в Персии была сопряжена с конфликтами и критикой со стороны местных лидеров, что в конечном итоге привело к его отзыву в Москву.

В 1920-е и 1930-е гг. Абуков занимался административной и политической работой, участвовал в подавлении Кронштадтского восстания, работал в Наркомнаце и других государственных структурах. Его карьера отражает типичный путь многих бывших революционеров, которые после гражданской войны перешли к мирной работе, но не избежали репрессий. Жизнь и деятельность Батырбека Абукова отражают ключевые аспекты трансформации российского общества в первой половине XX в.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абуков 2010 – *Абуков Б.Л.* Автобиография // Архивы и общество. – 2010. – Вып. 14. – С. 82-84.

Близниченко 2021 – *Близниченко С.С.* Красные военморы в Персии: попытка экспорта революции // Военно-исторический журнал. – 2021. – № 1. – С. 46-54.

Военная 1923 – Военная академия за пять лет / Под ред. М.Л Белоцкого, И.Г. Клочко, Е.А. Шиловского. – М.: Тип. Военной академии, 1923. – 411 с.

ГА РФ – Государственный архив Российский Федерации.

Генис 1999 – *Генис В.Л.* Большевики в Гиляне: провозглашение Персидской Советской Республики // Вопросы истории. – 1999. – № 1. – С. 64-81.

Грансберг 1992 – *Грансберг Р.С.* Дела давно минувших дней: Воспоминания. – М.: б/т, 1992. – 63 с.

Красовицкая 2007 – *Красовицкая Т.Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917-1923 г.): Документы и материалы. – М.: ИРИ РАН, 2007. – 448 с.

Кротова 2017 – *Кротова М.В.* Участие российского дворянства в революции: мотивы и судьбы // Политическое пространство и социальное время. 1917-2017: смыслы и ценности прошедшего столетия: Сборник научных трудов XXXII Харакского форума. Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баронова. – Ялта: б/и, 2017. – С. 124-128.

Матонин 2016 – *Матонин Е.В*. Яков Блюмкин: ошибка резидента. – Москва: Молодая гвардия, 2016. – 430 с.

Морозова 2010 – *Морозова О.М*. Два акта драмы: боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. – Ростов-на-Дону: Изд.-во ЮНЦ РАН, 2010. – 349 с.

Орджоникидзе 1956 – *Орджоникидзе Г.К*. Статьи и речи. – М.: Госполитиздат, 1956. – Т. 1. – 533 с.

Съезды народов Терека… 1977 – *Съезды народов Терека*: 1918 г. Сборник документов и материалов: В 2 т. / [Науч.-исслед. ин-т истории, экономики, яз. и литературы при Совете Министров Сев.-Осет. АССР; Сост. Х.Х. Бекузаров и др.]. – Орджоникидзе: Ир, 1977. – Т. 1. – 279 с.; – Т. 2. – 352 с.

УЦДНИ АС КБР – Управление Центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

Чхеидзе 2008 – *Чхеидзе К.А*. Генерал Заурбек Даутоков-Серебряков. Гражданская война в Кабарде. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2008. – 119 с.

REFERENCES

ABUKOV B.L. *Avtobiografiya* [Autobiography]. In: Arkhivy i obshchestvo. – 2010. – Vyp. 14. – P. 82-84. (In Russ.).

BLIZNICHENKO S.S. *Krasnye voenmory v Persii: popytka eksporta revolyutsii* [Red Warships in Persia: An attempt to export the revolution]. In: Voenno-istoricheskii zhurnal. – 2021. – № 1. – P. 46-54. (In Russ.).

Voennaja akademija za pjat' let [Military Academy in Five Years] / Pod red. M.L Belockogo, I.G. Klochko, E.A. Shilovskogo. – M.: Tip. Voennoj akademii, 1923. – 411 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskii Federatsii [The State Archive of the Russian Federation]. (In Russ.).

GENIS V.L. *Bol'sheviki v Gilyane: provozglashenie Persidskoi Sovetskoi Respubliki* [The Bolsheviks in Gilan: the Proclamation of the Persian Soviet Republic]. In: Voprosy istorii. – 1999. – № 1. – P. 64-81. (In Russ.).

GRANSBERG R.S. *Dela davno minuvshikh dnei: Vospominaniya* [Cases of bygone days: Memories]. – M.: b/t, 1992. – 63 p. (In Russ.).

KRASOVITSKAYA T.YU. *Natsional'nye elity kak sotsiokul'turnyi fenomen sovetskoi gosudarstvennosti (oktyabr' 1917-1923 g.): Dokumenty i materialy* [National elites as a socio-cultural

phenomenon of Soviet Statehood (October 1917-1923): Documents and Materials]. – M.: IRI RAN, 2007. – 448 p. (In Russ.).

KROTOVA M.V. *Participation of the Russian nobility in the revolution: motives and destinies // Political space and social time. 1917-2017: meanings and values of the past century: Collection of scientific papers of the XXXII Kharak Forum. Ed. T.A. Senyushkina, A.V. Baronov.* Yalta, 2017. P. 124-128 (In Russ.).

MATONIN E.V. *Yakov Blyumkin: oshibka rezidenta* [Yakov Blumkin: resident's mistake]. – Moskva: Molodaya gvardiya, 2016. – 430 p. (In Russ.).

MOROZOVA O.M. *Dva akta dramy: boevoe proshloe i poslevoennaya povsednevnost' veteranov Grazhdanskoi voiny* [Two acts of drama: the combat past and the post-war everyday life of veterans of the Civil War]. – Rostov-na-Donu: Izd.-vo YuNTs RAN, 2010. – 349 p. (In Russ.).

ORDZHONIKIDZE G.K. *Stat'i i rechi* [*Articles and Speeches*]. – M.: Gospolitizdat, 1956. – T. 1. – 533 p. (In Russ.).

S"ezdy narodov Tereka: 1918 g. Sbornik dokumentov i materialov: V 2 t. [Congresses of the Terek Peoples: 1918 Collection of documents and materials]. – Ordzhonikidze: Ir, 1977. – – T. 1. – 279 p.; – T. 2. – 352 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Center for Documentation of the Modern History of the Archival Service of the Kabardino-Balkar Republic]. (In Russ.).

CHKHEIDZE K.A. *General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. Grazhdanskaya voina v Kabarde* [General Zaurbek Dautokov-Serebryakov. The Civil War in Kabarda]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2008. – 119 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.В. Дышеков – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

M.V. Dyshekov – PhD (in history), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 17.01.2025 y.; approved after reviewing 15.03.2025 y.; accepted for publication 27.03.2025 y.

Научная статья
УДК 94:631(470.621)’’1928/1932’’
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-99-112
EDN: DMLOYW

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА АДЫГСКОГО АУЛА (1928–1932 ГГ.)

Юрий Асланбиевич Яхутль
Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия, a075ca@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6750-4110

Аннотация. Статья посвящена социалистической модернизации аграрного сектора экономики Адыгеи (1928–1932 гг.). Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к сталинскому периоду в советской истории, который связывают два исторических факта: история СССР, как мировой державы, формировавшейся в годы правления И. Сталина и социалистической модернизации. Именно в годы первой пятилетки была определена модель социалистической экономики, индустриальных кадров, в том числе в национальных образованиях СССР. Национальные республики и автономии прошли период социалистической модернизации с учётом особенностей их исторического, экономического и культурного развития. Такой национальной автономией была Адыгея. Область отличалась слабым уровнем развития сельского хозяйства и отсутствием промышленности. Эти факты оказали существенное влияние на содержание коллективизации, проведённой в конце 1920-х – начале 1930-х гг. В период сплошной коллективизации происходит не только трансформация аграрного сектора экономики области, но и формирование национальных кадров, востребованных в региональной промышленности, сельском хозяйстве, культурной и образовательной сферах.

Исследование позволяет выявить региональные особенности и закономерности формирования коллективных форм хозяйствования в Адыгее как одного из факторов социалистической модернизации. В процессе реформирования сельского хозяйства области была организована подготовка национальных кадров, которые стали активными участниками социалистических преобразований. Местные органы власти использовали насильственные, административные методы в отношении сельского населения Адыгеи, но степень их применения не была критичной. Данный вывод автора основывается на архивных документах, которые использованы в статье. Отмечаем, что этот факт мы относим к конкретному региону, но не считаем характерным для всего советского крестьянства периода коллективизации.

Ключевые слова: Адыгея, коллективизация, национальные кадры, сельское хозяйство, социалистическая реконструкция.

Для цитирования: Яхутль Ю.А. Социалистическая реконструкция сельского хозяйства адыгского аула (1928–1932 гг.) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 99-112. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-99-112. EDN: DMLOYW.

© Яхутль Ю.А., 2025

Original article

SOCIALIST RECONSTRUCTION OF AGRICULTURE IN THE ADYGHE VILLAGE (1928-1932)

Yuri A. Yakhutl
Kuban State University, Krasnodar, Russia, a075ca@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-6750-4110

Abstract. The article is devoted to the socialist modernization of the agricultural sector of the economy of Adygea (1928-1932). The relevance of the research is caused by the growing interest in the Stalinist period in Soviet history, which is linked by two historical facts: the history of the USSR as a world power, which was formed during the reign of I. Stalin and socialist modernization. It was during the first five-year plan that the model of the socialist economy and industrial personnel was defined, including in the national formations of the USSR. National republics and autonomous regions have gone through a period of socialist modernization, considering the peculiarities of their historical, economic, and cultural development. Such a national autonomy was Adygea. A weak level of agricultural development and a lack of industry characterized the region. These facts had a significant impact on the content of collectivization conducted in the late 1920s and early 1930s. During the period of mass collectivization, there is not only a transformation of the agricultural sector of the region's economy, but also the formation of national personnel in demand in regional industry, agriculture, cultural and educational spheres. The study makes it possible to identify regional features and patterns of formation of collective forms of management in Adygea as one factor of socialist modernization. In the process of reforming the agriculture of the region, training of national personnel was organized, who became active participants in the socialist transformations. Local authorities used violent, administrative methods against the rural population of Adygea, but the extent of their use was not critical. The author's conclusion is based on archival documents used in the article. We emphasize that we ascribe this fact to a specific locality, but we do not believe it is representative of the entire Soviet peasantry during the collectivization period.

Keywords: Adygea, collectivization, national cadres, agriculture, socialist reconstruction.

For citation: Yakhutl Y.A. Socialist reconstruction of agriculture in the adyghe village (1928–1932). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 99-112. – DOI: 10.31143/2542212X-2025-1-99-112. EDN: DMLOYW.

© Yakhutl Y.A., 2025

Введение

Три революции в начале XX в. по своему содержанию были крестьянскими, которые не решили окончательно аграрный вопрос. Приход большевиков к власти в ноябре 1917 г. обозначил новый этап в истории российского крестьянства, отличительной чертой которой стали радикальные реформы, разрушившие традиционные устои общины, крестьянского труда и одновременно, сформировавшие новую концепцию аграрного сектора экономики через огосударствление индивидуальных крестьянских хозяйств. Коллективизация советского крестьянства стала составной частью социалистической модернизации, реализованной ВКП(б) с конца 1920-х. Она была призвана окончательно утвердить власть партии в деревне, как главной политической силы, определяющей вектор развития индивидуальных крестьянских хозяйств, а также повысить производительность сельского хозяйства и уровень жизни советской деревни. Цель статьи – изучить процесс коллективизации индивидуальных крестьянских хозяйств в национальном образовании Северо-Западного Кавказа – Адыгейской автономной области. Для этого были поставлены задачи: определить уровень развития индивидуаль-

ных хозяйств адыгов, степень их восстановления в период нэпа; рассмотреть ход сплошной коллективизации и её социальные последствия.

Современные исследователи больше внимания уделяют коллективизации с точки зрения продовольственного обеспечения населения страны и одновременно отмечая её негативные методы реализации. Однако колхозный строй это не только продуктивность и производительность сельского хозяйства – это ликвидация неграмотности, расширение сети медицинских и культурных учреждений, подготовка квалифицированных кадров, т. е. повышение качества жизни на селе. Приоритетной задачей оставалась организация сельскохозяйственного производства на основе коллективного труда при финансовой и технической поддержке государства, которая решала проблему продовольственной безопасности и расширения экспортных возможностей СССР.

Намеченные планы коллективизации советского крестьянства, рассчитанные на пять лет, были выполнены в январе 1930 г. Такие высокие темпы обобществления крестьянских хозяйств способствовали формированию конфликта власти и сельского населения. Региональные партийные и советские руководители старались оперативно выполнить указания ЦК ВКП(б) и тем самым избежать возможных обвинений в «правом уклоне». В результате коллективизация породила внеправовые методы воздействия по отношению к крестьянам, что выражалось в арестах, заключении в тюрьмы, лагеря, выселении с мест постоянного проживания, конфискации имущества и др. Ограничение свободы, как правило, было связано с открытыми выступлениями против советской власти или коллективизации. Признавая наличие фактов нарушения экономических интересов и конституционных прав крестьян, следует отметить, что коллективизация позволила решить поставленные задачи и гарантировала социально-культурное развитие советской деревни. Некоторые социальные программы были реализованы через десятилетия, но их основы заложили в 1930-е гг. Противоречивые последствия коллективизации нашли своё отражение в исторической литературе, которая подвержена серьёзному идеологическому воздействию. Исследователи советского периода положительно оценивали коллективизацию, указывая на незначительные недостатки, а в постсоветский период, российские историки заняли позицию острой критики, не замечая положительных результатов. Следовательно, реализованная политика коллективизации советского крестьянства требует объективной оценки с привлечением широкого круга архивных документов, с учётом региональных и национальных особенностей. В данном случае, автор на примере коллективизации в Адыгее изучает как общие закономерности, так и региональные особенности социалистической реконструкции.

Историю изучения коллективизации в СССР можно условно разделить на четыре периода: конец 1920-х – 1930-е гг.; 1940-е – 1950-е гг.; начало 1960-х гг. – вторая половина 1980-х гг. и 1990-е гг., на каждом из которых она испытывала идеологическое воздействие, что во многом предопределило содержание российской аграрной истории. Именно постсоветский период историографии коллективизации советской деревни стал временем кардинального переосмысления и апробации новых методологических подходов. В научный оборот

включили новый массив архивных документов, появились публикации, которые не только осуждали реализованную сталинскую концепцию преобразования советской деревни, но также изучали региональные особенности этого процесса и положительные её результаты.

Современная российская историография определила хлебозаготовительные кризисы 1927–1929 гг. условным рубежом, отделявшим нэп от коллективизации. Новая экономическая политика (1921–1929 гг.) продемонстрировала несостоятельность доколхозной деревни включиться в реформы и повысить уровень производительности хозяйств, провоцируя череду экономических кризисов [Ильиных 2010]. Другая точка зрения связана с необоснованными представлениями об избытке продовольствия в доколхозной деревне. Об этом писал известный советский, российский историк-аграрник В.П. Данилов, по мнению которого кризис был спровоцирован завышенными данными о запасах хлеба [Данилов 1999]. Следует обратить внимание на то, что В.П. Данилов ещё в 1990 г. в одной из своих статей обозначил новые подходы в изучении коллективизации [Данилов 1990]. Существует точка зрения о том, что «коллективизация» противоречила ленинской концепции кооперации крестьян и была лишь инициативой И. Сталина [Анисков, Рутковский 2000; Хлевнюк 2010; Кондрашин 2018]. При этом отечественные исследователи считают, что она во многом была связана с традициями российской власти [Красильщиков 1998; Булдаков 2010]. В современных исследованиях нашла своё новое отражение политика «раскулачивания», как проявление необоснованного насилия над крестьянством [Ивницкий 2000; Ивницкий 2000 Ильиных 2010; Кондрашин 2014]. Появился интерес к данной теме и у региональных историков, которые изучали репрессивный характер власти в отношении крестьянства [Хутыз 1993; Бугай, Мекулов 1994; Шовгенова 2010; Ващенко 2019]. Иностранная историография сохраняет интерес к данной проблеме, которая предлагает новые методологические подходы в изучении крестьянства и коллективизации [Рефлексивное крестьяноведение… 2002].

Российская аграрная история склонна отрицательно оценивать коллективизацию советского крестьянства. Аргументами в данном случае являются необоснованные репрессии в отношении всех социальных слоёв сельского населения, административные принуждения, падение производительности сельского хозяйства, разрушение самобытного крестьянского хозяйства и как следствие снижение потребительского уровня крестьян и голод 1932–1933 гг. Признавая наличие этих объективных фактов, не представляется возможным отрицать и положительные последствия коллективизации, которые стали предметом данного исследования. Если рассматривать начало сталинской модернизации сельского хозяйства в национальных образованиях с точки зрения региональной истории, то она имела свои особенности, которые во многом определяли её содержание и результаты.

Объектом исследования является сплошная коллективизация сельского хозяйства в ходе первой пятилетки. Предмет – социалистическая реконструкция адыгского аула в 1928–1932 гг.

В ходе исследования использованы принципы историзма, объективности и системный подход, что позволило воссоздать на основе подлинных фактов, из-

ложенных в архивных материалах, реализацию политики сплошной коллективизации в годы первой пятилетки и её влияния на сельское население ААО. С помощью историко-генетического метода определены особенности реализации сплошной коллективизации, обусловленные уровнем развития индивидуальные хозяйств адыгов, а также установлено отсутствие масштабных репрессивных мер воздействия на сельское население.

Научная новизна исследования заключается в подборе и вовлечении в научный оборот новых документов Национального архива Республики Адыгея, а также в постановке проблемы – влияние агарных преобразований в адыгском ауле на процесс формирования национальных кадров и отсутствие явных репрессивных методов со стороны органов власти, что определило особенность сплошной коллективизации в ААО.

Социалистическая модернизация сельского хозяйства Адыгеи и её социальные последствия

Аграрный сектор экономики Адыгейской автономной области в конце 1920-х гг. отличался низкой продуктивностью и отсутствием потенциала для развития, следовательно, требовалась государственная поддержка. Такое состояние индивидуальных хозяйств адыгов – следствие имперской аграрной политики на Северо-Западном Кавказе. В дореволюционный период горцы (адыги) владели лишь 7,2 % земли Кубанского округа, в то время как основная масса земель принадлежала казачьему войску – 75,2 % [Щетнёв 1966]. Поэтому большая часть земельных наделов у горцев находилась в арендном пользовании. Активно применяли субаренду, в которую были вовлечены безземельные горские крестьяне. В годы Первой мировой и Гражданской войны посевные площади на территории компактного проживания адыгов сократились на 44,5 % по сравнению с 1913 г. Урожайность зерновых культур снизилась из-за ухудшения культуры земледелия и недостатка сельскохозяйственного инвентаря. Низкое техническое оснащение было одной из основных причин отсталости земледелия в национальных областях региона [Овчинникова 1972: 53, 54]. Кроме того, необходимо учитывать специфику истории Северного Кавказа, а также традиционно-этнические компоненты массового сознания горских народов, которые создавали особые условия, препятствовавшие государственной политике создания коллективных хозяйств.

Потенциал индивидуальных крестьянских хозяйств и нэповская экономика не отвечали интересам и потребностям социалистического строительства, что привело к административному свёртыванию нэпа и формированию новой концепции развития СССР на основе коллективизации и индустриализации. Эти решения были приняты на XIV (1925 г.) и XV (1927 г.) съездах ВКП(б), которые изменили внутриполитический курс большевиков. Они окончательно отказались от возможности использовать механизмы рынка для развития народного хозяйства. Эти решения были не только следствием завершившегося противостояния И. Сталина и Л. Троцкого, но и результатами нэповской экономики, которая за 9 лет лишь достигла показателей 1913 г. или 1916 г. В соответствии с принятыми решениями Северо-Кавказский краевой совет народного хозяйства

разработал перспективный план развития края в том числе, национальных образований на период 1926–1929 гг. Регион отличался выгодным географическим положением и природно-климатическими условиями, что предопределяло приоритетное развитие сельского хозяйства.

Кардинальные изменения в экономике, в социальной сфере, а именно ликвидация неграмотности, организация медицинского обслуживания, развитие национальной культуры, формирование национальных кадров региона произошли после установления советской власти и национально-государственного самоопределения нацменьшинств. По данным переписи 1926 г. на этой территории Северного Кавказа проживали более 50 наций и народностей численностью до 1,5 млн чел. [Мамилов 2021: 52]. В Адыгее в этот период проживало 112 515 чел., в том числе 65 587 адыгов [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 40. Л. 23].

Адыгский аул в начале 1920-х гг. отличался глубоким социальным расслоением: зажиточная часть составляла 15,8 % всех хозяйств, которая владела 40 % домашнего скота и 35 % посевов. В то же время, 40 % горского населения относились к категории бедняцко-середняцких хозяйств [Тугуз 1966: 38]. Как и по всей стране в ходе землеустроительных работ в Адыгейской (Черкесской) автономной области (Адыгейская автономная область (ААО) с 13 августа 1928 г.) увеличилось число крестьянских хозяйств с 16 583 в 1916 г. до 20 952 в 1926 г., но при этом площадь индивидуальных наделов сократилась с 6,5 дес. до 4 дес. По состоянию на 1926 г. посевные площади были восстановлены на 90 % в сравнении с показателями 1916 г. Другие данные свидетельствуют о том, что посевные площади были полностью восстановлены и составляли 158,4 тыс. га., превзойдя показатели 1916 г. на 39,8 % [Контрольные цифры… 1930: 10]. В соответствии с политикой государственной поддержки национальных образований было получено 73 трактора, но руководство ААО по-прежнему признавало наличие острого дефицита сельскохозяйственных орудий [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 18. Л. 3, 19, 20].

Колхозное строительство в Советской России было начато ещё в 1918 г. Одной из первых в Адыгее была коммуна «Свободный труд», организованная в апреле 1920 г. В годы нэпа коллективные хозяйства продолжили развиваться. Так, на территории области в 1928 г. было учтено 97 различных форм коллективных объединений: 2 сельскохозяйственные артели, 5 коммун, 77 товариществ по совместной обработке земли, 18 машинных товариществ и др. [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 12]. Однако основные мероприятия по переходу к новым формам хозяйствования начались в конце 1920-х гг.

Северо-Кавказский крайком ВКП(б) 27 ноября 1929 г. принял решение о начале кампании по сплошной коллективизации, которую планировали завершить летом 1931 г. В соответствии с принятым решением Адыгейская областная комиссия по сплошной коллективизации 27 декабря 1929 г. реорганизовала посевные тройки и советы содействия колхозному строительству в комиссии по сплошной коллективизации при местных органах власти. Началась активная работа по организации районных бедняцко-середняцких коллективных хозяйств. Если уровень объединения индивидуальных горских хозяйств до 1929 г. не демонстрировал высоких темпов, оставаясь на уровне 3 % – 6 % от общего

количества хозяйств, то уже в 1929 г. этот показатель достиг уровня 27,8 %, как следствие начатой кампании по сплошной коллективизации [НАРА. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 423. Л. 34]. Следующий год, 1930 г., отмечен активизацией середняцких хозяйств в колхозном строительстве ААО и ростом численности коллективных хозяйств.

5 января 1930 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному государства», где Северный Кавказ, в том числе ААО, были отнесены к первой группе регионов, в которых коллективизация должна была завершиться весной 1931 г. Коренная трансформация сельского хозяйства ААО происходила с учётом национальных особенностей и условий землепользования, которые сложились за предшествующий период аграрных реформ – этого требовал Северо-Кавказский крайком ВКП(б). В ААО развернули широкую агитационно-пропагандистскую работу с целью разъяснения задач коллективизации и демонстрации преимуществ коллективного труда. Только за январь 1930 г. бедняцко-середняцкие конференции прошли в а. Понежукай, Тахтамукай, Хакуринохабль и др. населённых пунктах области, на которых кампания сплошной коллективизации получила поддержку. Завершающим этапом стала областная бедняцко-середняцкая конференция, прошедшая в г. Краснодаре 25–27 января. На конференции с докладом «О сплошной коллективизации области» выступил Председатель областного исполнительного комитета Ш. Хакурате, предложения которого получили поддержку делегатов.

Государство выступило инициатором и активным участником преобразований в аграрном секторе экономики, демонстрируя желание вытеснить кулачество не только как класс, уничтожив его экономические основы в советской деревне, но и заменить своей поддержкой середняцко-бедняцкие хозяйства. Это позволяло установить контроль за их производственной деятельностью, и результатами труда. Для ААО, где уровень развития сельского хозяйства не соответствовал предъявляемым требованиям экономических и социальных преобразований, государственная помощь была единственно возможным вариантом успешного развития.

Под активным воздействием партийных и советских органов за первые три месяца 1930 г. было зарегистрировано 111 колхозов, объединивших 20 674 крестьянских хозяйств, с общим числом 52 083 чел. при общей численности взрослого населения 93 278 чел. Помощь в организации колхозов оказывали 42 рабочих из числа двадцати пятитысячников [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 188. Л. 33, 34].

Перегибы в ходе коллективизации, проявившиеся в административном давлении, попытке объединить в единые хозяйства несколько населённых пунктов, обобществлении индивидуального имущества, необоснованном раскулачивании оказали негативное влияние на сельское население области. Кампания борьбы против «классовых врагов» послужила основанием для проведения чистки в партийном и советском аппарате.

Очередное постановление ЦК ВКП(б) от 14 марта 1930 г. «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» приостановило явные нарушения, демонстрировавшие рецидивы политики «военного коммунизма». По-

сле принятых решений, начался неконтролируемый отток крестьян из коллективных хозяйств по всей стране, в том числе Адыгее. Это поставило под сомнение саму идею коллективного труда, её эффективность и возможность изжить мелкобуржуазный элемент из аграрного сектора экономики, повысить производительность и обеспечить финансирование социалистической модернизации. Отток крестьян из колхозов ААО продолжался до июля 1930 г., а осенью снова наметился рост. Однако показатель весны 1930 г. по количеству колхозников достичь осенью не удалось [Тугуз 1966: 47]. Кроме того, отмечали трудности в организации труда, учёта трудодней и соблюдении трудовой дисциплины. Сохранялся дефицит сложных сельскохозяйственных орудий и запасных частей. В масштабах страны к августу 1930 г. в колхозах остались 21,4 % крестьянских хозяйств, а это был показатель задания на пятилетку [Вдовин 2019: 160].

До конца 1920-х гг. масштабы общинного землепользования в стране расширялись, но ситуация изменилась с принятием курса на коллективизацию, что привело к активному вмешательству государства в развитие поземельных отношений крестьянства [Есиков 2010: 47]. Этот процесс не мог не вызвать сопротивления в крестьянской среде. ЦК ВКП(б) на происходящие события в деревне отреагировал принятием 30 января 1930 г. постановления «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». В ходе кампании на территории ААО было раскулачено 1 260 хозяйств [НАРА. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 423. Л. 43]. По сведениям областного исполнительного комитета их количество до коллективизации составляла 6–7 % [НАРА. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 702. Л. 49]. В свою очередь, зажиточная часть адыгских аулов пыталась сопротивляться: создавала лжеколхозы, совершала преступления против советских и партийных работников, уничтожала имущество колхозов и др. Заявления и жалобы крестьян по вопросам незаконного раскулачивания рассматривала Адыгейская областная налоговая комиссия. Например, комиссия на своём заседании 31 октября 1931 г. рассмотрела 4 жалобы, из которых 3 оставила без удовлетворения, обвинив крестьян в спекуляции сельскохозяйственной продукции [НАРА. Ф. Р. 19. Оп. 1. Д. 412. Л. 8]. В ходе борьбы с зажиточной частью адыгского аула страдали бедняцкие и середняцкие хозяйства, которые не были готовы вступать в колхозы, поэтому их причисляли к «классовым врагам». Попытки обратиться в комиссию с целью исключить их из списка, подлежащих «раскулачиванию» или переселению, как правило, были безуспешными.

Российские исследователи отмечают, что продолжение насильственной коллективизации крестьянства ухудшило общую ситуацию в сельском хозяйстве страны. Кроме того, руководство страны инициировало принятие встречных повышенных планов по заготовке продовольствия. Так, с целью реализации этих планов в Северо-Кавказское бюро была направлена директива за подписью В. Молотова, требовавшая увеличение плана хлебозаготовок на 10 млн пудов [Кондрашин 2014: 57, 63].

ВКП(б) продолжала упорно реализовывать план сплошной коллективизации, используя административные методы воздействия. К июню 1931 г. колхозы объединяли 53 % всех крестьянских хозяйств страны [Вдовин 2019: 160]. В ААО

к лету 1931 г. этот показатель достигал 92 %. За пределами коллективных хозяйств остались 2 024 трудовых хозяйств [НАРА. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 702. Л. 49–61].

Последний год первой пятилетки был отмечен в Адыгее значительным увеличением доли зернового производства по сравнению с другими отраслями. Зерновой сектор в структуре посевных площадей возрос с 55,7 тыс. га (1916 г.) до 162 тыс. га (1933 г.), в то время как площадь технических культур уменьшилась соответственно с 24,8 тыс. га до 26 тыс. га. Доля зерновых культур в общем объёме собранного урожая в 1933 г. по сравнению с 1916 г. увеличилась на 62,4 %. При этом необходимо отметить, что среди зерновых культур основное место занимала озимая пшеница. Площади посева озимой пшеницы выросли с 36 007 га в 1916 г. до 47 630 га в 1933 г. Произошли значительные изменения в соотношении посевных площадей технических культур, которые традиционно присутствовали в сельском хозяйстве адыгов. Подсолнечник постепенно вытесняли табаком и кормовыми культурами, площади под которыми за годы первой пятилетки увеличили в 4 раза по сравнению с двоенными показателями. Необходимо было развивать кормовую базу животноводства, которую активно поддерживало правительство СССР. Вместе с тем, поголовье домашнего скота, которое демонстрировало рост до 1928 г. к концу первой пятилетки сократилось в два раза [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 1. Л. 7]. Это было связано с методами коллективизации и налоговой политикой правительства, в результате чего домашний скот забивали, а площади под кормовую базу замещали зерновыми культурами.

Сельское хозяйство Адыгейской автономной области к 1933 г. постепенно трансформировалось в направлении социалистических форм организации производства. Политика правительства по поддержке зернового производства и животноводства в автономии способствовала формированию многоотраслевого сельского хозяйства. Коллективные хозяйства к концу первой пятилетки обрабатывали 80 % земли, в то время как единоличники – лишь 2,1 %. К середине 1930-х гг. урожайность с одного гектара земли выросла с 10,5 до 13,5 ц. Ударные бригады доводили этот показатель до 26 ц с 1 га. С помощью комбайнов убирали урожай с 73,5 тыс. га., а за пятилетку этот показатель вырос в 4,5 раза. Только в 1935/1936 гг. количество хлеба, сданного колхозами государству, выросло с 33,5 тыс. т. до 70 тыс. т. Основные средства колхозов выросли в 2,5 раза. В такой сложной отрасли сельского хозяйства как животноводство произошли существенные изменения: поголовье овец увеличилось с 18 тыс. до 35 тыс., крупного рогатого скота с 14,5 тыс. до 30 тыс. [НАРА. Ф. Р. 1. Оп. 2. Д. 45. Т. 1. Л. 153–155]

Колхозное строительство, а вместе с ним и развитие полеводства, позволили вовлечь черкешенок в активную общественную и производственную деятельность. Так, в число стахановок Псекупского района входили Гучетль Мариет (1916 г. рождения), Кат Кица (1916 г. рождения), Чесебиева Пшаш (1894 г. рождения), Гучеж Хасас (1907 г. рождения), Сташ Аминат (1912 г. рождения), Сташ Нахо (1902 г. рождения) [НАРА. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 757. Л. 23]. Только в период осенних полевых работ в 1933 г. было развёрнуто 236 сезонных детских

яслей, что позволило привлечь дополнительные рабочие силы из числа адыгеек [НАРА. Ф. Р. 1. Оп. 1. Д. 609. Л. 59].

Генеральная линия ВКП(б), направленная на создание коллективных форм хозяйствования, требовала не только решения вопросов организационно-экономического характера, но и социального. Повышение товарности коллективных хозяйств возможно было обеспечить с помощью подготовленных квалифицированных специалистов, государственной поддержки и внедрения в аграрный сектор народного хозяйства передовых технологий и достижений науки. Поэтому ВКП(б) и Северо-Кавказское бюро партии большевиков в национальных образованиях Северного Кавказа активно реализовали культурную революцию как составную часть социалистической реконструкции. Приоритетными задачами были: ликвидация неграмотности взрослого населения, организация школьного образования, подготовка национальных кадров и развитие национальной культуры. Эти задачи актуализировались в период коллективизации, когда в колхозах возникла потребность в специалистах. Например, в 1917 г. на территории компактного проживания черкесов Кубанского округа функционировали только 20 школ, в том числе 12 горских, в которых обучали до 400 учеников [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 9. Л. 4]. В 1931 г. в объяснительной записке Северо-Кавказского бюро ВКП(б) к плану подготовки национальных кадров, специалистов высшей и средней квалификации отмечали необходимость расширения хозяйственной и культурной работы в национальных областях края. С этой целью в большинстве национальных образований Северо-Кавказского края, в том числе ААО к 1931 г. развернули кампанию по ликвидации сплошной неграмотности и ввели всеобщее начальное образование. Решение образовательных задач позволило преодолеть кризис в подготовке национальных кадров для экономики региона, в первую очередь, специалистов в области сельского хозяйства, школьного образования и медицины. Для национальных областей региона к концу первой пятилетки выделили 3 379 мест для поступления в высшие учебные заведения СССР. Адыгейская автономная область получила 67 мест для поступления в высшие и 360 в среднетехнические учебные заведения. Но подготовить такое количество молодых людей по выделенным квотам не удалось. Недобор по вузам составил 52 чел., а по техникумам – 165 чел. К концу первой пятилетки было предложено подготовить 297 чел. с высшим и 426 чел. с среднетехническим образованием для экономики Адыгеи из числа коренного населения. Потребности сельского хозяйства области в специалистах были в 7 раз ниже, чем количество выделенных мест в вузах и техникумах. Общая потребность аграрного сектора экономики Адыгеи на тот момент составила: специалистов с высшим образование – 70 чел., с среднетехническим – 202 чел. [НАРА. Ф. Р. 5. Оп. 1. Д. 209. Л. 1, 2, 7–9]. Это является свидетельством того, что государственная политика подготовки национальных кадров была ориентирована на перспективное развитие региональной экономики и социальной сферы.

Выводы

Сложности социалистической реконструкции советской деревни во многом были следствием незавершённости аграрных реформ имперского периода и неспособности индивидуальных крестьянских хозяйств обеспечить ресурсами социалистическую модернизацию в СССР, что проявилось в начале в годы нэпа, а затем в период первой пятилетки.

Модернизационные процессы первых пятилеток, при всей их сложности и трагичности, оказали положительное влияние на адыгское общество Государственная поддержка ААО позволила значительно повысить продуктивность аграрного сектора экономики, способствовала формированию национальной интеллигенции, развитию и сохранению самобытной культуры. Коллективизация была сложным и противоречивым процессом, в котором следует учитывать объективные условия модернизации советского государства и степень развития национальных образований, входивших в состав РСФСР – СССР.

В период нэпа государство пыталось реагировать на запросы крестьян, инициируя их производственный рост, но индивидуальные крестьянские хозяйства в отличии от промышленности восстанавливались более медленными темпами. Земельная политика большевиков и их поддержка малоимущих слоёв сельского населения привели к удельному росту середняков в стране, ориентированных на само потребление. Неконтролируемая натурализация крестьянских хозяйства не соответствовала целям социалистической реконструкции сельского хозяйства. Потребовались радикальные меры по объединению индивидуальных крестьянских хозяйств с целью повышения их продуктивности и получения средств для промышленной модернизации.

Для Адыгеи первоочередной задачей было не восстановление индивидуальных крестьянских хозяйств, а их индустриальное развитие на основе широкого применения сложной сельскохозяйственной техники. Уровень развития хозяйств адыгов значительно уступал по своей товарности соседним регионам, что явно прослеживается ещё в период нэпа. А так как коренное население проживало в сельской местности, то качество их жизни во многом зависело от развития аграрного сектора экономики.

Коллективизация способствовала формированию и развитию многоотраслевого сельского хозяйства ААО, а также инициировала подготовку национальных кадров высшей квалификации.

Колхозный строй решил задачи по формированию модели аграрного сектора экономики, социальной сферы деревни, преодолел региональное неравенство, но при этом сохранил и сформировал новые противоречия, решение которых зависело от власти и её идеологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Анисков, Рутковский 2000 – *Анисков В.Т., Рутковский М.А*. История Ярославского края (1928–1998). – Ярославль: Ярославский государственный университет. 2000. – 291 с.

Бугай, Мекулов 1994 – *Бугай Н.Ф., Мекулов Д.Х.* Народы и власть: «Социалистический эксперимент» (20-е гг.). – Майкоп: Меоты, 1994. – 424 с.

Булдаков 2010 – *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. – М.: РОССПЭН, 2010. – 965 с.

Ващенко 2019 – *Ващенко И.И.* Исторический опыт коллективизации в Адыгее: общие тенденции и особенности реализации: дис. … канд. ист. наук. – Майкоп, 2019. – 202 с.

Вдовин 2019 – *Вдовин А.И*. СССР. История великой державы (1922–1991 гг.). –М.: Проспект. 2019. – 768 с.

Данилов 1990 – *Данилов В.П*. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. – 1990 – № 5. – С. 7–41.

Данилов 1999 – *Данилов В.П.* Введение (истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти т. / Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. Под ред. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН, 1999. – 880 с

Есиков 2010 – Есиков С.А. Российская деревня в годы нэпа. К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). –М.: 2010. РОССПЭН. – 246 с.

Ивницкий 2009 – Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов в СССР: Украина, Казахстан, Северный Кавказ, Поволжье, Центрально-черноземная область, Западная Сибирь, Урал. – М.: Собрание, 2009. – 286 с.

Ивницкий 2000 – *Ивницкий Н.А*. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.). – М.: РАН. Ин-т рос. истории, Университет г. Торонто (Канада). 2000. – 350 с.

Ильиных 2010 – *Ильиных В.А.* Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири). – М.: РОССПЭН. 2010. – 343 с.

Кондрашин 2018 – *Кондрашин В.В.* Влияние коллективизации на судьбы России в XX в. // Российская история. – 2018. – № 4. – С. 3–13.

Кондрашин 2014 – *Кондрашин В.В.* Хлебозаготовительная политика в годы первой пятилетки и её результаты (1929–1933 гг.). – М.: РОССПЭН, 2014. – 349 с.

Контрольные цифры… 1930 – Контрольные цифры народного хозяйства Северо-Кавказского края на 1929/30 г. – Ростов н/Д: Северный Кавказ, 1930. – 186 с.

Красильщиков 1998 – *Красильщиков В.А.* Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М.: РОССПЭН, 1998. – 263 с.

Рефлексивное крестьяноведение… 2002 – Рефлексивное крестьяноведение: десятилетие исследований сельской России / под ред. Т. Шанина. – М.: РОССПЭН, 2002. – 511 с.

Мамилов 2021 – *Мамилов М.С.* Проблемы индустриализации в национальных регионах Северного Кавказа в середине 1920-х-начале 1930-х гг. // Современная научная мысль. – 2021. – № 3. – С. 51–56.

НАРА – Национальный архив Республики Адыгея.

Овчинникова 1972 – *Овчинникова М.И*. Советское крестьянство Северного Кавказа (1921–1929 гг.). – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1972 – 199 с.

Тугуз 1966 – *Тугуз Х.И*. Коллективизация сельского хозяйства в адыгейском ауле (1929–1931 годы) // На путях к социализму (по материалам Кубани и Адыгеи) / сост. В.П. Малышева. – Краснодар: Краснодарский педагогический институт 1966. – С. 37–62.

Хлевнюк 2010 – *Хлевнюк О.В.* Сталин и утверждение сталинской диктатуры. – М.: РОССПЭН. 2010 – 479 с.

Хутыз 1993 – *Хутыз К.К*. Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки. 1917–1940 гг. (на материалах адыгских народов Северного Кавказа). – Ростов-н/Д: Рост. гос. ун-т, 1993. – 259 с.

Шовгенова 2010 – *Шовгенова Н.З.* Фрагментарная модернизация аграрного сектора экономики Адыгейской автономной области в конце 1920–30-х гг. // Сборник материалов научных статей Национального музея Республики Адыгея. Вып. 2 / Н.А. Гаража – Майкоп: 2010. – С. 214–222.

Щетнёв 1966 – *Щетнёв, В.Е.* Из истории классовой борьбы в кубанской станице (1920-1927 гг.) // На путях к социализму (по материалам Кубани и Адыгеи). – Краснодар: КГПИ, 1966. – С. 5–36.

REFERENCES

ANISKOV V.T., RUTKOVSKII M.A. *Istoriya Yaroslavskogo kraya (1928–1998).* [History of the Yaroslavl Region (1928–1998)]. – Yaroslavl': Yaroslavskii gosudarstvennyi universitet. 2000. – 291 p. (In Russ.).

BUGAI N.F., MEKULOV D.KH. *Narody i vlast': «Sotsialisticheskii eksperiment» (20-e gg.).* [Peoples and Power: The "Socialist Experiment" (the 20s)] – Maikop: Meoty, 1994. – 424 p. (In Russ.).

BULDAKOV V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsion-nogo nasiliya*. [The Red Troubles. The nature and consequences of revolutionary violence]. – Moscow: ROSSPEN, 2010. – 965 p. (In Russ.).

VASHCHENKO I.I. *Istoricheskii opyt kollektivizatsii v Adygee: obshchie tendentsii i osobennosti realizatsii: dis. … kand. ist. nauk*. [The historical experience of collectivization in Adygea: general trends and implementation features] – Maikop: 2019. – 202 p. (In Russ.).

VDOVIN A.I. *SSSR. Istoriya velikoi derzhavy (1922–1991 gg.).* [the USSR. The history of the great Power (1922-1991)]. – Moscow: Prospekt. 2019. – 768 p. (In Russ.).

DANILOV V.P. Kollektivizaciya sel'skogo hozyajstva v SSSR [Collectivization of agriculture in the USSR]. IN: Istoriya SSSR. – 1990 – № 5. – P. 7–41. (In Russ.).

Danilov V.P. *Vvedenie (istoki i nachalo derevenskoi tragedii)* [Introduction (the origins and the beginning of village tragedy]. IN: *Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy. V 5-ti t. / T. 1. Mai 1927 – noyabr' 1929.* – Moscow: ROSSPEN, 1999. – 880 p. (In Russ.).

ESIKOV S.A. *Rossiiskaya derevnya v gody nepa. K voprosu ob al'ternativakh stalinskoi kollektivizatsii (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya).* [The Russian village during the NEP years. On the question of alternatives to Stalinist collectivization (based on the materials of the Central Chernozem region)]. – Moscow: 2010. ROSSPEN. – 246 p. (In Russ.).

IVNITSKII N.A. *Golod 1932–1933 godov v SSSR: Ukraina, Kazakhstan, Severnyi Kavkaz, Povolzh'e, Tsentral'no-chernozemnaya oblast', Zapadnaya Sibir', Ural.* [Famine of 1932-1933 in the USSR: Ukraine, Kazakhstan, the North Caucasus, the Volga region, the Central Chernozem region, Western Siberia, the Urals.]. – Moscow: Sobranie, 2009. – 286 p. (In Russ.).

IVNITSKII N.A. *Repressivnaya politika sovetskoi vlasti v derevne (1928–1933 gg.)* [The repressive policy of the Soviet government in the countryside (1928–1933] – Moscow: RAN. In-t ros. istorii, Universitet g. Toronto (Kanada). 2000 – 350 p. (In Russ.).

IL'INYKH V.A. *Khroniki khlebnogo fronta (zagotovitel'nye kampanii kontsa 1920-kh gg. v Sibiri).* [Chronicles of the Grain Front (procurement campaigns of the late 1920s in Siberia)]. – Moscow: ROSSPEN. 2010. – 343 p. (In Russ.).

KONDRASHIN V.V. *Vliyanie kollektivizatsii na sud'by Rossii v XX v.* [The impact of collectivization on the fate of Russia in the 20th century.]. IN: *Rossiiskaya istoriya.* – 2018. – № 4. – P. 3–13. (In Russ.).

KONDRASHIN V.V. *Khlebozagotovitel'naya politika v gody pervoi pyatiletki i ee rezul'taty (1929–1933 gg.)* [Grain procurement policy during the First Five-year Plan and its results (1929-1933)]. – Moscow: ROSSPEN, 2014. – 349 p. (In Russ.).

Kontrol'nye tsifry narodnogo khozyaistva Severo-Kavkazskogo kraya na 1929/30 g. – Rostov n/D: Severnyi Kavkaz, 1930. [Control figures of the national economy of the North Caucasus Region for 1929/30]. – 186 p. (In Russ.).

KRASIL'SHCHIKOV V.A. *Vdogonku za proshedshim vekom: Razvitie Rossii v XX veke stochki zreniya mirovykh modernizatsii*. [Chasing the past century: The development of Russia in the 20 th century from the point of view of global modernization.]. – Moscow: ROSSPEN, 1998. – 263 p. (In Russ.).

Refleksivnoe krest'yanovedenie: desyatiletie issledovanij sel'skoj Rossii [Reflexive Peasant Studies: a Decade of Research in Rural Russia] Edited by T. Shanina. – Moscow: ROSSPEN, 2002. – 511 p. (In Russ.).

MAMILOV M.S. *Problemy industrializatsii v natsional'nykh regionakh Severnogo Kavkaza v seredine 1920-kh-nachale 1930-kh gg.* [Problems of industrialization in the national regions of the North Caucasus in the mid-1920s-early 1930s]. IN: Sovremennaya nauchnaya mysl'. – 2021. – №3. – P. 51–56. (In Russ.).

Nacional'nyj arhiv Respubliki Adygeya. [The National Archive of the Republic of Adygea]. (In Russ.).

OVCHINNIKOVA M.I. *Sovetskoe krest'yanstvo Severnogo Kavkaza (1921–1929 gg.).* [The Soviet peasantry of the North Caucasus (1921–1929)]. – Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 1972 – 199 p. (In Russ.).

TUGUZ KH.I. *Kollektivizatsiya sel'skogo khozyaistva v adygeiskom aule (1929–1931 gody)* [Collectivization of agriculture in the Adygei village (1929–1931)]. IN: Na putyakh k sotsializmu (po materialam Kubani i Adygei. [On the way to socialism (based on materials from Kuban and Adygea)] / Edited by V.P. Malysheva – Krasnodar: Krasnodarskii pedagogicheskii institute. 1966. – P. 37–62. (In Russ.).

KHLEVNYUK O.V. *Stalin i utverzhdenie stalinskoi diktatury*. [Stalin and the establishment of the Stalinist dictatorship]. – Moscow: ROSSPEN. 2010 – 479 p. (In Russ.).

KHUTYZ K.K. *Natsional'nye otnosheniya v usloviyakh totalitarizma: opyt i uroki. 1917–1940 gg. (na materialakh adygskikh narodov Severnogo Kavkaza).* [National relations in the context of totalitarianism: experience and lessons. 1917-1940 (based on the materials of the Adyghe peoples of the North Caucasus)]. – Rostov-n/D: Rost. gos. un-t, 1993. – 259 p. (In Russ.).

SHOVGENOVA N.Z. *Fragmentarnaya modernizatsiya agrarnogo sektora ekonomiki Adygeiskoi avtonomnoi oblasti v kontse 1920–30- kh gg*. [Fragmentary modernization of the agricultural sector of the economy of the Adygea Autonomous Region in the late 1920s and 30s]. IN: *Sbornik materialov nauchnykh statei Natsional'nogo muzeya Respubliki Adygeya. Vyp. 2* [Collection of scientific articles of the National Museum of the Republic of Adygea. Issue 2]. Edited by N.A. Garaza – Maikop: 2010. – P. 214–222. (In Russ.).

SHCHETNEV, V.E. *Iz istorii klassovoi bor'by v kubanskoi stanitse (1920–1927 gg.)* [From the history of the class struggle in the Kuban stanitsa (1920-1927)]. IN: *Na putyakh k sotsializmu (po materialam Kubani i Adygei*). [On the way to socialism (based on materials from Kuban and Adygea)]. – Krasnodar: KGPI, 1966. – P. 5–36. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.А. Яхутль – профессор, доктор исторических наук, доцент

Information about the author

Y.A. Yakhutl – professor, doctor of historical sciences, associate professor

Статья поступила в редакцию 01.02.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 01.02.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 93/94(470.64)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-113-134
EDN: DPQAKU

РАСКУЛАЧИВАНИЕ И ПРИНУДИТЕЛЬНОЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЕ КУЛАКОВ (НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ)

Алим Инзрелович Тетуев
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, alim-tetuev@mail.ru, https: //orcid.org/0000-0003-4387-291X

Аннотация. В статье рассматривается система раскулачивания и принудительного выселения кулачества в Кабардино-Балкарской автономной области. Исследована нормативно-правовая база административного и принудительного выселения кулачества. Определены причины, численность и порядок административного выселения кулаков третей категории в пределах Северо-Кавказского края. Выявлены особенности социально-экономического развития накануне сплошной коллективизации горных и равнинных районов области. Установлены причины, порядок раскулачивания и численность выселенных зажиточных крестьян. Определены причины и последствия протестных выступления крестьян. Рассмотрена система политических репрессий. Сделан вывод, что политические репрессии были обусловлены утверждением авторитарного режима власти в центре и на местах и использовались для решения политических, социально-экономических задач.

Ключевые слова: Кабардино-Балкарская автономная область, хлебозаготовки, постановление, коллективизация, раскулачивание, переселение, численность, протесты, политические репрессии.

Для цитирования: Тетуев А.И. Раскулачивание и принудительное переселение кулаков (на примере Кабардино-Балкарской автономной области) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 113-134. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-113-134. EDN: DPQAKU.

© Тетуев А.И., 2025

Original article

DISKULAKIZATION AND FORCED RELOCATION OF KULAKS (ON THE EXAMPLE OF THE KABARDINO-BALKAR AUTONOMOUS REGION)

Alim I. Tetuev
The Institute for the Humanities Research – Affiliated Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, alim-tetuev@mail.ru, https: //orcid.org/0000-0003-4387-291X

Abstract. The article examines the system of dispossession and forced eviction of kulaks in the Kabardino-Balkarian Autonomous Region. The article examines the legal framework for the administrative and forced eviction of kulaks. The reasons, number and procedure for administrative eviction of third-category kulaks within the North Caucasus Region are determined. The features of socio-economic development on the eve of the complete collectivization of mountainous and lowland areas of the region are revealed. The reasons, procedure for dispossession and the number of evicted wealthy peasants are established. The reasons and consequences of peasant protests are determined. The system of political repression is examined. It is concluded that political repressions were caused by the establishment of an authoritarian regime of power in the center and locally and were used to solve political, socio-economic problems.

Keywords: Kabardino-Balkarian Autonomous Region, grain procurement, decree, collectivization, dispossession, resettlement, population, protests, political repression.

For citation: Tetuev A.I. Diskulakization and forced relocation of kulaks (on the example of The Kabardino-Balkar autonomous region). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 113-134. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-113-134. EDN: DPQAKU.

© Tetuev A.I.,2025

Введение

Проблема политических репрессий, в годы советской власти актуальна и имеет научно-практическое значение. По исследуемой теме в постсоветский период опубликовано множество научных работ. Среди них особый интерес представляет монографии Н.А. Ивницкого [Ивницкий 2000]. В ней автор на основе новых, выявленных архивных документов, объективно рассматривает «чрезвычайные меры» в ходе хлебозаготовок, репрессии в отношении кулачества и их судьбу в СССР в конце 20-х – начале 30-х гг. XX столетия.

В работе В.Н. Земскова показаны сталинские репрессии в 30–50-х гг. XX в., в том числе карательные меры против кулачества [Земсков 2022]. На основе архивных источников и критического анализа литературы, исследователь уточняет статистические данные о численности раскулаченных в целом в стране, в том числе переселенных в пределах края или области.

Вопросы модернизации сельского хозяйства Кабардино-Балкарской автономной области (далее – КБАО) в 1920–1930 гг. нашли отражение в работах Х.М. Бербекова, А.К Текуева, изданных в советский период [Бербеков 1963; Текуев 1960].

В исследованиях Г.Х. Мамбетова, З.Г. Мамбетова, А.Х. Кармова фрагментарно изучены вопросы социально-экономическое развитие региона накануне и в период коллективизации сельского хозяйства [Мамбетов, Мамбетов 1999; Кармов 2019].

В диссертационной работе Н.С. Лавровой рассматриваются особенности аграрных преобразований в Кабардино-Балкарии в связи с развертыванием «сплошной» коллективизации 1929-1930 гг. [Лаврова 2004]. Автор, на наш взгляд, справедливо устанавливает связь между хлебозаготовительными кампаниями и «наступлением на кулачество» в 1927-1929 гг.

Для исследования темы использованы источники, выявленные в центральных и местных архивах, а также сборник «Трагедия советской деревни. Коллек-

тивизация и раскулачивание. 1927-1939», где имеются документы, извлеченные из ранее недоступных фондов высших органов партийно-государственного руководства, различных ведомств и организаций (НКВД, Верховного суда, Прокуратуры и др.) [Трагедия… 1999; Трагедия… 2000; Трагедия… 2001; Трагедия… 2002; Трагедия… 2004; Трагедия… 2006].

Краткий анализ литературы и источников по теме исследования показал, что тема принудительного переселения кулачества в Кабардино-Балкарии изучена недостаточно полно. До сих пор нет анализа социально-экономических причин проведения этой акции, не исследованы масштаб, а также специфические особенности проведении раскулачивания

Цель исследования – комплексно изучить проблему принудительного переселения кулаков на примере Кабардино-Балкарской автономной области (далее – КБАО). Она предусматривает решение следующих задач: рассмотреть практику административного выселения кулачества; раскрыть особенности социально-экономического развития области; выявить причины, порядок раскулачивания и численность выселенных кулаков и зажиточных крестьян; изучить основание и систему политических репрессий

Научная новизна исследования – на основе архивных документов и других источников, многие из которых введены в научный оборот впервые, проведена реконструкция административных, принудительных выселений кулачества. Методологической основой исследования являются принципы историзма, научности, объективности и системности. Кроме того, были использованы историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный, историко-типологический методы, а также метод социального анализа.

Итоги исследования могут быть использованы при написании обобщающих трудов «История Кабардино-Балкарской Республики», а также в учреждениях высшего и среднего профессионального образования при изучении курсов «Отечественная история» и «История Кабардино-Балкарской Республики».

Результаты исследования

Административное выселение бывших помещиков

Первые высылки противников советской власти стали осуществлять в соответствии с нормативными документами: декрет ВЦИК РСФСР «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г.[1], постановление ЦИК СССР «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г.» от 31 октября 1924 г.[2] Затем ЦИК СССР, СНК СССР приняли совместное постановление «О лишении бывших помещиков права на землепользование

[1] Декрет ВЦИК РСФСР «Об административной высылке» от 10 августа 1922 г. // Электронный ресурс. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/78134 (дата обращения: 25.12.2024г.).

[22] Постановление ЦИК СССР «Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г.» от 31 октября 1924 г. // Электронный ресурс. URL: http://xn--e1aaejmenocxq.xn--p1ai/node/13946 (дата обращения: 25.12.2024 г.)

и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах» от 20 марта 1925 г.[1]

Кроме того, для руководства переселенческой политикой постановлением ЦИК СССР от 10 апреля 1925 г. был создан специальный государственный орган – Всесоюзный переселенческий комитет при СНК СССР [РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2, 3, 4.]. В нем предусматривалось: образовать комиссии при советах народных комиссаров автономных республик, не имеющих губернского деления, при краевых, областных и губернских исполнительных комитетах, а также при окружных, уездных (кантонных) исполнительных комитетах. Также был утвержден порядок работы комиссий и инструкция по выселению бывших помещиков.

Президиум областного совета КБАО 2 сентября 1925 г. утвердил состав областной комиссии, порядок выселения и инструкцию, которая предусматривала: «…Кроме земли подлежат изъятию от выселяемых и все находящееся в их пользование национализированное имущество, а именно постройки, сооружения и сельскохозяйственный инвентарь, включенный в опись. …Выселяемым бывшим помещикам должно быть объявлено, что желающим вести сельское хозяйство предоставляется право на наделение их землей в пределах трудовой нормы из колонизационно-переселенческого фонда Сибири в губерниях: Омской, Ново-Николаевской, Томской, Енисеевской и Иркутской при соблюдении всех требований установленных для спецпереселенцев.…» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 14. Л.197,198, 198 об.]. Наряду с этим предполагалось возможность обжалования решений комиссий по выселению в вышестоящих инстанциях.

Порядок административного выселения кулачества в КБАО рассматривался на заседаниях окружных исполкомов советов, затем списки передавались в областную комиссию и окончательно решение принимал Президиум областного исполкома советов. Так, постановлением Президиума облисполкома советов КБАО от 2 сентября 1926 г. был утвержден список граждан и их семей (205 человек) по лишению бывших помещиков прав на землепользование и проживание в принадлежащих им до Октябрьской революции хозяйствах [УЦГА АС КБР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 14. Л. 199, 201, 201 об.].

В связи, поступившими обжалованиями от бывших помещиков, Президиум облисполкома советов КБАО 2 марта 1927 г., обсудив доклад «О работе областной комиссии по выселению бывших помещиков (постановление названной комиссии от 14 и 25 декабря 1926 г.)», принял решение. В нем указывалось: «а) во изменении постановления Президиума облисполкома советов от 2 сентября и 18 ноября 1926 г. не подвергать выселению бывших помещиков – нижепоименованных граждан выселению, сохранив за ним принадлежавшим им имущество (всего 48 человек), в том числе по округам: Балкарскому – 34, Урванскому – 7 Баксанскому – 4, Нагорному – 2, Мало-Кабардинскому – 1; б) постановление областной комиссии от 24 декабря 1926 г. об отказе ходатайства 4-х бывших помещиков утвердить; в) нижепоименованным бывшим помещи-

[1] Постановление совместное ЦИК СССР, СНК СССР «О лишении бывших помещиков права на землепользование и проживание в принадлежавших им до Октябрьской революции хозяйствах» от 20 марта 1925 г. // Электронный ресурс. URL: https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/125739 (дата обращения: 25.12.2024 г.).

кам (14 человек), проживающих в пределах Балкарского округа выселить из принадлежащих им хозяйств с их семьями в установленном порядке» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 14. Л. 199, 201, 201 об., 202–204 об.].

Таблица 1

Численность выселенных бывших помещиков и их семей постановлением Президиума облисполкома советов КБАО от 2 сентября 1926 г. и 2 марта 1927г.

№	Наименование округа	Численность выселенных Постановлением Президиума облисполкома советов КБАО от 2 сентября 1926 г.	Постановление Президиума облисполкома советов КБАО от 2 марта 1927г.			Всего выселено постановлением Президиума облисполкома советов КБАО от 2 сентября 1926 г. и 2 марта 1927 г.
			Численность, обжаловавших	Численность, получивших отказ на об обжалование	Численность, выселяемых	
1	Нальчикский	20	–	1	–	20
2	Урванский	51	6	–	–	45
3	Прималкинский	1	–	1	–	1
4	Малокабардинский	19	1	1	–	18
5	Нагорный	2	2	–	–	–
6	Баксанский	25	4	–	–	21
7	Балкарский	87	34	–	14	67
	Всего	205	47	18	14	172

[Составлено по: УЦГА АС КБР. Ф. Р-195. Оп. 1. Д. 14. Л. 199, 201, 201 об.].

Анализ таблицы 1 показывает, что всего по области постановлением облисполкома от 2 сентября 1926 г. с учетом обжаловавших выселено 158 чел. В итоге постановлением от 2 сентября 1926 г. и 2 марта 1927 г. выселено 172 бывших помещиков и их семей.

Истоки сплошной коллективизации и ликвидации кулачества Кризис хлебозаготовок

С переходом к новой экономической политики (далее – НЭП) государство предоставило возможность для развития различных форм кооперации: потребительская, снабженческая, кредитная, промысловая, сельскохозяйственная, производственная и другие. Немалые надежды возлагались на так называемую контрактацию – систему договоров, заключаемых государственными закупочными органами с сельскими кооперативами или сообществами. Получая кредиты или определенные услуги, они гарантировали сдачу государству зерна и других продуктов. Однако эти изменения в деревне были малозаметными. Политика сдерживания с помощью прогрессивного налогообложения зажиточных

элементов и помощи бедняков, объективно вела к увеличению прослойки середняков.

В 1926-1927 гг. удельный вес середняков в стране составлял 62,7 %, бедняков – 22,1 %, рабочих – 11,3 %, кулаков – 3,9 % [Советское крестьянство… 1973: 161]. Социальное расслоение происходило и в регионах, в том числе и КБАО.

Таблица 2

Динамика социального положения сельского населения КБАО в 1920–1928 гг.

	1920	1925	1926	1928	1928г к 1920г. Прироста (+ –)
Беспосевные	11,3 %	6,4 %	4,5 %	2,9 %	– 8,4 %
Малопосевные (до 2-х десятин)	48,5 %	29,1 %	31,0 %	27,3 %	–21,2 %
Среднепосевные (от 3-х до10 десятин)	35,4 %	54,5 %	59,6 %	63,4 %	+28,0 %
Многопосевные (свыше 10 десятин)	2,8 %	10,0 %	4,6 %	6.4 %	+3,6 %

[Составлено по: Отчет… 1925: 19; ГАРО Ф. 2443. Оп. 2. Л. 3].

Как видно из таблицы численность беспосевных и малопосевных в 1928 г. по сравнению с 1920 г. уменьшилась соответственно на 2,0 % и 21,2 %, в то время число среднепосевных и многопосевных увеличилась на 28,0 % и 3,6 %. Следовательно, в области, как и в целом по стране, середняки составляли больше половины сельского населения.

Вместе с тем потребление сельскохозяйственной продукции выросло, особенно с началом индустриализации. За счет экспорта зерна приобреталась в зарубежных странах техника для модернизации промышленности. Тем не менее план хлебозаготовок на 1927 г., 1928 г., 1929 г. в стране и регионах не был выполнен. Следует отметить, что в 1929 г. в КБАО ввиду засухи на площади 50-70 % посевной площади урожай погиб. Поэтому не был выполнен план государственных хлебозаготовок и возникли продовольственные затруднения в области. В связи с тем облисполком области обратился в Совнарком РСФСР о выделении 70 953 тонн продовольствия из других регионов страны. Рассмотрев данное обращение, сельскому населению неурожайных районов области был выделен в минимальный размер продовольственной помощи – кукурузы 8250 и пшеницы 1650 тонн» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-8. Оп. 2. Д. 21. Л. 60, 67, 91, 91 об.].

Анализ архивных документов показал, что основными причинами хлебного кризиса на наш взгляд, явились: натурализация крестьянского хозяйства, отсутствие соответствующей техники, низкие цены на сельскохозяйственные и высокие на промышленные товары, задержка продажи зажиточными крестьянами своих излишков зерна государственным органам.

В то же время руководители ВКП (б) и местных партийных организаций главными виновниками дефицита считали: *внешнюю опасность, кулака, сопротивление крестьянства и внутрипартийную оппозицию.*

В связи с тем местные советы области проводили постоянную работу по выявлению кулачества. Президиум облисполкома КБАО (протокол от 23 июля 1929 г.), обсудив вопрос «О результатах выявления кулацких хозяйств» утвердил, представленную сводку областного финансового отдела, явно кулацких хозяйств в количестве 909 чел. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 522. Т. 5 Л. 937]. Между тем бюро Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б) утвердил (24 июля 1929 г.) пересмотренные данные областного финансового отдела области. Одновременно предложил всем окружным комитетам и коммунистической фракции областного ЦИКа в дальнейшем не ослаблять работу по довыявлению действительно явно кулацких хозяйств и проверке ошибочно занесенных [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87 Л. 145].

Таблица 3

Результаты учета явно кулацких хозяйств в КБАО после третьего пересмотра 27 июля 1929 г.

Общее число хозяйств, учтенных в 1928/1929 г.	Общее число хозяйств индивидуальных в 1928/1929 г.	Общее число хозяйств признанных явно кулацкими в 1928/1930 г.	Общее число хозяйств признанных явно кулацкими третьего после пересмотра в 1928/1930 г.
37 341	581	909	964

[Составлено по: УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 87. Л. 146].

Анализ таблицы показывает, что из 37 347 индивидуальных хозяйств явно кулацкие составили 964, что составляет 2,5 % от общего числа крестьянских хозяйств.

Однако большая часть зерна, как признал несколько месяцев спустя сам И.В. Сталин, находилась, не у кулаков, а у трудно отличимой от них массы середняков [Сталин 1953: 42-43].

Таким образом, кризис хлебозаготовок ускорил и обострил социально-политические процессы в стране и послужил поводом перейти от политики ограничения и вытеснения кулачества к политике ликвидации кулачества как класса на основе сплошной коллективизации.

Сплошная коллективизация и раскулачивание

Политика ликвидации кулачества как класса была закреплена постановлением ЦК ВКП (б) 5 января 1930 г. «О темпах коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству» [Трагедия… 2000: 85, 86] Оно определяло порядок конфискации имущества, примерный план заключения в концлагеря и подлежащих высылке кулаков первой и второй категории на местах, меры по борьбе с контрреволюционными элементами и религиозными общественными объединениями и др. Наряду с тем предоставлялось ОГПУ право на время проведения этой кампании переправлять свои полномочия по внесудебному рассмотрению дел ПП ОГПУ (уточнение Полномочный представитель

Объединённого государственного политического управления – *А.Т.*) в областях. В этих случаях рассмотрение дел производилось совместно с представителями крайкомов ВКП (б) и прокуратуры.

Президиум СК крайисполкома 10 февраля 1930 г. принял решение «О ликвидации кулачества как класса в пределах Северо-Кавказского края », где предусматривалось: провести конфискацию имущества кулацких хозяйств; отменить аренду земли и применение наемного труда, организовать расселение в пределах края и выселение в отдаленные местности страны наиболее богатых и контрреволюционных элементов [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 628. Л.7].

Все эти меры были направлены на форсирование темпов проведения коллективизации. В целях ее реализации Президиум облисполкома советов КБАО установил мероприятия по проведению сплошной коллективизации и раскулачивания [УЦГА АС КБР. Ф. Р-195. Оп. 1.Д. 34. Л. 29]. Не считаясь с особенностями социально-экономического развития, было решено провести сплошную коллективизацию области к весне 1930 г. Об этом свидетельствуют материалы состоявшемся 3–5 февраля 1930 г. областного съезда хлеборобов по сплошной коллективизации. Анализ стенограммы съезда показывает, что «лихорадка» коллективизации была присуща не только выступающим руководителям, но и рядовым колхозникам, где указывалось: «…В настоящее время мы имеем 75 % коллективизированного населения. Есть такие, которые объединились в единый сплошной колхоз гигант как, например, М. Кабарда (Мало-Кабардинский округ–уточнение *А.Т.*) – в единый агроиндустриальный колхоз им. Сталина [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 694. Л.50]. В результате к 1 марта 1930 г. в области коллективизацией было охвачено 83,9 %, к 1 декабрю 1931 г. – 93,2 % всех крестьянских хозяйств [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2, Оп.1. Д 16. Л.414; УЦДНИ АС КБР. Ф. 1, Оп.1. Д 117. Л. 28].

В КБАО, как и в ряде других регионов страны, при проведении коллективизации были допущены серьезные ошибки вызванные, как объективными, так и субъективными причинами. В погоне за процентами коллективизированных хозяйств в отдельных округах и ряде сел области нарушались права крестьян: добровольность и выбор форм кооперации. Наряду с тем игнорировались степень готовности крестьян к вступлению в колхозы и национальные и социально-экономические особенности на местах.

Тем не менее в постановлении Президиума Балкарского окружного исполкома от 14 марта 1930 г. учитывались местные особенности: «…Применение высших форм коллективизации на основе устава артели в условиях Балкарии, ввиду специфических национальных особенностей, в массовом масштабе является преждевременным, почему переходной формой от единоличного хозяйства к обобществленному коллективному на время в ближайшее время положить в основу простейший вид кооперативного объединения по обобществлению процессов производства, на основе добровольного кооперирования» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 354. Л. 12].

В результате коллективизация на начало января 1933 г. охватила почти 95 % крестьянских хозяйств. Однако из имевшихся в Балкарии 23 колхозов только 10 было организовано на основе устава животноводческой артели, остальные

были животноводческими товариществами по совместному содержанию скота и уходу за ним. Для перевода товариществ на Устав сельскохозяйственной артели в первой половине 1933 г. было конфисковано имущество 118 кулацких хозяйств и все кулаки были выселены за пределы Северо-Кавказского (далее– СК края) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-185. Оп. 1. Д. 34. Л.22–25].

Однако применение чрезвычайных мер не ограничивалось только хозяйствами кулаков и зажиточными крестьянами, оно все сильнее ударяло по среднему крестьянству, а порой беднякам. Сопротивление крестьян коллективизации встревожило руководство страны. Политбюро ЦК ВКП (б) было принято постановление «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении» от 14 марта 1930 г. В нем указывалось: «Прекратить наблюдающуюся в ряде мест практику принудительных методов коллективизации, ведя одновременно дальнейшую упорную работу по вовлечению крестьянства в колхозы на основе добровольности и укреплению существующих колхозов; *проверить списки раскулаченных и лишенных избирательных прав и немедля исправить допущенные в этой области ошибки* (подчеркнуто – *А.Т.*); Строго руководствуясь правилом о недопущении в колхозы кулаков и других лиц, лишенных избирательных прав, допускать изъятия из этого правила для членов тех семейств, в составе которых имеются преданные советской власти красные партизаны, красноармейцы и краснофлотцы (рядовые и командные), сельские учителя и учительницы, при условии их поручительства за членов своей семьи…» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 825. Л. 18–20].

Анализ архивных документов показал, что после принятия данного постановления все искусственно созданные колхозы в КБАО распались либо были распущены. Вместе с тем проблема раскулачивания находилась под постоянным контролем СК крайисполкома советов и местных советов области. 5 января 1931 г. Президиум облисполкома советов КБАО рассмотрел ход довыявления кулацких хозяйств и отметил, что по ряду округов эта работа выполнятся неудовлетворительно. Облисполком обязал исполкомы и сельские советы Баксанского, Мало-Кабардинского округов и Горско-Еврейской колонии: обеспечить полное выявление кулацких хозяйств и своевременное взыскание с них сельскохозяйственного налога и обложению в индивидуальном порядке по признакам, перечисленным в постановлении исполкома КБАО от 17 апреля 1930 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 740. Л. 333, 334]. Во исполнение указанного решения в области с 1 апреля по 31 декабря 1931 г. было исключено из колхозов 378 кулаков и 206 лишенцев и чуждых элементов [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 117. Л. 31].

Принудительное переселение кулачества

В целях ликвидации кулачества как класса и ограждения колхозов от его вредительского воздействия в КБАО произвели переселение и расселение кулацких хозяйств в пределах СК края. В Справке Особого отдела ОГПУ «О внутриокружном переселении кулачества третьей категории от 8 декабря 1930 г.» указывалось, что первой половине октября 1930 г. в Дивенский район СК

края выселено 570 кулацких семей третей категории, в том числе из КБАО 181 семья [Трагедия… 2000: 739].

Однако некоторые из них по разным обстоятельствам вернулись на место прежнего проживания до выселения. Об этом свидетельствуют результаты оперативных мероприятий по борьбе с кулацким, контрреволюционным элементом начальника отдела ОГПУ КБАО от 11 февраля 1933 г.

Таблица 4

Численность арестованных ОГПУ КБАО с 25 января по 10 февраля 1933 г. по Прохладненскому и Нальчикскому фильтрационным пунктам

Всего задержано	Из них							
	Освобождено с предложением выехать по месту постоянного жительства	Освобождено в порядке фильтрации	Направлено этапом к месту прежнего жительства в пределах СК края	Направлено этапом к месту прежнего жительства в районы УССР	Направлено в Особые Спецпоселки Казахстана	Привлечено к ответственности по ст. 82 УК – 99	Подлежат фильтрации	Задержанные из территории других регионов
4893	1078	1600	1073	389	36	99	350	268

[Составлено по: УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 517. Л. 33, 34].

Анализ таблицы показывает, что после проверочных мероприятий из 4893 освобождено 1600 (32,6 %) кулаков, вернувшихся с мест выселения в КБАО.

Одной из причин отсеивания, на наш взгляд, явилось то, что местные советы стремились любой ценой выполнить план раскулачивания в области без учета семейных обстоятельств и возраста выселяемых.

Наряду с тем, в архивных документах выявлено, что постановлением Кабардино-Балкарского областного отдела ОГПУ (1933 г.): в связи с семейными обстоятельствами разрешено проживание в КБАО 11 чел., вернувшихся из мест выселения (кулацкий поселок Лиман Дивенского района СК края) и направлено 15 чел. этапом к месту прежнего жительства (в пределах СК края), Урала) [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 517. Л. 62, 63, 65, 67, 108, 123, 125, 128, 136, 140, 143].

Раскулачивание в КБАО проводилось в течение 30-х гг. XX в., архивные материалы показывают, что отдельные акции по принудительному переселению кулаков не попали в центральные сводки.

В КБАО арестованные кулаки и другие контрреволюционные элементы помещались в Нальчикский областной изолятор, спроектированный на 247 человек, из расчета 2 кв. м. на одного лишенного свободы, однако он постоянно был переполнен. Так по состоянию на 01.01.1933 г. в изоляторе находилось 924 заключенных, что в 3,3 больше норматива [УЦГА АС КБР. Ф. Р-3. Оп. 2. Д.

290, Л. 376]. В связи с этим областной изолятор ежемесячно устанавливался план этапирования лишенных свободы. Тем не менее он не выполнялся ввиду того, что лимит политических репрессий в разы превышал наряды на КБАО. Об этом свидетельствует протокол заседания отборочной комиссии по разгрузке Нальчикского областного изолятора от 5 февраля 1933 г., созданная на основании циркуляра НКВД РСФСР от 3 мая 1929 г., в составе представителей Кабардино-Балкарского отдела ОГПУ, областной прокуратуры и Нальчикского изолятора. Указанная комиссия решила: «1. Направить срочно представленный список (57 чел.), осужденных на 3 года и выше в лагеря ОГПУ как физически пригодных к труду, согласно медицинских справок; 2. Направить срочно список (43 чел.), осужденных на 3 года и выше в трудовые лагеря» [УЦГА АС КБР. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 290, Л. 371–373]. При этом отправленные по этапу обеспечивались довольствием из расчета в сутки на 1 чел.: хлеб – 750 г, сахар – 10 г, рыба – 33 г., пшено – 50 г. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 290. Л.143].

В архиве выявлены списки лишенных свободы в КБАО и отправленных этапом, согласно нарядов Краевого Управления исправительно-трудовых учреждений (далее– КУИТУ) СК края в пересыльные станции и лагеря (см. таб. 5)

Таблица 5

Этапирование осужденных Нальчикским изолятором 1932 –1933

№№ п/п	Дата	Численность (человек)	Место этапирования
1	03.03 1932 г.	40	г. Архангельск
2	28,29.03.1932 г.	33	г. Свердловск
3	07.08.1932 г.	99 25	г. Магнитогорск
4	10.08.1932 г.	63	Пересыльный пункт ст. Батайск
5	02.09.1932 г.	138	Пересыльный пункт ст. Батайск
6	24.01.1933 г.	43	Лагерь ОГПУ
7	05.02.1933 г.	57	Лагерь ОГПУ
8	07.02.1933 г.	7	г. Лодейное Поле, Ленинградская область
9	07.02.1933 г.	26	г. Магнитогорск
10	15.02.1933 г.	13	Концлагерь ОГПУ
11	26.02.1933 г.	96	Трудовой лагерь ОГПУ
12	15.03.1933 г.	96	Трудовой лагерь
13	10.06.1933 г.	26	Концлагерь ОГПУ
13	11.06.1933 г.	150	Концлагерь ОГПУ
12	14.06.1933 г.	78 150 112	Концлагерь ОГПУ Концлагерь ОГПУ Концлагерь ОГПУ
13	14.06.1933 г.	31	В распоряжение Главного управления ис-

			правительно-трудовых лагерей (далее– ГУЛАГ)
14	14.06.1933 г.	68	Спецпоселки
18	30.06.1933 г.	37	Пересыльный пункт ст. Батайск
19	10.07.1933 г.	70	Пересыльный пункт ст. Потьма Мордовия
20	06.07.1933 г.	10	Пересыльный пункт ст. Батайск
21	18.07.1933 г.	47	Пересыльный пункт ст. Батайск
		37	Пересыльный пункт ст. Батайск
22	23.10.1933 г.	11 40	Пересыльный пункт ст. Батайск г., г. Дмитровск Орловской области
23	24.11.1933 г.	17 70	г. Верево, Ленинградская область г. Армавир
24	25.12.1933 г.	46	г. Новочеркасск
		25	г. Иркутск
		56	г. Магнитогорск г.
		212	Лагерь ОГПУ
25	26.12.1933	17	Лагерь ОГПУ
26	27.12.1933г.	115	г. Новосибирск
		73	Пересыльный пункт ст. Потьма, Темниковские лагеря, Мордовия
	Всего	2234	

Составлено по: [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 4. Д. 79. Л.1–14об, 22–23; Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 291. т.3 Л.753–755, 917, 918; Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 292. Л.52,107–109; Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 290, Л.90–93,117,303–309,325,371–373,386–389].

Из таблицы видно, что в указанный период из КБАО в концентрационные и исправительно-трудовые лагеря Главного управления исправительно-трудовых лагерей отправлено 2234 осужденных, в том числе концлагеря 417. На наш взгляд, эти данные далеко неполные, так как уголовные дела, списки осужденных и этапированных в архивах УЦГА имеются только до 1933 г., они не систематизированы и находятся в различных фондах, описях и единиц хранения. Анализ уголовных дел показал, что политическим репрессиям подвергались не только кулаки, зажиточные крестьяне, но и представители духовенства, контрреволюционные элементы. Меду тем проведение насильственной коллективизации неблагоприятно отразилось на результатах сельскохозяйственного производства в стране и регионах. В неурожайном 1932 г. на юге страны, в частности, на Украине, Северном Кавказе и в Нижнем Поволжье был голод. Выдача хлеба отдельным категориям населения в КБАО осуществлялась по карточкам [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 744, Т.4.Л.37, 862–863].

В связи с нарушениями в проведении раскулачивания партийные и советские органы страны (в середине 1933 г.) предлагали местным органам власти прекратить применение массовых выселений. ЦИК и СНК Союза ССР приняли

совместное постановление «О революционной законности от 30 июня 1932 г. [Известия ЦИК 1932: 460–461]. В нем предписывалось местным органам советской власти и прокуратуре привлекать к строгой ответственности всех должностных лиц, виновных в нарушении основных начал колхозного строительства. Между тем раскулачивание и политические репрессии над антисоветскими элементами в стране и ее регионах продолжались и в последующие годы.

Например, в национальных районах СК края с 1 по 8 марта 1935 г. выселено 1553 семьи кулака в составе 7857 чел., в том числе из КБАО 205 семьи (1201 чел.) Выселяемые отправлены в спецпоселки Узбекистана и Южного Казахстана [Трагедия… 2002: 550].

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР издал оперативный приказ № 00447 от 30 июля 1937 г. «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и др. антисоветских элементов». В нем были определены меры наказания и количество подлежащих репрессии согласно представленными учетными данными Наркоматами НКВД регионов, в том числе в Кабардино-Балкарской АССР (далее–КБАССР) (всего 1000), в том числе 1-й категории – 300, 2-й категории –700. При необходимости региональные структуры внутренних дел были обязаны представлять Наркому НКВД СССР мотивированные ходатайства об увеличении численности подлежащих репрессии. Согласно приказу № 00447 региональные органы НКВД были обязаны информировать о ходе и результатах операции пятидневными сводками к 1, 5, 10, 15, 20 и 25 числу каждого месяц. Кроме того, был утвержден порядок ведения следствия и персональный состав республиканских, краевых и областных троек (по КБАССР председатель – Н.И. Антонов, члены комиссии – Б.Э. Калмыков, Х.Б. Хагуров) [Трагедия 2004: 323, 330,331,332–337].

Таблица 6

Сводка ГУГБ НКВД Союза ССР об арестованных и осужденных на основании приказа НКВД СССР (№ 00447 от 30 июля 1937 г.) по КБАССР в 1937–1938 г.

Арестованные и осужденные	а) Утверждено			б) Арестовано				в) Осуждено								
					Из них				Из них		Осуждено по 1 категории			Осуждено по 2 категории		
	1 категория	2 категория	Всего	Всего арестовано	Бывших кулаков	Уголовников	Другого к.-р. элемента	Всего осуждено	По 1 категории	По 2 категории	Бывших кулаков	Уголовников	Другого к.-р. элемента	Бывших кулаков	Уголовников	Другого к.-р. Элемента
На 15 августа 1937 г.	3300	7700	11000	3348	2284	112	552	441	441	—	331	11	99	–	–	–

На 30 сентября 1937 г.	3300	7700	11000	11285	11085	337	1163	11047	5547	5500	4440	114	993	4420	228	552
На 1 января 1938 г.	11300	11200	22500	22500	11695	1162	6643	22500	11300	11200	8822	777	4401	8873	885	2242
1 марта 1938 г.	11300	11200	22500	33100	—	—	—	33100	11900	11200	11053	1171	6676	8873	885	2242
Всего	33200	13800	37000	77233	33064	2211	8858	66688	33788	22900	22346	2263	11179	22166	1198	5536

[Составлено по: Трагедия… 1999: 345, 370, 389; Трагедия… 2004: 345, 370, 389; Трагедия… 2006: 58].

Анализ таблицы показал, что установленный план арестованных и осужденных на 30 сентября 1937 был перевыполнен. В связи с тем Наркомат НКВД Союза ССР удовлетворил ходатайство наркомата внутренних дел республики об увеличении лимита наказуемых на 1 января 1938 г. до 2500 человек. Всего с 15 августа 1937 г. по 1 марта 1938 г. было арестовано 7157 чел., осуждено 6688 чел. в том числе: по 1 категории – 3788 чел. из них: бывших кулаков – 2346, уголовников –263, другого контрреволюционного элемента –1179; по 2 категории – 2900 чел. из них: бывших кулаков – 2166 чел., уголовников – 198 , другого контрреволюционного элемента – 536 чел.

Протестные выступления крестьянства и политические репрессии

Тем временем напряженность в деревне нарастала, вызванная в области хлебозаготовок в 1927, 1928 гг., продолжала нарастать. Первые коллективные хозяйства испытывали нехватки техники, инвентаря, ощущали бремя отсталости и неохотно сдавали зерно. Государственные хлебозаготовительные меры и порождаемые ими сопротивление в стране и ее регионах представляли собой лишь один из аспектов кризиса, правда, в котором концентрировались и все остальные. Практика показывала, что там, где стремились достичь коллективизации, вступление в колхоз крестьян в колхозы не может быть добровольным. Когда, убеждений оказывалось недостаточным, уговоры сменялись запугиванием и арестами.

В КБАО недовольство крестьян обострилось привлечением их к строительству оросительного канала Баксан-Малка без оплаты труда в разгар сельскохозяйственных работ. Это недовольство выразили двое жителей села Баксан, которые 9 июня 1928 г., которые были арестованы якобы за агитацию против хлебозаготовок. Крестьяне (около 150 человек) потребовали отпустить арестованных. После отказа они напали на Окружной исполком Советов, освободили арестованных из арестантского дома и забрали оружие. Из 118 человек осужденных по делу о Баксанских событиях 11 человек были расстреляны и

107 человек высланы на различные сроки в Сибирь в лагеря ОГПУ [Мамбетов, Мамбетов 1999: 222, 223]. Поводом выступления крестьян с Верхний Курп в июне 1929 г. явились высокие налоги и проблемы, связанные с кооперацией. Заседание коллегии ОГПУ СК края 14 октября 1929 г. приговорила 34 обвиняемых к расстрелу и двоих – 10 годам лагерей [Мамбетов, Мамбетов 1999: 171].

Наряду с тем усилились протестные движения с началом сплошной коллективизации. Противодействие, в свою очередь, приобрело формы отчаянного сопротивления. В феврале и июле 1930 г. в Балкарском округе (в селах Чегемского и Баксанского ущельях – уточнение *А.Т.*) имели место вооруженные выступления против насильственной коллективизации, раскулачивания и антирелигиозной политики. К уголовной ответственности за организацию и участие в вооруженном восстании в феврале 1930 г. были привлечены 70 человек, из них 13 человек были расстреляны, 16 приговорены к 10 годам концлагерей, пять – 5 годам, 9 – 3 годам, двое были сосланы в Казахстан на 2 года, 25 – освобождены [Мамбетов, Мамбетов 1999: 192].

В октябре, ноябре 1931 г. органами ОГПУ была пресечена деятельность «контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации», созданной в с. Нартан Нальчикского округа. Следственное по обвинению 95 лиц было предоставлено на коллегию ОГПУ для внесудебного рассмотрения. 22 мая 1932 г. решением политройки при ОГПУ СК края о деятельности группы лиц, обвиняемых в контрреволюции и шпионаж к 10 годам лишения свободы с отбыванием срока в концлагерях приговорены – 6 чел., 8 годам концлагерей – 5 чел., лишения свободы к 5 годам –20 чел., 3 годам – 24 чел. 2 годам – 10 чел., 1 году – 4 чел. Условные сроки наказания получили 3 чел., освобождены 7 чел. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-183. Оп. 3. Д. 511. Л.216,207,210,217,222-224, 227].

Анализ материалов ОГПУ позволяет определить, что основную социальную базу антиколхозных выступлений в КБАО составляли крестьяне-середняки, также принимали участие кулаки и служители религиозного культа. Безусловно, они совершали беспорядки и антиобщественные действия, однако органы ОГПУ не выявили истинные социально-экономические причины, породившие недовольство крестьян. Именно эти вопросы меньше всего интересовало следствие, обвинившее во всем «кулаков», духовенство и их покровителей Н.А. Катханова, А.Д. Гемуева и др.

В исторической литературе эти выступления считаются как антисоветские. Однако это не соответствует действительности, так как крестьяне выступали не против советской власти, а против беззакония и насилия местного руководства в период проведения хлебозаготовок и коллективизации. Главными причинами протестных выступлений явилось безысходность, тяжелое материальное и моральное состояние положение крестьян: размещение займов среди населения, налог от розничной торговли, единый сельскохозяйственный налог, страхование имущества (строения, растительные культуры, домашние животные) и др.

Кроме того, вводился местный налог – самообложение (обязательное и добровольное) на удовлетворение местных культурных и хозяйственных нужд, а также в виде трудового участия в определенных работах, которые устанавливались сельским сходом села и контроля местных Советов. Например, Президиум

Балкарского окружного исполкома советов принял постановление (8 августа 1931 г.) «О самообложении населения в Балкарском округе в 1931 г.» В нем были даны рекомендации сельским советам округа и населению и определены средние размеры самообложения отдельных категорий хозяйств в зависимости от получаемых доходов. При этом кулацкие хозяйства по всем сельским советам уплачивают в сумме сельскохозяйственного налога в 100 %. Живущие в сельской местности рабочие и служащие, а также кооперативные кустари и ремесленники, не имеющие доходы от сельского хозяйства, уплачивают взносы в размере получаемого им заработка. В то же время, лица с заработком ниже 30 руб. освобождаются от самообложения; при заработке от 30 до 75 руб. платят 4 руб. [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 765. Л. 5–5 об.]. Обследование А. А Беркутова показало, что общая сумма самообложения по РСФСР составила не менее 50–60 % от размера единого сельскохозяйственного налога [Беркутов 2013: 24].

Политические репрессии

Обострение классовой борьбы оказало влияние на внутрипартийную борьбу. На рост недовольства в обществе и оппозиционных настроений руководство ВКП (б) и местных партийных организаций отвечало усилением репрессий и чисток, которые становились практически перманентным явлением в жизни советского общества, в том числе в партии. Анализ архивных документов и следственных материалов показывает, что первоначально в проведении чисток важная роль отводилась партийным собраниям, пленумам обкомам и заседаниям окружных и областных советов, где под флагом критики отдельных руководителей, подвергали их деятельность не соответствующей генеральной линии партии. Руководство ОГПУ и области считали, что идейными вдохновителями протестных выступлений крестьянства являлись Назир Катханов, Ако Гемуев, Магомед Энеев и др. Об этом свидетельствуют материалы VIII областной партийной конференции ВКП (б) (15–23 января 1927 г.), на котором выступили более 15 делегатов с критикой антисоветских группировок в области. В резолюции конференции указывалось: «…Отмечая усиление антисоветской работы группировки, принять решительные меры к их ликвидации: арестовать и передать в распоряжение нашего областного суда 7 чел., исключить из партии 2 чел., выслать за переделы области 4 чел., поставить на вид на недопустимость связи с контрреволюционными элементами и кулаками 3 чел...» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 62–64]. Затем партийная конференция, рассмотрев заявление группы делегатов (60 чел.), приняла постановление: «Виду того, что до сего времени со стороны СК краевого комитета парии нет должного внимания к решениям нашей организации *в отношении групп лиц кабардинцев и балкарцев, работавших вне нашей области, в городах Ростова и Москвы (*выделено – *А.Т.),* областная партийная организация предлагает вновь избранному обкому исключить из партии 6 чел., в том числе Назира Катханова[1],

[1] Катханов Н. А.1918 г. – член Областного и Нальчикского ревкома, начальник Окружной милиции по Нальчикскому округу, декабрь 1919 г. – почетный председатель 6-го съезда народов Кабардино-Балкарии. Делегат 2-го Конгресса Коминтерна, 10.03.1920 г. –вторично освободил Нальчик от белогвардейцев., 1920 г. – член Кабардинского ЦИКа, заведующий РКИ, юстиции, ОНО, член коллегии Наркомпрода,1922 – 1924 – заведующий Областной Рабоче-крестьянской Инспекции в составе Народного Комиссариата РКИ РСФСР, 1924 – 1926 гг. – представитель Кабардино-Балкарской области при Президиуме ВЦИК в Москве

Магомеда Энеева[1]» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 54. Л. 73, 74]. Заявление группы делегатов и принятые о группировках резолюции были направлены в СК краевой комитет парии ВКП (б), СК краевую контрольную комиссию ВКП (б) и Полномочному представительству ОГПУ. Затем ОГПУ вынес приговор из 16 осужденных расстрелять, в том числе Назира Катханова – главу местных «шариатистов», который имел связь с местными «контрреволюционерами и кулаками» и «совместно с ними тормозил наше социалистическое строительство»; направить в лагеря 3 чел.[2]

Энеев Магомед закончил жизнь самоубийством (27 августа 1928 г.) у себя в кабинете в Ростове-на-Дону [Темукуев 2015: 10]. Анализ архивных документов показал, что основанием этого поступка, на наш взгляд, были протест несправедливости – преследование и травля, страдания и боль, несовместимые с жизнью. При этом следует отметить, что политическим репрессиям подвергались наиболее грамотные и опытные работники, участники революции и гражданской войны. Об этом свидетельствует *анкетные данные ответственных работников областного исполкома советов КБАО* (выделено–А.Т.), представленных 22 ноября 1929 г. СК крайисполком советов. Результаты исследования показали, что из 17 только 2 имели среднее образование (11,7 %), 4 –начальное (23,6 %), 11(64,7 %) не имели образование [УЦГА АС КБР. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 729. Л. 74–78].

Вместе с тем изучение архивных материалов областной партийной организации и советских органов власти области показал, что низкий уровень образования отрицательно влиял на уровень профессиональной компетентности, этики, политической культуры и способствовал установлению командно-административной системы управления.

IV объединенного пленум обкома ВКП (б) и областной контрольной комиссии (10 июня 1931 г.), заслушав доклад начальника особого отдела полномочного представительства ОГПУ по СК краю тов. Курского «О результатах следствия о контрреволюционной деятельности Гемуева», подтвердил изложенные данные. В постановлении отмечалось: «...Партийная организация в течение ряда лет вела самую решительную борьбу с катхановщиной и др. Эта борьба одновременно была и борьбой с гемуевщиной, ибо социальные корни и тактика борьбы у них одни те же. Вместе с тем в партийной организации находились и *находятся* (выделено – *А.Т.)* лица, содействующие гемуевщине, катхановщине – Туманович, защищавший Гемуева[3] (выступление Тумановича, на чистке партии с характеристикой Гемуева, как хорошего товарища и твердого большевика), катхановщины

13.09.1925 г. – 1928 г. – Уполномоченный по национальной политике в Главном Экономическом управлении при Президиуме ВСНХ СССР

[1] Энеев М.А., 1921 г. – председатель балкарского окружного исполкома советов, 1923 г. – секретарь Чеченского организационного бюро РКП (б), делегат съезда XIII съезда ВКП (б), II, III Всесоюзного съезда Советов, 1925 г. – учеба на двухгодичных курсах марксизма при Коммунистической академии в Москве, 1927 г. – зам. Председателя национального Совета Северо-Кавказского крайисполкома.

[2] «Открытый список» –база данных жертв политических репрессий в СССР (1917—1991 гг.) Книга памяти Кабардино-Балкарии // Электронный ресурс. URL: https//ru.openlist.wiki/ (дата обращения:25.12.2024 г.).

[3] Гемуев А. Д. – Гемуев А. Д. – 10 октября 1922 г. –председатель исполкома Балкарского округа, член ЦИК КБАО, 25 мая 1923 года – заместитель председателя Центрального Исполнительного комитета Советов КБАО, 25 апреля 1927 –24 мая 1930 гг. — заместитель председателя Кабардино-Балкарского облисполкома

(выступление в период Баксана) (Баксанских событий в июне 1928 г.– уточнение *А.Т.)*. Пленум решительно осуждает клеветническое антипартийное выступление Тумановича (попытка от прямой защиты Геммуева перейти теперь к наскоку с обвинениями областного партруководства и всей партийной организации), являющееся скрытой гемуевщиной» [УЦДНИИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 107. Л. 47, 49, 50]. Спустя два месяца после пленума обкома (9 августа 1931 г.) особым отделом ОГПУ А.Д. Гемуев был арестован по обвинению «в организации Чегемского вооруженного восстания и участие в контрреволюционной организации», 7 сентября 1931 г. – приговорён к расстрелу[1].

Политические репрессии продолжались до начала 1941 г. Были разоблачены «контрреволюционные группы» Келлета Ульбашева[2], Асланбека Водахова[3], Хамшика Камбиева[4], Азрета Мокаева[5] и др.[6]

Исследование следственных материалов ОГПУ показывает, что противодействие реализации прав крестьян, в свою очередь, приобрело формы отчаянного их сопротивления по всей области. При этом следственные органы, используя различные формы и методы добывания нужных показаний у подозреваемых и свидетелей (заполнение различных анкет, сбор «компромата», проверка фактов, выбивание показаний и т. п.), выносили обвинения внутрипартийным группам, хотя они не имели никакого отношения к этим событиям. В действительности, работая на руководящих должностях в партийных и советских органах Назир Катханов, Ако Гемуев, Заракуш Мидов, Магомед Энеев, Дуля Шекихачев, Келлет Улбашев и другие репрессированные, выступали: за проведение кооперации с учетом особенностей социально-экономического развития области и ее отдельных округов, а так же против принуждения к вступлению в колхозы под угрозой раскулачивания, арестов середняков, форсирования темпов создания коллективных хозяйств, закрытия мечетей и церквей в административном порядке. На наш взгляд, невозможно было в короткие сроки ликвидировать формы землепользования, классовые различия и тем более уничтожить религиозные убеждения, которые складывались веками. Однако первые лица области действовали по лозунгу того времени «Лучше перегнуть, «лучше перегнуть, чем недогнуть».

---

[1] «Открытый список» –база данных жертв политических репрессий в СССР (1917—1991 гг.) Книга памяти Кабардино-Балкарии // Электронный ресурс. URL: https//ru.openlist.wiki/ (дата обращения:25.12.2024г.)

[2] Ульбашев Келлет Эльмурзаевич – 1920 г. – председатель Революционного комитета села Верхняя Балкария, Терская область, 1921 г. – начальник Рабоче-крестьянской милиции Балкарского окружного отделения ВЧК, 1924–1926 гг. – судья V-го участка Балкарского округа, Кабардино-Балкарская автономная область, 1928–1930 гг. – председатель Исполнительного комитета Балкарского окружного Совета (Кабардино-Балкарская автономная область), 1930–1934 гг. – председатель Исполнительного комитета Кабардино-Балкарского областного Совета, 1934 – май 1935 гг. – зам. начальника Кабардино-Балкарского областного земельного отдела.

[3] Водахов А.А. – 1926 г. – начальник управления местной промышленности КБАО, 1930–1934 – зам. председателя облисполкома советов КБАО

[4] Камбиев Х.М. – 1926 г. – заведующим Карачаево-Черкесским областным отделом народного образования, 1935 г. – председатель исполнительного комитета областного совета Черкесской автономной области.

[5] Мокаев А.Г. – 1930–1938 гг. – председатель колхоза «Средняя Балкария», 1938–1939 гг. –член Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР, 15.5.1939–27.1.1941 – председатель Президиума Верховного Совета Кабардино-Балкарской АССР.

[6] «Открытый список» – база данных жертв политических репрессий в СССР (1917–1991 гг.) Книга памяти Кабардино-Балкарии // Электронный ресурс. URL: https//ru.openlist.wiki/ (дата обращения: 25.12.2024 г.).

Если учесть, что ОГПУ при этом ограничивалась одними лишь явными оппозиционерами, станет понятно, что его вторжение в партийные дела способствовало образованию атмосферы подозрительности и доносов. Например, делегат X1V областной конференции ВКП (б), состоявшейся с 27 мая по 3 июня 1937 г., в своем выступлении отметил: «…преданные члены партии сигнализировали обком партии о контрреволюционной деятельности врагов народа. При этом коммунист С., когда работал в здравотделе говорил: «…они теперь обеспечены куском хлеба…» [УЦДНИ АС КБР. Ф. 1. Оп. 1. Д. 173. Л. 30]. Исследование материалов партийных конференций и пленумов ВКП (б) за период 1930–1940 гг. показало, что те коммунисты, которые в своих выступлениях обвиняли своих коллег «врагами народа» в основном назначались на руководящие должности в советских и партийных органах, избирались членами и кандидатами обкома ВКП (б). Тем не менее в последующем и они оказались в числе репрессированных. К концу 1938 г. почти все руководители партийных и советских органов, в том числе Бетал Калмыков[1] – активно проводивший кампании по разоблачению «врагов народа», сами стали жертвой репрессий. Б.Э. Калмыков был арестован 12 ноября 1938 г., обвинен в создании «контрреволюционной организации в Кабардино-Балкарии и в подготовке терактов», расстрелян 27 февраля 1940 г.[2] В исследуемый период была устранена лучшая часть местной кадровой и политической элиты.

Анализ документов партийных и советских органов области свидетельствуют о том, что политические репрессии были направлены на защиту и сохранение существующего строя и носили идеологический характер. Основными причинами массовых репрессий, на наш взгляд, являлись: форсированная модернизация страны, попытка возложить ошибки и просчеты в ее проведении на «врагов народа», командно-административная система управления и др.

Заключение

Таким образом, на основе анализа архивных документов и других источников выявлены особенности проведения коллективизации и раскулачивания в области. Анализ изучения административных и принудительных переселений кулачества позволяет утверждать, что процесс социалистического строительства в том числе форсированного кооперирования сельского хозяйства проходило в обстановке острых социальных и политических противоречий. Выявлено, что надежда на разрешение зерновой проблемы была решающим фактором, побудившим пойти на ударные темпы коллективизации. При этом тройственный лозунг: твердая опора на бедняков, союз с середняками и борьба с богатыми крестьянами, позже претерпел эволюцию и предусматривал – союз только с крестьянами, которые были за колхозы, а также ликвидацию кулачества как класса. В результате были ущемлены экономические и политические права жителей деревни. Поэтому зажиточная часть крестьянства и духовенства приняла

[1] Калмыков Б. Э. март 1920г.– председатель ревкома, облисполкома КБАО, 1930 г.– 1-й секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП (б), создании к. -р. организации в Кабардино-Балкарии и в подготовке терактов.

[2] «Открытый список» –база данных жертв политических репрессий в СССР (1917—1991 гг.) Книга памяти Кабардино-Балкарии // Электронный ресурс. URL: https//ru.openlist.wiki/ (дата обращения:25.12.2024г.)

участие, а в ряде случаев возглавляла крестьянские выступления. Вместе с тем следует отметить, что отделение ОГПУ и руководство КБАО увязывали эти события с деятельностью контрреволюционных группировок в местной партийной организации. Это утверждение стало началом массовых репрессий в партийных и советских органах в области, Всего с 1931 г. по 1 июля 1938 г. на основе выявленных документов административной, принудительной высылке в необжитые районы страны и политическим репрессиям подверглись более 9646 кулаков и других контрреволюционных элементов, представителей духовенства. При этом следует отметить, что численность раскулаченных по сравнению с общим числом зажиточных хозяйств превышало в 6 раз. В целом политические репрессии были обусловлены утверждением авторитарного режима власти в центре и на местах и использовались для решения политических, социально-экономических задач.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бербеков 1963 – *Бербеков Х.М.* Переход к социализму народов Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1963. – 536 с.

Беркутов 2013 – *Беркутов А.А.* Самообложение в прямых налоговых платежах крестьянства во второй половине 1920-х годов / /Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология иискусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 5 (31): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 22-25.

ГАРО – Государственный архив Ростовской области.

Земсков 2022 – *Земсков В.Н.* Великий перелом. Подлинные сведения о масштабах сталинских репрессий. – Москва: Проспект, 2022. – 760 с.

Ивницкий 2000 – *Ивницкий Н.А.* Репрессивная политика советской власти в деревне (1928-1933 гг.). – М.: Наука, 2000. – 350 с.

Известия ЦИК 1932 – Известия ЦИК Союза ССР и ВЦИК от 27 июня 1932 г. – № 176.

Кармов 2019 – *Кармов А.Х.* к вопросу о сплошной коллективизации крестьянских хозяйств в Кабардино-Балкарии // Вестник КБ. – 2019. – 3 (42). – С. 59–71.

Лаврова 2004 – *Лаврова Н.С.* Аграрные преобразования и развитие села в Кабардино-Балкарии в 20-30-е годы XX века: автореферат дис. ... канд. ист. н-к: –Нальчик: КБГУ, 2004. –23 с.

Мамбетов, Мамбетов 1999 – *Мамбетов Г.Х., Мамбетов З.Г.* Социальные противоречия в кабардино-балкарской деревне в 20–30-е годы. – Нальчик: КБНЦ РАН, 1999. – 272 с.

Отчет… 1925 – Отчет Кабардино-Балкарского ЦИКА областному съезду Советов за 1925 г. – Нальчик: б/и, 1925. – 202 с.

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории.

РГАЭ – Российский государственный архив экономики.

Советское крестьянство… 1973 – Советское крестьянство: Краткий очерк истории (1917–1970) / Под ред. В.П. Данилова [и др.]. – 2-е изд., доп. – Москва: Политиздат, 1973. – 590 с.

Сталин 1953 – *Сталин И.В.* Соч. Т. 11. 1928 – март 1929. – Москва: Политиизд, 1953. – 381 с.

Текуев 1960 – *Текуев А.К.* Борьба Кабардино-Балкарской парторганизации за социалистическое преобразование сельского хозяйства. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1960. – 151 с.

Темукуев 2015 – *Темукуев. Б.Б.* Под сенью гор: взлеты и падения. Книга 2. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2015. – 410 с

Трагедия… 1999; Трагедия… 2000; Трагедия… 2001; Трагедия… 2002; Трагедия… 2004; Трагедия… 2006 – Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание.

1927-1939: Док. и материалы: В 5 т. / Гл. ред. совет: В. Данилов, Р. Маннинг, Л. Виола (гл. редакторы) и др. – Москва: РОССПЭН, 1999-2006. Т. 1. – 1999. – 880 с.; Т. 2. – 2000. – 927 с.; Т. 3. – 2001. – 1008 с.; Т. 4. – 2002. – 1056 с.; Т. 5. Кн. 1. – 2004. – 648 с.; Т. 5. Кн. 2. – 2006. – 704 с.

УЦГА АС КБР – Управление центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

УЦДНИ АС КБР – Управление центра документации новейшей истории Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

REFERENCES

BERBEKOV KH.M. *Perekhod k sotsializmu narodov Kabardino-Balkarii*. [Transition to socialism of the peoples of Kabardino-Balkaria]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 536 p. (In Russ.).

BERKUTOV A.A. *Samooblozhenie v pryamykh nalogovykh platezhakh krest'yanstva vo vtoroi polovine 1920-kh godov* [Self-taxation in direct tax payments of the peasantry in the second half of the 1920s]. IN: Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya iiskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktikITambov: Gramota, 2013. – № 5 (31): v 2-kh ch. – CH. I. – P. 22-25. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Rostovskoi oblasti [State Archives of the Rostov Region] (In Russ.).

ZEMSKOV V.N. Velikii perelom. Podlinnye svedeniya o masshtabakh stalinskikh repressii. [The Great Turning Point. Authentic information about the scale of Stalin's repressions]. – Moskva: Prospekt, 2022. – 760 p. (In Russ.).

IVNITSKII N.A. *Repressivnaya politika sovetskoi vlasti v derevne (1928-1933 gg.).* [Repressive policy of the Soviet power in the village (1928-1933)]. – M., 2000. – 350 p. (In Russ.).

Izvestiya TSIK Soyuza SSR i VTSIK ot 27 iyunya 1932 g. [News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee of June 27, 1932]. – № 176. (In Russ.).

KARMOV A.KH. *K voprosu o sploshnoi kollektivizatsii krest'yanskikh khozyaistv v Kabardino-Balkarii* [On the issue of complete collectivization of peasant farms in Kabardino-Balkari]. IN: Vestnik KB. – 2019. – 3 (42). – P. 59–71. (In Russ.).

LAVROVA N.S. *Agrarnye preobrazovaniya i razvitie sela v Kabardino-Balkarii v 20-30-e gody XX veka: avtoreferat dis... kand. Ist. nauk* [Agrarian transformations and development of the village in Kabardino-Balkaria in the 20–30s of the XX century: abstract of the dis. ... cand. of hist. sciences]. – Nal'chik: KBGU, 2004. – 23 p. (In Russ.).

MAMBETOV G.KH., MAMBETOV Z.G. *Sotsial'nye protivorechiya v kabardino-balkarskoiderevne v 20-e gody* [Social contradictions in the Kabardino-Balkarian village in the 20s and 30 s.]. – Nal'chik: KBNTS RAN, 1999. – 272 p. (In Russ.).

Otchet Kabardino -Balkarskogo TSIKA oblastnomu s"ezdu Sovetov za 1925 g. [Report of the Kabardino-Balkarian Central Executive Committee to the regional congress of Soviets for 1925]. – Nal'chik, 1925. – 202 p.

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Social and Political History] (In Russ.).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ehkonomiki [Russian State Archive of Economics] (In Russ.).

Sovetskoe krest'yanstvo: Kratkii ocherk istorii (1917-1970) [Soviet peasantry: Brief outline of history (1917-1970)]. Pod red. V.P. Danilova [i dr.]. –2-e izd., dop. – Moskva: Politizdat, 1973. – 590 p. (In Russ.).

STALIN I.V. *Soch. T. 11. 1928 – mart 1929* [Stalin I. V. works. T. 11. 1928 – March 1929.]. –Moskva: Politiizd, 1953. –381 p. (In Russ.).

TEKUEV A.K. *Bor'ba Kabardino-Balkarskoi partorganizatsii za sotsialisticheskoe preobrazovanie sel'skogo khozyaistva* [Struggle of the Kabardino-Balkarian Party Organization for the So-

cialist Transformation of Agriculture]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1960. – 151 p. (In Russ.).

TEMUKUEV B.B. *Pod sen'yu gor: vzlety i padeniya. Kniga 2* [Under the Mountain Shadow: Ups and Downs]. Book 2. – Nal'chik: Izd-vo M. i V. Kotlyarovykh, 2015. – 410 p. (In Russ.).

Tragediya sovetskoi derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927-1939: Dok. i materialy : V 5 t. [Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927-1939: Documents and Materials:] V 5 t. / Gl. red. sovet: V. Danilov, R. Manning, L. Viola (gl. redaktory) i dr.– Moskva: ROSSPEHN, 1999-2006: T. 1. – 1999. – 880 p.; T. 2. – 2000. – 927 p.; T. 3. – 2001. – 1008 p.; T. 4. – 2002. – 1056 p.; T. 5. Kn. 1. – 2004. – 648 p.; T. 5. Kn. 2. – 2006. – 704 p. (In Russ.).

Upravlenie tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Administration of the Central State Archives of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russ.).

Upravlenie tsentra dokumentatsii noveishei istorii Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Administration of the Center for Documentation of Contemporary History of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic] (In Russ.).

Информация об авторе

А.И. Тетуев – доктор исторических наук.

Information about the author

A.I. Tetuev – Doctor of Historical Sciences.

Статья поступила в редакцию 09.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 09.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 94 (470.6):353.8 “1942/1943”
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-135-153
EDN: FSACEN

СОЗДАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СИСТЕМЫ ОККУПАЦИОННЫХ ОРГАНОВ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА И СЕВЕРНОГО КАВКАЗА В 1942–1943 ГГ.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Елена Сергеевна Воропай
Луганский государственный педагогический университет, Луганск, Россия, voropay.elena18@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-0294-1767

Аннотация. Автор рассматривает общие и отличительные свойства в создании системы оккупационных властных структур на территории Донбасса и Северного Кавказа в контексте внедрения «нового порядка» германскими войсками в 1942–1943 гг. В данной статье изучаются региональные аспекты построения и работы системы оккупационных властей в период с 1942 по 1943 г. на территории Донбасса (Сталинская, Ворошиловградская области) и Северного Кавказа (южные районы Ростовской области, Краснодарский край, включая Адыгейскую автономную область, а также Орджоникидзевский край с Черкесской и Карачаевской автономными областями, часть территорий Кабардино-Балкарской, Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской автономных советских республик). Исследование охватывает различные аспекты, проявлявшиеся в организации и функционировании оккупационных органов, что позволяет понять специфику нацистской политики в указанный период. Автор акцентирует внимание на том, как различные обстоятельства и специфические условия региона влияли на создание оккупационных органов власти и на их функционирование в условиях войны. Полученные выводы могут быть использованы для дальнейшего детального изучения системы оккупационной власти и ее воздействие на жизнь местных жителей.

Ключевые слова: Северный Кавказ, военная администрация, Донбасс, гражданская администрация, рейхскомиссары, комендатура, районные управы.

Для цитирования: Воропай Е.С. Создание и деятельность системы оккупационных органов на территории Донбасса и Северного Кавказа в 1942–1943 гг.: сравнительный анализ // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 135-153. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-135-153. EDN: FSACEN.

© Воропай Е.С., 2025

Original article

CREATION AND OPERATION OF THE OCCUPATION SYSTEM AUTHORITIES ON THE TERRITORY OF DONBASS AND THE NORTH CAUCASUS IN 1942-1943: COMPARATIVE ANALYSIS

Elena S. Voropai
Lugansk State Pedagogical University, Lugansk, Russia, voropay.elena18@mail.ru, https://orcid.org/0009-0008-0294-1767

Abstract. The author examines the common and distinctive properties creating a system of occupation power structures in the territory of Donbass and the North Caucasus in the introduction of the “new order” by German troops in 1942-1943. This article examines the regional aspects of the construction and operation of the system of occupation authorities in the period from 1942 to 1943 on the territory of Donbass (Stalin, Voroshilovgrad regions) and the North Caucasus (southern regions of the Rostov Region, Krasnodar Territory, including the Adygea Autonomous Region, as well as Ordzhonikidze Territory with Circassian and Karachay Autonomous regions, part of the territories of Kabardino-The Balkarian, North Ossetian and Chechen-Ingush Autonomous Soviet Republics). The study covers various aspects manifested in the organization and functioning of the occupation authorities, which makes it possible to understand the specifics of Nazi policy during this period. The author focuses on how various circumstances and specific conditions of the region influenced the creation of occupation authorities and their functioning in war conditions. These findings enable a more detailed study of how local authorities’ systems affect residents.

Keywords: North Caucasus, military administration, Donbass, civil administration, Reich commissars, commandant's office, district councils.

For citation: Voropai E.S. Creation and activity of occupation authorities on the territory of Donbass and the North Caucasus in 1942-1943: comparative analysis. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 135-153. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-135-153. EDN: FSACEN.

© Voropai E.S., 2025

В последние несколько десятилетий наблюдается значительный рост интереса исследователей к ряду проблем, связанных с установлением оккупационного режима на территории СССР в период Великой Отечественной войны. Эта тема является востребованной в контексте переосмысления исторических событий истории Второй мировой войны, а также связана с начавшимся в 90-х гг. XX в. на постсоветском пространстве процессом рассекречивания архивных материалов, связанных не только с военными действиями, но и с социальными, культурными и экономическими аспектами оккупационного режима. Это позволяет получить более объективное и всестороннее понимание этих исторических событий.

Актуальность изучения истории фашистской оккупации Донбасса и Северного Кавказа связана с тем, что современная политика западных стран и США направлена на препятствование мирному урегулированию конфликтов в этих регионах, как в прошлом, так и в настоящем [Бжезинский 2015: 150-151]. Прошлое и настоящее Кавказа и Донбасса характеризуется столкновением геополитических интересов ведущих мировых держав, что подчеркивает важность изучения данной темы.

При совокупности значительного количества общих признаков оккупационного режима, внедренного на части территории Советского Союза фашистскими захватчиками, каждый отдельный регион имел свои особенности. Исследование немецко-фашистского оккупационного устройства на Северном Кавказе и Донбассе позволяет более полно реконструировать как события региональной истории, так и истории СССР в годы Великой Отечественной войны в целом.

Исследование охватывает временные рамки, связанные с немецкой оккупацией Донбасса и Северного Кавказа, начиная с лета 1942 г. Именно в это

время враг полностью захватил Донбасс, а также началась битва за Кавказ, что привело к захвату части Северного Кавказа. С января 1943 г. Красная Армия начала наступательные действия на Северном Кавказе, что означало начало освобождения региона от нацистских оккупантов. Данный процесс продолжался в течение десяти месяцев и завершился 9 октября 1943 г. В то время как территория Сталинской области и юго-западная часть Ворошиловградской области оставались под оккупацией до сентября 1943 г., другие районы Ворошиловградской области находились под контролем захватчиков вплоть до февраля 1943 г. Учитывая эти обстоятельства, автор исследует события, развернувшиеся на Донбассе и в Северном Кавказе в период с лета 1942 г. по осень 1943 г.

Географические рамки исследования охватывают районы Северного Кавказа, которые были заняты немецкой армией летом и осенью 1942 г., а также в начале 1943 г. Это западная часть Ростовской области, вся территория Краснодарского края, включая город Краснодар, Адыгейскую автономную область, большая часть Орджоникидзевского края (с 12 января 1943 г. Ставропольский край), который содержал в своем составе Черкесскую и Карачаевскую автономные области, западная часть Грозненской области (ныне Чечня), западные части Кабардино-Балкарской АССР. Что касается Донбасса, то его территория охватывала Сталинскую (современную Донецкую) и Ворошиловградскую (Луганскую) области.

Большое значение для изучения выбранной нами темы имеет коллективное двенадцатитомное издание «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» [Великая… 2011–2014]. Первые пять томов последовательно описывают основные события и факты, связанные с подготовкой и ведением вооруженной борьбы советского народа против нацистской Германии и ее союзников. Начиная с шестого тома, основное внимание уделяется политическим, дипломатическим, экономическим, управленческим, социальным и духовным измерениям войны. Заключительный, двенадцатый том, посвящен итогам и урокам войны.

Книга «Вермахт и оккупация (1941-1944)» [Норберт 1974] авторства Норберта Мюллера, сотрудника Института военной истории ГДР, представляет собой глубокое исследование преступной роли гитлеровского вермахта в осуществлении оккупационного режима на захваченных фашистами территориях Советского Союза во время Великой Отечественной войны. Автор приводит обширный фактический материал, убедительно свидетельствующий об активном участии вермахта в массовом уничтожении советских граждан, экономическом разграблении оккупированных регионов СССР, а также в реализации политики «выжженной земли» во время отступления гитлеровских войск под ударами Красной Армии. Данная работа вносит значительный вклад в изучение преступлений нацистской Германии на советской территории в годы Второй мировой войны.

Региональные особенности создания и деятельности оккупационных органов власти на территории СССР становились предметом специального исследования многих отечественных историков. Ключевым результатом изучения данной темы стало создание масштабного и значимого труда – «История городов и сел Украинской ССР», который включает 26 томов. В книгах, посвященных ис-

тории Донецкой [История… Донецкая обл. 1976] и Луганской [История… Ворошиловградская область 1976] областей, авторы, опираясь на обширные архивные и опубликованные материалы, подробно освещают сопротивление советских войск и местного населения Донбасса против немецко-фашистских захватчиков в каждом населенном пункте региона.

Книга «Донетчина в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Известные и неизвестные страницы истории» [Донетчина… 2008] создана на основе фактического материала, подлинных документов из отечественных, зарубежных и немецких архивов, а также публикаций в периодической печати и исследований ученых. Книга состоит из пяти разделов: «Начало войны», «Оборона», «Оккупация», «Освобождение» и «Итоги». Эти разделы последовательно освещают основные события и аспекты военной истории Донецкого региона в годы Великой Отечественной войны. Ценными источниками для изучения истории данных регионов в период Великой Отечественной войны являются сборники документов и материалов «Луганщина в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 гг.» [Луганщина… 1969] и «Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)» [Донецкая… 1980]. Эти сборники состоят из различных документов, таких как постановления партийных органов, документов первичных партийных организаций, советских учреждений, представлены справки, отчеты, официальная переписка.

М.А. Жирохов [Жирохов 2011], А.М. Михненко [Михненко 2000] в своих работах анализировали специфические черты фашистского оккупационного режима на территории Ворошиловградщины, а особенности установления и функционирования оккупационной власти на территории Северного Кавказа в 1942–1943 гг. исследовались такими авторами, как С.А. Линец [Линец 2003], Н.О. Блейх [Блейх 2020]. В монографии Х.М. Ибрагимбейли «Крах «Эдельвейса» и Ближний Восток» [Ибрагимбейли 1977] рассматриваются военно-политические события на Ближнем и Среднем Востоке до и после нападения нацистской Германии на СССР. Анализируются агрессивные планы Германии по захвату Кавказа и распространению своей экспансии на страны Востока, а также германо-итальянские империалистические противоречия и англо-германское соперничество в этом регионе. В работе также раскрывается подрывная деятельность германской агентуры и опровергается фашистская версия о «кавказском эксперименте» Рейха, показывая его крах.

На сегодняшний день в отечественной научной литературе не существует специализированных исследований, посвященных сравнительному анализу особенностей работы оккупационных властей как на Донбассом, так и в Кавказском регионе.

Согласно планам немецко-фашистских захватчиков, территория Северного Кавказа и Донбасса имела важное значение для усиления экономики Третьего Рейха. Это было обусловлено их экономической, политической и военно-стратегической ценностью для нацистской Германии. Кавказский регион стал важным стратегическим объектом для Советского Союза из-за своих обширных природных богатств, включая нефть, плодородные сельскохозяйственные земли и полезные ископаемые. Благодаря промышленности, мощной сырьевой и

продовольственной базе, фундаментальных показателей в области военно-стратегических ресурсов, Кавказский регион стал одним из ключевых по степени важности для Советского Союза.

Кроме того, благоприятное географическое расположение, выход к Черному и Каспийскому морям, позволяло поддерживать выгодное с экономической точки зрения сотрудничество в рамках взаимной торговли с приграничными территориями, в частности Ираном и Турцией. Благодаря морским путям также активно развивались торговые отношения через Персидский залив, проливы Босфор и Дарданеллы.

В период ожесточенных боевых действий Великой Отечественной войны маршрут, пролегающий через территорию Кавказа, имел стратегическое значение, ведь он соответствовал второму по важности каналу поставок продовольствия, вооружения, боеприпасов различного калибра от западных союзных сил из Британской империи, США. Ставка фюрера планировала захватить Кавказский хребет, что по их расчетам способствовало продвижению в Среднюю Азию, а далее на Ближний Восток [Гасанбеков 2001: 13].

Согласно планам немецкого командования, Донбасс рассматривался как важный экономический ресурс для Германии во время Второй мировой войны. Местные запасы угля предназначались для выполнения военных грузоперевозок и поддержания нужд отрасли. Кроме того, было намечено организовать производственный процесс по выпуску стали, проката и чугуна. Также планировалось осуществлять ремонт паровозов, минометов, танков и различного другого военного оборудования.

К 1943 г. военное руководство Германии пришло к выводу, что исход военных действий в значительной степени определяется экономической силой противников. В связи с нарастающим сопротивлением Гитлер распорядился предпринять меры для увеличения добычи ресурсов в оккупированном Донбассе. Для этого он планировал использовать захваченное население как бесплатную рабочую силу, что должно было способствовать стабильности фашистской экономики в условиях нарастающей войны. В своей книге «Утерянные победы» Манштейн отмечает: «Уже в 1941 году Донбасс играл существенную роль в оперативных замыслах Гитлера. Он считал, что от овладения этой территорией, расположенной между Азовским морем, низовьями Дона и нижним и средним течением Донца и простирающейся на западе примерно до линии Мариуполь–Красноармейское–Изюм, будет зависеть исход войны» [Луганщина… 1969: 231]. По мнению Гитлера, Советский Союз не сможет выдержать экономическую борьбу без ресурсов угля, находящихся в Донецком бассейне. Немецкие специалисты делали аналогии между Донбассом и «Восточным Руром» и планировали превратить его в свою колонию [Луганщина … 1969: 232].

С начала 1930-х гг. нацистская Германия разработала концепцию Lebensraum (жизненного пространства), которая предусматривала расширение немецких территорий за счет Восточной Европы [Бжезинский 2015: 53-54]. Главной целью этой стратегии было не только обеспечение ресурсов для растущего населения, но и уничтожение «неарийских» народов, считающихся менее ценными. В этом контексте Советский Союз представлял собой главный объект

для германской экспансии. А. Розенберг, как идеолог и ответственный за восточную политику, активно пропагандировал идеи о необходимости уничтожения или подчинения местного населения [Преступные цели… 1985: 18]. Предполагалось создание коллаборационистских режимов, которые бы обслуживали интересы Третьего рейха. Управление этими территориями задумывалось как жестокое, с применением террора и экономической эксплуатации.

План «Ост» включал не только военную оккупацию, но и культурную денацификацию, направленную на уничтожение русского культурного наследия [Безыменский 1978: 77]. Гитлер видел в этом способ преодоления исторической и социальной связности региона, что должно было обеспечить долгосрочную немецкую гегемонию на востоке Европы. Этот подход привел к катастрофическим последствиям для миллионов людей и оставил глубокие раны в истории региона [Преступные цели… 1985: 20].

Розенберг, будучи идеологом нацистского режима, стремился создать систему управления, которая основывалась на принципах расовой и этнической иерархии [Преступные цели… 1985: 20]. В его представлении присоединенные восточные территории должны были стать базой для «жизненного пространства» для немецкого народа, что включало массовую депортацию местного населения и колонизацию земель немецкими поселенцами. «Коричневая папка» содержала рекомендации по уничтожению местной культуры и внедрению немецкой языковой и образовательной системы.

Таким образом, нацистская администрация под руководством Розенберга внесла значительный вклад в формирование системы управления, пронизываемой идеями расового превосходства, что в дальнейшем привело к масштабным гуманитарным катастрофам и жестоким преследованиям на завоеванных землях [Татаров 2021: 53].

Несмотря на отказ высокопоставленных представителей Третьего Рейха от идеи Розенберга, его концепция создания рейхскомиссариатов оставалась актуальной для понимания немецкой политики на востоке. Гитлер предпочел полное подчинение оккупированных территорий, рассматривая их как колонии, без каких-либо признаков самоуправления. Это решение предопределило жестокую тактику оккупации, насилие и репрессии против местного населения, что только усилило ненависть к оккупантам. Создание государственных образований, которые объединяли народы Украины, Прибалтики и Кавказа, имело целью изолировать русское население. Эти образования находились под строгим контролем Германии и выполняли роль формирования буферной зоны вокруг «Московии». Одной из главных инициатив Розенберга стал проект «Черноморского союза», который предполагал союз между Украиной, Донским краем и Кавказом. Главной задачей этого объединения было оказание постоянного влияния на Москву, что, в свою очередь, обеспечивало бы Германии значительные земли на востоке для проживания. Земли, оккупированные немецкими войсками, планировалось разделить на четыре главных рейхскомиссариата: «Московия», «Остланд», «Кавказ» и «Украина». Кроме того, была обсуждена идея создания пятого рейхскомиссариата, который мог бы носить имя «Туркестан» [Линец 2003: 85].

В первые дни оккупации советской территории нацисты ликвидировали не только все органы советской власти, но и административное деление, существовавшее до начала войны [НФОР 1965: 78]. В зоне, простирающейся от линии боев до тыловых рубежей армейских групп, немецкие военные власти использовали жестокие методы контроля и подавления местного населения, а все полномочия были переданы оккупационной администрации Германии. Основное внимание уделялось обеспечению безопасности и стабильности фронта, что вело к полной милитаризации экономики и социальной жизни.

Территория, объединяющая два рейхскомисариата – «Украина» и «Остланд», относилась к военно-административному району, оккупационная администрация которых стремилась внедрить свои экономические и расовые идеи, что выражалось в процессе германизации местного населения. Каждый из этих оккупационных административных образований состоял из четырех основных отделов, которые занимались вопросами политики, законодательства, финансирования, промышленности, национальными и расовыми вопросами, а также религиозными и другими аспектами. Формировалась местная администрация и полицейские силы, состоящие из местного населения и бывших военнопленных. Создавались городские и районные управы, возглавляемые начальниками, осуществлявшими общее руководство и контроль над местными учреждениями, хозяйством и управлением [НФОР 1965: 78].

Вторым по значимости органом местного самоуправления являлся бургомистр, который ставил задачи перед руководителями управ. Низшим звеном местного управления была сельская управа, во главе которой стоял староста.

В военной структуре, действовавшей параллельно с гражданскими управляющими органами, находились элементы германских силовых ведомств. В этот комплекс входили Государственная тайная полиция (гестапо), Служба безопасности (СД), охранные формирования (СС) и штурмовые отряды (СА). Военные административные и контрольные структуры охватывали комендатуры, функционировавшие на всех захваченных территориях. На них была возложена задача осуществления военного управления, что включало в себя создание вспомогательных полицейских формирований, организацию лагерей для военнопленных и выполнение прочих аналогичных задач [Ковалев 2011: 144].

Структура управления оккупационной властью Германии имела ряд общих черт, но при этом могла варьироваться в зависимости от специфики местной обстановки во время войны [Ковалев 2011: 144]. Например, территория Донбасса была включена в особую военную зону, находившуюся под непосредственным контролем немецкого военного командования [Луганщина 1969: 10]. Северный Кавказ, будучи многонациональным регионом, также характеризовался специфическими особенностями в системе административного управления [Блейх 2020: 24].

К осени 1942 г. немецкие войска оккупировали территорию Северного Кавказа. Это западная часть Ростовской области, вся территория Краснодарского края, включая город Краснодар, Адыгейскую автономную область, большая часть Орджоникидзевского края (с 12 января 1943 г. Ставропольский край), который содержал в своем составе Черкесскую и Карачаевскую автономные обла-

сти, часть Малгобекского района Чечено-Ингушской АССР, западные части Кабардино-Балкарской АССР. Что касается Донбасса, то его территория охватывала Сталинскую (современную Донецкую) и Ворошиловградскую (Луганскую) области. Для нацистского руководства создание и воплощение оккупационной стратегии в Кавказском регионе было крайне важным. Эта политика заметно отличалась от методов, применяемых на других территориях Советского Союза, захваченных войсками Германии и их союзников. Главной задачей данной политики являлось привлечение многонационального населения Северного Кавказа к активному взаимодействию с оккупационными силами, что должно было сделать его партнером немецких войск в их противостоянии с Красной Армией и советским режимом.

В начале у верховного командования нацистов отсутствовал ясный план относительно того, кто станет руководителем рейхскомиссариата «Кавказ». На начальных этапах существовала концепция назначить на эту должность госсекретаря Бакке, учитывая его кавказское происхождение и способность свободно говорить по-русски [Линец 2003: 78]. В конце концов, рассмотрев все эти возможности, было решено, что наиболее подходящей кандидатурой будет А. Шикеданц. Двадцать лет он изучал «русский вопрос» и работал одним из старших помощников А. Розенберга.

Рейхскомиссар А. Шикеданц выполнял функцию высшего гражданского управляющего на оккупированных кавказских территориях. Ему были предоставлены полномочия для самостоятельного решения всех вопросов, касающихся руководства рейхскомиссариатом. Его действия были направлены на достижение главной задачи – привести все аспекты жизни оккупированных регионов в соответствие с интересами нацистской Германии. Нацисты рассматривали избрать в качестве столицы оккупационного района Тбилиси. С этой целью рейхскомиссариат «Кавказ» предлагалось расширить по бассейну Дона на север и по реке Волге на восток, по границам с Турцией, и до Ирана, а на западе – по побережью Черного и Азовского морей. Территория этого «государственного объединения» определялась в 500 тыс. кв. км, а численность населения – 18 млн. человек. В состав Рейхскомиссариата предполагалось включить Грузинскую, Азербайджанскую Советские Социалистические Республики, Ставропольский и Краснодарский край, Кабардино-Балкарскую Республику и все территории, расположенные вдоль реки Терек [Линец 2003: 80].

Летом 1942 г. вермахт под командованием фельдмаршала Листа начал свою военную кампанию на Северном Кавказе, что ознаменовало новую стадию атаки на Советский Союз в данном регионе. 27 июля 1942 г. А. Розенберг составил служебную записку «О преобразовании Кавказа» [Линец 2003: 82]. Данный документ предоставил четкие разъяснения и расширил некоторые аспекты ранее утвержденного плана и организационной структуры оккупационной администрации в этом районе, которая была впервые согласована в июле 1941 г. А. Розенберг намеревался разделить рейхскомиссариат «Кавказ» на несколько генеральных комиссариатов, среди которых были «Кубань», «Азербайджан», «Кавказские горы», «Грузия» и «Ставрополь» [Линец 2003: 82]. В письме, написанном А. Шикеданцем 28 августа 1942 г. и озаглавленном «Сжатый

отчет штаба организации «К» («Кавказ»), представлена краткая информация о пяти генеральных комиссариатах и официальные отчеты, подчеркивающие их важность. В данном документе указаны изменения в наименованиях: «Кавказские горы» были переименованы в «Горную страну», а «Ставрополь» стал известен как «Терек» [Линец 2003: 82]. В этой области планировалось создать два первичных комиссариата «Армения» и «Калмыкия». «Бакинский регион» предполагалось передать под власть Германии, из-за обширных запасов нефти, поэтому не был выделен в отдельную администрацию [Линец 2003: 82].

Указ, изданный Гитлером 17 мая 1941 г., обязывал Гиммлера стать рейхсфюрером СС и взять управление немецкой полицией на себя. В рамках управления Рейхскомиссариата «Кавказ» полицию возглавил обергруппенфюрер Корзерман [Татаров 2021: 56]. Корзерман осуществлял контроль за защитой ключевых военно-стратегических и гражданских объектов на оккупированных землях Северного Кавказа. В его задачи входило следить за активностью как городских, так и сельских сообществ, а также подавлять действия тех, кто выступал против Германии. В результате его действий пострадали партизаны, коммунисты, сотрудники НКВД, подпольные активисты и евреи. Для достижения поставленных целей Корзерман использовал обширный репрессивный механизм.

В структуру оккупационной власти на Северном Кавказе входили различные органы экономического управления, а также учреждения, ответственные за конфискацию местных ресурсов, таких как сырье, продовольствие и промышленная продукция. Особый штаб «К» («Кавказ») отвечал за контроль над оккупационными организациями, которые занимались экономическим освоением территорий Кавказа. В составе Викадо, высшего военного управления, существовала также специализированная экономическая группа, возглавляемая Адемиром и Шуманом, которые также были офицерами вермахта. Эта группа не ограничивалась только захватом ранее произведенных сельскохозяйственных и промышленных товаров, находившихся на складах, в хранилищах и элеваторах завоеванных районов. Она также организовывала их транспортировку в Германию. Таким образом, параллельно с экономическим управлением, военное руководство осуществляло масштабные меры по конфискации и вывозу готовой продукции с целью обеспечения потребностей Третьего рейха в условиях военного времени [Линец 2003: 95].

В сельской местности, как и в городах, местные жители формировали вспомогательные полицейские группы, которые порой именовались самообороной, защитой или службой поддержания правопорядка. Представителям районов, ответственных за набор сотрудников для вспомогательных полицейских формирований, было указано акцентировать внимание не столько на численность, сколько на качество подбираемых кадров. В течение боевых действий на Кавказе вместо создания Рейхскомиссариата «Кавказ» как части гражданской администрации на оккупированных северокавказских территориях действовало военное управление. Руководство за развитием этого региона было делегировано командованию армии группы «А». Хотя местные административные структуры, такие как управы и волостные управления, функционировали в пределах

зоны влияния вермахта, их работа оставалась под надзором немецких военных комендатур.

Гитлеровцы стремились установить постоянный контроль над Кавказом и стать его настоящими хозяевами, что требовало налаживания связей с местным населением и привлечения его на свою сторону. Для этого они инициировали социально-экономические реформы, направленные на удовлетворение основных нужд людей на приемлемом уровне. Многие элементы этой модернизации выглядели более привлекательно по сравнению с политикой советского руководства [Блейх 2020: 23]. Прежде всего, немецкие власти сосредоточились на земельном вопросе, опираясь на столыпинские принципы, акцентируя внимание на монопроизводстве. Они обратили внимание на желание крестьян иметь свои земельные участки, что ранее было запрещено, и разрешили людям обживать огороды и приусадебные территории. Коллективные формы собственности были отменены, колхозы преобразованы в сельхозы с новыми условиями трудовой оплаты, хотя система трудодней осталась без изменений. Вся земля, сельхозы и машинно-тракторные станции стали собственностью Третьего Рейха, и крестьяне оказались обременены подушным налогом, обязуясь частично сдавать свои урожаи «в пользу немецкой армии» [Блейх 2020: 23].

Местное население также было обязано участвовать в восстановлении и строительстве объектов народного хозяйства. Для осуществления этой задачи германские власти организовывали всеобщее призыв граждан [Блейх 2020: 24].

Одним из первых мероприятий, предпринятых немецкими оккупационными властями в рамках создания «нового порядка», стало поощрение частного предпринимательства. Уже через несколько дней после вступления немецких войск в города Северного Кавказа там начала активно развиваться экономическая жизнь. В соответствии с правилами, установленными захватчиками, быстро росло число частных предприятий, мастерских и цехов. К середине сентября 1942 г. в Ставрополе было зарегистрировано 421 частное предприятие, в Пятигорске 979 человек стали владельцами частных магазинов, кафе и ателье. В Краснодаре к октябрю 1942 г. число частных предприятий достигло 587, и еще ряд заявок находился на рассмотрении [Блейх 2020: 24].

В октябре 1941 г. нацисты захватили Сталинскую область. Затем, 22 июля 1942 г. противник овладел Ворошиловградской областью, полностью завоевав Донбасса. В отличие от Северного Кавказа на территории Донбасса, оккупационные власти практически не принимали во внимание национальный вопрос.

Территория Ворошиловградской и Сталинской областей была выделена в особую военную зону, находившуюся под непосредственным контролем немецкого военного командования. Это было связано с близостью линии фронта, в результате чего данный регион не вошел ни в одну из административных единиц, созданных нацистским руководством. В областных центрах были организованы:

1. Военная комендатура, которая выполняла функции, схожие с губернаторством. При этой военной комендатуре действовали отраслевые подразделения, отвечавшие за административно-политические вопросы, пропаганду, промышленность, здравоохранение и другие сферы.

2. Сельскохозяйственная комендатура, которая осуществляла управление колхозным и совхозным хозяйством [Из отчета…1943].

В населенных пунктах Донбасса фашисты создали городские управы, которые имели отделы по здравоохранению, культуре и образованию, а также административные и промышленные сектора. Руководство городской управой осуществлял городской голова, а каждым из отделов управляли начальники. В районных центрах функционировали районные управы, которыми управляли шефы районных управ. Районная управа включала в себя земельный отдел, отдел просвещения, здравоохранения и финансовый отдел. В селах и рабочих поселках назначались старосты и писари [Луганщина…1969: 123].

Первым шагом немецко-фашистских захватчиков в установлении своего господства на Донбассе стало создание местных полицейских структур, которые включали в свои ряды преступников, бывших кулаков и дезертиров. В каждом городском населенном пункте была организована городская полиция. В зависимости от размеров и экономического значения, районы имели различные полицейские подразделения с разной численностью. Помимо районных правоохранительных органов в отдельных регионах была организована уездная полиция, которая обеспечивала безопасность не только в своем районе, но и в нескольких населенных пунктах близлежащих территорий. К примеру, в городе Серго (сейчас Стаханов) действовали уездная, районная и городская полиции, при этом уездная полиция занимала центральное место в этой структуре [Луганщина…1969: 123].

Большие города, а также поселения и деревни, были поделены на отдельные кварталы. Каждый из этих районов находился под охраной группы полицейских, которой руководил опытный начальник.

Число полицейских, распределенных по разным районам, варьировалось, однако в целом оно было достаточным для обеспечения оккупационного контроля. К примеру, в Успенском районе в полиции работали 148 сотрудников, тогда как Ворошиловская городская полиция насчитывала 92 служителя закона [Луганщина…1969: 124].

В городе Сталино (ныне Донецк) находились главное управление угольной промышленности Востока и горно-металлургическое общество Юга России, которые руководили всеми шахтами и заводами. На базе трестов в районах были организованы дирекционы [Луганщина…1969: 96]. В Краснодоне, например, был организован дирекцион № 10, который объединял все мелкие и крупные шахты. Мелкие предприятия группировались в шахтоуправления, ими руководили назначаемые дирекционом управляющие [Луганщина…1969: 96].

Предприятия на территории Донбасса считались собственностью нацистской Германии. Однако в период войны управление ими временно передавали немецким компаниям, иногда арендуя эти заводы. Эти фирмы занимались восстановлением производственной деятельности и добились определенных успехов. В январе 1942 г. две доменные печи на заводах «Азовсталь» и имени Ильича в Мариуполе начали выплавку чугуна. В Сталино был запущен прокатный стан «350», который производил рессорную сталь, а также цех для изготовления металлоконструкций, предназначенных для мостов и угольной промыш-

ленности. Также работали три механические мастерские. За период оккупации металлургический завод в Енакиево произвел 70 тысяч тонн чугуна, стали и проката. Ассортимент производимой продукции определялся потребностями Вермахта [Нестеренко 2015: 138].

Нацистские власти уделяли особое внимание образованию, сделав его обязательным на оккупированной территории Северного Кавказа. Для усиления идеологической базы нацизма были учреждены специализированные образовательные заведения – школы. Фашистские власти организовывали обязательные открытые лекции по политическим вопросам на предприятиях и в различных организациях как в городских, так и в сельских районах. Также германская администрация одобрила запуск нескольких университетов в Ростове, Краснодаре и Ставрополе [Малявин 2005: 23].

Образование в школах и вузах осуществлялось с использованием учебников, унаследованных от советской эпохи. Тем не менее, из этих материалов устраняли все сведения, противоречащие фашистским взглядам. Учителей подвергали строгой проверке на предмет их лояльности к режиму, и проводились проверки в гестапо. Они были обязаны проходить курсы повышения квалификации, на которых им разъяснялись принципы нацистской политики. Родители, которые отказывались отправлять своих детей в новые учебные заведения, сталкивались с денежными штрафами.

В церквах и мечетях были открыты начальные учебные заведения, которые традиционно назывались духовными. В таких учебных учреждениях, помимо основного образования, также преподавали религиозные предметы. В роли учителей выступали священнослужители, поддерживающие режим, чья задача заключалась в том, чтобы воспитать молодежь в духе нацистской идеологии.

Образовательная политика на захваченных землях Донбасса не занимала важного места в условиях военных действий и не подвергалась глубокому анализу и разработке. Система обучения была ориентирована на формирование у молодежи ощущения своей несостоятельности, благодарности к немецкой «освободительной» армии и поддержку интересов Германии [Гордиенко 2015: 48]. Образование в регионе также постоянно подвергалось корректирующему влиянию со стороны военного командования, местных исполнительных органов и других субъективных факторов [Бистра 2006: 79].

Внедренная оккупантами на Донбассе новая система школьного обучения включала начальное образование, неполное среднее и дошкольные заведения. Четырехлетние школы стали основным элементом, так как оккупанты считали их более экономичным и практичным способом подготовки будущих работников обслуживающей сферы. Со временем оккупанты осознали необходимость создания семилетних общеобразовательных учреждений, куда за плату принимали ограниченное количество одаренных учащихся. Эти дети должны были удовлетворять потребности нацистов в квалифицированных кадрах [Нестеренко 2015: 136].

Практически отсутствовали на Донбассе в период оккупации средние учебные заведения. Если до войны в регионе функционировал 91 техникум, то в период нацистской оккупации работало лишь несколько учебных заведений,

которые можно квалифицировать как средние специальные, около 7 техникумов [Бистра 2006: 81].

Оккупационная пресса была одним из ключевых инструментов воздействия на местное население и осуществления культурной пропаганды. На Северном Кавказе началось издание множества периодических изданий, общее количество которых достигало примерно 20 наименований. С августа 1942 г. начала выходить газета «Утро Кавказа» под редакцией Б.Н. Ширяева [Блейх 2020]. Для мусульман была также выпущена газета под названием «Газават» [Блейх 2020]. При этом, ориентируясь на стереотипы восприятия целевой аудитории, дизайн и визуальное оформление этих периодических изданий сохранялись в привычном формате.

В период 1941–1943 гг. на Донбассе издавалось 24 периодических издания, которые фактически были единственным источником информации для жителей региона о культурной жизни [Титаренко 2009: 133].

Таким образом, оккупационные власти стремились продемонстрировать местному населению, что с приходом нацистских войск культурная жизнь «возродилась» в условиях «нового порядка» и культурные запросы жителей удовлетворяются должным образом.

Отличительной чертой оккупационной прессы Донбасса была попытка нацистской власти продемонстрировать через публикуемые материалы свою лояльность к украинской культуре и украинскому народу. В сентябре 1941 г. Министерство оккупированных восточных областей подготовило «Записку по украинскому вопросу», в которой содержались более «толерантные» положения в отношении украинцев. Согласно документу, среди комплекса мер по превращению Украины в союзника Германии предусматривалось проведение украинизации, особенно в «русифицированных» городах Донбасса [Титаренко 2014: 404].

Одним из ключевых направлений нацистской культурной политики на оккупированных территориях стало восстановление религиозной жизни. К июлю 1942 г., когда была захвачена территория Донбасса, были определены основные принципы нацистской религиозной политики – использовать религиозный фактор как средство контрпропаганды и влияния на политические процессы на оккупированных территориях [Титаренко 2009: 134]. Ключевым документом для администрации стали указания «о взаимодействии войск с гражданским населением по вопросам религии», которые рекомендовали воздерживаться от поддержки или запрета религиозной деятельности, не проводить службы для военных в бывших храмах, а также не заниматься религиозной пропагандой и подобными действиями [Титаренко 2009: 135]. В оккупированном Донбассе за период с 1941 по 1943 гг. было возобновлено богослужение в 220-230 церквях в Сталинской области и 128 в Ворошиловградской. На Донбассе были созданы религиозные подразделения, в частности, в Сталинской области действовало единое епархиальное управление с резиденцией в Юзовке. Также на Донбассе с 1942 г. функционировали мощные православные общины в ряде поселков [Титаренко 2009: 136].

Германцы также уделяли большое внимание религиозным вопросам на Северном Кавказе. Понимая антирелигиозную политику советского государства, они стремились использовать это в своих интересах. В результате, немцы не стали мешать восстановлению религиозной жизни на оккупированной территории. Они призывали к тому, чтобы открывались церкви и мечети [Блейх 2020: 25]. В целом, за время оккупации немецким режимом территории Северного Кавказа было открыто более 615 культовых зданий различных канонических направлений и 214 молитвенных домов [Блейх 2020: 25]. Германские власти намеревались активно использовать ислам в конфликте с Советским Союзом. Под флагом ислама нацисты провозгласили «газават» (священную войну) против большевиков, рассчитывая привлечь значительное число мусульман на своей стороне. В нацистских средствах массовой информации началась активная кампания по вовлечению горцев в этот проект. Издания, такие как журнал «Северный Кавказ» и газета «Газават», издававшиеся в Берлине на языках кавказских народов, утверждали: «Аллах с нами, Гитлер наш союзник». Кавказские националисты, противостоявшие советскому режиму, возвели Гитлера в статус «великого имама» всего Кавказа [Журавлев 2008: 59].

Система нацистской оккупации на Донбассе имела свои особенности, отличающие ее от методов нацистов на Северном Кавказе. Здесь оккупанты стремились освободить захваченные земли от местного населения путем его уничтожения и депортаций, чтобы способствовать колонизации значительной части этих территорий немецкими поселенцами. На территории Донбасса сразу было введено чрезвычайное положение. Без разрешения местное население не имело права менять место проживания. В большинстве районов был введен комендантский час. Установление «нового порядка» сопровождалось репрессиями по отношению к местным жителям [Луганщина…1969: 82].

Гитлеровское руководство действительно придавало большое значение оккупационной политике на территории Северного Кавказа и Донбасса, стремясь максимально использовать богатые природные ресурсы этих регионов. Оккупационные власти сосредотачивались на переработке и вывозе угля, металла и продовольствия, что должно было поддерживать военные нужды Германии и способствовать ее экономическому благосостоянию.

Оккупационная политика отличалась жестокостью и репрессивными мерами против местного населения, которое подвергалось принудительным работам и другим формам эксплуатации. Кроме того, разработка системы управления и контроль за этими территориями была сложной задачей, так как местное население проявляло сопротивление, и это требовало значительных усилий со стороны оккупантов для обеспечения своей власти.

Таким образом, оккупационная политика в этих регионах была нацелена не только на экономическую эксплуатацию, но и на политическое подчинение и контроль над местным населением. Во время оккупации Северного Кавказа немецкими властями в регионе было создано множество экономических структур, направленных на добычу и извлечение сырьевых и продовольственных ресурсов, это и Особый штаб «К» («Кавказ»), и высшее военное управление Викадо, специализированная экономическая группа, на оккупированной террито-

рии Донбасса было создано главное управление угольной промышленности Востока и горно-металлургическое общество Юга России, которые руководили всеми шахтами и заводами. На базе трестов в районах были организованы дирекционы.

Роль местной гражданской администрации на Северном Кавказе в целом сходна с ее функциями в других зонах оккупации, в том числе и на Донбассе, включая привлечение местных жителей к работе. Тем не менее, на Северном Кавказе планировалось создать национальные представительства в виде генеральных комиссариатов «Азербайджан», «Грузия», «Кубань», «Кавказские горы» и «Ставрополь», чтобы облегчить управление в таком регионе, где преобладало многонациональное население. Донбасс был включен в особую военную зону, находящуюся под прямым контролем немецкого военного командования, из-за близости линии фронта. В этом регионе национальный вопрос фактически не принимался во внимание. Кроме того, этот регион в планах немецкого командования был предназначен для освоения его территории немецкими колонистами, то есть местное население подлежало депортации или уничтожению.

На оккупированной территории Северного Кавказа нацистские власти уделяли особое внимание образованию, сделав его обязательным, при этом образовательная политика на оккупированных территориях Донбасса не была приоритетной в контексте военных действий и не подвергалась тщательному изучению и планированию.

Тем не менее, оба региона достаточно серьезно пострадали в результате политики «выжженной земли», которую реализовывали фашисты, отступая под натиском Красной Армии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Безыменский 1978 – *Безыменский А.А.* Генеральный план «Ост»: замыслы, цели, реальность // Вопросы истории. – 1978. – № 5. – С. 74-94.

Бжезинкий 2015 – *Бжезинкий З.* Великая шахматная доска: господство Америки и его геостратегические императивы: [перевод с англ.] – М.: АСТ, 2015. – 702 с.

Бистра 2006 – *Бистра М.А., Добров П.В.* Система образования в Донбассе в годы Великой Отечественной войны. – Донецьк.: Норд-Прес, 2006. – 273 с.

Блейх 2020 – *Блейх Н.О.* Оккупационная политика немецких властей на Северном Кавказе (1942-1943 гг.) // История и современное мировоззрение. – 2020. – №2. – С. 22-27.

Великая… 2011–2014 – *Великая* Отечественная война 1941-1945 годов: в 12 т. Т. 10. Государство, общество и война. Москва : Кучково поле, 2014. – 862 с.

Гасанбеков 2001 – *Гасанбеков З.Н.* Северный Кавказ в планах фашистской Германии // ATA HISTORICA: труды по историческим и обществоведческим наукам. – 2001. – Т. 4. – С. 13-15.

Гордиенко 2015 – *Гордиенко Г.М.* Образование и культура в Украине в условиях нацистской оккупации // Гилея: научный вестник. – Вып. 92. – 2015. – С. 47-52.

Донетчина… 2008 – *Донетчина* в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Известные и неизвестные страницы истории. – Донецк: АОЗТ «Издательство «Донетчина», 2008 – 432 с.

Донецкая… 1980 – Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.): Сб. документов и материалов / Парт. Арх. Донец. обкома Компартии Украины, Донец. обл. гос. арх.; [Сост. А.В. Грушко и др.]. – Донецк: Донбас, 1980. – 310 с.

Жирохов 2011 – *Жирохов М.А.* Битва за Донбасс. Миус-фронт. 1941-1943. – М.: Центрполиграф, 2011. – 352 с.

Журавлев 2008 – *Журавлев Е.И.* Коллаборационизм, немецкий «новый порядок» и религиозный вопрос на юге России в годы оккупации (1941-1943 гг.) // Вестник ВГУ. – 2008. – № 2. – С. 56–61.

Ибрагимбейли 1977 – *Ибрагимбейли* Х.М. Крах Эдельвейса и Ближний Восток. М.: Наука, 1977. – 320 с.

Из отчета 1943 – *Из отчета* секретаря Ворошиловградского подпольного обкома КП(б)У С.Е. Стеценко. 12 февраля 1943 г. // Луганская архивная служба. Ф. 179. Оп. 3-ОВ. Д. 7. Лл. 10-24.

История… Ворошиловградская область 1976 – *История* городов и сел Украинской ССР: в 26 т. Т. 4. *Ворошиловградская область*. – Ред. коллегия: Шараев Л. Г. (пред.) [и др.]. – Киев: Ин-т истории АН УССР, 1976. – 727 с.

История… Донецкая обл. 1976 – *История* городов и сел Украинской ССР: В 26 т. Т. 6. *Донецкая область* – Ред. коллегия: Ерхов Г.П. (пред.) [и др.]. – Киев: Ин-т истории АН УССР, 1976. – 810 с.

Ковалев 2011 – *Ковалев Б.Н.* Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. – М.: Молодая гвардия, 2011. – 619 с.

Линец 2003 – *Линец С.В.* Северный Кавказ накануне и в период немецко-фашистской оккупации: состояние и особенности развития (июль 1942-октябрь 1943 гг.). – Ростов н/Д : Изд-во Сев.-Кавказ. науч. центра высш. шк., 2003. – 563 с.

Луганщина… 1969 – *Луганщина* в годы Великой Отечественной войны. 1941-1945 гг. Сборник документов и материалов. – Донецк: Издательство «Донбасс», 1969. – 386 с.

Малявин 2005 – *Малявин Д.* План «Ост» и карманные календари. СПб.: Петербургский Коллекционер. – № 3 (33). – 2005. – С. 23-24.

Михненко 2000 – *Михненко А.М.* Донбасс в годы Великой Отечественной войны: Монография. – Донецк: Юго-Восток, 2000. – 153 с.

Нестеренко 2015 – *Нестеренко В.А*. Политика немецких оккупантов в сфере обеспечения населения предметами первой необходимости (на примере областей военной зоны Украины 1941–1943 гг.) // Сумский гос-й университет. – № 2 (40). – 2015. – С. 133-144.

Норберт 1974 – *Норберт* М. Вермахт и оккупация (1941-1944): О роли Вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории / Пер. с нем. А.П. Артемова [и др.]; Под ред. д-ра ист. наук, проф. А.Ф. Юденкова. – Москва: Воениздат, 1974. – 386 с.

НФОР 1965 – *Немецко-фашистский оккупационный режим.* (1941-1945 гг.) / Под общ. ред. проф. Е.А. Болтина; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. Отд. истории Великой Отечеств. войны. – М.: Политиздат, 1965. – 388 с.

Преступные цели… 1985 – *Преступные цели* – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944 гг.) / Сост. Г.Ф. Заставенко и др. – М.: Экономика, 1985. – 328 с.

Татаров 2021 – *Татаров А.А.* Нацистское военное управление на оккупированном Северном Кавказе в 1942-1943 гг.: планы и практики // Известия СОИГСИ. – № 42 (81). – 2021. – С. 52-60.

Титаренко 2009 – *Титаренко Д.М.* Нацистская пропаганда в оккупированном Донбассе: цели, средства, условия деятельности // новые страницы истории Донбасса. – № 1. – 2009. – С. 131–137.

Титаренко 2014 – *Титаренко Д.М.* Язык как фактор идеологического влияния и инструмент политической борьбы на территории Восточной Украины во время нацистской оккупации // борьба за Украину в 1943-1944 гг.: власть, вооруженные силы, общество. – Киев, 2014. – С. 400-408.

REFERENCES

BEZYMENSKII A.A. *General'nyi plan «Ost»: zamysly, tseli, real'nost'* [The Ost Master Plan: plans, goals, reality]. IN: Voprosy istorii. – 1978. – № 5. – P. 74-94. (In Russ.).

BISTRA M.A., DOBROV P.V. *Sistema obrazovaniya v Donbasse v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [The education system in Donbass during the Great Patriotic War] – Donets'k.: Nord-Pres, 2006. – 273 p. (In Ukr.).

BLEIKH N.O. *Okkupatsionnaya politika nemetskikh vlastei na Severnom Kavkaze (1942-1943 gg.)* [Occupation policy of the German authorities in the North Caucasus (1942-1943)]. IN: Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie. – 2020. – № 2. – P. 22-27. (In Russ.).

BZHEZINKII Z. *Velikaya shakhmatnaya doska: gospodstvo Ameriki i ego geostrategicheskie imperativy* [The Great Chessboard: American Dominance and its Geostrategic Imperatives]. – Moscow: AST, 2015. – 702 p. (In Russ.).

Donetchina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny 1941-1945 gg. Izvestnye i neizvestnye stranitsy istorii [Donetsk region during the Great Patriotic War of 1941-1945. Famous and unknown pages of history]. – Donetsk: AOZT «Izdatel'stvo «Donetchina», 2008 – 432 s. (In Ukr.).

Donetskaya oblast' v gody Velikoi Otechestvennoi voiny (1941-1945 gg.): Sb. dokumentov i materialov [Donetsk region during the Great Patriotic War (1941-1945): Collection of documents and materials]. / Part. Arkh. Donets. obkoma Kompartii Ukrainy, Donets. obl. gos. arkh.; [Sost. A. V. Grushko i dr.]. – Donetsk: Donbas, 1980. – 310 p. (In Russ.).

GASANBEKOV Z.N. *Severnyi Kavkaz v planakh fashistskoi Germanii*. [The North Caucasus is in the plans of Nazi Germany]. IN: ATA HISTORICA: trudy po istoricheskim i obshchestvovedcheskim naukam. – 2001. – T. 4. – P. 13-15. (In Russ.).

GORDIENKO G.M. *Obrazovanie i kul'tura v Ukraine v usloviyakh natsistskoi okkupatsii*. [Education and culture in Ukraine under Nazi occupation]. IN: Gi-leya: nauchnyi vestnik. – Vip.92.– 2015. – P. 47-52. (In Ukr.).

IBRAGIMBEILI KH.M. *Krakh Edel'veisa i Blizhnii Vostok.* [The collapse of Edelweiss and the Middle East]. – Moscow: Nauka, 1977. – 320 p. (In Russ.).

Istoriya gorodov i sel Ukrainskoi SSR: v 26 t. T. 4. Voroshilovgradskaya oblast'. [The history of cities and villages of the Ukrainian SSR: in 26 vols. 4. Voroshilovgrad region] – Red. kollegiya: Sharaev L. G. (pred.) [i dr.]. – Kiev: In-t istorii AN USSR, 1976. – 727 p. (In Russ.).

Istoriya gorodov i sel Ukrainskoi SSR: V 26 t. T. 6. Donetskaya oblast'. [The history of cities and villages of the Ukrainian SSR: In 26 vols. 6. Donetsk region] – Red. kollegiya: Er-khov G.P. (pred.) [i dr.]. – Kiev: In-t istorii AN USSR, 1976. – 810 p. (In Russ.).

Istoriya Luganskogo kraya: uchebnoe posobie. [The history of the Luhansk region: a textbook]. / A.S. Efremov, V.S. Kurilo, I.Yu. Brovchenko, A.A. Klimov, K.I. Krasil'nikov, V.F. Semistyaga, V.I. Podov. – Lugansk: Al'ma-mater, 2003. – 432 p. (In Russ.).

Iz otcheta sekretarya Voroshilovgradskogo podpol'nogo obkoma KP(b)U S.E. Stetsenko. 12 fevralya 1943 g.[From the report of the secretary of the Voroshilovgrad underground regional committee of the Communist Party(b), S.E. Stetsenko. February 12, 1943]. IN: Luganskaya arkhivnaya sluzhba. F. 179. Op. 3-OV. D. 7. P. 10-24. (In Russ.).

KHAUSKHOFER K*., Ratpel' F. Teoriya «zhiznennogo prostranstva».* [The theory of "living space"]. – Moscow: Algoritm, 2019. – 240 p. (In Russ.).

KOVALEV B.N. *Povsednevnaya zhizn' naseleniya Rossii v period natsistskoi okkupatsii*. [Daily life of the Russian population during the Nazi occupation]. – Moscow: Molodaya gvardiya, 2011. – 619 p. (In Russ.).

LINETS S.V. *Severnyi Kavkaz nakanune i v period nemetsko-fashistskoi okkupatsii: sostoyanie i osobennosti razvitiya (iyul' 1942-oktyabr' 1943 gg.).* [The North Caucasus on the eve and during the Nazi occupation: the state and features of development (July 1942-October 1943)]. / S.I. Linets; Sev.-Kavkaz. nauch. tsentr vyssh. shk., Pyatigor. gos. tekhnol. un-t. – Rostov-on-Don: Izd-vo Sev.-Kavkaz. nauch. tsentra vyssh. shk., 2003. – 563 p. (In Russ.).

Luganshchina v gody Velikoi Otechestvennoi voiny. 1941-1945 gg. Sbornik dokumentov i materialov. [Luhansk region during the Great Patriotic War. 1941-1945. Collection of documents and materials]. – Donetsk: Izdatel'stvo «Donbass», 1969. – 386 p. (In Russ.).

MALYAVIN D. *Plan «Ost» i karmannye kalendari*. [Ost plan and pocket calendars]. St. Petersburg. IN: Peterburgskii Kollektsioner. – № 3 (33). – 2005. – P. 23-24. (In Russ.).

MIKHNENKO A.M. *Donbass v gody Velikoi Otechestvennoi voiny: Monografiya*. [Donbass during the Great Patriotic War: A monograph]. – Donetsk: Yugo-Vostok, 2000. – 153 p. (In Russ.).

Nemetsko-fashistskii okkupatsionnyi rezhim. (1941-1945 gg.). [The Nazi occupation regime. (1941-1945)]. / Pod obshch. red. prof. E.A. Boltina; In-t marksizma-leninizma pri TsK KPSS. Otd. Istorii Velikoi Otechestv. voiny. – Moscow: Politizdat, 1965. – 388 p. (In Russ.).

NESTERENKO V.A. *Politika nemetskikh okkupantov v sfere obespecheniya naseleniya predmetami pervoi neobkhodimosti (na primere oblastei voennoi zony Ukrainy 1941–1943 gg.)*. [The policy of the German occupiers in the field of providing the population with basic necessities (on the example of the regions of the military zone of Ukraine 1941-1943)]. IN: Sumskii gos-i universitet. – № 2 (40). – 2015. – P. 133-144. (In Russ.).

NORBERT M. *Norbert M. Vermakht i okkupatsiya (1941-1944): O roli Vermakhta i ego rukovodyashchikh organov v osushchestvlenii okkupatsionnogo rezhima na sovetskoi territorii* [The Wehrmacht and the Occupation (1941-1944): On the role of the Wehrmacht and its governing bodies in the implementation of the occupation regime on Soviet territory] */ Perevod s nemetskogo A.P. Artemova [i dr.]; Pod redaktsiei doktora istoricheskikh nauk, professora A.F. Yudenkova. – Moskva: Voenizdat, 1974. – 386 p*. (In German).

Prestupnye tseli – prestupnye sredstva: Dokumenty ob okkupatsionnoi politike fashistskoi Germanii na territorii SSSR (1941-1944 gg.). [Criminal goals – criminal means: Documents on the occupation policy of Nazi Germany on the territory of the USSR (1941-1944)]. / Sost. G.F. Zastavenko i dr. – Moscow: Ekonomika, 1985. – 328 p. (In Russ.).

TATAROV A.A. *Natsistskoe voennoe upravlenie na okkupirovannom Severnom Kavkaze v 1942-1943 gg.: plany i praktiki.* [Nazi military administration in the occupied North Caucasus in 1942-1943: plans and practices]. IN: Izvestiya SOIGSI. – № 42 (81). – 2021. – P. 52-60. (In Russ.).

TITARENKO D.M. *Natsistskaya propaganda v okkupirovannom Donbasse: tseli, sredstva, usloviya deyatel'nosti.* [Nazi propaganda in the occupied Donbas: goals, means, conditions of activity]. IN: novye stranitsy istorii Donbassa. – № 1. – 2009. – P. 131-137. (In Ukr.).

TITARENKO D.M. *Yazyk kak faktor ideologicheskogo vliyaniya i instrument politicheskoi bor'by na territorii Vostochnoi Ukrainy vo vremya natsistskoi okkupatsii.* [Language as a factor of ideological influence and an instrument of political struggle on the territory of Eastern Ukraine during the Nazi occupation]. IN: bor'ba za Ukrainu v 1943-1944 gg.: vlast', vooruzhennye sily, obshchestvo. – Kiev, 2014. – P. 400-408. (In Ukr.).

Velikaya Otechestvennaya voina 1941-1945 godov: v 12 t. T. 10. Gosudarstvo, obshchestvo i voina. [The Great Patriotic War of 1941-1945: in 12 volumes vol. 10. The State, society and war.]. – Moscow: Kuchkovo pole, 2014. – 862 s. (In Russ.).

ZHIROKHOV M.A. *Bitva za Donbass. Mius-front. 1941-1943*. [The battle for Donbass. Mius is the front. 1941-1943]. – Moscow: Tsentrpoligraf, 2011. – 352 p. (In Russ.).

ZHURAVLEV E.I. *Kollaboratsionizm, nemetskii «novyi poryadok» i religioznyi vopros na yuge Rossii v gody okkupatsii (1941-1943 gg.).* [Collaborationism, the German "new order" and the religious issue in southern Russia during the occupation (1941-1943)]. IN: Vestnik VGU. – 2008. – № 2. – P. 56–61. (In Russ.).

Информация об авторе
Е.С. Воропай – ассистент кафедры.
Information about the author
E.S. Voropai – an assistant at the department.

Статья поступила в редакцию 30.12.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 30.12.2024; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 929.52
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-154-167
EDN: FZLTDZ

ГЕНЕАЛОГИЯ ТАУБИЯ ИСЛАМА (ДАДАША) БАЛКАРУКОВА

Муслим Исмаилович Баразбиев
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, muslim1971@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2451-6987

Аннотация. У народов Северного Кавказа традиционно большое внимание уделялось вопросам сохранения генеалогических знаний. Последние десятилетия демонстрируют все более возрастающий интерес к подобным знаниям. Целью предлагаемой статьи является изучение генеалогии одного из известных карачаево-балкарских аристократов таубия Ислама (Дадаша) Балкарукова.

Исследование осуществлено с опорой на опубликованные материалы путешественников, ученых дооктябрьского периода, труды современных отечественных исследователей истории и этнологии. Значительная часть исследования базируется на выявленных автором документальных материалах из архивов Кабардино-Балкарской Республики (далее КБР), Краснодарского края и Республики Северная Осетия-Алания (далее РСО-А). В статье приведена поколенная роспись таубия Балкарукова по прямой нисходящей линии. В росписи сообщаются сведения о конкретных персоналиях, являющихся прямыми предками Ислама (Дадаша), о нем самом и его детях. Определенное внимание уделено взаимоотношениям с личностями, игравшими важную роль в судьбе как предков Ислама (Дадаша), так и его самого. В исследовании рассмотены брачные контакты Баларуковых с аристократическими родами Балкарии и Карачая, а также и других народов Северного Кавказа.

Обращается внимание на противоречивость некоторых сведений по генеалогии таубиев Балкаруковых, присутствующих в разных вариантах преданий, зафиксированных исследователями дооктябрьского периода. В заключении статьи сделан вывод о том, что генеалогия Ислама (Дадаша) Балкарукова предоставляет богатый материал для изучения как профессиональными учеными, так и любителями истории и этнологии. Вместе с тем отмечается необходимость дальнейшего изучения данной проблемы.

Ключевые слова: генеалогия, таубий, Балкаруков, Чегем, брак, наследство, предпринимательство.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор №12)

Для цитирования: Баразбиев М.И. Генеалогия таубия Ислама (Дадаша) Балкарукова // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 154-167. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-154-167. EDN: FZLTDZ.

© Баразбиев М.И., 2025

Original article

THE GENEALOGY OF TAUBIY ISLAM (DADASH) BALKARUKOV

Muslim I. Barazbiev
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, muslim1971@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-2451-6987

Abstract. The peoples of the North Caucasus have long prioritized the preservation of genealogical information. In recent decades, there has been an increased interest in such expertise. The purpose of this article is to look into the genealogy of Taubi Islam (Dadasha) Balkarukov, a well-known Karachay-Balkarian aristocrat.

The following is based on published materials by travelers and scientists prior to October, as well as the writings of current Russian historians and ethnographers. A large portion of the research is based on documentary sources discovered by the author in the archives of the Kabardino-Balkarian Republic (hereinafter KBR), Krasnodar Territory, and Republic of North Ossetia-Alania (hereinafter RSO-A). The article features a generational painting by Taubiy Balkarukov in a straight falling line. The picture offers information on specific individuals who are Islam's direct ancestors (Dadasha), as well as himself and his children. Some emphasis is placed on the bond with individuals who played crucial roles in the fates of both Islam's forebears (Dadash) and himself. The study explores the Balarukovs' marriage relations with the aristocratic families of Balkaria and Karachay, as well as other peoples from the North Caucasus.

Some information about the genealogy of the Taubi Balkarukovs is inconsistent, as evidenced by multiple versions of the legends documented by researchers before to October. Finally, the paper concludes that Islam (Dadasha) Balkarukov's genealogy gives a lot of data for both professional scientists and history and ethnology enthusiasts to explore. However, this issue requires additional investigation.

Keywords: genealogy, taubiy, Balkarukov, Chegem, marriage, inheritance, entrepreneurship.

Funding: The study was conducted with financial support of an Internal grant from KBSU (Agreement no.12)

For citation: Barazbiev M.I. The genealogy of taubiy Islam (Dadash) Balkarukov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 154-167. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-154-167. EDN: FZLTDZ.

© Barazbiev M.I., 2025

Таубий (горский, балкарский князь) Ислам (он же Дадаш) Докшукович Балкаруков (1864-1934) – известный общественный деятель и успешный предприниматель дореволюционной Балкарии, изучение генеалогии которого представляет несомненный научный интерес.

Род Балкаруковых в традиционую эпоху проживал в Чегемском обществе Балкарии. Эта фамилия считалась в Балкарии одной из наиболее знатных и принадлежала к высшему сословию, за которым в 1853 г. российская царская власть официально закрепила традиционный титул «таубий» (горский князь) [Баразбиев 2013: 60]. Информацию о происхождении таубиев Балкаруковых сообщают предания, зафиксированные в дооктябрьский период.

Так, в 80-е гг. XIX в. известные русские кавказоведы профессор В.Ф. Миллер и академик М.М. Ковалевский писали, что предок Балкаруковых Анфако Болотуков являлся выходцем из адыгского субэтноса абадзехов, который не

ужился с братьями и переселился в Баксанское ущелье Балкарии. Из этого ущелья сыновья Анфако Баймурза и Джаммурза перебрались в Чегемское, где их потомки и стали впоследствии правителями. По сведениям авторов, братья Болатуковы прибыли в Чегем приблизительно в XVI столетии [Миллер, Ковалевский 2007: 34, 41].

Вместе с тем в преданиях имеются и другие сведения об этническом происхождении предков Балкаруковых. К примеру, в документальных материалах второй половины XIX в. сообщается о кабардинском происхождении Балкаруковых. В частности отмечается, что чегемские таубии Келеметовы, Кучуковы, Барасбиевы и Балкаруковых «считают себя происходящими от кабардинских князей фамилии Болотоковых» [ГАКК. Ф. 348. Оп. 1. Д. 8. Л. 40]. Н.П. Тульчинский, записавший предание о происхождении Балкаруковых, Барасбиевых и Кучуковых от таубия Муссы Барасбиева указал, что родиной их предка Анфоко являлась «Убыхе (Абхазия)» [Тульчинский 1983: 268].

В предлагаемой статье мы приводим поколенную роспись таубия Балкарукова по прямой нисходящей линии.

I поколение

Ипар. Выявленная и введенная нами в научный оборот генеалогическая схема, составленная в 1908 г., начинает родословную Балкаруковых с этого имени и в ней указывается, что Ипар был отцом Анфока (Анфако) [Баразбиев 2009: 62]. Следует отметить, что изучение родословных сведений о Балкаруковых сталкивается с определенными противоречиями. Так, в предании, зафиксированном Н.П. Тульчинским, Ипар называется сыном Анфоко. Также в нем сообщается, что Ипар, достигнув территории Балкарии, поселился в Баксанском ущелье и женился на кабардинской княжне Атажукиной. Тульчинский писал, что у Ипара и Атажукиной родились сыновья Баймурза и Жамурза [Тульчинский 1983: 268].

II поколение

Анфако (Анфока) Ипарович. В.Ф. Миллер и М.М. Ковалевский писали, что абадзех Анфако, «не уживаясь с братьями», со своими сыновьями Баймурзой и Джаммурзой покинул родину и переселился в Баксанское ущелье, где вскоре погиб в стычке со сванами. Они же отмечали, что склеп (кешене) Анфако был "лишь недавно" разрушен [Миллер, Ковалевский 2007: 34]. В варианте Н.П. Тульчинского сообщается, что «Анфоко и сын его Ипар в Убыхе (Абхазия) совершили убийство и должны были оставить родину из опасения кровной мести». Далее Н.П. Тульчинский повествует, что Анфоко и его сын переселились в местность недалеко от верховьев р. Кумы, где Анфоко заболел и скончался [Тульчинский 1983: 268].

III поколение

Джаммурза Анфакович. М.М. Ковалевский и В.Ф. Миллер писали, что после смерти Анфако его сыновья Баймурза и Джаммурза отправили обратно на родину, прибывшую с ними абадзехскую дружину в 150 человек, а сами, со-

провождаемые только своими аталыками, перешли на территорию Чегемского ущелья. Прибыв в селение Чегем, братья сумели произвести благоприятное впечатление на правителя Чегема князя Бердыбия, который их радушно принял и позволил там остаться [Миллер, Ковалевский 2007: 34].

IV поколение

Балкарук Джаммурзаевич. В уже упоминаемой генеалогической схеме Балкаруковых отмечается, что у Джаммурзы был сын Балкарук (Малкарук – карач.-балк.) [Баразбиев 2007: 62]. Именно в честь этого человека фамилия и получила свое наименование «Балкаруковы» («Малкаруковы»).

V поколение

Актуган Балкарукович. В преданиях говорится, что сын Балкарука Актуган способствовал повышению значения своей семьи в Чегемском обществе. Для достижения этой цели он решил породниться с родом наиболее влиятельных северокавказских феодалов того времени – шамхалов Тарковских. Определенное объяснение потребности Актугана в поддержке могущественных феодалов может быть усмотрено из сведений о его конфликтах с представителями других аристократических родов. К примеру, имеются сведения о том, что он убил одного из знатных кабардинских феодалов – Камгута Отманова, за что выплатил родственникам убитого земельный участок «Кочхар-Таш» [Биттирова 2018: 189, 190].

Понимая, что представители рода Тарковских не согласились бы на неравный брак с человеком неизвестного им происхождения, Актуган решил прибегнуть к похищению своей будущей жены. С этой целью он отправился в Кумыкию, где и увидел во время танцев дочь шамхала Тарковского по имени Керим-хан. Актуган «…врывается, как сокол, в круг, сажает девушку на коня и, удачно ускользнув от погони, привозит ее к себе» [Миллер, Ковалевский 2007: 36]. Родственники Керим-хан в течение двух лет не могли узнать, кто ее похитил и где она находится. По истечении этого времени Актуган, чтобы извлечь политические выгоды от своей женитьбы, вновь отправился в Кумыкию, с целью примирения с шамхалом Тарковским и возможностью пользоваться его поддержкой. В Кумыкии Актуган остановился в доме кузнеца Абдул-Азиза, который был аталыком шамхала. Надеясь на его помощь, Актуган отправил Абдул-Азиза к шамхалу Тарковскому, чтобы он сообщил, кто является мужем его дочери, и на каких условиях возможно его примирение с родом Тарковских. Надежда Актугана на то, что шамхал Тарковский в знак уважения к своему аталыку спокойно воспримет информацию о похитителе дочери и согласится на примирение, оказалась напрасной. Абдул-Азиз поведал ему, что шамхал потребовал от него выдачи Актугана. Актуган вместе с Абдул-Азизом отправился к шамхалу Тарковскому, но предусмотрительно оставил своего человека с оседланными лошадьми недалеко от его резиденции. При личной встрече шамхал не захотел выслушать Актугана и дал указание своей страже его задержать. В этой ситуации Актуган был вынужден напасть на людей шамхала и с оружием в руках пробился к поджидавшему его с лошадьми товарищу, с которым ему удалось уйти от погони.

Вернувшись в Чегем, Актуган, понимая, что теперь родственники его жены будут знать, где его искать, решил для усиления собственной безопасности построить башню. С этой целью были приглашены умелые мастера из Сванетии, которые и возвели для него трехэтажную башню. Вскоре после ее постройки в Чегемское ущелье прибыл шамхал с многочисленным войском. Актуган, по-прежнему желавший примирения с родней жены, распорядился, чтобы его люди стреляли только по лошадям противника, не убивая всадников. Его воины прекрасно справились с поставленной задачей, не допустив противника в селение и лишив многих из них лошадей. У самого шамхала, предводительствующего войском, выстрелом с головы была сбита высокая персидская шапка. После этой неудачи шамхал Тарковский решил, что не сумеет наказать Актугана и предпочел с ним примириться [Миллер, Ковалевский 2007: 36, 37].

Предания отмечают, что после установления родственных отношений Балкарукова с шамхалами Тарковскими, являвшихся мусульманами, в Чегеме стал распространяться ислам [Миллер, Ковалевский 2007: 37,38]. У Актугана и Керим-хан Шамхаловой было двое сыновей: Келемет и Ачахмат.

VI поколение

Ачахмат Актуганович. Сыновьям Актугана Балкарукова принадлежит заслуга в выдвижении их рода на лидирующие позиции в Чегемском обществе. С момента прибытия их предков Болотуковых в Чегемское общество их положение там становилось все более влиятельным, в то время как потомки первоначального владельца Бердыбия, носившие фамилию Рачикаовы, наоборот, уступали свои позиции. Кровавая развязка этого противостояния произошла после конфликта, который произошел между одним из девяти братьев Рачикаовых и Келеметом Балкаруковым. После словесного оскорбления, нанесенного Келемету Рачикаовым, между ними состоялся поединок, в котором Келемет одержал победу, нанеся своему противнику смертельную рану копьем. После этого братья Балкаруковы привлекли на свою сторону большинство жителей Чегемского общества, и перешли в наступление на остальных представителей рода Рачикаовых. Предания свидетельствуют, что именно Ачахмат Балкаруков уничтожил последнего из братьев Рачикаовых [Тульчинский 1983: 270].

Имеются сведения, что при разделе наследственного имения между братьями, Келемету достался земельный участок «Жанги-Бау» размером в 800 десятин, а Ачахмату достался участок «Кала-Кол» размером около 900 десятин. Для лучшего понимания размеров участков можно отметить, что в Российской империи в XIX – начала XX в. все сельскохозяйственные угодья измерялись в так называемых казенных десятинах. Казенная десятина соответствует 1,092 га. [Шевцов 2007: 179]. С течением времени участок «Кала-Кол» дробился, разделяясь на части между наследниками Ачахмата, у которого было двое сыновей: Мудар и Мурадин [Баразбиев 2007: 60-62].

VII поколение

Мурадин Ачахматович. К сожалению, на данный момент, нам не удалось выявить каких-либо дополнительныхсведений о Мурадине Балкарукове, поми-

мо того, что он присутствует в генеалогической схеме. В схеме отмечено, что у Мурадина был сын Мусса [Баразбиев 2007: 62].

VIII поколение

Мусса Мурадинович. О прадеде Дадаша Балкарукова – Муссе, мы также пока не сумели выявить каких-либо сведений, кроме упоминания его в генеалогической схеме. Из схемы видно, что он был отцом двух сыновей, – Биаслана и Кази, – и трех дочерей: Алтынчач, которая вышла замуж за кабардинского знатного дворянина (тлекотлеш) Тамбиева; Залихан, мужем которой был балкарский князь Урусбиев, и Хасанахан, сведения о замужестве которой отутствуют [Баразбиев 2007: 62].

IX поколение

Кази Муссаевич. Из посемейного списка Чегемского общества за 1886 г. следует, что Кази родился примерно в 1783 г. (Посемейные списки... 2009: 250). В выявленных нами документальных материалах дед Дадаша Балкарукова впервые упоминается в 1834 г. Тогда был составлен акт на арабском языке о продаже кабардинским князем Хаджи-Мисостом Атажукиным участка земли «Сулук» (зимовник) Кази Балкарокову за 300 руб. серебром. Кази отдал за участок «холопа», оцененного в требуемую сумму [УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 4. Т. 3. Л. 45]. В 1846 г. он указан среди феодальных правителей Чегемского общества [УЦГА АС КБР. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 520. Л. 30]. Имеются также сведения, что после проведения в Балкарии крестьянской реформы, семье Кази Балкарукова, как и представителям других балкарских аристократических родов, был пожалован в потомственную собственность земельный участок в 50 десятин [УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 43. Л. 242]. В 1862 г. Кази разделил все свое имение, состоявшее из движимого и недвижимого имущества, между собой и сыновьями Докшуко и Жамботом на следующих условиях. Себе он оставил: одно семейство крепостных крестьян со всем их имуществом, один пахотный участок под названием «Нумала», половину покосного учстка «Киргу», 3 коровы, 2 быка, 3 кобылиц, из них 2 с жеребятами, 80 баранов, одну служанку и большой дом, в котором сам проживал. Дочерей Кази оставил при себе, с условием, что они не имеют права из части братьев требовать выдела, а сестры Кази должны были оставаться на попечении его сыновей. Все переданное сыновьям имущество должно быть поделено между ними поровну, за исключением полученных Докшуко сверх раздела 2 кобылиц, 1 мерина и носимого им оружия. Кроме того, Кази Балкароков взял третью часть земельного участка ниже местности Капшикая во временное пользование, с условием, что после его смерти земля эта тоже должна поступить тоже в собственность сыновей. Сверх этого Докшуко досталась служанка Сатанай, а Жамботу Хажикыз. Акт был составлен в присутствии многих стариков и подписан Исхаком Балкароковым, Кучуком Барасбиевым, Кайсыном Гязовым, Хаджи-Джумай Келеметовым, Исмаилом Кучуковым, Басиатом Балкаруковым, Муссой Баресбиевым, Джашау Мирзаевым, Ильясом Жанатаевым и Даутом-Хаджим Шаваевым [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2331. Л. 27-29].

Кази скончался глубоким стариком после 1886 г. Он был дважды женат. Первая его жена была дочерью кабардинского князя Атажукина, а вторая – таубия из Хуламского общества Балкарии Шакманова. Известно, что у него имелось два сына – Докшуко и Жанбот и пять дочерей – Джан (м. Аслан Келеметович Суншев), Хаблахан (м. Салях Исмаилович Мамышев), Жулдузхан (м. NN Урусбиев), Джесан (м. NN Кучуков) и Джаннетхан (м. Исмаил Мисостович Урусбиев).

X поколение

Докшуко Казиевич (1831-16.09.1866), ротмистр. Докшуко является первым профессиональным военным из числа балкарцев. Известно, что его мать происходила из рода кабардинских князей Атажукиных и по обычаю аталычества Докшуко вспитывался в семье ее родственника Хасанбия Атажукина [Биттирова 2018: 211, 212].

В документальных материалах двенадцатилетний Докшуко впервые упоминается в феврале 1843 г. в «Списке малолетних детей из горских племен княжеских и узденских, изъявивиших желание на поступление в Санкт-Петербургские военно-учебные заведения» [УЦГА АС КБР. Ф. И-23. Оп. 1. Д. 2. Т. 4. Л. 531]. Из послужного списка Балкарукова следует, что он был направлен на учебу в 1-й кадетский корпус в Санкт-Петербург, по окончании которого в августе 1846 г. в чине корнета он был направлен на службу в Сибирский уланский полк. В марте 1850 г. Докшуко Балкарукова производят в поручики. В связи с упразднением Сибирского уланского полка поручика Балкарукова в апреле 1852 г. прикомандировали к Кирасирскому Её Императорского Высочества Великой Княгини Марии Николаевны полку, а в мае того же года к Уланскому генерала от кавалерии Графа Никитина полку. В мае 1853 г. Докшуко был произведен в штабс-ротмистры. В марте 1854 г. Балкаруков был прикомандирован к 1 Волгскому казачьему полку, а в декабре 1854 г. к гусарскому Его Императорского Высочества Князя Николая Максимилиановича полку. Принимал участие в Крымской войне 1853-1856 гг. В отставку Докшуко Балкаруков вышел в чине ротмистра в 1856 г. [УЦГА АС КБР. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1090. Л. 2, 2 об.].

После выхода в оставку ромистр Балкаруков вернулся на родину и проживал в Чегемском обществе, довольно активно занимаясь общественной деятельностью. В частности, был избран депутатом от Чегемского общества для нахождения при Комиссии по правам личным и поземельным туземного населения Терской области [УЦГА АС КБР. Ф. И-40. Оп. 1. Д. 4. Т. 2. Л. 224 об.], а также депутатом Кабардинского окружного суда. В январе 1863 г. был награжден орденом Св. Станислава 3-й степени [Опрышко 2020: 151].

В одном из документов, составленных, после его смерти, отмечалось: «Умерший ротмистр Балкароков был одним из лучших людей…». Скончался ротмистр Балкаруков 16 сентября 1866 г. [Опрышко 2020: 151].

Был женат на дочери карачаевского князя Нану Дудова – Гогуш. Дети: Ислам (Дадаш) и Балдан (м. Биаслан Каншаубиевич Крым-Шамхалов).

XI поколение

Ислам (Дадаш) Докшуков. В соответствии с карачаево-балкарским обычаем, по которому будущая мать отправлялась перед родами первенца в семью

своих родителей, Ислам появился на свет в доме своего деда по матери Наны Дудова в карачаевском селении Хурзук [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2331. Л. 69]. Дата его рождения приблизительно определяется из посемейного списка Чегемского общества за 1886 г. Неточность объясняется тем обстоятельством, что для обозначения возраста человека в списке использовались три параметра, а именно: 1) «лета, показанные по посемейному списку к 1 января 1885 г.»; 2) «определение лет по наружному виду»; 3) «лета к 1 января 1886 г.». В результате, в отношении Дадаша мы имеем три разных возраста, соответственно – 22 года, 24 года и 23 года [Посемейные списки… 2009: 250]. В документальных материалах зафиксировано, что в честь радостного события дед Ислама при свидетелях передал своей дочери разное имущество на сумму в 500 руб. серебром, а также 120 голов овец, 24 головы крупного рогатого скота и 3-х лошадей. Этот подарок мать Ислама должна была сохранить до момента совершеннолетия сына, причем Нану Дудов особо оговаривал: «…скот этот неотъемлемый и принадлежит к его собственной части так, что ни я сам и никто, из родственников смотря ближних и дальних касаться не могут…» [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2331. Л. 69-70].

Дадаш в раннем возрасте лишился отца, и его мать вторично вышла замуж за чегемского таубия Муссу Барасбиева. Совместно с матерью Ислам и его сестра Балдан стали жить в семье Барасбиева. От брака с Муссой Барасбиевым у их матери родились сын Темрюк и дочь, ставшие, таким образом, единоутробными братом и сестрой Дадашу и Балдан [УЦГА АС КБР. Ф. 22. Оп. 1. Д. 2331. Л. 55].

Из архивных документов можно увидеть, что Ислам (Дадаш) соприкоснулся с традиционным для карачаево-балкарских аристократов воспитанием в чужой семье по обычаю аталычества. Такой семьей для Дадаша (Ислама) стали представители рода чегемских узденей Кулиевых. В частности, узами искусственного родства Дадаш (Ислам) был связан с Джумаем Кулиевым [ЦГА РСО-А. Ф. 280. Оп. 1. Д.-149. Л.17, 17об.].

Изменения, вызванные влиянием, оказываемым российским государством на различные стороны жизни народов Кавказа, сказались и на институте аталычества. Ранее юноша возвращался в родную семью к моменту совершеннолетия, теперь же этот срок сократился, на что оказывало влияние необходимость получения российского образования. Так, Ислам (Дадаш) был направлен на обучение в Нальчикскую горскую школу. В школе было четыре класса, из которых один являлся приготовительным [Тютюнина 2014: 24]. После завершения курса обучения в школе и смерти матери Ислам (Дадаш) перешел на жительство в дом своего дяди по отцу Жамбота. При этом поставил перед своим отчимом Муссой Барасбиевым вопрос о возврате ему с сестрой Балдан имущества, которое являлось их наследством от отца Докшуко и матери Балдан. Этот наследственный спор продолжался несколько лет и носил довольно жесткий характер. В частности, в прошении на имя начальника Нальчикского округа от 22 июля 1882 г. Дадаш писал, что Мусса Барасбиев совместно со своими сыновьями Мырзакулом и Магометом вооружился и обратился к жителям общества со словами: «сегодня мною будет опустошен кош Балкарокова, хотя бы для этого пришлось лишить

одного из членов нашего семейства жизни – или Балкарокова», а далее: «я покорнейше прошу Вас не вмешиваться в наш интерес и не препятствовать мне достигать своей цели, а оставить на сцене меня и моих сыновей с одними Жанботом и Исламом Балкароковыми». Кровопролития удалось не допустить только потому, что жители Чегемского общества не прислушались к этой просьбе и практически все явились на кош Балкаруковых и воспрепятствовали столкновению [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2331. Л. 15-16 об.].

Для справедливого разрешения дела стороны обращались за помощью медиаторов. Так, в 1883 г. они доверили на медиаторское рассмотрение своего дела кабардинским князьям Асланбеку Атажукину и Магомету Наурузову [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2331. Л. 55]. В связи со смертью Атажукина, дело не было разрешено. После чего в качестве медиаторов избрали подпоручика Исмаила Урусбиева и корнета Мисоста Абаева. В связи с возникшими разногласиями по сути дела эти медиаторы также не смогли окончить судебный процесс [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2331. Л. 57-58]. В 1886 г. стороны договорились, что их дело будет рассмотрено во Временном отделении Нальчикского горского словесного суда судьями: поручиком Хамзатом Урусбиевым, юнкером Али Барасбиевым и председателем суда Я. Мишником [УЦГА АС КБР. Ф. И-22. Оп. 1. Д. 2331. Л. 66-66 об.]. Можно предположить, что сложные взаимоотношения Дадаша с Муссой Барасбиевым были урегулированы после его женитьбы на Мисирхан Барасбиевой [Абусалямов 2007: 33]. Отец Мисирхан, Барасбий, приходился Муссе близким родственником – двоюродным братом. Этот брак оказался удачным, и Мисирхан стала для Дадаша надежной спутницей жизни.

Образование, полученное Дадашем в школе и его способности способствовали тому, что в довольно раннем возрасте (20 лет. – М.Б.) местная администрация посчитала возможным назначить его старшиной всего Чегемского общества. 9 января 1884 г. исполняющий дела пристава второго участка Нальчикского округа Терской области, в состав которого входило Чегемское общество, писал: «На место умершего Алимурза Балкарокова я-бы полагал назначить Старшиной Чегемского общества молодого человека, окончившего курс Нальчикской Горской школы Узденя (таубия. – М.Б.) Дадаша Балкарокова, и, если не встречается к тому препятствий, то имею честь просить ходатайства Его Высокоблагородия Начальника Нальчикского округа об утверждении его, Дадаша Балкарокова в настоящей должности» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 32. Т. 3. Л. 239]. В должности старшины Чегемского общества Дадаш (Ислам) проработал немногим более года и в марте 1885 г. по собственному желанию ее покинул. Интересно, что после Дадаша (Ислама) на эту должность был назначен его отчим Мусса Барасбиев [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 32. Т. 1. Л. 37].

Отказавшись от должности старшины, Ислам (Дадаш) сосредоточил свое внимание на занятии домашним хозяйством. С этой целью он совместно со своим дядей Жамботом, переселился из Верхнего Чегема в местность Кала-Кол, принадлежавшую Балкаруковым несколько столетий. В документе 1908 г. отмечается, что этот участок размером в 900 десятин земли, расположен в Баксанском ущелье, на правом берегу р. Баксан, в местности Быллым. На участке

имелись необходимые условия для жизни: покосы, пастбища, дровяной лиственный лес и пашня. Дядя с племянником уделяли серьезное внимание развитию этой местности, что также нашло отражение в документе: «В "Кала-Кол" проведены дороги, некоторые участки обнесены (в 20-15-10-5 и т.д. дес.) каменными заборами, устроено искусственное орошение, разведены сады, имеется капитальный каменный дом, в котором живут Жанбот и Дадаш, обширные крытые и открытые скотные дворы (стены каменные)» [Баразбиев 2009: 61]. В отношении упоминаемого капитального дома можно привести информацию за 1927 г., в которой сообщается о конфискованных у Дадаша в Кала-Коле домах: «1 дом русский 4-е комнаты с подвалом, 1 дом горский об 1 комнате и 2 конюшни – годно под больницу» [УЦГА АС КБР. Ф. 183. Оп. 4. Д. 23. Л. 135].

Занятия сельским хозяйством у Дадаша носило довольно успешный характер. Так, в списке коневодов Чегемского общества за 1903 г. он оказывается самым состоятельным с общим поголовьем в 102 лошади [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 608. Л. 11-11об.]. Следует отметить, что Дадаш совместно со своим дядей Жамботом, стали одними из первых балкарцев, обративших внимание на промышленное производство сыра. По сведениям, приводимым Т.А. Дзугановым, в мае 1895 г. он обратился с просьбой к начальнику Нальчикского округа о выделении ему для изучения сыроварения из Кабардинской общественной суммы 300 руб. Эта просьба была рассмотрена на съезде доверенных Кабардинской общественной суммы и Дадашу выделили требуемую сумму [Дзуганов 2024: 39] В газете «Терские ведомости» за 1901 г. сообщалось, что Балкаруков построил сыроварню в 1899 г. Мастером пригласил на нее казака станицы Боргустанской Дмитрия Забару. В первый год было сварено 108 пудов голландского сыра, отмеченного на выставке в станице Прохладной серебряной медалью [Дзуганов 2024: 39]. Набравшись опыта в изготовлении голландского сыра, Дадаш приступил к производству более сложного по технологии производства швейцарского сыра. С этой целью он приобрел налаженное производство у швейцарского сыродела Лихте, расположенное недалеко от его участка [Дзуганов 2024: 40]. В 1906 г. у Дадаша действовало две сыроварни, что видно из его прошения от 24 февраля о выдаче свидетельства на покупку одного пуда пороху для взрыва скалы, обвалившейся между двумя его сыроварнями» [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 701. Т. 1. Л. 38-38 об.].

По данным на 1908 г. в его хозяйстве имелось 200 голов крупного рогатого скота симментальской и швицкой пород, благодаря чему он производил до 700-800 пудов швейцарского сыра ежегодно [Баразбиев 2009: 61].

Занятия хозяйственной деятельностью способствовали тому, что Дадаш Балкаруков являлся одним из наиболее состоятельных балкарцев того времени. Помимо дома на участке Кала-Кол, он в 1909 г. приобрел в слободе Нальчик два дома, между которыми построил двухэтажный дом в стиле модерн, украшенный балконами на цепях. Вместе они стали единым целым с общим ансамблем [Биттирова 2018: 21]. В 2017 г. «Дом с балконами на цепях» или «Дом с цепями» был признан объектом культурного значения федерального наследия[1]*. Вместе с тем, у Дадаша имелся в собственности двухэтажный дом в Кисловодске [Биттирова 2018: 22].

Занятия предпринимательством не испортили высокие нравственные качества Дадаша. Можно отметить, что он старался следовать лучшим традициям

[1]* «Дом с цепями» в Нальчике признан федеральным объектом культурного наследия // *URL:* https://kavtoday.ru/article/4529 *(дата обращения: 27.02.2025.*

своего народа. Русский путешественник И.Леонтьев в статье 1897 г. «Поездка к Баксанскому леднику» описывая гостеприимство Дадаша Балкарукова, в имении которого побывал лично, отметил: «…Дадаш – еще молодой мужчина; ему на вид около 35 лет. Он – типичный татарин (балкарец – М.Б.) и строго следует обычаям родной страны, так что он даже не осмелился сесть в нашем присутствии, пока мы его не упросили. Как он сам объяснил, по обычаю горцев, хозяин не имеет права садиться в присутствии гостей, особенно стариков, и должен сам прислуживать им» [Леонтьев 1897: 128]. Этот же автор отметил и хорошие умственные способности таубия Балкарукова. В частности, он писал: «Из бесед с Дадашем Балкароковым было видно, что он отличается большим умом и имеет много научных сведений о земледелии и скотоводстве, хотя получил образование только в городской (так в тексте. – М.Б.) школе» [Леонтьев 1897: 128]. В целом, князь Балкаруков часто оказывал гостеприимство путешественнкам как из различных регионов России, так и из-за ее пределов. Исследователь из КБР А.И. Мусукаев писал: «Среди чегемцев своими прогрессивными взглядами выделялся Дадаш Балкаруков, предоставлюящий, когда это было необходимо, ученым и путешественнкам лошадей, теплую одежду, бурки, продукты питания. Председатель правления Кавказского горного общества Адольф Петрович Лорч отмечал в свое время, что Балкаруков подарил Пятигорскому горному обществу часть своей земли для строительства в горах «приюта для туристов»» [Мусукаев 1982: 9].

С целью улучшения продуктивности местного скотоводства, Дадаш бесплатно раздавал своим соотечественникам, привезенный из Швейцарии крупный рогатый скот симментальской и швицкой пород [Абусалямов 2007: 34]. Авторитет, которым пользовался князь Балкаруков среди народа, способствовал тому, что его избирали на различные общественные должности [Биттирова 2018: 19]. Так, в 1893 г. был назначен заведующим военно-конским участком по селению Озроково [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 283. Л. 42]. В 1909 г. был избран судьей Нальчикского горского словесного суда. Состоял также членом «Комиссии при начальнике округа по назначению стипендий и пособий для учащихся высших и средних учебных заведений». Вместе со своим зятем Басиятом Шахановым сыграл важную роль в открытии в Нальчике реального училища [Опрышко 2020: 151].

В 1913 г. князь Балкаруков был награжден медалью «В память 300-летия царствований Дома Романовых». В декабре 1915 г. по ведомству Министерства народного просвещения награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» за заслуги в качестве «члена строительногокомитета по постройке здания Кабардино-Горского реального училища» [Опрышко 2020: 151, 152].

Революционные события 1917 г., гражданская война и последовавшая после них политика преследования представителей княжеско-дворянского сословия не обошли стороной Дадаша Балкарукова и его семью. Имущество Дадаша конфискуется, а сам он объявляется «чуждым элементом» новой власти, лишенным избирательного права. Спасая свою жизнь и жизнь близких, он вынужден был неоднократно менять место своего жительства. Вместе с тем, пока у князя Балкарукова оставалась возможность оказания помощи нуждающимся,

он ей не пренебрегал. В частности, в своем доме на участке Кала-Кол он скрывал жителя селения Заюково Тляуна Шогенова [УЦГА АС КБР. Ф. 195. Оп. 1. Д. 3. Т. 2. Л. 314]. В 1925 г. Дадаш переехал в Кисловодск, а оттуда в 1932 г. в Баку. В этом городе в 1934 г. он и скончался [Опрышко 2020: 153].

У Ислама (Дадаша) и Мисирхан Барасбиевой было 2 сына: Исмаил (умер от брюшного тифа в 1937 г.) и Султан (он же Докшуко) (расстрелян 3 декабря 1937 г.) и 6 дочерей: Джан (Басият Абаевич Шаханов), Алтынчач (1 м. Чепелеу Биасланович Урусбиев; 2 м. Исмаил N Крым-Шамхалов), Джансурат, Фатима, Даута (м. NN Алиев), Софият (м. Джаубаев Юнус Магометович). Следует отметить, что в связи с расстрелом мужа младшей дочери Софият, бывшего царского и белогвардейского офицера, Дадаш удочерил их детей Жаннет и Азу.

Завершая настоящее исследование, можно прийти к выводу, что данные генеалогии Ислама (Дадаша) Балкарукова предоставляют богатый материал для изучения как профессиональными учеными, так и любителями истории и этнологии. В частности: этническое происхождение рода, брачные контакты с аристократическими родами Балкарии и других этносов, взаимоотношения с конкурирующими родами, материальное благосостояние, и т.д. Вместе с тем, встречающиеся в генеалогии Ислама (Дадаша) Балкарукова противоречия (характерные, впрочем, для большинства аристократических генеалогий мира), а также недостаточная информация о некоторых личностях, убеждают нас в необходимости продолжения научного изучения данной проблемы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Абусалямов 2007 – *Абусалямов А*. Герой своего времени // Эльбрусоид. – 2007. – № 5. – С. 33-35.

Баразбиев 2009 – *Баразбиев М.И*. Приложение к «Объяснению землевладельцев Пяти горских обществ Нальчикского округа на проект комиссии по разрешению земельного вопроса в горах» // Архивы и общество. – 2009. – № 10. – С. 56-63.

Баразбиев 2013 – *Баразбиев М.И*. Балкарские аристократы – участники депутации 1852-1853 гг. в Санкт-Петербург // Известия Кабардино-Балкарского государственного университета. – 2013. – Том III, № 3. – С. 60-67.

Биттирова 2018 – *Биттирова Т.Ш*. Басият Шаханов. Жизнь и творчество (Исследование, тексты). – Нальчик: ООО «Печатный двор», 2018. – 336 с.

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Дзуганов 2024 – *Дзуганов Т.А*. Сыроваренные практики Нальчикского округа: опыт Исмаила (Дадаша) Балкорукова // Вестник КБИГИ. – 2024. – № 4-1 (63). – С. 34-42.

Леонтьев 1897 – *Леонтьев И*. Поездка к Баксанскому леднику // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – 1897. – Вып. 22. – С. 119-162.

Миллер, Ковалевский 2007 – *Миллер В.Ф., Ковалевский М.М*. В Горских обществах Кабарды // Балкария: Страницы прошлого. – Вып. 4. – 2007. – С. 12-60.

Мусукаев 1982 – *Мусукаев А.И*. О Балкарии и балкарцах. – Нальчик: «Эльбрус», 1982. – 184 с.

Опрышко 2020 – *Опрышко О.Л*. Жизни и судьбы: Ученики Кабардино-Горского реального училища. 1909-1920. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2020. – 344 с.

Посемейные списки... 2009 – Посемейные списки населенных пунктов Нальчикского округа. 1886 год. Том IV (в двух частях). Ч. 2. / Отв. сост. А.Х. Каров. – Нальчик: ГП КБР "Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г.", 2009. – 637 с.

Тульчинский 1983 – *Тульчинский Н.П*. Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области // Карачаево-балкарский фольклор в доре-

волюционных записях и публикациях / Сост. А.И. Алиева. – Нальчик: «Эльбрус», 1983. – С. 219-287.

Тютюнина 2014 – *Тютюнина Е.С.* Кавказ. Выпуск XIX. Живой отголосок прошлого. Жизнь и творчество писателя Евгения Баранова. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2014. – 279 с.

УЦГА АС КБР– Управление Центрального государственного архива Архивной службы Кабардино-Балкарской Республики.

ЦГА РСО-А – Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания.

Шевцов 2007 – *Шевцов В.В.* Историческая метрология России: Учебное пособие. – Томск: "ТМЛ-Пресс", 2007. – 280 с.

REFERENCES

ABUSALYAMOV A. *Geroi svoego vremeni* [A hero of his time]. In: El'brusoid. – 2007. – № 5. – P. 33-35. (In Russ.).

BARAZBIEV M.I. *Prilozhenie k «Ob"yasneniyu zemlevladel'tsev Pyati gorskikh obshchestv Nal'chikskogo okruga na proekt komissii po razresheniyu zemel'nogo voprosa v gorakh»* [Appendix to the "Explanation of the landowners of the Five mountain societies of the Nalchik district on the draft of the Commission for the resolution of the land issue in the mountains"]. In: Arkhivy i obshchestvo. – 2009. – № 10. – P. 56-63. (In Russ.).

BARAZBIEV M.I. *Balkarskie aristokraty – uchastniki deputatsii 1852-1853 gg. v Sankt-Peterburg* [Balkarian aristocrats – participants in the deputation of 1852-1853 in St. Petersburg]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2013. – Tom III, № 3. – P. 60-67. (In Russ.).

BITTIROVA T.SH. *Basiyat Shakhanov. Zhizn' i tvorchestvo (Issledovanie, teksty)* [Basiyat Shakhanov. Life and creativity (Research, texts)]. – Nal'chik: OOO «Pechatnyi dvor», 2018. – 336 p. (In Russ.).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraya [The State Archive of the Krasnodar Territory]. (In Russ.).

DZUGANOV T.A. *Syrovarennye praktiki Nal'chikskogo okruga: opyt Ismaila (Dada-sha) Balkorukova* [Cheese-making practices of Nalchik district: the experience of Ismail (Dadash) Balkrukov]. In: Vestnik KBIGI. – 2024. – № 4-1 (63). – P. 34-42. (In Russ.).

LEONT'EV I. *Poezdka k Baksanskomu ledniku* [A trip to the Baksan glacier]. In: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. – 1897. – Vyp. 22. – P. 119-162. (In Russ.).

MILLER V.F., KOVALEVSKII M.M. *V Gorskikh obshchestvakh Kabardy* [In the Mountain societies of Kabarda]. In: Balkariya: Stra-nitsy proshlogo. – Vyp. 4. – 2007. – P. 12-60. (In Russ.).

MUSUKAEV A.I. *O Balkarii i balkartsakh* [About Balkaria and the Balkars]. – Nal'chik: «El'brus», 1982. – 184 p. (In Russ.).

OPRYSHKO O.L. *Zhizni i sud'by: Ucheniki Kabardino-Gorskogo real'nogo uchilishcha. 1909-1920* [Lives and destinies: Students of the Kabardino-Gorsky real College. 1909-1920]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2020. – 344 p. (In Russ.).

Posemeinye spiski naselennykh punktov Nal'chikskogo okruga. 1886 god [Family-by-family lists of settlements in Nalchik district. The year is 1886]. Tom IV (v dvukh chastyakh). Ch. 2. / Otv. sost. A.Kh. Karov. – Nal'chik: GP KBR "Respublikanskii poli-grafkombinat im. Revolyutsii 1905 g.", 2009. – 637 p. (In Russ.).

TUL'CHINSKII N.P. *Poemy, legendy, pesni, skazki i poslovitsy gorskikh tatar Nal'-chikskogo okruga Terskoi oblasti* [Poems, legends, songs, fairy tales and proverbs of the Mountain Tatars of Nalchik district of the Tersk region]. In: Karachaevo-balkarskii fol'klor v dorevolyutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh / Sost. A.I. Alieva. – Nal'chik: «El'brus», 1983. – P. 219-287. (In Russ.).

TYUTYUNINA E.S. *Kavkaz. Vypusk XIX. Zhivoi otgolosok proshlogo. Zhizn' i tvorche-stvo pisatelya Evgeniya Baranova* [Caucasus. Issue XIX. A living echo of the past. The life and work of

the writer Yevgeny Baranov]. – Nal'chik: Izdatel'stvo M. i V. Kotlyarovykh, 2014. – 279 p. (In Russ.).

Upravlenie Tsentral'nogo gosudarstvennogo arkhiva Arkhivnoi sluzhby Kabardino-Balkarskoi Respubliki [Department of the Central State Archive of the Archival Service of the Kabardino-Balkarian Republic]. (In Russ.).

Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Severnaya Osetiya – Alaniya [Central State Archive of the Republic of North Ossetia – Alania]. (In Russ.).

SHEVTSOV V.V. *Istoricheskaya metrologiya Rossii: Uchebnoe posobie* [Historical metrology of Russia: A textbook]. – Tomsk: "TML-Press", 2007. – 280 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.И. Баразбиев – кандидат исторических наук, доцент.

Information about the author

M.I. Barazbiev – PhD (in history), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 17.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 17.01.2025 y.; approved after reviewing 15.03.2025 y.; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 39.393.05
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-168-180
EDN: IRPSHK

ТРАДИЦИОННАЯ ИНГУШСКАЯ ЛЮЛЬКА-КОЛЫБЕЛЬ И СВЯЗАННЫЕ С НЕЙ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ

Рукэт Хаджибикаровна Досхоева
Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия, ruket.doskhoeva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3474-0387

Аннотация. В статье рассматривается обряд укладывания младенца в традиционную ингушскую люльку (ага), а также связанные с ней обычаи и верования народа. Источником выступил полевой этнографический материал, собранный в 2023-2024 гг. в населенных пунктах Республики Ингушетия и в Пригородном районе Республики Северная Осетия – Алания. В данной статье автор подчеркивает, что обряды, связанные с важными событиями в жизни человека, являются одной из ключевых характеристик традиционной культуры народа. В частности, обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, играют важную роль в формировании культуры поведения и передаче ценностей от одного поколения к другому. Отмечается, что эти обряды имеют социально-историческое, культурно-бытовое, идеологическое и воспитательное значение. Кроме того, они отражают уникальность ментальности и мировоззрения народа. Делается вывод о том, что функции люльки (ага) подверглись определенной трансформации под влиянием глобализации, социокультурных и современных процессов, произошедших в обществе под влиянием реисламизации последних десятилетий.

Ключевые слова: ингушская люлька (ага), обряд укладывания, народные поверья, ритуал, трансформация.

Для цитирования: Досхоева Р.Х. Традиционная ингушская люлька-колыбель и связанные с ней обряды и обычаи // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 168-180. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-168-180. EDN: IRPSHK.

© Досхоева Р.Х., 2025

Original article

TRADITIONAL INGUSH CRADLE AND ASSOCIATED RITES AND CUSTOMS

Ruket H. Doskhoeva
Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, ruket.doskhoeva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-3474-0387

Abstract. This article examines the rite of placing a baby in a traditional Ingush cradle, the aga, as well as the customs and beliefs of the people associated with it. The source was field ethnographic material collected in July 2023-2024 in the settlements of the Republic of Ingushetia and in the Prigorodny district of the Republic of North Ossetia–Alania. In this article, the author emphasizes that rituals associated with important events in human life are one of the key characteristics of the traditional culture of the people. In particular, rituals related to the birth and upbringing of chil-

dren play an important role in shaping a culture of behavior and transferring values from one generation to another. The author notes that these rituals have socio-historical, cultural, ideological, and educational significance. In addition, they reflect the uniqueness of the mentality and worldview of the people. In conclusion, the author concludes that the functions of the aga cradle have undergone a certain transformation under the influence of globalization, socio-cultural and modern processes that have occurred in society under the influence of the re-Islamization of recent decades.

Keywords: Ingush cradle (aga), laying ceremony, folk beliefs, ritual, transformation.

For citation: Doskhoeva R.H. Tradition ingush cradle and associated and customs. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 168-180. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-168-180. EDN: IRPSHK.

© Doskhoeva R.H., 2025

Введение

Люлька (инг. – ага) как и у других народов мира, является не просто предметом быта, но и важным элементом традиционной культуры. Она символизирует связь между прошлым и будущим, между предками и новым поколением. Люлька выполняет некую сакральную функцию. Каждая люлька создавалась с любовью и молитвой не только как объект материальной культуры, но и как некий символ продолжения рода. Так, старую люльку никогда не выбрасывают после того, как малыш подрастет. Ее тщательно чистят, заворачивают в ткань и поднимают на чердак дома или ставят в любое укромное место. Там она будет находиться до тех пор, пока в семье не родится следующий ребенок. Люлька передается по наследству от старших сестёр и братьев младшим.

С люльками связаны множество поверий. Из рассказов наших информаторов стало известно, что не полагалось продавать ее – это считалось плохим знаком для семьи. Категорически запрещалось раскачивание пустой люльки, считалось, что в доме не будет детей или, дети будут умирать. Эти приметы сохранились до наших дней в отношении кроватки или коляски. Также нельзя было ломать, жечь колыбель, согласно поверью, это могло сократить жизнь малыша. Вокруг люльки существовало большое количество суеверий, но до наших дней осталось только незначительное количество. Современные ингуши в большей своей части придерживаются исламских норм морали и отказываются от традиционных обрядов и обычаев, считая, что многое из того, что существует в современном ингушском обществе не укладывается в нормы ортодоксального ислама, приверженцами которого стала значительная часть современной молодежи.

Актуальность исследования традиционной ингушской люльки как атрибута семьи обусловлена несколькими ключевыми факторами: сохранение культурного наследия, изучение традиций воспитания детей, изучение люльки как этнографического объекта позволяет получить ценную информацию о материальной культуре ингушей, их ремесленных навыках, торговых связях и представлениях об окружающем мире. В настоящее время традиционная люлька постепенно уходит из повседневной жизни современных ингушских семей, заменяясь более современными аналогами. Исследование позволяет зафиксировать и сохранить знания о традиционной люльке, пока еще есть носители этой культуры.

Цель исследования: комплексное исследование традиционной ингушской люльки-колыбели, ее конструктивных особенностей, символики, а также связанных с ней обрядов и обычаев для реконструкции элементов традиционной картины мира ингушского народа и выявления этнокультурных особенностей, связанных с рождением и воспитанием ребенка.

Задачи исследования:

– собрать и систематизировать имеющиеся этнографические материалы об ингушской люльке-колыбели и связанных с ней обрядах и обычаях из архивных источников, музейных коллекций и полевых исследований, реконструировать обряды и обычаи, связанные с изготовлением, дарением, установкой и использованием люльки-колыбели, выявив их сакральное значение и роль в жизни семьи;

– проанализировать роль люльки-колыбели в социализации ребенка и формировании его культурной идентичности в традиционном ингушском обществе;

– выявить этнокультурные параллели и связи ингушской люльки-колыбели и связанных с ней обрядов с аналогичными явлениями в культурах других народов Кавказа;

– оценить степень сохранности традиционных знаний о люльке-колыбели и связанных с ней обрядах в современном ингушском обществе и предложить меры по их сохранению и популяризации.

Материал и форма люлек

В основном колыбели ингушей изготавливались из плодоносящих деревьев: груши «кхор га» и грецкого ореха «боча б1ар», но чаще всего использовалась липа «хьех», так как такая люлька была легкой для подъема. Также применялся и боярышник «гIиринг» [Акиева 2014: 96]. У чеченцев люльки мастерились из дуба, ореха, груши, а адыги их изготавливали из дуба и чинары [Хасбулатова 2007: 77; Мамбетов 2002: 240]. Ингушская ага в разное время года покрывалось тканями, которые в теплые месяцы защищали от насекомых и жары, а зимой – от ветров, стужи. Вдоль верхней части кроватки закреплена планка, на которой висят игрушки для малыша. В центре нижней доски колыбели имеется отверстие со специальной накладкой в виде трубки из кости, разной по форме в зависимости от пола младенца (*инг. cunna)* для мочеиспускания, простирающейся через всю длину люльки (таким образом решался вопрос с гигиеной). Изготавливали эту накладку из малоберцовой кости барана – «ч1ий-ност». Состоит ингушская ага из следующих элементов: «аган ч1и» – прутик, который служит для закрепления свивальников, на которых ребенок лежит. Свивальники обычно делаются из мягкого материала, такого как вата или шерсть, и обеспечивают удобство и комфорт для ребенка. «Ага г1ач» – ручка люльки, которая обычно изготавливается из дерева. «Г1оахкар» – два перевязочных пояса, которые используются для крепления младенца в люльке. Они делаются из мягкого материала и обеспечивают безопасность и удобство для ребенка [ПМА 2023а].

Ингушская колыбель оборудована двумя полукруглыми опорами, позволяющими ее раскачивать. «Ага» в переводе с ингушского языка на русский означает «раскачивать», «качнуться» [Мерешков].

Особое внимание уделяется и украшению колыбели. Ее часто украшают резьбой, орнаментами, символизирующими плодородие, защиту и благополучие. У ингушей, в прошлые времена, на колыбели могли изображаться символы солнца, луны, звезд, что подчеркивало связь ребенка с природой и космосом. Также использовались амулеты и обереги, которые вешали на колыбель для защиты младенца от сглаза и порчи. Эти элементы декора не только придавали колыбели эстетическую ценность, но и выполняли важную ритуальную функцию. Важно подчеркнуть, что в прошлом ингуши различали два типа колыбелей: напольную люльку, известную как «ага», и подвесную колыбель под названием «терк». Последняя, как правило, изготавливалась из плетёного материала и в основном использовалась в жилых башнях. Подвесные колыбели также встречались у европейцев, однако у них не имелось аналога ингушской колыбели [Агиева 2022: 28]. Напольная люлька «ага» предназначалась для более длительного использования и могла быть установлена в различных помещениях, тогда как «терк» была более мобильной и могла легко перемещаться внутри дома, что позволяло матерям всегда быть рядом с младенцем.

Обычно колыбель передавали от старшего поколения к младшему по женской линии, чтобы передать знания и опыт ухода за ребенком. А изготовлением ингушской ага под заказ занимались и занимаются искусные мастера мужчины широко известные в округе. Процесс изготовления колыбели окружен особыми ритуалами. Мастер, создающий люльку, должен обладать не только навыками резьбы по дереву, но и соблюдать определенные традиции. Например, дерево для колыбели выбирается с особым вниманием: оно должно быть здоровым, крепким и плодоносящим, чтобы передать эти качества ребенку. Перед началом работы мастер читает молитвы. Таким образом, люлька становилась не просто предметом мебели, а сакральным объектом, который сопровождает ребенка с первых дней его жизни.

Исследуя данный предмет материальной культуры ингушей, мы находим схожие и в тоже время отличительные элементы конструкции и исполнения люльки и у других кавказских народов. Для сравнения приведем наглядный фотоматериал.

Фото 1. Ингушская люлька (ага) [фото автора]

Фото 2. Осетинская люлька (*авдан)* [фото автора]

Фото 3 и 4. Адыгские люльки (кушъэ, гущэ) [фото автора]

Фото 5. Чеченская люлька (ага) [фото автора]

В настоящее время искусных мастеров, способных изготовить люльку в полном соответствии с обычаями, немного, и, как правило, они проживают в удалённых селениях, где традиционное ремесло сохраняется ни один десяток лет. Одним из таких мастеров по дереву в Ингушетии является Аюп Цороев из селения Яндаре Назрановского района.

Рис. 6. Аюп Цороев – ингушский художник, мастер по дереву [Фото автора].

В доме Аюпа хранится старинная ингушская люлька, изготовленная его прадедом по материнской линии. По сведениям Аюпа, этой люльке приблизительно 70 лет. Это дань уважения и памяти к семейным ценностям, которые он бережно хранит с большой любовью. Аюп считает, что «ага в прошлом олицетворяла роль второй матери, помощницей, тогда как мать, погруженная в бытовых вопросах, не всегда удавалось носить и нянчится с ребенком на руках. И не

от того, что она не любила свое дитя, а потому что этикет ингушей не позволял подобное поведение» [ПМА 2024е].

Рис. 7. Старинная ингушская люлька семьи Цороевых [фото автора]

В настоящее время традиционные деревянные колыбели продаются на местных базарах или в детских магазинах в городах Назрань, Нальчик, Грозный, Черкесск, Махачкала и др. Стоимость люльки составляет от 5 тыс. руб. Цена зависит от орнамента и отделки. Однако, предпочтение в покупке традиционной ингушской люльке (ага) отдают в большей мере жители сельской местности.

В XXI в. старинную люльку стали меньше использовать молодые мамы, считая ее менее эстетичной нежели современные колыбели, которые можно приобрести в детских магазинах. Они изготавливаются из различных современных материалов и поддерживаются различными электронными носителями с блютуз, интернетом, со встроенными колыбельными песнями и сказками и множеством дополнительных функций. Но тем не менее традиционный «ага», до сих пор практикуется у ингушей, поскольку он значительно упрощает процесс ухода за ребенком.

Рис. 8. Электронная люлька [фото автора]

Рис. 9. Ручная люлька [фото автора]

Колыбельные песни

Укачивание младенца в люльке сопровождалось пением колыбельных песен, которые передавались из поколения в поколение. Эти песни не только успокаивали ребенка, но и несли в себе глубокий смысл, связанный с пожеланиями здоровья, счастья и благополучия. Колыбельные песни ингушей часто содержали обращения к высшим силам, просьбы о защите ребенка от злых духов и болезней.

Колыбельные песни (*инг. ага иллеш*) – это первые напевы, которые слышит ребенок. Песня-заговор должна была способствовать сохранению здоровья ребенку от бед, напастей и болезней. Мать или бабушка, укачивая младенца, как и в старину напевают старинные колыбельные, в которых звучат молитвы о здоровье, счастье и долгой жизни. Эти песни передаются из поколения в поколение, воспитывая в них мужество, отвагу, нравственность. Если кто-то из потомков вел себя недостойно, то ингуши говорили: «Нанас ага илли даьха деций цунна» (разве мама не пела ему колыбельных песен?) [ПМА 2023b]. Наш информант писатель и собиратель ингушских колыбельных песен Илез Матиев, записал более 40 старинных ингушских колыбельных песен. Краткий перевод одной из колыбельной «Я буду тебя растить»: «Мать не рожала сына, чтобы отдать его войне. Мать не растила сына, чтобы он стал продажным человеком. Мать не рожала сына, чтобы он стал недостойным. Мой мальчик будет жить с народом, он будет возвышать имя своего рода и выполнять заветы отцов».

Нанас во1 ваьвац, Т1ема хилва аьнна,
Нанас во1 кхевергвац, Яхь йохкийла аьна.
Нанас во1 ваьвац, Эсала хилва аьнна.
Нанас во1 кхевергвац, Ваьраз хилва аьнна.
Б1оби йоаг1а яхаш Кхевергвац аз хьо
Борз е хьо яхаш, Кхевергва аз хьо.
Ча йоаг1а яхаш, Кхевергвац аз хьо
Лом да хьо яхаш, Кхевергва аз хьо.
Хьа са эгаргдале, Накха хоькхаргбац аз.
1а гадохкаргдале, Кхача лургбац аз.

Ваьраз хьох хургвале, Хи къург лургбац аз,
Яхь йохкаргьяле, Хьо Кхевергвац аз.
Мехкаца волаш, Вахаргва са к1аьнк.
Халкьанна эшар, 1алаш дергда цо.
Ший тайпан сий доаккхаш, Вахаргва са к1аьнк,
Даьша шийга кховдадаьр
Кхоачашдергда цо [Матиев 2019: 32].

С течением времени, с укреплением ислама в жизни ингушей, колыбельные песни утратили веру в «магические» свойства и стали в большей мере выражением благих пожеланий на будущее.

Обряд укладывания в люльку

Обряду укладывания ребенка в люльку «*бер агач дилар*» отводилась особая миссия, так как малыш впервые после рождения обретал свое место. Во многих традициях считалось, что колыбель была «первым домом» на земле для новорожденного [Молотова 2018: 112]. Этот обряд имеет широкое бытование не только у ингушей, но и у многих других народов Кавказа [Мусаева 2007: 85; Бгажноков 2010: 106; Гаджиева 1985: 277-278]. В старину обряд укладывания в люльку сопровождался многочисленными ритуалами и обрядами. И важно было все: из какой породы дерева изготовлена люлька, кто и когда должен укладывать в нее младенца, где она должна стоять, с какой стороны к ней подходить и многое другое. Однако, в настоящее время младенца укладывают в люльку, читая айяты и суры из Корана и произнося различные благопожелания.

В традиционной ингушской культуре обряд укладывания новорожденного в люльку обычно проводится под руководством бабушки по отцовской линии, которая называется «даь-нана» или «мать отца». В соответствии ингушскому этикету укладывать новорожденного полагалось почитаемой, многодетной женщине в роду со стороны мужа (бабушка, свекровь). Также известно, по сведениям информаторов, что право укладывать новорождённого предоставлялось и здоровому мальчику или девочке из полноценной семьи, где оба родителя живы [ПМА 2023c]. Укладывание происходило по гендерному различию. Позднее эти правила утратили свою актуальность и не акцентировались по половой принадлежности ребенка. Обязательно укладывание в люльку происходило в первой половине дня. Данная церемония сопровождалась с добрыми благопожеланиями от взрослых женщин, самые частые из них: «ворх1 веший воша хилва хьо» (*чтоб ты стал братом семерых братьев)*, «берза к1аза дар мо мара фу ма хадалдахьа» *(пусть твой род множится как волчья стая)* [ПМА 2023d]. В ингушском обществе благополучие семьи определяется не только материальными благами, но и наличием в семье детей мужского пола – *к1аьнк*. Семья считалась счастливой, если в ней было много детей, особенно мужского пола [Албогачиева 2012: 207]. Однако, ингуши также говорили: «к1аьнк ваьчо йо1 ергья» (*родившая мальчика родит и девочку*); «Нанас ма волва цхьалха цхьа к1анат, вича а ма вахалва, яхь йоацаш из вале» (*Да не родит мать одного-единственного сына, но если он родится, пусть и он не живет, если он не мужественный и не гордый*) [ПМА 2024f]. Следует отметить, что «основополага-

ющим фактором вступление в брак в понимании ингушей являлось продолжение рода. Человек без семьи, как и без детей в народе вызывает сочувствие» [Досхоева 2022: 85].

На церемонию укладывания в люльку приглашают близких женщин, родственников и соседей. Эти гости приносят подарки для ребенка, такие как одежда, деньги или игрушки. Для обряда первого укладывания младенца закалывают жертвенное животное или птицу, готовят национальные ингушские блюда (чапильгаш, холла, дулха, халтам, берха), а старики, молодежь читают священный *мавлид*[1]. Этот ритуал до сих пор практикуется среди ингушей. В свою очередь родные со стороны невесты, а именно бабушка по матери «*наьна нана*» обязательно готовит люльку и другие детские принадлежности для ребенка в качестве подарка от родственников («ноанхош ага т1ехьа деннад» говорят ингуши). Но если матери нет в живых, то эту традицию исполняют родственницы по материнской линии: тетя, сестра матери, прабабушка. Такой официальный визит к новорождённому в народе называют «Бера тIехьа бахкар» [ПМА 2023e]. Согласно данным информантов, предварительное изготовление колыбели и приданного для него в прошлом не было распространено [ПМА 2023 a,c,d; ПМА 2024 e,f]. Считалось, что это может предвещать несчастья, такие как сложные роды, болезни или даже преждевременную смерть ребенка. Люлька изготавливалась или покупалась исключительно после рождения малыша. В прошлом, следует отметить, что новорожденных помещали в колыбель не сразу, а лишь спустя семь дней после отпадания остатка пупка и заживания ранки.

В настоящее время ребенка укладывают в люльку сразу после возвращения из родильного дома. И это стало привычной практикой для многих народов Кавказа [Сефербеков 2022: 189; Хасбулатова 2015:124], в том числе и ингушей. Однако некоторые родители все же помнят о старых традициях и предпочитают следовать им, считая, что это может защитить малыша от бед.

Малыши спали в колыбели приблизительно до двух лет, то есть пока их кормили грудным молоком или до тех пор, пока не рождался следующий. Ввиду занятости женщин, ребенка вынимали из люльки только два раза в день. Мать кормила ребенка грудью с правой стороны, зачастую не вынимая ребенка из люльки [Хасбулатова 2015: 72]. А в качестве соски давали кусочек бараньего курдюка (*думи*), завернутый в лоскуток ткани. Младенец, рассасывая думи, засыпал на несколько часов [ПМА 2023c]. Считалось, что подходить к люльке и кормить можно только с правой стороны. Некоторые наши информаторы связывают это с тем, что правая сторона в исламе символизирует благословение и чистоту. Этот обычай был связан с верой в то, что правая сторона тела ближе к божественной милости. Собранные в ходе фольклорно-этнографических экспедиций данные подтверждают важность укладывания ребенка лицом к Каабе [ПМА 2023a].

Таким образом, церемония укладывания новорожденного в ингушскую люльку «ага» является важным ритуалом для ингушей, который направлен на

[1] Мавлид (араб. *маулид ан-наби*) – празднование дня рождения пророка Мухаммада. Проводится 12 числа третьего месяца мусульманского лунного календаря.

защиту ребенка от злых сил, укрепление его здоровья и обеспечение его благополучия на протяжении всей жизни. Этот обряд отражает глубокие культурные и религиозные традиции народа и важен для формирования связи между ребенком, его родителями и близкими.

Однако, наряду с традициями, в воспитании младенцев активно внедряются и современные подходы, что приводит к интересному синтезу старого и нового. Современное поколение молодых родителей стремятся сохранить культурное наследие, но при этом используют современные методы ухода и воспитания детей.

Заключение

С течением времени, с укреплением позиций ислама, некоторые обряды и практики, связанные с укладыванием в люльку, начали трансформироваться. Многие «магические» обряды, сопровождавшие его, остались в прошлом. Исламские элементы, такие как чтение Корана или произнесение определенных молитв, стали неотъемлемой частью процесса укладывания ребенка, что свидетельствует о синкретизме традиционных и религиозных верований. Таким образом, традиционная ингушская люлька становится не только предметом материальной культуры, но и важным элементом духовной жизни народа, отражающим его историю, верования и ценности. Исследование этих аспектов позволяет глубже понять уникальность ингушской культуры и её место в многообразии народов Северного Кавказа.

В современном мире традиционные колыбели постепенно уступают место более современным моделям, однако их культурное и историческое значение остается неизменным. Сегодня многие семьи стараются сохранить традиции, передавая колыбели из поколения в поколение. Это не только дань уважения предкам, но и способ сохранить связь с корнями, передать детям знания о своей культуре и истории.

Таким образом, ингушская колыбель продолжает играть важную роль в сохранении культурной самобытности народа. Она служит не только символом древних обычаев и традиций, но и живым проявлением их ценности в современных условиях. Устойчивость и жизнеспособность этой традиции демонстрируют, что даже в быстроменяющемся мире культурные корни могут оставаться прочной основой, на которой строятся семьи и общество в целом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Агиева 2022 – *Агиева Л.Т.* Традиционная напольная люлька-качалка "ага" как атрибут ингушской семьи // Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч.Э. Ахриева. – 2022. – № 1. – С. 27-32.

Акиева 2014 – *Акиева П.Х.* Рождение, свадьба, смерть. – Санкт-Петербург: Алеф-Пресс, 2014. – 289 с.

Албогачиева 2012 – *Албогачиева М.С.-Г.* Система терминов родства и семейно-брачные отношения у ингушей // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. – Выпуск 13. – Санкт-Петербург: МАЭ РАН, 2012. – С. 198-209.

Бгажноков 2010 – *Бгажноков Б.Х.* Социальная организация семьи (по материалам исторической этнографии адыгов). – Нальчик: КБИГИ, 2010. – 123 с.

Гаджиева 1985 – *Гаджиева С.Ш.* Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX века. – М.: Наука. 1985. – 357 с.

Досхоева 2022 – *Досхоева Р.Х.* Стратегии брачного выбора ингушей. Прошлое и современность // Исторический бюллетень. – 2022. – Т. 5, № 4. – С. 84-90.

Мамбетов 2002 – *Мамбетов Г.Х.* Традиционная культура кабардинцев и балкарцев. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 256 с.

Матиев 2019 – *Матиев И.А.* Г1алг1ай ага иллеш. – Магас, «Тетраграф», 2019. – 78 с.

Мерешков – *Мерешков С.А.* Ингушская колыбель – ага // Электронный ресурс. Режим доступа: http://folklor-ri.ru/5940-ingushskaja-kolybel-aga.html (дата обращения: 15.05.2023)

Молотова 2018 – *Молотова Т.Л.* Традиционная колыбель ребёнка и связанные с ней обычаи и обряды у марийцев // Сергей Чавайн. Личность. Творчество. Эпоха: сборник научных трудов. Йошкар-Ола, 05 октября 2018 года. – Йошкар-Ола: Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В.М. Васильева, 2020. – С. 112-117.

Мусаева 2007 – *Мусаева М.К.* Этнография детства народов Дагестана. – Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2007. – 85 с.

ПМА 2023a – Полевые материалы автора. Экспедиция в п. Карца, Пригородный район, Северная Осетия – Алания в 2023 г.

ПМА 2023b – Полевые материалы автора. Экспедиция в селе Галашки Сунженский район Республика Ингушетия в 2023 г.

ПМА 2023c – Полевые материалы автора. Экспедиция в село Плиево Назрановский район Республика Ингушетия в 2023 г.

ПМА 2023d – Полевые материалы автора. Экспедиция в ст-це Троицкая Сунженский район Республика Ингушетия в 2023 г.

ПМА 2024e– Полевые материалы автора. Экспедиция в г. Назрань в 2024 г.

ПМА 2024f– Полевые материалы автора. Экспедиция в с. Яндаре, Назрановский район в 2024 г.

Сефербеков 2022 – *Сефербеков Р.И.* Современный брак и семейнобытовые обряды аварцев-гидатлинцев: традиции и инновации // Вопросы истории. – 2022. – № 8-1. – С. 187-196.

Хасбулатова 2007 – *Хасбулатова З.И.* Воспитание детей у чеченцев: обычаи и традиции (XIX – начало XX в.). – М.: Московская типография, 2007. – 416 с.

Хасбулатова 2015 – *Хасбулатова З.И.* Традиционная культура воспитания детей у чеченцев (XIX – начало XX века): Дисс. д-ра ист. н-к – М., 2015. – 425 с.

REFERENCES

AGIEVA L.T. *Traditsionnaya napol'naya lyul'ka-kachalka "aga" kak atribut ingushskoi sem'i* [Traditional rocking cradle "aga" as an attribute of the Ingush family]. In: Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatel'skogo institu-ta gumanitarnykh nauk im. Ch.E. Akhrieva. – 2022. – № 1. – P. 27-32. (In Russ.).

AKIEVA P.KH. *Rozhdenie, svad'ba, smert'* [Birth, wedding, death]. – Sankt-Peterburg: Alef-Press, 2014. – 289 p. (In Russ.).

ALBOGACHIEVA M.S.-G. *Sistema terminov rodstva i semeino-brachnye ot-nosheniya u ingushei* [The system of kinship terms and marital relations among the Ingush]. In: Algebra rodstva. Rodstvo. Sistemy rodstva. Sistemy terminov rodstva. – Vypusk 13. – Sankt-Peterburg: MAE RAN, 2012. – P. 198-209. (In Russ.).

BGAZHNOKOV B.KH. *Sotsial'naya organizatsiya sem'i (po materialam istoricheskoi etnografii adygov)* [Social organization of the family (based on the materials of the historical ethnography of the Adygs)]. – Nal'chik: KBIGI, 2010. – 123 p. (In Russ.).

GADZHIEVA S.SH. *Sem'ya i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale XX veka* [Family and marriage among the peoples of Dagestan in the 19th – early 20th century]. – M.: Nauka. 1985. – 357 p. (In Russ.).

DOSKHOEVA R.KH. *Strategii brachnogo vybora ingushei. Proshloe i sovre-mennost'* [Marriage choice strategies of the Ingush. Past and present]. In: Istoricheskii byulleten'. – 2022. – T. 5, № 4. – P. 84-90. (In Russ.).

MAMBETOV G.KH. *Traditsionnaya kul'tura kabardintsev i balkartsev* [Traditional culture of Kabardians and Balkarians]. – Nal'chik: El'brus, 2002. – 256 p. (In Russ.).

MATIEV I.A. *G1alg1ai aga illesh* [Г1алг1ай аға иллеш]. – Magas, «Tetragraf», 2019. – 78 p. (In Russ.).

MERESHKOV S.A. *Ingushskaya kolybel' – aga* [Ingush cradle – aha]. In: Elektronnyi resurs. Rezhim dostupa: http://folklor-ri.ru/5940-ingushskaja-kolybel-aga.html (data obrashcheniya: 15.05.2023). (In Russ.).

MOLOTOVA T.L. *Traditsionnaya kolybel' rebenka i svyazannye s nei oby-chai i obryady u mariitsev* [The traditional cradle of a child and the customs and rituals associated with it among the Mari people]. In: Sergei Chavain. Lichnost'. Tvorchestvo. Epokha: sbornik nauchnykh trudov. Ioshkar-Ola, 05 oktyabrya 2018 goda. – Ioshkar-Ola: Mariiskii nauchno-issledovatel'skii institut yazyka, literatury i istorii im. V.M. Vasil'eva, 2020. – P. 112-117. (In Russ.).

MUSAEVA M.K. *Etnografiya detstva narodov Dagestana* [Ethnography of the childhood of the peoples of Dagestan]. – Makhachkala: IIAE DNTs RAN, 2007. – 85 p. (In Russ.).

Polevye materialy avtora. Ekspeditsiya v p. Kartsa, Prigorodnyi raion, Severnaya Osetiya – Alaniya v 2023 g. [The author's field materials. Expedition to Kartsa settlement, Prigorodny district, North Ossetia –Alania in 2023]. (In Russ.).

Polevye materialy avtora. Ekspeditsiya v sele Galashki Sunzhenskii raion Respublika Ingushetiya v 2023 g. [The author's field materials. Expedition to the village of Galashki, Sunzhensky district, Republic of Ingushetia in 2023]. (In Russ.).

Polevye materialy avtora. Ekspeditsiya v selo Plievo Nazranovskii raion Respublika Ingushetiya v 2023 g. [The author's field materials. Expedition to the village of Plievo, Nazran district, Republic of Ingushetia in 2023]. (In Russ.).

Polevye materialy avtora. Ekspeditsiya v st-tse Troitskaya Sunzhenskii raion Respublika Ingushetiya v 2023 g [The author's field materials. Expedition to Troitskaya village, Sunzhensky district, Republic of Ingushetia in 2023]. (In Russ.).

Polevye materialy avtora. Ekspeditsiya v g. Nazran' v 2024 g. [The author's field materials. Expedition to Nazran in 2024]. (In Russ.).

Polevye materialy avtora. Ekspeditsiya v s. Yandare, Nazranovskii raion v 2024 g. [The author's field materials. Expedition to the village of Yandare, Nazran district in 2024]. (In Russ.).

SEFERBEKOV R.I. *Sovremennyi brak i semeinobytovye obryady avartsev-gidatlintsev: traditsii i innovatsii* [Modern marriage and family rituals of the Avars-Ghidathlins: traditions and innovations]. In: Voprosy istorii. – 2022. – № 8-1. – P. 187-196. (In Russ.).

KHASBULATOVA Z.I. *Vospitanie detei u chechentsev: obychai i traditsii (XIX – nachalo XX v.)* [Raising children among Chechens: customs and traditions (XIX – early XX century)]. – M.: Moskovskaya tipografiya, 2007. – 416 p. (In Russ.).

KHASBULATOVA Z.I. *Traditsionnaya kul'tura vospitaniya detei u chechentsev (XIX – nachalo XX veka)* [Traditional culture of raising children among Chechens (XIX – early XX century)]: Diss. d-ra ist. n-k – M., 2015. – 425 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Р.Х. Досхоева – аспирант Научно-образовательного центра.

Information about the author

R.H. Doskhoeva – Graduate Student of the Scientific and Educational Center (History)

Статья поступила в редакцию 16.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 39(=352.2)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-181-191
EDN: JINANO

ПОВЕРЬЯ, СВЯЗАННЫЕ С ВОЗВРАЩЕНИЕМ ДУШИ ПОКОЙНИКА В РОДНОЙ ДОМ, В ТРАДИЦИОННОЙ ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ НАРОДОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО КАВКАЗА (НА ПРИМЕРЕ АБХАЗОВ И КАРАЧАЕВЦЕВ)

Рица Шотовна Зельницкая
Российский Этнографический музей, Санкт-Петербург, Россия, riza81@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0009-9727-0093

Аннотация: Статья посвящена одному из элементов традиционной похоронно-поминальной обрядности у народов Северо-Западного Кавказа (на примере абхазов и карачаевцев), связанному с обрядами и поверьями о возвращении души умершего в родной дом. По народным поверьям душа человека окончательно не покидала свою семью, род и общину, она оставалась частью самого человека, олицетворяя его собственную личность. Все обряды, которые проводились после смерти человека, были направлены на то, чтобы на «том свете» душа ни в чем не нуждалась и находилась вместе с ранее ушедшими родственниками. Смерть у этих народов воспринималась, с одной стороны, как трагическое событие, а с другой о ней говорили вполне спокойно и осознавали, что люди в этом мире находятся временно. Особенно трагически воспринималась неожиданная смерть человека. В том случае, когда человек умирал вне домашнего или общинного пространства, необходимо было совершить соответствующие обряды «для возвращения души умершего в родной дом с целью ее воссоединения с семьей», чтобы она не стала потерянной и опасной прежде всего для родственников. Приведенный в статье в качестве примера обряд, связанный с возвращением души утопленника, был схожим у некоторых народов Северо-Западного Кавказа. Выявленные в ходе исследования параллели как в ритуалах похоронно-поминального цикла, так и в системе социальных отношений являются результатом культурного взаимодействия народов, населяющих территорию Северо-Западного Кавказа.

Ключевые слова: утопленник, душа, абхазы, карачаевцы, обряд, возвращение

Для цитирования: Зельницкая Р.Ш. Поверья, связанные с возвращением души покойника в родной дом, в традиционной похоронно-поминальной обрядности народов Северо-Западного Кавказа (на примере абхазов и карачаевцев) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 181-191. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-181-191. EDN: JINANO.

© Зельницкая Р.Ш., 2025

Original article

BELIEFS RELATED TO THE RETURN OF THE SOUL OF THE DECEASED TO HIS NATIVE HOME IN THE TRADITIONAL FUNERAL AND MEMORIAL RITUALS OF THE PEOPLES OF THE NORTH-WEST CAUCASUS (ON THE EXAMPLE OF THE ABKHAZIANS AND KARACHAYS)

Ritsa Sh. Zelnitskaya
Russian Museum of Ethnography, St. Petersburg, Russia, riza81@yandex.ru, https://orcid.org/0009-0009-9727-0093

Abstract. The article is devoted to one element of the traditional funeral and memorial rituals among the peoples of the Northwest Caucasus (using the example of the Abkhazians and Karachays), associated with rituals and beliefs about the return of the soul of the deceased to his native home. According to popular beliefs, the soul of a person did not completely leave his family, clan and community, it remained a part of the person himself, embodying his own personality. All the rituals that were performed after a person's death were aimed at ensuring that the soul did not need anything in the "next world" and stayed with previously departed relatives. Death among these peoples was perceived, on the one hand, as a tragic event, but on the other hand, they talked about it quite calmly and realized that people were temporarily in this world. The unexpected death of a person was especially tragically perceived. In the case when a person died outside the home or community space, it was necessary to perform appropriate rituals "to return the soul of the deceased to his native home in order to reunite it with his family," so that it would not become lost and dangerous primarily for relatives. The rite given in the article as an example, associated with the resurrection of the soul of a drowned man, was similar among some peoples of the North-Western Caucasus. The parallels identified in the course of the study both in the rituals of the funeral and memorial cycle and in the system of social relations result in an cultural interaction between the peoples inhabiting the territory of the North-Western Caucasus.

Keywords: drowned man, soul, Abkhazians, Karachai people, rite, return.

For citation: Zelnitskaya R.Sh. Beliefs related to the return of the soul of the deceased to his native home in the traditional funeral and memorial rituals of the peoples of the North-West Caucasus (on the example of the Abkhazians and Karachays). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 181-191. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-181-191. EDN: JINANO.

© Zelnitskaya R.Sh., 2025

Народы, населяющие территорию Северо-Западного Кавказа, на протяжении длительного времени находились в непосредственной близости друг к другу, что приводило к постоянному социальному взаимодействию. Абхазо-адыгский и тюркский культурные миры, сосуществуя в едином географическом пространстве, сформировали общую для региона культурную модель, сохраняя при этом собственные этноязыковые границы, что способствовало возникновению ситуации не только многообразия, но и взаимного обогащения. При этом в ситуации формирования единого культурного пространства жители исследуемого региона продолжают рассматривать себя как представителей самостоятельных этносов [Литвякова 2013: 27-30]. Невидимые культурные границы позволяют отличить себя от соседствующего народа, при этом продолжая коммуницировать с ним. Изучение общей морфологии и смыслового содержания ритуалов позволяет выявить установившиеся культурные параллели между отдельными этническими группами.

В качестве исследовательского примера мы обратимся к одному из вариантов похоронного обряда – возвращение души умершего вне родного дома, который практиковался у народов Северо-Западного Кавказа и оставил свой след в преданиях. Вне зависимости от существующих различного рода границ в от-

дельных преданиях отражены интересные параллели, которые сформировались, как было отмечено выше, в результате взаимодействия народных традиций [Медведев, Горобец 2014: 13-14]. Использованный в работе кросс-культурный метод исследования позволит выявить существующие общие черты в традиционной культуре абхазов и карачаевцев.

Актуальность темы исследования обусловлена обстоятельством, описанным Ю.А. Смирновым: «картины загробного мира довольно пестры и многочисленны и создаются в зависимости от преобладания в обществе религиозной, морально-этической или социальной концепции подчиняясь идее смерти», которая является переходом из одного состояния в другое [Смирнов 1997: 80], что в полной мере это относится и к культурам абхазов и карачаевцев.

Для абхазов и карачаевцев потусторонний мир соотносится с миром живых как «другая сторона». Попадая в другой мир, душа умершего продолжает сохранять связь с миром живых родственников. Кроме того, она должна воссоединиться с другими душами предков. Даже в текстах причитаний женщины-родственницы, обращаясь к умершему, спрашивают, кого он там встретил, кому доставил радость, он, ранее умерший, наверно радуется. Живые, со своей стороны, продолжают общаться с мертвыми как с живыми даже после погребения тела. Кроме того, стоит отметить у народов Северо-Западного Кавказа трепетное отношение к телу покойника. По их представлениям наносить ему увечье большой грех. «Если сломаешь кость у мертвого, это равносильно тому, что ты это сделал с живым человеком» [ПМА 2021а].

Существенное значение в традиционной культуре абхазов и карачаевцев имела забота о душе умершего родственника. Вне зависимости от того, своевременно ли человек покинул этот мир или он трагически погиб, считалось необходимым совершить похоронные обряды в соответствии с принятыми в сообществах правилами. Примечательным обстоятельством, относящимся к этим народам, была высокая степень схожести проводимых обрядов, что определенно связано с тем, что на протяжении длительного времени исследуемые народы сохраняли активные взаимные контакты. Установившиеся на протяжении длительного времени взаимоотношения привели к тому, что некоторые элементы традиционной жизни были заимствованы обеими сторонами.

Вопросами, связанными с изучением поверий о возвращении души умершего в родной дом у народов Северо-Западного Кавказа, исследователи заинтересовались еще во второй половине XIX в. В отдельных периодических изданиях были опубликованы статьи, которые раскрывают нам, как проводили данный обряд в регионе. В 1873 г. учитель Сухумской горской школы обратил внимание на то, как абхазы «вылавливали» душу утопленника из воды, даже в том случае если им удалось «достать его тело». По его заданию ученики собрали материал, а он, в свою очередь, написал небольшую заметку в газете Кавказ, в которой детально описал состояние «потерянной» души [Иоакимов 1873: 2]. Вслед за этой публикацией в 1879 г. в журнале «Природа и охота» краевед натуралист-зоолог В.И. Чернявский написал две дополняющие друг друга заметки, где описывал, как абхазы «вылавливали» душу утопленника из реки. В кратких выводах он писал о том, что для абхазов возвращение души в дом «со-

ставляет самое главное» [Чернявский 1879: 350]. Следующее сообщение об этом обряде на русском языке увидело свет в 1903 г. благодаря учителю I-го Тифлисского городского (Авлабарского) училища [Храмелов 1903: 156-158]. Представленная им статья содержала описание последовательности этого обряда, состава участников, характера его поведения. Карачаево-балкарский фольклор также содержит интересные сведения о «вылавливании души утопленника» в двух вариациях: в одном случае обращались к отцу воды Су-атасы Суулемену, а в другом – матери воды Су-Анасы [Карачаево-балкарский… 1983: 30]. Интересно, что, согласно фольклорным данным, Су-Анасы возвращала утонувших девушек (женщин), а Су-атасы – мужчин.

Уже в советский период изучением общих фольклорных сюжетов и отдельных обрядов занимался Г.Ф. Чурсин, который дал подробные сведения по интересующей нас теме [Чурсин 1957]. В советское и постсоветское время данную тему отчасти затрагивали Ш.Д. Ина-ипа [Инал-ипа: 1976], Е.А. Нальчикова [Нальчикова, Текуева 2019], Д.Р. Лакунова [Лакунова 2016] и др.

Основной исследовательской целью статьи является рассмотрение межкультурных параллелей в традиционной похоронной обрядности у народов Северо-Западного Кавказа, а именно поверья, связанного с «вылавливанием» из воды и возвращением души погибшего в родной дом. Основным материалом для исследования стали подробные сообщения об этой традиции, записанные на рубеже XIX–XX вв. Кроме того, в работе использован полевой материал автора, зафиксированный как в абхазском, так и в карачаевском обществах. Несмотря на то, что данный обряд в настоящее время не проводится, он все еще сохраняется в памяти представителей этих народов. По воспоминаниям информанта, который участвовал в нем, обряд вылавливания души утопленника проводили еще в 60-е гг. XX в. [ПМА 2021а].

Отправление похоронно-поминальной обрядности было публичным и в нем принимали участие не только родственники, но и все представители общины (*аҳабла* абх. *джамагъат* карач.), выполняя, таким образом, важную социальную функцию консолидации сообщества. Процедура погребения тела отражала стремление членов сообщества с одной стороны отдалить его от живых, а с другой заботу о нем, так как считалось, что «каждый умерший должен быть похоронен с почестями», то есть в соответствии с установленными в народе правилами. Как абхазы, так и карачаевцы смерть воспринимали не только как трагедию, но и как переход умершего «в другой мир», где его душа встретится и будет «жить» с предками. Эти народы избегают произносить слово «умер», заменяя его терминами «покинул этот мир», «присоединился с предками», «находится в мире, где говорят правду», «покинул нас», то есть живых и т.д. Смерть, прежде всего, – это вторжение иного, то есть нарушение существовавшего, привычного порядка жизни, от которого нужно очиститься или защититься от него. Именно поэтому необходимо совершить правильные ритуальные действия, чтобы «продлить посмертное существование того или иного индивидуума и таким образом спасти социум от возникшего в нем хаоса» [Смирнов 1997: 4]. Все обряды, которые проводят после смерти человека, направлены на то, чтобы включить умершего в мир мертвых. В отдельных случаях для род-

ственников не представлялось возможным совершить их в правильной последовательности. В том случае, когда человек умирал не дома – утонул, сорвался со скалы, пропал без вести и т.д. первый этап обряда перехода (омовение тела, одевание или заворачивание в саван, укладывание в гроб или на носилки, вынос тела) приходилось упускать из-за отсутствия тела. Несмотря на это народы Северо-Западного Кавказа считали необходимым «вернуть» душу «домой» и воссоединить его с предками. Именно с этой целью они проводили обряд «возвращения души покойника» в родной дом. После проведения соответствующих ритуалов происходило закрепление нового статуса усопшего.

В сознании кавказских народов четко прослеживается их отношение к жизни и смерти. По их представлению, хорошее, то есть праздничные события (рождение ребенка, свадьба), и плохое – трагические (болезнь, смерть и т.д.) взаимосвязаны и непременно чередуются. На Северо-Западном Кавказе отношение к смерти двойственное: с одной стороны, многочисленные поговорки и высказывания посвящены судьбе человека, где смерть воспринимается как предначертанное судьбой, например, в адыгских сообществах бытует поговорка «кому готовят люльку, тому и готовят гроб». Абхазы считают, что, когда человек рождается, он от ангелов получает свою судьбу, которую он непременно проживет. Несмотря на это смерть для них является трагическим событием, к которому человек, достигающий определенного возраста, начинал готовиться. Так как все умершие попадали в загробный мир, где непременно встретятся с предками, нужно было предстать перед ними с чистой совестью, а также совершить необходимый ритуал, чтобы на том свете душа находилась под тенью. Для этого пожилые женщины на затылке срезали прядь волос, заворачивали в ткань и хранили до самой смерти [ПМА 2019].

Карачаевская пословица гласит: «*бир кюн тууғъан бир кюн ёлюр* – однажды родившийся однажды умрет», также смерть человека наступает именно тогда, когда он заканчивает свой жизненный путь, и обмануть судьбу, данную во время рождения, невозможно. Смерть – это финал жизни, которая «придает культурному образованию завершенность структуры, окончательность конфигурации» [Демичев 1997: 112]. Кроме того, в сознании кавказских народов прослеживается единство всех перед смертью вне зависимости от занимаемого социального статуса и материального положения. Перехитрить судьбу никому не удастся. Человек сколько бы лет ему ни было, хочет жить. В одной абхазской притче говорится о том, как себя повела пожилая умирающая женщина, за которой пришла смерть. «Старуха, увидев сидящую у изголовья смерть, показала пальцем на своего молодого, чтобы она, то есть смерть, оставила ее и забрала внука» [ПМА 2021b]. Бытовавшая у абхазов притча иллюстрирует, что человек, живя в ожидании смерти, все равно к ней не готов и цепляется за жизнь, пытаясь продлить ее, пытаясь «договориться со смертью».

Так называемая «легкая смерть», которая наступает неожиданно и безболезненно, является самой желанной. Одна из информантов вспоминала, как ее свекор каждый вечер перед сном молил Бога «дать ему легкую смерть» [ПМА 2019]. Для человечества важным явлением является то, что над больным, стоящим между жизнью и смертью, совершают бдение. Родственники и члены об-

щины каждую ночь, собираясь у постели умирающего, превращают этот акт в публичное событие. Во время ожидания смерти они между собой распределяются на группы, согласно принципу, описанному Б. Малиновским: «одни остаются у тела умирающего, а другие занимаются приготовлениями к его приближающейся кончине и предполагаемым последующим действиям ближних, третьи исполняют некие, можно сказать, религиозные, действия в священном месте» с той разницей, что из описанной им схемы выпадает третья группа [Малиновский 2015: 48].

Особенно трагически кавказскими народами воспринимается неожиданная смерть человека, понимаемая как преждевременная кончина. В случае если это происходит вне дома, родственники и представители общины предпринимают попытку воссоединить тело и душу. А когда не удается предать земле тело умершего родственника, «хотя бы душу вернуть домой» [ПМА 2015]. Присоединяясь к душам своих предков, душа вновь умершего продолжала жить на том свете привычным образом, и у нее там все должно быть как при жизни. Для этого родственники совершали необходимые обряды поминовения, жертвоприношения в его честь и даже клали с покойным в могилу привычные предметы, которыми человек пользовался при жизни.

Согласно мировоззрению исследуемых народов, «все живое является носителем души» [Инал-ипа 1976: 89]. Такое отношение демонстрируется в языке: *ауафыӷсы зхоу* – что значит человек с душой, либо живой человек. О том, что душа является жизненно важной компонентой человека, отмечается в различных исследованиях. Она описывается как некое «подвижное, легкое, неуничтожимое, неумирающее существо, которое обитает в собственном жилище, то есть, теле» [Розин 1997: 170]. При этом в традиционных кавказских обществах человек, умирая, полностью не покидал пространство живых, то есть он окончательно не уходил. Представители тюркского мира карачаевцы и абхазо-адыгского мира абхазы считали, что «душа человека находится в неком пространстве и чего-то ждет, но никак не может повлиять на жизнь в нашем мире» [ПМА 2017; 2022]. Несмотря на то, что душа оставляла тело, она должна быть «возвращена» в дом или двор, где жил человек. Особенно важно вернуть душу того, кто умер вне дома. Поскольку «души утопленников остаются в воде даже после того, как их самих вытащили на берег и передали земле» необходимо совершить соответствующие обряды для их «вылавливания» и «возвращения».

Если человек умирал вне дома (например, погиб на охоте в лесу или горах, утонул в реке), товарищи умершего возвращались в село с посохами на плече, тем самым без слов оповещая односельчан о печальном событии [Карачаево-балкарский фольклор… 1996: 62].

Родственницы умершего, услышав о смерти члена семьи, криком оповещали членов общины о случившейся трагедии, а мужчины отправляли гонцов-вестников к родственникам, которые жили в других селениях. После этого, группа, состоявшая из родственников и жителей селения, направлялась к тому месту, где предположительно погиб человек. Отдельного внимания заслуживает процесс поиска места гибели человека. Это было важно для них, так как они старались достать тело со дна реки, озера или обрыва чтобы привезти в дом.

Для того чтобы найти тело погибшего и похоронить по установленным обычаям, резали жертвенного животного и молились всевышнему, чтобы он «позволил поднять труп» [Чурсин 1957: 193]. Похожий обряд известен был и карачаевцам. В карачаевском фольклоре сохранилась песня-молитва, которую пели во время жертвоприношения. Обращаясь к матери воды Су-Анасы, если утопленница была женского пола, или к Су-Атасы отцу воды, если мужчина, они просили вернуть тело утопленника:

«Суу атасы Суулемен,
Сютге бичакъ билеген,

Ёлюгюмю бермеген,
Санга тилек тилеймен
Этин къой да, сюегин бер»

Отец воды Суулемен,
Точащий нож на молоко
(злобящийся на молоко).
Не отдающий моего покойника,
Во имя тебя я молюсь
Тебя молю — возьми его плоть,
но отдай кости»
[Джуртубаев 1991: 112]

Вторая песня-молитва была обращена Су-Анасы:

«Суу-Анасы Мамметдир,
Айтханынгы керти этдир!
Адам кетди суунга,
Эл чыкъды къуугъунга!
Чыкъ кесинг да, кёр энди,
Ёлюгюмю бер энди!

Матья Воды Мамметдир,
Вели верно исполнить свою волю!
Человек утонул в твоей воде,
Село поднялось по тревоге твоей!
Выйди сама и посмотри,
Покойника моего отдай теперь»
[Джуртубаев 1991: 103]

Из песни-молитвы мы видим, что карачаевцы просили Сулемена «оставить себе мясо утопленника, а кости отдать семье». Это выражение свидетельствует о важности предания костей земле. Даже сейчас словесной речи присутствует выражение, в котором говорится «хоть бы мы получили возможность похоронить его кости» [ПМА 2021b]. В обращении к ней они также просили дать возможность исполнить ее волю, чтобы она в свою очередь вернула им покойника. Кроме этого, в этой же молитве они призывали ее «посмотреть на то, что все селение ищет пропавшего» [ПМА 2017]. Возможно, предполагалось, что матерь воды должна была пожалеть членов *джамаата*-общины (у карачаевцев) и *аҳабла*-поселок у абхазов, которые принимали участие в поисках тела утопленника. Молитвы, обращенные как матери, так и отцу водной стихии, как мы видим, носили гендерный характер, так как «Сулемен (Су-Атасы) возвращал мужчин, а Су-Анасы женщин» [ПМА 2017].

При поисках утопленника карачаевцы использовали флейту – *сыбызгъы*. Родственники погибшего в сопровождении с членами общины направлялись в поисках утопленника. Впереди шел тот, кто играл на флейте. В том месте, где свирель переставала играть, считалось местом умершего. Карачаевцы также, как и абхазы старались достать тело, а если не получалось, то непременно необходимо было вернуть душу к предкам.

Похожий обряд существовал и у кабардинцев. На специальном музыкальном инструменте *бжамый* играли песню «Плач у воды». Также, как и у карачаевцев процессия во главе с музыкантом шла вдоль реки. По существующему поверью *бжамый* переставал звучать на месте гибели человека [Кагазежев, Бгажноков 2011: 83].

Так как не всегда удавалось найти тело утопленника или провалившегося в пропасть, необходимо было совершить обряды для возвращения его заблудшей души в дом. С этой целью через несколько дней после погребения тела его родственники и соседи торжественной процессией шли к тому месту, где он утонул.

По сообщениям исследователей второй половины XIX – начале XX в., если человек утонет, «берут бурдюк, выгнав оттуда воздух, затягивают так, чтобы он оставался полуоткрытым. Тогда держа его в руках, идут в то место, где предположительно утонул человек и начинают петь песни» [Чернявский 1879: 350]. Обязательным элементом обряда было то, что, когда вешали бурдюк обращались к конкретной душе. Называли имя того, кто утонул и просили его душу пойти вместе с ними домой [Храмелов 1903: 157]. Увеселительные мероприятия продолжались до тех пор, пока мешок не наполнялся воздухом. После этого, завязав плотно горло мешка чтобы душа не улетела, вся процессия возвращается домой. Они поспешно шли к могиле, опускали горло вниз, выталкивали воздух и сразу засыпали могилу [Иоакимов 1873: 2].

В начале XX в. Г.Ф. Чурсин сделал более детальное описание обряда вылавливания души утопленника. После своей полевой работы в Восточной и Западной Абхазии он записал следующее: «Чтобы взять душу погибшего приносят новый козий бурдюк, вешают на шелковом шнуре у места погибели так чтобы бурдюк находился посередине реки и играют красивые песни на *апхьарца* (абхазская скрипка) или на свирели (*аҧырпын*), прося владыку вернуть душу, а саму душу чтобы она вместе с ними пошла в дом. Когда бурдюк от вошедшего в него воздуха раздувается, это воспринимается за верный признак того, что душа вошла в бурдюк. Его перевязывают шнуром несут на могилу и там развязав вытряхивают, прося душу воссоединиться со своим телом» [Чурсин 1957: 193-194]. Одним из условий, по представлениям абхазов и карачаевцев, было веселое настроение участников обряда, так как, во-первых, потерянная душа возвращалась в «семью», и во-вторых, душу нельзя обидеть печалью.

Отметим, что, данный обряд по сообщениям наших информантов у абхазов и карачаевцев, проводился еще в середине XX в. в несколько трансформированном виде. Карачаевцы пели специальную песню в честь божества мелкого рогатого скота, и основным знаком того что душа залетела в бурдюк стал считаться крик петуха. У абхазов увеличилось количество музыкантов. Если на рубеже XIX-XX вв. главным музыкантом были те кто играли на флейте и на апхярца, то в XX в. участвовали и музыканты игравшие на струнном инструменте – *ачамгур*. Неизменным у обоих народов оставались импровизированные похороны, после того как пойманную душу воссоединяли с предками.

Забота о душе у народов Северо-Западного Кавказа все еще является важным элементом похоронно-поминальной обрядности. В связи с участившимися случаями автомобильных аварий со смертельным исходом отмечать место ги-

бели родственника специальными знаками. На месте установки знака в память о погибшем карачаевцы совершают *дуа*-молитву, а абхазы обряд поминовения: поднимают заупокойный тост, вылив часть вина на землю перед знаком выпивают. После этого абхазы проводили обряд возвращения души. С того места, где погиб родственник и до дома, где лежало тело, они протягивали нитку, считая, что душа в этом случае не заблудится и по этой нитке найдет дорогу домой [ПМА 2023].

Таким образом, во-первых, существующие параллели в социальной жизни и духовной культуре абхазов и карачаевцев являются результатом активного межкультурного взаимодействия на протяжении длительного времени. Во-вторых, рассмотренный обряд возвращение души утопленника направлен не только, на воссоединение души и тела, но и на сохранение связи между живыми и мертвыми, то есть душа умершего, вне зависимости от места погибели, должна вернуться в семью. В-третьих, правильное совершение ритуала необходимо для восстановления нарушенного смертью порядка в сообществе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Демичев 2007 – *Демичев А.В.* Дискурсы смерти: Введение в философскую танатологию. – СПб.: ИНАПРЕСС, 1997. – 144 с.

Джуртубаев 1991 – *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.

Инал-ипа 1976 – *Инал-ипа Ш.Д.* Вопросы этнокультурной истории абхазов. – Сухуми: Алашара, 1976. – 463 с.

Иоакимов 1873 – *Иоакимов А.* Предрассудки моих учеников (Из жизни пансионеров Сухумской горской школы) // Кавказ. – 1873. – № 66. – С. 2.

Кагазежев, Бгажноков 2011 – *Кагазежев Б.С., Бгажноков Б.Х.* Древнейшие обряды и традиции народов Северного Кавказа в XIX–XX вв. // Известия Кабардино-Балкарского Государственного университета. – 2011. – Т. I. № 4. – С. 82-84

Карачаево-балкарский фольклор… 1996 – *Карачаево-балкарский фольклор* в дореволюционных записях и публикациях / сост., вступ. статья и комментарии А.И. Алиевой; отв. ред. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 432 с.

Лакунова 2016 – *Лакунова Д.Р.* Погребальная практика как отражение культурных кодов абхазо-адыгов // Успехи современной науки. – 2016. – № 9. – Т. 5. – С. 50-54.

Литвякова 2013 – *Литвякова Е.А.* Межкультурные взаимодействия в молодежной среде // Молодежь XXI века: потенциал, тенденции и перспективы. – Екатеринбург, 2013. – Т. 2. – С. 27-30.

Малиновский 2015 – *Малиновский Б.К.* Магия, наука и религия / Пер. с англ. А.П. Хомика. – М.: Академический проект, 2015. – 298 с.

Медведев, Горобец 2014 – *Медведев А.В., Горобец Л.А.* Взаимодействие культур: проблема терминологии // Дискуссия. – № 9 (50). – 2014. – С. 12-17

Нальчикова, Текуева 2019 – *Нальчикова Е.А., Текуева М.А.* Поминальная жертва и поминальная пища в традициях народов Северного Кавказа // Известия СОИГСИ. – 2019. – № 33. – С. 26-37.

ПМА 2015 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия, с. Джгерда, август 2015 (информант – Фейзба Г.К., 1964 г.р.)

ПМА 2017 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Карачаево-Черкесскую Республику, г. Карачаевск, август 2017 (информант Татаркулов А., 1990 г.р.)

ПМА 2019 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия, с. Джгерда, август 2019 (информант Айба Л.Ш., 1959 г.р.)

ПМА 2021а – Полевые материалы автора. Экспедиция в Карачаево-Черкесскую Рес-

публику, с. Хурзук, август 2021 (информант – Бегеулов С.Х., 1964 г.р.)

ПМА 2021b – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия, с. Джгерда, июль 2021 (информант Айба Л.Ш., 1959 г.р.)

ПМА 2022 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Карачаево-Черкесскую Республику, с. Хурзук, май 2022 (информант – Бегеулов С.Х., 1964 г.р.)

ПМА 2023 – Полевые материалы автора. Экспедиция в Республику Абхазия, с. Джгерда, март 2023 (информант – Шларба С.Ш., 1978 г.р.)

Розин 1997 – *Розин В.М.* Смерть как феномен философского осмысления: культурно-антропологический и эзотерический аспекты // Общественные науки и современность. – 1997. – № 2. – С. 170-181.

Смирнов 1997 – *Смирнов Ю.А.* Лабиринт. Морфология преднамеренного погребения. – М.: Восточная литература РАН, 1997. – 279 с.

Храмелов 1903 – *Храмелов И.М.* Кое-что из абхазских поверий. Вылавливание из реки души утопленника // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Издание управления Кавказского учебного округа. – Вып. 32. – Тифлис, 1903. – С. 156-158.

Чернявский 1879 – *Чернявский В.И.* Дополнительная заметка о ловле души утопленника в Абхазии // Природа и охота. – 1879. – № 3. – С. 356.

Чернявский 1879 – *Чернявский В.И.* Ловля душ утопленников в Абхазии // Природа и охота. – 1879. – № 2. – С. 350.

Чурсин 1957 – *Чурсин Г.Ф.* Материалы по этнографии Абхазии. – Сухуми: Абхазское государственное издательство, 1957. – 265 с.

REFERENCES

DEMICHEV A.V. *Diskursy` smerti: Vvedenie v filosofskuyu tanatologiyu* [Discourses of Death: An Introduction to Philosophical Thanatology] – SPb.: INAPRESS, 1997. – 144 p. (In Russ.).

DZHURTUBAEV M.CH. *Drevnie verovaniya balkartsev i karachaevtsev* [Ancient beliefs of Balkarians and Karachays]. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 256 p. (In Russ.).

INAL-IPA SH.D. *Voprosy etnokul'turnoi istorii abkhazov* [Questions of the ethnocultural history of the Abkhazians]. – Sukhumi: Alashara, 1976. – 463 p. (In Russ.).

IOAKIMOV A. *Predrassudki moikh uchenikov (Iz zhizni pansionerov Sukhumskoi gorskoi shkoly)* [The prejudices of my students (From the life of boarders of the Sukhumi Mountain School)]. In: Kavkaz. – 1873. – № 66. – P. 2. (In Russ.).

KAGAZEZHEV B.S., BGAZHNOKOV B.KH. *Drevneishie obryady i traditsii narodov Severnogo Kavkaza v XIX–XX vv.* [The oldest rituals and traditions of the peoples of the North Caucasus in the 19th–20th centuries.]. In: Izvestiya Kabardino-Balkarskogo Gosudarstvennogo universiteta. – 2011. – T. I. № 4. – P. 82-84. (In Russ.).

Karachaevo-balkarskii fol'klor v dorevo-lyutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh [Karachay-Balkarian folklore in pre-revolutionary records and publications] / sost., vstup. stat'ya i kommentarii A.I. Alievoi; otv. red. T.M. Khadzhieva. – Nal'chik: El'brus, 1996. – 432 p. (In Russ.).

LAKUNOVA D.R. *Pogrebal'naya praktika kak otrazhenie kul'turnykh kodov abkhazo-adygov* [Funeral practice as a reflection of the cultural codes of the Abkhaz-Adygs]. In: Uspekhi sovremennoi nauki. – 2016. – № 9. – T. 5. – P. 50-54. (In Russ.).

LITVYAKOVA E.A. *Mezhkul'turnye vzaimodeistviya v molodezhnoi srede* [Intercultural interactions among young people]. In: Molodezh' XXI veka: potentsial, tendentsii i perspektivy. – Ekaterinburg, 2013. – T. 2. – P. 27-30. (In Russ.).

MALINOVSKII B.K. *Magiya, nauka i religiya* [Magic, science and Religion]. / Per. s angl. A.P. Khomika. – M.: Akademi-cheskii proekt, 2015. – 298 p. (In Russ.).

MEDVEDEV A.V., GOROBETS L.A. *Vzaimodeistvie kul'tur: problema terminologii* [Cultural interaction: the problem of terminology]. In: Dis-kussiya. – № 9 (50). – 2014. – P. 12-17. (In Russ.).

NAL'CHIKOVA E.A., TEKUEVA M.A. *Pominal'naya zhertva i pominal'naya pishcha v traditsiyakh narodov Severnogo Kavkaza* [Memorial sacrifice and memorial food in the traditions of the peoples of the North Caucasus]. In: Izvestiya SOIGSI. – 2019. – № 33. – P. 26-37. (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Respubliku Abkhaziya, s. Dzhgerda, avgust 2015 (informant – Feizba G.K., 1964 g.r.) (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Karachaevo-Cherkesskuyu Respubliku, g. Kara-chaevsk, avgust 2017 (informant Tatarkulov A., 1990 g.r.) (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Respubliku Abkhaziya, s. Dzhgerda, avgust 2019 (informant Aiba L.Sh., 1959 g.r.) (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Karachaevo-Cherkesskuyu Respubliku, s. Khurzuk, avgust 2021 (informant – Begeulov S.Kh., 1964 g.r.) (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Respubliku Abkhaziya, s. Dzhgerda, iyul' 2021 (informant Aiba L.Sh., 1959 g.r.) (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Karachaevo-Cherkesskuyu Respubliku, s. Khur-zuk, mai 2022 (informant – Begeulov S.Kh., 1964 g.r.) (In Russ.).

Polevye materialy avtora [The author's field materials]. Ekspeditsiya v Respubliku Abkhaziya, s. Dzhgerda, mart 2023 (informant – Shlarba S.Sh., 1978 g.r.) (In Russ.).

ROZIN V.M. *Smert' kak fenomen filosofskogo osmysleniya: kul'turno-antropologicheskii i ezotericheskii aspekty* [Death as a phenomenon of philosophical understanding: cultural, anthropological and esoteric aspects]. In: Obshchestvennye nauki i sovremennost'. – 1997. – № 2. – P. 170-181. (In Russ.).

SMIRNOV YU.A. *Labirint. Morfologiya prednamerennogo pogrebeniya* [Maze. Morphology of deliberate burial]. – M.: Vostochnaya literatura RAN, 1997. – 279 p. (In Russ.).

KHRAMELOV I.M. *Koe-chto iz abkhazskikh poverii. Vylavlivanie iz reki dushi utoplennika* [Some of the Abkhaz beliefs. Fishing for the soul of a drowned man from the river]. In: Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Izdanie upravleniya Kavkazskogo uchebnogo okruga. – Vyp. 32. – Tiflis, 1903. – P. 156-158. (In Russ.).

CHERNYAVSKII V.I. *Dopolnitel'naya zametka o lovle dushi utoplennika v Abkhazii* [An additional note about catching the soul of a drowned man in Abkhazia]. In: Priroda i okhota. – 1879. – № 3. – P. 356. (In Russ.).

CHERNYAVSKII V.I. *Lovlya dush utoplennikov v Abkhazii* [Catching the souls of drowned people in Abkhazia]. In: Priroda i okhota. – 1879. – № 2. – P. 350. (In Russ.).

CHURSIN G.F. *Materialy po etnografii Abkhazii* [Materials on the ethnography of Abkhazia]. – Sukhumi: Abkhazskoe gosudarstven-noe izdatel'stvo, 1957. – 265 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Р.Ш. Зельницкая – кандидат исторических наук.

Information about the author

R.Sh. Zelnitskaya – PhD (in history).

Статья поступила в редакцию 30.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

ФИЛОЛОГИЯ

Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа)

Научная статья
УДК 821.512
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-192-201
EDN: KJZWDL

СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКИХ ПОВЕСТЯХ ОСМАНА КОРКМАЗОВА

Тамара Шамсудиновна Биттирова
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия, tbittir@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0375-1056

Аннотация. В статье исследуется творчество Османа Коркмазова, представителя карачаево-балкарского ближнего зарубежья, автора трех книг прозы – «И у меня был дом родной», «Тимур», «Кинжал», в которых сделана попытка художественной исторической ретроспективы по нескольким темам. Цель исследования – выявить особенности творчества О. Коркмазова, обусловленного во многом его личной судьбой, также историческими обстоятельствами, вопреки которым он оставался преданным вековым традициям горцев. Новизна исследования видится в том, что в работе впервые вводится в научный оборот творчество О. Коркмазова, анализируются его повести и рассказ, определяется их место в литературе, посвященной теме сталинской депортации. Результаты научного исследования показали актуальность темы, выявили приверженность кавказской тематике и мастерство автора при раскрытии горского характера. Избранный ракурс исследования продемонстрировал важность его для понимания творческих поисков О. Коркмазова и значимость для понимания авторского замысла, а также необходимость дальнейшего изучения нововведений автора в национальную литературу, в первую очередь в эссеистику.

Ключевые слова: карачаево-балкарская эссеистика, О.М. Коркмазов, автобиографическая повесть, «И у меня был дом родной», «Таулу».

Для цитирования: Биттирова Т.Ш. Социально-нравственные проблемы современности в автобиографических повестях Османа Коркмазова // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 192-201. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-192-201. EDN: KJZWDL.

© Биттирова Т.Ш., 2025

Original article

SOCIAL-MORAL PROBLEMS OF MODERNITY IN AUTOBIOGRAPHICAL STORIES OF OSMAN KORKMASOV

Tamara Sh. Bittirova

Institute of Humanitarian Studies – branch of the Kabardino-Balkaria Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, tbittir@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-0375-1056

Abstract. The article introduces for the first time in scientific circulation creativity of Osman Korkmasov – author of three books prose - «And I had a home», «Timur», «Dagger», representative of Karachaevo-Balcarus near abroad, in which an attempt is made at artistic historical retrospective on several topics. The purpose of the study is to reveal the features of O. Korkmazov's creativity, which was due in large part to his personal fate, as well as historical circumstances, despite the fact that he remained faithful to the age-old traditions of the mountain people. The novelty of the research is seen in the fact that for the first time the work introduces into scientific circulation the creativity of O. Korkmasov, its story and story are analyzed, their place is determined in the literature devoted to the topic of Stalin deportation. The results of the scientific research showed the relevance of the topic, revealed the commitment to the Caucasus theme and the author's skill in revealing the mountain character. The chosen angle of research demonstrated its importance for understanding O. Korkmasov's creative searches and relevance for understanding the author's design, as well as the need to further study the author's innovations in national literature, especially in estheology.

Keywords: karachaevo-balcarskaesseistika, O.M. Korkmazov, autobiographical tale, «And I had my home», «Taulu».

For citation: Bittirova T.Sh. Social-moral problems of modernity in autobiographical stories of Osman Korkmasov. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 192-201. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-192-201. EDN: KJZWDL.

© Bittirova T.Sh., 2025

Введение

Актуальность исследования продиктована тем, что изучение диаспоральной литературы позволяет коррелировать представления об интеграционных процессах в национальной литературе в контексте ее современного состояния и является важной теоретической задачей. В этом аспекте представляет большой интерес индивидуальное творчество отдельных авторов зарубежья. Проза Османа Коркмазова – яркий пример попытки передать свое видение прошедших трагических событий в жизни народа через призму детского восприятия, как в повести «И у меня был дом родной», так и разобраться в кавказском менталитете («Тимур», «Кинжал», эссе и рассказы), ибо жизнь его прошла вдали от исторической родины.

Назрела необходимость изучения литературы ближнего зарубежья, которая практически выпала из поля зрения карачаево-балкарских литературоведов. Помимо нескольких публикаций о творчестве Аката Шаваева произведения других авторов малоизвестны или вовсе неизвестны [Шауаланы 2017]. Однако для достижения полноты картины развития национальной литературы на современном этапе необходимо изучение творчества тех, кто, оставаясь в странах ближнего зарубежья после распада СССР, писал как на родном, так и на русском, казахском и киргизском языках о проблемах родного этноса, посвящая свои книги и рукописи пережитым страданиям своего народа, его истории и культуре.

Одним из таких авторов является О.М. Кормазов, творчество которого с трудом находит своего читателя, что связано с отсутствием контактов автора с исторической родиной и недоступностью его книг, поскольку они не имеются на интернет-ресурсах. Прошло более десятка лет после выхода книг и лишь однажды они были оценены в небольшой газетной публикации [Биттирланы 2025].

Для достижения цели исследования необходимо решение следующих задач: 1. Определить диапазон авторского творчества, его тематику и проблематику. 2. Проанализировать основные художественные формы, реализованные в творчестве О. Коркмазова. 3. Выявить связь между историей и современностью в произведениях О. Коркмазова. Для решения поставленных задач использованы сравнительно-сопоставительный и контекстуальный методы, которые сочетаются в статье с принципами историзма, системности и целостности анализа. Материалом исследования стали произведения писателя, изданные в трех книгах: «И у меня был дом родной», «Тимур», «Кинжал».

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы при чтении курсов по истории и теории карачаево-балкарской литературы, при написании монографий и статей, посвященных депортации, также проблемам карачаево-балкарской эссеистики.

Штрихи к биографии

Творчество О. Коркмазова, как любое автобиографическое, во многом было обусловлено его личной судьбой переселенца периода сталинских репрессий, потому и целесообразно отметить главные события его биографии. Коркмазов Осман Маджидович (1937–2012) родился в семье карачаевской городской интеллигенции г. Кисловодска. Отца не стало, когда мальчику не исполнилось и двух лет. Мать мальчика была репрессирована, провела в лагере несколько лет. Вместе с родственниками в ноябре 1943 г. он был депортирован в Киргизию. Окончив семилетку в сельской школе, Осман переехал к дяде в Бишкек и стал учиться в средней школе №12, затем в школе рабочей молодежи. «В 1954 году мне выдали паспорт, поставили в городской прокуратуре на учет, и я стал «полноправным» спецпереселенцем…», – пишет в повести О. Коркмазов [Коркмазов 2008: 125]. В школьные годы участвовал в кружках самодеятельности. Обладая красивым голосом, выступал на школьных мероприятиях, затем – на концертах городской творческой молодежи Бишкека. Учился в вокальной студии при Кыргызском государственном академическом театре оперы и балета, куда был зачислен солистом-стажером в оперную труппу. 1957 г. – участник Всесоюзного смотра художественной самодеятельности в Москве, 1957 г. – участник Всемирного фестиваля студентов и молодежи в Москве. Он обладал очень сильным и выразительным голосом и по совету коллег из Кыргызского государственного театра решил продолжить образование в знаменитой консерватории им. Чайковского. В 1958 г., пройдя большой конкурс, он поступает в Московскую консерваторию им. П.И. Чайковского на отделение «Сольное пение». Молодой парень с первых дней начал активно сотрудничать с коллективом кабинета народного творчества консерватории во главе с В. Хорьковым. На

летних каникулах был командирован в Карачай для записи музыкального фольклора. Осман записал более 50 кассет со старинными народными песнями. Во время сельхозработ на втором курсе сильно простудился. Потеряв голос, был вынужден перейти на отделение «Хоровое дирижирование». По окончании консерватории по распределению Министерства культуры СССР в 1963 г. был направлен на работу в Магадан – на Чукотку, в город Певек. Более 30 лет проработав на дальнем Севере, вернулся в Бишкек, где проживала его многочисленная родня. И его судьба сделала очередной крутой вираж – закончив юридический факультет Киргизского госуниверситета, Осман занялся изучением истории становления административных органов Кыргызстана и в 2011 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию по теме «Правовые проблемы становления местного самоуправления в Кыргызстане». Работал преподавателем юриспруденции в Киргизском госуниверситете до 2012 г. Успел издать три книги – «И у меня был дом родной» (2008), «Тимур» (2010), «Кинжал» (2012).

Повесть «И у меня был дом родной» – Сага о красном патефоне и ее место в карачаево-балкарской литературе, посвященной депортации

Демократизация российского общества в конце XX в. сопровождалась новым осмыслением истории и культуры и обостренным вниманием к национальным духовным ценностям и проблемам, которые не были достаточно освещены. «Несомненный приоритет в решении проблемы «человек и насилие», «человек и драматические события истории» принадлежал поэтам старшего поколения, лично пережившим депортацию: М. Батчаеву, Ю. Каракетову, Д. Кугультинову, К. Кулиеву, М. Мамакаеву, К. Мечиеву, Х.-Б. Муталиеву, К. Отарову, И. Семенову, А. Суюнчеву, Дж. Яндиеву и многим другим. Их произведения отличаются исторически достоверным художественным осмыслением депортации, глубоким психологизмом, пронзительным духовно-нравственным содержанием», – пишет М. Отарова [Отарова 2006: 3].

В числе первых к теме насильственного выселения обратились карачаево-балкарские поэты Кязим Мечиев и Исмаил Семенов, в преклонном возрасте оказавшиеся на чужбине. Следом новыми поколениями писателей были написаны поэтические и прозаические произведения на эту тему. Были изданы сборники документов о насильственной депортации народа, воспоминания очевидцев депортации и жизни в местах выселения, материалы научных конференций [Тебуев 1997; Ахматов и др.; Бейтуганов и др.; Репрессированные народы… 1994].

Особое место в карачаево-балкарской литературе постдепортационного периода занимают произведения о судьбе сироты, поскольку авторы, пришедшие в литературу в 60-е гг., почти все были лишены отцовской заботы, ибо их отцы сложили головы, защищая страну, некоторые потеряли обоих родителей в период депортации. Создана целая галерея портретов сирот, выстоявших вопреки трагическим обстоятельствам. В этом ряду книга «И у меня был дом родной» отличается своей необычной структурой и содержанием. Повесть о жизни маленького горца, на долю которого выпал огромный груз проблем, имеет необычную стилистику – политические сентенции перемежаются с рас-

сказами-эссе о жизни пятилетнего ребенка. Это и книга-памфлет против насилия, против возвращения сталинизма в различных проявлениях и рассказ о тонких чувствах и стойкости ребенка. Она имеет автобиографический характер, и тем не менее автор смог создать «типического героя при типических обстоятельствах». Типизацию гармоничную во всех отношениях. Герой повести отличается от подобных же только своей страстью к музыке и к атрибуту этой любви – красному патефону.

Первое слово, произнесенное малышом, было не «папа» или «мама», как обычно происходит, а «патефон». Он полюбил этот музыкальный инструмент с первых проблесков детского сознания, став постарше, ежедневно слушал пластинки с песнями Руслановой, сам подпевая знаменитым певцам 30–40-х гг.. Мир детства, наполненный любовью большой родни, проживающей в горном ущелье Теберда и в курортном городе Кисловодске, разрушается в один день, когда начинается война. С того дня ведется отсчет борьбе маленького человечка за свой мир, в котором важное место отведено красному патефону – подарку пропавшего отца. В их дворе поселяются артиллеристы, следом приходят чекисты после ареста матери, ищут и не находят клад, ранят мальчика в руку, хотят отнять патефон. На смену красноармейцам неожиданно для мальчика в их двор на окраине Кисловодска вторгаются немцы. Накануне вторжения немцев рана на руке Османа загноилась. Врачи-немцы лечат мальчика, ласково приговаривая непонятные слова. И тут же пьяные солдаты на таком же непонятном, но уже грубом языке, бросаются отнимать его патефон. Опять на помощь Осману приходит немец-офицер и заставляет солдат отдать мальчику его любимый инструмент. Борьба за патефон продолжится уже по пути в депортацию… Символ красного патефона становится мерилом нравственности, когда герой повести борется за него и против нквдшников, и против фашистов. Особенно примечателен эпизод, когда младший лейтенант Миша вместе с Османом спасает патефон от «товарища майора», который не позволяет малышу взять его с собой в изгнание. Всю дорогу от аула до города Осман, сидя в кабине с военными, выселявшими его родню, поет песни Руслановой, и Миша ему подпевает. Песня сдружила их, и младший лейтенант, провожая своего маленького друга, не мог сдержать слез… Автор создает галерею образов военных и нквдшников, которые в самые трагические часы для карачаевского народа показывают и высоту человеческой нравственности, и низость морали вертухаев.

«Путь в изгои» – так называется глава о тяжком пути депортированных до места выселения. Детское сознание не может воспринять всю горечь прощания с родиной. Он лишь замечает важные детали «путешествия»: «Зато после каждой остановки в вагоне становилось все просторней. Мы с двоюродным братом Юсуфом могли уже, никому не мешая, переворачиваться на другой бок. Свободней становилось за счет того, что почти на каждой остановке выносили тех, кто не выдержал эту мученическую, полную лишений жизнь и простился с ней…» [Коркмазов 2008: 173].

Семью тетушки Дубрай, в которой оказался мальчик в день выселения, вывезли в поселок Тёлек на севере Киргизии, и здесь мальчику предстояло провести часть своего детства, а самое главное – здесь произошла долгожданная

встреча с мамой, которую вначале он принял за побирушку, и потом долго не мог привыкнуть к ее объятьям и поцелуям. В какой-то момент, в 1947 г. – в самый тяжелый год депортации, когда голод начал уносить целые семьи, десятилетний мальчик становится добытчиком для своих близких. Он охотится на сусликов, ежей и даже змей, ловит рыбу и становится настоящим охотником, благодаря инвалиду войны Петру, научившему его стрелять из ружья. Автор ставит своей целью показать парадоксы этнического выживания, когда дети вынуждены были находить пропитание для умирающих от голода взрослых.

В повести удивительным образом сплетаются судьбы людей из числа депортированных и киргизов, приютивших их. Они вместе борются с голодом и холодом, с озверевшим комендантом. Мы здесь видим благородного директора школы и учительницу, унижающую детей выселенцев. На маленьком клочке земли под названием Тёлек происходят такие же события, что и на всем пространстве Средней Азии, Казахстана и Сибири, где жили и страдали вчерашние кавказцы… И в самые тяжелые дни, Осман, обменяв шкуры сусликов на пластинки, ставит свой красный патефон и слушает любимых певцов и русские народные песни. Эти песни сближают людей, снимают с них груз тревог и печали.

Повзрослевший автор, исходя из своих взглядов на историко-политические обстоятельства, вникая в историю депортации более десяти народов СССР в разгар Великой Отечественной войны, ищет ответ на вопрос, который задавался миллионами репрессированных – за что? И по убеждению О. Коркмазова, Сталин и Берия исходили из своих националистических целей – расширить территорию Грузии за счет смежных этнонациональных территорий, очищая также внутреннюю Грузию от малочисленных этносов. Он проводит параллели с современной историей и утверждает, что таких же целей преследовали Гамсахурдия и Саакашвили.

По утверждению исследовательницы ингушской литературы Р. Угурчиевой, «по сути, депортированными народы оказались не только физически, но и духовно, морально. Можно без преувеличения говорить о депортированном сознании, депортированной литературе, истории, культуре: синдром депортации сказался буквально во всем и дает о себе знать до сих пор. Тогда, после депортации, произошло какое-то переформатирование мышления, в том числе и художественного, что, естественно, не могло не сказаться на качестве и количестве литературных, исторических, публицистических текстов, произведений. От страха не была свободна сама мысль, этим объясняется тот факт, что большая часть писателей творила в строго заданном формате» [Угурчиева 2019: 84]. В этом отношении повесть О. Коркмазова свидетельствует о свободе авторского сознания, преодолевшего синдром самоцензуры, и, тем более, свободного от цензуры. Для него не существовал «строго заданный формат». Герои его повести вне зависимости от своего социального status quo реализуют свои индивидуальные черты характера. При этом и немцы могут быть добрыми и жестокими, как и советские люди, но автор, тем не менее, осуждает фашистов, несущих смерть и разрушения.

Через два года О. Коркмазов издает следующую книгу – «Тимур», названную в честь главного героя одноименной повести. В нее вошли также повесть «Горец (Таулу)» и небольшая новелла «Так положено».

Автор посвятил повесть «Тимур» своей супруге, и в посвящении он пишет о своей творческой цели: «Повесть о том, что вопреки распространенному ныне мнению, будто времена романтиков и любви безвозвратно канули в Лета и будущее за холодными прагматиками, если и имеет место, то только не в сфере духовных отношений между людьми» [Коркмазов 2010: 3]. Рассуждения о природе любви автор заканчивает сентенцией, обусловленной жизненным опытом: «…помимо дара любить необходим как минимум, еще один дар – умение сохранить любовь и со временем перевести ее в высшую фазу отношений – взаимную потребность друг в друге, основанную на глубоком взаимном уважении…» [Коркмазов 2010: 3].

Повесть также имеет автобиографические черты и продолжает рассказ о жизни повзрослевшего Османа из первой книги. В отличие от первой «Тимур» не имеет социально-политического аспекта и полностью раскрывает темы морально-нравственного содержания. В ней рассказывается история любви главного героя, о его разочарованиях и вновь обретенном высоком духовном чувстве. Попадая в различные жизненные ситуации, герой никогда не забывает о своих корнях, от которых оторвали его жестокие обстоятельства депортации. Из детства сохранилась память о высоких нравственных идеалах горцев Кавказа, он старается им следовать несмотря на то, что герой повести давно живет вне своей этнической среды. Однако жизнь в другой культуре меняет менталитет героя, что ярко проявляется в сцене объявления помолвки Тимура и его невесты. Сидящие за столом родственники и друзья, поздравляя их, кричат «Горько!», и герои целуются. Подобное невозможно у горцев Кавказа, по крайней мере, у карачаевцев и балкарцев.

Вторую повесть книги можно отнести к историко-этнографическому жанру с элементами авантюристического повествования. Здесь главный герой мстит жестоким убийцам родителей. Для этого он отправляется на русско-турецкую войну и служит, проявляя чудеса храбрости и смекалки. Юноша становится воином и царским офицером. Тяжелое ранение заставляет Омара уйти в отставку. Вернувшись домой, Горец – Мурат Орусбиев не только наказывает убийц родителей, но искореняет разбои и грабежи, находя поддержку у властей края. В повести «Таулу» особое место уделяется искренней дружбе горца Мурата и русского офицера Ивана Григорьевича, которых связала судьба воинов-защитников Отечества. И после войны им приходится вместе налаживать жизнь на малой родине Мурата, искореняя разбой, ставший повседневным явлением и бичом для простых горцев.

Повесть имеет публицистический характер, образы статичны, действия главного героя романтизированы, и сама проблема разбоев объясняется «нехорошими людьми». Все было не так однозначно, как описывает О. Коркмазов. Балкарский публицист, юрист и общественный деятель начала XX в. Басият Шаханов посвятил этой теме циклы статей – «Терские дела», «Этюды из туземной жизни», «Терские письма» и др., где в поисках причин разбоев проанали-

зировал положение жителей края и пришел к выводу, что их состояние требует немедленного решения ряда проблем социально-экономического характера.

Иронизируя над поверхностным подходом некоторых авторов в российской периодике к теме разбоев, он писал: «Ах, туземец – вор. Какой ужас, какое безобразие! Надо во что бы то ни стало положить этому конец». И мы начинаем класть «конец» рядом самых суровых репрессий, совершенно упуская из виду, что никакие репрессии не действительны **там, где, прежде всего, требуется кусок хлеба** [Биттирова 2018: 154] и еще: «Самое скверное, что кричи об этом до хрипоты, распинайся до изнеможения, – мы все еще долго-долго с легкомыслием кисейного существа будем бессмысленно и тупо повторять: «Ах, Кавказ, ах, это – гнездо разбойников?» [Биттирова 1996: 8]. Разбои и грабежи на Северном Кавказе, как и по всей России в пореформенный период были вызваны обострением социально-экономической ситуации в стране, что в конце концов привело к революциям и гражданской войне.

Рассказ «Так положено» – эпизод из жизни депортированной карачаевской семьи – иллюстрация положений национального кодекса Ёзден адет. Мать троих сыновей, оказавшись в выселении, трудится с раннего утра до поздней ночи, чтобы уберечь детей от голодной смерти. И случилось чудо: муж, от которого не было вестей после депортации, возвращается живым. Все сбегаются, радуясь счастью Асият и вспоминая своих ушедших на фронт. Но Асият, «закрыв лицо платком, скромно стала в сторонку, хотя душа рвалась в объятья любимого, прижаться к нему и по-женски выплакаться… Но ничего не поделаешь. *Так положено*» [Коркмазов – 2010: 346].

Заключение

Творчество О. Коркмазова вносит существенный вклад в разработку нескольких важных тем карачаево-балкарской литературы. Прежде всего – в отражение темы депортации через призму детского сознания. В текстах также содержится попытка дать характеристику кавказскому сообществу через художественное исследование различных ситуаций. Не всегда старания автора удачны, что объясняется оторванностью его от Родины и неверными представлениями о прошлом.

Диаспоральная литература карачаевцев и балкарцев – в основном поэзия малых жанров, редко встречаются поэмы. Творчество О.М. Коркмазова выделяется среди произведений, созданных в диаспоре ближнего зарубежья, прежде всего тем, что они написаны в прозе, в жанре повести. Несмотря на то, что автор определил жанр своей первой книги как «повесть сердца», по своему объему, динамике повествования, полноте раскрытия образов персонажей «И у меня был дом родной…» является примером романного мышления.

Творчество О. Коркмазова исследовано в соответствии с поставленными целью и задачами, что позволило сделать следующие выводы. В произведениях автора, посвященных депортации карачаевского и других народов, есть несколько концептуальных линий:

– Несправедливость государственных акций, направленных на уничтожение «избранных» этносов, вся вина которых была в том, что они граничили с

Грузией или проживали на ее территории (со своими историческими этническими территориями).

– Коллективное сознание, позволившее выжить в нечеловеческих условиях.

– Благодарность киргизскому народу за доброту и отзывчивость, проявленные в те годы, когда и сам народ был в тяжелых условиях, поскольку все созданное, выращенное их руками, отправлялось на фронт.

– Человек, жаждущий жить и сопротивляющийся обстоятельствам, может найти путь и даже помочь другим выбраться на дорогу жизни. Этим концептуальным линиям подчинены сюжеты и характеры произведений. Повести и рассказы О. Коркмазова стали большим событием для национальных диаспор Киргизии. Впервые в карачаево-балкарской диаспоре написаны такие книги. Написаны талантливо, искренне и эмоционально.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ахматов и др. 1996 – *Ахматов И., Гузеев Ж., Эфендиев С.* Зорлукъ (Насилие). – Нальчик: Эльбрус, 1997. – 370 с.

Бейтуганов и др. 2001 – *Бейтуганов С., Зумакулов Б., Каров А.* Час испытаний. Депортация, реабилитация и возрождение балкарского народа. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 902 с.

Биттирланы Т. 2025 – *Биттирланы Т.Ш.* Сейир къадары болгъан фахмулу уланыбыз («Талантливый соплеменник удивительной судьбы») // Къарачай. – 2025. – 20 янв.

Биттирова 2018 – *Биттирова Т.Ш.* Басият Шаханов. Исследование и тексты. – Нальчик: Фрегат, 2018. – 336 с.

Биттирова 1996 – *Биттирова Т.Ш.* Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX – начала XX в. Избранное в двух томах. – Том II. – Нальчик: Эльбрус, 1996. – 248 с.

Коркмазов 2008 – *Коркмазов О.М.* «И у меня был дом родной». Повесть. – Бишкек: Алтын Принт, 2008. – 250 с.

Коркмазов 2010 – *Коркмазов О.М.* Тимур. Повести и рассказ. – Бишкек: Алтын Принт, 2010. – 400 с.

Коркмазов 2012 – *Коркмазов О.М.* Кинжал. Повесть. – Бишкек: Алтын Принт, 2012. – 350 с.

Отарова 2006 – *Отарова М.Б.* Художественное осмысление проблемы депортации (на материале литератур народов Северного Кавказа и Калмыкии). Автореф. дисс. канд. филол. н-к. – Нальчик, 2006. – 22 с.

Репрессированные народы 1994 – Репрессированные народы: история и современность: тезисы докладов и сообщений 5-й Всероссийской научно-практической конференции 6–7 марта 1994, посвященной 50-летию депортации балкарского народа. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 234 с.

Тебуев 1997 – *Тебуев Р.* Документы Рассказывают. – Черкесск: б/и, 1997. – 344 с.

Угурчиева 2019 – *Угурчиева Р.Х.* Тема депортации в ингушской литературе (штрихи к проблеме) // Культура и цивилизация. – М., 2019. – Том 9. – № 4а. – С. 84–88.

Шауаланы А. 2017 – *Шауаланы Акат*. Белги (Знак). – Нальчик: Эльбрус, 2017. – 89 с.

REFERENCES

AKHMATOV I., GUZEEV ZH., EFENDIEV S. *Zorluk" (Nasilie)* [Violence]. – Nal'chik: El'brus, 1997. – 370 p. (In Russ.).

BEITUGANOV S., ZUMAKULOV B., KAROV A. *Chas ispytanii. Deportatsiya, reabilitatsiya i vozrozhdenie balkarskogo Naroda* [The hour of trials. Deportation, rehabilitation and rebirth of the Balkarian people]. – Nal'chik: El'brus, 2001. – 902 p. (In Russ.).

BITTIRLANY T.SH. *Seiir k"adary bolg"an fakhmulu ulanybyz («Talantlivyi sople-mennik udivitel'noi sud'by»)* [A talented tribesman of amazing destiny]. In: K"arachai. – 2025. – 20 yanv. (In Russ.).

BITTIROVA T.SH. *Basiyat Shakhanov. Issledovanie i teksty* [Basiyat Shakhanov. Research and texts]. – Nal'chik: Fregat, 2018. – 336 p. (In Russ.).

BITTIROVA T.SH. *Karachaevo-balkarskie deyateli kul'tury kontsa XIX – nachala XX v.* [Karachay-Balkarian cultural figures of the late 19th – early 20th centuries.]. Izbrannoe v dvukh tomakh. – Tom II. – Nal'chik: El'brus, 1996. – 248 p. (In Russ.).

KORKMAZOV O.M. *«I u menya byl dom rodnoi». Povest'* ["And I had a home of my own." The story]. – Bishkek: Altyn Print, 2008. – 250 p. (In Russ.).

KORKMAZOV O.M. *Timur. Povesti i rasskaz* [Timur. Novels and short stories]. – Bishkek: Altyn Print, 2010. – 400 p. (In Russ.).

KORKMAZOV O.M. *Kinzhal. Povest'.* [Dagger. The story]. – Bishkek: Altyn Print, 2012. – 350 p. (In Russ.).

OTAROVA M.B. *Khudozhestvennoe osmyslenie problemy deportatsii (na materiale li-teratur narodov Severnogo Kavkaza i Kalmykii)* [Artistic understanding of the problem of deportation (based on the literature of the peoples of the North Caucasus and Kalmykia)]. Avtoref. diss. kand. filol. n-k. – Nal'chik, 2006. – 22 p. (In Russ.).

Repressirovannye narody: *istoriya i sovremennost'* [Repressed peoples: history and modernity]: tezisy dokladov i soobshchenii 5-i Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii 6–7 marta 1994, posvyashchennoi 50-letiyu deportatsii balkarskogo naroda. – Nal'chik: El'brus, 1994. – 234 p. (In Russ.).

TEBUEV R. *Dokumenty Rasskazyvayut* [The documents tell]. – Cherkessk: b/i, 1997. – 344 p. (In Russ.).

UGURCHIEVA R.KH. *Tema deportatsii v ingushskoi literature (shtrikhi k probleme)* [The theme of deportation in Ingush literature (touches on the problem)]. In: Kul'tura i tsivilizatsiya. – M., 2019. – Tom 9. – № 4a. – P. 84–88. (In Russ.).

SHAUALANY AKAT. *Belgi (Znak)* [Sign]. – Nal'chik: El'brus, 2017. – 89 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Т.Ш. Биттирова – доктор филологических наук.

Information about the author

T.Sh. Bittirova – Doctor of Philological Sciences.

Статья поступила в редакцию 14.02.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 14.02.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 82-1/-9
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-202-213
EDN: KZPOZB

ФОРМИРОВАНИЕ ЭТНОДУАЛЬНОЙ СИМВОЛИКИ КАБАРДИНСКОЙ ПОЭЗИИ 1960-х – 1970-х ГОДОВ

Асият Руслановна Борова[1], **Марьям Хажидаутовна Хульчаева**[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.
[1] assbora@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0079-6956
[2] mariam.li.18@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9871-8202

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы связанные с процессами адаптации кабардинской поэзии к контексту русскоязычной литературы в середине - начале второй половины XX в. Авторы анализируют механизмы и способы интеграции этнических эстетических представлений в общее пространство советской культуры, рассматривая два основных механизма данного явления. В исследовании определяется роль фронтирной символики, сформированной ещё в XIX в. русскими классиками и используемой в текстах А. Кешокова – именно его произведения привлечены в качестве объекта исследования – в роли медиаторных единиц представления, обладающих устойчивой семантикой в сознании национального и русскоязычного читателя. В статье также отмечаются те структуры этнического происхождения, которые были адаптированы к идеологическим и концептуальным составляющим советской литературы в период доминирующего влияния доктрины социалистического реализма, восходя при этом к базовым архетипам национальной ментальности и поведенческим кодексам, традиционным для адыгов и, в целом, Северного Кавказа. Сделан вывод о том, что именно творчество А. Кешокова являет собой образец наиболее яркой и функциональной модернизации кабардинской традиционной поэтики, переориентированной поэтом на новую образную базу, структуры которой в его интерпретации приобрели неоспоримый двойственный характер, аутентичный, как в пределах кабардинской, так и русской эстетической рефлексии.

Ключевые слова: новописьманная литература, архетип, фронтир, символика, концепт, кабардинская поэзия, ассоциативный, идентификация, инокультурный, реципиент, этнодуальный, амбивалентный.

Для цитирования: Борова А.Р., Хульчаева М.Х. Формирование этнодуальной символики кабардинской поэзии 1960-х – 1970-х годов // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 202-213. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-202-213. EDN: KZPOZB.

© Борова А.Р., Хульчаева М.Х., 2025

Original article

FORMATION OF ETHNODUAL SYMBOLS KABARDIN POETRY OF THE 1960s – 1970s

Asiyat R. Borova[1], **Maryam Kh. Khulchaeva**[2]
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1] assbora@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-0079-6956
[2] mariam.li.18@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9871-8202

Abstract. The article explores the processes of adapting Kabardian poetry to the setting of Russian-language literature throughout the middle and early second half of the twentieth century. The authors analyze the mechanisms and methods of integrating ethnic aesthetic ideas into the general space of Soviet culture, considering two primary mechanisms of this phenomenon. The study determines the role of frontier symbolism, formed back in the 19th century by Russian classics and used in the texts of A. Keshokov - it is his works that are involved as the object of study - as mediator units of representation that have stable semantics in the minds of the national and Russian-speaking reader. The article also notes those structures of ethnic origin that were adapted to the ideological and conceptual components of Soviet literature during the period of the dominant influence of the doctrine of socialist realism, while going back to the basic archetypes of national mentality and behavioral codes traditional for the Circassians and, in general, the North Caucasus. The authors of the article concluded that it is the work of A. Keshokov that is an example of the most vivid and functional modernization of Kabardian traditional poetics, reoriented by the poet to a new figurative base, the structures of which in his interpretation acquired an undeniable dual character, authentic, both within the Kabardian, and Russian aesthetic reflection.

Keywords: newly written literature, archetype, frontier, symbolism, concept, Kabardian poetry, associative, identification, foreign culture, recipient, ethnodual, ambivalent.

For citation: Borova A.R., Khulchaeva M.Kh. Formation of ethnodual symbols Kabardin poetry of the 1960s – 1970s. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 202-213. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-202-213. EDN: KZPOZB.

© Borova A.R., Khulchaeva M.Kh., 2025

Развитие литератур новописьменных народов, как правило, предполагает массированное заимствование культурных архетипов и устойчивой символики из так называемых донорных. По отношению к системам словесности Северного Кавказа таковой с начала XIX столетия была русская и русскоязычная художественная словесность. Явление это отмечено в многочисленных исследованиях [Гачев 2023], и дискуссии не подлежит. Однако история взаимодействия новописьменных литератур с донорным ареалом отмечена и обратным процессом – проникновением в русское эстетическое сознание элементов этнического происхождения, восходящих к представлениям немногочисленных народов. При этом данный процесс подразумевает не «...фактическое их использование русскими поэтами, а процесс адаптации русского национального мировоззрения, в ходе которого некоторые константы этики, морали, эстетики народов Северного Кавказа, в частности кабардинцев, становились приемлемыми архетипами текстов, предназначенных для восприятия в контексте русской культуры» [Борова 2020: 280].

Явление дрейфа эстетических формант русского художественного мышления и общего тезауруса русских литературных концептов и образов началось достаточно давно, еще в период «становления российско-кавказского культурного фронтира» [Хашхожева 1989: 13], и основная роль в этом движении принадлежит русским классикам. Понятно, что такие примеры, как творчество Коста Хетагурова или Дмитрия Кодзокова заметного вклада в общий фонд художественных структур не внесли. Дореволюционные авторы, в основном, пользовались наработанными ранее образными группами. Однако в советское время ситуация изменилась, короткий этап революционно-просветительского творче-

ства, лозунговой агитационной литературы, уже в конце 30-х гг. закончился, и «национальный авторы обратились к своим этническим истокам, своему фольклору – закономерно, к своим наборам образности и символики» [Толгуров 1991: 116]. Естественно, до выхода поэтов северного Кавказа на общий государственный уровень явление обратного влияния было малозаметным, но, уже в первые послевоенные десятилетия, литературы народов Северного Кавказа и юга России в целом, идентифицировались с рядом имен, получивших всесоюзное признание и известность.

Разумеется, речь не шла о создании нового объектного окружения и абсолютно новой образной системы; проблема заключалось в адаптации национальной устойчивой символики к концептам, идеологии и эстетическому строю русскоязычной советской поэзии. И, в данном аспекте, в границах адыгского культурного ареала и, в целом, Северного Кавказа, особую роль сыграло творчество А. Кешокова. «Его вхождение в круг находящейся в обороте символики образных структур русской поэзии было наиболее органичным и свободным, прежде всего, в силу апперцептивной близости его художественных представлений к классике русской поэзии» [Сокуров 1969: 223].

Устойчивые образы этнического происхождения, включенные в его произведения, можно разделить на несколько типов: во-первых, устойчивая лирическая канва стихотворений поэта выстраивается вокруг символики культурно-ассоциативного характера. Это такие знаковые мемы, как "Отчизна", "любимая", "правда", "защитник", "верность", "земля", "Родина" и целый ряд других, присутствующих в большинстве его текстов и организующих их семантическое поле и полностью интегрированных в идеологическую и концептуальную панораму русской и советской поэзии. Особо значимым признаком этих универсалий является их аутентичность – семантическая и эмоциональная – как для адыгской, так и для русской поэтики. Примечательно, что в пространстве русского восприятия подобные единицы служат носителями национальный окрашенности текста, придавая ему региональный и культурный колорит:

«Положи седло на моего коня,
Ты мой младший брат.
Мне сказали идти на войну,
Направляюсь в сторону Терека…
…Если я упаду с седла,
И останусь в поле,
Напевая мою песню,
Не дай красавице меня забыть» [Державин 1872: 19] – достаточно иллюстративный образец культурной амбивалентности.
«Положи седло на моего коня,
Ты мой младший брат».

Недвусмысленное обращение к нормам адыгского этикета – даже в обыденной жизни «кабардинцы соблюдали принципы патернализма» [Бларамберг 1992: 83], в приведенном же отрывке мы наблюдаем, как этот норматив приобретает оттенок воинских взаимоотношений и отсылает читателя к богатейшему

пласту воинской культуры адыгов. Подобная апелляция уточняет смысл всего стихотворения, придает ему особую направленность и пафос, так как «адресует сознания читателя к нормам такого этнического института, как кровная месть» [Броневский 1823: 118].

И очевидно, что иноязычный реципиент, если и не осознает в полной мере эмоциональное содержание стиха, то, по крайней мере, правильно интерпретирует сам ход лирического переживания. Затем в оригинале текста мы сталкиваемся с традиционным для русской поэзии формальным и семантическим оборотом – призывом идти на войну, адаптированным к местному пространству топонимическим указанием «в сторону Терека». И вот этот смысловой период произведения, казалось бы, не может относиться к адыгской сфере представлений, так как в традициях и нормах воинских сословий, как у кабардинцев, так и у других народов региона, участие в схватках и в войне была делом чести. Сама попытка активизировать мужчину на защитные действия могла быть воспринята в качестве оскорбления. Попросту говоря, фраза «мне сказали идти на войну» была аномальной в границах этнического кодекса чести, недопустимой для адыгского дворянина, функциями которого и являлось решение прямых силовых конфликтов, только так он сохранял свой социальный статус – лишь при абсолютной готовности к принятию боя. Эта поведенческая черта являлась, в сущности, идентификационным маркером «принадлежности к этносу на определенном сословном уровне» [Клапрот 2008: 209].

С этой точки зрения приказ идти на войну, в принципе, недопустим, и видится элементом взаимоотношений, присущих армейской дисциплине нового уровня, никак не свойственным феодальному индивидуализму традиционного адыгского общества, но обязательным в регулярной армии Российской Империи или Советского Союза. Тем не менее, это были годы, на протяжении которых кабардинские поэты и, прежде всего, Алим Кешоков, создавали семантические структуры переходного вида, и его категорический посыл – призыв на войну – уже не был неприемлемым варваризмом в общем объеме адыгской этики. И, как уже говорилось, скорее, воспринимался в качестве меты государственной идентификации народа, признака его принадлежности определенному обществу к определенным государственным устоям.

Нет никакого сомнения в том, что кабардинский поэт адресно и вполне осознанно проводил отбор используемых образных структур, это доказывается сравнением того семантического наполнения, которое вкладывалось в тексты автором с одной стороны, с другой – со смыслами, видимыми русскоязычному читателю и русскоязычному специалисту. Многое показывает, например, сравнение подстрочников и художественных переводов текстов А. Кешокова. Здесь мы наблюдаем регулярные примеры образного и ассоциативного пересечения:

«Выбирая из множества дорог
И примеряя (обдумывая) советы (варианты),
Похожие на две слившиеся реки,
Наша Кабарда к России
Навечно присоединилась…
…У Родины было много проблем

И это подогревало наше мужество.
Когда люди плакали (причитали) от голода,
Настало (пришло) время и день,
И Россия зажгла тот огонь.
Нашего великого Ленина слово
Русские принесли на наши равнины…"[Кешоков 2004: 161]
(подстрочный перевод наш – А.Б.)

Те же строки в профессиональном переводе В. Цыбина:

«Не отделить бег звонкого ручья
От речки… Кабарда – одна струя
Реки той самой, что зовут – Россия!
Пути-дороги, радость и печаль
Сошлись по воле судеб…
…Хранят легенды память всей земли
О тех путях, что вместе мы прошли.
Когда Россия ленинскою стала,
В один союз народы все слились.
Путь прям, как луч,
Прекрасна наша жизнь,
Хоть мы дорог уже прошли немало…» [Кешоков 1982: 117].

Сравнение русскоязычного варианта с прототипом показывает: при больших смысловых расхождениях, при значительной разнице в эмоциональных и сензитивных оттенках образности стихотворения, его концептуальная суть схвачена переводом достаточно близко к авторскому варианту. Суть художественной декларации Кешокова – представление о единстве России и Кабарды, процветания народа под эгидой и защитой огромного государства, убеждение в перспективности будущего существования этноса в границах России.

Близость авторских топологических представлений Кешокова традиционным русским образам и символике становится еще более понятной, если принять во внимание тот факт, что постоянный мем русской духовности – «дорога-путь» – для адыгского стихотворца, как, впрочем, и для любого представителя Северного Кавказа, требовал адаптации к национальному контенту. В составе базовых архетипов кабардинцев стационарная наземная дорога отсутствовала – ввиду того простого обстоятельства, что «до начала XIX-го века народ не имел стационарных поселений» [Хашхожева 1989: 14] и, соответственно, не нуждался в постоянных дорогах. Для представителей народов Северного Кавказа, во всяком случае, для многих из них, дорога всегда ассоциировалась с рекой, ибо в подавляющем большинстве случаев пролегала вдоль нее, что, собственно, и отразилось в цитируемом отрывке.

Сочетание архетипа пути, данного в стихотворении в адаптированном виде с распространенными советскими эмблемами «ленинская», «Россия», «союз народов», «прямой луч» делает замысел произведения вполне легитимным в идеологическом плане, пусть даже совершенно далеким от традиционных этнических смысловых оттенков, связанных с набеговой практикой кабардинского

дворянства. В целом, в первые послевоенные десятилетия архетип дороги в поэзии Кешокова все более приближается к классическим трактовкам советской эстетики, постепенно изживая наиболее отдаленные смысловые нюансы, совершенно нерелевантные для передачи политически корректного содержания.

И следует отметить, что часть семантики кабардинского архетипа "путь" удивительным образом вписывается в тот сектор представлений о дороге, который в русском поэтическом сознании становится традиционным и сквозным, начиная со становления единой государственной системы Российской Империи. Речь идет об осмыслении дороги, как локуса невозвратного передвижения, как воплощения тоски и скорби. Последнее, хотя не было свойственно в полном объеме кабардинской культуре, все же, достаточно очевидно соотносилось с мотивом пренебрежения к собственной жизни, суицидальностью дворянского кодекса воинской чести. Напомним, что кабардинские орки уходили в набег, не преследуя каких-либо материальных преференций, но особо ожидая славной смерти, которая должна отразиться в песенном фольклоре народа и его памяти.

«Горестные» тюремные песни занимали значительное место в русскоязычной поэтической традиции, прежде всего, народной. Были среди них ярко выраженные тексты с декларацией предпочтения свободы и смерти существованию в неволе. Эти мотивы неочевидным образом перешли идеологически контент революционных обществ, даже Владимир Ильич Ленин, несмотря на рафинированный облик святого от коммунизма, старательно насаждавшийся на протяжении семидесяти с лишним лет, был вполне знаком как с тюремным бытом, так и с тюремным жаргоном [Артюнов 1999: 241]

Как мы и отмечали ранее: «Совпадение определенных – пусть ограниченных – семантических секторов в части концептуальных представлений на том архетипическом уровне, который можно назвать уровнем устойчивых поэтических мотивов, позволяло Кешокову адекватно донести до русскоязычного и национального читателя высшие смысловые эшелоны создаваемых им произведений. Идея, общее развитие лирического сопереживания, морально-этический посыл, целостность эстетического замысла – всё это в достаточной степени сохранялось в переводах Кешокова, что для поэта, по всей видимости, свидетельствовало о правильности направления его творческого поиска» [Борова 2020: 289].

Адаптивная эволюция традиционных образов кабардинской словесности к русскому опыту восприятия закономерно проходила в процесс разрешения оппозиции рефлекторного характера. Употребление очевидных в своем смысловом наполнении стабильных символов и архетипов позволяла адыгскому писателю корректировать сам характер восприятия произведения на абстрактно-рациональном уровне. Это был кратчайший путь к интеграции, действенный способ органичного вхождения специфического национального эстетического сознания и мироощущения в общий контекст поэзии советского союза, выход на большого русскоязычного читателя. С другой стороны, заслуга Кешокова – и в попутном изменении эстетических стандартов кабардинского художественного мышления, в результате которого новая советская символика и образность идеологического плана перестали восприниматься как нечто чуждое.

Ещё одной схемой выстраивания переходных образных систем было использование в текстах Кешокова того фонда символики и эмблематики, который был разработан в границах фронтирной зоны классиками русской литературы. Проблема заключалась в том, что для русских литераторов XIX в. объекты, имевшие в их представлениях отношение к Северному Кавказу, в реальности не были элементами культуры и быта данного региона. Более того – большинство деталей «литературного» кавказского быта, собственно, к народам Кавказа и их языкам отношения не имела. Зачастую они представляли собой авторские инновации, вошедшие в орбиту русской поэзии, прежде всего, как апелляции к античной семантике, либо, как умозрительные образцы идентификаторов романтизма в искусстве и общем мировосприятии. Попросту говоря, ни один из народов Северного Кавказа не знает таких названий предметов и объектов, как «сакля», «папаха», «аул» и еще целого ряда подобных им, уверенно обжившихся в текстах русских романтиков.

Употребление кавказской объектности в русской романтической литературе, а можно даже сказать, в более ранней – в барочных произведениях – было не более, чем средством локализации поэтической Ойкумены, как, например, у Державина, упоминающего Каспийское море – «море стеклянно лежащее в тени златых гор» [Державин 1872: 19]. В других случаях объектность Кавказа выступает в роли обязательного антуража романтического действия и также не имеет ничего общего с реальностью – ни «мрачные теснины», ни «темные бездны», ни «бурные потоки» не являются описаниями ландшафта региона, кстати, совершенно незнакомого русскому писателю конца XVIII – начала XIX вв. Это сугубо умозрительное представление романтического пространства, должного быть, в соответствии с канонами школы романтизма, необычным и поражающим воображение.

Принципы идентификации этнической принадлежности закономерно меняются в поэзии национальных авторов, имплантировавших в сферу поэтического интереса русской советской поэзии новые предметы и понятия в качестве функционирующих объектов и символов со своим аутентичным семантическим наполнением. В поэзии Алима Кешокова этот процесс принял свои наиболее явные и иллюстративные формы.

Модернизация фонда русской фронтирной символики оказалось весьма продуктивной, тем более, в условиях давления и предпочтения социалистических концептов борьбы, преодоления, свободы. Архаичные архетипы кабардинской словесности приобретали в творчестве Кешокова совершенно новые черты, к слову, такой сквозной символ народной поэзии, как "всадник", как нельзя более пришёлся ко двору в советских текстах, выстроенных на мотивах борьбы, стремления вперед и подчеркнутого пренебрежения к соображениям витального плана. Обращение кабардинского поэта к архетипу всадника приобрело многообразные формы, так, первым из приемов Алима Кешокова стало сопряжение и сопоставление его со знаковыми раритетными форматами русской культуры, в свою очередь, также имевшими некий воинский и даже суицидальный оттенок:

«…Поручик Лермонтов! Седлай!
Я – среди твоих попутчиков-всадников», [Кешоков 2004: 161]
«…Ты седлаешь нашего адыгского коня.
Седлаешь и скачешь в гору.
Два всадника (рядом с тобой): я и Кайсын…
…Мы тебя выбрали впереди идущим всадником…» [Кешоков 2004: 158]

В этом же ряду – употребление устойчивых образов в их условно поэтическом осмыслении. В таких случаях поэт нередко прибегает к прямому сопряжению иллюзорных культурных трактовок, переводя их в плоскость этического и общецивилизационного рассмотрения:

«…Я сравниваю язык с тропою всадника.
Даже если она узкая, она доходит до станции…
…Сойди с коня, езжай на поезде…
…Не пересекая тропу всадника,
Я не смог выйти на большую железную дорогу.
Не выучив адыгский язык,
Я не смог бы выучить русский…» [Кешоков 2004: 156]

Регулярной становится модель, в рамках которой художник представляет книжный образ, оснащая его конкретикой осязаемых и сензитивно значимых деталей. В подобных образцах лирического сопереживания материальность традиционного представления корректирует общий лирический строй, базой которого являются понятийные ассоциативно-культурные апелляции:

«На место, где сидят кривоносые орлы,
Вынес меня мой быстроногий чёрный конь,
Я опираюсь на седло,
Вынув носок из стремени…
…Стою один я у обрыва.
Как ты красив, мой светлый край.
Когда я смотрю на это, моё сердце отдыхает,
Это настолько величественно, что дух захватывает…» [Кешоков 2004: 102]

Впрочем, необходимо отметить, что в реальной жизни кабардинского народа всадник был уже в прошлом. После формирования колхозов в самом начале тридцатых годов весь домашний скот, включая и верховых животных, был обобществлен и из факта повседневной жизни всадник, практически, исчез. В социалистической действительности верховой человек мог восприниматься, скорее, в качестве некоего статусного явления, рядовые жители сельской местности в подавляющей своей массе не имели возможностей использовать лошадь под седло.

Интерес кабардинского поэта к данному образу, потерявшему свою жизненную актуальность, объясняется очень просто: он воспринимал его, как средство выражение, разработанное и детализированное еще в XIX в. русскими классиками, а потому, априори, релевантного восприятию русского читателя. Внутренняя трансформация творческого мышления Кешокова, по всей видимо-

сти, настоятельно требовало интеграции в огромное культурное пространство российской литературы, литературы на русском языке, и он, скорее всего, адаптацию национальной символики оценивал, как свою творческую сверхзадачу. Об этом можно судить, сравнивая манеру употребления специфических этнических поэтических единиц в указанный период с тем, как это было на более ранних этапах творчества.

Уже в первое послевоенное десятилетие Алим Кешоков заметно изменил манеру и способ употребления этнических символов и адыгских культурных мемов. Он резко ограничил их количество в своих текстах, а, также, кардинально увеличил частотность общекультурных ассоциативных представлений, дуальность которых очевидна, и они, ни в коем случае, не могут быть признаны сугубо национальными единицами выражения.

На начальных стадиях своего творчества, то есть, в тридцатых-сороковых годах кабардинский поэт использовал фольклорные эпические структуры с завидным постоянством. Имена героев адыгского эпоса, топонимика нартских сказаний, мотивы и концепты эпического происхождения, такие, как «Сосруко», «Сатаней», «Путь всадника», «Арик», «Тлепш», определяют этническое лицо произведений. Именно они выделяют тексты поэта из общего ряда советской поэзии выступая в качестве атрибутивных элементов как индивидуального стиля, так и национального:

«…Моя кольчуга – это труд Тлепша,
Мечтаю отдохнуть на груди
Красавицы Сатаней…
…Кто Сосруко любит,
Не станет для меня гостеприимным хозяином,
И саны нет в его бочонке.
Мой конь из породы Альпов…» [Кешоков 2004: 95]

Перед нами – текст, датированный сороковыми годами. Следующий пример – стихотворение начала 60-х гг., разворачивающее, практически, тот же самый лирический алгоритм, базирующийся на сожалении об утерянном чувстве и надежде на его возобновление:

«Ухватившись за концы полумесяца,
Я на синем небосводе осматриваюсь.
И, потеряв твой образ,
Тревожусь (волнуюсь)…
…Если я когда-то не решился, замешкался,
Я семь дорог потом в один день пересёк (прошёл).
Если я вышел в путь черноусым,
Я встретился с тобой уже белобородым» [Кешоков 2004: 95].

И, хотя в цитируемом отрывке нет явных маркеров кавказской культуры, стихотворение зрелого Кешокова, бесспорно, может быть воспринято русскоязычным читателям абсолютно определенно – как ареально, так и этнически. Здесь метами национальной принадлежности выступают уже не поэтические

объекты, а, скорее, их функциональное и предикативное своеобычие. В этом смысле весьма показательными можно считать и «хватку за концы полумесяца» и «пройдено в один день семь дорог» и достаточно редкое для русского контента сопряжение «черноусый-белобородый».

Кешоков середины прошлого века погружен в среду объектов и поэтических представлений, одинаково понятных адыгскому и русскому читателю; художник делает ставку на фронтирную символику уже знакомую и многократно осмысленную в границах русской культуры и, в то же время, определенно соотносящуюся в адыгском контексте с концептуалистикой и мировосприятием своего народа. Фонд подобных единиц кабардинского поэта постоянно расширялся и, фактически, был способен охватить любые стороны бытия, к тому же Кешоков представляет различные качества поэтических объектов, что, конечно же, увеличивает рефлективный ресурс его стиха:

«Мой отец был одет в большую черкеску,
Я помню белогубые газыри,
Та черкеска – дело рук моей матери –
Умела шить, если было настроение.
Если отец садился на коня – черкеска была его одеждой,
Каждый газырь был одним дуплом (вместилищем) пороха,…
…По черкеске определяли, какого он рода.
Если привозили убитого мужчину,
Укрыто лицо его было полой черкески…» [Кешоков 2004: 135].

Поэт рассматривает специфический национальный объект – черкеску – в различных аспектах, каждый раз внося в его содержание новые семантические оттенки. Черкеска и до Кешокова обладала своим набором ассоциаций в русском духовном пространстве, но кабардинский автор повышает уровень ее вариативности, обогащая классическое содержание предмета новыми параметрами, и, в то же время, не теряя связи с полем этнической ассоциативности. Что обращает на себя внимание – каждая новая интонация, каждое упоминание тех или иных сторон объекта совпадают с формальным членением на строки, и это, вне всякого сомнения, облегчает процесс восприятия инокультурного реципиента, сводя на нет экзотическую составляющую таких фрагментарных и действительно непривычных русскому сознанию образов, как «белогубые газыри».

Подобных образцов совмещения рефлективных схем этнического и русского происхождения в стихах Алима Кешокова в указанный период настолько много, что их с полным основанием можно принять за главную стилеобразующую черту его поэтики. Центральным же моментом текстов этих годов следует признать его осознанное стремление локализации своих образных фондов и ассоциативных структур в границе двух культурных пространств. Сама многочисленность подобных дуальных и амбивалентных в рефлективном плане формант говорит, что это был осознанный процесс формирования новой поэтической, новой эстетической идентичности.

И, подводя краткий итог нашему обзору одной из сторон творчества Алима Кешокова 60-х – 70-х гг. прошлого века, можно констатировать, что именно

этот период оказался временем окончательной интеграции кабардинских художественных представлений в большую советскую литературу, а в более широком плане – временем окончания ученического периода новописьменных литератур, и перехода их на новую эволюционную стадию, знаменующуюся становлением феномена обратного воздействия, в рамках которого шло не только обогащение литературы малых народов СССР, но и проникновение архетипов, символики и концептов этнических меньшинств государства в большую русскоязычную советскую литературу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Арутюнов 1999 – *Арутюнов А.* Досье Ленина без ретуши. – М.: Вече, 1999. – С. 241-242.

Бларамберг 1992 – *Бларамберг И.* Кавказская рукопись. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1992. – 239 с.

Борова 2020 – *Борова А.Р.* Сквозные образные линии адыгской художественной словесности: генезис и развитие. – Назрань, ООО «КЕП», 2020. – 455 с.

Броневский 1823 – *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. В 2-х ч. – Ч. I. – М.: Типография Селивановского, 1823. – 280 с.

Гачев 1989 – *Гачев Г.Д.* Неминуемое. Ускоренное развитие литературы. – М.: Художественная литература, 1989. – 430 с.

Державин 1872 – *Державин Г.*Р. Сочинения. – СПб.: Изд-во Имп. АН, 1872. – Т. 7. – 905 с.

Кешоков 2004 – *Кешоков А.* Собр. соч. В 6 т. Т.1. Стихотворения и поэмы (на каб.яз). – Нальчик: Эльбрус, 2004. – 176 с.

Кешоков 1982 – *Кешоков А.П.* Собр. соч. в 4-х т. – М.: Художественная литература, 1982. – 607 с.

Клапрот 2008 – *Клапрот Ю.* Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. – Нальчик.: Эль-Фа, 2008. – 209 с.

Сокуров 1969 – *Сокуров М.Г.* Лирика Алима Кешокова. – Нальчик, Эльбрус, 1969. – 223 с.

Толгуров 1991 – *Толгуров З.Х.* В контексте духовной общности. – Нальчик: Эльбрус. 1991. – 285 с.

Хашхожева 1989 – *Хашхожева Р.Х.* Хан-Гирей. Жизнь и деятельность. Предисловие к кн. Хан-Гирей. Черкесские предания. – Нальчик: Эльбрус, 1989. – 285 с.

REFERENCES

ARUTYUNOV A. *Dos'e Lenina bez retushi* [Lenin's dossier without retouching]. – M.: Veche, 1999. – S. 241-242. (In Russ.).

BLARAMBERG I. *Kavkazskaya rukopis'* [The Caucasian Manuscript]. – Stavropol': Kn. izd-vo, 1992. – 239 p. (In Russ.).

BOROVA A.R. *Skvoznye obraznye linii adygskoi khudozhestvennoi slovesnosti: gene-zis i razvitie* [End-to-end figurative lines of the Adyghe literary literature: genesis and development]. – Nazran', OOO «KEP», 2020. – 455 p. (In Russ.).

BRONEVSKII S. *Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze* [The latest geographical and historical news about the Caucasus]. V 2-kh ch. – Ch. I. – M.: Tipografiya Selivanovskogo, 1823. – 280 p. (In Russ.).

GACHEV G.D. *Neminuemoe. Uskorennoe razvitie literatury* [The inevitable. Accelerated development of literature]. – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1989. – 430 p. (In Russ.).

DERZHAVIN G.R. *Sochineniya* [The essays]. – SPb.: Izd-vo Imp. AN, 1872. – T. 7. – 905 p. (In Russ.).

KESHOKOV A. *Sobr. soch. V 6 t. T.1. Stikhotvoreniya i poemy (na kab.yaz)* [Collected works. In 6 vols. Vol. 1. Poems and poems (in German)]. – Nal'chik: El'brus, 2004. – 176 p. (In Russ.).

KESHOKOV A.P. *Sobr. soch. v 4-kh t.* [Collected works in 4 vols.], – M.: Khudozhestvennaya literatura, 1982. – 607 p. (In Russ.).

KLAPROT YU. *Opisanie poezdok po Kavkazu i Gruzii v 1807 i 1808 godakh* [Description of trips to the Caucasus and Georgia in 1807 and 1808]. – Nal'chik.: El'-Fa, 2008. – 209 p. (In Russ.).

SOKUROV M.G. *Lirika Alima Keshokova* [Lyrics by Alim Keshokov]. – Nal'chik, El'brus, 1969. – 223 p. (In Russ.).

TOLGUROV Z.Kh. *V kontekste dukhovnoi obshchnosti* [In the context of a spiritual community]. – Nal'chik: El'brus. 1991. – 285 p. (In Russ.).

KHASHKHOZHEVA R.KH. *Khan-Girei. Zhizn' i deyatel'nost'. Predislovie k kn. Khan-Girei. Cherkesskie predaniya* [Khan-Giray. Life and work]. – Nal'chik: El'brus, 1989. – 285 p. (In Russ.).

Сведения об авторах:

А.Р. Борова – доктор филологических наук, профессор.

М.Х. Хульчаева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

A.R. Borova – doctor of sciences (Philology), professor.

M.Kh. Khulchaeva – PhD (in philology), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 29.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 29.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-214-228
EDN: LKJMTE

ОБРАЗЫ-СИМВОЛЫ В РОМАНЕ АЛАНА ЧЕРЧЕСОВА «ВЕНОК НА МОГИЛУ ВЕТРА»

Мадина Андреевна Хакуашева
Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия dinaarma@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1290-6649

Аннотация. В статье представлен литературоведческий анализ образов-символов как наиболее выразительных художественных средств в романе «Венок на могилу ветра» современного русскоязычного осетинского прозаика Алана Черчесова. Благодаря символике в том числе формируется мифо-эпический идиостиль, необходимый для реконструкции особого жанра романа-мифа, специфического для современной северокавказской литературы. Подобная жанровая принадлежность обусловливает типично анимистических проявления героев А. Черчесова. Актуализируя современные нравственные и психологические проблемы, автор оставляет своих героев в рамках в архаических традиционных обществах. Тем самым демонстрируются удивительно устойчивые паттерны сознания, сложившиеся в доисторическую эпоху. Наиболее рельефными символами выступают такие образы как мертвый ветер, река, время, дорога, пейзаж, яйцо. В романе представлен архетипический дуальный образ нового культурного героя и антигероя (Ацамаз-Казгери), собирательные персонажи, отображающие позитивную и негативную стороны цивилизации.

Ключевые слова: Черчесов, поэтика, роман-миф, образы-символы, метафора, мифо-эпический, хронотоп.

Для цитирования: Хакуашева М.А. Образы-символы в романе Алана Черчесова «Венок на могилу ветра» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 214-228. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-214-228. EDN: LKJMTE.

© Хакуашева М.А., 2025

Original article

IMAGES-SYMBOLS IN ALAN CHERCHESOV'S NOVEL «A WREATH ON THE WIND'S GRAVE»

Madina A. Hakuasheva
The Institute of Humanitarian Studies is a branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia, dinaarma@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1290-6649

Abstract. The article presents a literary analysis of symbolic images as the most expressive artistic means in the novel «A Wreath on the Grave of the Wind» by the modern Russian-speaking Ossetian prose writer Alan Cherchesov. Symbolism, among other things, forms a mytho-epic idio-

style, necessary for reconstructing the myth-novel, a genre specific to modern North Caucasian literature. Such genre affiliation determines the typically animistic manifestations of A. Cherchesov's heroes. Actualizing modern moral and psychological problems, the author leaves his heroes within the framework of archaic traditional societies. Thus, surprisingly stable patterns of consciousness that developed in the prehistoric era are demonstrated. The most prominent symbols are such images of dead wind, river, time, road, landscape, egg. The novel presents an archetypal dual image of a new cultural hero and antihero (Atsamaz-Kazgeri), collective characters reflecting the positive and negative sides of civilization.

Keywords: Cherchesov, poetics, novel-myth, images-symbols, metaphor, mytho-epic, chronotope.

For citation: Hakuasheva M.A. Images-symbols in Alan Cherchesov's novel «A wreath on the wind's grave». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 214-228. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-214-228. EDN: LKJMTE.

© Hakuasheva M.A., 2025

Алан Черчесов – автор четырех романов, два из которых – «Венок на могилу ветра» и «Вилла Бель-Летра» – в разные годы входили в шорт-лист премии «Русский Букер».

Первый роман Алана Черчесова «Реквием по живущему» обратил на себя внимание отечественных и зарубежных критиков. Он выходил на русском и немецком языках, имел широкий общественный и профессиональный резонанс. Второй, наиболее известный роман А. Черчесова «Венок на могилу ветра» (2000), вышедший в «Мастер-серии» санкт-петербургского издательства «Лимбус-Пресс», – вторая часть осетинской дилогии Алана Черчесова, был удостоен премии Аполлона Григорьева, отмечен малой премией Академии русской современной словесности и финалом Русского Букера. Основная сюжетная линия, связанная с образом Одинокого – главного героя обоих романов, доводится до логического завершения. При этом роман «Венок на могилу ветра» – совершенно самостоятельное произведение, сохранившее преемственность разве что в легко различимой художественной манере А. Черчесова.

В арсенале писателя – рассказы, научные и публицистические статьи на русском, английском, немецком, французском и фламандском языках.

В предисловии, опубликованном в журнале «Знамя», сам автор объяснял собственное оригинальное название романа, за которым стоит «стремление возложить венок на могилу российского постмодернизма», имея в виду «ветреную» сущность этого широкого направления.

Произведение состоит из трех частей: наиболее полная и цельная первая часть в экспозиции повествует о похищении невесты мужчиной и его другом. Друзья-похитители повязаны кровью, так как во время погони случайно совершают убийство одного из преследователей; отныне они вне закона, поэтому для проживания находят самое необжитое дикое место на берегу «проклятой» реки. Вскоре к первым поселенцам присоединяется одинокий человек. Постепенно прибежище небольшой группы людей превращается в маленький аул, так что первые поселенцы из безымянных превращаются в людей с собственными именами, которых уже нужно как-то различать. Пришлые люди со своей личной

нелегкой судьбой и вынужденным бегством объединены общим уделом. Третья часть – совмещение совершенно разных, но вместе с тем в чем-то сходных сюжетных линий, которые, соединяясь единым романным хронотопом, создают общую картину неуклонно расширяющейся народной жизни. В финале в ауле остаются вдовец с ребенком и красивая, смелая девочка-подросток, которая предположительно без колебаний разделит участь немолодого мужчины в недалеком будущем.

Единая судьба объединяет жизни-судьбы всех героев, оказавшихся вопреки смертельным угрозам на берегу Проклятой речки, Леса, Города мертвых, в которых погребены жертвы проклятой реки, несущей недуг. В этом мифологическом пространстве, ограниченном горами, стремительной, изменчивой рекой и склепами, нарождается чудо новой жизни, нового народа, новой страницы мировой истории.

Несмотря на отчаяние, одиночество, смертельную схватку со стихиями, люди учатся выдерживать их, отвоевывая право созидания своей собственной жизни, выигрывая борьбу со временем.

«И тогда оно, время, распахивается перед тобой, и ты видишь длинный-предлинный след, похожий на отражение… И отныне ты знаешь, что такое дорога и как к ней идти» [Черчесов 2018: 86].

Процесс самоутверждения, буквального укоренения в суровой почве происходит не только благодаря бесконечному тяжелому труду, но особой чуткости, умению наблюдать, слушать, понимать таинственные природные знаки и стихии: ветра, леса, животных, птиц, реки, гор, времен года, неба, звезд, всего мироздания, проникаясь благоговением перед красотой и величием земной жизни. Так беглые поселенцы постепенно трансформируются в личности, которые благодаря расширяющемуся сознанию и всепобеждающей мысли учатся быть равновеликими участниками многоголосой полифонии вселенской жизни. В них формируется и крепнет мудрость людей древнего Кавказа, которая подсказывает безошибочные решения в самой сложной ситуации.

Беглецы, похитившие невесту, переживают жестокую погоню, которая завершается случайным убийством; они боятся больше столкновения с кровниками, чем «гиблого места» возле «проклятой» реки со склепами, ведь здесь нет ни одного жителя. Но и эта безлюдная земля ассоциируется с женщиной, которую необходимо покорить:

«И к поздней осени у них все еще не было ничего, чтобы покорить хотя бы клочок сочной вязкой земли, обуздать языческую плоть ее и опустить в ее просторное лоно крошечное семя, почти невесомое зернышко, теплую искру, а по сути – зародыш нового времени, которое не могло начаться ни с костра, ни с вырубленной травы, ни с первой подстреленной птицы, ни даже с возведенных стен, потому что сама земля все так же дремала, погруженная в слепые сны, и нежилась в истоме своей неприкаянной девственности, по-прежнему необузданной, противоестественной и порочной, как порочна налившаяся молоком женская грудь, равнодушная к устам младенца» [Черчесов 2018: 12–13].

Так создается впечатление, что образы сами творят сюжет и ткань повествования, как бы даже без участия самого автора, выполняя функцию мифологем.

Одной из них становится *ветер;* в ряде случаев коннотативно он представляется как *мертвый*. А. Черчесов умеет связывать природные стихии в единый художественный «узел» так, что одна усиливает другую. В частности, в начале четвертой части автор пишет о снеге: «день за днем, месяц кряду шел снег» [Черчесов 2018: 395]. Подобная сцена вызывает аллюзии с романом Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества», когда в Макондо двадцать лет подряд идет дождь, превращаясь в символ гражданской войны. Так же, как война, бесконечный дождь расчеловечивает сущность людей и лишает их жизни всякого смысла. Также и образ снега превращает в сон жизни людей у реки и даже любовь лишает животворной силы:

«День за днем месяц кряду шел снег. Его бесшумная поступь покрывала пухом весь мир, навевала сонливость и скуку на тех, кто недавно еще был исполнен надежд и восторга. Нескончаемый снег убаюкивал страсть. Вяло сплетаясь телами в его роскошном плену, они предавались любви, как постыдно-бесцельной тоске, когда нужно и хочется что-то спасти, но вот что – очень трудно припомнить. Прячась от холода в недужных объятиях, они растворялись во снах ни о чем, пустив свои души по следу умершего ветра» [Черчесов 2018: 395].

«Умерший ветер», на могилу которого кладется венок, – ключевой образ романа. Между тем, ветер не выступает в одной лишь «мертвой» ипостаси, становясь порой одним из самых живых образов; именно ветер является вестником новых перемен:

«Когда же он ожил, впервые за много недель обрушив на них свою мощь, старожилы (включая сюда сестер и Алана) подивились тому, что он пахнет уже не зимой, а подгнившей травой. Вслед за яростным ветром на аул обвалился туман» [Черчесов 2018: 395].

Здесь автор применяет динамическую систему образов-символов: снег – ветер – туман, – стихии, которые соответствуют экзистенциальным состояниям героя и социума, представленным в художественном нарративе.

Вместе с тем, ветер – стихия неопределенности, недостижимости. Хамыц, склонный к философским раздумьям, рассуждает про себя о времени, сравнивает его с ветром, вновь актуализируя образ «мертвого» ветра:

«Чужак неправ: он совершает ту же ошибку, что и Тотраз. Он говорит, что время не имеет смысла. Так может заявить лишь тот, кто этот смысл искал. В том и есть его ошибка! Это как с ветром: все равно, что искать глазами его исток или пытаться по запаху найти его могилу» [Черчесов 2018: 93].

Эта контаминация каждый раз отводит читателя к названию роману – «Венок на могилу ветра».

Другой важной категорией, вокруг которого концентрируется художественная мысль автора, становится *время.* В споре Хамыц и Тотраз пытаются

определить, на что похож бурдюк. Тотраз считает, что он напоминает большую жабу. Для Хамыца же бурдюк похож на время:

«Подобрав камень с поредевшей травы, он швырнул им в совсем было успокоившийся бурдюк и повторил: «Время, вот на что это похоже. А мы все внутри и думаем, что нас настигла буря, когда какой-нибудь бездельник кинет палкой в его прожорливое брюхо. А потом приходят тишь да гладь, и мы уверены, что это сама милость Божья. А что, если бездельник уснул, или его укачала скука?» [Черчесов 2018: 86].

Для Тотраза оно «похоже на прозрачный след, след лучей, но только, когда ты знаешь, как увидеть это… *Я видел*… Время не брюхо, оно глаз, прикованный к светящейся дороге. У нее есть начало и конец…» [Черчесов 2018: 87]. Герой обращается к судьбе, которая вывела его «сюда, в тот уголок земли, где жизнь и смерть разделяли лишь буйство Проклятой реки да прихоть капризного ветра, туда, где они, люди и склепы, день за днем, вот уже девять месяцев следили друг за другом, гадая, что произойдет, когда им доведется пересечься в невидимой пропасти времени…» [Черчесов 2018: 98]. Автор тесно увязывает время с любовью, например, в любовной сцене Хамыца и его жены: он «…не знал, что такое *время,* он знал, что такое *сейчас*, и в этом сейчас он был по-настоящему счастлив» [Черчесов 2018: 91].

Однако к финалу время кажется «обветшавшим», усталым:

«Теперь все не то что ушло, а как-то оскудело цветами и тенью, словно лес перестал быть соперником, другом или судьей, река перестала быть откровением, а склепы и солнце – границей отсчета, залогом духовных расплат… Но что-то как будто бы влекло и его в ощущение новой свободы, отменявшей богов и молитвы, сомненья и тревогу за завтрашний день» [Черчесов 2018: 406–407].

Ощущение времени напоминает ветшающие времена в романах-мифах черкесских авторов: «Всемирный потоп» М. Емкужа, «Вино мертвых» Н. Куека.

Говоря о метафорической доминанте А. Черчесова, А.Н. Пхалагова отмечает:

«Метафорический характер заглавия как особого элемента текста настраивает читателя на определенное восприятие произведения, фокусирует основное содержание и значение текста в языковой форме. Пронизывая роман, метафоры образуют единую систему, которая постепенно развертывается в макротексте и взаимодействует с другими его элементами» [Пхалагова 2016].

Центральным образом становится *река*, которая выполняет целый комплекс взаимоисключающих функций: она лечит, несет смертельный недуг, освежает, проклинает, является немым соучастником всего, что происходит в мире людей. Так, в экспозиции река становится свидетелем унижения Марии со стороны укравшего ее мужчины, он пользуется арканом, который применяли для усмирения «строптивых кобылиц». Река слышит крик униженной, поруганной женщины, и, чтобы избежать мук совести, Тотраз, который помогал похитить невесту для своего друга Хамыца, шагает в бурную реку:

«Пытаясь укрыться от крика, он шагнул в поток, оскользнулся на каменном дне, упал на колени и едва удержал равновесие, подставив раненое плечо под напор воды и благодатный шум реки, облившей его равнодушною силою. Но и этой силы не хватило, чтобы начисто стереть отсюда крик…» [Черчесов 2018: 43].

Река становится наблюдателем происходящей на берегу драмы, которая разыгрывается при участии трех человек: двух мужчин и женщины, когда друзья начинают понимать, что «укротить жизнь труднее, чем ее отобрать», и свою тяжелую вину невольно перекладывают на реку:

«Проклятая река». Хамыц силой приобрел жену, повзрослев «на целую жизнь», а его друг Тотраз «размышлял о том, что все потерял. На это ему хватило суток, в течение которых он перестал быть сыном, внуком, братом, лишился права ввести в отчий дом ту, что могла сделаться матерью его детей, разменяв свою молодость на тоску, чужую любовь и гиблую реку…» [Черчесов 2018: 46].

Река невольно становится той точкой отсчета и одновременно некоей живой шкалой, которая отмеряет цену дружбы, что оказывается дороже любви и самой жизни.

Любой новый виток жизни происходит на фоне «проклятой реки», которая выполняет важную функцию эмоциональной и экзистенциальной проекции. Когда приходит новый одинокий путник и останавливается рядом с тремя сельчанами, его принимают вынужденно, с большой неохотой.

«Проклятая река» становится аналогом «проклятой жизни», которая диктует суровые жестокие законы, в результате которых любой поворот судьбы воспринимается людьми скорее через реакцию отторжения, преодоления, недоверия. Точно так же трое первых поселян не хотят принимать одинокого путника несмотря на то, что они посадили в скудную землю принесенные им семена, предварительно расчистив участок от гальки. «Выходит, он взял нас измором? – спросил друг и внезапно в приступе ярости швырнул камнем в воду (мгновенный глоток, и за ним – ничего: ни следа. «Прожорливая тварь», – подумал он о реке)» [Черчесов 2018: 72].

Прошедшая буря, в результате которой верный пес Ашамаза получил перелом, в сознании людей тоже связывается с рекой, хотя они уже начинают понимать, что сами же инициируют эту вынужденную ситуацию.

Под воздействием невыносимо тяжелых обстоятельств жизни, в том числе (и больше всего) морально-психологических, герои Черчесова совершают суицидальные попытки. Так, Тотраз, близкий друг Хамыца, совершает неудачную попытку самоубийства, привычно экстраполируя весь свой негативный опыт на реку. Он не разделяет точку зрения Ацамаза, что река невиновна.

«Сегодня все было иначе. Он уверен, что из-за реки. А потому глубокомысленность пришельца, намекнувшего на ее невиновность, была воспринята плохо. С тех пор, как Тотраз побывал у смерти в гостях, в нем обострилось какое-то особенное, внутреннее чутье, слышавшее так глубоко и верно, что всякий взгляд, звук и мысль сверялись этим мудрым, тон-

ким слухом. Он подсказал ему сейчас, что то – река. И пусть она их все еще не отравила, – он знал, что это был обман» [Черчесов 2018: 80].

В «вине» реки за человеческие несчастья сомневается и другой герой – Казгери, расчетливый, холодный юнец, одержимый лишь страстью наживы.

«Разговоры про реку и то, что она отравила село, были чушью: отчего же тогда она пощадила других, тех, кто жил по течению ниже на добрую дюжину верст и при этом жил все эти двести и триста лет так, как живет до сих пор – чередуя рожденья со смертью и промежутком на скучный свой век» [Черчесов 2018: 426].

Новый человек, пришедший в аул, оказывается совершенно иной ориентации – не только идеологической, включающей наживу и богатство, но даже базовой, витальной – в половой девиации. Он представляет ущербный тип людей цивилизации в отличие от людей природных, архаических (Хамыц, Тотраз), которые пребывают во власти мифологического сознания.

Таким образом, после Хамыца и Тотраза, патриархов, первых людей, архетип «нового человека» представляют два противоположных, эволюционно последовательных образа типа *гонии* и *ургии*, руководствуясь терминологией Г.Д. Гачева. Первый тип воплощает главный герой – *Ацамаз.* Он приносит первым поселенцам семена, которые они высаживают на расчищенном участке, имеет широкий взгляд на вещи, оправдывая свое легендарное мифологическое происхождение, знаменует собой связь с искусствами, в частности, с музыкой. Он представляет культуру в самом широком смысле слова, следовательно, это культурный герой.

Другой тип – *Казгери* – вобрал худшие проявления цивилизации, ее темную сторону, в отличие от Ацамаза, привносящего свет просвещения, разума, – светлую сторону жизни. Казгери находит ценные артефакты – фигурки, похожие на детские игрушки; они стоят целое состояние. Благодаря своему изощренному расчетливому уму, юноша перепрятал сокровище. Этот сюжетный ход следует рассматривать символично, как и антагонизм двух образов – Казгери символизирует общество потребления, паразитирующее на лучших достижениях коллективной человеческой деятельности. Несомненно, он мог стать самым богатым человеком округи, если бы не случайность, которая нарушает его хитроумные расчеты: клад случайно находят дети. Автор наделяет Казгери половым извращением, и эта физиологическая врожденная аномалия символически экстраполируется на область нравственной, интеллектуальной сфер не только как частная особенность героя, но всей человеческой эволюции, которая тоже «ошиблась» и пошла «не в ту сторону».

«Он страдал больше всех, ибо все остальные боролись за жизнь и молились, ну а этот совсем не молился, а боролся за то, чтобы не потерять – не столько себя, сколько то, что уже приобрел, закопал, не желая ни с кем делиться, ни с кем из здоровых, обидно-здоровых» [Черчесов 2018: 429].

Автор довольно просто объясняет эту душевную ущербность: Казгери одержим богатством как особой формой тайной власти.

Антагонизм Ацамаза и Казгери становится особенно показательным к финалу, когда активный поиск потерянного клада заводит Казгери к дому Ацамаза, образ жизни которого вызывает у него лишь презрение. Автор сталкивает крайние позиции: сознание алчного человека, одержимого наживой, и человека мира, созерцателя, который, по всей видимости, озабочен космогоническими проблемами. Подозрения Казгери усиливаются, когда он «…увидел, как Ацамаз чертит палочкой что-то по влажной земле, осторожно сверяет рисунок по солнцу, а потом, чтоб не дать никому подглядеть, вытирает подошвой свои закорючки и, осуждающе покачав головой, долго хмурится, глядя на их сверкающий стенами дом» [Черчесов 2018: 447]. Таким образом, научные (или познавательные) занятия Ацамаза, его мучительные творческие сомнения Казгери трактует в рамках собственных плоских меркантильных соображений, которые так разительно различаются, что у читателя закрадывается осознание принципиальной безнадежности во взаимопонимании не только этих героев-антагонистов, но и в пределах реального человеческого общежития.

Кладоискатель, проникнув в дом Ацамаза, убеждается в своей ошибке:

> «Казгери без труда проник в короткий оградою двор, прополз до порога на брюхе, в мгновение ока распахнул тяжелую дверь, прошмыгнул в нее и снова прикрыл за собой, почти тут же в ноздри ему ударил скорбный дух одиночества... За все эти годы Ацамаз обзавелся лишь шаткой скамьей, низкими нарами, парой шкур на железных крюках да уродливой кухонной утварью. В хадзаре не было ни чулана, ни подполья, ни даже ниши в стене» [Черчесов 2018: 447].

В рамках романного нарратива утверждается принципиальная непроницаемость каждого индивида, его обреченность на одиночество и непонимание – так реализуется авторская типично экзистенциальная установка.

Поступательное вечное движение реки символизирует эволюцию человеческого рода. Возможно, автор отображает «демаркационную» линию, когда мифологическое мышление, которое воплощают *Хамыц и Тотраз,* сменялось логическим, носителем которого в какой-то степени является Ацамаз. Если Хамыц и Тотраз – первоначальная стихия адаптации к суровой непреклонной природе, то Ацамаз олицетворяет расширение коллективного сознания до появления таких сложных гуманистических категорий, как философия, этика, эстетика, космология, то есть формирования антропоцентрической системы общества.

Зачастую мифологема реки не выступает изолированно, но в сочетании с другими образами-символами (например, в первой части: время – любовь – река) подана с ними в синкретическом единстве. Сцена счастливой любви оказывается сильнее категории времени, она его «рассекает» («не зная, что такое *время*, он знал, что такое *сейчас*, и в этом *сейчас* был по-настоящему счастлив»). При описании сцены любви Хамыца со своей женой река снова выступает фоном, на котором «записывается» особая интимная история человеческой жизни.

Постепенно происходит переосмысление подлинного значения «проклятой реки», проклятие которой оказывается не столь однозначным.

«Ночь низко дышала звездами, но в сущности была такой же, как любая другая под голым небом. Далеко внизу шумела река. Дважды проклятая, как утверждал чужак, и все-таки неотравленная. Вода не убила ни их, ни коней, ни надежду. Река даже снабдила их плитняком, помогая выложить эти вот стены. А до того никого и близко не подпускала, словно и вправду была больна, двести лет была больна и потом, осознав, что обречена, проложила себе новое русло, сметая прошлое» [Черчесов 2018: 91].

Так, через символику реки автор расширяет и углубляет понятие противоречивого смысла человеческой жизни.

Река принесла к берегам первопоселенцев мертвое тело, которое постепенно, по мере движения по своему руслу наделяло мертвеца своими собственными качествами:

«Скользя по обманчивой глади, оно обретало легкость и резвость волны, а заодно – позабытое здесь проворство мгновения: оно дробило сонную прозрачность воды, застывшей в монотонной неизменности времени…» [Черчесов 2018: 119].

Таким образом, «проворное» мгновение выступает антагонистом «неизменного времени». «Вода внушала мысль о том, что вечность – это и есть отсутствие времени» [Черчесов 2018: 120]. Труп оказался без лица – этот непосредственный факт в контексте художественного нарратива снова оказывается символическим, так как именно время обезличивает всех и каждого.

«Вместе с ним (лицом – М.Х.) труп лишился и возраста, не говоря об имени или других столь же неважных теперь вещах, как, к примеру, история его жизни или гибели: их смыла вода, как какую-то грязь… Река смыла их, отстирала в своем размеренном равнодушии, уподобив лицо извечной своей, неизбежной волне – мириадам волн…» [Черчесов 2018: 120].

Человек, нашедший труп, мысленно наделил его своим лицом и именем, и почувствовал необыкновенную свободу: «Приняв крещение от распятой реки смерти, он ощутил себя вне пределов судьбы» [Черчесов 2018: 122]. Таким образом, река дает шанс на совершенно новую жизнь, а с ней – на необычайную степень свободы.

В представлении новых поселенцев река очистилась от прежней скверны, стала чистой, «пустила их в свое лоно, снабдив и глиной, и плитняком, а еще прежде – бродом, проверяющим на прочность тех, кто не успел прихватить сюда с собой ничего, кроме собственного греха, и нынче уже сложил для него хадзар. Так что река оказалась здоровой» [Черчесов 2018: 234].

Герои А. Черчесова демонстрируют типично анимистические представления, которые оставались (и до сих пор остаются) в архаических традиционных обществах, демонстрируя удивительную устойчивость древних паттернов сознания, сложившихся в доисторическую эпоху. По мысли людей, река обновляется каждые триста лет, вновь «заболевая» и «очищаясь», и этот перманентный

цикл напоминает умирающего и возрождающегося бога, который владеет тайной бессмертия. Наблюдая противоречивый нрав реки, люди на берегу в конечном итоге становятся свидетелями фазы возрождения реки, которая из «отнимающей», несущей смерть и разрушения, становится «дарующей».

Иногда эти противоположные функции переходят одна в другую, совмещаются. Когда мужчины с большими усилиями пытались возвести мост через реку, течение сбило столбы и понесло их к закипающему опасному порогу. Но река, которая едва не погубила их, позволила Ацамазу и Тотразу спасти друг друга и таким образом даровала им новые жизни:

«Он был доволен тем, что прыгнул в реку, спас Тотраза, был спасен им сам, а после, надрывая жилы, вытащил его на берег. «Вновь река, – подумал он. – Смывает боль, врачует раны. Я снова счастлив. Как форель, что сорвалась с крючка и опять готова плыть против течения» [Черчесов 2018: 167].

Река несет героям Черчесова важные догадки, внушает глубинные установки, которыми они впоследствии руководствуются всю оставшуюся жизнь.

«Матери кажется, что она слишком устала. Когда-нибудь и муж ее, быть может, поймет то, что недавно, глядя на воду в реке, совершенно случайно постигла она, только еще не совсем себе в этом созналась: жизнь и впрямь обрастает долгами» [Черчесов 2018: 362].

Согласно логике художественного текста, все, что происходит в жизни людей, так или иначе связано с рекой, даже странности:

«С тех пор, как появились чужаки, с землей творилось что-то неладное. То ли она растеряла прежнюю стать, то ли это река прибавила в силе, но чувство было такое, будто аул тронулся с места и тихо плывет по зиме, оторвавшись от тверди, вместе с горами и лесом туда, где его поджидает несчастье» [Черчесов 2018: 395].

Река воспринимается как стихийное живое существо, которому присуща непредсказуемость.

«Потом приключилась и вовсе занятная штука: река присмирела и выдохлась, несмотря на весеннее солнце и стаявший снег. Собравшись у дамбы, люди глядели, как падает в русло вода, словно на дне его она отыскала большую ложбину. И тогда ощущение того, что земля их подмыта и тронулась в путь, перестало быть просто догадкой» [Черчесов 2018: 396].

Ближе к финалу автор открыто декодирует метафору, которая так долго мерцала из подтекста: река – это жизнь. Но эта двойная мифологема воспринимается, скорее, как грандиозный морок, иллюзия, которая за видимостью перемен скрывает неизменность, что оказывается сродни отсутствию жизни:

«Я видел все это прежде. Там тоже была река. Я ее ненавидел. В нее стекали все наши дни, а взамен она поила нам новые, такие же пустые и гладкие, как те, что ушли. Там ничего не менялось. Все было так, будто жизнь – лишь река, и в ней никогда ничего не случится» [Черчесов 2018: 454].

Итак, река – дарующая и отнимающая, убивающая и врачующая, коварная (в образе змеи) и мудрая, добрая. На протяжении всего сюжета эта заданная автором дихотомия составляет лейтмотив, и если не обнаруживает себя явно, то уходит в подтекст.

Спустя двести лет у реки опять появляются признаки «проклятия»: чума, которую она приносила, каким-то неявным образом снова проявляется, например, заболевает Алан, муж Софии.

«Человек вдруг услышал, как внутри у него разжигается болью недуг, будто разом, оседлавши приволье волны, пожелтелые кости проклятья разнесли по капелькам брызг заразу чумы, и теперь он гадал, отчего это столько кряду веков до этого они никого не травили, и думал, что дело и впрямь, пожалуй, в воде: лишь когда они вместе, река и бесхозные кости, – наступает беда. А поняв это, он, человек, ощутил вдруг, что заперт болезнью в былом, потому что впервые она стала повтореньем – с примера отца, потерявшего веру и цель, и тех, кто принял здесь муку три века назад» [Черчесов 2018: 480].

Красноречивым маркером художественного текста становится эпический стиль, который является своеобразной «подсказкой»: мифологема реки и семантическая нагрузка, связанная с ней, не должны прочитываться буквально, так как они несут большую долю символизма и метафорики. Жизнь-река тогда лишь наказывает или «проклинает», когда ее стихия соединяется с «бесхозными костями», когда человек или сообщество теряют цель и веру, как это произошло с отцом Алана. Более того, в этом коротком фрагменте дается символическая привязка некоей кармической вовлеченности, когда за слабость (etc. пороки, грехи) отвечают потомки, как Алан, который несет «ответ» в форме болезни за прегрешения отца и своих предков.

Явный позитивный сдвиг в восприятии реки героями романа обнаруживается ближе к финалу. Когда заболевает Алан, София с присущим ей здравомыслием просит друзей искупать больного в реке. Когда речь заходит о том, чтобы его выкупать в запруде, где течение не такое бурное, Ацамаз напоминает о том, что София говорила именно о реке.

«София следила с порога за тем, как ее мужа окунают с головой в стремнину, держат в ней, словно бревно, а потом поднимают на вытянутых руках, чтобы не дать ему захлебнуться в потоке и его осеннем, чудовищном холоде. Проделав это несколько раз, мужчины вышли на берег, растерли тело в три башлыка и укутали его в шкуру из бурки…

– Прости! – сказала она. – У меня не было выбора. Понимаешь, это вроде клин клином… Вроде как отстирать барахло в проклятой реке, чтобы вылечить прошлое временем» [Черчесов 2018: 486].

Так же, как реку, время невозможно рассматривать вне общего контекста, ведь река выступает в тесной связи с категорией времени.

«Пройдет два века, прежде чем река сменит русло. Двести лет на то, чтобы время очнулось, вспомнило, простило, вернулось и свершило в спешке то, чему противилась пустота двести полых лет, лишенных времени» [Черчесов 2018: 3].

На самом деле речь идет не столько о времени, сколько о безвременье, в которое, повинуясь собственным неясным законам, «облачается» река:

«И тогда уже дело будет за рекой. В несколько дней она сметет одряхлевшие камни прошлого, оставив лишь самую малость их посреди своего гибкого тела» [Черчесов 2018: 3]. Кроме того, река оставляет шесть склепов памяти, уцелевшей в пустоте и безвременье. «Но понадобится еще сто лет (и новый грех), пока время не вспомнит о жизни… Река была надеждой и спасением. Она сама была истоком. Прежде чем к нему припасть, каждому из них предстояло отпрянуть от русла своего прошлого» [Черчесов 2018: 3].

Первые поселенцы остановились у «проклятой» реки, берега которой тоже были прокляты. Это было связано с чумой, которая в свое время выкосила обитателей деревни; остались восемь склепов, не только как напоминание, но и как предупреждение. Склепы – нетипичное явление в северокавказской, в том числе осетинской культуре. Автор объясняет это особым случаем:

«Они и стали их (склепы – *М.Х.*) строить. Сперва для того, чтобы хоронить в них умерших, не решаясь предавать кладбищенской земле изуродованные мором тела, потому как сами еще надеялись выжить и жать урожай» [Черчесов 2018: 18].

Однако, почувствовав в себе признаки заболевания, люди сами уходили в склепы, в которых оставалось лишь единственное окошко, через которое им приносили еду, пока еще кто-то в склепах откликался и забирал пищу.

Склепы возле реки становятся постоянным напоминанием близкой смерти, идеи смерти, которая, наряду с жизнью-рекой, обрекает людей на существование между крайними и вместе с тем нераздельными полюсами. Автор указывает на инерцию памяти в коллективном бессознательном, которая объясняет почти все важные жизненные феномены устойчивыми представлениями, установками и приметами, что достались от далеких предков. На этом фоне А. Черчесов отражает трудную драматическую динамику в сознании своих героев, которые с безошибочной интуицией выбрали место с ориентирами, необходимыми для скорейшей нравственной и интеллектуальной зрелости, и нужные требования для восстановления утраченной веры и потерянной цели.

С мифологемой реки тесно связана *дорога***,** которая в контексте романа воспринимается образом-символом в той же мере, что и река.

Дорога-река появляется, когда ближе к финалу автор касается ключевых сюжетных событий, которые перечисляются им будто бы пунктиром:

«Дорога не знает конца. Они живут так, словно к чему-то готовятся, длится это годы, всегда. Все время куда-то спешат. Но куда – ей и сейчас невдомек» [Черчесов 2018: 362].

В ряду самых важных выразительных средств у А. Черчесова выступает *пейзаж,* который никогда не функционирует в качестве автономного художественного инструментария, – он всегда отражает глобальный процесс, переводит сематический элемент в необходимую эмоциональную тональность, является элементом «сцепления» сюжетной архитектоники. Пейзаж – это всегда

живая, подвижная стихия, которая непосредственно продолжает самые важные или яркие человеческие характеристики; таким образом, пейзаж у А. Черчесова, если можно так выразиться, антропоцентричен.

«Он… не услышал ничего, кроме запредельной тишины неба над раненой горой. Не отрываясь, он следил за парящим над гребнем бельмом, маравшим безупречную синеву, в которой даже солнце казалось случайностью, каплей, лишним желтым мазком. Облако задело за гребень, но не порвалось, а только сомкнулось вокруг него сухой, пресной прохладой, потом скользнуло дальше, на восток, на мгновенье неровно оскалившись щелью, и он вздрогнул плечами, пораженный предчувствием» [Черчесов 2018: 15].

Как видим, образы природных стихий в одной зарисовке могут совмещаться с ассоциациями человеческих и анимистических образов:

«Он растянулся на спине у жидкого костра и о чем-то долго думал, не сводя глаз с плеши солнца, спускавшегося в лес. Растаяла, растворилась, стекла в лохматую ложбинку горы последняя цветная зыбь, вмиг погрузнев, задышала над ними стойким вечерним холодом» [Черчесов 2018: 47].

Осень описывается в связи с болезнью Алана, и этот предапокалипсический пейзаж является одним из способов выражения не только психосоматического, нравственного кризиса героя, но и общей динамики художественного текста, который соответствует общему глобальному кризису романного мира (хронотопа).

«В октябре у Алана случилась болезнь: он лежал, как в горячке, сжигаемый собственным взглядом, от которого по лицу у него над бровями пошли пузыри. Казалось, его снедает опасный огонь… Огонь в очаге был детищем холода, наступившего на аул в этом месяце раньше обычного и плутавшего от дома к дому бесприютным скитальцем, прогоняемым отовсюду упрямством людей и жарко растопленным пламенем посреди их хадзаров… Ветер покинул их, напомнив о том, что такое уже однажды бывало, и вместо него по ущелью плыло, как стон, занудное эхо, слышать которое ночью было хуже даже, чем днем, потому что ночи стали длиннее, чутче, усталей, чем прежде» [Черчесов 2018: 478].

Еще одним образом-символом, который формирует мифологический концепт художественного текста, становится *яйцо.* Этот образ появляется в начале романа, именно тогда, когда между Хамыцем и его насильно похищенной женой появляется взаимное стабильное чувство, а супружеские отношения гармонизируются. Супруги решили строить дом:

«Яйцо зарыли на плоскогорье, там, где земля была твердой и прочной, как камень, но стоило расковырять, наливалась зычной чернотой и начинала пахнуть парным молоком. Они выбрали участок шагах в двухстах от шалаша, сверяясь по солнцу, ветру, жесткой упругости склона и собственному чутью» [Черчесов 2018: 52].

Неделю спустя Хамыц и его друг Тотраз проверили яйцо, оказалось, что не ошиблись, по консистенции оно такое, какое должно было быть:

«Стало быть, место для первого камня выбрано. Осталось решить, какими будут длина и ширина» [Черчесов 2018: 53].

«Яйцо – один из первых религиозных символов, в зародыше которого заключено все, что когда-либо будет создано.

Яйцо использовали как идиограмму для обозначения эмбриона. Вместилище всего сущего, яйцо содержит в себе зародыши жизни и движения, хотя и не обладает ни тем, ни другим; оно символизирует хаос, заключающий в себе семена всех вещей, которые остаются бесплодными до тех пор, пока Создатель не оплодотворит их своим дыханием, освободив тем самым от пут инертной материи.

Это Мировое Яйцо представляли в виде сферы, окружающей Землю, где и зародилась вселенская жизнь. Непременный атрибут празднеств в честь весеннего и осеннего равноденствий. Прохождение солнца через эту фазу своего цикла считалось первопричиной и началом рождения всего сущего…

Потенциальная жизнь, начало сознательной жизни, становление плодородия и вечности, первозданный Хаос, некий зародыш Вселенной, сама Вселенная, Солнце, Земля, жизненная сила, плодовитость, воскресение из мертвых, возрождение, бессмертие, Троица (желток, белок, скорлупа), солнце в эфире под сводами неба, спасение, возвращение весны, Рождество» [Топоров 1982: 681].

Образ яйца имплицитно связан с продолжением рода, материнством. Гендерные отношения автор отображает во многом исходя из диалектического принципа единства и борьбы противоположностей. Отношения мужчины и женщины, как правило, рассматриваются как конфликт антагонистов, разделяемых непримиримыми противоречиями. Коннотативно это связано с принадлежностью одного из супругов (или возлюбленных) к другому полу. Поэтому в ряде случаев взаимоотношения начинаются с активного противостояния, окрашенного ненавистью, нетерпимостью, которые традиционно преодолеваются мужчиной через насилие. Отношения мужчины и женщины постепенно эволюционируют через такие эмоциональные фазы, как привыкание – смирение – привязанность – любовь. Таковы, в частности, отношения Хамыца и его жены, которая была украдена без ее согласия.

Через систему образов, метафор достигается предельная семантическая насыщенность, тот синтетический художественный сплав, который свойствен художественному нарративу А. Черчесова. Стилевой особенностью автора становится мифо-эпический стиль романа, который задается в экспозиции. Ключевой образ-символ несет в себе классический гендерный контекст плодоносящей матери, выполняя полисемическую нагрузку.

«…Это россыпь метафор, символов – те шесть склепов, которые за 200 лет рассыпала в прах река, – все это сродни тем мифам, испокон веков живущим в горах, и каждый из героев творит новую мифологему, четко сознавая, что легче всего отобрать жизнь, поэтому он призван созидать. Понятия зла и добра, греховности и святости, муки совести здесь изначально неприемлемы; не только герои, но и вся окружающая их природа живут в другом измерении, по законам вечности. Разумеется, люди терпят горечь потерь и предательства, одиночество, болезнь, но источник жизни, могучей, перехлестывающей через край, превозмогает все… «И

если это начало, то в начале был смех», – подытоживает автор. И ветер, и звезды, и солнце «ладное, молодое, босое». И все это – в дар людям»[1].

«Венок на могилу ветра» может быть причислен к *экзистенциальному роману роману-мифу, вместе с тем определен как роман в духе неомодернизма или неореализма* – литературного течения, включающего в себя романтическую и модернистскую тенденции, которые возникли на общей реалистической основе в процессе взаимовлияния – вплоть до синтеза романтического, реалистического и модернистского искусств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Пхалагова 2016 – *Пхалагова А.Н.* Система метафор в тексте романа А. Черчесова «Венок на могилу ветра» // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2016. – № 1(21). – С. 123-126.

Топоров 1982 – *Топоров В.Н.* Яйцо мировое // Мифы народов мира: энциклопедия / гл. ред. С.А. Токарев. – Москва: Сов. энциклопедия, 1980-1982. Т. 2: К-Я. Т. 2. – 1982. – 719 с.

Черчесов 2018 – *Черчесов А.Г.* Венок на могилу ветра. – СПб.: Издательские решения по лицензии Ridero, 2018. – 544 с.

REFERENCES

PKHALAGOVA A.N. *Sistema metafor v tekste romana A. Cherchesova «Venok na mogilu vetra»* [The system of metaphors in the text of A. Cherchesov's novel "A Wreath on the grave of the Wind"]. In: Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. – 2016. – № 1(21). – P. 123-126. (In Russ.).

TOPOROV V.N. *Yaitso mirovoe* [Egg of the world]. In: Mify narodov mira: entsiklopediya / gl. red. S.A. Tokarev. – Moskva: Sov. entsiklopediya, 1980-1982. T. 2: K-Ya. T. 2. – 1982. – 719 p. (In Russ.).

CHERCHESOV A.G. *Venok na mogilu vetra* [Wreath on the grave of the wind]. – SPb.: Izdatel'skie resheniya po litsenzii Ridero, 2018. – 544 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.А. Хакуашева – доктор филологических наук.

Information about the author

M.A. Hakuasheva – Doctor of Philological Sciences.

Статья поступила в редакцию 16.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

[1] Оганян З. Алан Черчесов. Венок на могилу ветра // Электронный ресурс. Режим доступа: https://proza.ru/2014/10/31/227 (дата обращения: 23.03.2022 г.).

Научная статья
УДК 821.352.1
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-229-246
EDN: LZPXUS

РОМАН Х.Д. ЖИРОВА «ПРОБУЖДЕНИЕ ГОР»

Пётр Константинович Чекалов
Карачаево-Черкесский Институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Черкесск, Россия, chekalov58@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7580-4060

Аннотация. Роману Х.Д. Жирова «Пробуждение гор» посвящены две специальные работы В.Б. Тугова, две страницы в монографии Л.М. Чмыхова, три рецензии в русскоязычных газетах. Данная статья, не повторяя сказанного ранее, предлагает новое прочтение с позиции современности. Исследуется история создания произведения, начиная с первых упоминаний о нем, публикаций фрагментов в периодической печати и коллективных сборниках; использованные архивные материалы проливают свет на прохождение обсуждения рукописи на заседании национальной литературной секции, представлены первые отзывы абазинских писателей и критиков. Далее автор предлагает собственный анализ литературного текста, обращая внимание на художественные детали, динамизм событий первых глав, пейзаж, портрет, социальное положение героя, его взаимоотношения с хозяевами, соответствие представленных картин жизненной правде. Отмечаются также и свойственные роману изъяны: рыхлость композиции, отсутствие психологизма, мотивировки поступков персонажей, внутренней обусловленности перехода от одной главы к другой, отход от принципов реализма. Все эти особенности не просто декларируются, а выводятся из интерпретации текста. Статья завершается мыслью о том, что представленный роман является преимущественно искусственным созданием, выполненным по социальному заказу времени.

Ключевые слова: Жиров, «Пробуждение гор», роман, историко-революционный, герой, сюжет, композиция, принцип реализма.

Для цитирования: Чекалов П.К. Роман Х.Д. Жирова «Пробуждение гор» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 229-246. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-229-246. EDN: LZPXUS.

© Чекалов П.К., 2025

Original article

ROMAN H.D. ZHIROV «AWAKENING OF THE MOUNTAINS»

Petr K. Chekalov
Karachay-Cherkess Institute of Humanitarian Studies named after H.H. Khapsirokov, Cherkessk, Russia, chekalov58@rambler.ru, https://orcid.org/0000-0001-7580-4060

Abstract. Roman H.D. Zhirov «Awakening of the Mountains» is devoted to two special works by V.B. Tugov, two pages in the monograph by L.M. Chmikhov, three reviews in Russian-speaking newspapers. This article, without repeating what was said earlier, offers a new reading

from the perspective of our time. The history of the creation of the work is being investigated, starting from the first references to it, the publications of fragments in periodicals and collective collections; The used archival materials shed light on the discussion of the manuscript at a meeting of the national literary section, the first reviews of Abazin writers and critics are presented. Further, the author offers his own analysis of the literary text, paying attention to the artistic details, the dynamism of the events of the first chapters, the landscape, the portrait, the social status of the hero, his relationship with the owners, the correspondence of the presented paintings of the Life Truth. Allsouscence characteristic of the novel are also noted: the loose composition, the lack of psychologism, the motivation of characters' actions, the internal conditionality of the transition from one chapter to another, the departure from the principles of realism. All these features are not just declared, but displayed from the interpretation of the text. The article ends with the idea that the presented novel is a predominantly artificial creation, performed on a social order of time.

Key words: Zhirov, «Awakening of the mountains», novel, historical and revolutionary, hero, plot, composition, principle of realism.

For citation: Chekalov P.K. Roman H.D. Zhirov «Awakening of the mountains». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 229-246. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-229-246. EDN: LZPXUS.

© Chekalov P.K., 2025

Советские литературоведы неоднократно высказывали мнение, что исторический и историко-революционный роман «получил небывалое развитие во всех без исключения литературах народов Советского Союза» [Хайлов 1978: 339], что эти жанры стали «для многих литератур советских народов СССР путем к реалистической зрелости» [Воробьева 1978: 357], что «в молодых литературах Северного Кавказа именно достижения историко-революционного романа определили <…> уровень прозы, обозначили принципиальные вехи эволюции национального художественного сознания» [Султанов 1989: 47]. Отмечалось также, что необычайно популярная в национальных литературах идейно-тематическая презентация историко-революционного романа «из-за самого факта обращения к подобной тематике <…> подлежала обязательной позитивной трактовке» [Султанов 2019: 99].

Самым известным произведением Х.Д. Жирова является роман «Пробуждение гор» (1962), относящийся к историко-революционному жанру. В 1970 г. он был выпущен на русском языке в переводе братьев Михаила и Эрнеста Эдель в Черкесске, через год переиздан в столичном издательстве «Советский писатель» (1971), а потом еще и в Ставропольском книжном издательстве с предисловием В.Б. Тугова (1982).

В монографии «Писатель и история» литературовед Л.М. Чмыхов писал: «Первым крупным явлением в абазинской <…> литературе стал появившийся в 1962 г. на абазинском языке роман “Пробуждение гор”. На его форме и содержании сказалось влияние “традиционного” исторического романа о прошлом и веяния современной исторической прозы с ее стремлением к синтезу времен, к исследованию в пределах романного сюжета далекого прошлого, революционного прошлого, революционных преобразований и социалистического строительства через судьбу единого “сквозного” героя или нескольких вымышленных лиц. Автор романа Хамид Жиров проявляет глубокое знание прошлого

своего народа и понимание связи времен, понимание исторических ретроспекций» [Чмыхов 1982: 160].

3 января 1959 г. в абазинской газете «Свет коммунизма» был помещен отрывок из повести Жирова «На перекрестке дорог». В небольшом предисловии к нему говорилось, что за последние годы национальная проза сделала большой шаг вперед, и в этом деле произведения печатаемого автора сыграли значимую роль. В конце редакция отмечала, что в текущем году писатель предполагает завершить повесть и предлагала вниманию читателей фрагмент из нее [Предисловие 1959: 4]. Этот отрывок в том же году был включен и в коллективный сборник «Пламя гор» [Жиров 1959: 28-33].

Опубликованная часть представляется одной из самых интересных не только творчества Жирова 1950-х гг., но и всей национальной прозы той поры. На пяти страницах автор компактно изложил историю рода Аргуновых, сцену возвращения Мухаба в родительский дом под покровом ночи, сложную жизненную ситуацию, в которой оказался герой, его противостояние с богачами Канаматовыми, недоверие и даже подозрение, вызванные им у председателя сельсовета. Каждый эпизод обладал необходимой художественной полнотой, во всем чувствовалась не только опытная рука, но и мышление зрелого писателя. Диалоги характеризовались динамизмом, отсутствием излишеств. Своеобычность повествованию придавал и родной для прозаика ашхарский диалект, на котором говорили герои. Помимо всего прочего, фрагмент создавал интригу. Возникали вопросы: почему Мухаб должен возвращаться домой скрытно? Почему его преследуют Канаматовы? Почему председатель сельсовета не верит ему?.. В сущности, публикация являла собой, говоря современным языком, хороший маркетинговый ход: она вызывала интерес читателя, желание дождаться выхода книги и разобраться в представленных хитросплетениях.

Газетная публикация свидетельствует о том, что работа над повестью началась в 1958 г. В плане работ Карачаево-Черкесского отделения Союза писателей на 11 июня того же года значилось обсуждение повести «На перекрестке дорог» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 9. Л. 1], но в силу ее незавершенности рассмотрение тогда не состоялось. О том говорит другой документ: в справке «Несколько слов о работе абазинской литературной секции», составленной П.К. Цековым в том же 1958 г., сообщалось: «Находится в производстве и другая прозаическая книга Х. Жирова “Алыц1ырта апны” (“У развилки дорог”). <…> Он пишет что-то большое и серьезное» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 6. Л. 3].

Работа над повестью затянулась, захватила 1959-й и 60-й. Когда она была завершена, перепечатана на пишущей машинке, текст произведения уже под названием «Новая борозда» был передан на экспертизу поэту П. Цекову и молодому литературоведу В. Тугову. Рецензенты подготовили развернутые отзывы на 6-7 страницах каждый.

Суть суждений Пасарби Кучуковича можно свести к нескольким тезисам:

– автор подходит к освещению вопроса при помощи фактов, которые он хорошо знает, которые сам пережил;

– Жиров сумел эту тему осветить правдиво и художественно. В повести нет схематизма и сухой декларативности;

– автор не наделяет своих героев выдуманными характерами. Это живые люди, которые совершают хорошие поступки, но не лишены ошибок. Автор вывел типичных людей;

– Жиров сумел убедительно описать жизнь аула, борьбу за колхозное движение, личную жизнь главных героев. Большинство персонажей имеют свои лица;

– язык повести сочный, колоритный, народный. Это большая заслуга автора. Каждый герой имеет свою манеру говорения.

Наряду с положительными оценками Цеков сделал 19 конкретных постраничных замечаний и отмечал, что их устранение улучшит книгу.

Подытоживая сказанное, Пасарби Кучукович писал: «Повесть Х. Жирова “Новая борозда” имеет право на жизнь. И она будет с интересом прочитана читателями, она является значительным вкладом в нашу молодую абазинскую литературу», вследствие чего и рекомендовал ее к изданию [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 27-34].

Отзыв Владимира Батаховича был выстроен в еще более позитивном ключе. В первую очередь подчеркивалась правдивость:

«В заслугу автора надо ставить тот факт, что в повести представлена сама жизнь с присущими ей противоречиями. <…>. Жизнь села, первые годы колхозной жизни отмечены и выражены художественными средствами с большой исторической достоверностью. Автор не сгладил трудности, которые встречаются на этом первом этапе коллективного труда крестьян».

Много внимания уделял рецензент персонажной системе:

«Автор повести художественно зрело и убедительно вырисовал образы представителей кулачества – семьи Канаматовых <…>.

Художественно верная характеристика, логическая, убедительная обоснованность и мотивировка поступков делают образ Мухаба полнокровным. Жизненный путь его воспринимается как единственно возможный и правильный. Душевная красота, цельность характера, внутреннее благородство, преданность делу народа как бы воплотились в образе Мухаба. <…> Образ Фариз – целомудренный, пленительный образ. Это, несомненно, большая творческая удача автора. Полнокровной жизнью живет в повести и образ Бекмурзы. Он благороден, тонок, трогательно влюблен не только в Фариз, но и в природу <…>.

Значительное место в повести отводится председателю сельсовета Худу. В его образе автор сумел охватить много характерных черт. Многие его поступки, ошибки и просчеты художественно мотивированы и убедительны. Однако в эволюции образа много неясностей, много недоговорок. Создается впечатление, что образ выписан не до конца».

Общая положительная оценка выражалась в тезисах о преодолении схематизма и голого декларирования идеи: «Основная мысль автора в большей части повести облекается в полноценную художественную оболочку»; «Сама идея <…> закономерно и логично вытекает из хода событий и является художественно мотивированным, единственно возможным заключением»; «Жизнь комсомольской и партийной организации, их участие в жизни колхоза составляет яркую страницу повести. Это несомненная победа автора повести».

Основную часть недочетов автор рецензии свел в один абзац:

«Композиция повести не всегда последовательно выражена. Создается впечатление некоторой аморфности. В некоторых местах автор вместо художественного воплощения идеи пускается в детальное описание ненужных подробностей. Вообще первая часть повести написана сильнее, вторая часть страдает некоторой недоработанностью. Рукопись требует тщательной редакции. Имеется много языковых погрешностей».

Но выявленные недостатки не отменяли обозначенные достоинства произведения, в силу чего Тугов завершал свою рецензию мыслью о том, что «новая повесть – значительное явление в абазинской литературе и несомненно привлечет внимание критиков и читающей общественности» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 34-39].

Рецензии Тугова и Цекова выражали читательскую рецепцию современников, когда не было еще в национальной литературе эстетических открытий последующих лет, и потому даже скромные на тот момент творческие удачи провоцировали экспертов на завышенные оценки. Но достаточно было и верно схваченных наблюдений, объективных суждений, трезвых умозаключений.

Рецензии были подготовлены в апреле 1961 г. (отзыв Цекова был датирован 9 апреля 1961 г.) и, видимо, тогда же переданы автору. Около полутора месяца Жиров занимался устранением предъявленных претензий, и, по всей вероятности, работа была проделана существенная. В результате автор уже в третий раз сменил наименование – «Пробуждение гор» – и повысил жанровый статус: роман[1]. В таком качестве в конце мая произведение было вынесено на рассмотрение национальной литературной секции. Повестка дня заседания отразила авторские нововведения: «Обсуждение *романа* Х. Жирова «*Ацхъаква рг1аш1ыхара*» («*Пробуждение гор*») [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 1].

Во вступительном слове писатель сообщил о проделанной «значительной доработке книги после замечаний товарищей» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 1], а затем последовали прения.

Уже в самом начале своего выступления У.Д. Ерижев дал высокую оценку произведению: «Роман Х. Жирова “Пробуждение гор” – значительное явление в абазинской литературе. Он написан живым языком, в нем очень много удачных образов. Особенно запоминается образ Мухаба и все женские образы, которые, как живые, встают перед читателем. На мой взгляд, есть и некоторые недоработки. Образ русского коммуниста Василия нужно доработать или выбросить совсем. Повысить авторитет секретаря партийной организации. Мне кажется слишком растянутым авторское отступление о прошлом Мухаба. В целом книга удалась. Она принесет большую пользу читателям в воспитании подрастающего поколения и явится большим вкладом в абазинскую прозаическую литературу» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 1].

[1] М.Х. Чикатуев в своих воспоминаниях говорил, что жанровое определение «роман» и формулировка названия «Пробуждение гор» принадлежат ему. (Чекалов П.К. Микаэль Чикатуев. Жизнь и творчество: очерки, статьи, интервью, воспоминания. – Карачаевск: КЧГУ, 2018. – С. 148). Данное утверждение вызывает сомнение, так как редактором он был назначен позднее.

Д.К. Лагучев отметил: «Первый роман Х. Жирова является, по существу, и первым романом в абазинской литературе. Читается легко, автор умело использовал народные пословицы и поговорки. Разграничил образы героев – у каждого свой портрет, свой характер, свой язык. <…> Книга хорошая, ценная для нашей молодой литературы и нужно ее выпустить в свет» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-2].

Р.М. Хужев обратил внимание на то, что Жиров допускает употребление ашхарского диалекта не только в речи персонажей, но и в авторской, что нарушало нормы абазинского литературного языка, в основе которого лежит тапантский диалект [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 2].

Далее в протоколе было зафиксировано: «Все выступившие товарищи – Цеков П.К., Тугов В.Б., Тхайцухов Б.Х., Хачуков З.К., Джегутанов К.С. – поддержали предложение издать роман “Пробуждение гор”.

Учитывая большую ценность романа Х. Жирова “Пробуждение гор” в художественном и идейном отношении, абазинская литературная группа постановляет: просить областное отделение СП (Союз писателей. – П.Ч.) выйти с ходатайством перед областным книгоиздательством выпустить в свет в 1961 г. роман Х. Жирова “Пробуждение гор”» [ГА КЧР. Ф. 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 2].

Правка текста продолжилась и после обсуждения. Редактором выступил молодой выпускник Литературного института М.Х. Чикатуев. По его словам, он «проделал большую работу» [Чекалов 2018: 148]. Наконец книга была сдана в набор 11 октября 1961 г., подписана в печать 26 декабря, а 24 марта 1962 г. национальная газета сообщила о выходе романа в свет. Помещенное в конце книги послесловие редактора завершалось констатацией: «"Пробуждение гор" в абазинской литературе – первый роман. И это большая радость» [Чикатуев 1962: 254].

Прежде, чем приступить к разговору о произведении, определим описываемую историческую эпоху. В тексте не приводится ни одна конкретная дата, но исходя из того, что в нем затрагивается тема коллективизации, можно предположить, что романное действие охватывает конец 1920-х – начало 30-х гг. Советская власть на Северном Кавказе существовала уже около 10 лет, и в романе нашли свое отражение некоторые ее атрибуты: аульский совет и ее председатель, партийная и комсомольская ячейки и их секретари, позже появляется колхозная тематика, уполномоченный обкома партии и т.д. И, тем не менее, в начале произведения складывается впечатление, будто новая власть еще не установилась, и люди живут еще по старым дореволюционным законам. И в этом сказалось отражение действительности: провозглашение социалистической формации и создание на местах ее представительных органов механически не влекло за собой изменения жизненных устоев на всем пространстве Российской империи: до окраин страны социальные перемены доходили долго. В этом плане содержание «Пробуждения гор» близко перекликается с повестью «В поисках жизни». О том же говорит и положение главного героя, табунщика богачей Канаматовых.

Роман открывается пейзажной зарисовкой: «Летний день. Нежная горная трава подобна вате. На солнечной стороне она уже начала желтеть, а на теневой

– все еще иссиня прекрасна. Проносящийся по ущелью ветерок обдает прохладой. Табун неторопливо пасется, обращенный головой в сторону ветра. Жеребята носятся вскачь и то и дело подпрыгивают возле маток. Гнедой жеребец стоит на вершине холма и стережет косяк, оглядывая всю долину. Он так вытянул шею, приподнял голову и напряженно всматривается в теснину, что создавалось впечатление, будто привстал на цыпочки. Спустя немного времени он шагнул вперед и заржал так тревожно-звонко, что весь табун мгновенно приподнял голову и замер. В ту же секунду прекратили свой бег и резвые жеребята…» [Жиров 1962: 5-6].

Экспозиция полна верных реалистических деталей: меняющая окраску летняя трава, ободряющий ветерок, обращенный головой к ветру табун, резвящиеся жеребята, застывший на вершине холма жеребец… Все это говорит о том, что автор хорошо знаком с предметом описания и умеет представить общую картину соответствующими лексико-стилистическими средствами.

Но вот безмятежная сцена прерывается тревожным ржанием жеребца, почуявшего приближение чужаков, и сразу меняется характер повествования, все приходит в движение, наполняется динамикой: отдыхавший на разостланной бурке молодой табунщик вскакивает, подбегает к коню, надевает удила, подтягивает подпруги, прыгает в седло, несется за жеребцом, настигает его перед пещерой, соскакивает на ходу, замечает двух абхазов рядом с низкорослыми горными лошадками… Попутно, наблюдая за тем, как герой изловчился и прыгнул в седло вертлявого коня, как он полетел, прильнув к луке седла, вырвал, не останавливаясь, воткнутый в землю жердь с петлей, читатель становится свидетелем его ловкости, молниеносности реакции.

Так, буквально с первых строк произведения мы знакомимся с главным героем – табунщиком Мухабом. Чуть ниже глазами гостей-абхазов, приглашенных к шалашу, мы видим его портрет. Молодому человеку девятнадцать лет, но выглядел мальчишкой, чернявым, сухопарым, с круглым лицом, коротким носом, густыми бровями и широкими плечами. Роста он был не высокого, ширинка на штанах свисала ниже колен; был подпоясан веревкой из конского волоса, отчего нижние края его рубашки топорщились; острые носки обуви из сыромятной кожи загибались вверх, как полозья санок; края износившейся войлочной шапки бессильно опускались на плечи, а из прохудившегося верха торчали пучки волос наподобие козлиной бороды [Жиров 1962: 9-10]…

В представленном довольно подробно описании внешних примет мы не увидим ничего героического, пафосного. Наоборот, складывается ощущение, будто автор намеренно принижает образ героя: используемые сравнения клока волос с козлиной бородой, кончиков обуви с полозьями санок привносят элемент комичности. Эту же роль выполняет и деталь, связанная с ширинкой, опустившейся ниже колен. Но главная цель этих выразительных средств сводится к тому, чтобы придать чертам внешности персонажа социальное звучание: он был настолько беден, что не мог справить себе ни штаны по своему росту, ни более-менее сносную шапку. Осознание безотрадности положения героя усиливается, когда мы узнаем, что он еще подростком потерял отца, с девяти лет почти безвылазно находился при табуне в горах, а дома – больной брат, не вста-

ющий с постели, да старая мать, ухаживающая за ним. Мухаб – единственная их опора, а он за год труда получает лишь одного теленка, которого можно обменять на два мешка кукурузы, тогда как для пропитания семьи в год требуется четыре – пять. Чтобы вылечить брата, нужно отвезти его к врачу в русскую станицу, но это невозможно, потому что за повозку нужно заплатить два – три пуда кукурузы, а взять их неоткуда. Хозяева табуна – богачи Канаматовы – хорошо осведомлены об обстоятельствах жизни работника, но остаются абсолютно глухи и безучастны к его судьбе и судьбам его родных. На этот счет в романе присутствует отчетливое указание: когда гости-абхазы задаются вопросом – неужели из табуна нельзя взять двух лошадей для больного? – Мухаб отвечает коротко и просто: «Можешь умереть, не отдадут» [Жиров 1962: 9]. Эта реплика не случайна: в ней сконцентрировалось и осознание несправедливости мира, и затаенная обида молодого человека. И это при том, что и отец, и старший брат всю свою жизнь проработали на тех же самых хозяев.

В плане взаимоотношений Канаматовых и их батраков показателен и эпизод с Бекмурзой, относящийся к тому времени, когда он был здоров и работал чабаном на кошу. Когда герой узнал, что отец находится в тяжелом состоянии, он попросил старшего чабана отпустить его домой, чтобы проведать родителя. Тот не разрешил. Тогда Бекмурза ушел без спроса, но отца в живых уже не застал. Вечером того же дня, когда состоялись похороны, Мазана, старший в роду Канаматовых, вызвал его и сурово спросил, почему он самовольно оставил кош? При этом красноречива сама внешность старика: морщинистое лицо, сросшиеся усы и борода, налитые кровью глаза… Уже эта портретная характеристика ничего доброго не сулит.

– Я не на игрища ушел, – сдержанно ответил чабан, – я вернулся из-за смерти отца.

– Ну и что, что отец твой умер? Разве ты бог и можешь воскресить его?

– Не знал, извини. Когда ты умрешь, я не покину отару.

Эти слова настолько взбесили Мазану, что он схватил табурет и ударил по голове Бекмурзы, в результате чего тот без сознания рухнул на порог. В ярости Мазана размахнулся еще раз, но был остановлен дочерью [Жиров 1962: 51].

Дикая расправа свидетельствует о всевластии, о воинствующем самодурстве богача. По его разумению, работник не может ступить шагу без разрешения, и смерть отца не достаточная причина, чтобы оставлять кош с овцами, даже если там находились еще два чабана. Батрак не смеет дерзить, намекать на свою правоту, он должен только беспрекословно выполнять повеления. Сцена наглядно демонстрирует необузданный нрав и бесчеловечность хозяев жизни по отношению к простолюдину. Таким образом, социальный портрет Канаматовых выглядит жестоким, беспощадным, без единой крупицы человечности. И эта характеристика впоследствии будет обрастать другими подробностями. Таким образом, «Пробуждение гор» подтверждает верность умозаключения А. Хайлова о историко-революционной прозе: «Роман, вызванный к жизни событиями революционными, давал прежде всего не столько бытовой, сколько социальный разрез действительности» [Хайлов 1978: 348].

Возвращаясь к образу Мухаба, необходимо пролить свет на его родословную. Дед его Мхамат некогда проживал в Абхазии, в высокогорном селении Псху. Войдя в противостояние с местным князем, он оказался вынужден перебраться на северные склоны Кавказского хребта и поселиться в абазинском ауле Кува. Вследствие того, что люди князя разыскивали его повсюду, Мхамату пришлось продаться Канаматовым и принять их фамилию. Тем самым он сохранил себе жизнь, но потерял свободу: он сам, его сын, внуки (Бекмурза и Мухаб) стали вечными батраками Канаматовых.

Эта предыстория объясняет, почему Мухаб так радушно встретил абхазов, он увидел в них соотечественников: «Добро пожаловать, братья! <…> Я и сам из абхазов, родом из Кувы, зовут Мухабом. Проходите, будьте нашими гостями…» [Жиров 1962: 7]. Герой простодушно доверяется путникам, не ожидая подвоха; их сочувственные реплики, когда он поведал о больном брате, принял за искреннее сопереживание, а используемое ими обращение «брат» еще больше располагало к ним. И потому, когда они изложили цель своего визита – выкупить лошадей – он не догадывается, к чему они клонят: «У меня нет лошадей на продажу. Я сам человек подневольный, не хозяин самому себе» [Жиров 1962: 11]. Но те не отступают, убеждают, наседают, предлагают не только деньги за табун Канаматовых, но и содействие в переселении: «Ты наш парень, земляк. И мать, и больного брата перевезем в Абхазию, потом возрадуешься» [Жиров 1962: 11].

Здесь небезынтересно отметить психологическое восприятие героем момента, когда гости выложили перед ним плату: «Глаза Мухаба, за всю свою жизнь не видевшего столько денег, прилипли к ним, губы его задрожали, глаза полезли на лоб, и холодный пот окатил всего» [Жиров 1962: 11]. Сцена вскрывает и удивление, и испытываемый страх за возможные последствия, и жгучий соблазн. И именно последнее чувство взяло верх: он поддался на уговоры и вместе с конокрадами погнал лошадей в сторону Абхазии.

Мухаб по природе своей не вор. Он никогда не покусился бы на чужое добро, если бы оно не было нажито жестокой эксплуатацией, если бы сам не находился в беспросветной нужде, если бы не нужно было ломать голову над несчастной судьбой больного туберкулезом брата, если бы труд его оплачивался более-менее сносно… Безысходное социальное положение вынуждает героя идти на сделку с совестью, и он становится соучастником угона. В.Б. Тугов по этому поводу высказался отчетливо и лаконично: «Нужда и врожденное чувство справедливости заставляют Мухаба продать хозяйский табун» [Тугов 1982: 7].

Позднее сам герой собственное видение сложившейся ситуации изложит председателю аулсовета так: «Если хочешь правду, табун кобылиц принадлежал мне, и я распорядился им так, как посчитал нужным. <…> Начиная с деда, мы бесплатно работали на этих собак [Канаматовых. – П.Ч.]. Я полагаю, что лошади принадлежали нам по праву…» [Жиров 1962: 85].

В беседе с матерью герой снова укажет на социальную подоплеку взаимоотношений Аргуновых и Канаматовых: «Всю жизнь они пили нашу кровь. Отец батрачил на них, брата гоняли, пока не превратили в инвалида, и ты перестала

доить их коровы лишь недавно. Вместо тебя потом меня приняли в работники. <…> Сорок лет трудились на них и заслужили только эту скривившуюся хижину» [Жиров 1962: 37].

И в этих словах кроется своя горькая правда.

Последующие события показывают, что Мухаб был не только молод, но и не опытен, простодушен, доверчив, сказанное слово воспринимал как уже выполненное дело. Вследствие этих личностных качеств он оказался одураченным: когда лошади оказались в пределах Абхазии, грабители напоили его, оставили, а сами погнали косяк дальше. Благо, конь Мухаба не дался разбойникам, а к седлу было приторочено пятизарядное ружье. Очнувшийся герой осознал свою горестную ситуацию. И несмотря на то, что находился в чужом краю, и противостояли ему два опытных абрека, он ринулся в погоню, переполненный жаждой мести, и настиг возле реки. Во время завязавшейся перестрелки конокрады, пользуясь знанием местности, согнали лошадей в лощину и, прикрываясь обрывом, перешли на другой берег. И, хотя Мухаб ранил одного из похитителей, бой был проигран. Дальнейшее преследование означало безрассудно подвергать свою жизнь опасности, но и возвращаться домой, где его ждали хозяева табуна, ничего хорошего не сулило. И было еще неизвестно, какой из двух вариантов был наихудшим. Таким образом, изначально незавидное положение героя усугубилось еще больше. Но, вверяя себя судьбе, он поворачивает назад: там свои горы, дом, мать, брат.

Отметим, что сцена погони выявляет смелость героя, его решительность, готовность вступить в схватку с превосходящими силами. И только объективные обстоятельства не позволили ему до конца реализовать свои природные качества и одержать верх.

Последующие страницы романа посвящены драматическим обстоятельствам возвращения героя на родину. Он теряет коня, попадает в плен к братьям Канаматовым, пустившимся на его поиски, но ему удается выскользнуть из их рук и продолжить путь. Эти описания полны верных наблюдений, психологических нюансов, выразительных подробностей, пейзажных зарисовок и представляют собой полноценный художественный текст, выстроенный в реалистическом ключе. Таким образом, вступительную часть (первые две главы) характеризуют жизненность и правдоподобие представленных картин. За очень редким исключением в них трудно отыскать даже штрихи и детали, которые вызвали бы в читателе сомнение относительно их подлинности и романного качества. Но далее, к сожалению, «повествование разворачивается по логике тезиса, а не по логике характера и положений» [Султанов 1989: 11]. И отход от принципов реализма встречается неоднократно. В качестве такого примера рассмотрим содержание третьей и четвертой глав, где Мухаб в лесу натыкается на убитую тремя ножевыми ударами в сердце женщину. Ужасающая подробность: живот ее был распорот, из него выпал младенец и, крича, лежал в теплой еще крови. (Его плач и привлек внимание героя). Мухаб понимает: молодую беременную женщину привезли в лес и лишили жизни, чтобы скрыть последствия чьей-то порочной связи. Но зачем нужно было распарывать живот? В такой излишней жестокости никакой необходимости не было. Тем самым автор, види-

мо, хотел подчеркнуть звериную сущность тех, кто совершил бесчеловечное злодеяние.

«Повествование разворачивается по логике тезиса, а не по логике характера и положений» [Султанов 1989: 11]. И отход от принципов реализма встречается неоднократно. В качестве такого примера рассмотрим содержание третьей и четвертой главок, где Мухаб в лесу натыкается на убитую тремя ножевыми ударами в сердце женщину. Ужасающая подробность: живот ее был распорот, из него выпал младенец и, крича, лежал в теплой еще крови. (Его плач и привлек внимание героя). Мухаб понимает: молодую беременную женщину привезли в лес и лишили жизни, чтобы скрыть последствия чьей-то порочной связи. Но зачем нужно было распарывать живот? В такой излишней жестокости никакой необходимости не было. Тем самым автор, видимо, хотел подчеркнуть звериную сущность тех, кто совершил бесчеловечное злодеяние.

В этой ситуации герой, у которого бездна собственных проблем, больной брат, старая мать, направляется в ближайший аул, обходит несколько кварталов, находит бездетную семью, передает ребенка на воспитание, возвращается в лес, хоронит покойницу и над ее могилой произносит клятву найти виновника преступления и отомстить [Жиров 1962: 27-28]. И все это совершается в течение одной ночи, что само по себе невероятно.

Далее Мухаб по следу колес и подков приходит во двор богача Сафарби, устраивается к нему на работу, удостоверяется, что именно он вынудил молодую женщину к сожительству, а когда забеременела, избавился от нее. Затем герой подгадал случай, расправился с хозяином и только после того направился дальше в свой аул.

Рассмотренный материал является чисто фольклорным, и попытку преобразования его в реалистическое повествование следует признать неудачной. Помимо того, он представляет собой побочный от основного сюжета эпизод, уводит в сторону и замедляет общий ход повествования. И это не единственный подобный случай. Вот другая сцена: вернувшись домой, Мухаб узнает от матери, что братья Канаматовы разнесли слух о том, что он не просто угнал их табун, а передал его абрекам, тем самым противопоставляя его пролетарской власти. Желая оправдать себя, Мухаб наутро сам является к председателю сельсовета и кладет перед ним свое ружье, тем самым демонстрируя готовность разоружиться и объясниться. Но, не найдя взаимопонимания, герой забирает оружие и уходит в лес в надежде найти другие пути к справедливости.

Последний фрагмент един и взаимосвязан. Это тот самый отрывок, что был опубликован в газете в начале января 1959 г. Но что мы видим в книжном издании? Возвращение героя и разговор с матерью излагается на страницах 35-37, а посещение сельсовета на следующее утро перенесено на страницы 84-86. Цельный эпизод оказался искусственно разделенным на две части, и между ними пролегло 47 страниц другого повествовательного материала о любви Бекмурзы и Фариз, абсолютно не востребованный в данном месте. Еще дальше романное действие перебивается вставным рассказом о деятельности и гибели русского революционера-подпольщика Василия Сергеевича Дубина [Жиров 1962: 107-136]. Главы об этом персонаже не имеют прямого отношения к ос-

новной проблематике произведения. В связи с этим следует отметить, что подобные необязательные вставки оказались неблагоприятными для композиции романа, они нарушили последовательность и взаимосвязь литературных событий, лишили сюжет динамичности, разрыхлили структуру романа.

Любопытная сцена разыгрывается в кабинете прокурора Хаджимата, где ведется допрос Мухаба. Так как по наущению Канаматовых бывшего табунщика подозревают в связях с антисоветской бандой (абреками), от него требуют признательных показаний относительно ее местонахождения, вооружения, количественного состава и т.д. Герой отрицает данное обвинение, но выражает готовность сотрудничать по эпизодам обнаружения в лесу трупа женщины, спасения ее ребенка, убийства Сафарби. Но следствием это почему-то в расчет не берется, а вопрос с угоном табуна вообще не поднимается. Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что прокурор настроен против Мухаба очень враждебно: называет его кровопийцей, то и дело нервно хватается за наган, подскакивает, чтобы ударить… Но, так и не добившись своего, Хаджимат вынужден отправить арестованного обратно в камеру. Он остается в кабинете один. И вдруг в нем начинают происходить совершенно не мотивированные процессы: мгновенно улетучивается вся его агрессивность, выясняется, что ему импонирует твердость характера Мухаба, в его сознании возникает даже очень неуклюжее и неуместное соотнесение героя с 26 бакинскими комиссарами, с проявленной перед их расстрелом стойкостью. И он неожиданно и беспричинно приходит к выводу о том, что Мухаба следует освободить из-под стражи и определить на учебу: «Нужно помочь ему. Обучим» [Жиров 1962: 101].

Согласимся: ход мыслей прокурора абсолютно не логичный. Если подследственный виновен, нужно доказать его вину и наказать в соответствии с его деянием; если не виновен – отпустить. Но в любом случае исходить нужно из существующего законодательства, а не из индивидуальных побуждений. В романном пространстве все происходит иначе, и в очередной главе мы встречаемся с героем уже в стенах школы-интерната, где он учится. Следовательно, с него сняты обвинения, он оправдан. Но на каком основании? В произведении нет никаких разъяснений по этому поводу. Создается впечатление, что личного мнения прокурора оказалось достаточным, чтобы так резко изменить и направить жизнь героя в позитивное русло. Заметим, что такие сюжетные ходы ничего общего с принципами реализма не имеют.

Неправдоподобность, недосказанность, непроясненность ситуации вынудило Михаила и Эрнста Эдель при переводе романа на русский язык внести в текст определенные уточнения: «Пришлось все-таки прокурору Хаджимату потрястись в бричке в Куву, затем в аул Сафарби. Оказалось – людям все хорошо известно. И про табун, и о пропавшей служанке <…>. Пришлось Хаджимату вскрыть обе могилы, убитой и убийцы. И, самое главное, в Невинке арестовали возницу Сафарби, принимавшего прямое участие в убийстве молодой женщины. Уличенный слугами Сафарби, он во всем сознался» [Жиров 1982: 94].

Таким образом, переводчики попытались выстроить переводное произведение более-менее логично, добавляя недостающие в оригинале сюжетные зве-

нья. И подобное на страницах русскоязычной версии романа происходит неоднократно.

Переходя к следующему этапу жизни Мухаба, отметим, что ранее он нигде и никогда не учился. Следовательно, грамоту ему нужно было осваивать с азов. Оказавшись среди учащихся, двадцатилетний молодой человек чувствует себя скованно и одиноко от непривычки находиться в людской гуще, с одной стороны, а с другой, – потому что был гораздо старше своих одноклассников. Комсомольская организация протянула руку помощи и в лице старшеклассницы Лидхан назначает ему помощницу, и она ежедневно проводит с ним дополнительные занятия.

Проходит около трех лет. За это время Мухаб становится членом комсомола, а затем и Коммунистической партии. За какие заслуги – не объясняется. Более того: о таких важнейших событиях в жизни героя историко-революционного романа (как и о возникшей любви к Лидхан) в произведении упоминается лишь вскользь, задним числом после того, как сами факты свершились. Безусловно, в рамках избранного жанра такие события заслуживали развернутого отображения. Небезынтересно отметить и следующее: других, более активных в общественном плане учеников (того же секретаря комсомольской ячейки Азамата, например), в партию не приняли. И вот уже обком посылает героя в родной аул с некими контролирующими функциями…

Во-первых, в Куве уже находился уполномоченный от обкома товарищ Огулов. Для чего понадобился второй человек со сходными обязанностями? Во-вторых, как можно ученика с неоконченным начальным образованием назначать на руководящую должность? Получается явная нелепица.

И тут, чувствуя нестандартность положения, переводчики снова вместо автора пытаются хотя бы отчасти сгладить обстоятельства, вводя краткую характеристику образовательного учреждения: «Школа, в которую определили Мухаба, была своеобразной; ее целью была подготовка национальных кадров, строителей советского села. Обучались в школе будущие председатели аулсоветов, культпросветработники, пропагандисты, библиотекари» [Жиров 1982: 123].

Оказывается, учебное заведение было не обычной школой, как мог предположить национальный читатель, а предназначалось для формирования необходимых пролетарскому государству специалистов. (В оригинале на этот счет какие-либо указания отсутствуют). Такая поправка не снимает всех вопросов, но несколько спасает ситуацию: если то была спецшкола, наверно, какие-то допущения были возможны.

Но на этом карьерный рост героя не завершается, а только начинается: в течение одной весны он поочередно становится секретарем партийной ячейки аула, а затем – председателем колхоза. И это при том, что у него не было ни достаточных знаний, ни опыта хозяйственной, административной и партийной работы. И, тем не менее, вчерашний батрак успешно справляется с возложенными на него задачами, не допуская никаких ошибок, и дело ведет как бывалый, опытный руководитель. И в этом тоже сказывается отход от принципов реализма. Такая стремительная карьера, по всей вероятности, должна была служить наглядной иллюстрацией реализации политического лозунга эпохи:

«Кто был ничем, тот станет всем». Пропагандистская тенденция романа очевидна, и его герой представляет собой не столько живой литературный образ, сколько идеологическую схему, призванную констатировать бесповоротность обновления абазинского аула, в лице Канаматовых вынести приговор всему старому эксплуататорскому строю: «Настал наш день. День Канаматовых ушел безвозвратно, его больше нет» [Жиров 1962: 222]. Мухаб выступает, если воспользоваться терминологией К.К. Султанова, основным «идееносителем» [Султанов 1989: 48] произведения.

Таким образом, мы становимся свидетелями продвижения героя по служебной лестнице, но при этом не видим его внутреннего роста, становления его характера, личности. Его психологическое мужание и взросление в романе никак не отражено, его человеческая и мировоззренческая эволюция подменяется описанием внешних событий, в которые герой вовлечен. По всей вероятности, ни Жиров, ни абазинская литература в целом в тот исторический период справиться с подобными эстетическими задачами были не в состоянии: не хватало творческого опыта, детальных знаний предмета изображения, писательского мастерства, умения проникать во внутренний мир персонажей. Потому и образ главного героя получился художественно не полнокровным, не убедительным. И такое явление было характерно не только для абазинской прозы, но также для адыгской (романы «На берегах Зеленчука» Х. Абукова, «Зарево» М. Дышекова), абхазской (романы И. Папаскири «Темыр», «Женская честь») и других младописьменных северокавказских литератур.

Итак, изучив роман абазинского писателя Х.Д. Жирова «Пробуждение гор», мы можем прийти к следующим выводам:

1. Вступительная часть произведения имеет жизненную, реалистическую основу, обладает ненадуманной интригой. Читатель с первых страниц вовлекается в водоворот стремительных событий и с увлечением ожидает, как герой выпутается из драматически сложившихся обстоятельств.

2. Если рассматривать «Пробуждение гор» с позиции историзма, следует признать, что содержание романа согласуется с описываемым историческим временем и местом действия. Историзм произведения подтверждается и сценами объединения людей в коллективные хозяйства, такими неординарными антагонистическими личностями, впитавшими в себя дух и веяния эпохи, как председатель сельского совета Худ Мамуков и середняк Махуд, уполномоченный от обкома партии товарищ Огулов.

3. В романе нашло свое отражение немало верных примет времени, реалии эпохи: жизнь табунщика в горах, организация колхозного движения, скандал вокруг назначения трудодней, появление в ауле первого трактора… Очень живо, со множеством узнаваемых реалистических деталей выписана весенняя картина в ауле. К лучшим страницам романа относится и глава о пахоте Махуда. Вместе с тем произведение обладает и явными изъянами, отходом от жизненной правды.

4. Роман во многом представляет собой искусственную конструкцию, когда герои предпринимают те или иные действия не в силу собственного характера, мировоззрения, сложившихся обстоятельств, а по волевому указанию ав-

тора. Если в начале произведения мотивировка поведения героя ясна, то впоследствии она зачастую пропадает. Также отсутствует изображение внутренних процессов, психологических, горестных, радостных любовных переживаний.

5. Имеет место и проблема организации романного пространства, упорядочения литературного материала. Вводные эпизоды (сцена с убитой молодой женщиной, повествование о любви Бекмурзы и Фариз, рассказ о подпольной деятельности Дубина) свидетельствуют об отсутствии композиционной выверенности, они разрывают сюжетный стержень, ослабляют динамизм событий. Основная часть «Пробуждения гор» представляет собой фрагментарные наброски осколков действительности, слабо складывающихся в единую картину. Порой отсутствует внутренняя обусловленность перехода от эпизода к эпизоду.

6. С точки зрения художественного целого «Пробуждение гор» (за исключением отдельных глав) – произведение не высокого уровня. Образное, художественное на страницах романа подчас подменяется публицистикой, язык теряет гибкость, использование выразительных средств сводится к минимуму. С позиции ценностного подхода более ранняя повесть «В поисках жизни» стоит значительно выше. Она представляется более зрелым, правдивым по отношению к отраженной действительности, по психологической мотивированности поступков персонажей, логичности причинно-следственных связей.

7. За исключением первых страниц романа образ главного героя преимущественно выступает не живым, естественным, развивающимся характером, а рукотворным. Мухаб – искусственное создание, выполненное по социальному заказу времени. И потому не мудрено, что он получился схематичным, неправдоподобным, действующим не столько в соответствии с реальными обстоятельствами и велением собственного характера, сколько по указке своего создателя. Еще меньшей эстетической полнотой обладают выделенные автором в системе персонажей Худ Мамуков и Махуд, а Муталиб, Хамзат, Азамат, Лидхан изображены эскизно, не исследованы как индивидуальности. Об уполномоченном обкома партии Огулове можно говорить, что это, скорее, персонифицированная функция, нежели живой образ.

8. Такой важный факт биографии главного героя историко-революционного романа как вступление в Коммунистическую партию не может обходиться простым упоминанием, его следовало раскрыть полно. И он представил бы обретенные героем новые качества борца за переустройство мира, его идейный рост и снял бы многие возникающие вопросы.

9. В силу обозначенных причин «Пробуждение гор» отвечает не всем требованиям классического романа.

Абхазский писатель Иван Папаскири, имея в виду недочеты как собственных произведений, так и собратьев по перу, предупреждал: «Исследователь не должен избегать освещения всех сторон того пути, который прошла абхазская литература… Однако ее нельзя механически сравнивать со зрелыми литературами и оценивать ее недостатки с точки зрения предъявляемых требований последним. *Необходимо знать и учитывать, что они послужили своеобразным*

фундаментом, на котором сформировалась национальная литература. Поэтому, даже если с сегодняшней точки зрения они выглядят слабыми, все же *нужно учесть ту неоценимую роль, которую эти произведения сыграли для последующего литературного процесса*» [Папаскири 1977: 166]. (Выделено нами. – П.Ч.)

И нам не следует забывать об этом предостережении.

Мы осознаем, что с позиции современности значительная часть абазинской прозы и поэзии 1930–60-х гг., в том числе и рассмотренный роман Х.Д. Жирова, имеет в основном историко-литературное значение. Но практически каждое из этих произведений в свое время несло с собой определенные завоевания, прокладывало новые шаги в освоении действительности, реалистических традиций, изображении характеров и событий, тем самым внося посильный вклад в становление национальной литературы. Без той предварительной работы, не лишенной изъянов и недостатков, не пройдя естественных болезней роста, абазинская словесность не обрела бы эстетической дееспособности. Факты культуры действительно нужно рассматривать в их историко-культурном контексте, не вырывая их из него. И потому мы принимаем основные положения литературоведа В.Б. Тугова о «Пробуждении гор», изложенные в монографии «Очерки истории абазинской литературы» [Тугов 1970: 143-154] и в предисловии к переводному изданию романа [Тугов 1982: 3-11]. Их суть сводится к следующей общей оценке: «Роман Х. Жирова “Пробуждение гор” явился значительным достижением молодой абазинской литературы. Он воссоздал один из самых сложных периодов в истории народа; в нем выведены и надолго запоминающиеся самобытные образы, нарисованы жизнь и быт людей эпохи коллективизации» [Тугов 1982: 10].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Воробьева 1978 – *Воробьева Н.* Принцип историзма в советском романе // Советский роман. Новаторство. Поэтика. Типология. – М.: Наука, 1978. – С. 350-389.

ГА КЧР. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 6 – *Государственный архив Карачаево-Черкесской республики*. Несколько слов о работе абазинской литературной секции. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 6. Л. 3-4.

ГА КЧР. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 9 – *Государственный архив Карачаево-Черкесской республики*. План работы Карачаево-Черкесского отделения Союза писателей на июнь 1958 г. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-2.

ГА КЧР. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-2 – *Государственный архив Карачаево-Черкесской республики*. Протокол № 3 собрания абазинской литературной группы от 27 мая 1961 г. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-2.

ГА КЧР. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 27-34 – *Государственный архив Карачаево-Черкесской республики*. Рецензия на рукопись повести Х. Жирова «Новая борозда». Ф. № 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 27-34.

ГА КЧР. Ф. № 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 34-39 – *Государственный архив Карачаево-Черкесской республики*. Рецензия на рукопись повести Х. Жирова «Новая борозда». Ф. № 362. Оп. 1. Д. 49. Л. 34-39.

Жиров 1959 – *Жиров Х.* На перекрестке дорог // Пламя гор. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1959. – С. 28-33.

Жиров 1962 – *Жиров Х.* Пробуждение гор. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1962. – 256 с.

Жиров 1982 – *Жиров Х.* Пробуждение гор / Перевод с абазинского Михаила и Эрнста Эдель. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1982. – 176 с.

Папаскири 1977 – *Папаскири И.* Рассказы бабушки и другие. – Сухум: Алашара, 1977. – 230 с.

Предисловие 1959 – *Предисловие к публикации фрагмента из повести Х. Жирова «На перекрестке дорог»* // Свет коммунизма. – 1959. – 3 января. – С. 4.

Султанов 1989 – *Султанов К.К.* Динамика жанра. Особенное и общее в опыте современного романа. – М.: Наука, 1989. – 152 с.

Султанов 2019 – *Султанов К.К.* Угол преломления. Литература и идентичность: коммуникативный аспект. – М.: ИМЛИ РАН, 2019. – 352 с.

Тугов 1970 – *Тугов В.Б.* Очерки истории абазинской литературы. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1970. – С. 143 – 154.

Тугов 1982 – *Тугов В.Б.* Революцией мобилизованный… // Жиров Х. Пробуждение гор / Перевод с абазинского Михаила и Эрнста Эдель. – Черкесск: Карачаево-Черкесское отделение Ставропольского книжного издательства, 1982. – С. 3-11.

Хайлов 1978 – *Хайлов А.* Роман в типологии повествовательных жанров // Советский роман. Новаторство. Поэтика. Типология. – М.: Наука, 1978. – С. 320-349.

Чекалов 2018 – *Чекалов П.К.* Микаэль Чикатуев. Жизнь и творчество: очерки, статьи, интервью, воспоминания. – Карачаевск: КЧГУ, 2018. – 196 с.

Чикатуев 1962 – *Чикатуев М.* Писатель, отвечающий желаниям сердца // Жиров Х. Пробуждение гор. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1962. – С. 252-254.

Чмыхов 1982 – *Чмыхов Л.М.* Писатель и история. О советском историческом романе 60 – 70-х годов. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1982. – 191 с.

REFERENCES

VOROBYOVA N. *Printsip istorizma v sovetskom romane* [The principle of historicism in the Soviet novel] // Soviet Roman. Innovation. Poetics. Typology. – M.: Science, 1978. – P. 350 – 389. (In Russ.).

GOSUDARSTVENNYY ARKHIV KARACHAYEVO-CHERKESSKOY RESPUBLIK [The State Archive of the Karachay-Cherkess Republic]. A few words about the work of the Abaza literary section. F. No. 362, In. 1, Case 6. – P. 3 – 4. (In Russ.).

GOSUDARSTVENNYY ARKHIV KARACHAYEVO-CHERKESSKOY RESPUBLIK [The State Archive of the Karachay-Cherkess Republic]. The work plan of the Karachay-Cherkess branch of the Writers' Union for June 1958. F. No. 362, In. 1, Case 9. – P. 1 – 2. (In Russ.).

GOSUDARSTVENNYY ARKHIV KARACHAYEVO-CHERKESSKOY RESPUBLIK [The State Archive of the Karachay-Cherkess Republic]. Protocol No. 3 of the meeting of the Abazin literary group dated May 27, 1961. F. No. 362, In. 1, Case 49. – P. 1 – 2. (In Russ.).

GOSUDARSTVENNYY ARKHIV KARACHAYEVO-CHERKESSKOY RESPUBLIK [The State Archive of the Karachay-Cherkess Republic]. Review of the manuscript of the story of H. Zhirov «New furrow». F. No. 362, In. 1, Case 49. – P. 27 – 34. (In Russ.).

GOSUDARSTVENNYY ARKHIV KARACHAYEVO-CHERKESSKOY RESPUBLIK [The State Archive of the Karachay-Cherkess Republic]. Review of the manuscript of the story of H. Zhirov «New furrow». F. No. 362, In. 1, Case 49. – P. 34 – 39.

ZHIROV H. *Na perekrestke dorog* [At the crossroads of roads] // Flame of the mountains. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1959. – P. 28 – 33. (In Russ.).

ZHIROV H. *Probuzhdeniye gor* [Awakening of the mountains]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1962. – 256 p. (In Russ.).

ZHIROV H. *Probuzhdeniye gor* [Awakening of the mountains] / Translation from Abazinsky Mikhail and Ernst Edel. – Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of the Stavropol Book Publishing House, 1982. – 176 p. (In Russ.).

PAPASKIRI I. *Rasskazy babushki i drugiye* [Grandma's stories and others]. – Sukhum: Alashara, 1977. – 230 p.

Predisloviye k publikatsii fragmenta iz povesti H. Zhirova «Na perekrestke dorog» [The preface to the publication of a fragment from the story of H. Zhirov "At the crossroads of roads"] // Light of communism. – 1959. – January 3. – P. 4. (In Russ.).

SULTANOV K.K. *Dinamika zhanra. Osobennoye i obshcheye v opyte sovremennogo romana* [The dynamics of the genre. Special and general in the experience of a modern nove]l. – M.: Nauka, 1989. – 152 p. (In Russ.).

SULTANOV K.K. *Ugol prelomleniya. Literatura i identichnost': kommunikativnyy aspekt* [The angle of refraction. Literature and identity: communicative aspect]. – M.: IMLI RAS, 2019. – 352 p. (In Russ.).

TUGOV V.B. *Ocherki istorii abazinskoy literatury* [Essays on the history of Abazin literature]. – Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of the Stavropol Book Publishing House, 1970. – P. 143 – 154. (In Russ.).

TUGOV V.B. *Revolyutsiyey mobilizovannyy…* [The revolution is mobilized...] // Zhirov H. Awakening of the mountains / Translation from Abazinsky Mikhail and Ernst Edel. – Cherkessk: Karachay-Cherkess branch of the Stavropol Book Publishing House, 1982. – P. 3 – 11. (In Russ.).

KHAILOV A. *Roman v tipologii povestvovatel'nykh zhanrov* [Roman in the typology of narrative genres] // Soviet Roman. Innovation. Poetics. Typology. – M.: Science, 1978. – P. 320 – 349. (In Russ.).

CHEKALOV P.K. *Mikael' Chikatuyev. Zhizn' i tvorchestvo: ocherki, stat'i, interv'yu, vospominaniya* [Michael Chikatuev. Life and creativity: essays, articles, interviews, memories]. – Karachayevsk: KCHU, 2018. – 196 p. (In Russ.).

CHIKATUEV M. *Pisatel', otvechayushchiy zhelaniyam serdtsa* [Writer, who meets the desires of the heart] // Fat H. Awakening of the mountains. – Cherkessk: Karachay-Cherkess Book Publishing House, 1962. – P. 252 – 254. (In Russ.).

CHMYKHOV L.M. *Pisatel' i istoriya. O sovetskom istoricheskom romane 60 – 70-kh godov* [Writer and history. About the Soviet historical novel of the 60s-70s.]. – Stavropol: Stavropol Book Publishing House, 1982. – 191 p. (In Russ.).

Информация об авторе

П.К. Чекалов – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

P.K. Chekalov – Doctor of Science (Philology), professor.

Статья поступила в редакцию 27.02.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 27.02.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 821.131.1+94(=352.3)
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-247-260
EDN: NHFBAS

ОБ ИСТОРИЧНОСТИ ОБРАЗА ЧЕРКЕСА АРГАНТА В ПОЭМЕ ТОРКВАТО ТАССО «ОСВОБОЖДЕННЫЙ ИЕРУСАЛИМ»

Фидель Султанович Шомахов
Неаффилированный исследователь, Москва, Россия, fid@bk.ru, https://orcid.org/0009-0007-0658-3488

Аннотация. Имагологический подход, сочетающий в себе методологические компоненты, заимствованные из литературоведения, языкознания и историографии, предоставляет возможности для системно-комплексного изучения образов стран и народов в письменном дискурсе. Актуальность этого подхода для анализа текстуальных репрезентаций адыгской идентичности продиктована, в частности, проблемой дефицита релевантных средневековых источников. Метод способствует выявлению малоизвестных документов и расширению источниковой базы адыговедения. В предлагаемой статье, подготовленной по материалам монографии автора (цитируется в тексте), исследуется вопрос исторической обусловленности образа черкеса Арганта, одного из основных действующих лиц поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим». Указаны историографические и нарративные источники, содержащие сведения о полководцах черкесского (адыгского) происхождения, состоявших на службе у Хамданидов Алеппо и египетских Фатимидов. Показана типологическая достоверность образа Арганта – этнического черкеса, включенного автором поэмы в государственную структуру Фатимидского Египта.

Ключевые слова: Торквато Тассо**,** Иерусалим, черкес Аргант, египетские Фатимиды, имагологический подход

Для цитирования: Шомахов Ф.С. Об историчности образа черкеса Арганта в поэме Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 247-260. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-247-260. EDN: NHFBAS.

© Шомахов Ф.С., 2025

Original article

ON THE HISTORICITY OF THE IMAGE OF THE CIRCASSIAN ARGANTES IN T. TASSO'S POEM «JERUSALEM DELIVERED»

Fidel S. Shomakhov
Unaffiliated Researcher, Moscow, Russia, fid@bk.ru, https://orcid.org/0009-0007-0658-3488

Abstract. The imagological approach, which combines methodological components drawn from literary studies, linguistics and historiography, provides opportunities for a systemic and comprehensive study of images of countries and peoples in written discourse. The relevancy of this approach for the analysis of textual representations of the Adyghe identity is dictated, in particular, by the problem of the deficit of relevant medieval documentary sources. The method helps reveal little-

known documents and broaden the source base of Adyghe studies. The proposed article, based on the materials of the author's monograph (quoted in the text), explores the question of the historical conditionality of the image of Circassian Argante, one of the main characters in Torquato Tasso's poem "Liberated Jerusalem". The article provides historiographical and narrative sources containing information on the commanders of Circassian (Adyghe) origin who served the Hamdanids of Aleppo and the Egyptian Fatimids. The typological reliability of the image of Argant, an ethnic Circassian included by the author of the poem in the state structure of Fatimid Egypt, is demonstrated.

Keywords. Torquato Tasso, Jerusalem Delivered, Gerusalemme Liberata, Circassian Argantes, Egyptian Fatimids, imagological approach

For citation: Shomakhov F.S. On the historicity of the image of the circassian argantes in T. Tasso's poem «Jerusalem delivered». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 247-260. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-247-260. EDN: NHFBAS.

© Shomakhov F.S., 2025

Введение

В образе Арганта, одного из центральных персонажей поэмы Торквато Тассо (1544–1595) «Освобожденный Иерусалим» / «Gerusalemme Liberata» (1581 г., далее *GL*. – *Ф.Ш.*), воплощены представления поэта о черкесах как о «других», отражающие частный этноспецифический фрагмент картины мира итальянской языковой личности Позднего Возрождения. Этнический маркер *circasso* выступает в роли триггера коннотативных ассоциаций, связанных с образом «царя Черкесии Сакрипанта», воплощенного в поэмах Маттео Боярдо и Лудовико Ариосто – предшественников Тассо на поэтическом поприще при феррарском дворе [Шомахов 2025: 23, 198, 212–213].

Аргант – персонаж вымышленный, но, как будет показано ниже, типологически достоверный. Цель настоящей статьи – продемонстрировать сходство этого литературного героя с историческими личностями, известными по восточным средневековым источникам.

Методология. Изучение исторических контекстов, относящихся к событиям сюжета и периоду создания литературного произведения, – необходимое условие корректности имагологического анализа, предмет которого составляют «текстуально выраженные характеристики чужих стран и народов… в том виде, в котором они представлены в произведениях литературы, пьесах, стихотворениях, книгах путешествий и очерках» (перевод наш. – *Ф.Ш.*) [Beller 2007: 7]. Использование инструментария имагологии для целей изучения этнической истории черкесов (адыгов) представляется, если и не обязательным, то, по меньшей мере, целесообразным методологическим условием, поскольку все тексты, в которых упоминаются адыги, за исключением некоторых произведений мамлюкской литературы и сочинений Новейшего времени, написаны авторами неадыгского происхождения [Królikowska-Jedlińska 2022: 366; Дзамихов 2008: 15; Дружинина 2018: 3].

Обсуждение

Михаил Бахтин, будучи приверженцем идеи литературно-исторического континуума, выводил из разработанной им теории диалога понятие т. н. «далекого контекста», содержащего «массы забытых смыслов», ожидающих «своего

праздника возрождения» [Бахтин 1986: 382, 392, 393]. Термин Бахтина вполне применим к эпохе правления в Египте династии Фатимидов, связанной причинно-следственными отношениями с ядром исторического контекста *GL*, т. е. с событиями Первого крестового похода 1096–1099 гг. Следует также отметить, что военные кампании периода арабо-византийских войн X в. фактически открыли эпоху крестовых походов [Rambaud 1870: 436].

Присвоив черкесу Арганту статус сатрапа [1], Тассо, условно говоря, включил его в систему государственного управления Фатимидского Египта. Сопоставляя литературную биографию Арганта со сведениями средневековых письменных памятников, можно провести сравнительные параллели с реальными историческими деятелями. В ряде арабо-персидских источников – трудах Камал ад-дин ибн ал-Адима (1192–1262), Яхьи Антиохийского (975–1066), Ибн Мискавейха (932/936–1030), Абу Шуджа ар-Рудравари (1045–1095), Хамзы ибн Асад абу Йала ибн ал-Каланиси (1070–1160) и др. [2] – фигурируют полководцы черкесского происхождения Наджа и Бакджур, состоявшие на службе у Хамданидов Алеппо (Халеба). Будучи изначально воинами-невольниками, оба достигли высокого социального положения благодаря неординарным личным способностям. По мнению некоторых исследователей, практика формирования воинских подразделений из черкесских гулямов (мамлюков) была впервые введена именно Хамданидами [Kennedy 2023: 266; Kaldellis 2017: 92; Christie 2015: 370, n. 15; Blaum 1994: 49; Bianquis 1997: 107–108; Decker 2013: 66]. Хамданиды – династия правителей эфемерного государства, включавшего в себя часть территорий Междуречья и Сирии, образованного выходцами из племени Бану Таглиб в период распада Аббасидского халифата. Реальным основателем династии признается Абу-л-Хайджа Абдаллах ибн Хамдан / Abu'l-Haijā ʻAbdallāh Ibn Hamdān, правивший в Мосуле в 905/6–929 гг. [Chevrier 2015: 52].

Результаты

Наджа ал-Касаки [3] (ум. 965) / Naǧā al-Kāsakī / Naǵa Alkâsekî, или Наджа ал-Сайфи / Najā al-Sayfī – военачальник из ближайшего окружения эмира Алеппо Сайф ал-Даулы ибн Хамдана (916–967), прославленного в арабской литературе поборника джихада, одного из главных противников христианской Византии. Сайф ал-Даула благоволил поэтам, философам и проповедникам: в период его правления Алеппо и Майафарикин [4], вторая столица эмирата, превратились в крупные центры развития мусульманской культуры. В одной из хутб (проповедей), обращенных к верующим Маййафарикина в 959 г., исламский богослов Абд ал-Рахим Ибн Нубата ал-Фарики / ʻAbd al-Raḥīm ibn Nubātah al-Fārikī (ум.

[1] От древнеперсид. *ksatrapavan* – «хранитель царства» [Шмакова, Леонтьева 2019: 49]. По представлениям хронистов крестовых походов, «сатрап» – титул правителя (эмира), аналогичный титулу «король» у западных христиан (по Гийому Тирскому), египетский султан рассматривался ими как «сюзерен» сатрапов [Лучицкая 2001: 299].

[2] ʻAẓīmī, Ibn Ẓāfir, Nuwayrī, Šimšātī, Ibn al-Aṯīr, Ḏahabī, Dawādārī, Duwal, Ta'rīḫ, ʻIbār, Ibn Šaddād, Abū Šuǧāʻ, Hamadānī, Abū l-Fidā' [Ralph-Johannes 2024a; Ralph-Johannes 2024b].

[3] Об экзонимах *касахи, кашаки* см. [Бгажноков 2020].

[4] Мартирополис / Нп'ркерт / Тигранакерт – в 70 км северо-западнее г. Амиды / Диарбакыра, ныне г. Сильван, Восточная Турция [Ter-Ghewondyan 1986: 25].

984/985) [Bauer 2014: 185] воздал хвалу эмиру Надже и его сподвижникам, поставив им в заслугу укрепление единства среди мусульман [Christie 2015: 26–27]. В проповеди по случаю победы «отца воинов» / Abu'l-Fawaris (почетная кунья. – *Ф.Ш.*) Наджи над византийцами в битве при Хисн-Зийаде [1], Ибн Нубата упоминал о нем как о неутомимом воине джихада, сравнивая с «могучим львом» [Christie 2015: 369–370]. Ф.И. Успенский в своей «Истории византийской империи» характеризовал Наджу как «опытного в военном деле вождя» [Успенский 2018: 125].

Сайф ал-Даула вступил в Алеппо, отвоеванный им у египетских Ихшидидов, осенью 944 г. В этот период Византия вела активную политику, нацеленную на возврат утраченных в период арабской экспансии территорий. Прозванный в греческих источниках «нечестивым Хамданом», Сайф ал-Даула регулярно совершал набеги во владения византийцев, поручая Надже проведение параллельных наступательных операций и тактических маневров [Bianquis 1997: 105; Howard-Johnston 2006: 240; Kennedy 2023: 262; 50: 112].

В средневековых документах сообщается о нескольких рейдах, предпринятых мусульманами под командованием Наджи ал-Касаки: осенью 960 г. он разбил войска патриция Михаила и союзника ромеев Ибн Торника, защищавших крепость Hiçn Dhîl Qarnain в верховьях реки Тигр (Ибн Торник был пленен); в октябре 961 г. одержал победу в столкновениях с византийцами в районе Андзита (Андзитены) и Феодосиополя (Каликалы / Эрзурума); в сентябре 963 г. совершил поход на Мелитену (Малатью). В скором времени Наджа, преследуя личные цели, отошел от джихада: в конце 963 г. он уже не проявлял прежней заинтересованности в пополнении своих войск добровольцами из Хорасана [Canard 1934: 135–137, 167; Garrood 2008: 131, 135, 139; Kaldellis 2017: 39; 28: 18]. В этом смысле показателен инцидент, произошедший в городе Харране, жителей которого Наджа по собственной инициативе обложил данью в 1 млн. дирхемов за неповиновение своему брату Наме (сумма была снижена до 320 тыс. и собрана в течение 5 дней) [Miskawaih 1921: 215; Tor 2007: 260]. В ноябре 963 г. Наджа возглавил мятеж, в подготовке которого Нама сыграл главную роль [Minorsky 1987: 159; id. 1953: 26, n. 6; Canard 1934: 252, n. 4]. Совершив неудачную попытку овладеть Маййафарикином, обороной которого в отсутствие Сайф ал-Даулы руководила его жена, Наджа направился в район озера Ван, где захватил несколько крепостей, принадлежавших эмиру племени кайситов Абу'л-Варду II [Yaḥyā 1924: 792; Bianquis 1997: 106]. В одном из стихотворений Абу Фираза, кузена Сайф ал-Даулы, в связи с этим событием упоминаются следующие топонимы: Mantzikert / Манцикерт, Khilat / Хилат, Perkri / Перкри, Dhât al-Djaouz / Дат ал-Джауз (Арцах), Ardjîch (Aghdznik) / Ахдзник [Canard 1948: 92]. Все земли кайситов перешли к Надже и двум его братьям, обосновавшимся в Хилате и Бидлисе [Ter-Ghewondyan 1976: 87–88]. В сентябре-октябре 964 г. Наджа был прощен Сайф ал-Даулой и восстановлен в правах [Miskawaih 1921: 223; Yaḥyā 1924: 795].

[1] Сражение произошло 27 сентября 962 г. [Canard 1934: 142]; Хисн-Зийад (Харперт / Хартабирт) – крепость в Джазире (Верхней Месопотамии) на восточном рукаве Евфрата, к северо-востоку от Мелитены, ныне г. Харпут в Турции (Восточная Анатолия) [Гусейнов 1960: 161].

В феврале-марте или в марте-апреле 965 г. на пиру у Сайф ал-Даулы Наджа публично оскорбил жену своего патрона, вследствие чего был немедленно убит (возможно, причина инцидента связана с обстоятельствами похода Наджи на Маййафарикин. – *Ф.Ш.*). Тело, вероятно, по указанию последней, бросили в выгребную яму, но на следующий день оно было предано земле (Наджа похоронен в мавзолее Хамданидов) [Yaḥyā 1924: 795; Bianquis 1997: 108]. По Ибн Азраку, территориями, завоеванными Наджей, овладел Сайф ал-Даула, который в начале 966 г. лично вывез из Византийской Армении двух его братьев [1] [Canard 1948: 91].

По прошествии всего четырех лет после смерти Наджи, в центре бурных событий, разыгравшихся в эмирате Хамданидов, оказался еще один представитель черкесской военной диаспоры – Абу л-Фаварис Бакджур ал-Хаджиби ал-Касеки (ум. 991) / Abu ’l-Fawâris Bakǵûr Alḥâǵibî Alkâsekî / Abū l-Fāris al-Baqjūr. Бакджур, как и Наджа, начинал военную карьеру в качестве мамлюка Сайф ал-Даулы ибн Хамдана [Zettersteen 1987: 109]. В течение двух последних десятилетий своей жизни он занимал посты правителя (вали) в нескольких стратегически важных городах Сирии, таких как Алеппо, Химс / Хомс / Эмеса, Дамаск и Ракка. После смерти Бакджура 300 бойцов его дамасской гвардии были включены в армию Фатимидов, составив основу подразделения, упоминаемого в документах 395 г. Хиджры (1004–1005 гг.) как «Бакджурия» / *Bakjūriyya* [Lev 1987: 343].

После смерти Сайф ал-Даулы в феврале 967 г., главой государства Хамданидов Алеппо стал его пятнадцатилетний сын Абу ал-Маали (952–991) / Abū al-Ma‘ālī (далее Саад [2] ал-Даула. – *Ф.Ш.*). В декабре 968 г. власть в эмирате узурпировал выходец из числа тюркских гулямов Каргуя, занимавший при дворе Сайф ал-Даулы пост хаджиба [3]. Готовя переворот, Каргуя убедил наследника покинуть Алеппо, использовав как предлог слухи о приближении византийской армии [Schlumberger 1890: 712]. Соправителем Каргуи, сохранившего за собой статус хаджиба, стал Бакджур, получивший титул эмира Алеппо (в его ведении была цитадель города). Как сообщает Ибн ал-Адим, оба упоминались в пятничных молитвах, имя Бакджура чеканилось на монетах [Canard 1986: 129b; Heidemann 2006: 128, n. 17; Freytag 1820: 5; id. 1857: 229–230].

К событиям, повлиявшим на дальнейшее развитие ситуации, следует отнести захват в июле 969 г. Египта Фатимидами, положившими конец династии Ихшидидов, а также взятие Антиохии византийской армией в октябре этого же года. Фатимиды, государство которых образовалось в Северной Африке в конце первого десятилетия X в., заложили в Египте свою новую столицу – город Каир, куда в 973 г. переехал халиф Ал-Муизз. В 975 г. Фатимидский халифат возглавил сын Ал-Муизза – Абу Мансур Низар ибн Маадд ал-Азиз Биллах (Ал-Азиз) / Al-ʿAzīz Billāh Nizār Abū Manṣūr, правивший до 996 г. Ал-Азиз пресле-

[1] Гулям Нама упоминается в источниках в связи с событиями 968 г. в городе Рахбе (терр. совр. Сирии. – *Ф.Ш.*) [Bianquis 1989–1990: 31].

[2] «Счастье династии» – почетный лакаб был получен наследником в марте 979 г. [Forsyth 1977: 396].

[3] Хаджиб (букв. «тот, кто прерывает путь к правителю», «скрывающий его занавесом») – дворецкий, мог быть одновременно послом, полководцем, наместником султана [Семенова 1990: 70–71]; тж. первый министр и главный визирь [Сухова 2016: 17].

довал цели распространения шиитского ислама и расширения владений халифата за счет территорий, подконтрольных византийцам и Аббасидам [Farag 1990: 44–45; Stevenson 1926: 244, 247; Canard 1986a: 823–824].

В 969 г. Саад ал-Даула попытался вернуть Алеппо под свой контроль. В течение нескольких месяцев, начиная с июля, он вел бои против Каргуи и Бакджура под стенами города и был близок к успеху. Каргуя обратился за помощью к византийцам, и в декабре 969 г. армия стратопедарха[1] Петра Фоки подошла к Алеппо. К тому времени Саад ал-Даула уже отвел свои войска от города, но Фока решил воспользоваться случаем и овладеть Алеппо. Осада города продолжалась 27 дней, в течение которых велись переговоры. По условиям договора о перемирии, навязанного Фокой Каргуе и Бакджуру, последние, хотя и оставались при власти, обязывались выполнять союзнические обязательства и платить грекам ежегодную дань. Алеппо, таким образом, перешел под протекторат Византии [Freytag 1857: 231-233; Schlumberger 1890: 728-729; Lacey 2021: 51; Salibi 1977: 69-70].

Дуумвират Каргуи и Бакджура просуществовал недолго. В 975 г. Бакджур арестовал Каргую и стал единоличным правителем Алеппо, однако уже в 977 г. он был вынужден сдать город Саад ал-Дауле, удовлетворившись предложенным ему постом наместника в Химсе [Stevenson 1926: 250; Freytag 1820: 12]. Впоследствии отношения Бакджура с Саад ал-Даулой испортились окончательно. В июле 983 г. Фатимиды захватили Дамаск и позднее часть своих войск, стоявших в Сирии, предоставили в распоряжение Бакджура. 12 сентября этого же года Бакджур осадил Алеппо [Forsyth 1977: 418]. Теперь уже Саад ал-Дауле пришлось искать помощи у визатийцев. В октябре под давлением Варды Фоки Бакджур отступил в район Джусии[2] , переправив в Баальбек свое имущество, находившееся в Химсе. Византийцы вошли в Химс 30 октября, сожгли кафедральную мечеть и увели в рабство большое количество жителей. Согласно Ибн ал-Каланиси, Химс был разрушен Фокой по настоянию Саад ал-Даулы – чтобы лишить Бакджура и Фатимидов возможности в дальнейшем использовать город в качестве опорного пункта [Canard 1973: 296–297; Honigmann 1935: 104; Розен 1883: 18].

В начале декабря 983 г. халиф Ал-Азиз направил письменное распоряжение командующему войсками в Сирии передать город Дамаск в управление Бакджуру [Gil 1997: 365; Lev 1981: 243; Bathurst 1780: 413]. По свидетельству Ар-Рудравари, накануне этого события Бакджур удостоился аудиенции у халифа, который в знак своего расположения одарил его почетным одеянием [Rudhrawari 1921: 219]. На Бакджура возлагались задачи проведения политики Фатимидов, нацеленной на территориальное расширение халифата. Ему удалось установить контроль над Раккой и Рахбой [Franceschini 2012: 11; Brett 2001: 349], однако в

[1] *Стратопедарх* (греч. *στρατοπεδάρχης*) – военачальник византийской армии, в V–IX вв. то же, что и *стратиг*; в 967 г. император Византии Никифор II Фока ввел пост стратопедарха специально для Петра Фоки, кото-рый, будучи евнухом, не мог занимать пост *доместика* [Kazhdan 1991: 1966–1967]. Доместик – командующий схолой, подразделением имперской гвардии [Canard 1934: 75, n. 2].

[2] Южнее Химса, на расстоянии одного дня пути по направлению к Дамаску [Марр 1901: 104].

988 г. – вследствие конфликта с визирем Ибн Киллисом[1] – Бакджур был смещен с поста вали Дамаска [Stevenson 1926: 249; Canard 1986b: 130; Haddab, Allawi 2021: 1324–1325]. Обосновавшись в Ракке, Бакджур написал письмо Саад-ал-Дауле, в котором потребовал предоставить ему права на управление Химсом, однако ответа не получил. Старые боевые соратники Бакджура информировали его из Алеппо о том, что эмир Саад ал-Даула погряз в роскоши и в случае атаки на город не сможет оказать серьезного сопротивления [Bianquis 1989–1990: 33]. Египетский халиф Аль-Азиз, для которого захват Алеппо открывал перспективу продвижения в Ирак, пообещал Бакджуру свое содействие в проведении экспедиции. Однако Наззал Гури / Nazzal Ghuri, наместник Аль-Азиза в Триполи, умышленно задержал отправку обещанного Бакджуру подкрепления [Rudhrawari 1921: 220–221]. В битве, состоявшейся 25 апреля 991 г., в которой на стороне Саад ал-Даулы был и византийский отряд дуки Антиохии Михаила Вурцы, Бакджур, преданный арабами племени Бану Килаб, потерпел поражение и попал в плен. На следующий день, как сообщает Ибн ал-Адим, Бакджур был обезглавлен и распят вверх ногами [Freytag 1857: 243; Eddé 1995: 66; Lacey 2021: 52; Успенский 2018: 222; Rudhrawari 1921: 224–225].

В образе черкеса Арганта Торквато Тассо акцентирует жестокость как свойство натуры этого персонажа, и эту же черту в характере Бакджура выделяют средневековые летописцы. Яхья Антиохийский пишет: «И пошел Бакджур в Дамаск и был назначен правителем его и схватил затем тамошних бунтарей и убил их более трех тысяч, и распял некоторых, а других зарыл живыми» [Розен 1883: 19]. Абу-л-Фида указывает, что Бакджур, ставший правителем Дамаска в седьмом месяце 373 г. Хиджры (декабрь 983 г.), проявил себя как «несправедливый тиран» / *iniquum tyrannum* [Abu-’l-Fidā’ 1790: 535, 557, 563, 577]. По мнению составителей «Современной части всеобщей истории», вышедшей в Лондоне в XVIII в., Бакджур – самый «кровавый и деспотичный» / *bloody and oppressive* из эмиров, когда-либо правивших Дамаском [Bathurst 1780: 413].

Заключение

При выявлении прототипических основ образа Арганта (о прототипах литературных героев см. [Рейтблат 2024: 176]), как представляется, следует в первую очередь анализировать фрагменты сюжета поэмы, содержательно связанные с концептом «Фатимиды». Сходство фикциональных компонентов образа с реальными биографическими характеристиками Наджи и Бакджура – участников событий «далекого контекста» – свидетельствует о типологической достоверности указанного персонажа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бахтин 1986 – *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – [2-е изд.]. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.

[1] Фатимидский визирь Якуб ибн Киллис / Yaʿqūb ibn Killis пытался организовать убийство Бакджура [Lev 1981: 243].

Бгажноков 2020 – *Бгажноков Б.Х.* О кашаках (касах) и Кашакии на Северном Кавказе // Вестник КБИГИ. – 2020. – № 3 (46). – С. 14–21.

Гусейнов 1960 – *Гусейнов Р.А.* Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. – Баку: Красный Восток, 1960. – 180 с.

Дзамихов 2008 – *Дзамихов К.Ф.* Накопление исторических сведений и знаний о Кабарде в России (XI–XVIII века) // Адыги: вехи истории. – Нальчик: Эльбрус, 2008. – С. 15–33.

Дружинина 2018 – *Дружинина И.А.* Погребальные памятники Северо-Восточного Причерноморья и Северного Кавказа XIII–XVIII вв. как источник по истории адыгских народов: дисс… канд. ист. н-к. – М., 2018. – 143 с.

Лучицкая 2001 – *Лучицкая С.И.* Образ Другого: мусульмане в хрониках крестовых походов. – СПб.: Алетейя, 2001. – 412 с.

Марр 1901 – *Марр Н.Я.* Агиографические материалы по грузинским рукописям Ивера: В 2 ч. Ч. 2 // Записки Вост. Отд. Императ. Рус. Археол. Общ. Т. 13. – СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1901. – 144 с.

Рейтблат 2024 – *Рейтблат А.И.* «Прототип» как научная категория // Новое литературное обозрение. – 2024. – № 1 (185). – С. 175–189.

Розен 1883 – *Розен В.Р.* Яхья ибн Саид Антаки. Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. – СПб.: Тип. Императ. акад. наук, 1883. – 447 с.

Семенова 1990 – *Семенова Л.А.* Из истории средневековой Сирии: Сельджукский период. – М.: Наука, 1990. – 248 с.

Сухова 2016 – *Сухова Е.Ф.* Обращения арабского и русского речевых этикетов: материалы для самостоятельной работы, учебно-методическое пособие. Ч. 2. – Нижний Новгород: Нижегородский госун-тет, 2016. – 111 с.

Успенский 2018 – *Успенский Ф.И.* История византийской империи: в 8 т. Т. 6. – М.: Юрайт, 2018. – 253 с.

Шмакова, Леонтьева 2019 – *Шмакова Н.Н., Леонтьева Е.А.* История Древнего мира: учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета. – Оренбург: Орен-Печать, 2019. – 73 с.

Шомахов 2025 – *Шомахов Ф.С.* Образы черкесов (адыгов) в художественной литературе итальянского Возрождения. Историко-филологический обзор. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2025. – 360 с.

Abu-’l-Fidā’ 1790 – Abu-’l-Fidā’ Ismā‘īl Ibn-‘Alī, J.G.C. Adler, J.J. Reiske. Abulfedae Annales Muslemici Arabice et Latine: 2. – Hafniae: Thiele, 1790. – 790 p. (In Arab., Lat.)

Bathurst 1780 – Bathurst C., Rivington J.F., C. Rivington [et al.]. An Universal History: From the Earliest Accounts to the Present Time: In 42 vol. Vol. 2. – London: Printed for C. Bathurst [et al.], 1780. – 491 p. (In Engl.).

Bauer 2014 – Bauer T. Dignity at stake: mujūn epigrams by Ibn Nubāta and his contemoraries // The Rude, the Bad and the Bawdy: Essays in Honor of Professor Geert Jan Gelder. – Cambridge: Gibb Memorial Trust, 2014. – P. 160–185. (In Engl.).

Beller 2007 – Beller, M. Perception, image, imagology // Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: a Critical Survey. – Amsterdam: Rodopi, 2007. – P. 3–16. (In Engl.).

Bianquis 1989–1990 – Bianquis T. Raḥba et les Tribus Arabes avant les Croisades // Bulletin d’études orientales. – 1989–1990. – T. 41/42. – P. 23–53. (In Fren.).

Bianquis 1997 – Bianquis T. Sayf al-Dawla // The Encyclopaedia of Islam: Vol. IX. – Leiden: Brill, 1997. – P. 103–110. (In Engl.).

Blaum 1994 – Blaum P.A. The Days of the Warlords: A History of the Byzantine Empire, A.D. 969–991. – Lanham: University Press of America, 1994. – 132 p. (In Engl.).

Brett 2001 – Brett M. The Rise of the Fatimids: The World of the Mediterrane-an and the Middle East in the Fourth Century of the Hijra, Tenth Century CE. – Leiden; Boston; Koln: Brill, 2001. – 497 p. (In Engl.).

Canard 1986a – Canard M. Al-ʿAzīz Billāh Nizār Abū Manṣūr // The Encyclopaedia of Islam: Vol. I. – Leiden: Brill, 1986. – P. 823–825. (In Engl.).

Canard 1986b – Canard M. Ḥamdānids // The Encyclopaedia of Islam: Vol. III. – Leiden; London: Brill, Luzac, 1986. – P. 126–131. (In Engl.).

Canard 1948 – Canard M. Les Hamdanides et l'Arménie // Annales de l'Institut d'Etudes orientales. – 1948. – T. VII. – P. 77–94. (In Fren.).

Canard 1973 – Canard M. Les sources arabes de l'histoire byzantine aux confins des Xe et Xle siècles // Byzance et les musulmans du Proche Orient. – London: Variorum Reprints, 1973. – P. 284–314. (In Fren.).

Canard 1934 – Canard M. Sayf al Daula: Recueil de textes relatifs à l'émir Sayf al Daula le Hamdanide avec annotations, cartes et plans. – Alger: Jules Carbonel, 1934. – 488 p. (In Fren.).

Chevrier 2015 – Chevrier M.R. L'image de l'«Autre»: le cas des Arabes musulmans chez Léon le Diacre, Jean Skylitzès, Nicéphore Phocaset Yahya d'Antioche: La thèse de Master. – Lorient: Université Bretagne Sud, 2015. – 74 p. (In Fren.).

Christie 2015 – Christie N., ʻAlī ibn Ṭāhir Sulamī. The book of the jihad of ʻAli ibn Tahir al-Sulami (d. 1106): text, translation and commentary. – Farnham; Burlington, VT: Ashgate, 2015. – 416 p. (In Arab., Engl.).

Decker 2013 – Decker M. The Byzantine art of war. – Yardley, PA: Westholme, 2013. – 274 p. (In Engl.).

Eddé 1995 – Eddé A.-M., Micheau F. Sous les murailles d'Alep: assaillants et défenseurs de 351/962 à 658/1260 // Le combattant au Moyen Age: Actes des congrès de la Société des historiens médié-vistes de l'enseignement supérieur public, 18e congrès, Montpellier, 1987. – Paris: Publications de la Sorbonne, 1995. – P. 63–72. (In Fren.).

Farag 1990 – Farag W. The Aleppo Question: a Byzantine-Fatimid Conflict of Interests in Northern Syria in the Later Tenth Century A.D // Byzantine and Modern Greek Studies. – 1990. – Vol. 14. – P. 44–60. (In Engl.).

Forsyth 1977 – Forsyth J.H. The Byzantine-Arab Chronicle (938–1034) of Yaḥyā b. Sa'īd al-Anṭākī: PhD Thesis. – Ann Arbor, MI: University of Michigan, 1977. – 634 p. (In Engl.).

Franceschini 2012 – Franceschini J. The Fatimids: From Ifriqiya to the walls of Aleppo // Medieval Warfare. – 2012. – Vol. 2. – № 6. – P. 9–13. (In Engl.).

Freytag 1857 – Freytag G.W. Geschichte der Dynastien der Hamdaniden in Mosul und Aleppo // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. – 1857. – Vol. 11. – № 2. – P. 177–252. (In Germ.).

Freytag 1820 – Freytag G.W., Kamāl al-Dīn ʻUmar ibn Aḥmad ibn al-ʻAdīm Regnum Saahd-Aldaulae in oppido Halebo: Regierung des Saahd-Aldaula zu Aleppo. – Bonn: Adolph Marcus, 1820. – viii, 39, 26 p. (In Germ.).

Garrood 2008 – Garrood W. The Byzantine Conquest of Cilicia and the Hamdanids of Aleppo, 959-965 // Anatolian Studies. – 2008. – Vol. 58. – P. 127–140. (In Engl.).

Gil 1997 – Gil M., Broido E. The episode of Bakjur, 983-988 // A history of Palestine, 634–1099. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 364–366. (In Engl.).

Haddab, Allawi 2021 – Haddab I.A., Allawi A.M. Despotism and Excessive Control and Their Impact on Isolation in the Fatimid Era (358–567 AH / 969–1171 AD) // Palarch's Journal of Archaeology Of Egypt. – 2021. – № 18 (10). – P. 1322–1329. (In Engl.).

Heidemann 2006 – Heidemann S. The Citadel of al-Raqqa and Fortifications in the Middle Euphrates Area // Muslim Military Architecture in Greater Syria. – Leiden; Boston: Brill, 2006. – P. 122–150. (In Engl.).

Honigmann E. Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches: von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen. – Bruxelles: Editions de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales, 1935. – 269 p. (In Germ.).

Howard-Johnston 2006 – Howard-Johnston J. East Rome, Sasanian Persia and the End of Antiquity: Historiographical and Historical Studies. – Aldershot: Ashgate Publishing, 2006. – 318 p. (In Engl.).

Kaldellis 2017 – Kaldellis A. Streams of Gold, Rivers of Blood: The Rise and Fall of Byzantium, 955 a.d. to the First Crusade. – New York: Oxford University Press, 2017. – 399 p. (In Engl.).

Kazhdan 1991 – Kazhdan A.P. The Oxford Dictionary of Byzantium: in 3 vol. Vol. 3. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. – 2232 p. (In Engl.).

Kennedy 2023 – Kennedy H. The Prophet and the Age of the Caliphates: The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century. – [4-th edition]. – London; New York: Routledge, 2023. – 401 p. (In Engl.).

Królikowska-Jedlińska 2022 – Królikowska-Jedlińska N. Slaves of the Crimean Khan or Muslim Warriors? The Status of Circassians in the Early Modern Period // Slavery in the Black Sea Region, c.900–1900: Forms of Unfreedom at the Intersection between Christianity and Islam. – Leiden; Boston: Brill, 2022. – P. 364–384. (In Engl.).

Lacey 2021 – Lacey R.K. All the World is Awry: Al-Maʿarrī and the Luzūmiyyāt, Revisited. – Albany: State University of New York Press, 2021. – 468 p. (In Engl.).

Lev 1987 – Lev Y. Army, Regime, and Society in Fatimid Egypt, 358-487/968-1094 // International Journal of Middle East Studies. – 1987. – Vol. 19. – № 3. – P. 337–365. (In Engl.).

Lev 1981 – Lev Y. The Faṭimid vizier Ya‘qub ibn Killis and the Beginning of the Faṭimid Administration in Egypt // Der Islam. – 1981. – Vol. 58. – № 2. – P. 237–249. (In Engl.).

Minorsky 1987 – Minorsky V. Maiyāfāriḳīn // First Encyclopaedia of Islam: 1913–1936: Vol. V. – Leiden; New York: Brill, 1987. – P. 157–161. (In Engl.).

Miskawaih A.A., Margoliouth D.S. The Concluding Portion of the Experiences of the Nations // The Eclipse of the ‘Abbasid Caliphate: Vol. II. – Oxford: Basil Blackwell, 1921. – 456 p. (In Engl.).

Ralph-Johannes L., Ludwig C., Zielke B. Bakǧūr // Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. – URL: https://www.degruyter.com/database/PMBZ/entry/PMBZ22900/html (дата обращения: 26.01.2025). (In Engl., Germ.).

Ralph-Johannes L., Ludwig C., Zielke B. Naǧā al-Kāsakī // Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. – URL: https://www.degruyter.com/database/PMBZ/entry /PMBZ27641/html (дата обращения: 26.01.2025). (In Engl., Germ.).

Rambaud 1870 – Rambaud A. L’Empire grec au dixième siècle: Constantin Porphyrogénète. – Paris: A. Franck, 1870. – 550 p. (In Fren.).

Rudhrawari 1921 – Rudhrawari A.S. Continuation of the Experiences of the Nations // The Eclipse of the ‘Abbasid Caliphate: Vol. VI. – Oxford: Basil Blackwell, 1921. – 489 p. (In Engl.).

Salibi 1977 – Salibi K.S. Syria under Islam: Empire on Trial (634-1097). – Delmar, NY: Caravan Books, 1977. – 193 p. (In Engl.).

Schlumberger 1890 – Schlumberger G.L. Un empereur byzantin au dixième siècle: Nicéphore Phocas. – Paris: Firmin-Didot et cie, 1890. – 779 p. (In Fren.).

Stevenson 1926 – Stevenson W.B. Islam in Syria and Egypt, 750–1100 // The Cambridge Medieval History: Vol. V. – New York: The Macmillan Company, 1926. – P. 242–264. (In Engl.).

Ter-Ghewondyan 1986 – Ter-Ghewondyan A. The Arab Emirates in Bagratid Armenia. – Lisbon: Calouste Gulbenkian Foundation, 1976. – 244 p. (In Engl.).

Tor 2007 – Tor D.G. Violent Order: Religious Warfare, Chivalry, and the ‘Ayyar Phenomenon in the Medieval Islamic World. – Würzburg: Ergon Verlag, 2007. – 318 p. (In Engl.).

Yaḥyā ibn Sa‘īd al-Anṭākī, Kratchkovsky I.I., Vasiliev A.A. Histoire de Yahya-ibn-Sa‘īd d’Antioche continuateur de Sa‘īd-ibn-Bitriq // Patrologia Orientalis: T. 18: F. 5. – Paris: Firmin-Didot, 1924. – P. 701–834. (In Arab., Fren.).

Zettersteen 1987 – Zettersteen K.V. Al-Maghribī // First Encyclopaedia of Islam: 1913–1936: Vol. V. – Leiden; New York: Brill, 1987. – P. 109–110. (In Engl.).

REFERENCES

ABU-’L-FIDĀ’ ISMĀ‘ĪL IBN-‘ALĪ, J.G.C. ADLER, J.J. REISKE. *Abulfedae Annales Muslemici Arabice et Latine*: 2. – Hafniae: Thiele, 1790. – 790 p. (In Arab., Lat.)

BAKHTIN M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. – [2-e izd.]. – M.: Iskusstvo, 1986. – 445 s. (In Russ.).

BATHURST C., RIVINGTON J.F., RIVINGTON C. [et al.]. *An Universal History: From the Earliest Accounts to the Present Time*: In 42 vol. Vol. 2. – London: Printed for C. Bathurst [et al.], 1780. – 491 p. (In Engl.).

BAUER T. *Dignity at stake: mujūn epigrams by Ibn Nubāta and his contemoraries* // The Rude, the Bad and the Bawdy: Essays in Honor of Professor Geert Jan Gelder. – Cambridge: Gibb Memorial Trust, 2014. – P. 160–185. (In Engl.).

BELLER, M. *Perception, image, imagology* // Imagology: The Cultural Construction and Literary Representation of National Characters: a Critical Survey. – Amsterdam: Rodopi, 2007. – P. 3–16. (In Engl.).

BGAZHNOKOV B.KH. *O kashakakh (kasakh) i Kashakii na Severnom Kavkaze* [About kashaks (kasas) and Kashakia in the North Caucasus] // Vestnik KBIGI. – 2020. – № 3 (46). – P. 14–21. (In Russ.).

BIANQUIS T. *Raḥba et les Tribus Arabes avant les Croisades* // Bulletin d'études orientales. – 1989–1990. – T. 41/42. – P. 23–53. (In Fren.).

BIANQUIS T. *Sayf al-Dawla* // The Encyclopaedia of Islam: Vol. IX. – Leiden: Brill, 1997. – P. 103–110. (In Engl.).

BLAUM P.A. *The Days of the Warlords: A History of the Byzantine Empire, A.D. 969–991*. – Lanham: University Press of America, 1994. – 132 p. (In Engl.).

BRETT M. *The Rise of the Fatimids: The World of the Mediterranean and the Middle East in the Fourth Century of the Hijra, Tenth Century CE*. – Leiden; Boston; Koln: Brill, 2001. – 497 p. (In Engl.).

CANARD M. *Al-ʿAzīz Billāh Nizār Abū Manṣūr* // The Encyclopaedia of Islam: Vol. I. – Leiden: Brill, 1986. – P. 823–825. (In Engl.).

CANARD M. *Ḥamdānids* // The Encyclopaedia of Islam: Vol. III. – Leiden; London: Brill, Luzac, 1986. – P. 126–131. (In Engl.).

CANARD M. *Les Hamdanides et l'Arménie* // Annales de l'Institut d'Etudes orientales. – 1948. – T. VII. – P. 77–94. (In Fren.).

CANARD M. *Les sources arabes de l'histoire byzantine aux confins des Xe et Xle siècles* // Byzance et les musulmans du Proche Orient. – London: Variorum Reprints, 1973. – P. 284–314. (In Fren.).

CANARD M. *Sayf al Daula: Recueil de textes relatifs à l'émir Sayf al Daula le Hamdanide avec annotations, cartes et plans*. – Alger: Jules Carbonel, 1934. – 488 p. (In Fren.).

CHEVRIER M.R. *L'image de l'«Autre»: le cas des Arabes musulmans chez Léon le Diacre, Jean Skylitzès, Nicéphore Phocaset Yahya d'Antioche: La thèse de Master*. – Lorient: Université Bretagne Sud, 2015. – 74 p. (In Fren.).

CHRISTIE N., ʻALĪ IBN ṬĀHIR SULAMĪ. The book of the jihad of ʻAli ibn Tahir al-Sulami (d. 1106): text, translation and commentary. – Farnham; Burlington, VT: Ashgate, 2015. – 416 p. (In Arab., Engl.)

DECKER M. *The Byzantine art of war*. – Yardley, PA: Westholme, 2013. – 274 p. (In Engl.).

DRUZHININA I.A. *Pogrebal'nye pamyatniki Severo-Vostochnogo Prichernomor'ya i Severnogo Kavkaza XIII–XVIII vv. kak istochnik po istorii adygskikh narodov: diss. kand. ist. n-k* [Funerary monuments of the North-Eastern Black Sea region and the North Caucasus of the XIII-XVIII cc. as a source on the history of the Adyghe Peoples: diss. Ph.D. in History]. – M., 2018. – 143 p. (In Russ.).

DZAMIKHOV K.F. *Nakoplenie istoricheskikh svedenii i znanii o Kabarde v Rossii (XI–XVIII veka)* [Accumulation of historical information and knowledge about Kabarda in Russia (XI-XVIII centuries)] // Adygi: vekhi istorii. – Nal'chik: El'brus, 2008. – P. 15–33. (In Russ.).

EDDÉ A.-M., MICHEAU F. *Sous les murailles d'Alep: assaillants et défenseurs de 351/962 à 658/1260* // Le combattant au Moyen Age: Actes des congrès de la Société des historiens médié-

vistes de l'enseignement supérieur public, 18e congrès, Montpellier, 1987. – Paris: Publications de la Sorbonne, 1995. – P. 63–72. (In Fren.).

FARAG W. *The Aleppo Question: a Byzantine-Fatimid Conflict of Interests in Northern Syria in the Later Tenth Century A.D* // Byzantine and Modern Greek Studies. – 1990. – Vol. 14. – P. 44–60. (In Engl.).

FORSYTH J.H. *The Byzantine-Arab Chronicle (938–1034) of Yaḥyā b. Sa'īd al-Anṭākī: PhD Thesis*. – Ann Arbor, MI: University of Michigan, 1977. – 634 p. (In Engl.).

FRANCESCHINI J. *The Fatimids: From Ifriqiya to the walls of Aleppo* // Medieval Warfare. – 2012. – Vol. 2. – № 6. – P. 9–13. (In Engl.).

FREYTAG G.W. *Geschichte der Dynastien der Hamdaniden in Mosul und Aleppo* // Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft. – 1857. – Vol. 11. – № 2. – P. 177–252. (In Germ.).

FREYTAG G.W., KAMĀL AL-DĪN 'UMAR IBN AḤMAD IBN AL-ADĪM. *Regnum Saahd-Aldaulae in oppido Halebo: Regierung des Saahd-Aldaula zu Aleppo*. – Bonn: Adolph Marcus, 1820. – viii, 39, 26 p. (In Germ.).

GARROOD W. *The Byzantine Conquest of Cilicia and the Hamdanids of Aleppo, 959-965* // Anatolian Studies. – 2008. – Vol. 58. – P. 127–140. (In Engl.).

GIL M., BROIDO E. *The episode of Bakjur, 983-988* // A history of Palestine, 634–1099. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. – P. 364–366. (In Engl.).

GUSEINOV R.A. *Siriiskie istochniki XII–XIII vv. ob Azerbaidzhane* [Syrian sources of the XII-XIII cc. about Azerbaijan]. – Baku: Krasnyi Vostok, 1960. – 180 p. (In Russ.).

HADDAB I.A., ALLAWI A.M. *Despotism and Excessive Control and Their Impact on Isolation in the Fatimid Era (358–567 AH / 969–1171 AD)* // Palarch's Journal of Archaeology Of Egypt. – 2021. – № 18 (10). – P. 1322–1329. (In Engl.).

HEIDEMANN S. *The Citadel of al-Raqqa and Fortifications in the Middle Euphrates Area* // Muslim Military Architecture in Greater Syria. – Leiden; Boston: Brill, 2006. – P. 122–150. (In Engl.).

HONIGMANN E. *Die Ostgrenze des byzantinischen Reiches: von 363 bis 1071 nach griechischen, arabischen, syrischen und armenischen Quellen*. – Bruxelles: Editions de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales, 1935. – 269 p. (In Germ.).

HOWARD-JOHNSTON J. *East Rome, Sasanian Persia and the End of Antiquity: Historiographical and Historical Studies*. – Aldershot: Ashgate Publishing, 2006. – 318 p. (In Engl.).

KALDELLIS A. *Streams of Gold, Rivers of Blood: The Rise and Fall of Byzantium, 955 a.d. to the First Crusade*. – New York: Oxford University Press, 2017. – 399 p. (In Engl.).

KAZHDAN A.P. *The Oxford Dictionary of Byzantium*: in 3 vol. Vol. 3. – New York; Oxford: Oxford University Press, 1991. – 2232 p. (In Engl.).

KENNEDY H. *The Prophet and the Age of the Caliphates: The Islamic Near East from the Sixth to the Eleventh Century*. – [4-th edition]. – London; New York: Routledge, 2023. – 401 p. (In Engl.).

KRÓLIKOWSKA-JEDLIŃSKA N. *Slaves of the Crimean Khan or Muslim Warriors? The Status of Circassians in the Early Modern Period* // Slavery in the Black Sea Region, c.900–1900: Forms of Unfreedom at the Intersection between Christianity and Islam. – Leiden; Boston: Brill, 2022. – P. 364–384. (In Engl.).

LACEY R.K. *All the World is Awry: Al-Ma'arrī and the Luzūmiyyāt, Revisited*. – Albany: State University of New York Press, 2021. – 468 p. (In Engl.).

LEV Y. *Army, Regime, and Society in Fatimid Egypt, 358-487/968-1094* // International Journal of Middle East Studies. – 1987. – Vol. 19. – № 3. – P. 337–365. (In Engl.).

LEV Y. *The Faṭimid vizier Ya'qub ibn Killis and the Beginning of the Faṭimid Administration in Egypt* // Der Islam. – 1981. – Vol. 58. – № 2. – P. 237–249. (In Engl.).

MARR N.Ya. *Agiograficheskie materialy po gruzinskim rukopisyam Ivera:* In 2 ch. Ch. 2 [Hagiographic materials on Georgian manuscripts of Iver: In 2 p. Part 2] // Zapiski Vost. Otd. Imperat. Rus. Arkheol. Obshch. T. 13. – SPb.: Tip. Imperat. akad. nauk, 1901. – 144 p. (In Russ.).

LUCHITSKAYA S.I. *Obraz Drugogo: musul'mane v khronikakh krestovykh pokhodov* [The Image of the Other: Muslims in the Chronicles of the Crusades]. – SPb.: Aleteiya, 2001. – 412 p. (In Russ.).

MINORSKY V. *Maiyāfāriḳīn* // First Encyclopaedia of Islam: 1913–1936: Vol. V. – Leiden; New York: Brill, 1987. – P. 157–161. (In Engl.).

MISKAWAIH A.A., MARGOLIOUTH D.S. *The Concluding Portion of the Experiences of the Nations* // The Eclipse of the ‘Abbasid Caliphate: Vol. II. – Oxford: Basil Blackwell, 1921. – 456 p. (In Engl.).

RALPH-JOHANNES L., LUDWIG C., ZIELKE B. *Bakǧūr* // Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. – URL: https://www.degruyter.com/database/PMBZ/entry/PMBZ22900/html (дата обращения: 26.01.2025). (In Engl., Germ.).

RALPH-JOHANNES L., LUDWIG C., ZIELKE B. *Naǧā al-Kāsakī* // Prosopographie der mittelbyzantinischen Zeit. – URL: https://www.degruyter.com/database/PMBZ/entry/PMBZ27641/html (дата обращения: 26.01.2025). (In Engl., Germ.).

RAMBAUD A. *L’Empire grec au dixième siècle: Constantin Porphyrogénète*. – Paris: A. Franck, 1870. – 550 p. (In Fren.).

REITBLAT A.I. *«Prototip» kak nauchnaya kategoriya* [«Prototype» as a scientific category] // Novoe literaturnoe obozrenie. – 2024. – № 1 (185). – P. 175–189. (In Russ.).

ROZEN V.R. *Yakh'ya ibn Said Antaki. Imperator Vasilii Bolgaroboitsa: Izvlecheniya iz letopisi Yakh'i Antiokhiiskogo* [Emperor Basil Bulgar Slayer: Extracts from the annals of Yahya of Antioch]. – SPb.: Tip. Imperat. akad. nauk, 1883. – 447 p. (In Russ.).

RUDHRAWARI A.S. *Continuation of the Experiences of the Nations* // The Eclipse of the ‘Abbasid Caliphate: Vol. VI. – Oxford: Basil Blackwell, 1921. – 489 p. (In Engl.).

SALIBI K.S. *Syria under Islam: Empire on Trial (634-1097).* – Delmar, NY: Caravan Books, 1977. – 193 p. (In Engl.).

SCHLUMBERGER G.L. *Un empereur byzantin au dixième siècle: Nicéphore Phocas*. – Paris: Firmin-Didot et cie, 1890. – 779 p. (In Fren.).

SEMENOVA L.A. *Iz istorii srednevekovoi Sirii: Sel'dzhukskii period* [From the history of medieval Syria: Seljuk period]. – M.: Nauka, 1990. – 248 p. (In Russ.).

STEVENSON W.B. *Islam in Syria and Egypt, 750–1100* // The Cambridge Medieval History: Vol. V. – New York: The Macmillan Company, 1926. – P. 242–264. (In Engl.).

SUKHOVA E.F. *Obrashcheniya arabskogo i russkogo rechevykh etiketov: materialy dlya samostoyatel'noi raboty, uchebno-metodicheskoe posobie* [Appeals of Arabic and Russian speech etiquettes: materials for independent work, teaching aids]. P. 2. – Nizhnii Novgorod: Nizhegorodskii gosun-tet, 2016. – 111 p. (In Russ.).

TER-GHEWONDYAN A. *The Arab Emirates in Bagratid Armenia*. – Lisbon: Calouste Gulbenkian Foundation, 1976. – 244 p. (In Engl.).

TOR D.G. *Violent Order: Religious Warfare, Chivalry, and the ‘Ayyar Phenomenon in the Medieval Islamic World*. – Würzburg: Ergon Verlag, 2007. – 318 p. (In Engl.).

YAḤYĀ IBN SA‘ĪD AL-ANṬAKĪ, KRATCHKOVSKY I.I., VASILIEV A.A. *Histoire de Yahya-ibn-Sa‘īd d’Antioche continuateur de Sa‘īd-ibn-Bitriq* // Patrologia Orientalis: T. 18: F. 5. – Paris: Firmin-Didot, 1924. – P. 701–834. (In Arab., Fren.).

ZETTERSTEEN K.V. *Al-Maghribī* // First Encyclopaedia of Islam: 1913–1936: Vol. V. – Leiden; New York: Brill, 1987. – P. 109–110. (In Engl.).

Информация об авторе

Ф.С. Шомахов – неаффилированный исследоваль.

Information about the author

F.S. Shomakhov is an unaffiliated researcher.

Статья поступила в редакцию 27.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 27.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Илму статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-261-274
EDN: QGHEXS

КЪАРАЧАЙ-МАЛКЪАР ТИЛДЕ БИР ТАМЫРЛЫ СИНОНИМЛЕНИ АЛАГЪА УШАГЪАН СЁЗЛЕДЕН АЙЫРЫУ

Ахматланы Ахматны къызы Мариям
Х.М. Бербеков атлы Къабарты-Малкъар къырал университет, Нальчик шахар, Россия, mari.ahmatova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0507-395X

Къысха магъанасы. Берилген статьяда къарачай-малкъар тилде бир тамырлы синонимлени алагъа ушагъан сёзледен башхалыкъларын ачыкълар мурат барды. Бир тамырлы сёзле, асламысында, синонимле эм сёзню вариантлары, синонимле эм паронимле, синонимле эм омонимле, синонимле эм тамырлары бир антонимле тилде хайырланылгъанда бир бирлери бла къатыш берилирге боладыла. Аны алайлыгъы быллай затла бла байламлыды: 1) сёзлени фонетика жаны бла ушашлыкълары, 2) тамыр морфеманы бирлиги, 3) тилни бир кесеги болуулары, 4) бир бирлерини уа лексика жаны бла бирча неда бирге жуукъ болуулары. Бир тамырлы синонимлени тамырлары бир, алагъа къошулгъан аффиксле уа сёз къураучула боладыла. Бир тамырлы синонимлени асламысы, бир сёзню вариантларыча, бир магъаналыла эм жюрютюлюу, стиль жаны бла да бирге ушайдыла. Алай, сёзню вариантларыны магъаналары толу бирча эселе, бир тамырлы синонимлени уа магъаналарында аланы бир бирден энчирек этген магъана эсленеди эм стиль жаны бла да бир бирлеринден башхаракъ боладыла; паронимлени магъаналары уа, жазыуда бирге ушашыракъ болгъанлыкъгъа, бирча тюйюлдюле; омонимле да жызылгъан бирча этгенликге, магъаналары бла бир бирден башха боладыла, тамырлары бир антонимле да бир бирге чюйре келедиле.

Баш магъаналы сёзле: къарачай-малкъар тил; синонимле; сёзню тюрлюлери; паронимле; омонимле.

Цитата этерге: Ахматланы Ахматны къызы Мариям. Къарачай-Малкъар тилде бир тамырлы синонимлени алагъа ушагъан сёзледен айырыу // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 261-274. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-261-274. EDN: QGHEXS.

© Ахматланы Ахматны къызы Мариям, 2025

Original article

DIFFERENTIATION OF SINGLE-ROOT SYNONYMS FROM SIMILAR UNITS IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Mariam A. Akhmatova
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, mari.ahmatova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0507-395X

Abstract. Single-root words, especially word variants, synonyms and paronyms, are often mixed in the process of their use. The prerequisites for this are created by: 1) phonetic similarity of words, 2) common root morpheme, 3) belonging to the same part of speech, 4) identity or certain proximity of concepts of a pair (or group) of words. However, they differ significantly. The majority of synonyms for the same root, as well as word variations, have identical meanings but differ functionally and stylistically. However, unlike word variations, which have no semantic distinctions, single-root synonyms can have different shades of meaning. If the affixes of such formations are independent, then they should be qualified as synonyms if their affixes are variable, then they are variants of the word. Single–root synonyms express the same meaning, and paronyms express different meanings; single-root synonyms belong to the same semantic class, and paronyms belong to different semantic classes. Single-root synonyms and homonyms have certain structural and semantic similarities. Synonyms, like homonyms, are formed from the same root, but they differ from homonyms, both in semantic and functional-stylistic terms. Synonyms of the same root express the same concept, while homonyms express different concepts.

Keywords: karachay-balkar language; synonyms; word variations; paronyms; homonyms.

For citation: Akhmatova M.A. Differentiation of single-root synonyms from similar units in the Karachay-Balkar language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 261-274. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-261-274. EDN: QGHEXS.

© Akhmatova M.A., 2025

Научная статья

РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОДНОКОРЕННЫХ СИНОНИМОВ ОТ СХОДНЫХ С НИМИ ЕДИНИЦ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Мариям Ахматовна Ахматова

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, mari.ahmatova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-0507-395X

Аннотация. Однокоренные слова, особенно варианты слова, синонимы и паронимы, в процессе их употребления нередко смешиваются. Предпосылки для этого создают: фонетическое сходство слов, общность корневой морфемы, принадлежность к одной и той же части речи, тождество или определенная близость понятий пары (или группы) слов. Однако между ними имеются существенные различия. Большинство однокоренных синонимов, как и варианты слова, имеют тождественное значение и функционально-стилистические различия. Однако, в отличие от вариантов слова, которые не имеют никаких смысловых различий, однокоренные синонимы могут различаться оттенком значения. Если аффиксы у таких образований самостоятельны, то их следует квалифицировать синонимами, если же их аффиксы вариативны, то они – варианты слова. Однокоренные синонимы выражают одно значение, а паронимы – разные значения; однокоренные синонимы принадлежат к одному семантическому классу, а паронимы – к разным семантическим классам. Однокоренные синонимы и омонимы имеют определенное структурное и семантическое сходство. Синонимы, как и омонимы, образованы от одного и того же корня, однако они отличаются от омонимов, как в семантическом, так и в функционально-стилистическом отношениях. Однокоренные синонимы выражают одно и то же понятие, а омонимы – разные понятия.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык; синонимы; варианты слов; паронимы; омонимы.

Для цитирования: Ахматова М.А. Разграничение однокоренных синонимов от сходных с ними единиц в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 261-274. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-261-274. EDN: QGHEXS.

© Ахматова М.А., 2025

Тил билимде бир тамырлы сёзлени бир бирлеринден айыра билиу бюгюнлюкде да кесини магъанасын тас этмегенди Магъаналары бир неда бирге жуукъ болуп, аффикслери уа башха болгъан сёзлени юсюнден алимлени оюмлары бирча тюйюлдю. Алимлени бир къаууму быллай сёзлени лексико-семантика неда сёз къураучу вариантлагъа санайдыла [Смириницкий 1954; Ахманова 1957; Москальская 1969 эм д.б.], бирсилери уа – сёз къураучу неда бир тамырлы синонимлеге [Гузеев 1984; Гречко 1966; Виноградова 1975; Рогожникова 1966; Филин 1963; Юлдашев 1973]. Алимлени арасында магъаналары бла бир бирге ушагъан сёзле бла байламлы проблемада бир оюм жокъду. Алимлени бир къаууму аланы омонимлеге [Мамонов, Розенталь 1957], бирлери синонимлеге [Горбачевич 1978], ючюнчю къауум а паронимлеге санайдыла [Кузнецова 1977]. Тюрк тилледе бир тамырлы синонимиягъа тилде вариантланы неда синонимлени тинтгенде бир кесек эс бурулады. Ш.С. Ханбикова жазгъаннга кёре, татар тилде тамырлары бир болгъан сёзле бардыла, кеслери да атлада, этимледе, сыфатлада эм сёзлеуледе тюбейдиле [Ханбикова 1961]. Быллай сёзлени Ш.С. Ханбикова бир тамырлы синонимлеге санайды. Экинчи ишинде бир тамырлы синонимлени морфология къурамларын тинтеди эм сёзню тюрлюлери бла тенглешдиреди [Ханбикова 1980].

Тюрк тил билимде синонимлени тинтиу бла байламлы быллай алимлени ишлери барды: къазах эм къыргъыз тилледе синонимиягъа А. Болганбаевни эм Б. Суранчиеваны ишлери жораланнгандыла, алай бир тамырлы синонимлени юсюнден былада да толу зат айтылмайды [Болганбаев 1971; Суранчиева 1971]; узбек тилде аффиксли синонимияны юсюнден Н.К. Умбаров статьяла жазгъанды [Умбаров 1968], азербайджан тилни синонимлерини юсюнден Н.Ф. Сейдалиевни ишин да айтыргъа керекди [Сейдалиев 2010]. Тюрк тиллени синонимияларына жораланып жазылгъан ишлени кёбюсюнде бир тамырлы синонимлеге уллу эс бурулмай къалады.

Сёзлени лексика вариантларыны проблемасын тинтген алимле, сёз ючюн, З. Г. Уразбаева татар тилде, Т.К. Алиева къарачай-малкъар тилде сёзню вариантлары бла бир тамырлы синонимле бир бирлеринден къалай бла энчи болгъанларына эс бурадыла. З.Г. Уразбаева кесини ишинде бир тамырлы синонимле сёзню морфология вариантларындан къаллай шартлагъа кёре башха болгъанын тохташдырады [Уразбаева 1982; Алиева 2005]. Бу алимни оюмуна кёре, сёзню вариантларына жаланда магъана, жюрютюлюу эм стиль бирчалыкълары болгъан сёзле саналадыла, сёз ючюн, *чалгъы – чалкъы, юйренчек – юйренчик* эм д. б. Аз-кёп болса да, магъана, жюрютюлюу неда стиль жаны бла башхалыкълары болгъан сёзлени синонимлеге санайды, сёз ючюн, *тилкъау (лит. т.) – тилтя (сёлеш. т.)* эм д.б. Алай бу оюмну тюзге санарча тюйюлдю.

Бир къауум алим кеслерини ишлеринде магъаналары бирча неда бирге жуукъ болуп, аффикслери уа башха болгъан бир тамырлы сёзлени сёз къураучу вариантлагъа санайдыла [Мискевич 1981] эм д.б. Бу оюмну да тюзге санаргъа болмаз. Къарачай-малккъар тилни бир тамырлы синонимлерине аталып жазылгъан ишде аланы семантикаларына, стиль энчиликлерине, жюрютюлюу амалларына, лексика-грамматика тюрлюлерине къаралады, бир тамырлы сёзлени бир бирден айырып танырча этген шартла белгиленедиле [Ахматова, Гузеев 2014].

Башха тилледеча, къарачай-малкъар тилде тамырлары бир сёзле кёп тюбейдиле. Алай магъана, стиль эм сёз къурау жаны бла ала бирча болмайдыла. Тамырлары бир сёзлени быллай къауумлагъа юлеширге боллукъду:

1) магъаналары бир, аффикслери уа башха сёзле – синонимле: *тургъуз – турдур*, *эмиз – эмдир*, *тамыз – тамдыр*;

2) магъаналары бир, аффикслери уа энчиле угъай, бир аффиксни тюрлюлери болуп келген сёзле – бир сёзню тюрлюлери: *айланчук – айланжук*, *талаууp – талаууl*;

3) магъаналары бир бирге чюйре келген сёзле – антонимле: *огъурлу – огъурсуз*, *акъыллы – акъылсыз*;

4) магъаналары башха болгъан бир тамырлы сёзле – омонимле: *жазыу– жазыу*, *айлыкъ – айлыкъ*, *жашырын – жашыртын*;

5) магъаналарында, аффикслеринде да башхалыкълары болгъан сёзле – паронимле: *татыулу – татымлы*, *боюнлукъ – боюнчакъ*.

Тил билимде быллай сёзлени бир бирден айырыуну магъанасы уллуду.

Бир сёзню тюрлюлерин бир тамырлы синонимледен айыра билир ючюн, аланы къаллай энчиликлери болгъанларын тохташдырыргъа керекди. Бир сёзню эки тюрлюсюню да магъаналары тамам бирча болады. Алада башхалыкъ стиль жаны бла эсленеди, аффикслерини уа бир бирден асламысында бирер таушлары башха боладыла: *юйрен+чек (лит. т.) – юйрен+чик (сёлеш. т.)*, *чал+къы (къарач.) – чал+гъы (малкъ.)* д. б. Быллай сёзлени тизгинлери кёбюсюнде эки сёзден къураладыла. Бир тамырлы синонимлени уа магъаналарында, формаларында да башхалыкъ болады. Магъаналарында башхалыкъ бек азды. Сёз ючюн, *жылы* (толу жылылыкъны билдиреди) – *жылымдыкъ* (иги жылы болмагъанны, мытыллыкъны билдиреди). Бир тамырлы синонимлени бир бирлери уа, тюз бир сёзню тюрлюлерича, магъана жаны бла бир бирге толу келишедиле: *турдур – тургъуз*, *байлам – байлау*, *ёчюр – ёчюлт* д. б. Алай аланы аффикслери башхаладыла: *-дур – -гъуз*, *-м – -у*, *-юр – -юлт*. Бир тизгинде быллай синонимлени алтысы-жетиси окъуна тюбейди: *бош – бошха – бошуна – бошунагъа – бошдан – бошунакъгъа – бошнагъа*. Бир сёзню тюрлюлерини башхалыкълары жалан да жюрютюлюу жаны блады: *махтанчакъ (лит. т.) – махтаннгыч (ц. диал.)*, *чалгъы (малкъ.) – чалкъы (къарач.)*, *мудах (малкъ.) – мыдах (къарач.)*.

Бирси тюрк тилледеча, карачай-малкар тилде да бир тамырлы синонимле кёп тюбейдиле. Аллай сёзлеге тамырлары бир, жалгъаулары уа башха (кеслери да сёз къураучула) болгъанла саналадыла. Сёз ючюн: *кемлик – кемчилик*: *Дерслерини **кемликлерин** кишиден эшитмегени себепли, Адемей директорну кеси иш этип келтиргенди* [Хубиев 1969: 169]. *Къатынынгы **кемчилигин** къайын*

анасы иги биледи [Алиев 1963: 79]. Бир сёзню тюрлюлерин бла аффикслери болмагъан, алай бир тамырдан къуралгъан синонимлени бир бирден айырыу а бютюн да къыйынды. Синонимлени бу тюрлюлери орус тилден эм аны юсю бла башха тилледен келгендиле. Аланы бирлери сёлешиуню, бирсилери уа жазыуну юсю бла келгенлери себепли, эки тюрлю жюрютюледиле. Сёз ючюн: *ийнарал – генерал*, *пурустоп – пристав*, *гиназ – князь*, *палау – плов* д. б. Алай бла, тилибизде быллай сёзле эки тюрлю жюрютюледиле. Экишер тауушларындан къалгъан затлары бирге келишген сёзле бир сёзню тюрлюлерине саналадыла. Былада уа башхалыкъ экиден кёп тауушдады. Аны себепли быллай сёзлени тамырлары бир синонимлеге санаргъа боллукъду. *Намаз этгенлени арасында, ётер аралыкъда* ***князь*** *маталлы бир адам кёрюндю: ол къолунда къамичиси бла, бийик къара мыйыкълы, юсюнде алтын окъала бла тигилген, акъ чепкени* [Этезов 1958: 8]. *Халыу кёргенден, аны кётен этер кюню жокъ эди; аллай* ***гиназ*** *адам, къамасы да бир жанына кетип, терлегенлери барып, къайдан эсе да бирден келгенлеге отун жарып, къуллукъ этип турады* [Теппеев 1976: 190]. *Мен патчахны аскеринде* ***ийнарал*** *болуп тургъанымда, жигитлигим ючюн, ма бу юллени патчах кеси къолу бла берген эди* [Этезов 1996: 328]. *– Сен уялма, ол сау болса да сени арт жанына букъдурур эди,* ***генерал****. Ма алай къысыл! Ол сени атанг кибикди!* [Этезов 1958: 40]. *Угъай. Бу, господин* ***офицер*** *биз танымагъан адамды. Темир-Башны мен таныйма* [Этезов 1996: 280]. *Ызынга къайт да ишигизге барыгъыз де да былайдан ары къорат, кетерге унамасала, стражниклени тамадалары* ***абычарны*** *манга чакъыр* [Аппаев 1986: 155]. ***Пустоп*** *кёк бетли ичгиден рюмкасына къуюб, дженгил-дженгил тамагъын джуудурады* [Аппаев 1986: 281].

Тамырлары бир синонимле къуралыуларына кёре талай къаумгъа юлешинедиле: 1) аффикслери болмагъанла: *офицер (лит. т.) – абычар (сёлеш. т.)*, *князь (лит. т.) – гиназ (сёлеш. т.)*, *пристав (лит. т.) – пурустоп (сёлеш. т.)* д. б.; 2) бирини аффикси болуп, бирсини уа болмагъанла: *дери (лит. т.) – деричи (лит. т.)*, *бош (лит. т.) – бошдан (лит. т.)*, *жаз (лит. т.) – жазгъы (лит. т.)*, *кёксюлдюм (лит. т.) – кёксюл (лит. т.)* д. б.; 3) экисини да бирер аффикслери болгъанла: *тамдыр (лит. т.) – тамыз (лит. т.)*, *байлам (лит. т.) – байлау (лит. т.)* д. б.; 4) аффикслерини саны келишмегенле: *кемлик (лит. т.) – кемчилик (лит. т.)*, *бошха (лит. т.) – бошуна (лит. т.) – бошунагъа (лит. т.)* д. б.; 5) аффикслеринден бири – къарачай-малкъар тилни, бири уа орус тилни болгъанла: *футболчу – футболист*, *прозачы – прозаик*, *комбайнчы – комбайнер* д. б.; 6) бири бир, бирси уа эки тамырлы синонимле: *быдыркъай (бош т.) – уллубыдыр (бош т.) – уллукъарын (лит. т.)*, *бирде (лит. т.) – бир-бирде (лит. т.)* д. б.; 7) экиси да экишер тамырлы синонимле: *къалгъан-къулгъан (лит. т., малкъ.) – къалгъан-булгъан (лит. т., къарач.)*, *сабий-сюбюй (лит. т.) – сабий-балий (лит. т.)*, *терсакъыл (лит. т.) – терсбоюн (лит. т.)*, *аз-буз (лит. т.) – аз-маз (лит. т.)* д. б.; 8) тамырлары алышынып къуралгъан къош синонимле: *ачыгъауз (сёлеш. т.) – ауузачыкъ (сёлеш. т.)*, *артха-алгъа (лит. т.) – алгъа-артха (лит. т.)*, *кюч-къарыу (лит. т.) – къарыу-кюч (лит. т.)* д. б.

Тамырлары бир синонимле уа литература тилде, бош тилде, диалектледе, къарачайлылада, малкъарлылада жюрютюлгенлери бла чекленип къалмайдыла.

Ала тюрлю-тюрлю тематика магъаналаны билдирип жюрюйдюле, сёз ючюн, *суубаш (бош. т.) – гаккыбаш (сёлеш. т.), малхуния (лит. т., малкъ.) – малхыяр (лит. т., къарач.)* (адамны акъылсызлыгъын, оюмсузлугъун кёргюзтген), *тыкъ (бош т., эриши с.) – тыкъла 2. (бош т., эриши с.) (жутланып аша)* (адепсизликни билдиреди), *къарт-къурт – къарт-март* (масхараны билдиреди), *аття – аттяка, анака – анакай* (эркелетиуню билдиредиле), *тамаша – тамашалыкъ, асыл – асыллы* (жаратыуну билдиреди), *гудучу – гудукай, кирлика – кирликай, сергуна – серукку, айланма – айланатур* (адамны аман къылыгъын билдиредиле).

Тамырлары бир синонимле паронимлеге да бек ушайдыла. Тенглешдирип кёрейик, *кийир – киргиз, бошдан – бошха* (синонимле) эм *боюнчакъ – боюнлукъ, татыулу – татымлы* (паронимле). Болса да паронимлени магъаналары, синонимленича болмай, бирге бек аз ушайдыла: *боюнчакъ* (кёлекни неда огъары жанны жагъасыны тюбю бла байланыучу быстыр) [ТСКБЯ 1996: 495]; *боюнлукъ*[1] «пальтону тюбюнден боюннга жылы болур ючюн кийилиучю эни тар узун жаулукъчукъ) [ТСКБЯ 1996: 495], *татыулу* «татыуу иги; кёлге жараулу, татлы) – *татымлы* уа «татымы болгъан, иги татыгъан, ёз тутхан) [ТСКБЯ 2005: 396-397], деген магъаналада жюрюйдюле.

Алайды да, сёзню тюрлюлерин бла тамырлары бир синонимлени бир бирден жалгъаула айыра эселе, паронимлени бла тамырлары бир синонимлени бир бирден айыргъан а аланы тамырларыдыла. Сёзню тюрлюлеринде магъана жаны бла чырт да башхалыкъ жокъду, тамырлары бир синонимледе бир къауумунда уа бир кесек барды. Паронимлени магъаналары уа бир бирден иги да узакъдыла. Къуралыу жаны бла да паронимле, тамырлары бир синонимлеча, кёп тюрлю болмайдыла.

Паронимлени бир къауумларыны тамырлары да бир сёзден къуралмайды, алай эшитилген а бирге бек жуукъ этеди, не ючюн дегенде, аланы жалан да бирер тауушлары башхады, сёз ючюн, быллай паронимле: *тер – тери, туз – тюз, къарыл – къарыкъ, басын – басыл, кюндюш – кюндеш, чирги – чирик* д. б. Бир къауум суратлау чыгъармалада, автор сёзлени магъаналарына тийишлисича эс бурмагъаны себепли, быллай сёзлени бирини орунуна башха сёз берилип да къалады, сёз ючюн, *тин-тер басды* дегенни орнуна *тин-тери басды, тюз киштик* дегенни орунуна *туз киштик, ёню къарыкъды* дегенни орунуна *ёню къарылды* неда *ёню къаныкъды* деп бериледи. Ол жангылычды, нек дегенде *тер – тери, тюз – туз, къарыкъ –къарыл – къаныкъ* деген сёзле магъана жаны бла арталлы да бирге келишмейдиле: *Жюреги чанчды, кёзю-башы тёгерек айланып, бетин тин-тери басды*) [Шаваев 1989: 24]. *Жуслан – туз киштикледен бир тюрлюсюдю, баям, Аслан къауумдан* [Этезов 1996: 119]. *Къызны угъай, жашны ёню къаныкъды. Ол Лейляны сёзюнде гюнахсыз кючню сезди* [Шаваев 2013: 12]

Бир тамырдан къуралгъан омонимлени бла тамырлары бир синонимлени араларында да ушашлыкъ барды. Омонимлеге (бегирек да жалгъауларында) кёп башхалыкъ болмагъан синонимле ушайдыла, сёз ючюн, *къуллукъ*[1] (къулну болуму) – *къуллукъ*[2] (1. Адамны ишлеген жеринде жууаплы иши; 2. Иш, жумуш) [ТСКБЯ 2002: 695], *этим*[1] (адамны ишни эте билиую, ангылауу, ишге усталыгъы) – *этим*[2] (затны не этгенин, не этеригин, аны болумун, халын кёргюзтген тилни кесеги) [ТСКБЯ 2005: 1119] – омонимле эм *жашырын – жашыртын*

III (кишиге билдирмей, ташатын, букъдуруп) [ТСКБЯ 1996: 865], *акъсыл – акъсыман* (акъ бла къараны къошса болуучу тюрсюн) [ТСКБЯ 1996: 103] – синонимле. Алай синонимлени магъаналары бирчады, омонимлени магъаналары уа бирча тюйюлдю, стиль жаны бла да ала бирге келишмейдиле. Омонимлени диалектде, сёлешиу тилде жюрюгенлери, эриши, хыны, ушатмай, жийиргенип айтылгъанлары болмайдыла, синонимледе уа, быллай башхалыкъла кёп тюбейдиле. Андан сора да, тамырлары бир синонимле бир сёзден, эки сёзден да къураладыла, омонимледе уа къош сёз тюбемейди, сёз ючюн, *бугъумуч – бугъунчакъ – букъгъуч* (сабийле бир бирден бугъуп ойнаулары) [ТСКБЯ 1996: 502, 511], *сау-эсен – сау-саламат* (1. Сау, саулукълу, саулугъу болгъан, зарансыз, хатасыз; 2. Саулай, хата, заран жетмей) [ТСКБЯ 2005: 42], *ачыгъауузачыкъ* эм *айлыкъ* 1 (бир айгъа созулгъан, бир айгъа белгиленнген) – *айлыкъ* II. (иш хакъ) – *айлыкъ* III (бир тюрлю жамауат ишни, борчну тамамлар ючюн белгиленнген ай болжал) [ТСКБЯ 1996: 76-77], *жазыу*[2] (жазылгъан зат, текст) – *жазыу*[3] (къадар, буйрукъ; адамны жашау жолу) [ТСКБЯ 1996: 767], *битдир*[1] (урлукъ себип, чыкъгъандан сора къара, ёсдюр) – *битдир*[2] (ишни этип боша, ахырына чыкъ) [ТСКБЯ 1996: 441].

Синонимлени бла антонимлени бирге ушатхан аланы экилерини да тамырларыны бирчалыкъларыды: *эшим – эшме – эшимди*, *атдыр – атылт*, *эмиз – эмдир*, эм *къарыулу – къарыусуз*, *огъурлу – огъурсуз*, *акъыллы – акъылсыз*. Синонимлени жалгъаулары аланы магъаналарын тюрлендирмейдиле, антонимлени жалгъауларыны уа магъаналары бир бирге чюйре болгъанлары себепли *-лы / -ли, -лу / -лю* жалгъау – барлыкъны, *-сыз/-сиз, -суз/-сюз* жалгъау а жокълукъну билдиредиле, ала тамыргъа къошулгъанда – бир угъай, эки сёз къурайдыла эм сёзлени магъаналарын да бир бирге чюйре этип къоядыла.

Тамырлары бир сёзлени жаратылыуларыны сылтаулары кёпдюле. Омонимле бир тамыргъа омоним жалгъаула къошулуп, синонимлени бир къауумлары бир тамыргъа синоним жалгъаула къошулуп, антонимле бир тамыргъа антоним жалгъаула къошулуп, бир сёзню тюрлюлери бир тамыргъа бир жалгъауну фонетика тюрлюлери къошулуп, паронимлени асламысы уа бир тамыргъа магъаналары бирге келишмеген жалгъаула къошулуп къураладыла.

Бир сёзню тюрлюлери бла тамырлары бир синонимлени жаратылыуларында бирча шартла бардыла: литература тилни сёлешиу тил бла, диалектле бла байламлыкълары, орус, араб эм бир талай башха тилледен сёз алыу. Болса да тамырлары бир синонимлени жаратылыуларыны баш сылтаулары была тюйюлдюле. Тилде синонимлени жаратылыуларына бир къауум юлгюле келтирейик.

1. Экономияны закону. Сёзню айтхан адам аны не къадар терк, къысха айтыргъа итинеди. Ол итиниулюкню кючю бла сёзню бир не да эки жалгъауу къысхартылып къалады. Болса да ол сёзню магъанасын тюрлендирмейди: *ручу – уру*, *огъурлукъ – огъурлулукъ 2*, *кирлендир – кирле*, *жайда – жай* д. б. Бу синонимлени биринчилерини *-чу*, *-лу*, *-н* эм *-дир*, *-да* жалгъаулары къысхартылгъандыла. *Къоркъакъ* ***ручугъа*** *ушаш, кече къарангысы бла барып, бир мурдарны аузуна буштукъ тыгъып, къолларын артына байлап сюрген кишиликмиди!* [Гадиев 1982: 182]. *Сабийле болгъан юйде* ***уру*** *жатмаз* [Алиев 1963: 248].

2. Ушашдырыуну закону. Сёз ючюн къарачай-малкъар тилде *-лы* эм *-чы* жалгъаула башха-башха магъананы билдиредиле. Алай, къыралны неда континентни атын билдирген сёзлеге къошулсала, экиси да бир магъананы кёргюзтедиле: *американы – американчы* (Америкада жашагъан адам), дагъыстанлы – дагъыстанчы (Дагъыстанда жашагъан адам) д. б.

3. Аффикслени неда сёзню тамырларындан бирини магъана энчиликлерин тас этип, бирге келишиулери: *анда-мында – анда-санда*, *букъгъуч – бугъумуч – бугъунчакъ* д. б.: *Кечге къалыб* ***бугъунчакъ*** *ойнагьан сабийлени, чалдыш-чалдышда уруша, аналары юйге джыйадыла* [Аппаев 1986: 118]. *Дорбунну къуршалагъанла,* ***анда-мында*** *бир-эки атхан болмаса, бютеу атханларын тохдатдыла* [Аппаев 1986: 294].

4. Сёзлени грамматика магъаналарыны лексика магъанагъа ётюулери. Этимлени грамматика формалары лексика формагъа ётюп, атла не да сыфатла къураладыла да, ала уа бир-бир атлагъа бла сыфатлагъа синонимле боладыла. Сёз ючюн, *жарагъан* деген этимсыфатдан сыфат къуралгъанды: *жарагъан чалгъычы*, *жарагъан ишчи*. Ол а *жараулу* деген сыфатха синоним болгъанды. *Ичерик – ичги* деген синонимлени юслеринден да алай айтыргъа боллукъду. *Ичерик* деген этимсыфатдан, ол тюрленмей тургъанлай, ат къуралгъанды, сёз ючюн: *Къараб-къарагъынчы Къыямытны джумушчулары уллу столну ашарыкъдан,* ***ичерикден*** *толтурдула* [Аппаев 1986: 154]. *Къонакъ юйню ортасында акъ гетен джайылгъан столда хар тюрлю-тюрлю* ***ичги*** *шышала, кимини бели базыкъ, кимини бели ингичге, тёбен джаны базыкъ, бир къауму да къошун маталлы, ... къол тиймегенлей сюелгендиле* [Аппаев 1986: 305]. Бу ат къуралгъынчы дери уа аны магъанасын «ичги» деген ат билдирип тургъанды, бусагъатда уа экиси да бир бирге синонимлик этип жюрюйдюле.

5. *Ачыулан, базыныулу, юркек, эшме, безиреюк, ангылатыу, ангылау, сёлешиу* дегенча сёзле тилибизде эрттеден жюрютюледиле. Бусагъатда алагъа синонимлик этип жюрюген сёзлени уа жазыучула, алимле, журналистле къурагъандыла. Аллай сёзлеге быланы санаргъа боллукъду: *ачыусун, базыннгыч, юркююк, эшимди, безирек, ангылатым, ангылам, сёлешим*. Ала кеслери да суратлау эм илму литературада тюбейдиле. *Кеси-кеси бла кюреше ол бир мюйюшден бир мюйюшге* ***ачыусунуп*** *жюрюй эди* [Этезов 1996: 256]. *Ала, кёксюл юзмелтлеча, чулгъаныл, Барып, сизни тёппегизде къоналла. Жел сызгьырса, седирей,* ***ачыуланып****, Ала, къачып, бийик кёкге чыгъалла* [Этезов 1996: 166].

6. Къош сёзле бош сёзле бла алышыныргъа боладыла: *гебен эт – гебенле*, *бай бол – байыкъ – байыкълан*, *батан эт – батанла* эм д.б.: *Алай эте, сары тюлкю* ***байыкъды****. Тюгюн алышындыралмай, жабагъысы къарын тюбюне жабышып айланыучу эди да, энди уа жым-жылтыраукъ болгъанды.* [Токумаев 2009: 201]. *Ёмюрлени сынауу* ***байыкъландыргъан*** *терен къара акъыллы къарангы тиширыу тюз адамгъа терслик этерге боллугъуна ийнанмайды* [Гадиев 1982: 123].

Къарачай-малкъар тилде тамырлары бир синомимлени арасында башхалыкъ жаланда аланы магъаналарында угъай, жюрютюлюулеринде да болады. Жюрютюлюулерине кёре тамырлары бир синонимле кёп эм аз жюрютюлгенлеге юлешинедиле. Аллай синонимлени бир къауму бла къарачайлыла да, мал-

къарлыла да хайырланадыла, бирси къауумун а жаланда малкъарлыла, неда къарачайлыла жюрютедиле. Тамырлары бир синонимле бош тилде, сёлешиу тилде, литература тилде, диалектледе да тюбейдиле. Эки къауумунда да жаланда малкъарлыла жюрютген, тамырлары бирге келишген синонимле быллайладыла: *ёрекай – ёрекына*, *къызбай – къызукку*, *базыгъын –базгъынлы*, *тюртсюрт эт – тюртчю-сюртчю эт*, *ёчюлт – ёчюр* д. б. Стиль жаны бла быллай синонимлени бир бирден башхалыкълары барды. Сёз ючюн, *базгъын – базгъынлы* дегенча сёзле бирча эркин жюрютюледиле, *ёрекай – ёрекына* дегенча сёзле уа асламысында ц. диалектде тюбейдиле. Быллай синонимлени бири эркин, бирси уа аз жюрютюлюрге да тюшеди. Сёз ючюн, *къызбай* деген сёз жазыу, сёлешиу тилде да бирча эркин хайырланылады, аны синоними *къызукку* уа тилде аз тюбейди, бегирек да суратлау чыгъармалада. Алай болгъанлыкъгъа бу сёзлени магъаналарында бир бирден не аз да башхалыкъ жокъду.

Малкъарлыла жюрютген синонимле бла къарачайлыла жюрютген синонимлени арасында да стиль жаны бла бир кесек башхалыкъ эсленеди, Сёз ючюн, жаланда къарачайлыла жюрютюучю бир тамырлы синонимлени асламысыны стиль жаны бла башхалыкълары жокъду. Анга быллай юлгюле келтирирге боллукъду: *шох – шохай* (шуёх), *белеуют – белеу* (къыяу) д. б. Бу синонимле асламысында бош эм сёлешиу тилде жюрютюледиле.

Жаланда малкъарлыла неда жаланда къарачайлыла жюрютген, башда айтылгъанча, синонимлеге регионализм синонимле дейдиле. Тамырлары бир синонимлени къауумуна быллайланы санаргъа боллукъду: *кемчилик* (къарач., малкъ.) – *кемлик* (къарач.), *жалынчакъ* (къарач., малкъ.) – *жалыннгыч* (къарач.), *болушлукъчу* (къарач., малкъ.) – *болушчу* (къарач.) д. б. Быллай сёзлени бирлери Къарачайда, Малкъарда да бирча эркин жюрютюледиле, башхалары бла уа жаланда къарачайлыла хайырланадыла. Бир тамырлы синонимлени ичинде быллай тюрлюлерин да белгилерге боллукъду, сёз ючюн: *огъур* (къарач.) – *огъурлулукъ* (малкъ.), *кечим* (къарач.) – *кечиу* (малкъ.), *сюйюмсюз* (къарач.) – *сюйдюмсюз* (малкъ.) д. а. к. Быллай синонимлени бирлери Къарачайда, бирсилери уа Малкъарда жюрютюледиле. Тамырлары бир болуп тургъанлай, быллай сёзлени жалгъауларыны башха болуулары, бизни акъылыбызгъа кёре, къарачайлыланы бла малкъарлыланы кёп ёмюрледен бери башха-башха жерледе, бир бирден кенгде жашаулары бла байламлы болур. Болсада, жалгъаула бир сёзню эки сёз – синонимле этгенликге, аланы магъаналарын тюрлендирмейдиле. Сёлешиу тилде, бош тилде эм литература тилде жюрюген сёзлени синонимлери диалектледе да тюбейдиле: *битген (лит. т.) – битиу (ц диал.)*, *тилчи (лит. т.) – тилбаракъ (бош т.) – тилляй (ц диал.)*, *бугъумуч (лит. т.) – бугъунчакъ (лит. т.) – букъгъуч (ц диал.)* д. б. Анга суратлау литературадан юлгюле келтирейик: *Ол ишлерин тамамлар ючюн, бек алгъа* ***тилчиле****, сатхычла керек боллукъдула* [Гадиев 1982: 356]. *Ол, тилчи,* ***тилбаракъ*** *саякъгъа ушап, жерни чунгур-мунгурларын къармай сюзюледи* [Толгуров 1993: 242]. *Къой, господин Мусос, экибиз да* ***бугъумуч*** *ойнагъанча эте турмай, ишге кёчейик…* [Толгуров 1996: 24]. *Аргъы къошну, берги къошну сюрюучюлери да, ай жарыкъ кечеледе, Гелеу Сыртха чыгъып,* ***букъгъуч*** *ойнайдыла* [Гуртуев 1970: 318]. Бу сёзле магъаналарына кёре тамам бирчадыла. Былада башхалыкъ жаланда аффикслери эм жюрютюлген жерлери бла байламлыды.

Къарачай-малкъар тилге башха тилледен кирген терминледе да бир тамырлы синонимле тюбейдиле: *аморф – аморфлу, футболист – футболчу, реакционер – реакциячы, комбайнёр – комбайнчи, вальцовщик – вальцовкачы* д. б. Быллай сёзле тилде кёп тюйюлдюле, кеслери да жаланда газетледе, илму литературада хайырланыладыла.

Алайды да, тамырлары бир, жалгъаулары уа башха болгъан тилибизде кёп сёз барды. Аны алайлыгъы быллай затла бла байламлыды: сёзлени фонетика жаны бла ушашлыкълары; тамыр морфеманы бирлиги; тилни бир кесеги болуулары; бир къаууму уа лексика жаны бла бирча неда бирге жуукъ болуулары. Аланы ичинде бир бирге синоним болгъанлары да асламдыла. Аланы магъаналары бирге толу келишеди, жюрютюлюулеринде уа башхалыкъ эсленеди: бирлери кёп, бирсилери аз, бирлери литература тилде, бирлери уа жаланда диалектде тюбейдиле, неда бир къауумун жалан да къарачайлыла, неда малкъарлыла жюрютедиле. Синонимлени быллай энчиликлерин тохташдырыуну тилни лексикасын, аны стиллерин тинтиуде уллу магъанасы барды.

ХАЙЫРЛАНЫЛГЪАН ИШЛЕНИ ТИЗМЕСИ (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ)

Алиев 1963 – *Алиев С.Ч.* Къарачай нарт сёзле /Карачаевские пословицы и поговорки/. – Черкесск: Карачаево-Черкесское книжное издательство, 1963. – 482 с. (кар.-балк. яз).

Алиева 2005 – *Алиева Т.К.* Проблемы отграничения вариантности слова от смежных явлений // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2005. – № 3-4. – С. 88-92.

Аппаев 1986 – *Аппаев Х.* Къара кюбюр /Черный сундук/. – Черкесск, 1986. – 323 с. (кар.-балк. яз).

Ахманова 1957 – *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. – М.: Наука, 1957. – С. 192-252.

Ахматова, Гузеев 2014 – *Ахматова М.А., Гузеев Ж.М.* Однокоренные синонимы в карачаево-балкарском языке. – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ РАН, 2014. – 128 с.

Болганбаев 1971 – *Болганбаев А.* Синонимы в казахском языке: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. – Алма-Ата, 1971. – 92 с.

Виноградова 1975 – *Виноградова Р.И.* Словообразовательные синонимы с неотделимыми префиксами в некоторых семантических разрядах девербиальных и десубстантивных глаголов в современном немецком языке // Вопросы анализа спецтекста. – Уфа, 1975. – Вып. 3. – С. 3-22.

Гадиев 1982 – *Гадиев И.* Нарт уя /Гнездо нартов/. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 440 с. (кар.-балк. яз).

Гречко 1966 – *Гречко В.А.* Однокоренные синонимы и варианты слов // Очерки по синонимике современного русского литературного языка. – М.-Л., 1966. – С. 118-135.

Гузеев 1984 – *Гузеев Ж.М.* Проблематика словника толковых словарей тюркских языков. – Нальчик: Эльбрус, 1984. – 158 с.

Гуртуев 1970 – *Гуртуев Б.* Жангы талисман /Новый талисман/. – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 448 с. (кар.-балк. яз).

Кузнецова 1977 – *Кузнецова И.Н.* Паронимия в современном французском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1977. –19 с.

Мамонов, Розенталь 1957 – *Мамонов В.А., Розенталь Д.Э.* Практическая стилистика современного русского языка. – М., 1957. – 176 с.

Мискевич 1981 – *Мискевич Г.И.* Из наблюдений над словообразовательными вариантами // Литературная норма и вариантность. – М., 1981. – С. 99-114.

Москальская 1969 – *Москальская О.И.* Вариантность и дифференциация в лексике литературного немецкого языка // Норма и социальная дифференциация языка. – М., 1969. – С. 57-69.

Рогожникова 1966 – *Рогожникова Р.П.* Варианты слов в русском языке. – М.: Просвещение, 1966. –160 с.

Сейдалиев 2010 – *Сейдалиев Н.Ф.* Стилистические синонимы в современном азербайджанском языке. – Баку, МВМ, 2010. – 124 с.

Смириницкий 1954 – *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (проблема "тождества слова") // Труды ИЯ АН СССР. – М., 1954. – Т. 4. – С. 3–49.

Суранчиева 1971 – *Суранчиева Б.* Синонимы в киргизском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Фрунзе, 1971. – 21 с.

Теппеев 1976 – *Теппеев А*. Ташыуул /Страда/. – Нальчик: Эльбрус, 1976. – 430 с. (кар.-балк. яз).

Токумаев 2009 – *Токумаев Ж*. Кюлкючю Чонай: Хапарла, чамла, таурухла, тамсилле. /Насмешник Чонай: Рассказы, юморески, небылицы, басни/. – Нальчик: Эльбрус, 2009. – 192 с. (кар.-балк. яз).

Толгуров 1993 – *Толгуров З.* Кёк гелеу /Голубой типчак/. – Нальчик: Эльбрус, 1993. – 392 с. (кар.-балк. яз).

Толгуров 1996 – *Толгуров З.* Айыуташ /Медвежий камень/. Повесть и рассказы. – Нальчик: Кабардино-Балкарское книжное издательство, 1966. – 68 с. (кар.-балк. яз).

ТСКБЯ 1996 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3 т. / Ин-т гуманитар. исслед. Правительства КБР и КБНЦ РАН / Ред.: Ж.М. Гузеев, И.Х. Ахматов, А.А. Жаппуев. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – Т. 1. А-Ж. – 1016 с.

ТСКБЯ 2002 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. / Ин-т гуманитар. исслед. Правительства КБР и КБНЦ РАН / Ред. Ж.М. Гузеев, А.А. Жаппуев. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – Т. II. З-Р. – 1168 с.

ТСКБЯ 2005 – Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. / Ин-т гуманитар. исслед. Правительства КБР и КБНЦ РАН / Ред. Ж.М. Гузеев, А.А. Жаппуев. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. – Т. 3. С-Я. – 1157 с.

Умбаров 1968 – *Умбаров Н.* К вопросу об аффиксальной синонимии // Вопросы романской филологии: Уч. зап. Ташкентский ун-т, 1968. – Вып. 318. – С. 19–21.

Уразбаева 1982 – *Уразбаева З. Г.* Морфологические варианты в башкирских говорах // IX конференция по диалектологии тюркских языков: Тез. докл. и сообщений. – Уфа, 1982. – С. 137-138.

Филин 1963 – *Филин Ф.П.* О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. – М.-Л., 1963. – С. 129–133.

Ханбикова 1961 – *Ханбикова Ш.С.* Татар телендэ синонимлар. – Казан: Университет нэшрияты, 1961. – 197 с.

Ханбикова 1980 – *Ханбикова Ш.С.* Татар телендэ синонимия һэм сузлеклэр. – Казан: Татарстан китап нэшрияты, 1980. – С. 52-71.

Хубиев 1969 – *Хубиев О*. Джукъусуз кечеле /Бессонные ночи/. – Черкесск, 1969. – 271 с. (кар.-балк. яз).

Шаваев 1989 – *Шаваев Х*. Кюйген тап /Шрам от ожога/. – Нальчик, 1989. – 95 с. (кар.-балк. яз).

Шаваев 2013 – *Шаваев Х.* Сау къал, наным /Прощай, любимая/. – Минги Тау, 2013, – №3 (169). – С. 2–24 с. (кар.-балк. яз).

Этезов 1958 – *Этезов О*. Къаяла унутмагъандыла /Камни помнят/. – Нальчик, 1958. – 133 с. (кар.-балк. яз).

Этезов 1996 – *Этезов О.* Нарт къала. /Крепость нартов/. – Нальчик: Эль-фа, 1996. – 329 с. (кар.-балк. яз).

Юлдашев 1973 – *Юлдашев А.А.* Фонетическая и морфологическая вариантность башкирских слов и её отражение в словарях // Вопросы башкирского языкознания. – Уфа, 1973. – С. 64-68.

REFERENCES

ALIEV S. Ch. *Karachaj nart sjozle /Karachaevskie poslovicy i pogovorki/.* [Karachai proverbs and sayings]. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 482 p. (In Kar.-balk.).

ALIEVA T. K. *Problemy variantnosti slova v karachaevo-balkarskom jazyke*: *avtoref. diss. ... kand. filol. nauk.* [The problems of word variation in the Karachay-Balkar language]. – Ufa, 1994. – 22 p. (In Russ.).

APPAEV H.A. *Kara kjubjur /Chernyj sunduk/.* [Black chest]. – Cherkessk, 1986. – 323 p. (In Kar.-balk.).

AHMANOVA O.S. *Ocherki po obshhej i russkoj leksikologii*. [Essays on general and Russian lexicology]. – Moscow: Nauka, 1957. – P. 192-252. (In Russ.).

AHMATOVA M.A., GUZEEV ZH.M. *Odnokorennye sinonimy v karachaevo-balkarskom jazyke*. [Root synonyms in the Karachay-Balkar language]. – Nal'chik: Izdatel'skij otdel KBIGI RAN, 2014. – 128 p. (In Russ.).

BOLGANBAEV A. *Sinonimy v kazahskom jazyke*: *diss. ... dokt. filol. nauk.* [Synonyms in the Kazakh language]. – Alma-Ata, 1971. – 614 p. (In Russ.).

VINOGRADOVA R.I. *Slovoobrazovatel'nye sinonimy s neotdelimymi prefiksami v nekotoryh semanticheskih razrjadah deverbial'nyh i desubstantivnyh glagolov v sovremennom nemeckom jazyke* [Word-formation synonyms with inseparable prefixes in some semantic categories of deverbial and desubstantiative verbs in modern German]. IN: – *Voprosy analiza specteksta*. – Ufa, 1975. – Issue. 3. – P. 3-22. (In Russ.).

GADIEV I. *Nart uja /Gnezdo nartov/* [A nest of sleds]. – Nal'chik: Jel'brus, 1982. – 440 p. (In Kar.-balk.).

GRECHKO V. A. *Odnokorennye sinonimy i varianty slov* [Single-root synonyms and word variants]. IN: *Ocherki po sinonimike sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka*. – Moscow–Leningrad, 1966. – P. 118-135. (In Russ.).

GUZEEV ZH. M. *Problematika slovnika tolkovyh slovarej tjurkskih jazykov* [The problems of the dictionary of explanatory dictionaries of Turkic languages]. – Nal'chik: Jel'brus, 1984. – 158 p. (In Russ.).

GURTUEV B. *Zhangy talisman /Novyj talisman/.* [New mascot]. – Nal'chik: Jel'brus, 1970. – 448 p. (In Kar.-balk.).

Коммунизмге жол. /Put' k kommunizmu/. [The path to Communism]. Нальчик, 1979. – № 170 (In Kar.-balk.).

KUZNECOVA JE.V. *Paronimija v sovremennom francuzskom jazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk*. [Paronymy in modern French]. – Moscow, 1977. – 19 p. (In Russ.).

MAMONOV V.A., ROZENTAL' D.JE. *Prakticheskaja stilistika sovremennogo russkogo jazyka*. [Practical stylistics of the modern Russian language]. – Moscow, 1957. – P. 16. (In Russ.).

MISKEVICH G.I. *Iz nabljudenij nad slovoobrazovatel'nymi variantami* [From observations on word-formation variants]. IN: *Literaturnaja norma i variantnost'*. – Moscow, 1981. – P. 99–114. (In Russ.).

MOSKAL'SKAJA O.I. *Variantnost' i differenciacija v leksike literaturnogo nemeckogo jazyka.* [Variation and differentiation in the vocabulary of the literary German language]. IN: *Norma i social'naja differenciacija jazyka*. – Moscow, 1969. – P. 57-69. (In Russ.).

ROGOZHNIKOVA R. P. *Varianty slov v russkom jazyke*. [Word variants in Russian]. – Moscow: Prosveshhenie, 1966. – 160 p. (In Russ.).

SEJDALIEV N.F. *Stilisticheskie sinonimy v sovremennom azerbajdzhanskom jazyke*. [Stylistic synonyms in the modern Azerbaijani language]. – Baku, MBM, 2010. – 124 p. (In Russ.).

SMIRNICKIJ A.I. *K voprosu o slove (problema "tozhdestva slova")*. [On the question of the word (the problem of "word identity")]. IN: *Trudy IJa AN SSSR*. – Moscow, 1954. – T. 4. – P. 3–49. (In Russ.).

SURANCHIEVA B. *Sinonimy v kirgizskom jazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk*. [Synonyms in the Kyrgyz language]. – Frunze, 1971. – 29 p. (In Russ.).

TEPPEEV A. *Tashyuul /Strada/*. [Strada]. – Nal'chik: Jel'brus, 1976. – 430 p. (In Kar.-balk.).

TOKUMAEV ZH. *Kjulkjuchju Chonaj: Haparla, chamla, tauruhla, tamsille. /Nasmeshnik Chonaj: Rasskazy, jumoreski, nebylicy, basni/*. [Mocker Chonai: Short stories, humorous tales, tall tales, fables]. – Nal'chik: Jel'brus, 2009. – 192 p. (In Kar.-balk.).

TOLGUROV Z. *Kjok geleu /Goluboj tipchak/*. [Blue tipchak]. – Nal'chik: Jel'brus, 1993. – 392 p. (In Kar.-balk.).

TOLGUROV Z. *Ajyutash /Medvezhij kamen'. Povest' i rasskazy/*. [Bear stone. Novella and short stories]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1966. – 68 p. (In Kar.-balk.).

Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language]: v 3 t. / In-t gumanitar. issled. Pravitel'stva KBR i KBNC RAN / Red.: Zh. M. Guzeev, I. H. Akhmatov, A. A. Zhappuev. – Nal'chik: Jel'-Fa, 1996. – T. 1. A-Zh. – 1016 p. (In Russ.).

Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language]: v 3-h t. / In-t gumanitar. issled. Pravitel'stva KBR i KBNC RAN / Red. Zh. M. Guzeev, A. A. Zhappuev. – Nal'chik: Jel'-Fa, 2002. – T. II. Z-R. – 1168 p. (In Russ.).

Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo jazyka [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language]: V 3-h t. / In-t gumanitar. issled. Pravitel'stva KBR i KBNC RAN / Red. Zh.M. Guzeev, A.A. Zhappuev. – Nal'chik: Izdatel'skij centr «Jel'-Fa», 2005. – T.3. S-Ja. – 1157 p. (In Russ.).

UMBAROV N. *K voprosu ob affiksal'noj sinonimii* [On the question of affixal synonymy]. IN: *Voprosy romanskoj filologii*: Uch. zap. Tashkentskij un-t, 1968. – Issue. 318. – P. 19-21. (In Russ.).

URAZBAEVA Z.G. *Variantnost' slova v sovremennom bashkirskom literaturnom jazyke: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk.* [The variation of the word in the modern Bashkir literary language]. – Ufa, 1980. – 20 p. (In Russ.).

FILIN F.P. *O slove i variantah slova*. [About the word and the variants of the word]. IN: *Morfologicheskaja struktura slova v jazykah razlichnyh tipov*. – Moscow–Leningrad, 1963. – P. 129-133. (In Russ.).

HANBIKOVA SH.S. *Tatar telendje sinonimlar*. [Tatar telendje synonyms]. – Kazan: Universitet njeshrijaty, 1961. – 197 p. (In Tatar.)

HANBIKOVA SH.S. *Tatar telendje sinonimija hjem suzlekljer*. [Synonymy and words in the Tatar language]. – Kazan: Tatarstan kitap njeshrijaty, 1980. – P. 52-71. (In Tatar.)

HUBIEV O. *Dzhukusuz kechele /Bessonnye nochi/*. [Sleepless nights]. – Cherkessk, 1969. – 271 p. (In Kar.-balk.).

SHAVAEV H. *Kjujgen tap /Shram ot ozhoga/*. [Burn scar]. – Nal'chik, 1989. – 95 p. (In Kar.-balk.).

SHAVAEV H. *Sau kal, nanym /Proshhaj, ljubimaja/*. [Goodbye, my love]. IN: *Mingi Tau*. 2013, – No. 3 (169). – P. 2-24. (In Kar.-balk.).

JETEZOV O. *Kajala unutmagandyla /Kamni pomnjat/*. [The stones remember]. – Nal'chik, 1958. – 133 p. (In Kar.-balk.).

JETEZOV O. *Nart kala. /Krepost' nartov/*. [The fortress of Narts]. – Nal'chik: Jel'-fa, 1996. – 329 p. (In Kar.-balk.).

JULDASHEV A. A. *Foneticheskaja i morfologicheskaja variantnost' bashkirskih slov i ejo otrazhenie v slovarjah*. [Phonetic and morphological variation of Bashkir words and its reflection in dictionaries]. IN: *Voprosy bashkirskogo jazykoznanija*. – Ufa, 1973. – P. 64-68. (In Russ.).

Информация об авторе

М.А. Ахматова – доктор филологических наук, доцент.

Information about the author

M.A. Akhmatova – Doctor of Science (Philology), docent.

Статья поступила в редакцию 30.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 81+811.35
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-275-285
EDN: REDQAI

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЗВУКО-КОРНЯ И ЕГО СЕМАНТИКИ НА ПРИМЕРЕ ОДНОГО ЗВУКА [КЪ] КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА

Мусадин Латифович Карданов
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, musadin07@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-3393-549X

Аннотация. Дополнительный анализ в определении семантики звуко-корней, которые в адыговедении считаются несамостоятельными корневыми элементами, позволяет сделать вывод, что в современном кабардино-черкесском языке грамматикализовавшиеся морфемы некогда были носителями определенных значений. Исходя из выявленных микрозначений звуков, которые позволяют дешифровать слова, мы выдвигаем гипотезу об иерархичности в них звуков, что находит свое подтверждение в примерах из языка. Это новый подход не только в адыговедении, но и в целом в лингвистике для определения значения слова. Кардинальное отличие нашего исследования от последователей фоносимволизма заключается в том, что, отрицая символизм в звуках, мы находим его сквозное значение во всех словах, компонентом которых он выступает и не считаем это исходной точкой для звука. Мы выдвигаем гипотезу, что абсолютную семантику звука можно определить только на стыке лингвистики и естественных наук.

В статье рассматривается точка зрения для выявления исконного и заимствованного слова, так как многие лексические единицы соотносятся к тому или иному языку без аргументированного полиаспектного анализа.

Ключевые слова: семантика, звуко-корень, микрозначение, фоносимволизм, этимология, заимствование, кабардино-черкесский.

Финансирование: «Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор № 41)», «В рамках программы «Приоритет 2030»».

Для цитирования: Карданов М.Л. Проблема определения звуко-корня и его семантики на примере одного звука кабардино-черкесского языка // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 275-285. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-275-285. EDN: REDQAI.

© Карданов М.Л., 2025

Original article

THE PROBLEM OF DETERMINING THE SOUND ROOT AND ITS SEMANTICS USING THE EXAMPLE OF ONE SOUND OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE

Musadin L. Kardanov
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, musadin07@mail.ru, https: // orcid.org/0000-0002-3393-549X

Abstract. Additional analysis in determining the semantics of sound roots, which in Adyghe studies are considered non-independent root elements, allows us to conclude that in the modern Kabardian-Circassian language, grammaticalized morphemes were once carriers of certain meanings. Based on the identified micro-meanings of sounds that allow us to decipher words, we put forward a hypothesis about the hierarchy of sounds in them, which is confirmed in examples from the language. This is a new approach not only in Adyghe studies but also in linguistics in general for determining the meaning of a word. The cardinal difference between our research and the followers of phonosymbolism is that, denying symbolism in sounds, we find its end-to-end meaning in all words of which it is a component and do not consider this the starting point for sound. We hypothesize that the absolute semantics of sound can only be determined at the intersection of linguistics and natural sciences.

Our research establishes a viewpoint for identifying original and borrowed words, because many lexical units lack a reasoned multi-aspect analysis connecting them to a particular language.

Keywords: semantics, sound-root, micromeaning, phonosymbolism, etymology, borrowing, Kabardian-Circassian

Financing: «The study was conducted with the financial support of an Internal grant from KBSU (Agreement no. 41), «Within the Priority 2030 program»».

For citation: Kardanov M.L. The problem of determining the sound root and its semantics using the example of one sound of the Kabardino-Circassian language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 275-285. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-275-285. EDN: REDQAI.

© Kardanov M.L., 2025

Введение

Общеизвестно, что префикс (приставка) – значимая часть слова, которая находится в препозиции корня и помогает образовывать слова, как и то, что звук не может иметь значение, являясь минимальной единицей языка. В отличие от русского языка, в кабардино-черкесском имеются две группы префиксов – словоизменительные и словообразовательные. Словоизменительные служат для образования новых форм изменяемых слов, тогда как словообразовательные – образуют новые номинации и выражают его лексическое значение. Произношение согласных звуков в кабардино-черкесском языке отличается от произношения тех же звуков в русском: если во втором наблюдается «разночтение», например буква *к* произносится [ка], тогда как согласную букву *р* надо выговаривать с гласным впереди [эр], в кабардино-черкесском все согласные буквы озвучиваются с постпозицией гласного *ы*: [бы] [кы] [лы] [чы] [щы]. Отдельный звук данного языка невозможно произнести без такой огласовки. Из всего состава согласных, за исключением нескольких, значения которых, возможно, носители языка утратили, все они имеют значение глагола в повелительном наклонении: *ды* «сшей», *вы* «пропаши», *джы* «прочти», *кIуы* «пройди», щы «стриги», *щIы* «делай». Естественно, некоторые звуки кроме глагольного значения несут в себе и семантику существительного, числительного, местоимения. Трудно сказать, какое первозначение было у такого согласного, но без сомнения, расширение семантики происходило в процессе развития языка.

Мы выдвигаем гипотезу, что не только согласные, но и гласные звуки могут иметь собственное значение, так как в современном кабардино-черкесском и родственном адыгейском языках, функционируют простые корневые морфемы с конечным [ы] и [э]: *ды* «сшей» – *дэ* «шей»; *зы* «один» – *зэ* «единожды». Замена одного гласного другим создает новую форму слова с собственным лексическим значением. Такой подход позволяет говорить, что современный кабардино-черкесский язык сохранил структуру праадыгского корня, в котором минимальная единица потока речи является не просто звуком, а звуко-корнем. Поэтому не можем быть едины во мнении с Д.Н. Шмелёвым, который писал, что «... в реальном языке, где звуки не являются носителями собственных значений, а выступают как смыслоразличители в составе морфем и слов, их самостоятельная “выразительность” не может играть сколько-нибудь заметной роли. Это не значит, однако, что продолжавшиеся в течение веков попытки определить собственный “смысл” звуков (например, установить, какие эмоции или представления способны вызвать каждый из гласных сам по себе) основаны целиком на недоразумении и иллюзиях...» [Шмелёв 1964: 162].

Хотя мы идем вразрез с определением лингвистического звука, вполне солидарны с тем, что «превращение самостоятельного слова в префикс происходит в том случае, когда слово, присоединяясь к ряду полнозначных слов, начинает выражать признаки или отношения категориального, то есть весьма отвлеченного характера» [Штейнберг 1976: 144].» Но в кабардино-черкесском и в целом в адыгских языках, перешедшая в категорию префикса часть слова, смогла сохранить первозначение. Наше исследование посвящено одной такой морфеме [къ].

Дискуссия

Лингвисты, занимавшиеся адыгскими языками (Кумахов, Урусов, Шагиров), отмечают, что префикс [къ-] всегда выступает в значении «направленность действия», что подтверждается примерами из языка: *къакIуэ* «пойди в мою сторону», *къэдз* «бросай в мою сторону», *къэтх* «напиши мне», *къажэ* «беги в мою сторону». Такая системность значения звука в кабардино-черкесском не согласуется с мнением В.В. Левицкого, по мнению которого «в силу чисто условной связи знака с тем, что он обозначает, значения его могут быть в принципе как угодно разнообразны: знак может иметь любое значение; изменчивость значений знака в принципе не знает никаких ограничений» [Левицкий 2009: 5]. Наше несогласие с автором основывается на примерах из языка, которые не являются единичными, что исключает случайность совпадений.

Сквозная семантика наблюдается по всем глаголам, компонентом которых выступает данный звук и можно быть солидарным с мнением Л.Н. Санжарова в том, что, рассматривая звук знаком, нужно признать, что он не условлен и не произволен» [Санжаров 1996: 4]. Но наряду с этим, наличие исследуемого в данной статье звука [къ] в словах, обозначающих действие, дает повод усомниться в гипотезе упомянутого автора, считающего фонетическое значение носителем коннотативного характера, обозначающего цвет, различные виды оценки, эмоции [Санжаров 1996: 4].

Определенное значение для анализируемого звука прослеживается не только в современном кабардино-черкесском, но и в адыгейском, что свидетельствует о его архаичности. Но кроме глагола он встречается и в номинациях из других частей речи, где не по всем примерам отчетливо просматривается значение «направленность действия», так как анализируемая морфема в них выступает не как грамматикализированный словообразовательный префикс, а как звуко-корень. Иными словами, [къ] встречается на всех позициях и по современной словообразовательной модели современного состояния языка считается: 1. Словообразовательным префиксом; 2. Корневым элементом; 3. Словообразовательным суффиксом. Наша гипотеза заключается в том, что исследуемый звук в эпоху праадыгского языка: а) имел одно значение, независимо от места в слове; б) являлся звуко-корнем, в процессе развития языка, перешедший во многих случаях в словообразовательный аффикс. «Исследуя взаимосвязь звуков и значений, – пишет Л.Ф. Осипова, – ученые пришли к выводу, что звуки речи обладают некоторой содержательностью. Каждое слово представляет собой единство содержания и формы. Звуковое оформление слова, будучи внешней формой, способно отразить само содержание. Значит, слово имеет не только лексическое значение, но и фонетическое, которое интерпретируется характерными признаками» [Осипова 2008: 53]. Но так как в слове не один звук, его значением может быть сумма значений звуков, т.е. лексическое значение – это сумма значений звуков.

О возможном происхождении анализируемого нами звука есть различные мнения: Х.Ш. Урусов пишет «о переходе общеадыгского фарингального придыхательного [кхъ] в абруптив [къ]» (*макъ* ← *макхъ*) [Урусов 2014: 48], М.А. Кумахов полагает, «что в общеадыгском языке фарингальные придыхательные *къ, къу* по происхождению не могли быть гомогенными» [Кумахов 1981: 193] и предполагает первичную форму для обозначения слова *кладбище* не как современное *кхъэ*, а *къэ*. Известный компаративист А.К. Шагиров отмечает, что в вариантах *кхъэ/къэ* используемые в адыгских языках для обозначения *кладбище*, «исходным значением следует считать второе слово» [Шагиров 1977 (Б): 237]. Придерживаясь мнений М.А. Кумахова и А.К. Шагирова, мы попытаемся определить сквозное первозначение звука [къ] во всех словах, в которых он присутствует.

Возможно, представители фоносемантизма (Левицкий, Журавлев, Осипова, Санжаров, Тамбиева и др.) правы в своих исследованиях относительно тех языков, о которых они пишут, говоря, что «одной из главных задач фоносемантиста является – интерпретировать семантику звука, учитывая способ и место его артикуляции. Место артикуляции имеет принципиальное значение для идеофонов, так как гипотетически именно оно служит источником символизации признаков в процессе номинации» [Тамбиева 2003: 6], чего нельзя сказать о звуках кабардино-черкесского языка. Конечно, мы не отрицаем, что при произношении звука участие принимают конкретные произносительные органы, принимая определенное положение, но не всякий звук, образованный в одном и том же месте или способом, может нести в себе значение. Исследуемый нами звук [къ] является частью звукоподражания *къа-къа-къэ* «кудахтание», но не

можем в данном примере выводить значение «направленность», тогда как с такой семантикой определяется в номинации *адакъэ* «петух». Такие примеры могут свидетельствовать о том, что не значения звуков в идеофонах первичны, а полученная семантика звуков в полнозначных словах использовалась для обозначения звукоподражательных слов. К примеру, носители кабардино-черкесского языка знают, как обозначить мычание коровы – «*му-у-у*», но в кабардино-черкесском языка нет такого сочетания *жэмыр мэ**му*** «корова мычит», а есть – *жэмыр мэ**бу***; собака лает, издавая звуки *хьэу-хьэу*, но говорим *хьэр **мэбанэ*** «собака ляет». Если бы мы получали значения звуков из идеофонов, то в полнозначных словах не могли бы иметь указанные переходы. То, как *петух кукарекает*, в кабардино-черкесском обозначается *адакъэр **маIуэ***, где в *маIуэ* «кукарекает» нет звука [къ], но есть тот же [Iу], что и в *бжэIу* «дверной проем». Говорить о том, что на лингвистическом уровне данный элемент имеет одно и то же значение в *маIуэ* «кукарекает» и *бжэIу* «дверной проем» не приходится, и невозможно утверждать, происхождения звука [Iу] из звукоподражания. Мнение А.А. Реформатского, что «мы не знаем, почему «нос» называется носом, «стол» – столом, «кот» – котом и т.п.» [Реформатский 1996: 18-19] мы могли бы поддержать в том случае, если речь шла о звукоизобразительных словах. Дешифровку микрозначений звуков с выведением макрозначения слова невозможно осуществить только на лингвистическом уровне. Точное определение семантики звука реализуемо только на стыке лингвистики и естественных наук.

Мы не можем отрицать результаты проведенных лингвистами экспериментов (А.С. Штерн, Г. Мюллер, В.В. Левицкий, А.П. Журавлев, Л.П. Прокофьева и др.), где они попытались связать символику звуков с определенными цветами или действиями, но здесь надо учитывать, что при привлечении определенного количества людей к таким экспериментам, естественно, перевес по количеству обязательно будет на каком-то звуке и говорить о том, что некий звук всегда ассоциируется с тем или иным цветом, не очень убедительно.

В отличие от М.А. Джукаевой, анализировавшей фоносемантические свойства спирантов в чеченском языке [Джукаева 2016], рассматривая значение звука, мы не стремимся определить базовый корпус лексем, как и не делим на семантические поля, так значение звука в кабардино-черкесском языке проходит сквозным значением по всему словарному составу. В лексическом фонде языка нет слов-исключений, ни по своей словообразовательной модели, ни по значению, есть номинации, которые на данном этапе исследования могут быть не раскрыты из-за неправильного подхода.

А.К. Шагиров в своих этимологических исследованиях во многих примерах значение элемента [къ] считает «не ясным», особенно если он стоит в конце слова: *адакъэ* «петух», *дакъэ* «утолщенная часть чего-либо» [Шагиров 1977 (А) : 56, 142]. Наша гипотеза отличается от исследований других авторов тем, что один и тот же звук, интерпретируется только в единозначении. Позиция звука в слове не может менять ни его семантику, ни значение самого слова. Общеизвестно, что от перестановки мест слагаемых, сумма не изменяется, однако, относительно значения номинации, которая складывается из семантики звуков, нами обнаружена такая закономерность как иерархичность. От места звука в

слове зависит то, на какое микрозначение делается акцент в макрозначении. Например, если в *дакъэ* «утолщенная часть чего-либо» первый звук [д] говорит о том, что «то, о чем идет речь, не подлежит дальнейшему развитию (именно в этой части не может быть продолжения)», а [къ] поясняет, что «направлено оно в твою сторону», то в слове *къадэ* «шей в мою сторону», где присутствуют те же звуки, что и в первом примере, акцент делается сначала в «сторону направления», а затем на то, что «это действие зашивается без дальнейшего развития». Для сравнения использованы существительное и глагол с аналогичными звуками в разных позициях, но с сохранением значения.

Свой подход в исследовании мы попытаемся аргументировать примерами из языка, где анализируемый звук выступает компонентом слов, относящихся к разным частям речи. К тому же позиция звука [къ] в номинациях немонотипная. Приводимые ниже примеры в современном языке делятся на две группы:

1. Исконные: *бгъакъэ* «грудастый», *дакъэ* «пень», «утолщенная часть чего-либо», *лъэдакъэ* «пятка», *Іэдакъэ* «утолщенная часть ладони к запястья», *адакъэ* «петух», *накъэпакъэ* «скуластый, широколицый», *дзэкъэн* «кусаться», *гурымыкъ* «упрямый», *жэпкъ* «кочерыжка», «стебель», *къабзэ* «чистый», *къепсын* «светить (о солнце)», «чихать», *къешхын* «пойти (о дожде)»;

2. Заимствованные (возможные) из арабского, тюркских, персидского: *макъ* «голос, звук», *уэнжакъ* «дымоход», *къару* «сила», *къэб* «тыква», *хьэкъ* «долг, обязанность».

Для начала разложим на составляющие компоненты слова, которые всеми исследователями считаются исконными, но так как статья посвящена значению звука [къ], другие звуко-корни не будут раскрываться на уровне микрозначений, за исключением тех, по которым уже опубликованы отдельные работы. Слово *бгъакъэ* «грудастый» состоит из *бгъэ* «грудь» и элемента *къэ*. Поскольку для [къ] мы определяем семантику «направление в сторону говорящего» или «сторона, куда направлено действие», представим для себя, что значит «грудастый». У «грудастого человека» данная анатомическая часть направлена в «сторону того, кто так характеризует объект», иначе говоря, *бгъэ* «грудь» направлена в сторону [къ] того, кто так описывает человека. Значение звукокорня [б] в одной из своих публикаций, нами определено как «нечто выпуклое» [Карданов, Езаова, Шугушева 2024: 27-34].

Дакъэ «пень» мы можем говорить, только тогда, когда она (пень), находится ниже самого человека и уже не является носителем биологической жизни, т.е. есть нечто зашитое, откуда не будет продолжения. Исходя из такой семантики, часть [къэ] присутствует в *лъэдакъэ* «пятка (утолщенная часть ступни)». Слово *лъэдакъэ* можно интерпретировать как «утолщенная часть ноги, направленная в сторону того, кто видит это место», таким же образом раскладывается и номинация *Іэдакъэ* «утолщенная часть ладони у запястья»: утолщенная часть руки, направленная в сторону того, кто видит это место.

Пкъы «косточка» – то, из чего развивается «направленная в сторону говорящего, жизнь», поэтому [къ] является компонентом слова *къэкІыгъэ* «растение» - «то, что растет в твою сторону». Исходя из значения анализируемого звука, использовать для обозначения *растения* слово *къэкІыгъэ* семантически

будет правильно только по отношению к тем из них, рядом с которыми находится говорящий, потому что в данный момент растения направлены именно в его сторону. А для обозначения растений, которые находятся вне поля его зрения, следует использовать номинацию *кIыгъэ* [растение] без префикса направленности действия [къэ-]. Невозможно утверждать, что номинация *пкъы* получила значение «корпус» в процессе развития языка, ровно, как и заявлять о первичности «косточка».

Дзэкъэн «кусаться» – «направленность зубов в сторону проведения действия», где *дзэ* «зуб».

Накъэ «скуластый, широколицый» – человек с лицом, чьи скулы выпячиваются вперед.

Адакъэ «петух», адыгейский вариант – *атакъэ*, который, по нашему мнению, является более архаичной формой: «дающий звук».

Къабзэ «чистый» – «направленный в сторону говорящего язык». *Къабзэ* «чистый» говорит о том, что человек или предмет, вещь, человека, за которыми он следит. То, как он следит за собой или своими вещами, содержится в данном примере.

Къепсын «светить (о солнце)», «чихать», *къешхын* «пойти (о дожде)» – оба действия происходят «в сторону говорящего». Когда такие погодные явления происходят в местах, где нет самого говорящего, используются слова *щопс, щошх – дыгъэ щопс* «там светит солнце», *уэшх щошх* «там идет дождь».

Когда речь заходит о возможных заимствованиях, многие исследователи вместо того, чтобы провести полиаспектный анализ, языком реципиентом определяют тот, у которого номинация зафиксирована в более поздних письменных источниках. Так получилось с анализируемыми нами словами *хьэкъ* «долг, обязанность», *уэнжакъ* «дымоход», *къару* «сила», *къэб* «тыква», *макъ* «голос, звук» и соответственно, с производными от последнего примера названиями анатомических органов *тэмакъ* «глотка», *къурмакъей* «горло».

Говоря об арабских заимствованиях, авторы двухтомника «Кабардино-черкесский язык» отмечают, что их проникновение «в кабардинский и адыгейский языки обычно определяется XIV в., однако массовое их вхождение относится к концу XVIII в.» [Кабардино-черкесский язык 2006: 95]. Общеизвестно, что основная масса арабизмов проникла в адыгские языки под влиянием ислама, что не всегда говорит об их соотнесенности с религией, а являются лишь лексической единицей арабского языка. Если номинации *нэмэз* «намаз», *бегъымбар* «пророк», *мелыIыч* «ангел» без сомнения относятся к религии, то в отношении слова *хьэкъ* «долг, обязанность» нельзя быть столь категоричным. Оно используется в кабардино-черкесском языке в нескольких значениях: I. Истина, правда; II 1. Заработок, зарплата; 2. Долг (*напр. денежный*); 3. Долг, обязанность *перед кем-чем-л.* [Словарь 1999: 728]. Не отрицая наличие данного примера в арабском языке, сравниваем его со словами в кабардино-черкесском по месту в слове: *хьэкъ – жэпкъ* «стебель, кочерыжка»; *цIикъ* «хилый, слабый»; *ныбэкъ* «пузатый»; *щхьэдыкъ* «забывчивый». Положение в слове анализируемого звука не является не характерной для кабардино-черкесского, но и не может быть полноценным аргументом его исконности в том или ином языке. В

имеющихся работах по лексике и этимологии адыгских языков, хотя номинация хьэкъ «долг» обозначается заимствованием, но не разъясняется ни механизм, ни причина заимствования, как и не учитываются некоторые нюансы между возможным языком-донором и реципиентом. По версии А. Мейе, «язык распространяется, лишь когда он является носителем культуры, внушающей уважение. Иногда распространение языка полностью обусловлено превосходством культуры: так, ионийско-аттическое койне вытеснило все другие греческие говоры, так как его носители были наиболее типичными представителями эллинской цивилизации» [Мейе 1954: 23]. Такое мнение находим и у российских ученых, по мнению которых «целые пласты лексики заимствуются из того языка, носители которого имеют более развитую культуру. Поэтому если из истории известно, от какого народа к какому шло заимствование элементов культуры, можно предположить, что и слова, называющие их, были заимствованы вместе с ними» [Бурлак, Старостин 2005: 51]. Но номинации *хьэкъ* «долг, обязанность», *уэнжакъ* «дымоход», *къару* «сила», *къэб* «тыква», *макъ* «голос, звук», *тэмакъ* «глотка», *къурмакъей* «горло» не являются элементами культуры, если по отношению к *къэб* «тыква» можно говорить о его возможном заимствовании с самим растением, то для других примеров нет аргументов. Чтобы язык, в котором функционируют более 400 исконных слов, связанных с анатомией, в том числе несколько десятков названий внутренних органов, заимствовал два названия органов *тэмакъ* «глотка», *къурмакъей* «горло», нужны веские причины. По мнению А.К. Шагирова, *тэмакъ* из тюркских языков в значениях «горло», «глотка», «гортань» [Шагиров 1977 (Б): 69]. Но, во-первых, в турецком и татарском языках глотка звучит как *boğaz/бугаз,* в татарском *горло – тамак*, в турецком – *boğaz*, при *къурмакъей сыдж* «кадык» в турецком – *adem elması*, татарском – *бугаз*, башкирском *ҡаҙыҡ*; *къурмакъей хъыщт* «хрящ горла» башкирском – *танау һөлдәһе*, татарском – *йоткылык кимерчәге*, турецком – *faringeal kıkırdak*, т.е. в тюркских оно не повторяется. Во-вторых, *тэмакъ* «глотка» и *къурмакъей* «горло», хотя и находятся рядом, являются разными анатомическими органами и не могут иметь одно название, хотя А.К. Шагиров трактует первое слово в трех значениях. В-третьих, в *тэмакъ* «глотка», *къурмакъей* «горло», *макъ* «голос, звук» содержится наименьшая из трех возможных лексическая единица *макъ*, которая на лингвистическом уровне трактуется «давать звук», а в тюркских языках такая тенденция отсутствует. И, в-четвертых, нельзя забывать о фонетических процессах в языке-доноре и реципиенте, где мы солидарны что «в рассматриваемых словах должны наблюдаться регулярные фонетические соответствия: при интенсивных контактах всегда возникают правила пересчета с "иностранного" языка на родной, и таким образом, звуки "иностранного" языка получают в заимствующем языке регулярное (независимое от значения слов, хотя, возможно, распределенное по позициям) отражение. Отсутствие регулярности фонетических соответствий может быть либо в том случае, когда заимствований мало (с единичными объектами и обращение будет индивидуальное, а не системное), либо в том случае, когда заимствования относятся к разным временным пластам (или разным диалектам). Предположения о

беспорядочном "искажении" слов при заимствовании в общем случае неверны» [Бурлак, Старостин 2005: 53].

Возвращаясь к якобы арабскому заимствованию *хьэкъ*, возникают два вопроса:

1. Не являясь религиозным термином или номинацией для конкретного предмета, как слово *хьэкъ* в разных значениях проникло в адыгские языки?

2. Как одно слово без остатка смогло вытеснить четыре исконных в кабардино-черкесском языке: для обозначения *истины, правды*; *заработка, зарплаты*; *долга* (*напр. денежный*); *долга, обязанности перед кем-чем-л.*?

Если по версии авторов «Кабардино-черкесский язык», арабизмы начали проникать в указанный язык в XIV в., то до этого, по крайней мере, должно было пройти пару сотен лет, чтобы адыги признали «превосходство культуры» арабов, чтобы заимствовать слово, не имеющее отношение к религии [Кабардино-черкесский язык 2006: 95]. Но даже при таком варианте, четыре-пять веков недостаточны, чтобы заимствованное слово могло полностью вытеснить исконное, не оставляя никакого следа.

Исходя из таких соображений, прежде чем соглашаться по поводу возможных заимствований, мы сравниваем его со словообразовательными моделями исследуемого языка, суммируем выведенное значение звуко-корней и соглашаемся с тем, что она заимствована, если анализируемая лексема не обозначает то, на что указывает в данном языке. Поэтому, слово *хьэкъ*, нами было интерпретировано как «информация, направленное в сторону говорящего» [Карданов 2022: 44-52]: *адэ-анэм и хьэкъ* «долг перед родителями» – информация, которая направлена в твою сторону, как и *хьэкъ* «долг» перед животными, которых сам приучил, растениями, что посадил.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что на лингвистическом уровне можно лишь приблизиться к истинному значению звука, которое можно определить только на стыке лингвистики и естественных наук. Сквозная семантика звука на примерах из современного кабардино-черкесского языка свидетельствует, что вопреки устоявшимся канонам в языкознании, он несет в себе определенное значение и не является каким бы то ни было символом для обозначения цвета, действия или абстрактного понятия. Наша версия об иерархичности звуков в словах, находит свое подтверждение при их дешифровке, а значение звуко-корня остается постоянной независимо от его положения. В изыскании нами также ставится под сомнение соотнесение слова к пласту заимствований только потому, что оно или созвучное ему встречается в письменных источниках другого языка. Номинация может считаться не исконной, если в данном языке при дешифровке звуков, сумма значений звуков не соответствует тому, что слово обозначает.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ЛИТЕРАТУРЫ

Бурлак, Старостин 2005 – *Бурлак С.А., Старостин С.А.* Сравнительно-историческое языкознание. – М.: Академия, 2005. – 432 с.

Джукаева 2016 – *Джукаева М.А.* Фоносемантические свойства спирантов. – Грозный: ЧГУ, 2016. – 164 с.

Кабардино-черкесский язык 2006 – *Кабардино-черкесский язык*. – Нальчик: Эль-Фа, 2006. – Т. 2. – 520 с.

Карданов 2022 – *Карданов М.Л.* Смыслова трансформация звуко-корня [хь] в адыгском языке // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета: Журналистика. Образование. Словесность. – Т. 2, № 4. – 2022. – С. 44-52.

Карданов, Езаова, Шугушева 2024 – *Карданов М.Л., Езаова М.Ю., Шугушева Дж.Х.* Спорные вопросы адыгской семасиологии и словообразования // Филологические науки. Язык. Культура. Социум. – № 6. – 2024. – С. 27-34.

Кумахов 1981 – *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая фонетика адыгских (черкесских) языков. – М.: Наука, 1981. – 288 с.

Левицкий 2009 – *Левицкий В.В.* «Звуковой символизм: мифы и реальность». – Черновцы: Рута, 2009. – 186 с.

Мейе 1954 – *Мейе А*. Сравнительный метод в историческом языкознании. – М: Иностранная литература, 1954. – 100 с.

Осипова 2008 – *Осипова Л.Ф.* Фоносемантические особенности личных имен в татарском языке. – Елабуга: ЕГПУ, 2008. – 150 с.

Реформатский 1996 – *Реформатский А.А*. Введение в языковедение. – М.: Аспент Пресс, 1996. – 536 с.

Санжаров 1996 – *Санжаров Л.Н.* Современная фоносемантика: истоки, проблемы, возможные решения. Тула: Изд. ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 1996. – 36 с.

Словарь 1999 – Словарь кабардино-черкесского языка. – М.: Дигора, 1999. – 854 с.

Тамбиева 2003 – *Тамбиева, Ж.М.* Межъязыковые фоносемантические соответствия гуттуральных согласных (на материале русского, английского и абазинского языков). Автореф. дис. канд. филол. наук / Ж.М. Тамбиева. – Пятигорск, 2003. – 17 с.

Урусов 2014 – *Урусов Х.Ш.* История языка. – Нальчик: КБГУ, 2014. – 358 с.

Шагиров 1977 (А) – *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – Т. 1. – М.: Наука, 1977. – 278 с.

Шагиров 1977 (Б) – *Шагиров А.К.* Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. – Т. 2. – М.: Наука, 1977. – 278 с.

Шмелёв 1964 – *Шмелёв Д.Н.* Очерки по семасиологии русского языка. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.

Штейнберг 1976 – *Штейнберг Н.М.* Аффиксальное словообразование во французском языке. Суффиксация и префиксация. – Ленинград. Из-ние Ленинградского университета, 1976. – 201 с.

REFERENCES

BURLAK S.A., STAROSTIN S.A. *Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie* [Comparative historical linguistics]. – M.: Akade-miya, 2005. – 432 p. (In Russ.).

DZHUKAEVA M.A. *Fonosemanticheskie svoistva spirantov* [Phonosemantic properties of spirants]. – Groznyi: ChGU, 2016. – 164 p. (In Russ.).

Kabardino-cherkesskii yazyk [Kabardino-Circassian language]. – Nal'chik: El'-Fa, 2006. – T. 2. – 520 p. (In Russ.).

KARDANOV M.L. *Smyslova transformatsiya zvuko-kornya [kh'] v adygskom yazyke* [Semantic transformation of the sound root [x] in the Adyghe language]. In: Vestnik Kabardino-Balkarskogo gosudarstvennogo universiteta: Zhurnalistika. Obrazovanie. Slo-vesnost'. – T. 2, № 4. – 2022. – P. 44-52. (In Russ.).

KARDANOV M.L., EZAOVA M.YU., SHUGUSHEVA DZH.KH. *Spornye voprosy adygskoi semasiolo-gii i slovoobrazovaniya* [Controversial issues of Adyghe semasiology and word formation]. In: Filologicheskie nauki. Yazyk. Kul'tura. Sotsium. – № 6. – 2024. – P. 27-34. (In Russ.).

KUMAKHOV M.A. *Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Comparative historical phonetics of the Adyghe (Circassian) languages]. – M.: Nauka, 1981. – 288 p. (In Russ.).

LEVITSKII V.V. *«Zvukovoi simvolizm: mify i real'nost'»* ["Sound symbolism: myths and reality"]. – Chernovtsy: Ruta, 2009. – 186 p. (In Russ.).

MEIE A. *Sravnitel'nyi metod v istoricheskom yazykoznanii* [The comparative method in historical linguistics]. – M: Inostrannaya lite-ratura, 1954. – 100 p. (In Russ.).

OSIPOVA L.F. *Fonosemanticheskie osobennosti lichnykh imen v tatarskom yazyke* [Phonosemantic features of personal names in the Tatar language]. – Elabuga: EGPU, 2008. – 150 p. (In Russ.).

REFORMATSKII A.A. *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction to Linguistics]. – M.: Aspent Press, 1996. – 536 p. (In Russ.).

SANZHAROV L.N. *Sovremennaya fonosemantika: istoki, problemy, vozmozhnye resheniya* [Modern phonosemantics: origins, problems, possible solutions]. Tula: Izd. TGPU im. L.N. Tolstogo, 1996. – 36 p. (In Russ.).

Slovar' kabardino-cherkesskogo yazyka [Dictionary of the Kabardino-Circassian language]. – M.: Digora, 1999. – 854 p. (In Russ.).

TAMBIEVA, ZH.M. *Mezh"yazykovye fonosemanticheskie sootvetstviya guttural'nykh soglasnykh (na materiale russkogo, angliiskogo i abazinskogo yazykov)* [Interlanguage phonosemantic correspondences of guttural consonants (in the mother of Russian, English and Abaza languages)]. Avtoref. dis. kand. filol. nauk / Zh.M. Tambieva. – Pyatigorsk, 2003. – 17 p. (In Russ.).

URUSOV KH.SH. *Istoriya yazyka* [Language history]. – Nal'chik: KBGU, 2014. – 358 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. (A) *Etimologicheskii slovar' adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Etymological dictionary of the Adyghe (Circassian) languages]. – T. 1. – M.: Nauka, 1977. – 278 p. (In Russ.).

SHAGIROV A.K. (Б) *Etimologicheskii slovar' adygskikh (cherkesskikh) yazykov* [Etymological dictionary of the Adyghe (Circassian) languages]. – T. 2. – M.: Nauka, 1977. – 278 p. (In Russ.).

SHMELEV D.N. *Ocherki po semasiologii russkogo yazyka* [Essays on the semasiology of the Russian language]. – M.: Prosveshchenie, 1964. – 244 p. (In Russ.).

SHTEINBERG N.M. *Affiksal'noe slovoobrazovanie vo frantsuzskom yazyke. Suffiksa-tsiya i prefiksatsiya* [Affixal word formation in French. Suffixing and prefixing]. – Leningrad. Iz-nie Leningradskogo universiteta, 1976. – 201 p. (In Russ.).

Информация об авторе

М.Л. Карданов – кандидат филологических наук.

Information about the author

M.L. Kardanov – PhD (in philology).

Статья поступила в редакцию 24.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 24.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 81.373.21
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-286-297
EDN: REQUAL

ПОЛИАСПЕКТНЫЙ АНАЛИЗ ЗООЛЕКСЕМЫ ТЮЛКЮ ‘ЛИСА’ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Мусса Бахаутдинович Кетенчиев[1], **Сахадин Магаметович Хуболов**[2], **Ахмат Магометович Мизиев**[3]

[1,2,3] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия,

[1] ketenchiev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1656-8368

[2] khubol@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1016-5023

[3] miz1967@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6136-9379

Аннотация. Статья связана с изучением лексики карачаево-балкарского языка. В ней поливекторному анализу подвергается зоолексема *тюлкю* ‘лиса’, выявляются ее словообразовательные возможности, отмечается представленность в составе фитонимов, топонимов и антропонимов. В работе отмечается, что анализируемая зоонимическая лексема отличается релевантными для карачаево-балкарской этнокультуры составляющими, имеющими архаизированный характер. В самом общем виде в мировосприятии этноса лиса предстает как животное, которое отличается такими характеристиками, как хитрость, лукавость и находчивость. Она воспринимается как хищник, наносящий урон птицеводству, а шкура черно-бурой ее разновидности интерпретируется как талисман, способствующий сохранению и приумножению благосостояния человека. В сказках о животных лиса в силу своей хитрости и находчивости побеждает более крупных хищников, хотя и проигрывает некоторым представителям птиц. В корпусе карачаево-балкарских паремий обнаруживаются различные когнитивные характеристики, значимые как для лисы, так и для человека, что детерминируется ментальностью народа. Проанализированный фактический материал дает возможность говорить в целом об универсалиях, связанных с образом лисы. Зоолексема *тюлкю* представляет собой значимую составляющую зооморфного кода культуры в карачаево-балкарской картине мира.

Ключевые слова: карачаево-балкарский язык, фольклор, лексика, зооним «лиса», функция, семантика, этнокультурное значение

Благодарности и финансирвоание: Исследование выполнено при финансовой поддержке Внутреннего гранта КБГУ (Договор № 34), в рамках программы «Приоритет 2030».

Для цитирования: Кетенчиев М.Б., Хуболов С.М., Мизиев А.М. Полиаспектный анализ зоолексемы тюлкю ‘лиса’ в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 286-297. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-286-297. EDN: REQUAL.

© Кетенчиев М.Б., Хуболов С.М., Мизиев А.М., 2025

Original article

MULTIDIMENSIONAL ANALYSIS OF THE ZOOLEXEME TÜLKÜ 'FOX' IN THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Mussa B. Ketenchiev[1], **Sakhadin M. Khubolov**[2], **Akhmat M. Miziev**[3]
[1,2,3] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1] ketenchiev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-1656-8368
[2] khubol@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-1016-5023
[3] miz1967@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6136-9379

Abstract. The article focuses on the vocabulary of the Karachay-Balkarian language. It examines the zoo-lexeme tulkyu 'lisa' using multivector analysis, reveals its word-formation possibilities, and discusses its representation in phytonyms, toponyms, and anthroponyms. The research observes that the examined zoonymic lexeme is differentiated by archaic components specific to the Karachay-Balkarian ethnoculture. In its most generic form, the fox appears in the ethnos' worldview as an animal distinguished by traits like as cunning, cleverness, and ingenuity. It is viewed as a predator that harms poultry husbandry, and the skin of the black-brown type is regarded as a talisman that aids in the preservation and enhancement of human well-being. In animal legends, the fox beats larger predators thanks to its cunning and resourcefulness, yet it loses to some bird species. The corpus of Karachay-Balkarian paremias demonstrates a variety of cognitive qualities relevant to both foxes and humans, which are determined by people's mentalities. The studied factual material allows us to discuss broadly about the universals linked with the image of a fox. The tulkyu zoolexeme is an important part of the zoomorphic cultural code in the Karachay-Balkarian worldview.

Keywords: Karachay-Balkar language, folklore, vocabulary, zoonym «fox», function, semantics, ethnocultural significance

Acknowledgements and funding: The study was carried out with the financial support of an Internal grant from KBSU (Contract No. 34), within the framework of the Priority 2030 program.

For citation: Ketenchiev M.B., Khubolov S.M., Miziev A.M. Multidimensional analysis of the zoolexeme tülkü 'fox' in the karachay-balkar language. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 286-297. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-286-297. EDN: REQUAL.

© Ketenchiev M.B., Khubolov S.M., Miziev A.M. 2025

В карачаево-балкарской филологической науке, как и в тюркологии в целом, зоонимической лексике значительное внимание традиционно уделяется в фольклористических исследованиях, посвященных такому значимому жанру устного народного творчества, как сказка, о чем свидетельствуют, например, монографические работы целого ряда авторов [Гулиева (Занукоева) 2019а; Гулиева 2024; Малкондуев 2017; Гергокова 2023а]. Они находят свою нишу и в трудах, связанных с мифологическими воззрениями носителей языка [Джуртубаев 1991], а также в научно-теоретических статьях, ориентированных на изучение следующих аспектов сказочного текста: история изучения [Гергокова 2020], поэтика [Берберов, Берберова 2018], разграничение волшебных и анималистических сказок [Гулиева (Занукоева) 2019б], репрезентация различных персонажей [Гергокова 2023б].

В собственно лингвистических же исследованиях традиционно представлены структурно-семантические особенности зоонимов [Эбзеева 2011], их коннотативные значения [Ойноткинова 2023] и функциональные особенности

[Омер 2015]. В последние годы они скрупулезно исследуются с учетом парадигмы современного гуманитарного знания, сопряженного с этнокультурой [Гукетлова 2016; Хисамитдинова 2016; Ахматова и др. 2022] и языковой картиной мира [Кетенчиев 2015]. Причем указанное изучается на материале не только карачаево-балкарского и других тюркских, но и разноструктурных языков, что обнаруживается в вышеотмеченных работах. Однако отдельные зоолексемы все еще не подвергнуты поливекторному рассмотрению, что имеет отношение и к зооним*у тюлкю* «лиса», к которому мы обращаемся в данной работе. Правда, в последнее время уже начали появляться такого рода научные статьи по другим зоолексемам [Кетенчиев и др. 2024].

Актуальность данной статьи детерминируется важностью многоаспектного анализа номинаций животных, что дает возможность представить не только их собственно лингвистические характеристики, но и функциональные особенности архаического плана, обнаруживающиеся в первую очередь в фольклорном дискурсе.

Новизна работы обусловлена тем, что в ней впервые в научный оборот вводятся новые данные относительно функционально-семантических и этнолингвистических составляющих зоонимической лексемы *тюлкю*.

В статье ставится цель провести многосторонний анализ отмеченного зооним*а* с опорой на данные языка и карачаево-балкарского устного народного творчества.

Достижение поставленной цели сопряжено с решением актуальной для карачаево-балкарского языка многомерной задачи, а именно, научной интерпретацией функциональной, семантической, дериватологической и этнокультурной специфики зоонимической лексемы *тюлкю*. Материалом же для этого служат собственно языковые данные и сведения, извлеченные из текстов фольклора различной жанровой соотнесенности.

Подвергаемый в данной работе анализу зооним представляет собой общетюркскую лексему и представлен в формах *tilki, tülki* в значении «лисица» еще в ранних лексикографических изданиях [ДТС 1969: 561]. Подобные формы этого слова отмечены и в работах, связанных с сравнительно-историческим изучением лексики тюркских языков [СИГТЯ 2001: 161]. По мнению известного тюрколога А.Н. Кононова, оно производно от адъектива *түкли* «пушистый» [Кононов 1960: 49].

Название лисы в карачаево-балкарском языке в полном объеме совпадает с ее номинацией в таких тюркских языках, как азербайджанский, караимский, киргизский, кумыкский, средне-кыпчакский, чагатайский (*tülkü*). В настоящее время это слово имеет семантику «лиса; *перен*. лиса, хитрец, льстивый (*о человеке*)». От него производны имена существительные *тюлкюлюк* «хитрость, подобострастие», *акъ тюлкю* «песец», *тюлкюкъуйрукъ* «дикое просо», *тюлкюкъуйрукъ* (къойла) «порода овец с удлиненным курдюком», а также глагол *тюлкюлен-* «льстить *кому*; хитрить, вести себя подобострастно». Кроме того, для обозначения человека, характеризующегося чрезмерной хитростью, употребительны компаративные словоформы и дескрипции типа *тюлкюлей, тюлкюча, тюлкюсыман, тюлкю кибик, тюлкю маталлы*, отражающие его речь

и поведение. Все эти языковые единицы объединяются одним типовым значением «схожий с лисой».

В так называемом тайном, или охотничьем, языке обнаруживаются и слова-эвфемизмы, которыми называют лису: *къызылжаякъ* «краснощекий», *узункъуйрукъ* «длиннохвостый», *тауукъчу* «ворующий кур», *хыйлачы* «хитрый» [КъМФ 1996: 59]. Появление подобных номинаций уходит корнями в период язычества и сопряжено с табуированием названия лисы, а для узнаваемости в их смыслы вкладываются различные ее характеристики.

Рассматриваемая зоолексема употребительна в сочетании с соматизмами *къуйрукъ* «хвост», *аякъ* «лапа» в составе двух- и трехкомпонентных фитонимов метафорического характера, таких, как *аулакъ тюлкюкъуйрукъ* «лисий хвост; лисохвост луговой», *тюлкю аякъ* «лапчатка прямостоячая», *тюлкюкъуйрукъ* «вейник наземный; лисохвост равный» [Хапаев, Хапаева 2022: 568]. Их номинации мотивируются исходя из того, что эти растения (их стебли) уподобляются пушистому хвосту или лапе лисицы.

Как явствует из работ, посвященных топонимике [Текуев и др. 2018; Текуев и др. 2019], для зоонима *тюлкю* релевантно функционирование в качестве основного элемента некоторых одно- и двухсловных микротопонимов, обозначающих названия различных местностей: *Тюлкюлю* «Лисье», *Тюлкю къулакъ* «Лисья балка», *Тюлкю тешикле* «Лисьи норы», *Тюлкюлю жар* «Лисий овраг» и др. Появление такого рода онимов сопряжено с тем, что носители языка посредством доступных лексических средств обозначали территории тех близлежащих участков, на которых обнаруживалось изобилие лис.

Общеизвестен тот факт, что среди карачаевцев и балкарцев широко распространены фамилии, производные от названий животных, к которым относятся *Айыулары* «Медведевы», *Арсланлары* «Львовы», *Бёрюкалары* «Волковы», *Текелары* «Козловы», *Токълулары* «Барашковы (Ягненковы)» и др. Однако в карачаево-балкарском антропонимиконе фамилии с компонентом *тюлкю* нет, но есть зоофорные прозвищные имена: *Тюлкю* «Лиса» (о хитром человеке независимо от пола), *Тюлкюкъуйрукъ* «Лисохвост» (о хитром человеке, а также о том, кто своими происками натравливает людей друг на друга), *Тюлкютут* «Лисохват» (о человеке, замеченном в ловле лис), *Тюлкюсырт* «Лисья спина» (о человеке, который старается себя не обнаруживать), *Тюлкютюк* «Лисьи волосы» (о человеке, отличающемся чрезмерно рыжей бородой и волосами).

Связь характеристики лисы с традиционной архетипической этнокультурой лучше всего представлена в текстах фольклора, относящихся к различным жанрам. Например, в приметах отмечается, что видеть во сне лису – это плохо: *Адамны тюшюнде тюлкю игиликге кёрюнмейди* «Человеку лиса во сне видится не к добру». В карачаево-балкарском устном соннике также репрезентируется следующее: *Тюшюнгде тюлкю кёрдюнг эсе, аман акъыллы, къулакълы (эшитгенин тил этген), кесин бек сюйген адам бла тюбешмезге бек сакъ бол* «Если ты во сне увидел лису, остерегайся встречи с хитрым, ушастым (любящим доносить), себялюбивым человеком».

В карачаево-балкарских сказках о животных, как правило, актуализируются такие характеристики лисы, как обман, хитрость и находчивость, что уни-

версально для произведений устного народного творчества родственных и неродственных народов. Это обнаруживается в сказках типа «Ышаннгысыз юч нёгер» («Ненадежные три товарища»), «Жалгъан нёгер» («Ложный товарищ»), «Тюлкю хыйла» («Лисья хитрость»), «Тюлкю, айыу, бёрю» («Лиса, медведь, волк»), «Айыу, бёрю сора къызыл тюлкю» («Медведь, волк и красный лис»), вошедших в специальное хрестоматийное издание, содержащее сказочные произведения [КъМХЖ 2012: 533-590]. Так, в сказке «Ышаннгысыз юч нёгер» лиса обманом избавляется от более сильного соперника медведя, который поддавшись ее увещеваниям, съедает свои глаза и становится беспомощным. Лиса же вслед за этим, вызвавшись стать поводырем, подводит медведя к круче, откуда он падает и становится добычей для нее и волка, который также становится жертвой ее обмана, оставшись без пропитания. В подобных произведениях лиса обычно обманывает не только медведя и волка, но и своих диких собратьев, порой даже льва.

В сказке «Тюлкю хыйла» лиса в полной мере оправдывает такой свой признак, как *амалчы* «находчивый, изворотливый, ловкий». Она использует в качестве игрушки найденный в пути медный колокольчик и теряет его в соломенной скирде. Решившись поджечь солому, она обращается к огню с просьбой дать угли для розжига, однако получает отказ. Вслед за этим ей в отместку захотелось потушить огонь водой, однако речка воды не дает. Потом обращается к ишакам, чтобы они испили воды, чтобы речка высохла, но они, не решаясь попасться на глаза играющим неподалеку ребятам, тоже не слушаются. Тогда обращается к ним, чтобы те сели на ишаков и их погоняли. Ребята, сославшись на усталость, не вняли лисе. Лисе ничего не оставалось, как пойти к их родителям и сказать: *Хей, жуукъларым, нек турасыз? Жашларыгъыз бир бирлери бла тюйюшюп, бир бёлеги да жаралы болуп жатадыла!* «Хей, друзья мои, что вы стоите? Ваши сыновья подрались друг с другом, и некоторые из них лежат раненые!». Тогда родители побежали к сыновьям, а те, испугавшись, начали убегать от них, ишаки бегут от ребят, вода – от ишаков, огонь – от воды. Но солома не смогла убежать от огня и сгорела. Лиса находит свой колокольчик, достигнув своей цели, и поет оду хитрости: *Биз, тюлкю миллети, хыйлабыз бла не сюйсек да эталып болабыз. Бизни хыйлабыз хорланмаз, анга жengдирмез зат жокъду!* «Мы, лисье племя, своей хитростью можем делать все, что захотим. Нет ничего, что наша хитрость не одолеет!».

Тем не менее лиса проигрывает в «единоборстве» более слабым, но более находчивым противникам – журавлю и перепелке. Например, в сказке «Тюлкю бла зурнук» («Лиса и журавль») лиса, позвав в гости журавля, отправляет его не солоно хлебавши, так как он не смог наесться из тарелки из-за своего длинного клюва. В свою очередь журавль тоже угощает лису, но уже из кувшина, она также уходит из гостей голодной.

В имеющихся текстах карачаево-балкарского нартского эпоса [Нарты 1994] зооним *тюлкю* встречается в составе номинации черно-бурой лисы (*къара тюлкю* «черная лиса»). В силу своей ценности ее шкура украшает одежду нартов: *Къара тюлкю – тон жагъалары* «Черная лиса – воротники их шуб». По этой же причине лиса является объектом охоты: *Ючюсю да тюлкю угъа*

баргъандыла, дейди, // Къара тюлкюню ызларындан излегендиле, дейди «Все втроем на лисью охоты пошли, говорит, // По следам черную лису искали, говорит». Так как шкура такой лисы представляет собой талисман, символ благополучия, она становится достоянием всех нартов: *Тюлкю терини нарт мюлкде къояйыкъ, деди* «Шкуру лисы в хозяйстве нартов оставим, говорит».

В сказании «Ёрюзмек бла акъ марал» («Ёрюзмек и белая маралиха») героиня эпоса Сатанай, обернувшись в черно-бурую лису, уводит Ёрюзмека и собак от жилища эмегенов и вызволяет его, приняв человеческий облик и научив, как ему стать прежним: *Сатанай кесини адам сыфатын алды, дейди…// Сора не этерин эрине юйретгенди, дейди* «Сатанай приняла свой человеческий облик, говорит… // И мужа научила, что делать, говорит». В данном случае актуализируется находчивость Сатанай в образе лисицы.

Рассматриваемая зоолексема употребительна и в составе каргышей, или зложеланий, представляющих собой специфические оптативные экспрессивные синтаксические конструкции с типовым значением «пусть сбудется это»: *Тюлкю азыгъы боллукъ!* «Чтобы лисьей пищей стал!»; *Тюлкю жулкъурукъ!* «Чтобы лиса растерзала!». Такие выражения обычно употребляются по отношению к домашней птице.

Небезынтересны и алгыши, т.е. благопожелания, адресованные уже человеку. Для них актуальным представляется типовая формула «пусть это не сбудется»: *Ыстауатынга бёрю чапмасын, // Къанатлынгы къызыл тюлкю алмасын* «На стойбище твое пусть волк не нападет, // Птиц твоих пусть лиса не заберет»; *Къатынынг тюлкю болмасын, // Сабийинг айыплы болмасын* «Пусть жена твоя лисой не будет, // Пусть дети твои не опозорятся» и др.

В устном народном творчестве обнаруживается ряд загадок, связанных с лисой [КъМФС 2022: 284-307]. В них отгадка лисы зиждется на ее метафорическом обозначении, а также учитывается прагматическая составляющая, т.е. ценность меха: *Сырт башында къызыл ашыкъ* (Тюлкю) «На вершине холма красный альчик» (Лиса); *Туман тюбюнде алаша кишичик* (Тюлкю) «В тумане низенький мужичок» (Лиса); *Кесини териси – кесине жау* (Тюлкю) «Собственная шкура – себе враг» (Лиса); *Нени териси башына жауду?* (Тюлкюню) «Чья шкура есть враг для хозяина?» (Лисы).

Лиса эпизодически отмечена в мифах. Речь идет в первую очередь о ее черно-бурой разновидности, которая интепретируется в сознании этноса как талисман, приносящий удачу и счастье, приводящий к благополучию. Для наглядности приведем отрывок из микромифа «Къара тюлкю» («Черная лиса») [КъММ 2007: 15]: *Къара тюлкюню териси бек багъа, сыйлы затха саналгъанды. Ол болгъан жерден, юйден берекет кетмейди дей эдиле. Аны ючюн урушха дери къара тюлкю терини бир хурттагы болмагъан таулу юй жокъ эди* «Шкура черной лисы считалась очень дорогой, ценной вещью. Говорили, что то место, дом, где она имеется, изобилие не покидает. Поэтому до войны не было ни одного балкарского дома, в котором не хранился бы кусочек шкуры черной лисы». Подобного рода интерпретация обнаруживается и в поэтическом мифе «Къара тюлкюню териси» («Шкура черной лисы») [КъММ 2007: 15]: *Бу болгъан жерде да байлыкъ кюймейди, // Бу болгъан жерге да, ой, ач кирмейди*

«В месте, где она есть, богатство не горит, // Место, где она есть, ой, голод не заходит». С другой стороны, черная лиса признается редким животным и порицается тот, кто ее убивает: *Адам излеп тапмагъан, ой, къара тюлкю!* «Ой, черная лиса, которую человек ищет и не находит!»; *Кет-кет, эл алдагъан, жер жалагъан, уй, аман Шырдан! // Дунияда адам излеп тапмагъан къара тюлкюню ёлтюрген!* «Прочь-прочь, народ обманывающий, землю лижущий, уй, плохой Ширдан! // Убивший черную лису, которую человек во всем мире искал и не нашел!». Как видим, в данных отрывках мифов актуализируется ценностное отношение этноса к черно-бурой лисице, сопряженное, по всей видимости, с ее редкой встречаемостью в дикой природе.

В фольклоре зоолексема *тюлкю* «лиса» чаще всего встречается в составе паремий. В имеющихся основных сборниках пословиц и поговорок [КъНС 1963; МНС 1982] обнаруживается 47 устойчивых выражений с рассматриваемым компонентом. Подобные паремические высказывания имеют структуру как простого, так и сложного предложения: *Тюлкюню душманы терисиди* «Враг лисы ее шкура»; *Тюлкю къайры барса, къуйругъу да ары барады* «Куда лиса пойдет, туда и хвост пойдет». Паремии, структурированные по образцам компаративных дескрипций, в зависимости от того, чем выражается маркер сравнения (аффиксы *-лай/-лей, -ча* и послелог *кибик*), имеют свои варианты, которых обычно три: *Къочхарны ызындан тюлкю айланнганча – Къочхарны ызындан тюлкю айланнганлай – Къочхарны ызындан тюлкю айланнган кибик* «Словно лиса, которая за бараном ходит».

В паремиях с конституентом *тюлкю* репрезентируются различные архетипические когнитивные характеристики лесного хищника, которыми он наделяется носителями языка исходя из их жизненного опыта на протяжении достаточно длительного времени, что является значимой составляющей пословично-поговорочной картины мира, связанной с миром животных. Отметим их.

1. ***Жилище и убежище лисы – нора***: *Къоян – къамишге, тюлкю – тешикге* «Заяц – в камыши, лиса – в нору»; *Тюлкю – тешикге, къоян – къамишге* «Лиса – в нору, заяц – в камыши».

2. ***Лиса, как правило, питается домашней птицей*** (обычно курами): *Тюлкю тюшюнде тауукъланы санар* «Лиса во сне кур будет считать»; *Тюлкю тюшюнде тауукъланы санайды* «Лиса во сне кур считает»; *Тюлкюню жомагъы – тауукъланы юсюнден* «Сказка лисы о курах».

3. ***У лисы не хватает сил на более крупную добычу***: *Тюлкю, къочхарны бюртюклери тюшедиле да, тояма, деп, ачдан ёлгенлей* «Словно лиса, которая умерла, надеясь на то, что яички барана упадут, и она наестся».

4. ***Лиса осторожна***: *Тюлкю эки кере тузакъгъа тюшмез* «Лиса дважды в ловушку не попадет».

5. ***Лиса хитра***: *Тюлкю айыуну, алдап, кёзлерин ашатдыргъанлай – Тюлкю айыуну, алдап, кёзлерин ашатдыргъанча – Тюлкю айыуну, алдап, кёзлерин ашатдыргъан кибик* «Как лиса медведя, обманув, заставила его съесть собственные глаз».

6. ***Лиса – поджигатель***: *Тюлкю къуйругъу бла от салыр* «Лиса хвостом пожар устроит»; *Тюлкю къуйругъу бла от салгъанлай – Тюлкю къуйругъу бла от*

салгъанча – Тюлкю къуйругъу бла от салгъан кибик «Как лиса хвостом пожар устроила».

7. ***Лиса не любит (опасается) коня и собаки*** (человек охотится на лис верхом и натравливая охотничьих собак): *Жюйрюк итни тюлкю сюймез* «Быструю собаку лиса не любит»; *Жюйрюк атны тюлкю сюймез* «Быстрого коня лиса не любит»; *Тюлкю женгил чапхан итден къоркъур* «Лиса быстро бегущего пса испугается».

8. ***Лиса – объект охоты*** (ценится как пушнина): *Тюлкюню териси душманыды* «Шкура лисы ее враг»; *Атасы тюлкю тутмагъанны баласы къоян тутмаз* «У того, чей отец лису не ловит, у того сын зайца не поймает».

В пословицах и поговорках имеет место метафорическое употребление слова *лиса*, т.е. человек уподобляется лисе по такому признаку, как хитрость: *Кесинде болса – кирпи, биреуде болса – тюлкю* «У самого есть – еж, у другого есть – лиса»; *Сенде болса – тюлкю болур, кесинде болса – кирпи болур* «Если у тебя есть – лисицей будет, если у самого есть – ежом станет»; *Сен тюлкю эсенг, мен – къуйругъу* «Если ты лиса, то я – ее хвост»; *Тул къатын тюлкю болур, кёп жюрюсе, кюлкю болур* «Женщина-вдова лисой будет, если много гуляет, посмешищем будет». Относительно сильно исхудавшего человека употребительна паремия *От къапхан тюлкю кибик, тишлери ачыла* «Словно съевшая яд лиса, сверкая зубами». С лисой также ассоциируются хвастун и слабый человек: *Къайсы тюлкю да кесини къуйругъун махтайды* «Каждая лиса свой хвост хвалит»; *Ит болмагъан жерде тюлкю юрюр* «В месте, где нет собаки, лиса будет лаять». С точки зрения простонародья в свое время закрепилась оппозитивная характеристика княжеской четы: *Бий – бёрю, бийче – тюлкю* «Князь – волк, княгиня – лиса».

Лиса находит свою нишу и в художественной литературе. В качестве примера можно отметить детское стихотворение известного поэта С. Шахмурзаева «Тюлкю» («Лиса») [Шахмырзаланы С. 2002: 92]. В нем автор структурирует ее исчерпывающий образ, для которого релевантны такие составляющие, как внешний облик (*Къулакълары къуртачыкъ, // Сырты алай къызарып* «Уши коротенькие, // Спина покрасневшая»), хитрость (*Тюлкю болад хыйлачы* «Лиса бывает хитрой»), боязнь от собак (*Къозутады итлени, // Къоркъуп къарай, узакъдан* «Дразнит собак, // Пугливо смотря, издалека»), ценность меха (*Теричиги къызылды, // Сыйлы болад жагъагъа* «Шкурка красная, // Ценится для воротника»), питание (*Тауукъ этледен ойса, // Бек махтанып ойнагъан* «Наевшись курятины, // Очень хвастаясь играющая»; *Мыллык тапса, ашайды* «Найдя падаль, ест»), специфика лая (*Как-как этип юреди* «Лает как-как»), слабость по сравнению с волком (*Къарыуундан келмейди // Бёрю кибик маллагъа* «Сил не хватает // Как у волка для скота»). Указанное свидетельствует о полной корреляции у автора образа лисы с реальными представлениями этноса о ней.

Таким образом, как видно из подвергнутого выше анализу фактологического материала, зооним *тюлкю* «лиса» в карачаево-балкарском языке имеет достаточно высокий функционально-семантический потенциал. Эта лексема, способствуя образованию целого ряда признаковых слов и дескрипций, входит в состав целого ряда названий растений, микротопонимов, прозвищ и т.п. Для

нее присуща этнокультурная маркированность, что заметно в первую очередь при обращении к жанрам фольклора в их многообразии, так как в них содержится кодифицированная информация относительно архетипических воззрений карачаево-балкарского этноса, базирующаяся на его жизненом опыте. Рассмотренное выше представляется существенным для понимания идиоэтнической наивной картины мира и релевантно для дальнейших научно-теоретических изысканий, нацеленных на исследование языка и фольклора в русле антропоцентризма.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ахматова и др. 2022 – *Ахматова М.А., Салчак А.Я., Чертыкова М.Д.* Средства выражения эмоции страха в тюркских языках (на примере тувинского, карачаево-балкарского и хакасского языков) // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 2. – С. 224-238. DOI: 10.25178/nit.2022.2.16.

Берберов, Берберова 2018 – *Берберов Б.А., Берберова Л.Б.* Поэтика карачаево-балкарской бытовой сказки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 5-1 (83). – С. 9-12.

Гергокова 2020 – *Гергокова Л.С.* Карачаево-балкарские сказки о животных: сбор, публикация, изучение // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2020. – № 6 (98). – С. 282-288. DOI: 10.35330/1991-6639-2020-6-98-282-288.

Гергокова 2023а – *Гергокова Л.С.* Карачаево-балкарские сказки о животных. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2023. – 208 с. EDN: HXKEPE.

Гергокова 2023б – *Гергокова Л.С.* Лиса как персонаж нартского эпоса и народных сказок карачаевцев и балкарцев // Kavkaz-Forum. – 2023. – № 16 (23). – С. 19-27. DOI: 10.46698/VNC.2023.23.16.011.

Гукетлова 2016 – *Гукетлова Ф.Н.* Номинация этнокультурных зооморфных образов в разноструктурных языках // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 4-3. – С. 451-454. EDN: VSSAOX.

Гулиева 2024 – *Гулиева Ф.Х.* Указатель чудесных предметов (на материале карачаево-балкарских волшебных сказок). – Нальчик: Кабардино-Балкарский научный центр РАН, 2024. – 168 с. EDN: AMCZCS.

Гулиева (Занукоева) 2019а – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* Карачаево-балкарская волшебная сказка. – Нальчик: Ред.-изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2019. – 108 с. EDN: XQXQDC.

Гулиева (Занукоева) 2019б – *Гулиева (Занукоева) Ф.Х.* О разграничении карачаево-балкарских волшебных и анималистических сказок // Вопросы Кавказской филологии. – 2019. – № 12. – С. 158-164. EDN: IAZLLO.

Джуртубаев 1991 – *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 1991. – 256 с.

ДТС 1969 – Древнетюркский словарь / сост. Т.А. Боровкова, Л.В. Дмитриева, А.А. Зырин и др. – Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.

Кетенчиев 2015 – *Кетенчиев М.Б.* Зоолексемы как репрезентанты карачаево-балкарской языковой картины мира // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi. – 2015. – № 16. – С. 623-635. EDN: RSMNRR.

Кетенчиев и др. 2024 – *Кетенчиев М.Б., Аппоев А.К., Мизиев А.М.* Полиаспектный анализ зоолексемы бёрю ‘волк’ в карачаево-балкарском языке // Электронный журнал "Кавказология". – 2024. – № 2. – С. 409-423. DOI: 10.31143/2542-212X-2024-2-409-423.

Кононов 1960 – *Кононов А.Н.* Грамматика современного узбекского литературного языка. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1960. – 450 с.

КъММ 2007 – Къарачай-малкъар мифле / сост. М.Ч. Джуртубаев. – Нальчик: Эльбрус, 2007. – 495 с.

КъМФ 1996 – Къарачай-малкъар фольклор / сост. Т.М. Хаджиева. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – 592 б.

КъМФС 2022 – Къарачай-малкъар фольклорну своду. 5-чи том. Къарачайлыланы бла малкъарлыланы кёлден айтылгъан чыгъармачылыкъларыны гитче жанрлары / отв. ред. Б.А. Берберов. – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2022. – 412 с.

КъМХЖ 2012 – Къарачай-малкъар халкъ жомакъла. 1-чи китабы / сост. С.А. Мусукаева. – Нальчик: Эльбрус, 2012. – 590 б.

КъНС 1963 – Къарачай нарт сёзле (Карачаевские пословицы и поговорки) / сост. С.Ч. Алиев. Черкесск: Карач.-Черкес. кн. изд-во, 1963. – 484 с.

МНС 1982 – Малкъар нарт сёзле / сост. А.З. Холаев. – Нальчик: Эльбрус, 1982. – 188 с.

Малкондуев 2017 – *Малкондуев Х.Х.* Карачаево-балкарская народная сказка. – Нальчик: Изд. отдел ИГИ КБНЦ РАН, 2017. – 184 с. EDN: HVQLGG.

Нарты 1994 – Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев / отв. ред. А.И. Алиева. – М.: Наука. Изд. фирма «Вост. лит.», 1994. – 656 с.

Омер 2015 – *Омер Б.* Особенности функционирования зоонимов лиса и волк в русской и турецкой фразеологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8-3 (50). – С. 152-155. EDN: TXQKQP.

Ойноткинова 2023 – *Ойноткинова Н.Р.* Коннотативные значения зоонимов, обозначающих диких животных, в алтайском языке // Эпосоведение. – 2023. – № 4 (32). – С. 76-87. DOI: 10.25587/2782-4861-2023-4-76-87.

СИГТЯ 2001 – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. – М.: Наука, 2001. – 822 с.

Текуев и др. 2018 – *Текуев М.М., Хуболов С.М., Мизиев А.М.* Структурно-семантические особенности карачаево-балкарских топонимов с зоонимической основой // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 10-1 (88). – С. 174-178. DOI: 10.30853/filnauki.2018-10-1.36.

Текуев и др. 2019 – *Текуев М.М., Хуболов С.М., Мизиев А.М.* Многословные топонимы с зоонимической основой в карачаево-балкарском языке и их лексико-грамматическая характеристика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – Т. 12. № 2. – С. 230-234. DOI: 10.30853/filnauki.2019.2.50.

Хапаев, Хапаева 2022 – *Хапаев Б.А., Хапаева А.Б.* Этимологический словарь названий лекарственных растений (с карачаево-балкарскими фитонимами). – М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2022. – 580 с. EDN: DNMXXB.

Хисамитдинова 2016 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Мифологическая лексика башкирского языка (в этнолингвистическом освещении). – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН. 2016. – 400 с. EDN: WVGYAL.

Шахмырзаланы С. 2002 – *Шахмырзаланы С.* Къая къызы – къарылгъач: назмула, поэма. – Нальчик: Эльбрус, 2002. – 208 б.

Эбзеева 2011 – *Эбзеева Ф.П.* Названия животных и птиц в карачаево-балкарском языке (сравнительно-историческое исследование). – Нальчик: Издательский отдел КБИГИ, 2011. – 171 с. EDN: QKUIGJ.

REFERENCES

AKHMATOVA M.A., SALCHAK A.YA., CHERTYKOVA M.D. *Sredstva vyrazheniya emotsii strakha v tyurkskikh yazykakh (na primere tuvinskogo, karachaevo-balkarskogo i khakasskogo yazykov)* [Means of expressing emotions of fear in Turkic languages (using the example of Tuvan, Karachay-Balkarian and Khakass languages)]. IN: *Novye issledovaniya Tuvy*. – 2022. – No 2. – P. 224-238. (In Russ.).

BERBEROV B.A., BERBEROVA L.B. *Pojetika karachaevo-balkarskoj bytovoj skazki* [The poetics of the Karachay-Balkarian household tale]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2018. – No 5-1 (83). – P. 9-12. (In Russ.).

GERGOKOVA L.S. *Karachaevo-balkarskie skazki o zhivotnyh: sbor, publikacija, izuchenie* [Karachay-Balkarian animal tales: collection, publication, study]. IN: *Izvestija Kabardino-Balkarskogo nauchnogo centra RAN*. – 2020. – No (98). – P. 282-288. (In Russ.).

GERGOKOVA L.S. *Lisa kak personazh nartskogo jeposa i narodnyh skazok karachaevcev i balkarcev* [The fox as a character in the Nart epic and folk tales of the Karachays and Balkars]. IN: *Kavkaz-Forum*. – 2023. – No 16 (23). – P. 19-27. (In Russ.).

GERGOKOVA L.S. *Karachaevo-balkarskie skazki o zhivotnyh* [Karachay-Balkarian fairy-tales about animals]. – Nal'chik: Print Centr, 2023. – 208 p. (In Russ.).

GUKETLOVA F.N. *Nominatsiya etnokul'turnykh zoomorfnykh obrazov v raznostrukturnykh yazykakh* [Nomination of ethnocultural zoomorphic images in different structured languages]. IN: *Mezhdunarodnyi zhurnal eksperimental'nogo obrazovaniya*. – 2016. – No 4-3. – P. 451-454. (In Russ.).

GULIEVA F.Kh. *Ukazatel' chudesnykh predmetov (na materiale karachaevo-balkarskikh volshebnykh skazok)* [Index of miraculous objects (based on the material of Karachay-Balkarian fairy tales)]. – Nal'chik: Kabardino-Balkarskii nauchnyi tsentr RAN, 2024. – 168 p. (In Russ.).

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.H. *Karachaevo-balkarskaya volshebnaya skazka* [Karachay-balkarian magic fairy-tale]. – Nal'chik: Redakcionno-izdatel'skij otdel IGI KBNC RAN, 2019. – 108 p. (In Russ.).

GULIEVA (ZANUKOEVA) F.KH. *O razgranichenii karachaevo-balkarskikh volshebnykh i animalisticheskikh skazok* [On the differentiation of Karachay-Balkarian magical and animalistic fairy tales]. IN: *Voprosy Kavkazskoi filologii*. – 2019. – No 12. – P. 158-164. (In Russ.).

DZHURTUBAEV M.CH. *Drevnie verovaniya balkartsev i karachaevtsev* [Ancient beliefs of the Balkars and Karachais]. – Nal'chik: El'brus, 1991. – 256 p. (In Russ.).

Drevnetyurkskii slovar' [Ancient Turkic dictionary] / Compiled by T.A. Borovkova, L.V. Dmitrieva, A.A. Zyrin i dr. – L.: Nauka. Leningradskoe otdelenie, 1969. – 676 p. (In Russ.).

EBZEEVA F.P. *Nazvaniya zhivotnykh i ptits v karachaevo-balkarskom yazyke (sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie)* [Names of animals and birds in the Karachay-Balkar language (comparative historical research)]. – Nal'chik: Izdatel'skii otdel KBIGI, 2011. – 171 p. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B. *Zooleksemy kak reprezentanty karachaevo-balkarskoi yazykovoi kartiny mira* [Zoolexems as representatives of the Karachay-Balkar linguistic worldview]. IN: *Motif Akademi Halkbilimi Dergisi*. – 2015. – No 16. – P. 623-635. (In Russ.).

KETENCHIEV M.B., APPOEV A.K., MIZIEV A.M. *Poliaspektnyi analiz zooleksemy beryu ‘volk’ v karachaevo-balkarskom yazyke* [Multidimensional analysis of the zoolexeme börü 'wolf' in the karachay-balkar language]. IN: *Elektronnyi zhurnal "Kavkazologiya"*. – 2024. – No 2. – P. 409-423. (In Russ.).

KONONOV A.N. *Grammatika sovremennogo uzbekskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Uzbek literary language]. – M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1960. – 450 p. (In Russ.).

K"arachai-malk"ar mifle [Karachay-Balkarian myths] / Compiled by M.Ch. Dzhurtubaev. – Nal'chik: El'brus, 2007. – 495 p.

K"arachai-malk"ar khalk" zhomak"la. 1-chi kitaby [Karachay-Balkar volk tales. Vol. 1] / Compiled by S.A. Musukaeva. – Nal'chik: El'-Fa, 2003. – 472 p. (In Karach.-Balk.)

K"arachai nart sezle [Karachai proverbs and sayings] / Compiled by S.C. Aliyev. – Cherkessk: Karachaevo-Cherkesskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1963. – 484 p. (In Karach.-Balk.)

K"arachai-malk"ar fol'klor [Karachay-Balkar folklore] / Compiled by T.M. Khadzhieva. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – 592 p. (In Karach.-Balk.)

K"arachai-malk"ar fol'klornu svodu. 5-chi tom. K"arachailylany bla malk"arlylany kelden aitylg"an chyg"armachylyk"laryny gitche zhanrlary [Learning Karachay-Malkar folklore. Volume 5. Genres of works sung by Karachay and Balkar] / Executive editor B.A. Berberov – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Centr», 2022. – 412 p. (In Karach.-Balk.)

MALKONDUEV Kh.Kh. Karachaevo-balkarskaya narodnaya skazka [Karachay-Balkar folk tale]. – Nal'chik: Izd. otdel IGI KBNC RAN, 2017. – 184 p. (In Russ.).

Malk"ar nart sezle [Balkarian proverbs and sayings] / Compiled by A.Z. Kholaev. – Nal'chik: El'brus, 1982. – 188 p. (In Karach.-Balk.)

Narty. Geroicheskij epos balkarcev i karachaevcev [Narts. The heroic epos of balkarians and karachais] / Executive editor A.I. Alieva. – Moscow: Nauka. Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura», 1994. – 656 p. (In Karach.-Balk. and in Russ.)

OMER B. *Osobennosti funktsionirovaniya zoonimov lisa i volk v russkoi i turetskoi frazeologii* [The peculiarities of the functioning of the zoonyms fox and wolf in Russian and Turkish phraseology]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2015. – No 8-3 (50). – P. 152-155. (In Russ.).

OINOTKINOVA N.R. *Konnotativnye znacheniya zoonimov, oboznachayushchikh dikikh zhivotnykh, v altaiskom yazyke* [Connotative meanings of zoonyms denoting wild animals in the Altai language]. IN: *Eposovedenie*. – 2023. – No 4 (32). – P. 76-87.

Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative historical grammar of the Turkic languages. Vocabulary]. – M.: Nauka, 2001. – 822 p. (In Russ.).

TEKUEV M.M., KHUBOLOV S.M., MIZIEV A.M. *Strukturno-semanticheskie osobennosti karachaevo-balkarskikh toponimov s zoonimicheskoi osnovoi* [Structural and semantic features of Karachay-Balkarian toponyms with a zoonymic basis]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2018. – No 10-1 (88). – P. 174-178. (In Russ.).

TEKUEV M.M., KHUBOLOV S.M., MIZIEV A.M. *Mnogoslovnye toponimy s zoonimicheskoi osnovoi v karachaevo-balkarskom yazyke i ikh leksiko-grammaticheskaya kharakteristika* [Verbose toponyms with a zoonymic basis in the Karachay-Balkar language and their lexico-grammatical characteristics]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2019. – T. 12. – No 2. – P. 230-234. (In Russ.).

KHAPAEV B.A., KHAPAEVA A.B. *Etimologicheskii slovar' nazvanii lekarstvennykh rastenii (s karachaevo-balkarskimi fitonimami)* [Etymological dictionary of names of medicinal plants (with Karachay-Balkar phytonyms)]. – M.: Izdatel'skii dom Akademii Estestvoznaniya, 2022. – 580 p. (In Russ.).

KHISAMITDINOVA F.G. *Mifologicheskaya leksika bashkirskogo yazyka (v etnolingvisticheskom osveshchenii)* [Mythological vocabulary of the Bashkir language (in ethnolinguistic light)]. – Ufa: IIYaL UNTsRAN. 2016. – 400 p.

SHAKHMYRZALANY S. *K"aya k"yzy – k"arylg"ach: nazmula, poema* [The girl of the rock – after reading: poems, a poem]. – Nal'chik: El'brus, 2002. – 208 p. (In Karach.-Balk.)

Информация об авторах

М.Б. Кетенчиев – доктор филологических наук.

С.М. Хуболов – кандидат филологических наук.

А.М. Мизиев – доктор филологических наук.

Information about the authors

M.B. Ketenchiev – Doctor of Science (Philology).

S.M. Khubolov – PhD (in Philology).

A.M. Miziev – Doctor of Science (Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 12.02.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 12.02.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-298-311
EDN: RVTXJK

АНТРОПОНИМЫ В ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ КУМЫКСКИХ ФОЛЬКЛОРНЫХ СКАЗОК

Руганият Атаковна Мусаева
Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Дагестанский филиал), Махачкала, Россия, rukhani@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8220-8096

Аннотация. Статья посвящена исследованию антропонимов, репрезентированных в фольклорных произведениях. Целью работы является изучение личных имён в текстах кумыкских народных сказок, выявление их семантических особенностей, частотности использования, роли и функции языковых средств, способствующих созданию художественных образов. В работе дан анализ состава и структуры антропонимического пространства, выявлены особенности функционирования кумыкских онимов.

В результате проведённого исследования обнаружено, что антропонимы в фольклорных сказках выполняют важную сюжетообразующую функцию. Они дают достаточно полное представление в целом о кумыкской ономастике, её признаках, свидетельствующих о родстве с другими тюркскими языками.

Статья представляет значительный интерес для лингвистов, специализирующихся в области фольклорной ономастики. Она может быть адресована и широкому кругу филологов, поскольку автор акцентирует внимание на характере взаимодействия языковой и внеязыковой информации в содержании собственных имен.

Ключевые слова: фольклор, ономастика, сказка, ономастическое пространство, антропоним.

Для цитирования: Мусаева Р.А. Антропонимы в ономастическом пространстве кумыкских фольклорных сказок // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 298-311. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-298-311. EDN: RVTXJK.

© Мусаева Р.А., 2025

Original article

ANTHROPONYMS IN THE ONOMASTIC SPACE KUMYK FOLKLORE TALES

Ruganiyat A. Musayeva
A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (Dagestan branch), Makhachkala, Russia, rukhani@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-8220-8096

Abstract. The topic focuses on anthroponyms used in folklore texts. The work's goal is to investigate human names in Kumyk folk story texts, identifying their semantic aspects, frequency of usage, and role and function as linguistic methods that contribute to the development of creative

pictures. The research examines the composition and organization of the anthroponymic realm, revealing the characteristics of how the Kumyk onyms function.

The research revealed that anthroponyms in folklore tales play a crucial role in narrative formation. They provide a pretty comprehensive picture of Kumyk onomastics as a whole, with traits indicating relationship with other Turkic languages.

Linguists who specialize in folklore onomastics will be particularly interested in this article. It is also relevant to a wide spectrum of philologists, as the author focuses on the nature of the interaction of linguistic and non-linguistic information in the content of proper names.

Keywords: folklore, onomastics,fairy tale, onomastic space, anthroponyms.

For citation: Musayeva R.A. Anthroponyms in the onomastic space kumyk folklore tales. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 000-000. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-000-000. EDN: RVTXJK.

© Musayeva R.A., 2025

Фольклорная сказка – одна из самых ярких с точки зрения жанра, сюжетов, языковых и художественно-стилистических особенностей форм устного народного творчества. Традиционно исследователи обращаются к изучению ее идейно-содержательных аспектов, выявлению специфики поэтики и стиля сказок.

Несмотря на большую популярность сказки как объекта рассмотрения среди ученых, в языкознании мало работ, в которых уделяется внимание их лингвистическому потенциалу. В работе впервые проведена структурно-семантическая классификация антропонимов, функционирующих в кумыкских фольклорных сказках.

Актуальность заявленной темы обусловлена значимостью исследования фольклора любого этноса вообще и, в частности, функциональной роли собственных имен в таком жанре, как сказка, в индивидуализации художественных образов.

Цель работы состоит в исследовании антропонимов, встречающихся в ономастическом пространстве кумыкских народных сказок, в уточнении их функциональной роли как одного из важных языковых средств, необходимых для создания художественных образов в национально-ментальном контексте.

Для ее достижения сформулированы следующие задачи:

– изучение денотативного и коннотативного содержания антропонимикона кумыкских фольклорных сказок;

– анализ структуры и выявление способов словообразования сказочных антропонимов;

– рассмотрение антропонимов кумыкских фольклорных сказок в единстве культурно-исторического и функционально-семантического аспектов;

– определение тесной связи антропонимов фольклорных сказок с современными кумыкскими именами.

Объектом исследования являются личные имена, наиболее часто встречающиеся в текстах кумыкских народных сказок. В процессе работы мы опирались прежде всего на сказки, собранные известным учёным-фольклористом, доктором филологических наук, профессором А. Аджиевым [Аджиев 2005].

Предмет изучения – семантические особенности, а также функциональная роль антропонимов в ономастическом пространстве кумыкских сказочных текстов.

Эмпирический материал состоит из 143 кумыкских народных сказок, из которых выбраны 117 ономастических номинаций персонажей, в том числе 83 антропонима.

В процессе работы нами использованы метод сплошной выборки, описательный, семантический, сравнительно-сопоставительный, статистический методы, а также метод лингвокультурологической реконструкции содержания фольклорных антропонимов.

Специфика лингвистических исследований на современном этапе развития науки характеризуется различными факторами. Одним из важнейших среди них является отказ ученых от изучения формальной структуры языка и усилившийся их интерес к содержательной стороне, стремление современных лингвистов анализировать языковые факты не обособленно, а в аспекте междисциплинарных связей (метасвязей). Следовательно, можно утверждать, что в языкознании центральное место занимает непосредственно сам художественный текст, рассматриваемый в целом в его языковом и содержательном неразрывном единстве. В частности, мы наблюдаем повышенное внимание исследователей к функционированию имен собственных в текстовом пространстве отдельно взятых фольклорных произведений. В этой связи полагаем, что исследование различных типов антропонимов, употребленных в фольклорных сказках, представляется важным и с точки зрения изучения лексического пласта кумыкского языка на определённых этапах его развития.

В отечественном языкознании, на наш взгляд, уделялось мало внимания изучению лингвистической составляющей сказки, результатом чего явилось отсутствие на сегодняшний день устойчивой терминологии поэтической ономастики. Например, в ономастической науке параллельно представлено различное понимание предмета и методов исследования: литературная ономастика [Магазаник 1967; Фонякова 1990 и др.], поэтика онима [Калинкин 1999]. Для общего обозначения объекта поэтической ономастики лингвисты предлагают различные термины: литературные онимы [Фонякова 1990], поэтические имена [Подольская 1988], фиктонимы [Суперанская 1973]. Отсутствие единого подхода к терминологии распространяется и на имена собственные, функционирующие в фольклоре. Так, в отличие от имён собственных в художественной литературе, фольклорные онимы одни исследователи называют мифонимами [Подольская 1988], другие –фольклоронимами [Калинкин 1999].

В данной работе мы предпочитаем использование термина фольклорная ономастика, поскольку, на наш взгляд, он наиболее уместен для точного обозначения конкретной области словесного творчества – имен собственных в ономастике кумыкских сказок.

Как было нами отмечено выше, в последние годы в лингвистике наметился острый интерес к фольклорной ономастике. Однако следует отметить, что он наблюдается лишь в той области исследований, которая имеет отношение непосредственно к тюркской ономастике вообще, к кумыкской, в частности. В ста-

тье Д.М. Токмашева «Этнолингвистическое исследование сибирско-тюркских фольклорных имен собственных (на материале шорских космогонических легенд и мифов)» рассматриваются проблемы этнолингвистической интерпретации шорского фольклорного ономастикона [Токмашев 2004: 93]. Кроме того, можно выделить статью Р.А. Мусаевой «Ономастическое пространство эпоса «Китаби Деде Коркут», которая посвящена анализу имён собственных в древнейшем памятнике общетюркской культуры, сыгравшем значительную роль в художественной памяти тюрков [Мусаева 2023: 132]. Обращает на себя внимание и работа «Личные имена мифологических персонажей в тюркской мифонимии» исследователя Ф.Г. Хисамитдинова, в которой описаны некоторые тюркские мифонимы, являющиеся собственными именами тех или иных мифологических персонажей, дана их характеристика с точки зрения происхождения и структуры [Хисамитдинова 2022: 273]. Ономастической лексике тюркских фольклорных произведений посвящена также статья Д.М. Вечерко «Антропонимы в сказках тюркских народов СССР». В ней выделены экзотические имена собственные, установлены их значения и происхождение, показана связь некоторых тюркских имен собственных с их аналогами в других культурах [Вечерко 2022: 341].

В кумыкском языкознании при достаточном внимании к ономастике вопрос о специфике онимов в кумыкских фольклорных текстах разработан далеко не полно, за исключением работ Р.А. Мусаевой, которые посвящены лингвокультурологическому анализу имён собственных в текстах фольклорных песен [Мусаева 2024: 278]. Среди исследований, касающихся онимов в кумыкском фольклоре и публикаций, вышедших в свет в течение последних лет, можно назвать статью «Ономастикон кумыкских народных сказок», в которой авторы уделяют внимание семантическому и структурному анализу антропонимов, функционирующих в кумыкских фольклорных сказках [Багомедов, Асакаева 2022: 185]. Отметим, что работа не может претендовать на полноту исследования, что в ней наблюдаются случаи фактологической неточности, что значительно снижает научную ценность статьи.

Таким образом, анализ работ, посвященных рассмотрению имён собственных в фольклорных текстах, свидетельствует о недостаточной изученности проблемы и необходимости исследований в этой области. В частности, ономастикон кумыкских фольклорных сказок исследовался фрагментарно.

Проведённый нами анализ показал также, что многие вопросы терминологических границ литературной ономастики остаются открытыми до сих пор, в том числе понятие литературного онима или поэтонима с точки зрения его языковой сущности и роли в художественном тексте. Проблемы с терминологией данной дисциплины находят отражение в немногочисленных трудах по тюркской фольклорной ономастике.

При анализе антропонимикона кумыкских сказок работа проведена нами в следующих направлениях: 1) классификация антропонимов; 2) анализ онимов с точки зрения их прецедентности; 3) стилистико-функциональная и структурная оценка.

Народная сказка, как известно, представляет собой прозаический устный рассказ фантастического, авантюрного либо бытового плана с установкой на вымысел. В ней, как и во всех остальных фольклорных жанрах, репрезентирован коллективный опыт этноса, который проявляется в используемых образах-архетипах, особенностях изображения различных сторон жизни, языковых стереотипах.

Сложившаяся классификация сказок берёт своё начало из систематизации финского учёного А. Аарне «Указатель сказочных типов» [Аарне 1910]. В современной фольклористике выделяют следующие типы сказок: 1) о животных; 2) волшебные; 3) новеллистические; 4) легендарные; 5) сказки-пародии; 6) детские сказки. Автор-составитель сборника кумыкских сказок А.М. Аджиев классифицировал сказки по следующим жанрам: сказки о животных, волшебные сказки, бытовые сказки. При этом он дифференцирует такие жанры устного народного творчества, как исторические притчи (таварихмасаллар), мифические притчи (масал-мифлер), притчи-небылицы (масал-уйдурмалар), аллегории (тапшурмалар), ответы-вопросы (соравлар-жаваплар), притчи, поучительные устные рассказы, анекдоты, рассказы о Молле Насрутдине, современные рассказы-байки [Аджиев 2005].

Безусловно, мы понимаем, как возникли имена и какова функция личного имени в обществе. Необходимость выделить конкретного человека из массы ему подобных и обособить его от других является основной причиной возникновения личного имени. Во многих текстах фольклорных сказок (в отличие от сказок литературных) герои не наделены личным именем. Тем самым сочинители-составители сказок акцентируют внимание слушателей, читателей на типическом характере героя, обобщая его образ, лишая самобытности, индивидуально-специфических черт и особенностей характера осознанно, чтобы подчеркнуть преобладание общего над частным, целого над отдельным проявлением того или иного свойства или качества героя. Однако в кумыкских фольклорных сказках наблюдается довольно частое использование личных имён. В процессе работы над статьёй мы рассмотрели множество текстов фольклорных сказок, анализ которых продемонстрировал преимущественное использование антропонимов, среди которых доминируют определённые мужские и женские имена, например, в изученных нами кумыкских сказках преобладают следующие мужские имена: Арсланбек, Аракъан, Маракъан, Агьмат, Умар, Абдулмажит, Къарабатыр, Къугьат батыр, Магьаммат, Аманат, Йыланхан, Аскерхан, Къаракъул, Бавта, Табулду, Амин, Хайыр, Зубайыр, Къалав, Къылбоюн, Къуврайбут, Йымырткъабаш, Гьадар-Дудархан, Гьамит, Али, Абдулкъадир, Шагь-Исмайыл, Гьарун-Рашит, Шартазан, Иса, Муса, Мустапа, Багьманчы, Гьатаматагьи, Хинтив, Митиш, Сулавар, Кюлбай, Кунта, Яхав, Къакъав, Гьюсен, Токъай, Жамав, Къурбанали, Байрамали, Бийтемир, Баммат, Гьажикерим, Девлетгерей, Худайберген, Шыхав, Хасболат, Эбизакъ, Бурнугес Юнус, женские имена: Пеймаханым, Инжиличарх, Зулай, Къарачач, Сувсар, Арапоьзенги, Жайранханым, Чунайкъатын, Мигьрасолтан, Къызарив, Гюлханым, Гюл, Айкъыз, Хубуят, среди которых имена Мигьрасолтан и Арапоьзенги отличаются не только способом образования и этимологией, но и тем, что их аналоги и составные части не встречаются в современном кумыкском языке. Изучив исто-

рические источники, удалось обнаружить, что Михр Султан-ханым – это имя дочери казахского хана Бурундука, которая вышла замуж за узбекского хана Мухаммад Тимур султана. Михр Султан-ханым жила в Самарканде и владела огромными земельными наделами, была известна как покровительница науки и искусств. В сказке «Мигьрасолтан» читаем отрывок: «Гюзгюню къолуна алып сорай: «Парс гюзгю! Ай аривми, гюнаривми, сен аривми, мен аривми, Мигьрасултан аривми?» – деп. Гюзгю: «Айда эрши, гюн де эрши, мен де эрши, сен де эрши, паланкъалада яшайгъан Мигьрасолтанарив», – дей. // «Взяв персидское зеркало в руки, она спрашивает: – Зеркало! Что краше – луна, солнце, ты, я, или Михрасултан красивее? Зеркало говорит: – Луна не краше, и Солнце не краше, и я не красивее, и ты не красивее, Михрасултан красивее» [Аджиев, 2005: 71].

Женское имя Арап-оьзенги, которое мы встречаем в сказке «Шах-Исмайыл», также не соответствует традиционной кумыкской системе именования. Оно, сюжет сказки, характеристику героини в целом можем считать общими для всех тюркских народов. Сюжет этой сказки берёт своё начало ещё с доисламских времён, поскольку в образе главной героини мы находим черты женщин матриархального периода: «Шагь-Исмайыл къылычын сувуруп, ону бойнуна сала. Ол да айта: «Гьей, сени йимик яхшы улан мени йимик къатын гишини башын гесме ярамас!?» – деп, башындан бёркюн чечип, чачынг ёрсете. Шагь-Исмайыл адап къала. Къызайта: «Мени атым Арап-оьзенги, мени булан тогъ атартып болгъан адам болмады, сен гьалимени алмасанг, дагъыкюйёкъ, – деп // «Шах Исмаил достал меч и приложил его к горлу этого человека. Он говорит: «Не пристало такому доброму парню, как ты, срубить голову женщины! – и, сняв с головы шапку, показывает косу. Шах-Исмаил был поражён. «Меня зовут Арап-озенги, не было человека, который мог бы тягаться со мной. Теперь ты должен жениться на мне» [Аджиев, 2005: 275].

Такой же сюжет представлен в турецком сказании «Шах-Исмаил». В нём героиня – Арапозенги – первоначально выдаёт себя за богатыря: «Шах-Исмаил поднял голову и увидел перед собой черного человека огромного роста с лицом, закрытым покрывалом». После поединка герой видит «лицо красавицы, прекрасное, словно четырнадцатая луна» [Короглы 1979: 195].

Мужское личное имя Гьатаматагьи также выделяется среди других антропонимов. Его в разных вариантах можно найти в фольклорных текстах башкир и туркмен. Учёные считают, что реальным историческим прототипом героя является арабский поэт Хатимат-Таи, который был известен своей щедростью и благодаря этому стал героем арабских легенд. Сюжеты сказок о нём широко распространены на Востоке, от арабов («Тысяча и одна ночь») они перешли к другим народам, в том числе и к тюркским (Атымтай, Хатимтай, Хатымтай, Хатаматаи) [Атымтай Жомарт 2004: 235].

С точки зрения происхождения имён нам представляется наиболее полной и объективной классификация, составленная видным исследователем кумыкского языка Н.Э. Гаджиахмедовым. В соответствии с его кодификацией, антропонимы по этимологии можно разбить на следующие виды (или группы):

1) общеалтайские личные имена;
2) булгарские имена;

3) древнетюркские имена;
4) старокумыкские имена;
5) имена, заимствованные из арабского языка;
6) имена, заимствованные из персидского языка;
7) имена, заимствованные из русского и через него из европейских языков;
8) новокумыкские имена [Гаджиахмедов 2008: 78].

Если исходить из данной актуальной классификации, среди антропонимов, представленных в кумыкских фольклорных сказках, можно выделить следующие группы:

1) древнетюркские имена: Девлетгерей, Арсланбек, Токъай, Умалат, Айкъыз, Къаракъул, Шыхав, Худайберген, Жайранханым, и др.;
2) старокумыкские имена: Митиш, Бийтемир, Табулду, Къарачач, Кюлбай, Чунайкъатын и др.;
3) имена, заимствованные из арабского языка: Шагь-Исмайыл, Амин, Муса, Магьаммат и др.;
4) имена, заимствованные из персидского языка: Гюлханым, Гюл, Пеймаханым и др.

При структурном анализе эмпирического материала нами выявлены простые антропонимы – личные имена персонажей (Шартазан, Иса, Муса, Мустапа), в том числе личные имена с древними тюркскими аффиксами принадлежности -ав, -ай, -ив, -иш: Токъай, Къалав, Хинтив, Митиш, Яхав, Жамав, используемыми и в современном кумыкском языке, причем довольно регулярно при образовании усечённых имён от имён полных. В таком случае полное имя является производным для создания усечённого имени, например: Патимат – Пат**ай**, Пат**иш**, Пат**ив** (аффиксы выделены нами – М.Р.). Гораздо реже встречаются в кумыкских народных сказках антропонимы, образованные от производных основ с помощью суффиксов: Багьман**чы**, Темир**чи**. С той же частотностью встречаются в них и сложные антропонимы: Девлетгерей, Арсланбек, Айкъыз, Къаракъул, Худайберген, Жайранханым, Къарачач, Кюлбай.

Среди составных антропонимов можно выделить двухкомпонентные именования, которые, в свою очередь, делятся на

– онимы, имеющие в составе различные показатели (возраст, пол, социальный статус, военный титул): Бийтемир, Шагь-Исмайыл, Аскерхан, Гюлханым, Пеймаханым, Къарабатыр;

– онимы, имеющие две полнозначные части, каждая из которых имеет самостоятельное лексическое значение: Къурбанали, Байрамали,Девлетгерей, Гьарун-Рашит, Абдулмажит;

– онимы, которые состоят из компонетов прозвище+личное имя: Бурнугес Юнус, Ченгертки Къади, Акъсакъ Темир.

При проведении классификации антропонимов с морфологической точки зрения, исследователь Г.Ф. Благова приходит к выводу, что «в антропонимической системе всех тюркских языков задействованы четыре части речи – существительные, прилагательные, числительные, глаголы» [Благова 1998: 180]. В ходе анализа морфологических особенностей антропонимов в кумыкских фоль-

клорных сказках мы пришли к выводу, что классификация Г.Ф. Благовой применима к изучаемым нами ономастическим единицам, в частности, качестве составных частей антропонимов, встречающихся в сказках употребляются а) существительные: Арсланбек, Бийтемир; б) прилагательные: Къарабатыр (чёрный+герой), Къылбоюн (струна+шея), Инжилчарх (жемчужное+тело), Къызарив (девушка+красивая); в) глаголы и причастия: Табулду, Худайберген, Бурнугес, Оьлмес.

Среди антропонимов, встречающихся в текстах фольклорных кумыкских сказок, можно выделить имена-дескриптивы, которые описывают человека по внешним параметрам: Къылбоюн, Къуврайбут, Йымырткъабаш, Кюлбай.

Среди антропонимов типа прилагательное+прилагательное отдельное место занимают композиты – прилагательное, обозначающее цвет+ существительное. Как мировоззренческие понятия цветообозначения являются показателем культуры народа. Смысловая наполненность подобного рода личных имён объясняется тем, что они приобретают ономастическое значение вследствие обновления или приобретения дополнительного значения исходной семантики одной из частей имени или, возможно, обоих компонентов слова-имени. В таких случаях можно проследить семантическую или ассоциативную неразрывно-тесную связь обеих частей личного имени, в результате которого оно приобретает дополнительное лексическое значение при сохранении основного смыслового значения. Например, чёрный цвет в тюркских языках имеет множество эмоционально-ассоциативных значений: это и тьма, и пронизывающий до костей холод, и горе, и бедность, и тяжкие испытания, и мрачная неизвестность. В то же время семантически словосочетание чёрный цвет близко к понятиям большой, сильный, густой, жестокий, свирепый и др. Не случайно в кумыкском языке встречается большое количество устойчивых эмоционально-экспрессивных сочетаний, несущих в себе как положительное семантическое наполнение, так и негативное: акъ да бар, къара да бар (букв. есть и хорошее, и плохое) – о среднем состоянии дел, акъгъа къара демек (букв. называть белое черным) – соотв. грешить против истины. говорить неправду, бети къара болмакъ (этмек) разг. (букв. лицо (его) черным стать) – быть проклятым, къара юзлю (букв.: черное лицо) – запятнавший свое имя дурным поступком человек) [Бамматов, Гаджиахмедов 2013: 27]. Однако в кумыкском фольклоре имеет место использование чёрного цвета с позитивным значением, связанным с женской красотой: Къарачач «Черноглазка», Къарачач «Черноволоска». Подобное же семантико-экспрессивное значение приобретает черный цвет, когда он ассоциируется с цветом первозданной природы: с цветом земли, что символизирует достаток, обеспеченность. С чёрным цветом связаны также философские понятия, обозначающие постоянство, статичность. К ним относятся устойчивые сочетания слов, например: «къара топуракъгъа гиргинче» – пока не ляжешь в сырую землю, в значении «къара халкъ» – простой народ, «къараваш» – слуга (или служанка), выполняющий самую грязную работу. Не менее ценную информацию заключают в себе антропонимы с компонентом къара «чёрный». В некоторых кумыкских личных именах, встречающихся в фольклорных сказках, компонент «къара» передает внешние черты или признаки носителя имени: Къара-

чач (къара+ чач «чёрные волосы» – черноволосая). Чёрный цвет может являться компонентом личного имени, придающим ему значение «сильный»: Къарабатыр др.тюрк. «большой, мощный» или Къаракъул *уст.* раб, прислу́га (*букв.* чёрный раб).

Чаще всего в кумыкских сказках используется личное имя как средство выявления характера героя, акцентирования внимания на роде занятий героя или его социальном статусе. Кроме того, встречаются и другие способы номинации, например синтез прозвища и имени.

Также нам удалось обнаружить зависимость количества антропонимов от типа сказки. Наибольшим разнообразием отличаются антропонимы в бытовой сказке. Они представлены в наименьшем количестве в сказках о животных: Энем – «Сказка о черепе, который украл орехи Энем», Арсланбек – «Телёнок, ягнёнок и волки», Аракъан, Маракъан – «Осёл Аракана, козёл Маракана».

В современном языкознании в последнее время много работ, посвящённых вопросу о прецендентности собственных имён, встречающихся в фольклорных и литературных текстах. Под прецедентным именем следует понимать «индивидуальное имя, связанное или 1) с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных, или 2) с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная, имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [Гудков 2003:108]. Прецедентное или смысловое имя собственное в контексте народной сказки не только номинирует референта. Исследователь О.Г. Горбачева отмечает: «На основную – языковую – функцию имени собственного накладывается эстетическая (художественная) функция, состоящая из шести компонентов: характеризующего, стилистического, социального, культурно-исторического, этнического и идеологического» [Горбачева 2008: 28].

Если использовать современную терминологию, сегодня можно говорить о «входящих» и «исходящих» прецедентных именах в кумыкских фольклорных сказках. К входящим можно отнести те прецедентные имена, которые повествователь вплетает в сказочное повествование. К примеру, в кумыкских фольклорных сказках фигурируют антропонимы Шагь-Исмайыл – основатель государства Сефевидов, Шагь Аббас – один из влиятельных правителей Сефевидского государства, Девлетгерей – Девлет Гирей, крымский хан из династии Гиреев, Гьатаматагьи – арабский поэт Хатимат-Таи. В свою очередь кумыкские фольклорные сказки сами являются источником прецедентных имен: Кюлбай, Къарачач. Однако следует отметить, что лишь небольшая их часть становится прецедентной.

Некоторые современные исследователи предпринимают попытку рассматривать имена собственные, разделяя их на две большие группы: интертекстуальные имена и имена паратекстуальные. Интертекстуальными они считают онимы, встречающиеся непосредственно в текстовом пространстве сказок. Сложнее обстоит дело с пониманием и определением понятия «паратекстуальные имена». На наш взгляд, наиболее полной и информационно исчерпывающей является трактовка французского исследователя Ж. Женетт: «Паратекстовые составляющие художественного текста – это его важнейшие смыслообра-

зующие и структурообразующие единицы, которые полностью не принадлежат основному тексту и не являются его частью, однако образуют с ним единое целое и оказывают влияние на читательское восприятие» [Женетт 1998: 36].

Паратекстуальные имена собственные, в отличие от литературных произведений, в фольклорных произведениях встречаются нечасто. Среди исследованных нами текстов удалось обнаружить их в сказке «Энгилигим, Сенгилигим, эшикниач!»

Хабар-абархаплис
Ханбегила Адайлис
Гюллеме Мама
Ярты баш Киштей
Тюбе катдым гийикге,
Тиймеди яр бийикге.
Териси – тюбеккъапгъа,
Мююзю – хынжалсапгъа,
Акъичеги – Алиге,
Токъичеги – Валиге,
Танглаву – Тотайгъа,
Тамакътюбю – Болатгъа,
Оьлеген оьлет чыкъсын
Жиелек Магьамматгъа!
[Аджиев 2005: 346]

В текстах фольклорных произведений можно проследить тенденции и изменения в номинативной системе языка. Они позволяют достаточно точно установить границы конкретного исторического времени, когда антропонимы сформировались в том виде, в каком они не только дошли до нас, но и продолжают активно функционировать в современном языке. Следует помнить, что даже в вымышленных именах героев фольклорных сказок не могут не отражаться особенности наименования, наиболее характерные для того периода, когда создавался и распространялся текст.

В фольклорных антропонимах так же, как, впрочем, и во всех иных личных именах, аккумулируются и сохраняются архетипические стереотипы мужественности и женственности. Это явление присуще культурам всех народов мира. Следовательно, фольклорная антропонимика служит одним из способов выявления различий в представлениях человека о женственности и мужественности, акцентуированные в разных культурах.

Исследованный корпус антропонимов, встречающихся в кумыкских фольклорных сказках, дает представление о ряде характерных тенденций в кумыкской ономастике в различные периоды ее развития и позволяет судить о влиянии культурно-исторических процессов на процессы номинации в художественном произведении.

В ходе проведённого исследования нам удалось прийти к следующим выводам:

1. Антропонимы в текстах кумыкских фольклорных сказок способствуют репрезентации мифологических воззрений этноса, позволяют реконструировать фрагмент этнической картины мира, выполняют важную сюжетообразующую функцию.

2. Выделенный в ономастическом пространстве сказок корпус антропонимов даёт достаточное представление в целом о кумыкской ономастике, её признаках, свидетельствующих о родстве с другими тюркскими языками

3. В исследованных нами текстах кумыкских фольклорных сказок встречаются антропонимы, ставшие архаизмами, которые сохранились лишь в составе пассивной лексики и в современном кумыкском литературном языке не употребляются, часть антропонимов может быть отнесена к заимствованиям, но в большинстве случаев онимы являются исконно тюркскими и общими для всех или большинства тюркских языков.

4. В отличие от ономастикона литературных сказок как отражения (или воплощения) индивидуальной картины мира автора, совокупность собственных имён народных сказок представляет собой уникальный текст, отражающий характер народа, его мировосприятие, обусловленные пройденным культурно-историческим путём.

Фольклорная ономастика тюркских народов содержит в себе богатейший потенциал для решения многих лингвистических научных задач. Исследование представляет интерес не только для ученых, специализирующихся в области поэтической ономастики, но и для широкого круга филологов, поскольку в нём сделан акцент на характере взаимодействия языковой и внеязыковой информации в содержании онима. Фольклорные тексты позволяют проследить тенденции изменения в номинативной системе языка, что помогает исследователю с достаточной точностью установить, когда именно, в какую историческую эпоху происходит процесс становления антропонимов в том виде, в каком они функционируют в современном языке. В процессе исследования мы пришли к выводу, что в именах фольклорных героев отражаются именно те образцы номинации, которые являлись наиболее распространёнными в период создания текста.

Мы считаем, что региональные исследования по обозначенной нами проблеме следует рассматривать как существенный вклад в общероссийскую фольклорную ономастику. Вопросы, связанные с изучением кумыкской фольклорной ономастики, свидетельствуют о необходимости дальнейших более глубоких лингвистических изысканий в области национальных онимов, отражающих ментальные особенности народов мира. Данное исследование имеет и практическую значимость: материал, собранный автором, может в перспективе послужить основой для создания ономастического словаря фольклорных произведений всех народов России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аарне 1910 – *Аарне А.* «Указатель сказочных сюжетов». – Хельсинки, 1910. – 118 с.

Аджиев 2005 – *Аджиев А.М.* Устное народное творчество кумыков. – Махачкала: ДГУ, 2005. – 427 с.

Атымтай Жомарт 2004 – *Атымтай Жомарт* // Казахстан. Национальная энциклопедия. – Алматы: Қазақ энциклопедиясы, 2004. – Т. I. – 560 с.

Багомедов, Асакаева 2022 – *Багомедов М.Р., Асакаева С.Т.* Ономастикон кумыкских народных сказок // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 4 (95). – С. 185-187.

Бамматов, Гаджиахмедов 2013 – *Бамматов Б.Г., Гаджиахмедов Н.Э.* Кумыкско-русский словарь. Под редакцией Б.Г. Бамматова. – М: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра РАН, 2013. – 523 с.

Благова 1998 – *Благова Г.Ф.* К характеристике типов раннетюркских антропонимов // Вопросы языкознания. – 1998. – № 4. – С. 180–191.

Вечерко 2022 – *Вечерко Д.М.* Антропонимы в сказках тюркских народов СССР // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сборник научных статей [по материалам III междунар. науч. конф.] / [сост.: А. М. Мезенко [и др.]; под науч. ред. А. М. Мезенко. – Витебск: ВГУ имени П. М. Машерова, 2022. – 402 с.

Гаджиахмедов 2008 – *Гаджиахмедов Н.Э.* Личные имена кумыков. – Махачкала: ДГУ, 2008. – 181 с.

Женетт 1998 – *Женетт Ж.* Фигуры. пер. с фр. и ред. С. Зенкина. Т. 2. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. – 472 с.

Горбачева 2008 – *Горбачева О.Г.* Ономастическое пространство русских народных и авторских сказок: дисс… канд. филолог. наук. – Брянск, 2008. – 272 с.

Гудков 2003 – *Гудков Д.Б.* Теория и практика межкультурной коммуникации. – М.: Гнозис, 2003. – 286 с.

Калинкин 1999 – *Калинкин В.М.* Поэтика онима, – Донецк: Юго-Восток, 1999. – 408 с.

Короглы 1979 – *Короглы Х.Г.* Эмрах и Сельви, необыкновенные приключения Кероглана и другие народные повести [Пер. с тур.] / Сост., предисл. и примеч. Х. Г. Короглы. – М.: Наука, 1979. – 447 с.

Магазаник 1967 – *Магазаник Э.Б.* Поэтика имен собственных в русской классической литературе: автореф. дис. … канд. филолог. наук: 10.02.01. – Самарканд, 1967. – 24 с.

Мусаева 2024 – *Мусаева Р.А.*Лингвокультурологический анализ онимов в текстах кумыкских фольклорных песен // Тюркский мир в современных реалиях: проблемы языка, литературы, истории и культуры. Материалы XII Международной тюркологической конференции. – Казань: КФУ , 2024. – С. 279-283.

Мусаева 2023 – *Мусаева Р.А.* Ономастическое пространство эпоса "Китаби Деде Коркут" = Onomastic Space of the Epic "KitabiDedeKorkut" // Русский язык в образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа. II Намитоковские чтения: материалы Международной научной конференции по общей и региональной ономастике. – Майкоп: АГУ, 2023. – С. 132-136.

Подольская 1988 – *Подольская Н.В.* Словарь русской ономастической терминологии. – Москва: Наука, 1988. – 187 с.

Суперанская 1973 – *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного. – М.: Наука: 1973. – 366 с.

Токмашев 2004 – *Токмашев Д.М.* Этнолингвистическое исследование сибирско-тюркских фольклорных собственных имён (на основе шорских космогонических мифов и легенд) // Язык и культура. – 2012. – № 2 (18). – С. 91–101.

Хисамитдинова 2022 – *Хисамитдинова Ф.Г.* Личные имена мифологических персонажей в тюркской мифонимии // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы V Международной научной конференции (Екатеринбург, 7–11 сентября 2022 г.). – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2022. – С. 270-275.

Фонякова 1990 – *Фонякова О.И.* Имя собственное в художественном тексте. – Л.: ЛГУ: 1990. – 103 с.

REFERENCES

AARNE A. *«Ukazatel' skazochnyh syuzhetov»*. – Hel'sinki, 1910. – 118 p.

ADZHİEV A.M. *Ustnoe narodnoe tvorchestvo kumykov* [Oral folk art of the Kumyks]. – Makhachkala: DGU, 2005. – 427 p. (In Russ.).

ATYMTAJ ZHOMART // Kazahstan. Nacional'naya enciklopediya. — Almaty: Қазақ enciklo-pediyasy, 2004. - T. I. – 560 p

BAGOMEDOV M.R., ASAKAEVA S.T. *Onomastikon kumykskikh narodnykh skazok* [Onomasticon of Kumyk folk tales]. In: Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2022. – № 4 (95). – P. 185-187. (In Russ.).

BAMMATOV B.G., GADZHİAKHMEDOV N.E. *Kumyksko-russkii slovar'* [Kumyk-Russian dictionary]. Pod redaktsiei B.G. Bam-matova. – M: Institut yazyka, literatury i iskusstva im. G. Tsadasy Dagestanskogo nauchnogo tsentra RAN, 2013. – 523 p. (In Russ.).

BLAGOVA G.F. *K kharakteristike tipov rannetyurkskikh antroponimov* [To characterize the types of Early Turkic anthroponyms]. In: Voprosy yazyko-znaniya. – 1998. – № 4. – P. 180–191. (In Russ.).

VECHERKO D.M. *Antroponimy v skazkakh tyurkskikh narodov SSSR* [Anthroponyms in the tales of the Turkic peoples of the USSR]. In: Regional'naya onoma-stika: problemy i perspektivy issledovaniya: sbornik nauchnykh statei [po materialam III mezhdunar. nauch. konf.] / [sost.: A. M. Mezenko [i dr.]; pod nauch. red. A. M. Mezenko. – Vi-tebsk: VGU imeni P. M. Masherova, 2022. – 402 p. (In Russ.).

GADZHİAKHMEDOV N.E. *Lichnye imena kumykov* [Personal names of Kumyks]. – Makhachkala: DGU, 2008. – 181 p. (In Russ.).

ZHENETT ZH. *Figury. per. s fr. i red. S. Zenkina* [Shapes]. T. 2. – M.: Izd-vo im. Sabashnikovykh, 1998. – 472 p. (In Russ.).

GORBACHEVA O.G. *Onomasticheskoe prostranstvo russkikh narodnykh i avtorskikh skazok* [Onomastic space of Russian folk and author's tales]: diss… kand. filolog. nauk. – Bryansk, 2008. – 272 p. (In Russ.).

GUDKOV D.B. *Teoriya i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and practice of intercultural communication]. – M.: Gnozis, 2003. – 286 p. (In Russ.).

KALİNKİN V.M. *Poetika onima* [The poetics of onym]. – Donetsk: Yugo-Vostok, 1999. – 408 p. (In Russ.).

KOROGLY KH.G. *Emrakh i Sel'vi, neobyknovennye priklyucheniya Karaoglana i drugie narodnye povesti* [Emrah and Selvi, the extraordinary adventures of Karaoglan and other folk tales] [Per. s tur.] / Sost., predisl. i primech. Kh.G. Korogly. – M.: Nauka, 1979. – 447 p. (In Russ.).

MAGAZANİK E.B. *Poetika imen sobstvennykh v russkoi klassicheskoi literature* [The Poetics of proper names in Russian Classical Literature]: avtoref. dis. … kand. filolog. nauk: 10.02.01. – Samarkand, 1967. – 24 p. (In Russ.).

MUSAEVA R.A. *Lingvokul'turologicheskii analiz onimov v tekstakh kumykskikh fol'klornykh pesen* [Linguistic and cultural analysis of onyms in the texts of Kumyk folklore songs]. In: Tyurkskii mir v sovremennykh realiyakh: problemy yazyka, literatury, istorii i kul'tury. Materialy XII Mezhdunarodnoi tyurkologicheskoi konferentsii. – Kazan': KFU , 2024. – P. 279-283. (In Russ.).

MUSAEVA R.A. *Onomasticheskoe prostranstvo eposa "Kitabi Dede Korkut" = Onomastic Space of the Epic "KitabiDedeKorkut"* [Onomastic space of the epic "Kitabi Dede Korkut" = Onomastic Space of the Epic "KitabiDedeKorkut"]. In: Russkii yazyk v obrazovatel'nom prostranstve Yuga Ros-sii i Severnogo Kavkaza. II Namitokovskie chteniya: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi kon-ferentsii po obshchei i regional'noi onomastike. – Maikop: AGU, 2023. – P. 132-136. (In Russ.).

PODOL'SKAYA N.V. *Slovar' russkoi onomasticheskoi terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. – Moskva: Nauka, 1988. – 187 p. (In Russ.).

SUPERANSKAYA A.V. *Obshchaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of proper names]. – M.: Nauka: 1973. – 366 p. (In Russ.).

TOKMASHEV D.M. *Etnolingvisticheskoe issledovanie sibirsko-tyurkskikh fol'klornykh sobstvennykh imen (na osnove shorskikh kosmogonicheskikh mifov i legend)* [Ethnolinguistic study of Siberian-Turkic folklore proper names (based on Shor cosmogonic myths and legends)]. In: Yazyk i kul'tura. – 2012. – № 2 (18). – P. 91–101. (In Russ.).

KHİSAMİTDİNOVA F.G. *Lichnye imena mifologicheskikh personazhei v tyurkskoi mifonimii* [Personal names of mythological characters in Turkic mythonymy]. In: Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy V Mezhdunarodnoi nauchnoi konfe-rentsii (Ekaterinburg, 7–11 sentyabrya 2022 g.). – Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2022. – P. 270-275. (In Russ.).

FONYAKOVA O.I. *Imya sobstvennoe v khudozhestvennom tekste* [Proper name in a literary text]. – L.: LGU: 1990. – 103 p. (In Russ.).

Информация об авторе
Р.А. Мусаева – кандидат филологических наук.
Information about the author
R.A. Musaeva – PhD (in Philology).

Статья поступила в редакцию 04.12.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.
The article was submitted 04.12.2024 y.; approved after reviewing 15.03.2025 y.; accepted for publication 27.03.2025 y.

Научная статья
УДК 811.512.142
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-312-323
EDN: RWZYSK

ОБОЗНАЧЕНИЕ ЦВЕТОВОЙ ГЕОСИМВОЛИКИ В ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЯХ (НА МАТЕРИАЛЕ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА)

Борис Абдулкеримович Мусуков[1], **Людмила Хамангериевна Махиева**[2]
[1,2] Институт гуманитарных исследований – филиал Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук, Нальчик, Россия
[1] bmusukov@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-1765-0176
[2] liudmila.makhiieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6186-0395

Аннотация. Статья посвящена комплексному исследованию карачаево-балкарских топонимических моделей, образованных сочетанием колоративных эпитетов с физико-географическими апеллятивами. В определительных словосочетаниях описательного типа, изафетных конструкциях рассматриваются вопросы, связанные с закономерностями номинации физико-географических объектов.

Анализ топонимических словосочетаний свидетельствует о том, что в «сдвоенных» колоративных наименованиях, выступающих в номинативно-нарицательном и терминообразующем значениях, существует лексико-семантическая и грамматическая связь между сочетающимися компонентами.

С одной стороны подобные словосочетания являются выразителями лексических значений, с другой – словообразовательных, с третьей – формообразовательных. Колоративные конструкции карачаево-балкарского языка исследуются не только с точки зрения сочетаемости морфологических компонентов, но и с точки зрения формирования их лексико-семантической структуры, с точки зрения лексикографической интерпретации.

В работе обращается внимание на топонимизацию свободных словосочетаний, образованных на основе растительного и животного происхождения.

Ключевые слова: колоративные слова, компонентное значение, топонимы, физико-географический апеллятив, лингво-географическое отношение, терминообразующий компонент, колоративные эпитеты.

Для цитирования: Мусуков Б.А., Махиева Л.Х. Обозначение цветовой геосимволики в географических названиях (на материале карачаево-балкарского языка) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 312-323. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-312-323. EDN: RWZYSK.

© Мусуков Б.А., Махиева Л.Х., 2025

Original article

DESIGNATION OF COLOR GEOSYMBOLICS IN GEOGRAPHICAL NAMES (BASED ON THE MATERIAL OF THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE)

Boris Abdulkerimovich Musukov[1], **Lyudmila Hamangerievna Makhieva**[2]
[1,2] Institute for Humanitarian Research – branch of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Nalchik, Russia
[1] bmusukov@bk.ru, https://orcid.org/0000-0003-1765-0176
[2] liudmila.makhiieva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6186-0395

Abstract. The article is dedicated to a thorough examination of Karachay-Balkarian toponymic models generated by combining colorative epithets with physico-geographical appellations. Descriptive-type definitional phrases and relay structures address nomination patterns for physical and geographical items.

The examination of toponymic phrases reveals that “dual” colorative names, which have nominative-common and term-forming meanings, have a lexico-semantic and grammatical link between the combined components.

On the one hand, such sentences communicate lexical meanings; on the other, they generate words; and finally, they are formative. The colorative constructions of the Karachay-Balkarian language are examined not only in terms of morphological component compatibility but also in terms of lexico-semantic structure development and lexicographic interpretation.

The research focuses on the toponymization of free phrases produced from plant and animal origins.

Keywords: Colorative words, component meaning, toponyms, physical-geographical appellative, linguistic-geographical relation, term-forming component, colorative epithets.

For citation: Musukov B.A., Makhieva L.H. Designation of color geosymbolics in geographical names (based on the material of the Karachay-Balkar language). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 312-323. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-312-323. EDN: RWZYSK.

© Musukov B.A., Makhieva L.H., 2025

Введение

Отрывочные сведения о карачаево-балкарских географических названиях, имеющих свои комплексные специфические особенности терминологических единиц определенной ограниченной территории, которые, тем не менее, представляют большую ценность для топонимических исследований в данном плане, рассматриваются впервые. Зона, выбранная для изучения топонимических фактов и явлений, характеризуется рядом отличительных особенностей как в природно-географическом, так и историко-этнографическом и языковом отношении. Нередко смысловое содержание апеллятива, заложенного в основу физико-географического наименования, раскрывается только на основе диалектных лексических единиц, составляющих активную составляющую часть карачаево-балкарского языка.

Территория носителей карачаево-балкарского языка стала регионом и своеобразным этногеографическим ареалом, в котором формировалась колоративная топонимия со своими отличительными особенностями. Бóльшей частью она с точки зрения внутренней природы топонимов в целом является описательной (дескриптивной), базирующейся на классификации по семантике и на главной, обязательной, номинативной функции значений физико-географических названий. Терминологическая единица, независимо от того,

имеет она или не имеет своего дотопонимического (этимологического) значения, не перестает функционировать как ориентир.

В карачаево-балкарском языке встречаются двусоставные топонимические названия, в которых ведущим (определяющим) признаком являются естественно-географические особенности физико-географических объектов. Освоение природных реалий было связано с освоением и в плане терминологическом в результате чего класс топонимов обогащался в структурно-семантическом отношении самыми различными ономастическими единицами. Географические наименования создавались на базе апеллятивов, связанных с растительным и животным миром. В способах обозначения физико-географических объектов собственными именами прослеживается связь человека с природой, его мировоззрением и мироощущением. Рассматривая лексико-семантические особенности карачаево-балкарских топонимов с колоративными компонентами, следует обратить внимание на то, что доминирующей характеристикой словарного состава является преобладание лексики с прозрачной семантикой.

Основная часть

Колоративные слова, будучи одной из важнейших категорий познания мира, пространства и времени, активно участвуют в обогащении географической терминологии карачаево-балкарского языка, как и других тюркских языков. Выступая в компонентном значении, они употребляются в составе сложных географических наименований. Они встречаются в составе свободных и лексикализованных словосочетаний, двусоставных единиц. Географические названия на материале карачаево-балкарского языка насыщены топонимическими единицами, собранными исследователями преимущественно в полевых условиях. Сбор топонимических названий, их подача в тюркологических публикациях предполагает постепенно определяющуюся концепцию терминологических взглядов. В образование номенклатурных единиц вовлечены не только колоративные слова «основного» цветообозначения, но и «оттеночного». Многие названия, выступая едва ли не всеобщим явлением, получая новое осмысление и интерпретацию, находясь в активном употреблении, далеко уводящем в некоторых случаях от реального значения слова, подчеркивали структурно-семантические особенности географических названий и их нарицательных (апеллятивных) значений. Во многих топонимических словосочетаниях произошла и происходит метафоризация компонентных значений на основе метонимического переноса цветового признака отдельной части на целое, то есть цветовое название единичного становится мотивированным переосмыслением целого.

Придавая решающее значение собиранию и описанию любого топонимического материала, связанного с колоративной лексикой в избранной широчайшей зоне исследования, следует обратить внимание на то, что встречаются сведения, изобиловавшие белыми пятнами.

Многие географические названия в специализированных словарях карачаево-балкарского языка выявляют мотивированную интерпретацию, связанную с их нарицательными наименованиями, в то время как апеллятивные еди-

ницы не отражены в толковых словарях. Прежде всего не были изучены и систематизированы в лингво-географическом отношении местности, например, на материале карачаево-балкарского языка, удаленные от городов и поселков городского типа. Отличительной особенностью карачаево-балкарского языка является то, что с помощью колоративного компонента образуются не только нарицательные названия, своеобразно отражающие внешние признаки физико-географических объектов, но и связанные с ними собственные названия. Дифференцированные признаки колоративной лексики внутри разных ареалов карачаево-балкарского языка, в числе их признаки фонетические (***акъ ~ агъ***), существуют как таковые изначально и распределение не было строго локализовано в ареальных границах, а различительные признаки еще только постепенно вырабатывались по мере развития внутриязыковых расхождений.

Целый ряд производных (некорневых) основ, вырабатывая ареальные черты, приобретая свой современный фонетический облик, адаптировавшись к ареальным фонетическим нормам, создавались по единой модели на ступени общетюркского распространения, общности.

Географические названия на материале карачаево-балкарского языка, образованные с помощью колоративной лексики, употребляются в диалектах и говорах карачаево-балкарского языка, разговорной речи и письменном языке одновременно как терминообразующий компонент в значении цветообозначающих прилагательных. В некоторых географических названиях в составе терминологических конструкций употребляются и словообразующие аффиксы, являясь функционально связующим звеном составляющих частей. В отдельных географических сочетаниях некоторые субстантивные основы выступают как сравнительные компоненты. В составе некоторых цветообозначающих конструкций могут участвовать отдельные арабо-персидские заимствования. Можно обратить внимание и на некоторые географические названия, образованные с помощью одного и того же колоративного слова и субстантивного компонента с участием словообразовательных аффиксов. Эти терминологические единицы, как интегрирующие основы, могут употребляться в словообразовательных процессах и в других тюркских языках. Подобные слова, являясь основой географической лексики, выступая названиями малых и больших объектов, участвуют, кроме того, в содержательной и стилистической организации эпических и художественных произведений.

В качестве постпозиционных субстантивных односложных лексических основ, имеющих прозрачную семантику, может употребляться и растительная терминология карачаево-балкарского языка, однозначно отраженная и в толковых словарях. Многие колоративные названия имеют функционирование в географических словарях, а с другой стороны в толковых и переводных словарях не отражены. Это говорит о том, что конкретные составители словарных статей не были знакомы с ареалом распространения географической терминологии.

Одни колоративные компоненты в составе топонимической лексики служат исключительно для передачи различных внешних (светлых, белых и других) характеристик, в то время как колоративные прилагательные «основного»

цветообозначения в большинстве случаев применяются для передачи переносных значений.

«В карачаево-балкарском языке лексемы **акь** и **кьара** характеризуются значительным словообразовательным потенциалом и входят в состав целого ряда сложных слов, которые в частеречном отношении являются именами существительными и прилагательными» [Ахматова 2017: 65].

В карачаево-балкарском языке, так же как и в других тюркских языках, встречаются самые различные редуплицирующие элементы в составе колоративной лексики, являющиеся общетюркскими, интегрирующими и участвующие в образовании географических названий в форме интенсива, например, ***Аппакълары***, жилой квартал в ауле Хурзук; ***Аппакълары*** – фамилия; ***Аппакъны-бау-оруну***, местность в бассейне р. Учкекен; ***Аппакълары*** – фамилия; ***бау орун*** *‘загон для скота’* [Хапаев 2013:99]. ***Думала***, селище на правом притоке р. Чегем, основанное несколько столетий назад; ***Думала,*** урочище на правом берегу р. Чегем; ***Думала-кюнбет***: 1) местность, расположенная на правом берегу р. Чегем; 2) перевал в верховье р. Думала, соединяется с бассейном р. Ч. Балк.; ***кюнбет*** ‘*солнечная сторона’*; ***Думала-суу***, река, правый приток р. Ч. Безенгийского, ‘*вода’, ‘река’* [Хапаев 2013:173].

Все эти географические названия, так же как и их нарицательные названия (апеллятивы), образовались в результате сочетания усилительных частиц ***ап***- и ***дум***- с общим значением *‘чересчур’* с колоративными словами ***акъ*** ‘*белый*’ и ***ала*** ‘*пестрый*’ по модели частичной редупликации. Особенностью редуплицированных конструкций является то, что «выражая чрезвычайно устойчивые значения, к примеру, цветовые прилагательные маркируют цвет предметов и абстрактных понятий, активно участвуют в сегментации лингвоцветового пространства» [Мусуков 2016:162].

Исследуя цветообозначающие прилагательные, свободные и лексикализованные словосочетания, образованные с их помощью, следует обратить внимание на то, что в усилительных конструкциях, образованных по модели частичной редупликации, происходит не только удвоение, но и усиление качества. Универсальной синтагматической особенностью усилительных частиц ***ап***- и ***дум***- и колоративных прилагательных является то, что во всех конструкциях эти асемантические аналоги употребляются в единственном числе, показывая единичное усиление качества.

Рассматривая употребление усилительных частиц ***ап-, аппа-, чымм-, дум-*** в составе различных географических конструкций, следует обратить внимание на их отличительные особенности в сравнении со словами ***акъ*** ‘*белый*’, ***ала*** ‘*пестрый*’. Не все одинаковые значения слов ***ап-акъ, аппа-акъ, чымм-акъ*** в своем употреблении в карачаево-балкарском книжном языке и разговорной речи соответствуют друг другу, а обнаруживают различные отличительные оттенки. Слова ***ап-акъ, аппа-акъ, чымм-акъ*** *‘чересчур белый, светлый’* служат исключительно для передачи различных внешних (светлых, белых и других) характеристик физико-географических объектов, в то время как слово ***акъ*** *‘белый, светлый’* применяется в большинстве случаев для раскрытия переносных значений при изучении местности в географическом отношении. В топографи-

ческих картах, как ранних источниках, отражаются особенности многих не очень-то крупных географических объектов, подробные колоративные свойства рельефа местности.

Структурно-семантической особенностью колоративных компонентов в образовании географических названий является то, что они участвуют в образовании свободных словосочетаний и сложных слов, выступая их препозиционной частью.

Структурно-концептуальная модель цветообозначений в географической терминологии карачаево-балкарского языка (на материале лингвогеографической базы данных) участвует в отображении концептуального поля цветонаименования ***акъ*** *‘белый’,* ***аппа-акъ*** *‘чересчур белый’*, на примере которого была создана структурно-концептуальная модель. Рассматривая этимологию и эволюцию значений в толковых и географических словарях, можно проводить толкование названий физико-географических объектов, подчиняясь требованиям лингвистической и географической наук.

Развитие и расширение концептуального пространства белого цвета в карачаево-балкарском языке легче всего проследить не только на материале толковых и переводных словарей, но и географических словарей, к числу которых относится словарь С.А. Хапаева «Географические названия Карачая и Балкарии» [Хапаев 2013].

Проведенный анализ географических названий показывает, что процесс топонимизации колоративных физико-географических апеллятивов охватывает собой гидрономию, оронимию и микротопонимию.

«Безусловно, каждый географический объект получает своё название по определенным признакам, будь то цвет, размер, свойство, объём и т.д.» [Ахматова, Текуев, Хуболов 2021: 119].

В образовании составных и сложных названий участвуют все без исключения географические термины (колоративы) карачаево-балкарского языка, как часть общетюркской лексики.

В толковом словаре карачаево-балкарского языка зафиксированы четыре основных значения лексемы ***акъ*** *‘белый’,* частично отраженные и в географической терминологии: 1) непосредственно в значении цвета; 2) в значении чистоты; 3) в метафорическом значении и 4) в значении, возникшем на основе переноса характеристики цвета на какой-либо предмет или явление.

Значения, употребляемые в «*Толковом словаре карачаево-балкарского языка»* и появившиеся в результате детальной классификации значений колоратива ***акъ***, встречаются в *«Балкарском топонимическом словаре*» [Коков, Шахмурзаев 1970], «*Географических названиях Карачая и Балкарии*», оставаясь неизменными. В процессе языкового развития возникли (или же были зафиксированы) и новые сферы применения слова.

В образовании географических наименований используется лексема ***акъ*** *‘белый’* в качестве составной части некоторых фитонимов и зоонимов, а значения, образованные в результате метонимического переноса и функционирующие в карачаево-балкарском языке в форме единственного числа, сформировали отдельную лексико-семантическую группу. В «*Толковом словаре карачаево-*

балкарского языка» приводится наиболее комплексная классификация значений лексемы ***акъ*** ‘*белый’* и самое значительное число значений среди функционирующих словарных статей [ТСКБЯ 1996:96 – 97]. Новые значения появились или получили широкое распространение в связи с бытовыми и социально-экономическими изменениями в жизни носителей языка. Формы множественного числа, функционирующие в предложении как существительные, составили отдельную группу, например, ***Акъ-джарла-башы*** местн. в бас. р. Сылык-суу, в верх. р. Чегем выше села Т. Чегем; ***акъ*** *‘белый’*; ***джар*** *‘обрыв’;* ***баш*** *‘верховье’;* ***Акъ-джарла***, местн. и обрыв на лев. бер. р. Чегем выше села Т. Чегем; ***акъ*** *‘белый’*; ***джар*** *‘обрыв*’ [Хапаев 2013:84]; ***Акъла-башы***, гора в системе хребта Кёнделенле (в бас. р. Теберды); ***акъла*** *‘белые’; баш ‘верх’* [Хапаев 2013:86]; ***Акъ-топуракъла***, уроч. на плато Бийчесын на правобережье р. Кубани; ***акъ*** *‘белый’*; ***топуракъ*** *‘почва’, ‘земля’;* ***Акъла-тюбю***: 1) река, прав. составляющая р. Индрикой в ист. р. Учкулан; 2) уроч. на прав. бер. р. Уллу-Кам; 3) пер. на ГКХ в ист. р. Ундурко; 4) первоначальное название села Схауат в Малокар. р-не; 5) уроч. на прав. бер. р. Джамагат; 6) лед. в верх. одноименной реки; 7) пер. (3350 м.), 1 – 6 категории трудности, соединяет лед. Ак-Тюбю и Мырды в бас. р. Узун-Кол; ***акъ*** *‘белый’*; ***тюбю*** ‘*низовье*’ [Хапаев 2013:87].

В языковой картине карачаево-балкарского народа слово ***акъ*** *‘белый’* в составе физико-географических апеллятивов и номенклатурных единиц характеризуется большой семантической плотностью, в результате метафорических переносов в составе лексикализованных словосочетаний у нейтрального белого цвета появляется значительное количество положительных и отрицательных семантических коннотаций. В современном карачаево-балкарском языке можно отметить четыре основных составляющих компонента концептуального поля ***акъ***: цвет, чистота (внешняя и внутренняя), положительные эмоции и обширная группа метонимических значений. Географические названия с метонимическими значениями тесно связаны с контекстуальным окружением и подчеркивание каждого отдельного значения не является целесообразным, кроме того, в словаре большинства носителей языка находится только часть из них, несмотря на то что сам процесс включает в себя широкий диапазон значений.

Среди географических названий на материале карачаево-балкарского языка встречаются производные цветообозначающие прилагательные, сочетающиеся с аффиксом наличия ***-лы/-ли***, например, ***Сарылыланы-обалары,*** местность на плато Бийчесын; ***Сарылыла*** *‘сарийцы’;* ***обалары*** *‘могилы’;* согласно преданиям, на Карачай налетели пауки ***Сары гыбы***, которых отравил травяным чаем карачаевец по имени Тургул [Хапаев 2013:321].

Колоративные основы в географической терминологии могут употребляться, сочетаясь с аффиксом множественного числа и субстантивными единицами с аффиксами принадлежности, например, ***Кёкле***: 1) река и скала в верх. р. Ташлы-Кол, прав. прит. р. Кубани на юго-вост. аула Каменномост (О. Ташкёпюр); 2) местн. в бас. р. Индиш, прав. прит. р. Кубани; 3) гора на Дуутском хр. в междр. р. Дуута и Учкулана; 4) озёра в верх. р. Джанлы-Кол; 5) горы на лев. бер. р. Хасаут (Схауат), выше села Схауат; 6) местн. в окр. а. Карт-Джурт; ***кёк*** *‘синий*’; ***-ле*** – аффикс множественности [Хапаев 2013: 213]; ***Кёкле-аллы,*** мест. у

юж. подножья г. Кёкле-Кая в окр. аула В. Мара; ***аллы*** *‘впереди’;* ***Кёкле-арасы***, местн. между аулами В. Мара и Н. Мара на правом берегу р. Мары; ***ара*** *‘середина’;* ***Кёкле***: 1) озера в ущ. Ч-Без. близ горы Фтеует; 2) местн. и озера в верх. р. А-суу; 3) озера на лев. бер. р. Кюкюртлю в сред. её течении; 4) озера выше пос. Хасанья; 5) озера в междр. Мусук-суу и Коштан-суу; 6) пруды на р. Гендалий, близ аула Джангы-Джёгетей; ***кёкле***: 1*) ‘синие’; 2) ‘небесные’* [Хапаев 2013:213].

В производных основах на ***-ле*** семантика производящей основы сохраняется без изменения, лексикализованных значений не отмечается. Все лексемы на ***-ле,*** являющиеся названиями различных физико-географических объектов, имеют место в литературном языке и его диалектах и поэтому зафиксированы в толковых словарях.

Исследуя семантику производных географических единиц, следует обратить внимание на содержательную и функциональную стороны некоторых инвентарных единиц морфологии – средств формального выражения, к числу которых относятся словоизменительные аффиксы, в частности аффикс множественного числа ***-ле***. Грамматические характеристики производных основ более разработаны, чем их словообразовательные и семантические особенности.

Особенностью производных основ с точки зрения сочетаемости с аффиксом множественного числа ***-ле*** является то, что в их смысловой структуре не появляются лексикализованные, непредсказуемые, идиоматические значения.

В системе таких двусторонних знаковых единиц, как производящая основа – производная основа в результате лексико-грамматического анализа производных основ можно выявить отличительные особенности словообразовательных и словоизменительных морфем.

«Словарные статьи ***ак***, ***кара*** содержат в себе развернутые этюды о топонимах-словосочетаниях с одним из этих прилагательных, среди которых можно найти и гидронимы, и оронимы, и названия населенных пунктов, разбросанных по всем тюркоязычным территориям. Этюды эти до недавнего времени оставались вне поля зрения топонимистов. Между тем достаточно сказать, что различные фонетические варианты ***кара су*** получили здесь перевод «*источник, родник, ключ, ручей»* [Благова 1972:124].

Все сферы функционирования колоративов и их производных основ свидетельствуют о том, что образование географических наименований в карачаево-балкарском языке, так же как и в других тюркских языках, связано с разработкой структурно-семантических моделей словаря. Среди ономастических терминов, наряду с зоонимами, фитонимами, антропонимами встречаются топонимы, гидронимы, оронимы с колоративными компонентами, функционирующие в прямом и переносном значениях.

«Использование лексемы ***«ак»*** в ономастике охватывает практически все возможные ее сферы, однако наиболее крупные группы сформировали фитонимы, женские и мужские имена. Когнитивные аспекты возникновения каждой лексемы можно рассматривать исключительно индивидуально и на основе достаточного этнографического материала, но, в целом, существующие имена и названия коррелируют с одним из основных значений ***ак*** *‘белый’;* белого цвета, светлого, чистого, красивого или счастливого» [Ситдыкова 2013:19].

Универсальной лексико-семантической особенностью структурированных географических названий, состоящих из двух компонентов: колоративного и субстантивного, является то, что в большинстве случаев они обнаруживают этимологическое значение – значение компонентов, то есть «… в основе процесса наименования находятся конкретные цветовые ощущения, воспринимаемые как свойства, раскрывающие называемый предмет…» [Мусуков 2016:78].

«Прилагательное ***акъ*** в карачаево-балкарском языке, сочетаясь с различными существительными, участвует в образовании как апеллятивной лексики, так и ономастических терминов. Учитывая разные особенности соотносимых с ***акъ*** объектов, следует в первую очередь уточнить его гидронимическое значение, как «*‘белый’, ‘молочно-белый’, ‘мутно-белый’, ‘грязно-белый’, ‘ледниковый’. «*Белыми*»* в основном являются реки, отличающиеся летом половодьем на высотах свыше 2000 м., питающиеся снеговыми или ледниковыми водами.

Кроме того, апеллятивным термином ***аксу*** обозначается вода ледникового питания, независимо от цвета. Термин часто употребляется как собственное название левого притока р. Нальчик. Рассматривая разные особенности соотносимых с ***акъ*** объектов, в дальнейшем следует обратить внимание на его оронимическое значение *‘белый’; ‘снежный’*» [Мусуков 2016:79].

В формировании лексико-семантической структуры карачаево-балкарских физико-географических наименований активное участие принимают апеллятивы (нарицательные имена существительные). Колоративные словосочетания, участвующие в образовании топонимических единиц, встречаются не только в литературном языке, но и в языке цокающего диалекта балкарцев, проживающих в бассейне реки Черек Балкарский со своими специфическими особенностями. Топонимия на материале карачаево-балкарского языка строится фактически и на базе цокающего диалекта, в котором неизбежно отображаются фонетические, морфологические и лексические особенности живого разговорного языка населения данной территории. Колоративные слова, являясь частью общетюркской лексики, в полной мере находят свое отражение и в системе балкарских топонимов данного ареала. Колоративные основы цокающего диалекта по своему лексическому составу, в основном совпадая с литературным языком, в значительной мере отличаются от него своими местными особенностями, продиктованными своеобразием уклада жизни населения. Наличие плодородных земель, лесных угодий при существовании большого числа небольших рек и озер, роскошные климатические предпосылки стали удачной основой для развития земледелия (носители цокающего диалекта издавна сеяли ячмень) и скотоводства.

Комплексный характер карачаево-балкарского хозяйства с преимущественным развитием животноводства стали основой для интенсивного применения природных ресурсов на материале карачаево-балкарского языка, что способствовало появлению и функционированию богатой системы колоративных географических названий.

В основу фронтального исследования топонимических фактов положен синхронно-сопоставительный метод. Использованы также приемы лингвистической географии. В нем рассматривается лексико-семантическая классифика-

ция карачаево-балкарских географических названий, содержащих колоративные компоненты. В работе анализируются средства и способы словообразования карачаево-балкарских топонимов.

Как отмечает Ф. Урусбиева, «оппозиция ***акъ – къара*** (черный – белый) дифференцирует классовую, духовную и социальную сферы» [Урусбиева 2003: 79].

Известно, что прозрачные по семантике топонимы с цветообозначающими компонентами в карачаево-балкарском языке содержат в себе подчас весьма ценную информацию, которой могут воспользоваться этнографы, фольклористы. Топонимика не может плодотворно развиваться без материалов географии и этнографии. Специфику топонимики обусловило то обстоятельство, что она возникла на стыке двух дисциплин: лингвистики с одной стороны и этнографии, фольклористики, географии – с другой. В карачаево-балкарском фольклоре встречаются словосочетания с нарицательным значением, например, ***акъ суу*** – чудесный трансформатор, преображающее средство, не выступающее в апеллятивном терминообразующем значении [Гулиева 2024:91]. К их числу можно отнести словосочетание ***Алакёз*** – имя сказочной героини [Гулиева 2024:49].

Лексико-семантический анализ колоративных топонимов средствами карачаево-балкарского языка на основе дополнительной (дескриптивной или описательной) адресной функции значений показывает, что значительная часть карачаево-балкарских географических названий образована от нарицательных имен, обозначающих признаки самих физико-географических объектов.

Заключение

Географические названия с колоративными компонентами, как явление общественно-историческое, выступают в своей основной (номинативной) функции значений, сохраняя не только активную часть лексики, но и ее пассивную часть, вовлекая в систему географических названий самые различные классы лексики. Способы обозначения природных объектов собственными именами свидетельствуют о том, что среди различных названий встречаются наименования, свойственные объекту, обусловленные реальным его содержанием.

Семантическая природа наиболее распространенных колоративных топонимов, образованных от физико-географических апеллятивов, свидетельствует о том, что в структурно-семантическом отношении они являются двусоставными топонимами.

В соответствии с исторической действительностью возникновения колоративных топонимов с помощью различных способов и средств терминообразования в пределах карачаево-балкарского лингвистического ареала последовательно выявляются и топонимические напластования. Географические реалии физико-географических объектов, обозначаемых собственными именами, при участии цветовых определителей микротопонимов свидетельствуют о том, что диалектные (местные) особенности в некоторых случаях не могли быть сохранены в топонимических материалах из-за того, что вопросники по сбору географических названий, к сожалению, очень часто заполняются на местах в соответствии с нормами литературного языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Ахматова 2017 – *Ахматова М.А*. Функционально-семантические характеристики лексем акъ и къара в карачаево-балкарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2017. – № 6-3 (72). – С. 64-67.

Ахматова 2021 – *Ахматова М.А., Текуев М.М., Хуболов С.М*. Топонимы карачаево-балкарского языка, образованные от апеллятива цвета акъ ‘белый’, и их лексико-семантическая характеристика // Научная мысль Кавказа. – 2021. – № 4 (108). – С. 118-124.

Благова 1972 – *Благова Г.Ф.* В.В. Радлов и изучение тюркской топонимии в аспекте современных топонимических проблем // Тюркологический сборник. 1971. – М.: Наука. 1972. – С. 102-131.

Гулиева 2024 – *Гулиева Ф.Х*. Указатель чудесных предметов (на материале карачаево-балкарских волшебных сказок). – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2024. – 168 с.

Коков, Шахмурзаев 1970 – *Коков Дж.Н. и Шахмурзаев С.О*. Балкарский топонимический словарь. – Нальчик: Эльбрус, 1970. – 170 с.

Мусуков 2016a – *Мусуков Б.А.* Прилагательные, порождающие особенности цветообозначения в тюркских языках // Проблемы востоковедения. – 2016. – № 2 (72). – С. 77-80.

Мусуков 2016b – *Мусуков Б.А.* Формально-семантическая парадигма усилительных конструкций в тюркских языках. – Нальчик: Принт Центр: ООО «Полиграфсервис и Т», 2016. –376 с.

Ситдыкова 2013 – *Ситдыкова А.Ф.* Когнитивное исследование цветового пространства в татарском языке. Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Казань, 2013. – 22 с.

ТСКБЯ 1996 – *Толковый словарь карачаево-балкарского языка* в 3-х томах. – Нальчик: Эль-Фа, 1996. – Т. 1. А–Ж. – 1016 с.

Урусбиева 2003 – *Урусбиева Ф.* Метафизика колеса: Вопросы тюркского культурогенеза. – Сергиев Посад: «Весь Сергиев Посад», 2003. – 207 с.

Хапаев 2013 – *Хапаев С.А.* Географические названия Карачая и Балкарии. – М: Фонд «Эльбрусоид», 2013. – 575 с.

REFERENES

AHMATOVA M.A. *Funkcional'no-semanticheskie harakteristiki leksem ak# i k#ara v karachaevo-balkarskom jazyke* [Functional and semantic characteristics of the lexemes ak and kara in the Karachay-Balkar language]. In: Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2017. – № 6-3 (72). – P. 64-67. (In Russ.).

AHMATOVA M.A., TEKUEV M.M., HUBOLOV S.M. *Toponimy karachaevo-balkarskogo jazyka, obrazovannye ot apelljativa cveta ak# ‘belyj’, i ih leksiko-semanticheskaja harakteristika* [Toponyms of the Karachay-Balkar language, formed from the color appellative ak 'white', and their lexical and semantic characteristics]. In: Nauchnaja mysl' Kavkaza. – 2021. – № 4 (108). – P. 118-124. (In Russ.).

BLAGOVA G.F. V.V. *Radlov i izuchenie tyurkskoi toponimii v aspekte sovremennykh toponimicheskikh problem* [V.V. Radlov and the study of Turkic toponymy in the aspect of modern toponymic problems]. In: Tyurkologicheskii sbornik. 1971. – M.: Nauka. 1972. – P. 102-131. (In Russ.).

GULIEVA F.KH. *Ukazatel' chudesnykh predmetov (na materiale karachaevo-balkarskikh vol-shebnykh skazok)* [Index of miraculous objects (based on the material of Karachay-Balkarian fairy tales)]. – Nal'chik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2024. – 168 p. (In Russ.).

KOKOV DZH.N., SHAKHMURZAEV S.O. *Balkarskii toponimicheskii slovar'* [Balkar toponymic Dictionary]. – Nal'chik: El'-brus, 1970. – 170 p. (In Russ.).

MUSUKOV B.A. *Prilagatel'nye, porozhdayushchie osobennosti tsvetooboznacheniya v tyurk-skikh yazykakh* [Adjectives that generate the features of color designation in the Turkic languages]. In: Problemy vostokovedeniya. – 2016. – № 2 (72). – P. 77-80. (In Russ.).

MUSUKOV B.A. *Formal'no-semanticheskaya paradigma usilitel'nykh konstruktsii v tyurkskikh yazykakh* [The formal semantic paradigm of reinforcement constructions in Turkic languages]. – Nal'chik: Print Tsentr: OOO «Poligrafservis i T», 2016. –376 p. (In Russ.).

SITDYKOVA A.F. *Kognitivnoe issledovanie tsvetovogo prostranstva v tatarskom yazyke* [Cognitive study of color space in the Tatar language]. Avtoref. dis. … kand. filol. nauk. – Kazan', 2013. – 22 p. (In Russ.).

Tolkovyi slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka v 3-kh tomakh [Explanatory dictionary of the Karachay-Balkar language in 3 volumes]. – Nal'chik: El'-Fa, 1996. – T. 1. A–Zh. – 1016 p. (In Russ.).

URUSBIEVA F. *Metafizika kolesa: Voprosy tyurkskogo kul'turogeneza* [Metaphysics of the Wheel: Issues of Turkic Cultural genesis]. – Sergiev Po-sad: «Ves' Sergiev Posad», 2003. – 207 p. (In Russ.).

KHAPAEV S.A. *Geograficheskie nazvaniya Karachaya i Balkarii* [Geographical names of Karachay and Balkaria]. – M: Fond «El'brusoid», 2013. – 575 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Б.А. Мусуков – доктор филологических наук.

Л.Х. Махиева – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the authors

B.A. Musukov – Doctor of Philology

L.H. Makhieva – PhD (in Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 18.02.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 18.02.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 81
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-324-333
EDN: SDVMYG

ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ЗОНА КОНЦЕПТА «ТОЙ» («СВАДЬБА») В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Зульфия Мустафировна Ульбашева
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия, z.gaboeva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0085-077X

Аннотация. Вопросы связи языка, мышления и духовной культуры этноса являются одновременно традиционными и актуальными в современной лингвистике. Концептуализация окружающей действительности наилучшим образом вербализуется в паремиях, которые, в свою очередь, представляют собой важный источник языковой реализации концепта. В данном исследовании рассматривается паремиологическая зона интерпретационного поля лингвокультурного концепта «той», описываются ядро концепта, ближняя и дальняя периферии на основе выявленных концептуальных признаков. Анализ паремиологической зоны концепта «той» дает возможность выявить ментальные особенности этноса в восприятии этапов предсвадебных и свадебных мероприятий, как одного из культурно маркированных событий в жизни человека. Научная новизна заключается в попытке моделирования паремиологического сегмента интерпретационного поля концепта «той». Результатом исследования эмпирического материала является анализ выявленных концептуальных признаков, построение схемы с данными ближней и дальней периферий концептуального поля «той».

Ключевые слова: концепт «той», паремиологическая единица, паремиологическая зона, интерпретационное поле, лингвокультура.

Для цитирования: Ульбашева З.М. Паремиологическая зона концепта «той» («свадьба») в карачаево-балкарской лингвокультуре // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 324-333. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-324-333. EDN: SDVMYG.

© Ульбашева З.М., 2025

Original article

PAREMIOLOGICAL AREA OF THE CONCEPT “WEDDING” IN THE KARACHAY-BALKARIAN LINGUOCULTURE

Zulfiya M. Ulbasheva
Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia, z.gaboeva@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0003-0085-077X

Abstract. The questions of the connection between language, thinking and spiritual culture of an ethnic group are traditional and relevant at the same time in modern linguistics. Conceptualization of the surrounding reality in the best verbalized in proverbs, which represent an important source for concept implementation. This study discusses paremiological area of the interpretative field of the concept “wedding”, the core of this concept, its near and far periphery is described, cognitive sign, are identified based on proverbs. Analysis of the paremiological area of the concept

"wedding" gives the opportunity to identify mental characteristics of an ethnic group in perception of wedding events as one of culturally marked events in a person's life. Scientific novelty lies in the attempt to model the paremiological segment of the interpretative field of the concept «wedding». The result of the study of the material is the analysis of conceptual features, the construction of a diagram with data from the near and far periphery of the conceptual field "wedding".

Keywords: concept «wedding», paremiological unit, paremiological area, interpretative field, linguoculture.

For citation: Ulbasheva Z.M. Paremiological area of the concept "wedding" in the Karachay-Balkarian linguoculture. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 324-333. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-324-333. EDN: SDVMYG.

© Ulbasheva Z.M., 2025

Введение

Современная гуманитарная наука характеризуется сменой системной парадигмы на антропоцентрическую, которая актуализировала в лингвистике этнолингвокультурологическую проблематику. Язык, как главное средство накопления, хранения и передачи коллективного опыта поколений, является основным этнообразующим началом. В XX в., как известно, на основе идеи связи языка и культуры сформировалось самостоятельное направление лингвистики – лингвокультурология, понятийно-терминологический аппарат которой составляют понятия концепта и языковой картины мира. Изучению природы концепта и языковой картины мира посвящены фундаментальные работы таких исследователей как: Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, С.А. Аскольдов, А.П. Бабушкин, С.Г. Воркачев, В.В. Карасик, В.И. Колесов, В.В. Красных, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, В.А. Маслова, В.П. Нерознак, З.Д. Попова, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.

Концепт представляет собой сложное многоуровневое строение, которое включает в себя как признаки структуры понятия, так и этноментальные признаки, которые делают концепт фактом культуры. Как отмечает З.Д. Попова, концепт имеет интерпретационное поле, состоящее из структурообразующих зон: оценочной, энциклопедической, утилитарной, социально-культурной, регулятивной и паремиологической [Попова, 2007:109]. Паремиологическая зона концепта представляет собой особую структуру, поскольку она отражает не современное, а историческое представление об отношении этноса к содержанию концепта.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом современной лингвистики к изучению лингвоментальных особенностей этноса, отраженных в концептуальной картине мира.

Объектом исследования являются карачаево-балкарские паремиологические единицы, вербализующие концепт «той».

Предметом исследования является лингвокультурный концепт «той» как ментальная и вербальная единица, репрезентирующая культурный опыт этноса.

Цель статьи – моделирование паремиологического сегмента концептуального поля «той» в карачаево-балкарском языке. Эмпирическим материалом исследования послужили словари пословиц и поговорок карачаево-балкарского языка.

Задачи исследования: выявить концептуальные признаки концепта «той» на материале паремиологических единиц, выбранных из словарей пословиц и поговорок карачаево-балкарского языка; описать ядро и периферии интерпретационного поля концепта «той» в соответствии с выявленными концептуальными признаками. Для решения данных задач использованы метод сплошной выборки, когнитивный анализ и компонентный анализ.

Основная часть

В современной лингвистике концепты исследуются на разных материалах, но особый интерес в этом плане вызывает паремиологическая реализация концепта, поскольку в паремиях содержится ценный комплекс культурных смыслов, накопленных этносом в течение периода своего существования.

Познавательная ценность паремиологических единиц подчеркивалась разными исследователями (А.Н. Баранов, С.К. Башиева, З.Х. Бижева, Ф.И. Буслаев, А.И. Геляева, Д.О. Добровольский, М.Ч. Кремшокалова, Г.Л. Пермяков, Л.Б. Савенкова и др.) В паремиях выражается восприятие объективной действительности, социально-политическое мышление, весь жизненный и социально-исторический опыт этноса. Паремиологические единицы позволяют глубже понять истоки и корни современной культуры, изучить быт и традиции этноса.

При исследовании паремии как средства реализации концепта, необходимо выделить концептуальные признаки для выявления структуры концепта, состоящей из ядра и интерпретационного поля с ближней и дальней периферией.

Ядро структуры концепта представляет лексема «той» – 1. Свадьба, свадебный пир; 2. Танцы, пир, веселье, торжество, праздник [Къарачай-малкъар орус сёзлюк 1989: 641]. Ближнюю периферию составляют две тематические группы: 1) «этапы свадебных мероприятий»; 2) «участники свадебных мероприятий». Дальняя периферия представлена менее релевантными паремиологическими единицами, носящими назидательный характер, часть из них восходит к зооморфному коду культуры.

Так, в тематической группе «этапы свадебных мероприятий» отражена последовательность предсвадебных и свадебных мероприятий, в которых мы выявили концептуальные признаки: ***къыз кёрюу*** «смотрины», ***келечилик айтыу*** «сватовство», ***сёз таусуу*** «сговор», ***къалым*** «выкуп», ***къыз къачырыу*** «умыкание», ***келин алыу*** – «вывод невесты из родительского дома», ***келинни юйге кийириу*** - «ввод невесты в дом жениха», связанный с обрядом ***баш алыу*** «снятие платка, для открывания лица невесты», ***сый салыу/берне*** «приданое», ***киеу келиу*** – «знакомство родственников невесты с женихом». Данные концептуальные признаки вербализуются в паремиологических единицах. Так, в паремиях отмечается, что на смотринах следует придерживаться определенных советов по выбору невесты или жениха. В первую очередь необходимо обратить внимание на семью будущей невесты/будущего жениха, в частности на родителей: *Анасына къараб къызын ал, атасына къараб жашына бер* – «Прежде, чем жениться на девушке, узнай ее мать, прежде чем выдать замуж (дочь) узнай его отца». Также важно, чтобы о будущей невесте хорошо отзывались соседи: *Анасы махтагъанны алма, тийреси махтагъандан къалма* – «Не бери (замуж) ту,

которую хвалит мать, не отказывайся от той, которую хвалят соседи». При выборе невесты/жениха внешние качества не являются определяющими, важны моральные качества, интеллектуальные способности, трудолюбие: *Къызны ариулугъу бла сууму ичериксе* – «Красотой девушки воды не напьешься». *Ариу болса къараргъа ахшы, иги болса жашаргъа ахшы* – «На красивую (жену) приятно смотреть, с хорошей приятно жить». *Ариуну сайлама, игини сайла* – «Не выбирай красивого, выбирай хорошего». *Ариулукъ гыржынга къатыкъ болмаз* – «Красота не будет к хлебу «къатыкъ» (къатыкъ – молочные продукты). *Ариу къанат къазгъа керек, ариу къылыкъ къызгъа керек* – «Красивые крылья – гусю, красивый характер - девушке». *Ариулукъ тойда керек, акъыл хар кюнде керек* – «Красота нужна на свадьбе, ум нужен каждый день». *Ишленмеген жаш жюгенсиз, ишленмеген къыз – тузсуз хант* – «Невоспитанный парень, что конь без узды, невоспитанная девушка, что пища без соли». *Эринчекни эр алмаз, алса да кёл салмаз* – «Ленивую не возьмут замуж, а если и возьмут, то пожалеют». *Жашны игиси – къойда, аманы –тойда* – «Лучший из парней – у отары, худший – на пиру». *Ахшы къыз – джагъада къундуз, ахшы жаш – кёкде жулдуз* – «Хорошая девушка – бобровый воротник, хороший парень – на небе звезда».

Одной из важных частей свадебных мероприятий является сватовство, от его успешной реализации зависит продолжение сценария по предполагаемому сюжету. В паремиях отражены такие главные качества сватов, как терпеливость, красноречие и умение вести переговоры: *Келечи иги болса кели башы эрге барыр* – «Если сваха хорошая, то и пест выйдет замуж». *Келечи иги болса чычхан бла киштикни юйюрсюндюрюр* – «Если сваха хорошая, то и мышку с кошкой сведет». *Келечини кечингени ашхы* – «Лучший сват - терпеливый». *Келечи бир кюн сууаб алыр, бир кюн жууаб алыр* – «Сват раз получит спасибо, второй раз получит согласие». *Келечини ауузу бош* – «Сват волен говорить все». *Келечини къойну ётюрюкден толу* – «У свата пазуха полна неправды» (т.е. чтобы добиться успеха в сватовстве, сваха всячески расхваливает жениха). Следует отметить, что концептуальный признак сватовство как действие входит в тематическую группу «этапы свадебных мероприятий», тогда как концептуальный признак сваты, как действующие лица данного процесса, входит в тематическую группу «участники свадебных мероприятий».

Как известно, будущая невеста в процессе сватовства свое согласие или отказ выражает завуалированными выражениями, если девушка согласна, то она говорит: *Айыу балны бек сюеди* – «Медведь очень любит мед». *Киштик сютню бек сюеди.* – «Кошка очень любит молоко». *Чабакъчы чабакъны тутду* – «Рыбак поймал рыбу». *Къуш кёгюрчюнню тутду* – «Орел поймал голубя». *Кюн чыгъады* – «Солнце восходит». *Ай жарытады* – «Луна освещает». Если ответ отрицательный, то девушка может сказать: *Эшекни тюйюп ат этмезсе* – «Сколько не бей осла, лошадью не станет». *Байла билгенни, жарлыла да биледиле* – «То, что знают богатые, знают и бедные», *Жайда келир, къышда келир* – «И лето придет, и зима придет». *Кёкде жулдузла кёпдюле* – «На небе много звезд». «*Жарлыны сёзю чапыракъдан ётмез*» – «Слово бедного через лист не пройдет».

В случае удачного сватовства далее следует подготовка к свадебным мероприятиям: реализация калыма, обряд умыкания или обряд вывода девушки из родительского дома, обряд снятия платков в доме жениха, с целью знакомства со старшими рода жениха, обряд обмена подарками родственникам и знакомство жениха с родственниками невесты. Каждый из этапов вербализован в паремиологических единицах. Так, обряд обмена свадебными подарками ярко выражен в паремиях о приданом, в которых говорится о необходимости готовиться к данному моменту с рождения дочери: *Къызы барны дарийи бар* – «У кого есть дочь, у того (припасены) шелка». *Къыз ёссе юйге жут, жаш ёссе юйге къут* – «Дочь вырастет – дому разорение (расходы на приданое), сын вырастет – дому счастье». *Къыз юйдегиге садакъа тыйыншлы* – «Семье, где много дочерей, помощь полагается» (т.е. много хлопот с приданым). *Бир къыз – жокъ, эки къыз – эрке, юч къыз – жут* – «Одна дочь считай нет дочери, две – баловницы, три - разорение».

Свадебные мероприятия имеют определенный сценарий, где у каждого участника своя роль. В тематической группе «участники свадебных мероприятий» представлены номинации действующих лиц: ***жетген къыз*** – «девушка на выданье», ***жаш*** – «парень», ***келин*** – «невеста», ***киеу*** – «зять», ***киеу жёнгер*** – «молодежь, сопровождающая жениха, ***къыз жёнгер*** – «подруги невесты», ***дигиза*** – «помошница невесты», ***улан нёгер*** – «помошник жениха», ***къайын ана*** – «свекровь/теща», ***къайын ата*** – «свекор/тесть», ***къайын къыз*** «золовка/свояченица», ***къайын*** – деверь/свояк, ***апсын*** – «сосношница», ***бажа*** – «шурин», ***келечиле*** – «сваты». Данные номинации представлены в большом объеме паремиологических единиц, репрезентирующих внешние данные, характер, отношения друг с другом участников свадебных мероприятий. На материале этих паремий мы выявили наиболее релевантные концептуальные признаки: ***жетген къыз*** – «девушка на выданье» представляет готовность девушки к вступлению в брак: *Къызны бир аягъы босагъада* – «Девушка одной ногой на пороге стоит». *Къызлы юйню ити чабмаз* – «В доме, где есть дочь на выданье, собака ни на кого не лает». *Къызны бир кёзю ашда, бир кёзю жашда* – «У девушки один глаз на еду смотрит, другой – на парня». *Ауругъаннга – кийик саулукъ, жетген къызгъа – чилле жаулукъ* – «Больному здоровье дикого животного, девушке на выданье – шелковый платок». *Къыз эрге ашыгъыр, ёлю жерге ашыгъыр* – «Девушка торопится замуж, умерший торопится в землю».

Концептуальный признак ***келин*** – «невестка» вербализует в паремиях представление окружающих о том, какими качествами должна обладать невестка. В первую очередь она должна быть воспитанной и трудолюбивой: *Келинни аягъындан, сюрюучюню таягъындан* – «Невестку познают по походке (т.е. по расторопности), а пастуха по палке». *Юйде жумуш тынмаса терслик келинде болур* – «Если в доме что-то не сделано, то вина на невестке».

Концептуальный признак ***киеу*** **–** «зять», в свою очередь отражает желаемые качества зятя, такие как активность и трудолюбие: *Киеу орну – эшик арты – «Место зятя у дверей»* (т.е. на побегушках). *Эшегинг жокъ эсе, киеунгдамы жокъду* – «Если у тебя нет ишака, то неужели и зятя нет».

Концептуальный признак ***къайын ана*** – «свекровь» представлен в паремиях, отражающих отношения между невесткой и свекровью: *Келинни ауузу болмаз, къайын ананы ийманы болмаз* – «Невестка не может возражать, свекровь не боится Бога». *Келинин сыйламагъан ана кеси да сыйланмаз* – «Свекровь, не уважающая невестку, сама не будет пользоваться уважением».

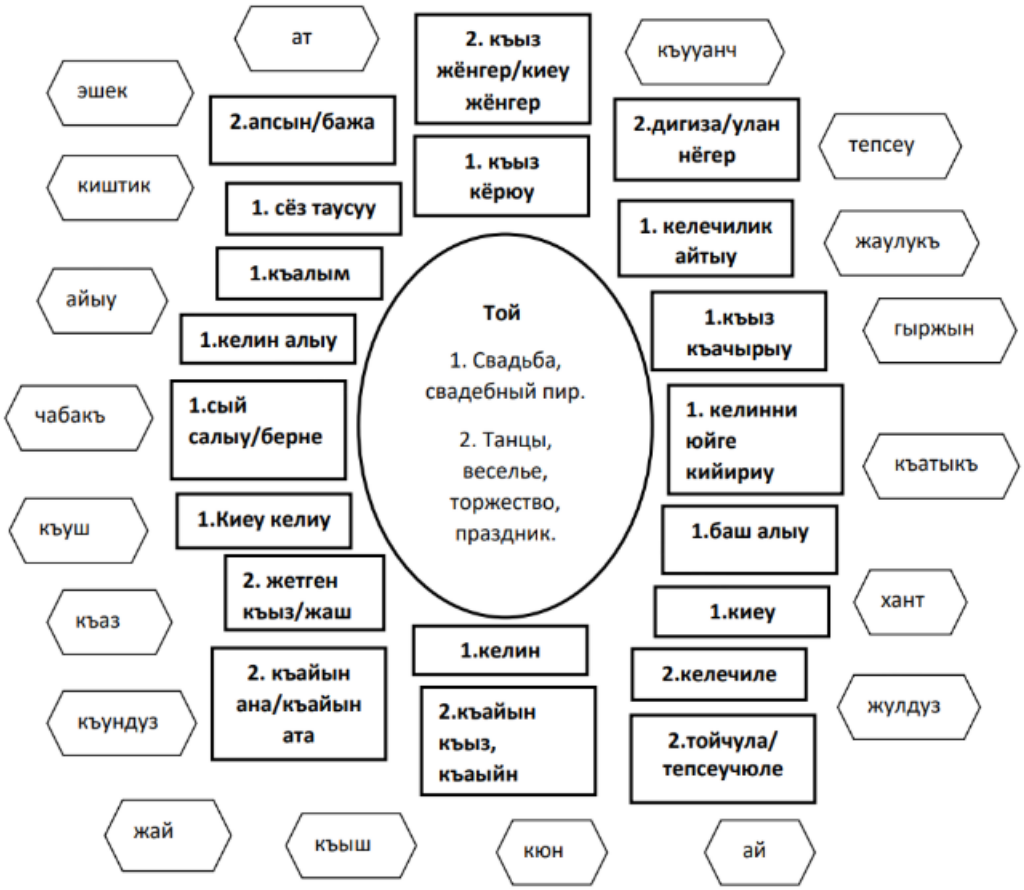
К тематической группе «участники свадебных мероприятий» также можно отнести артистов (***тойчула***), в частности танцоров (***тепсеучюле***), так как танцы (***тепсеу***) являются неотъемлемой частью свадьбы. В паремиях говорится: *Тойну келбети – тепсеу* – «Красота свадебного торжества - танец». *Тепсеусюз той – тузсуз хант* – «Свадьба без танцев – еда без соли». *Тепсеу – тойну байрагъы* – «Танец – знамя свадебного торжества».

Дальняя периферия паремиологической зоны интерпретационного поля «той» представлена менее релевантными концептуальными признаками, такими как, например, своевременность женитьбы: *Жашлай сауда болгъан уялыр, жашлай къатын алгъан къууаныр* – «Кто смолоду торгашом стал, тот опозорится, кто смолоду женился, тот обрадуется». *Эртте тургъан бла эртте юйленген сокъуранмаз* – «Кто рано встает, и кто рано создает семью – не пожалеют». Также дальняя периферия концепта «той» представлена зоонимической лексикой: *Бирею къатын ала эди, бирею атын ёлтюре эди* - «Кто-то женится, а кто-то губит свою лошадь (на этой свадьбе).

Заключение

Таким образом, паремиологическую зону интерпретационного поля «той» можно представить в виде схемы (схема № 1), где ядро структуры содержит понятийную составляющую концепта, а ближняя и дальняя периферии представляют культурный слой концепта. Ядро схемы № 1 представлено в форме овала, внутри которого раскрыт семный состав. Ближняя периферия значений, которая связана с ядром причинно-следственными связями, представлена в форме прямоугольников, там мы указали этапы предсвадебных и свадебных мероприятий, участников данных мероприятий, а дальняя периферия значений, представляющих наименее релевантные концептуальные признаки, образованные на основе метафорических связей, представлена в форме многоугольников. Генетические связи между ядром и ближней периферией на схеме выражены числовыми обозначениями.

Схема № 1. Паремиологическая зона интерпретационного поля концепта «той»



Таким образом, паремиологическая зона концепта «той» представляет собой культурный слой исследуемого концепта, в котором отражаются ментальные особенности этноса в восприятии определенных событий в жизни человека.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Аликаев, Башиева 2019 – *Аликаев Р.С., Башиева С.К.* Особенности номинации лингвокультурной информации в свадебной картине мира карачаевцев и балкарцев// Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2019. – С. 63-69.

Апресян 1993 – *Апресян Ю.Д.* Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1993. – № 3. – С. 34-36.

Арутюнова 1998 – *Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.

Аскольдов 1997 – *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М.: Антология, 1997. – С. 267-280.

Бабушкин 1996 – *Бабушкин А.П.* Типы концептов в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1996. – 104 с.

Баранов, Добровольский 1992 – *Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* К проблеме построения тезауруса русских идиом // Изв. АН Серия литературы и языка, 1992. Т. 51. №5. – С. 60-68.

Буслаев 1961 – *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т.1-2. – СПб.: Общественная польза, 1961. – 716 с.

Воркачев 2001 – *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: Становление антропологической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.

Геляева, Кумахова 2010 – *Геляева А.И., Кумахова Дж.Б.* Место оценки в пословичной картине мира. – Нальчик: Полиграфсервиз и Т, 2010. – 135 с.

Карасик, Слышкин 2001 – *Карасик В.И., Слышкин Г.Г.* Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75-80.

КБФДЗП 1983 – Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / составитель А.И. Алиева. – Нальчик: Эльбрус, 1983. – 432 с.

Колесов 2004 – *Колесов В.В.* Язык и ментальность. – СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 240 с.

Красных 2002 – *Красных В.В.* Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

Кубрякова 2012 – *Кубрякова Е.С.* В поисках сущности языка: когнитивные исследования. – М.: Знак, 2012. – 203 с.

Кудаев 1988 – *Кудаев М.Ч.* Карачаево-балкарский свадебный обряд. – Нальчик: Эльбрус, 1988. – 128 с.

Лихачев 1993 – *Лихачёв Д.С.* Концептосфера русского языка // Наука. Известия АН. Серия литературы и языка. – 1993. – № 1. – С. 2-9.

Малкондуев 2001 – *Малкондуев Х.Х.* Этническая культура балкарцев и карачаевцев. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 176 с.

Нерознак 1998 – *Нерознак В.П.* От концепта к слову: к проблеме филологического концептуализма // Вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. – Омск:Изд-во ОМГПУ, 1998. – С. 38-49.

Пермяков 1988 – *Пермяков Г.Л.* Основы структурной паремиологии. – М.: Наука, 1988. – 235 с.

Попова, Стернин 1999 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 314 с.

Слышкин 2000 – *Слышкин Г.Г.* От текста к символу. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 141 с.

Степанов 1997 – *Степанов Ю.С.* Концепт // Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 990 с.

Стернин 2001 – *Стернин И.А.* Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2001. – С. 58-65.

Телия 1999 – *Телия В.Н.* Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. – М.: Шк «Языки русской культуры», 1999. – С. 13-24.

Къарачай-малкъар орус сёзлюк 1989. – М: Русский язык, 1989. – 830 с.

Къарачай-малкъар нарт сёзле 2005 – Къарачай-малкъар нарт сёзле. Составитель Х.М. Джуртубаев. – Нальчик: Эльбрус, 2005. – 184 с.

REFERENCES

ALIKAEV R.S., BASHIEVA S.K. *Osobennosti nominatsii lingvokul'turnoi informatsii v svadebnoi kartine mira karachaevtsev i balkartsev [*Features of the nomination of linguocultural nomination of the wedding picture of the world of the karachay and balkarian people]. IN: Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. – Vladikavkaz: Izd-vo SOGU, 2019. – 63-69 p. (In Russ.)

APRESYAN YU.D. *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya [*The image of a person according to language data: an attempt at a systematic description*]*. IN: Voprosy yazykoznaniya. – 1993. – № 3. – 34-36 p. (In Russ.)

ARUTYUNOVA N.D. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world*]*. – M.: Yazyki russkoi kul'-tury, 1998. – 896 p. (In Russ.)

ASKOL'DOV S.A. *Kontsept i slovo. IN: Russkaya slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta* [The concept and the word. Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text]. – M.: Antologiya, 1997. – 267-280 p. (In Russ.)

BABUSHKIN A.P. *Tipy kontseptov v leksiko-semanticheskoi sisteme yazyka* [Types of concepts in the lexical and semantic system of the language]. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta, 1996. – 104 p. (In Russ.)

BARANOV A.N., DOBROVOL'SKII D.O. *K probleme postroeniya tezaurusa russkikh idiom [*On the problem of constructing a thesaurus of Russian idioms] IN: Izv. AN Seriya literatury i yazyka, 1992. T. 51. №5. – 60-68 p. (In Russ.)

BUSLAEV F.I. *Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva* [Historical sketches of Russian folk literature and art] T.1-2. – SPb.: Obshchestvennaya pol'za, 1961. – 716 p. (In Russ.)

VORKACHEV S.G. *Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: Stanovlenie antropologicheskoi paradigmy v yazykoznanii [*Linguoculturology, Linguistic personality and concept: the formation of an anthropological paradigm in linguistics*]*.IN: Filologicheskie nauki. – 2001. – № 0. – . 64-72 p. (In Russ.)

GELYAEVA A.I., KUMAKHOVA DZH.B. *Mesto otsenki v poslovichnoi kartine mira [*The place of estimation in the proverbial worldview] – Nal'chik: Poligrafserviz i T, 2010. – 135 p. (In Russ.)

KARASIK V.I., SLYSHKIN G.G. *Lingvokul'turnyi kontsept kak edinitsa issledovaniya* [Linguistic and cultural concept as a unit of research] IN: Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki. – Voronezh: VGU, 2001. – 75-80 p. (In Russ.)

Karachaevo-balkarskii fol'klor v dorevolyutsionnykh zapisyakh i publikatsiyakh [Karachay-Balkarian folklore in pre-revolutionary notes and publications] / Edited A.I. Alieva. – Nal'chik: El'brus, 1983. – 432 p. (In Russ.)

KOLESOV V.V. *Yazyk i mental'nost'* [Language and mentality] – SPb.: Peterburgskoe Vostoko-vedenie, 2004. – 240 p. (In Russ.)

KRASNYKH V.V. *Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya: Kurs lektsii* [Ethnopsycholinguistics and linguoculturology] – Moscow: Gnozis, 2002. – 284 p. (In Russ.)

KUBRYAKOVA E.S. *V poiskakh sushchnosti yazyka: kognitivnye issledovaniya.* – Moscow:Znak, 2012. – 203 p. (In Russ.)

KUDAEV M.CH. *Karachaevo-balkarskii svadebnyi obryad [*Karachay-Balkarian wedding ceremony*]*. – Nal'chik: El'brus, 1988. – 128 p. (In Russ.)

LIKHACHEV D.S. *Kontseptosfera russkogo yazyka [*The conceptual sphere of the Russian language] IN: Nauka. Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka. – 1993. – № 1. – 2-9 p. (In Russ.)

MALKONDUEV KH.KH. *Etnicheskaya kul'tura balkartsev i karachaevtsev [*Ethnic culture of Karachays and Balkarians]. – Nal'chik: El'brus, 2001. – 176 p. (In Russ.)

NEROZNAK V.P. *Ot kontsepta k slovu: k probleme filologicheskogo kontseptualizma [*From concept to word: towards the Problem of Philological Conceptualism] IN: Voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov. – Omsk:Izd-vo OMGPU, 1998. – 38-49 p. (In Russ.)

PERMYAKOV G.L. *Osnovy strukturnoi paremiologii* [Fundamentals of structural paremiology] – Moscow: Nauka, 1988. – 235 p. (In Russ.)

POPOVA Z.D., STERNIN I.A. *Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh [*The concept in linguistic research*]* – Voronezh: Izd-vo VGU, 1999. – 314 p. (In Russ.)

SLYSHKIN G.G. *Ot teksta k simvolu. Lingvokul'turnye kontsepty pretsedentnykh tekstov v soznanii i diskurse* [From text to word. Linguistic and cultural concepts of precedent texts in consciousness and discourse] – M.: Academia, 2000. – 141 p. (In Russ.)

STEPANOV YU.S. *Kontsept/ Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury. Opyt issledovaniya* [The dictionary of Russian culture. Research experience] – Moscow: Shkola «Yazyki russkoi kul'tury», 1997. – 990 p. (In Russ.)

STERNIN I.A. *Metodika issledovaniya struktury kontsepta* [The methodology of studying the structure of the concept] *IN: Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki* – Voronezh: Izd-vo VGU, 2001. – 58-65 p. (In Russ.)

TELIYA V.N. *Pervoocherednye zadachi i metodologicheskie problemy issledovaniya frazeologicheskogo sostava yazyka v kontekste kul'tury* [The primary tasks and methodological problems of studying the phraseological composition of language in the context of culture] IN: Frazeologiya v kontekste kul'tury. – M.: Shk «Yazyki russkoi kul'tury», 1999. – 13-24 p. (In Russ.)

K"arachai-malk"ar orus sezlyuk [Karachay-Balkar-Russian dictionary]– Moscow: Russkii yazyk, 1989. – 830 p. (In Russ.)

K"arachai-malk"ar nart sezle [Karachay-Balkarian proverbs] / Edited by Kh.M. Dzhurtubaev. – Nal'chik: El'brus, 2005. – 184 p. (In Kar-balk.).

Информация об авторе

З.М. Ульбашева – кандидат филологических наук.

Information about the author

Z.M. Ulbasheva – PhD (in Philology).

Статья поступила в редакцию 30.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 30.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 81.37
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-334-345
EDN: TAVVZA

ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ КОНЦЕПТА «СМЕРТЬ» (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ СЛОВАРЕЙ И РЕЗУЛЬТАТОВ АССОЦИАТИВНЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ)

Светлана Конакбиевна Башиева[1], **Елена Борисовна Чернышова**[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия.
[1] bfo-pdo@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6562-9879
[2] elena-chernishova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9426-8865

Аннотация. В статье обсуждаются результаты когнитивного анализа фразеологических номинаций и ассоциативного поля концепта «Смерть» как важного компонента бытия человека. Эмпирическим материалом послужили фразеологические единицы, а также ассоциативное поле «смерть», представленное в Русском региональном ассоциативном словаре, а также реакции на русское слово-стимул «смерть» студентов-билингвов Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова (КБГУ). Когнитивная интерпретация русских фразеологических единиц со значением 'смерть' и оценочных ассоциативных единиц, входящих в ассоциативное поле «смерть» монолингвов и билингвов, позволила выделить когнитивные признаки, совокупность которых образует оценочный компонент концепта, объединяемый классификационным признаком «негативная оценка». В статье показано, что правая часть оппозиции «жизнь-смерть» характеризуется таким сущностным признаком, как неизбежность. Комплексное исследование языковых единиц, представленных во фразеологических и ассоциативных тезаурусах, позволяет расширить описание номинативного поля концепта и получить более полное представление о его содержании и структуре.

Ключевые слова: концепт, когнитивный признак, оценка, фразеологическая единица, свободный ассоциативный эксперимент, монолингвы, билингвы, оценочные ассоциации.

Для цитирования: Башиева С.К., Чернышова Е.Б. Оценочный компонент концепта «Смерть» (по материалам русских фразеологических словарей и результатов ассоциативных экспериментов) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 334-345. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-334-345. EDN: TAVVZA.

© Башиева С.К., Чернышова Е.Б., 2025

Original article

THE EVALUATIVE COMPONENT OF THE CONCEPT OF "DEATH" (BASED ON THE MATERIALS OF RUSSIAN PHRASEOLOGICAL DICTIONARIES AND THE RESULTS OF ASSOCIATIVE EXPERIMENTS)

Svetlana K. Bashieva[1], **Elena B. Chernyshova**[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1] bfo-pdo@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6562-9879
[2] elena-chernishova@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0001-9426-8865

Abstract. The article discusses the results of a cognitive analysis of phraseological nominations and the associative field of the concept of "Death" as an important component of human existence. Russian Regional Associative Dictionary provides empirical material on phraseological units, the associative field "death", as well as reactions to the Russian stimulus word "death" by bilingual students of Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov (KBSU). The cognitive interpretation of Russian phraseological units with the meaning of "death" and evaluative associative units included in the associative field of "death" of monolinguals and bilinguals allowed us to identify cognitive features, the totality of which forms the evaluative component of the concept, combined by such a classification feature as "negative assessment". The article shows that the right-wing part of the "life-death" opposition is characterized by such an essential feature as inevitability. A comprehensive study of the linguistic units represented in phraseological and associative thesauri makes it possible to expand the description of the nominative field of the concept and gain a more complete understanding of its content and structure.

Keywords: concept, cognitive feature, assessment, phraseological unit, free associative experiment, monolinguals, bilinguals, evaluative associations.

For citation: Bashieva S.K., Chernyshova E.B. The evaluative component of the concept of "death" (based on the materials of Russian phraseological dictionaries and the results of associative experiments). IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 334-345. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-334-345. EDN: TAVVZA.

© Bashieva S.K., Chernyshova E.B., 2025

Введение

Термин концепт, как отмечали З.Д. Попова и И.А. Стернин, «можно считать для современной когнитивистики утвердившимся, содержание этого понятия очень существенно варьирует в концепциях разных научных школ и отдельных ученых» [Попова, Стернин 2007: 21]. Сложность его лингвистической интерпретации заключается в том, что данная категория выступает объектом исследования не только в лингвистике, но и в философии, психологии, культурологии. Под концептом мы, вслед за З.Д. Поповой и И.А. Стерниным, понимаем «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 24]. В структуре концепта выделяют образный компонент, в котором отражаются образные характеристики того или иного предмета концептуализации; информационное содержание, включающее существенные признаки концептуализируемой реалии; интерпретационное поле, содержащее оценочные, утилитарные, социо-

культурные, регулятивные и энциклопедические когнитивные признаки [Попова, Стернин 2007].

Для описания концепта, по мнению Н.В. Крючковой, необходимо «исследование репрезентаций концепта в лексико-семантических системах языков, дополненное по возможности анализом результатов ассоциативных экспериментов... Такой анализ позволяет увидеть, какое содержание вкладывают носители того или иного языка в те или иные понятия и выявить связи, существующие в концептуальной системе носителей языка (т.е. взаимодействие анализируемого концепта с другими концептами)» [Крючкова 2005: 23].

Совокупность концептов той или иной лингвокультурной общности составляет концептосферу народа. Концептосфера, по мнению ученых [Лук 1976; Попова, Стернин 2007; Прохоров 1996], имеет структурированный характер, т.е. концепты, ее составляющие, вступают в определенные системные отношения с другими концептами и входят либо в базовое стереотипное ядро знаний носителей языка, либо относятся к периферии. К ядерным в любой лингвокультуре относятся концепты, раскрывающие фундаментальные понятия бытия и актуальные для всей нации. Бинарные концепты «жизнь» и «смерть», несущие базовые смыслы человеческого бытия, исследователи относят к разряду универсальных, являющихся важным компонентом концептосферы любого этноса. Бинарная оппозиция «жизнь – смерть» отражает отношение человека к рождению и завершению своего пребывания на земле.

М.В. Пименова считает, что «концепт рассеян в языковых знаках, его объективирующих. Чтобы восстановить структуру концепта, надо исследовать весь языковой корпус, в котором репрезентирован концепт – (лексические единицы, фразеологию, паремиологический фонд), включая систему устойчивых сравнений, запечатлевших образы-эталоны, свойственные определенному языку» [Пименова 2004: 9]. Одним из ярких средств вербализации концепта «смерть» в русской языковой картине мира являются фразеологические единицы (далее ФЕ), в которых закреплены особенности восприятия ухода человека.

Цель исследования – выявление когнитивных признаков, репрезентирующих оценочный компонент концепта «смерть» в русских фразеологизмах и в ассоциативном поле «смерть», представленном в ассоциативно-вербальной сети монолингвов и билингвов.

Ее достижение предполагает решение комплекса **задач**: анализ дефиниций лексемы *смерть* в лексикографических источниках; выборка эмпирического материала из фразеологического и ассоциативного словарей; проведение свободного ассоциативного эксперимента со словом-стимулом «смерть»; выявление когнитивных признаков в ФЕ с семой ‘смерть’, а также когнитивных признаков в ассоциативном поле стимула «смерть», представленном в Русском региональном ассоциативном словаре, и в ассоциативном поле, построенном по материалам свободного ассоциативного эксперимента с испытуемыми-билингвами; полевое описание содержания оценочного компонента концепта «смерть» на фразеологическом и ассоциативном материале.

Методы исследования: метод когнитивной интерпретации, моделирование – полевое описание содержания концепта. «Под когнитивной интерпрета-

цией понимается мысленное обобщение на более высоком уровне абстракции результатов описания значений языковых единиц, номинирующих концепт, для выявления и словесного формулирования когнитивных признаков, репрезентируемых теми или иными значениями или семантическими компонентами этих языковых единиц, с целью итогового моделирования содержания концепта»[Попова, Стернин 2007: 141].

Материалом исследования послужили 141 фразеологизм с семой «смерть», извлеченный методом сплошной выборки из словарей [Фелицина, Мокиенко 1990; Федоров 2008], а также 545 реакций, составляющих ассоциативное поле стимула «смерть», из Русского регионального ассоциативного словаря [Черкасова, Уфимцева 2018], 246 реакций билингвов, полученных в ходе свободного ассоциативного эксперимента со студентами КБГУ. Поиск исследовательского материала осуществлялся по наличию слов *смерть*, *умереть* в компонентном составе и/или в толковании ФЕ.

Обсуждение

В современной отечественной науке наблюдается определенный интерес к константам русской лингвокультуры, к числу которых, как мы отметили выше, относятся бинарные концепты «жизнь» и «смерть», являющиеся неотъемлемыми компонентами системы бытия любого человека. С одной стороны, они отражают повседневную деятельность человека, а с другой – завершение этой деятельности. Понятие «смерть» исследовано как естественный, социокультурный, социально-онтологический феномен [Шиловская 2004; Шенкао 1999; Борисов 2019], социально-правовое явление [Лапшин 2005] и др. В лингвистике большинство работ посвящено изучению концепта «смерть» в таких аспектах, как 1) способы вербализации, 2) особенности реализации в художественных текстах и фольклоре и т.д.) [Дзюба 2001; Осипова 2005; Талицкая 2011; Логинова 2017; Садова, Солдаева 2017 и др.].

В словаре медицинских терминов понятие «смерть» отражает биологическое «прекращение жизнедеятельности организма» как неизбежная стадия его существования [Покровский 2005: 1146].Сходное определение дано в философском словаре: «необратимое прекращение жизнедеятельности организма, неизбежный естественный конец существования живого существа» [Философский словарь 1980: 434]. Согласно лингвистическим лексикографическим дефинициям, смерть – это «конец земной жизни, кончина, разлучение души с телом» [Даль 1981: 541], «прекращение жизнедеятельности организма» [Ожегов 2019: 1095]. В этнолингвистике смерть также рассматривается как «прекращение, конец, «отсутствие» жизни,... в народной антропологии «как переход из земного в «иной» мир, как начало загробного, вечного существования» [Толстая 2012: 58].

Исходя из приведенных толкований, смерть можно трактовать как «прекращение жизнедеятельности живого организма», ибо в большинстве определений ядерными компонентами являются слова *прекращение*, *конец*. При этом М. Фасмер связывает значение лексемы *смерть* со словами *благой, хороший* [Фасмер 1987: 686–687].

В результате анализа фразеологического материала нами выявлены следующие когнитивные признаки концепта «Смерть»:

1. Естественная (физиологическая) смерть: *вытянуть ног; протянуть ноги; дать дуба; выпустить дух; вверх копытами; велел долго жить; весь вышел (вся вышла);дух вон; загреметь в тартарары; задрать лытки кверху; закрыть глаза; заснуть последним сном; испустить дух; исчезать с лица земли, исчезнуть с лица земли; кануть в лету; кончать жизнь, кончить жизнь; лапки кверху; лечь в землю, лететь вверх тормашками. полететь вверх тормашками; ложиться в землю; ложиться в гроб, лечь в гроб; могильный сон; найти конец; найти себе могилу; окончить дни свои; оставить мир; низринуться в прах; отбросить коньки; отдавать богу душу, отдать богу душу; отдавать концы, отдать концы; отдать дух; откинуть копыта (копытца); отходить от жизни, отойти от жизни; пасть во прах; повергаться в прах, повергнуться в прах; переселиться в вечность; пойти в гроб; пойти ко дну; покидать мир, покинуть мир; почить вечным сном; распроститься с жизнью; расставаться с жизнью, расстаться с жизнью; расставаться с душой, расстаться с душой; с копыльев (копытков) долой; свой час; скончать жизнь; сложить свои кости; смежить очи; смертный час; сыграть в ящик; тут и конец пришёл* кому; *уходить из жизни, уйти из жизни*.

2. Скоропостижная, внезапная смерть: *только и жил; пар вон; канул будто в омут* «умирать, не сказав, не сообщив что-либо важное, не успев осуществить что-либо».

3. Близкая смерть: *видеть смерть в глаза; жизнь на волоске; висеть на волоске, повиснуть на волоске; висеть на нитке; гоняться за смертью; глядеть в гроб; дни сочтены; колоколец в горле заиграл; кончать дни/ кончить <свои> дни; кровь хладеет в жилах; до гробовой доски; до конца дней; затворить глаза* чьи*; между жизнью и смертью; нелёгкая не приберёт* кого*; обирать себя; последняя воля* кого; *прощаться с жизнью; стоять одной ногой во гробе (в гробу); сходя в гроб; у могилы; хоть в гроб.*

4. Преднамеренная смерть: *покончить счёты с жизнью; покончить самоубийством; накладывать на себя руки, наложить на себя руки; положить на себя руки; пустить пулю в лоб; положить на себя руки; пускать пулю в лоб; порешить с собой; решить жизни* кого; *рыть могилу* кому, чему; *сводить счёты с жизнью, свести счёты с жизнью; совершать грех над собой, совершить грех над собой* «лишить себя жизни», «убить себя»; *выходить в тираж. выйти в тираж.* «умирать; кончать жизнь самоубийством».

5. Насильственная смерть: *отправить на тот свет; вынуть душу* из кого; *падать жертвой* чего, «погибать в результате чего-либо».

6. Напрасная смерть: *ни за копеечку* «совершенно зря, напрасно, ни за что (погибнуть, пропасть и т.п.)», *заплатить головой* «погибнуть из-за чего-либо»; *пить мёртвую чашу; сломать голову.*

7. Достойная смерть: *биться насмерть; держаться насмерть; до последнего вздоха; лечь головой*; *пасть смертью храбрых* «погибнуть в бою, сражении».

8. Мученическая смерть: *бороться со смертью; принять мученический венец* «пострадать, умереть в тяжёлых мучениях».

9. Жертвенная смерть: *класть душу и живот*; *заживо ложиться в могилу, заживо лечь в могилу; класть жизнь; лить кровь* за кого, за что; *отдавать жизнь* за кого, за что, *отдать жизнь* за кого, за что; *положить живот; положить жизнь* «погибать за какое-либо дело». .

10. Предопределенность смерти: *господь позовёт; господь пошлёт (послал) по душу; карачун пришёл; бог прибрал; пора костям на место; ударил час; двери гроба отворились*.

11. Переход в другой мир: *отойти в вечность; отправляться к праотцам; расстаться со здешним светом*; у*ходить в лучший мир, уйти в лучший мир, переселиться в вечность.*

12. Продолжение жизни после смерти, то есть бессмертие человека: *вечная память; спит вечным сном.*

Когнитивная интерпретация ФЕ позволила выявить 12 когнитивных признаков концепта «смерть», из них с оценочным компонентом – 8. Это 66,7 % от общего количества когнитивных признаков исследуемого концепта.

Оценочный компонент концепта «смерть» содержит амбивалентную оценку (в основном негативную) и определяют уход человека из жизни следующими характеристиками: близкая смерть – 31,4 % от общего количества ФЕ, входящих в оценочный компонент концепта; преднамеренная смерть – 18,6 %; достойная смерть – 12,9 %; жертвенная смерть – 11,4 %; насильственная смерть – 8,6 %; скоропостижная смерть – 7,1 %; напрасная смерть – 5,7 %; мученическая смерть – 4,3 %. Негативная оценка составляет 75,7 % от общего количества ФЕ в оценочном компоненте концепта, положительная оценка – 24,3 %.

Ядерным когнитивным признаком в оценочном компоненте концепта по материалам фразеологических словарей является признак *близкая смерть* (31,4 %). Ближняя периферия образована признаками – *преднамеренная, достойная, жертвенная.* Общий ее удельный вес – 42,9 %. На дальней периферии находятся когнитивные признаки – *насильственная, скоропостижная* (удельный вес – 15,7 %). Крайняя периферия оценочного компонента представлена признаками *напрасная, мученическая* (удельный вес – 10,0 %).

При изучении оценочной репрезентации концепта «Смерть» мы исследовали не только ее представленность во фразеологической системе русского языка, но и степень ее актуальности в языковом сознании монолингвов и билингвов. Для выявления оценочных когнитивных признаков концепта «Смерть» в языковом сознании монолингвов мы обратились к соответствующей ассоциативной статье в Русском региональном ассоциативном словаре [Черкасова, Уфимцева 2018: 421-422]. Материалом этого словаря являются результаты опроса носителей русского языка на европейской части России. Для выделения оценочных когнитивных признаков нами использовался метод когнитивной интерпретации результатов ассоциативных экспериментов, предложенный З.Д. Поповой и И.А. Стерниным. «Ассоциаты интерпретируются как языковые репрезентации определенных когнитивных признаков, образующих содержание концепта. Ассоциаты, близкие по своему семантическому содержанию, обоб-

щаются в интегральный когнитивный признак, который формулируется словесно. Для наименования формулируемого когнитивного признака выбирается обычно наименование наиболее частотной реакции или наиболее нейтральное в стилистическом отношении слово» [Попова, Стернин 2007: 143-144].

В составе ассоциативного поля (далее АП) заголовочного слова *смерть* 545 реакций, которые дали испытуемые в ходе свободного ассоциативного эксперимента (далее САЭ), из них 197 разных и 134 единичных ассоциаций.

Оценочные реакции в ассоциативном поле «смерть»: *неизбежна 10; ужас 9; страшная 6; плохо, ужасна 5; ад, страшно 3; зло, мучительная, нелепая, неожиданная 2; боюсь, глупая, грустно, жаль, жуткая, не боюсь, не нужна, нежданная, неминуема, отстой, очень страшное кино, странная, страшна, тупая, тяжелая, ужасная, хорошо 1.* Всего 66 (12,1 %).

В результате когнитивной интерпретации оценочные реакции АП «смерть» были сгруппированы по следующим когнитивным признакам: страшная 33; неизбежная 11; плохо 6; глупая 5; неожиданная 3; зло 2; вечная 2; вызывает грусть 2; нестрашная 1; хорошо 1; тяжелая 1; ненужная 1. Цифра после каждого наименования признака обозначает количество ассоциаций, интерпретируемых как «объективация обобщенного когнитивного признака» [Попова, Стернин 2007: 144]. Полученные когнитивные признаки мы ранжировали по их яркости. Яркость когнитивного признака в составе АП – это процент респондентов, актуализовавших в ходе САЭ соответствующий признак. Ядерным оценочным когнитивным признаком в структуре АП «смерть» является признак *страшная* – 49 %, заметная яркость у признака *неизбежная* – 16 %, который мы отнесли к ближней периферии когнитивной структуры АП «смерть». Дальняя периферия содержит признаки *плохо* 9 %, *глупая* 7 %, *неожиданная* 4 %, *зло*, *вечная*, *вызывает грусть* 3 %. В состав крайней периферии входят когнитивные признаки, представленные единичными реакциями испытуемых – *нестрашная*, *хорошая*, *тяжелая*, *ненужная* 1 %.

Для выявления универсальных оценочных когнитивных признаков концепта «смерть» нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент со студентами Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова. Всего в эксперименте приняли участие 256 испытуемых, из них 132 девушки и 124 юноши. Все испытуемые – естественные билингвы.

Условия эксперимента: слово-стимул «смерть» предлагалось на русском языке, экспериментатором не обговаривался язык, который должны были использовать испытуемые во время эксперимента. Как показал анализ ассоциаций, все студенты фиксировали свои реакции на русском языке.

В состав ассоциативного поля «смерть» по материалам данного эксперимента входит 246 реакций, из них 125 разных и 99 единичных ассоциаций, отказов 10.

Оценочные реакции в ассоциативном поле «смерть» по результатам свободного ассоциативного эксперимента с обучающимися в КБГУ: *страх 17; неизбежна 6; неизбежность; неизвестность; не страшна; что-то плохое 2; достойная; мрачная; мучительный; не избежать; неизбежное; неожиданно; неопределенность; печаль; радость; справедливая; страх перед неизвестно-*

стью; страшное; тоска; ужас 1. Всего 45 (18,3 %). Когнитивная интерпретация оценочных ассоциаций АП «смерть» позволила выявить следующие когнитивные признаки: страшная 24; неизбежная 10; вызывает грусть 4; плохое 2; нестрашная 2; неожиданная 1; тяжелая 1; вызывает интерес 1; мрачная 1; достойная 1; справедливая 1; вызывает радость. Цифра после наименования когнитивного признака обозначает общее количество его объективаций.

Ранжирование когнитивных признаков по их яркости позволило выявить ядерный оценочный признак в структуре АП «смерть» билингвов – *страшная* – 53 %, так же, как и у монолингвов, заметная яркость у признака *неизбежная* – 22 %. Этот признак входит в ближнюю периферию когнитивной структуры АП «смерть». Дальняя периферия состоит из признаков *вызывает грусть* 9 %; *плохое, нестрашная* 4 %. Крайняя периферия объединяет такие когнитивные признаки, как *вызывает интерес, вызывает радость, достойная, мрачная, неожиданная, справедливая, тяжелая* 2 %.

Сравнение содержания оценочного компонента концепта «смерть», выявленного по материалам Русского регионального ассоциативного словаря и САЭ, проведенного в КБГУ, показало явное сходство не только представленности когнитивных признаков, но и их доли в структуре оценочного компонента. Вместе с тем, наблюдается отличие в содержании оценочного компонента концепта «смерть» в АВС монолингвов и билингвов: 1) у монолингвов в содержание оценочного компонента входят такие признаки, как *глупая, зло, вечная, ненужная, хорошо*; 2) у билингвов отличительными признаками являются такие, как *вызывает интерес, вызывает радость, достойная, мрачная, справедливая.*

Когнитивный анализ фразеологизмов, направленный на выявление оценочного компонента концепта «смерть», показал, что его содержание представлено 8 признаками. Когнитивная интерпретация оценочных реакций АП «смерть» монолингвов позволила выделить 13 когнитивных признаков, в АП билингвов – 12 когнитивных признаков. При этом общая доля оценочных когнитивных признаков во фразеологическом поле составляет 49,7 % от всего массива анализируемых ФЕ. Доля оценочных признаков в ассоциативном поле монолингвов – 12,1 %, в ассоциативном поле билингвов – 18,3 %. Совпадающими когнитивными признаками во фразеологическом и ассоциативном полях монолингвов и билингвов являются оценочные признаки *неизбежная, неожиданная (скоропостижная).* Совпадающие когнитивные признаки во фразеологическом и ассоциативном словарях – *неизбежная, неожиданная (скоропостижная) и ненужная (напрасная)*. Совпадающие когнитивные признаки у монолингвов и билингвов – *страшная, неизбежная; вызывает грусть; плохо/плохое; нестрашная; неожиданная; тяжелая*.

Выводы

Универсальная концептуальная диада «жизнь – смерть», входящая в аксиосферу каждого этноса, обладает чертами, маркированными национально-культурной спецификой. Русское сознание, придавая ценность только левому члену этой оппозиции [Башиева и др. 2024], определяет уход человека из жизни следующими характеристиками:

– негативная оценка (оценочные когнитивные признаки: *близкая, преднамеренная, насильственная, скоропостижная, жертвенная, напрасная, мученическая; страшная, неизбежная, глупая*);

– позитивная оценка (оценочный когнитивный признак: *достойная смерть*).

Смерть в ФЕ вербализована именами существительными *ад, рай, гроб, ящик, дух, душа, сон, час, могила, господь*, *кровь*, *прах*, именами прилагательными *вечный, смертный,* глаголами *исчезать, исчезнуть* (исчезать с лица земли, исчезнуть с лица земли), *класть, положить* (класть душу и живот, класть жизнь, положить жизнь, положить живот), *найти* (найти конец, найти себе могилу), *отдавать, отдать* (отдавать концы, отдать концы), *хладеть* (кровь хладеет в жилах), *пасть* (пасть во прах), *пойти* (пойти ко дну, пойти в гроб), *поплатиться* (поплатиться головой), *лететь, полететь* (лететь вверх тормашками, полететь вверх тормашками; лететь к чертям, полететь к чертям), *ложиться* (ложиться в гроб), *кануть* (кануть в лету), *загреметь* (загреметь в тартарары), *воспарить* (воспарить в горния), *сломать* (сломать голову) и др., которые имеют широкий смысловой объем (*кончина, гибель, уход, переход, преставление, прекращение, конец*), репрезентирующие конец, завершение жизни.

Самыми частотными ассоциатами у монолингвов, интерпретируемыми в нашем исследовании как языковая репрезентация оценочных когнитивных признаков концепта «смерть», являются *неизбежная; ужас; страшная.* В АВС билингвов наибольший вес имеют ассоциации *страх, неизбежна*.

Наиболее яркий когнитивный признак в полевой модели оценочного компонента концепта «смерть» – *неизбежная смерть/предопределённость смерти* репрезентирует власть силы сверху, то есть отражает религиозные представления русского этноса: смерть человека – переход в загробную жизнь по воле Бога. Человек осознает свою смертность, поэтому проблема конечности жизни актуализирована как социальная, этическая проблема.

Несмотря на универсальный характер, в национальных культурах мира смерть осмысливается по-разному, например, в русской лингвокультуре она соотносится с такими религиозными понятиями, как *душа, загробная жизнь, судный день, рай, ад* и др. Смерть квалифицируется как переход из живого мира в загробный мир, поэтому во ФЕ *отправляться к праотцам; расставаться со здешним светом*; *река забвения;* у*ходить в лучший мир* актуализированы такие понятия, как «переселение души», «культ умерших», что в какой-то степени способствует принятию смерти как неизбежности.

Анализ ассоциативных реакций опрошенных студентов-билингвов показал, что родной и русский языки сохраняют относительную независимость в их языковом сознании, так как при предъявлении слов-стимулов на русском языке, испытуемые реагировали словами русского языка, поэтому самые частотные синтаксические модели со словом-стимулом «смерть» у монолингвов и билингвов схожи.

Менее частотные реакции на стимул «смерть» у монолингвов и билингвов отличаются, так как наличие двух и более лингвокодов в языковом сознании индивида усложняет структуру его ассоциативно-вербальной сети, что влечет

за собой появление отличающихся от реакций монолингвов ассоциаций на слово-стимул.

Эвристические возможности комплексной методики, включающей психолингвистический метод (свободный ассоциативный эксперимент) и метод семантико-когнитивной интерпретации фразеологических единиц для описания концепта как единицы мышления, довольно высоки, поскольку позволяют выявить наибольшее количество когнитивных признаков концепта, что в свою очередь дает возможность построить более полную его модель.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Башиева и др. 2024 – *Башиева С.К., Дохова З.Р., Чернышова Е.Б.* Репрезентация ценностных ориентиров русского этноса во фразеологических единицах с семой 'жизнь' // Научная мысль Кавказа. – 2024. – № 3. – С. 79-86.

Даль 1981 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – Т. 1-4. – М.: Русский язык, 1981–1982. – Т. 4. Р–М. – 683 с.

Дзюба 2001 – *Дзюба Е.В.* Концепты жизнь исмерть в поэзии М. Цветаевой: автореф. дисс. ... к.ф.н. – Екатеринбург, 2001. – 26 с.

Крючкова 2005 – *Крючкова Н.В.* Лингвокультурное варьирование концептов. – Саратов: Научная книга, 2005. – 164 с.

Логинова 2017 – *Логинова М.М.* Концептуализация лингвокультурных понятий «жизнь» и «смерть» в русской языковой картине мира: когнитивные, лексико-семантические характеристики и гендерная специфика: автореф. дисс. ... к.ф.н. – Краснодар, 2017. – 26 с.

Лук 1976 – *Лук А.Н.* Мышление и творчество. – М.: Политиздат, 1976. – 144 с.

Ожегов 2019 – *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. 28 е изд., перераб. – Москва: Мир и Образование, 2019. — 1376 с.

Осипова 2005 – *Осипова А.А.* Концепт «Смерть» в русской языковой картине мира и его вербализация в творчестве В.П. Астафьева 1980–1990-х гг.: автореф. дисс. ... к.ф.н. – Волгоград, 2005. – 26 с.

Пименова 2004 – *Пименова М.В.* Предисловие. / Введение в когнитивную лингвистику. Под ред. М.В. Пименовой. Вып.4. – Кемерово: Графика, 2004. – 207 с.

Покровский 2005 – *Покровский В.И.* Энциклопедический словарь медицинских терминов. – М.: Издательство: «Медицина», 2005. – 1591 с.

Попова, Стернин 2007 – *Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: «Восток-Запад», 2007. – 314 с.

Прохоров 1996 – *Прохоров Ю.Е.* Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: Педагогика-пресс, 1996. – 215 с.

Садова, Солдаева 2017 – *Садова Т.С., Солдаева А.А.* Смерть в русских загадках и снотаданиях: языковые и культурные коды // Ученые записки Петрозаводского гос. ун-та. – 2017. – № 7 (168). – С. 78-81.

Талицкая 2011 – *Талицкая А.А.* Концепты «жизнь» и «смерть»в лирике Н.А. Заболоцкого: автореф. дисс. ... к.ф.н. – Ярославль, 2011. – 23 с.

Толстая 2012 – *Толстая С.М.* Смерть // Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 2012. – Т. 5. – С. 58–71.

Фасмер 1987 – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: [в 4 т.]: пер. с нем. / Макс Фасмер; перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. – Изд. 2-е, стер. Т. 3. – М.: Прогресс, 1987. – 832 с.

Федоров 2008 – *Федоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

Фелицина, Мокиенко 1990 – *Фелицина В.П., Мокиенко В.М.* Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь. –М.: Русский язык, 1990. – 220 с.

Философский словарь 1980 – *Философский словарь* / Под ред. И.Т. Фролова. 5-е изд. – М.: Политиздат, 1980. – 590 с.

Черкасова, Уфимцева 2018 – *Черкасова Г.П., Уфимцева Н.В.* Русский региональный ассоциативный словарь-тезаурус (Европейская часть России). В 2-хт. – Т. 1. – М.: Московская международная академия, 2018. – 543 с.

REFERENCES

BASHIEVA S.K., DOKHOVA Z.R., CHERNYSHOVA E.B. *Reprezentatsiya tsennostnykh orientirov russkogo etnosa vo frazeologicheskikh edinitsakh s semoi 'zhizn'* [Representation of the value orientations of the Russian ethnic group in phraseological units with the seme 'life']. IN: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2024. – № 3. – P. 79-86. (In Russ.).

DAL' V.I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language]. T. 1-4. – Moscow: Russkii yazyk, 1981–1982. – T. 4. R–M. 192. – 683 p. (In Russ.).

DZYUBA E.V. *Kontsepty zhizn' i smert' v poezii M. Tsvetaevoi*: avtoref. diss. ... k.f.n. [Concepts of life and death in M. Tsvetaeva's poetry]. – Ekaterinburg, 2001. – 26 p. (In Russ.).

KRYUCHKOVA N.V. *Lingvokul'turnoe var'irovanie kontseptov*[Linguistic and cultural variation of concepts]. – Saratov: Nauchnaya kniga, 2005. – 164 p. (In Russ.).

LOGINOVA M.M. *Kontseptualizatsiya lingvokul'turnykh ponyatii «zhizn'» i «smert'» v russkoi yazykovoi kartine mira: kognitivnye, leksiko-semanticheskie kharakteristiki i gendernaya spetsifika*: avtoref. diss. ... k.f.n. [Conceptualization of the linguistic and cultural concepts of "life" and "death" in the Russian linguistic worldview: cognitive, lexico-semantic characteristics and gender specificity]. – Krasnodar, 2017. – 26 p. (In Russ.).

LUK A.N. *Myshlenie i tvorchestvo* [Thinking and creativity]. – Moscow: Politizdat, 1976. – 144 p. (In Russ.).

OZHEGOV S.I. *Tolkovyj slovar' russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. 28 e izd., pererab. – Moskow: Mir i Obrazovanie, 2019. – *1376* p. (In Russ.).

OSIPOVA A.A. *Kontsept «Smert'» v russkoi yazykovoi kartine mira i ego verbalizatsiya v tvorchestve V.P. Astaf'eva 1980–1990-kh gg.*: avtoref. diss. ... k.f.n. [The concept of "Death" in the Russian linguistic worldview and its verbalization in the works of V.P. Astafiev in the 1980s and 1990s.]. – Volgograd, 2005. – 26 p. (In Russ.).

PIMENOVA M.V. *Predislovie. / Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku*. Pod red. M.V. Pimenovoi. Vyp. 4 [The preface. / Introduction to Cognitive Linguistics]. – Kemerovo: Grafika, 2004. – 207 p. (In Russ.).

POKROVSKII V.I. *Entsiklopedicheskii slovar' meditsinskikh terminov* [Encyclopedic Dictionary of Medical Terms]. – Moscow: Izdatel'stvo: «Meditsina», 2005. – 1591 p. (In Russ.).

POPOVA Z.D., STERNIN I.A. *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive Linguistics]. – Moscow: AST: «Vostok-Zapad», 2007. – 314 p. (In Russ.).

PROKHOROV YU.E. *Natsional'nye sotsiokul'turnye stereotipy rechevogo obshcheniya i rol' v obuchenii russkomu yazyku inostrantsev* [National socio-cultural stereotypes of speech communication and the role of foreigners in teaching Russian]. – Moscow: Pedagogika-press, 1996. – 215 p. (In Russ.).

SADOVA T.S., SOLDAEVA A.A. *Smert' v russkikh zagadkakh i snogadaniyakh: yazykovye i kul'turnye kody* [Death in Russian Riddles and Riddles: Linguistic and cultural codes]. IN: Uchenye zapiski Petrozavodskogo gos. un-ta. – 2017. – № 7 (168). – P. 78-81. (In Russ.).

TALITSKAYA A.A. *Kontsepty «zhizn'» i «smert'» v lirike N.A. Zabolotskogo*: avtoref. diss. ... k.f.n. [The concepts of "life" and "death" in N.A. Zabolotsky's lyrics]. – Yaroslavl', 2011. – 23 p. (In Russ.).

TOLSTAYA S.M. *Smert' // Slavyanskie drevnosti. Etnolingvisticheskii slovar'* / Pod obshch. red. N.I. Tolstogo [Death // Slavic antiquities. Ethnolinguistic dictionary]. – Moscow: Mezhdunar. otnosheniya, 2012. T. 5. – P. 58–71. (In Russ.).

FASMER M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka*: [v 4 t.]: per. s nem. / Maks Fasmer; perevod s nemetskogo i dopolneniya O. N. Trubacheva. – Izd. 2-e, ster. T.3 [Etymological dictionary of the Russian language]. – Moscow: Progress, 1987. – 832 p. (In Russ.).

FEDOROV A.I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo yazyka*. 3-e izd., ispr. [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. – Moscow: Astrel': ACT, 2008. – 878 p. (In Russ.).

FELITSINA V.P., MOKIENKO V.M. *Russkie frazeologizmy: Lingvostranovedcheskii slovar'* [Russian phraseological units: A linguistic dictionary of foreign studies]. – Moscow: Russkii yazyk, 1990. – 220 p. (In Russ.).

Filosofskii slovar' / Pod red. I.T. Frolova. 5-e izd. [Philosophical Dictionary]. – Moscow: Politizdat, 1980. – 590 p. (In Russ.).

CHERKASOVA G.P., UFIMTSEVA N.V. *Russkii regional'nyi assotsiativnyi slovar'-tezaurus (Evropeiskaya chast' Rossii)*. V 2-kh t. T. 1. [Russian regional associative dictionary-thesaurus (European part of Russia)]. – Moscow: Moskovskaya mezhdunarodnaya akademiya, 2018. – 543 p.

Сведения об авторах:

С.К. Башиева – доктор филологических наук, профессор.

Е.Б. Чернышова – доктор филологических наук.

Information about the authors

S.K. Bashieva – doctor of sciences (Philology), professor.

E.B. Chernyshova – doctor of sciences (Philology).

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.02.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 01.02.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 81`34:81`42:811.111
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-346-356
EDN: THVFZA

О НЕКОТОРЫХ СПОСОБАХ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ НА ПРИМЕРЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО, РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Рита Биляловна Кенетова[1], **Альберд Тахирович Бозиев**[2], **Загират Талибовна Хашхожева**[3]

[1,2,3] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия

[2] Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук, Нальчик, Россия

[1] ritakenetova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9791-1841

[2] alberdboziev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2383-5268

[3] zagirat_inkaz@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-2022-3589

Аннотация: В настоящей статье авторами рассматривается категория определенности/неопределенности в разноструктурных языках на примере кабардино-черкесского, русского и английского языков, а также освещаются причины, по которым отсутствие артиклей в русском и кабардино-черкесском языках вызывают сложности у носителей этих языков при изучении английского. Артикли в английском несут существенную нагрузку: они помогают уточнить смысл существительных, указывая на их количество, специфику или универсальность. Проведенное исследование позволяет заключить, что категория определенности/неопределенности представлено в трех исследуемых языках, однако способы выражения данной категории отличаются. В кабардино-черкесском языке она выражается морфологически с помощью формант, в английском языке посредством служебной части речи, а в русском языке лексическими средствами выражения.

Ключевые слова: артикли, английский, русский, кабардино-черкесский, средства выражения, грамматика, части речи

Для цитирования: Кенетова Р.Б., Бозиев А.Т., Хашхожева З.Т. О некоторых способах выражения категории определенности и неопределенности в разноструктурных языках на примере кабардино-черкесского, русского и английского языков // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 346-356. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-346-356. EDN: THVFZA.

© Кенетова Р.Б., Бозиев А.Т., Хашхожева З.Т., 2025

THE EXPRESSION OF CERTAINTY AND UNCERTAINTY WITH COMPLEX STRUCTURES BASED ON THE KABARDIAN-CIRCASSIAN, RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Rita B. Kenetova[1], **Alberd T. Boziev**[2], **Zagirat T. Khashozheva**[3]

[1,2,3] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia

[2] Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Nalchik, Russia

[1] ritakenetova@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-9791-1841

[2] alberdboziev@mail.ru, https://orcid.org/0000-0002-2383-5268

[3] zagirat_inkaz@mail.ru,https://orcid.org/0000-0003-2022-3589

Abstract. In this article, the authors consider the category of certainty/uncertainty in differently structured languages using the example of Kabardino-Circassian, Russian and English, and also highlight the reasons why the absence of articles in Russian and Kabardino-Circassian languages causes difficulties for native speakers of these languages when learning English. Articles in English carry a significant burden: they help clarify the meaning of nouns, indicating their number, specificity or universality. The conducted research allows us to conclude that the category of certainty/uncertainty is represented in the three languages studied, however, the ways of expressing this category differ. In Kabardino-Circassian, it is expressed morphologically by means of formants, in English by means of the official part of speech, and in Russian by lexical means of expression.

Keywords: articles, English, Russian, Kabardian-Circassian, grammar, means of expression, part of speech.

For citation: Kenetova R.B., Boziev A.T., Khashozheva Z.T. The expression of certainty and uncertainty with complex structures based on the Kabardian-Circassian, Russian and English languages. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 346-356. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-346-356. EDN: THVFZA.

© Kenetova R.B., Boziev A.T., Khashozheva Z.T., 2025

Целью статьи является анализ выражения категории определенности/неопределенности в разноструктурных языках. Для достижения данной цели решались следующие **задачи**:

– провести сравнительно-сопоставительное исследование категории определѐнности / неопределѐнности в английском, русском и кабардино-черкесском языках.

– сравнить и выявить различия и соответствия данной категории.

Предметом исследования послужили научные и художественные тексты. В качестве **объекта** исследования выступили примеры из данных текстов.

Материал и методика исследования. В качестве исходного материала были взяты примеры из романа Булгакова М.А. «Мастер и Маргарита» методом сплошной выборки для достижения наглядности и репрезентативности исследуемого материала.

Инструментарий выражения определѐнности/неопределѐнности в исследуемых языках различен, но ситуативность употребления идентична.

В лингвистической литературе прочно утвердилась точка зрения, согласно которой имена существительные в кабардино-черкесском языке обладают грамматической категорией определенности/неопределенности.

Категория определенности/неопределенности выражает отношение говорящего и слушающего к предмету речи: говорящий называет известный слушающему предмет в определенной форме, неизвестный слушающему предмет – в неопределенной форме.

В кабардино-черкесском языке морфологические категории определенности/неопределенности и падежа взаимосвязаны и взаимообусловлены.

В адыгских языках в зависимости от оформления падежными формантами имен целесообразно различать, с одной стороны, определенное склонение имен, с другой – неопределенное склонение. Такое деление основано на том, что показатели основных падежей определенного склонения и категории определенности одни и те же, а при неопределенном склонении основные падежи (именительный и эргативный) не имеют своего морфологического показателя [Таов 2014: 6].

В работах по грамматике кабардино-черкесского языка встречается положение о том, что морфемы *-р, -м* одновременно выражают функцию определенности и функцию падежа. «Определенное склонение соответствует склонению имен существительных с определенным артиклем в западноевропейских языках. Следует заметить, что суффиксы *-р, -м* в этом склонении имеют, таким образом, значение одновременно и падежных и определительных окончаний, а не только определительное значение…» [Яковлев 1948: 113].

То же самое находим в «Грамматике адыгейского литературного языка» Н.Ф. Яковлева и Д.А. Ашхамафа: «Определенная форма имеет оформление специальными суффиксами падежей –м, -р» [Яковлев, Ашхамаф 1941: 382].

Не соглашаясь с Н.Ф. Яковлевым, противоположную точку зрения, согласно которой формативы *-р, -м* могут быть употреблены в одних случаях в чисто определительной функции, а в других – как падежные окончания, высказывает М.А. Кумахов: «В предложении *ЩIалэ**-р** тхылъы**-м** йоджэ* «Юноша (известный) книгу (известную) читает» формантам *-р -м* обычно приписываются функция падежа и функция определенности. Между тем, противопоставление этого предложения предложению «*ЩIалэ тхылъ йоджэ»* «Юноша (неизвестный) книгу (неизвестную) читает» показывает, что форманты -р, -м в данном случае являются только показателями определенности. То, что эти форманты свободно чередуются с нулем *(щIалэ-р – щIалэ, тхылъы-м – тхылъ),* свидетельствует о том, что они не выражают синтаксических отношений между словами в предложении» [Кумахов 1971: 37].

Определенность выражается маркерами **-р, -м,** служащими также и падежными показателями. Падежный аффикс -р в позиции субъекта и объекта одновременно выражает определенность: «***Пщащэ-р*** *мадэ»* «Девушка (им. опр.) шьет». «*Пщащэм* ***джанэ-р*** *ед»* «Девушка рубашку (им. опр.) шьет». Падежный аффикс эргатива функцию определенности одновременно выполняют в позиции косвенного эргатива: «*ЩIалэр* ***тхылъы-м*** *йоджэ»* «Парень читает книгу (эрг. опр.)». Неопределенность маркирована нулем: «***Пщащэ*** *мадэ»* «Девушка (им. неопр.) шьет»; «*Пщащэм* ***джанэ*** *ед»* «Девушка рубашку (им. неопр.) шьет»; *«**ЩIалэ тхылъ** йоджэ»* «Парень (им. неопр.) читает книгу (эрг. неопр.)». Таким образом, немаркированный аффиксом **–р** имя в именительном

падеже в роли субъекта и объекта, а также немаркированный аффиксом **–м** имя в эргативном падеже в роли косвенного объекта имеют нулевую форму падежа и определенности.

Определенная форма, выражаемая с помощью морфем *-р, -м,* характеризуется тем, что предмет, обозначаемый именем существительным, выступает как известный, конкретный предмет и выделяется из класса однородных с ним предметов.

В кабардино-черкесском языке оппозиция определенности/неопределенности не распространяется на собственные имена, существительные, обозначающие предметы, явления единственные в своем роде (слова типа *дыгъэ* ‘солнце’, *мазэ* ‘луна’ и др.), отвлеченные понятия (слова типа *узыншагъэ* ‘здоровье’, *зэшыгъуэ* ‘скука’ и др.). Собственные имена, будучи определенными по своей семантике, не нуждаются в маркере определенности: «***Налшык*** *щопсэу»* «Живет в Нальчике»; «***Инал*** *йоджэ»* «Инал учится».

Следует отметить, что аффиксы **–р, –м**, хотя и могут сочетаться с собственными именами и словами отвлеченного понятия, не выполняют определительную функцию. «***Дыгъэ-р*** *къыщIэкIащ»* «Солнце взошло»; «***Мазэ-р*** *изщ»* «Луна полна»; «***Лацэ-р*** *къыщIохьэ»* «Ляца заходит». В этих примерах форманты **–р, –м** использованы на уровне вариантов нулевого маркера. В этом вопросе иного мнения придерживается известный адыговед А.К. Шагиров: «Случаи использования оформленных собственных имен довольно разнообразны, но каждый раз аффиксы **–р, -м** не теряют своего определительного значения» [Шагиров 2004: 66].

Собственные имена в определенной форме также могут употребляться в художественных текстах и для создания стилистического эффекта: «Дахэ *бжьо плъыфэу* ***Мадинэ-р*** *дуней IэфIыгъуэм ныпоплъэ».* «Подобная лани красавица Мадина ждет своего счастья земного»; «*Щэхуу* ***Дадусэ-р*** *ныщIокIыр, гъунэгъум макIуэри* ***Лалинэ-р Мадинэ-м*** *къыхуешэ»* «Тайно выходит Дадуса, идет к соседям и приводит Лалину к милой Мадине» [Шогенцуков 2006: 323].

Неопределенность в кабардино-черкесском языке выражается нулевой формой (унэ «дом» тхылъ «книга»), а также при помощи препозитивного числительного ***зы,*** постпозитивного местоимения ***гуэр*** или этим же местоимением в комбинации с числительным ***зы*** «один». «***Зы*** *щIалэ къызбгъэдыхьащ»* «Какой-то парень ко мне подошел»; «*ЛIы* ***гуэр*** *пщIантIэм къыдыхьащ»* «Какой-то мужчина зашел во двор»; «***Зы*** *сабий гуэр магъ»* «Какой-то ребенок плачет». В приведенных примерах числительное ***зы*** ‘один’ утрачивает свое лексическое значение, трансформируясь в неопределенный артикль.

К неопределенному местоимению ***гуэр*** могут присоединиться показатели определенности **-р, -м,** не утрачивая свою артиклевую функцию, как в предыдущих примерах: «*Фыз* ***гуэры-р*** *къыщIохьэ»* – а) «Какая-то женщина заходит», б) «Та же женщина заходит». В представленном предложении значения (а) и (б) различаются в зависимости от контекста. Значение (а) выражает неопределенность субъекта, несмотря на наличие суффикса определенности **–р.** Значение (б) выражает определенность уже известного субъекта, хотя и здесь присутствует неопределенное местоимение, маркированное суффиксом определенности.

Исторически в адыгских языках субъектно-объектные отношения неоформленных имен при предикате выражалось строгой аранжировкой членов предложения. Синтаксический способ передачи субъектно-объектных отношений, имеющий грамматическое значение, сохранился, прежде всего, в языке адыгских пословиц и поговорок, где члены предложения представлены в неопределенной форме: адыг.: «*Адыгэ хакIэ пытапIэ ис»* «Адыгский гость [словно] в крепости сидит»; «*Былым нахьи акъыл».* «Разум превыше богатства»; каб.: «*Мыщэ дыгъужь фIэбэлацэщ»* «Медведю волк кажется слишком лохматым»; «*Жэм лъакъуэ шкIэ иукIыркъым»* «Коровья нога не убивает теленка» [Кабардинские пословицы… 1994: 80, 153].

В кабардино-черкесском языке различаются именительный, эргативный, послеложный и обстоятельственный падежи. В целом категория падежа с категорией определенности/неопределенности во многом переплетаются, хотя их грамматический статус далеко не идентичен. Суффиксы определенности **-р, -м** являются также показателями именительного и эргативного падежей.

В кабардино-черкесском языке именительный падеж представлен не в виде чистой основы, а маркируется формантом –р в определенном склонении, в неопределенном – нулем.

В синхронном плане аффикс –р имеет бинарный характер. В плане же диахроническом именительный падеж первоначально имел немаркированное выражение, используя чистую основу имени, а аффикс –р выполнил лишь функцию определителя имен. В процессе исторического развития адыгских языков –р стал функционировать и в роли показателя именительного падежа, не утрачивая определительной семантики [Таов 2014: 11].

Об этом свидетельствует также функционирование персональных имен без оформления в силу своего определенного характера.

Послеложный падеж выражается формантом **–кIэ**. Формой выражения определенности послеложного падежа служит суффикс **–м,** который предшествует форманту –кIэ: «*Линэ сэ-**м-кIэ** щIакхъуэр къыпикъэжащ»* «Лина отрезала хлеб ножом (опр. посл.)»; «*Идар шы-**м-кIэ** губгъуэм кIуащ»* «Идар поехал в поле на лошади (опр. посл.»).

Четвертый обстоятельственный падеж образуется посредством аффикса **–у//уэ,** который выделяет одно понятие из общих, а показателем определенности выступает аффикс **–р**, конкретизирующий выделенное понятие: «*Сабий-**ра-уэ** къыщIэкIащ гъыр»* «Плачущим оказался ребенок (опр. обст.).

Во множественном числе имен существительных категория определенности/неопределенности отсутствует. Это связано с тем, что показатель множественного числа –хэ не употребляется без показателя падежа.

Что касается английского языка, категория определённости – неопределённости отражена в нем грамматически. Это означает наличие артиклей a или an (отражают неопределённость) и the (определённость). При использовании в английской речи собственных имён, множественного числа, фразеологизмов и абстрактных понятий используется нулевой артикль.

Русский язык не содержит в себе грамматического (морфологического) выражения категории определённости – неопределённости, что отличает его от

английского. Данная категория в русском языке отражается только при помощи лексики. Чтобы выразить определённость применяются указательные местоимения тот, та, те, то, этот, эта, это, эти в зависимости от смыслового контекста. Также и для выражения неопределённости в русском языке используются местоимения, частицы, наречия и другие лексические формы. Слова кто-то, один, какой-нибудь, однажды, кто-нибудь, какой-то, кое-какой, некоторые, кое-где, некогда и родственные им несут в себе функцию передачи неопределённости. Ещё одна группа слов, служащих в русском языке для того, чтобы передать неопределённость – вроде (бы); что ли; должно быть; как бы; чуть ли не; как будто, что-то. В результате применения подобных конструкций в русском языке формируются и активно применяются разные типы неопределенно-личных предложений и т.д.

На данном этапе исследования целесообразно рассмотреть более детально проблему использования артиклей в английском языке и инструменты замещения категории определённости и неопределённости в русском языке и привести примеры:

1. Одним из часто употребляемых способов использования неопределённого артикля в современном английском языке выступает обозначение существительным явления, процесса или предмета как класса однородных элементов, относящегося как гипероним к единичному представителю данного класса: «The rose is a flower».

2. В английском языке использование определённого или неопределённого артикля в значительной степени зависит от коммуникативных факторов. Внутри предложения тема-рема-структура выступает в качестве базового параметра использования неопределённого артикля. Неопределённый артикль используется, прежде всего, в случае употребления в предложении коммуникантов нового предмета, процесса, субъекта, явления (выражается преимущественно именем существительным).

3. При использовании имён существительных во множественном числе в английском языке принято употреблять нулевой артикль для отражения признака неопределенности. Кроме того, общепринятым является в современном английском языке применение слова some и any (для вопросительных форм). Например, «Are there any books on the table? Yes, there’s a book on the table и There are some books on the table». По мнению А. Лампрехта, неопределённый артикль в данном случае выступает как родственный числительному one «один» [Lamprecht 1972: 166].

4. Для современного английского языка характерно, помимо прочего, наличие своеобразных конструкций – пословиц и поговорок, и иных устойчивых форм, где не представляется возможным выбор определенного и неопределенного артиклей. В данных выражениях, прочно вошедших в английский язык, использование артикля детерминируется устоявшимися традициями, а не контекстом. Например, «Better an egg today than a hen tomorrow» (букв. лучше яйцо сегодня, чем курица завтра); «It’s better to make *a painful break* than draw out the agony» (букв. Лучше сделать больно, чем тянуть агонию) [перевод выполнен авторами статьи].

5. При акценте на коммуникативно значимый элемент речи в английском языке принято применять неопределенный артикль. Например, «Look, professor», said Berlioz, with a forced smile, «With all respect to you as a scholar we take *a different attitude on that point*», русс. – Видите ли, профессор, – принужденно улыбнувшись, отозвался Берлиоз, – мы уважаем ваши большие знания, но сами по этому вопросу придерживаемся *другой точки зрения* [Булгаков 1996: 289].

Категория неопределенности существительных и футуральная ориентированность пропозиции нередко оказываются взаимосвязанными, ср.: – англ. … «This evening *a historic event is going to take place* here at Patriarch's Ponds» – русск. Сегодня вечером на Патриарших *будет интересная история* [Булгаков 1996: 156].

Употребление неопределённого артикля обусловлено также типом предложения по цели высказывания (в зависимости от того, используется ли повествовательное или вопросительное предложение). Например, русск. – «Вы – *немец?»* – Осведомился Бездомный.

– «Я-то?» – переспросил профессор и вдруг задумался. – «Да, пожалуй, *немец*…» – сказал он [Bulgakov 1996: 278].

Англ. «Are you *German*?» enquired Bezdomny.

«I?» rejoined the professor and thought for a moment. «Yes, I suppose I am *German* …» he said [Bulgakov 1996: 279].

В данном случае речь шла о повествовательном предложении. Иная ситуация обнаруживается в вопросительном предложении, где будет применяться неопределенный артикль.

«*Немец*…» – подумал Берлиоз.

«*Англичанин*…» – подумал Бездомный.

«Нет, скорее *француз*...» – подумал Берлиоз.

«*Поляк?* » – подумал Бездомный.

англ. «*A German*», thought Berlioz.

«An Englishman…»thought Bezdomny.

«No, probably a Frenchman…»thought Berlioz.

«*A Pol*», thought Bezdomny [Bulgakov 1996: 205].

Когда речь идет о языках, также наблюдается тенденция различного применения артиклей: в английском языке артикль не используется. Например, «I know five languages besides my own – English, French, German, Latin and Greek and I read Italian a little» [перевод выполнен авторами статьи].

русск.: «Я знаю пять языков, кроме родного – английский, французский, латинский и греческий. Ну, немного читаю по-итальянски» [Булгаков 1996: 168].

При обозначении социального статуса, социальной роли в английском языке принято применять неопределенный артикль. Например, «He is a student; His father is *a Catholic*. His wife is *a well-known scientist»* [перевод выполнен авторами статьи].

Природа синтаксических структур является в современном английском языке одним из значимых факторов употребления артиклей. В подавляющем большинстве предложений функцию предикатива выполняет существительное

и союз as. При этом можно наблюдать определенный и нулевой артикль. Например, «He works as teacher, но: it is regarded as an accident».

В современном английском языке применение артикля непосредственно обусловлено также и семантикой существительных, которые могут являться предметными, абстрактными, нарицательными, собственными и т.п.

Как определенные, так и неопределенные артикли в современном английском языке могут формировать рамочную конструкцию субстантивной группы. Например, «Shakespeare's will, which was made on March 25, 1616, is a long and de-tailed document. An extremely successful professional man, a good-humored old man, a little out-of-the-way place» «глухомань».

Определенный (definite article) – the употребляют с исчисляемыми и с неисчисляемыми существительными независимо от их числа.

I liked the films (исчисляемое существительное во множественном числе). – Мне понравились фильмы.

Нулевой (zero article) – артикль не ставится с неисчисляемыми числительными, которые нельзя посчитать: вода, музыка, дождь. И с исчисляемыми во множественном числе.

«It is good advice» (неисчисляемое существительное). – Это хороший совет.

В английском языке артикли выполняют ключевые функции, которые существенно влияют на значение фразы. К примеру, употребление определённого артикля the помогает указать на известность объекта слушающему, как в примере «I saw the dog» – речь об определенной собаке.

Также определённый артикль применяется для выделения уникальных объектов или именованных сущностей, например, «the Earth» или «the United Nations».

Для русскоговорящих людей освоение английских артиклей может быть затруднительным, поскольку в русском языке нет аналогов артиклей. Определённость и неопределённость в русском передаются через контекст, порядок слов и использование указательных местоимений. Слова «этот/эта/это» для определённости и «один/одна/одно» для неопределённости в русском языке могут выполнять аналогичные функции, но их употребление и смысловой диапазон шире, чем у артиклей в английском, и они используются не только для уточнения числовой и объектной определенности.

Каждая фраза и каждое предложение несут в себе определенное сообщение, идею, которую хочет донести говорящий. Традиционно предложение состоит из двух частей: темы, или известного контекста (англ. topic), и комментария, представляющего новую информацию (англ. comment). Эти составляющие в русском языковом анализе часто ассоциируются с терминами «тема» и «рема».

Рассмотрим пример на русском языке: «На столе лежит книга». Здесь темой выступает «стол» – это элемент, о котором уже известно, он упоминался ранее и включен в контекст. Комментарий – «лежит книга» – добавляет к теме новую информацию, раскрывает, что именно происходит с обсуждаемым объектом. В отличие от английского, где порядок слов может быть более гибким благодаря наличию артиклей, в русском языке предпочтение отдается размещению темы перед ремой, что формирует структуру нашего высказывания и спо-

соб интерпретации данной информации. Таким образом, понимание и правильное использование структуры «тема-рема» в русском – ключевой навык для передачи информации и эффективного общения.

В английском предложении «There is a book on the table» мы видим использование артикля «the» перед словом «table». Этот артикль не просто уточняет, что речь идёт о столе, но и подразумевает, что стол является конкретным и, вероятно, уже упоминался или знаком слушателю в контексте. Слово «book» предшествует артикль «a», который указывает на то, что книга представлена как один из многих возможных объектов и является новой информацией для слушателя.

В русском языке порядок слов помогает определить, что является темой, а что ремой. Когда мы говорим: «Книга лежит на столе», книга становится темой, так как вводится в начале и подразумевается, что уже известна слушающему. Стол и действие положения книги представляют новую информацию.

Когда мы преобразуем это предложение обратно на английский язык, то в зависимости от контекста можно использовать разные артикли. Если мы скажем «The book is on the table», мы предполагаем, что и книга, и стол – уже обсуждаемые или известные элементы ситуации. Если же мы используем «The book is on a table», то стол представляется как неопределённый, один из множества.

Интересно заметить, как артикли в английском языке помогают уточнить значение существительных в контексте высказываний. В русском языке мы обходимся без них, передавая значение через контекст и порядок слов. Когда мы пытаемся передать смысловую нагрузку неопределённого артикля, слово «один» может подойти, так как оно указывает на любой объект из категории. С другой стороны, определённый артикль можно приблизить к понятиям «этот» или «тот», подразумевая конкретный, ранее упомянутый объект.

Следующие примеры предложений наглядно показывают это различие:

«I need a purse» передаёт мысль о необходимости получить какую-то сумочку, без указания на конкретный экземпляр. В русской версии мы просто говорим: «Мне нужна сумочка», подразумевая, что речь может идти о любой подходящей сумке, с выбором которой мы ещё не определились.

Во фразе «I need the purse I took yesterday» артикль подчёркивает, что нужна именно та сумочка, которую вчера взял говорящий. В русском языке мы просто добавляем поясняющее придаточное предложение, чтобы уточнить, какую именно сумку мы имеем в виду: «Мне нужна сумочка, которую я брала вчера».

Ключевым аспектом при изучении и правильном использовании артиклей в английском языке для русскоговорящих становится понимание того, когда и какой артикль употреблять. Проблемы могут возникнуть с именами, требующими определенный артикль, и с абстрактными понятиями, где употребление артикля зависит от контекста. К примеру: в предложении «He has a great understanding of the law» мы видим употребление неопределённого артикля «a». Это указывает на то, что человек обладает общим пониманием юриспруденции, однако не конкретных правил или законов.

Различие в использовании артиклей представляет определенную сложность для русскоговорящих и носителей кабардино-черкесского языка, изуча-

ющих английский. Акцент на практическом освоении артиклей может существенно повлиять на понимание английского и точность выражения мыслей на этом языке. Это требует нацеленности на обучение, погружение в языковую среду и постоянную практику.

Таким образом, обобщая все сказанное, мы можем заключить следующее: категория определенности/неопределенности присутствует во всех исследованных языках, но способы и выражения данной категории различны. В кабардино-черкесском языке выражение данной категории носит морфологический характер, в русском языке – лексический, в английском языке это грамматическая категория.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Bulgakov 1996 – *Bulgakov M.* The Master and Margarita. Перевод с русского. – London: The Harvill Press, 1996. – 300 p. (на англ. яз.).

Lamprecht 1972 – *Lamprecht A.* Grammatik der englischen Sprache. – Berlin: Volk und Wissen, VEB, 1972. – 330 p. (на англ. яз.).

Кабардинские пословицы… 1994 – Кабардинские пословицы / Сост. А.М. Гукемух, З.П. Кардангушев. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 323 с. (на каб.-черк. яз.).

Таов 2014 – *Таов Х.Т.* Склонение в адыгских языках в сравнительном аспекте. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет, 2014. – 230 с.

Шагиров 2004 – *Шагиров А.К.* Фонетика и морфология кабардинского языка. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2004. – 50 с.

Шогенцуков 2006 – *Шогенцуков А.А.* Тхыгъэхэр. – Налшык: б,и, 2006. – 541 с. (на каб.-черк. яз.).

Яковлев 1948 – *Яковлев Н.Ф.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. –М.-Л.: Издательство АН СССР, 1948. – 371 с.

Яковлев, Ашхамаф 1941 – *Яковлев Н.Ф., Ашхамаф Д.А.* Грамматика адыгейского литературного языка. – М.-Л.: Издательство АН СССР, 1941. – 464 с.

REFERENCES

BULGAKOV M. *The Master and Margarita*. – London: The Harvill Press, 1996. – 300 p. (In Eng).

Kabardinskie poslovitsy [Kabardian proverbs] / Sost. A.M. Gukemukh, Z.P. Kardangushev. – Nal'chik: El'brus, 1994. – 323 p. (In kab.-cherk. yaz.).

LAMPRECHT A. *Grammatik der englischen Sprache*. – Berlin: Volk und Wissen, VEB, 1972. – 330 p. (In Eng).

SHAGIROV A.K. *Fonetika i morfologiya kabardinskogo yazyka* [Phonetics and morphology of Kabardian language]. – Nal'chik: Izdatel'skii tsentr «El'-Fa», 2004. – 50 p. (In Russ.).

SHOGENTSUKOV A.A. *Tkhyg"ekher* [Favourites]. – Nalshyk: b,i, 2006. – 541 p. (In kab.-cherk. yaz.). (In Russ.).

TAOV KH.T. *Sklonenie v adygskikh yazykakh v sravnitel'nom aspekte* [Declension in the Adyghe languages in a comparative aspect]. – Nal'chik: Kabardi-no-Balkarskii gosudarstvennyi universitet, 2014. – 230 p. (In Russ.).

YAKOVLEV N.F. *Grammatika literaturnogo kabardino-cherkesskogo yazyka* [Grammar of the literary Kabardino-Circassian language]. –M.-L.: Izda-tel'stvo AN SSSR, 1948. – 371 p. (In Russ.).

YAKOVLEV N.F., ASHKHAMAF D.A. *Grammatika adygeiskogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the Adyghe literary language]. – M.-L.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1941. – 464 p. (In Russ.).

Информация об авторах
Р.Б. Кенетова – кандидат филологических наук, доцент.
А.Т. Бозиев – кандидат филологических наук, доцент.
З.Т. Хашхожева – кандидат филологических наук, доцент.
Information about the authors
R.B. Kenetova – PhD (in philology), Associate Professor.
A.T. Boziev – PhD (in philology), Associate Professor.
Z.T. Khashozheva – PhD (in philology), Associate Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.12.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 03.12.2024; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Научная статья
УДК 811.352.3
DOI:10.31143/2542-212X-2025-1-357-373
EDN: UWEXVA

РОДНОЙ ЭТНИЧЕСКИЙ ЯЗЫК В СИСТЕМЕ ЦЕЛОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ КАБАРДИНО-ЧЕРКЕССКОГО ЯЗЫКА)

Леорена Ахмедовна Хараева[1], **Лариса Халифовна Дзасежева**[2]
[1,2] Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Нальчик, Россия
[1] leorenakharaeva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6911-1997
[2] dzasezheva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1649-1900

Аннотация. На фоне глобальных кризисных явлений современности, угрожающих самому существованию человека, в общественных науках актуализировалось исследование феномена идентичности как механизма защиты целостности личности и психологического регулятора социальной жизни человека. Сегодня особый интерес представляют собой факторы становления и успешного функционирования идентичности. Одним из важнейших вопросов в анализе идентичности является понимание решающей роли в ее формировании культуры и вербальных языков, которыми владеет человек. Эта основополагающая идея позволяет авторам считать, что в основе становления и развития идентичности лежит родной язык в комплексе детерминируемых им особенностей этнокультуры. С целью подтверждения данного вывода был проведен анализ роли кабардино-черкесского языка в контексте структуры идентичности, которая, согласно авторам, включает следующие компоненты: когнитивный, ценностный, тождественность личности, социальная солидарность. Эмпирическое исследование адыгских студентов, обучающихся за пределами Кабардино-Балкарской республики, показал, что образовательная миграция усиливает значимость родного языка как символа культурной принадлежности. Язык трансформируется в инструмент сопротивления ассимиляции, что согласуется с теорией «культурного напряжения» Берри. Даже при утрате повседневной функции язык сохраняет роль маркера идентичности, как демонстрирует пример Адыгского Этикета (Хабзэ).

Ключевые слова: идентичность, родной этнический язык, кабардино-черкесский язык, структура идентичности, этническая культура, механизм воображения, рефлексия, социально-институциональные дискурсы.

Для цитирования: Хараева Л.А., Дзасежева Л.Х. Родной этнический язык в системе целостной идентичности личности (на материале кабардино-черкесского языка) // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 357-373. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-357-373. EDN: UWEXVA.

© Хараева Л.А., Дзасежева Л.Х., 2025

Original article

NATIVE ETHNIC LANGUAGE IN THE SYSTEM OF INTEGRAL IDENTITY OF THE PERSONALITY (ON THE BASIS OF THE KABARDINO-CIRCASSIAN LANGUAGE)

Leorena A. Kharaeva[1], **Larisa Kh. Dzasezheva**[2]
[1,2] Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russia
[1] leorenakharaeva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-6911-1997
[2] dzasezheva@mail.ru, https://orcid.org/0000-0003-1649-1900

Abstract. Against the backdrop of global crises threatening the very existence of humanity, research on the phenomenon of identity as a mechanism for protecting the integrity of the individual and a psychological regulator of social life has gained prominence in the social sciences. Today, particular interest lies in the factors contributing to the formation and successful functioning of identity. One of the most critical questions in analyzing identity is understanding the decisive role of culture and verbal languages in its formation. This fundamental idea leads the authors to argue that the development of identity is rooted in one's native language, along with the ethnocultural features it shapes. To confirm this conclusion, an analysis was conducted on the role of the Kabardian-Circassian language within the structure of identity, which, according to the authors, comprises the following components: cognitive, value-based, personal identity, and social solidarity. An empirical study of Adyghe students studying outside the Kabardino-Balkarian Republic revealed that educational migration heightens the significance of their native language as a symbol of cultural belonging. The language transforms into a tool of resistance against assimilation, aligning with Berry's theory of "cultural tension." Even when a language loses its everyday functional role, it retains its function as an identity marker, as demonstrated by the example of Adyghe Etiquette (Khabze).

Keywords: identity, native ethnic language, Kabardino-Circassian language, identity structure, ethnic culture, mechanism of imagination, reflection, socio-institutional discourses.

For citation: Kharaeva L.A., Dzasezheva L.Kh. Native ethnic language in the system of integral identity of the personality (on the basis of the Kabardino-Circassian language). IN: Electronic-journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 357-373. – DOI:10.31143/2542-212X-2025-1-357-373. EDN: UWEXVA.

© Kharaeva L.A., Dzasezheva L.Kh., 2025

Введение

В условиях глобализации, сопровождающейся усилением межкультурных взаимодействий и угрозой унификации культур, проблема сохранения этнической идентичности приобретает особую актуальность. Одним из ключевых факторов формирования и поддержания идентичности личности выступает родной этнический язык, который не только является средством коммуникации, но и выполняет функции трансляции культурных ценностей, исторической памяти и социальных норм. В связи с этим исследование роли родного языка в структуре идентичности становится важным направлением современных гуманитарных наук, включая социолингвистику, культурологию и психологию.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления механизмов сохранения этнокультурного разнообразия в условиях глобальных вызовов, таких как доминирование глобальных языков, миграционные процессы и цифровизация коммуникации. Родной язык, как стержневой элемент этнической культуры, играет важную роль в формировании когнитивных, ценностных и социальных аспектов идентичности, что делает его изучение важным для понимания процессов адаптации и сопротивления ассимиляции.

Цель исследования заключается в выявлении роли родного этнического языка в формировании и функционировании целостной идентичности личности. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи:

1. Рассмотреть теоретические подходы к пониманию идентичности и ее структуры.
2. Выявить специфику влияния родного языка на когнитивный, ценностный и социальный компоненты идентичности.
3. Проанализировать эмпирические данные, подтверждающие роль языка в сохранении этнокультурной идентичности.

Объект исследования – формирования и функционирования идентичности личности. Предмет исследования – роль родного этнического языка в структуре целостной идентичности.

Степень разработанности проблемы характеризуется значительным интересом со стороны исследователей различных дисциплин. Теоретические основы изучения идентичности заложены в работах Э. Эриксона, Р. Бернса и А. Ватермана, которые рассматривали идентичность как динамический процесс, формирующийся под влиянием социальных и культурных факторов. В отечественной науке проблема этнической идентичности и роли языка исследовалась в трудах З.А. Жаде, И.В. Демичева, Г.Д. Султановой, И.А. Сорокина. Однако недостаточно изученными остаются вопросы, связанные с влиянием родного языка на когнитивные и эмоциональные аспекты идентичности в условиях глобализации.

Анализ данной проблемы проводится в контексте функциональной структуры идентичности, в каждом из компонентов которой рассматривается роль родного этнического языка.

Смена каждого общественно-исторического периода, как правило, приводит в движение все социальные явления, охватывающие все сферы и уровни социально-экономической жизни общества. Одним из таких наиболее значимых явлений социальной жизни, в которых происходят изменения содержательного и функционального плана, являются вербальные языки, в судьбе которых они порой определяют драматические повороты, независимо от их статуса и масштабов распространения. В особой степени это относится к миноритарным этническим языкам, функционированию которых нередко угрожает серьезная опасность в переломные критические моменты социального развития, одним из которых в настоящее время является глобализация. Однако глубокая социальная и экзистенциальная сущность каждого языка, его духовная и практическая силапоказывают, что языки не так легко «уходят» с исторической сцены при всех сложных перипетиях судьбы.

При всех неблагоприятно складывающихся, иногда искусственно насаждаемых, условиях развития и функционирования языков, сама жизнь парадоксально дает шансы на сохранениеи деятельное участие того или иного языка в социально-прогрессивной деятельности общества и человека и поддержание его благополучия.

В соответствии с законом диалектического развития интенсивный и тоталитарный характер обезличивающего процесса глобализации неизбежно по-

рождает противовес в качестве тенденции сохранения уникального своеобразия культур и запросов на их многообразие.

Так, в настоящее время вопросы сохранения, развития, изучения и усвоения языков получают благоприятную почву для развития в контексте проблемы идентичности, ставшей одной из наиболее востребованных и перспективных направлений исследований во всех общественных науках.

В кризисные периоды своей жизни, которые угрожают индивидуальному и социальному благополучию человека, он как рациональное существо, как HOMO SAPIENCE включает механизмы стабилизации своего положения и выживания в создавшейся ситуации.

К числу таких очевидно актуализированных механизмов в жизнедеятельности человека в настоящее время относится феномен идентичности, понятие, которое наряду с такими, как «глобализация», «интеграция», «межкультурная коммуникация», «плюрализм» и другими, стало одной из основных составляющих современных социальных нарративов и, соответственно, одним из направлений интенсивного научного исследования.

Глобальные кризисные явления последних двух десятилетий привели к фундаментальной перестройке общественного сознания, моделей социального взаимодействия и отношений, а вместе с тем, обусловили и существенную трансформацию общественного и индивидуального сознания людей.

И чем интенсивнее происходят процессы глобализации, отягощенные экономическим кризисом, конфликтами, войнами, технологическими и экологическими катастрофами, небывалым ростом миграционных потоков, формированием нового коммуникативно-сетевого пространства, тем больше человек вынужден искать смысловые точки опоры в этом стремительно меняющемся и непривычном мире. Это побуждает людей обращаться к своей идентичности в стремлении оставаться самим собой и в то же время адаптироваться к изменениям, по-новому выстраивая гармонию внутреннего и внешнего мира.

Так, в новых условиях в особой мере проявляется такая функция идентичности, как быть «ориентиром и навигатором сознания» [Тхагапсоев и др. 2016: 69], определяющей пути его адаптивной деятельности, которые не нарушают его тождественности с самим собой и внешним миром. Другими словами, механизм идентичности направлен на сохранение целостности личности, его психического и социального благополучия в изменившихся условиях жизни.

Идентичность – это не константное явление, и она не дается индивиду от рождения. Вся жизнь человека есть формирование и становление идентичности, развивающейся через преодоление возрастных, личностных и социальных кризисов в непрерывном внутреннем процессе, который есть, по словам Э. Эриксона, «длящееся внутреннее равенство с собой» [Эриксон 2006: 184].

Динамический характер идентичности, при условии сохранения базисных устойчивых отношений, дает человеку возможность меняться в новой ситуации и быть фактором социальной адаптации, которая неразрывно связана с чувством органической принадлежности индивида к его исторической эпохе и типу межличностного взаимодействия, свойственному данному времени. В результате идентичность предполагает гармонию идей, образов, ценностей, по-

ступков с доминирующим в данный исторический период социально-психологическим образом человека, принятие социального бытия как своего [Дудченко, Мытиль1995: 114].

Неспособность человека к изменениям идентичности в кризисные периоды жизни ведет к разрушению его целостной личности и дальнейшей фрустрации. Поэтому, как отмечает А.Тоффлер, «миллионы индивидов напряженно ищут свою собственную идентичность, или некоторую магическую терапию, облегчающую воссоединение их личности, чтобы победить хаос, внутреннюю энтропию, сформировать свой собственный порядок» [Toffler 1980: 86].

Идентичность – это вырабатываемый индивидом глубоко интегрированный конструкт как результат взаимодействия заданных внутренних природных факторов – установок, склонностей, особенностей психики и характера с социальными факторами – нормами, правилами, предписаниями, общественными установками. Среди заданных внутренних условий следует особо выделить такой важный детерминирующий фактор идентичности, как этнические корни индивида и осознавание им своего отношения и представительства. В результате у индивида складывается образ «Я», который служит инструментом гармонизации внутренних и внешних факторов.

Все основные особенности проявления идентичности обобщаются в одном из наиболее полных ее определений, данном Э. Эриксоном, который считает идентичность как важнейшую характеристику целостности личности, интеграцию переживаний человеком своей тождественности с самим собой и социальными группами. Это усвоенный и личностно принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к миру, чувство адекватности и стабильности владения личностью собственным «Я» независимо от изменений «Я» и ситуаций, способности личности к полноценному решению задач, возникающих на каждом этапе [Эриксон1968: 4].

Таким образом, очевидно, что функционирование идентичности неразрывно связано с рефлексией личности, в процессе которой происходит осознавание своего «Я» и того, как она (личность) взаимодействует с внешним миром в постоянном стремлении оставаться в парадигме своих базисных ценностей во всех ситуациях социального взаимодействия.

Рассмотренные характеристики идентичности также дают возможность увидеть ее основную функциональную направленность, в качестве которой выступает обеспечение личностью возможности оптимальной самоорганизации во внешнем мире в процессе реализации своих жизненных целей при сохранении своего «Я».

В контексте поставленной нами проблемы целесообразно привести более конкретно выполняемые идентичностью функции, к которым относятся: 1. Ориентирующая (поиск своего места в мире, «Где я в этом мире?»; 2. Структурная (дифференциация «Я» от не «Я», сохранения определенности, соотношение детерминизма и неопределенности («кто Я», «кто свой», «кто чужой»); 3.Целевая (целеполагание, контроль личности, ценностей, поведения); 4. Экзистенциональная (осмысление самого себя, сохранение своей сущности, осмысление группового членства).

Многогранный характер социальной жизни человека, множественность исполняемых им ролей обусловливает и существование множественности идентичностей личности. Назовем ряд таких идентичностей: социальная, индивидуальная, личностная, региональная, культурная, этническая, конфессиональная, профессиональная, российская и другие. Некоторые авторы считают их различными уровнями идентичности, другие допускают их параллельное существование. С нашей точки зрения, разные виды идентичности формируют общую идентичность личности, включаясь в нее в различных соотношениях. Взаимодействуя и «перекрывая» другдруга, они образовываютединую целостную идентичность как интегративный конструкт, лежащий в основе сбалансированного поведения человека.

Для понимания сущности и содержания понятия «идентичность», важное значение приобретает представление о ее структуре. Анализ структуры идентичности в целом ряде исследований, представленный в трудах таких ученых, как Э. Эриксон, И.В. Демичев, Г.Д. Султанова, Р. Бернс, А. Ватерман, И.А. Сорокин и др., показывает отсутствие единого подхода в этом вопросе. Учитывая данные этих исследований и основываясь на анализе сущности идентичности, считаем необходимым включить в функциональную структуру идентичности следующие компоненты, содержательно соотносящуюся с названными выше функциями:

1. *Когнитивный компонент*. Это сумма знаний о своей индивидуальности и освязи с другими, к которым относятся знание своих корней, своего прошлого, своей группы и отношенияк своему представительству.

2. *Ценностный компонент* включает ценности, цели, идеалы, эталоны, установки личности, в том числе, бессознательные установки. Последние играют существенную роль в ценностном комплексе идентичности. В данный компонент могут входить черты характера, социально одобряемые в обществе, а также ценности других идентичностей – социальной, этнической, профессиональной, конфессиональной и других.

3. *Тождественность личности*, включающая осознавание тождества с самим собой «Я» – «Я» и тождество с другими, своей группой, обществом.

4. *Социальная солидарность,* которая предполагает принятие и разделениеценностей, идей, принципов поведения своей референтной группы в социальном взаимодействии.

С нашей точки зрения, чувства и эмоции, связанные с идентичностью, возникают не в отдельном ее компоненте, как отмечают некоторые авторы, а присутствуют во всей структуре составляющих идентичности как целостного явления. Именно это позволяет быстро и своевременно реагировать на возникающие диссонансы в идентичности и предпринимать адекватные меры.

Важно отметить, что идентичность находит свое отражение и подкрепление в институционально-дискурсивных структурах, социально-политических текстах, системе принятых в данном обществе символов, ценностей и принципов поведения, включающих также принципы этикета. Соответственно, одной из значимых опор идентичности является язык. С другой стороны, функционирование специальных институционально-дискурсивных структур, жестко при-

вязанных к специфике организации социальной общности, обусловливает воспроизводство идентичностей [Демичев, Султанова 2017: 42].

Анализ содержания и структуры понятия «идентичность» выявляет его два важнейших механизма – это воображение, или формирование образов, и рефлексия, деятельность которых служит основой образования интегративности и целостности. Образность и рефлексия, присутствуя во всей структуре идентичности, осуществляют вместе с тем синтез, воплощающийся в «образе» идентичности. Как отмечалось выше, идентичность – это, прежде всего, образ себя во всех случаях взаимодействия с внешним миром.

Одно из ключевых положений теории идентичности как интегративного рефлексивного образа себя и мира состоит в понимании решающей роли культуры в возникновении и функционировании этого феномена. Культура является содержанием этого «образа» и, в целом, идентичности, которая соответственно отражается во всех ее структурных компонентах. Культура является универсальной реальностью, внутри которой проходит становление и вся жизнь человека, в связи с чем она «занимает центральное место в человеческой жизни и определяет все мысли, решения и поступки человека» [Краус 1997: 188]. Другими словами, культура определяет способы, цели, ценности и смыслы жизни, позволяющие идентичности личности динамично функционировать, обеспечивая ее целостное единство во всех изменяющихся условиях.

Базисной основой культуры идентичности является этническая культура, в которой родился и рос человек и впитал в себя смыслы, образы, представления и символы этой культуры. Особенности этнической культуры обусловливают также усвоение целого ряда бессознательных установок, имеющих, согласно, К. Юнгу, культурное происхождение и которые оказывают активное влияние на сознание и поведение личности [Юнг 1991: 136].

Сегодня в стремительном потоке изменяющихся условий внешней среды в поисках сохранения основ своей идентичности люди обращаются к истокам именно своей этнической культуры. «Миллионы людей считают спасением от неопределенности принадлежность к группе, основанной на этнической схожести, общей вере, экономическом интересе, сходстве политических взглядов и т.д. [Юдина 2013: 6].

Общество, ориентированное на глобальные явления, вынуждено признать ценность сущности культурной самобытности, в которой кроется социальный и эвристический потенциал этнического фактора и использования его в практических целях [Жадэ, Куква и др. 2010: 18].

Таким образом, в целом, культура в рамках идентичности личности, как и культура вообще, представляет собой «полиглотический механизм», основным ключом к которому служит вербальный язык как специфическая и решающая часть культуры [Лотман 1992: 154].

Результаты исследования

В настоящее время в условиях поликультурной среды инструментами идентичности могут выступать те языки, которыми в большей или меньшей степени владеет современный человек. Однако основным языком, под влиянием которого

изначально развиваются психические процессы, а затем происходит и процесс самоотождествления личности, является родной этнический язык.

Специфическое влияние первого усвоенного мозгом языка обусловливает его особую силу в психическом и социальном развитии человека, в котором последующие языковые «наслоения» не могут перекрыть его воздействия на многие сферы психической деятельности и поведения человека.Такая устойчивость родного языка сохраняется и в случае более высокого уровня овладения другими языками. Родной язык, опосредуя все психические процессы, пускает глубокие корни в психику ребенка, в результате которого формируется не только чувственное, но и сознательное отражение действительности. Эта огромная решающая роль языка в психическом развитии человека происходит благодаря первому усвоенному языку, т.е. родному языку, поскольку он является средством первого опыта структурирования действительности, благодаря которому он впервые знакомится с внешним миром.

Психологическая устойчивость родного языка основывается также на его тесной связи с этнокультурными факторами, среди которых он сам приобретает формирующее значение [Хараева 2021: 123]. Это положениео неразрывной связи родного языка и этнических факторов представляется особо важным в контексте рассмотрения роли этнокультуры в структуре идентичности личности. Здесь следует подчеркнуть влияние родного языка и, в целом, этнокультурных факторов не только на область осознаваемого психического, но и его невидимую взаимосвязь с неосознаваемыми психическими установками. Таким образом, можно сделать вывод, что родной этнический язык является основным носителем этносоциокультуры.

Рассмотрим место и роль родного этнического языка в функционировании идентичности в соответствии с ее структурными компонентами. Здесь следует сразу же отметить их глубокую взаимосвязь и взаимообусловленность. Невозможно представить даже относительно полную характеристику ни одного структурного компонента идентичности, не затрагивая сущности другого, когда описание каждого из них плавно переходит в рассмотрение другого. Но все структурные компоненты идентичности имеют ценностную природу и представляют собой способы гармонизации идентичности в любых изменяющихся условиях.

Функционирование родного языка в структуре идентичности оказывает особое влияние на когнитивный компонент идентичности, который есть сумма знаний человека о себе, окружающей действительности, его связи с другими людьми. Понятно, что владение родным языком становится важным источником более глубоких знаний о самом себе, своих корнях, своем прошлом, своем представительстве. Субъект в данном случае получает ясные и определенные ответы на обязательные вопросы: «кто я?», «откуда я родом?», «кого я представляю?». Так, создается историческая связь с прошлым, наполняющая жизнь смыслами, целями, идеями, представлениями о будущем.

Знание о прошлом и о его связи с будущим порождает у индивидуума чувство, что он является субъектом исторического процесса. «Встроенность» его «Я» в последовательно развивающуюся историю его рода является одной из

смысловых опор его жизненного пути. В трудных жизненных ситуациях, когда возникает угроза целостности идентичности личности, знание и связь со своими корнями и своей общностью не позволяют ему сказать о себе роковых слов «Я никто», «Я безымянный», «Я безликий» [Бестаева 2009: 22], что безусловно способствует выживанию и сохранению тождества с самими собой.

Знание родного языка в контексте этнической культуры не только расширяет когнитивный диапазон структуры идентичности личности и ее мировоззрение, но и оказывает значительное влияние на эмоционально-чувственное восприятие мира и поведенческие модели, позволяющие более успешно поддерживать гармонию с внешним миром.

Кроме того, образ «Я» в ракурсе родного языка обретает целый ряд особенностей, способствующих пониманиюсвоего «Я», самопринятию и ощущению тождества с самим собой.

Таким образом, можно утверждать, что роднойэтнический язык занимает важное место в когнитивном компоненте структуры идентичности личности,активно участвуя в формировании и сохранении идентичности.

Если язык, как отмечалось выше, занимает ведущее место в выражении своей идентичности и является одной из самых значимых ценностей в жизни человека, то это в еще большей мере относится к родному этническому языку. Язык и этническая культура формируют идентичность имеющую аксиологическую природу:они являются средоточием норм и ценностей жизнедеятельности этноса и каждого его представителя. Отсюда важна их роль в качестве инструмента выживания и ориентации в мире, средства самоосуществления человека.

Еще в раннем возрасте в процессе усвоения родного языка формируются бессознательные установки, ценности и предпочтения, закладываются ценностные одобряемые обществом свойства личности, и затем в процессе общения со своей семьей и общностью вырабатываются осознанные ценности как ориентиры поведения и взаимодействия с миром.

Ценностное отношение к родному этническому языку становится порой особенно очевидным при возникновении сложных языковых ситуаций, когда по тем или иным причинам становится невозможным использование родного языка или оно сводится к минимуму, граничащему с исчезновением языка. В этом случае, как правило, люди отождествляют борьбу за свой язык с борьбой за жизнь. Как отмечает известный британский лингвист Д. Кристал: «нет более ужасающего подтверждения власти языка, чем тот факт, что многие люди готовы умереть, если не будут удовлетворены их требования по признанию права на использование определенного языка» [Crystal 2010: 34].

При этом компетентность владения родным языком не имеет решающего значения. Более того, ценностное значение родного языка может возрастать в иной языковой среде, когда появляется языковая ностальгия и потребность говорения на родном языке. Кроме того, при включенности представителей своей общности в данную языковую среду появляется потребность в аффилиации с ними посредством использования родного этнического языка.

Структурные компоненты тождественности личности и социальной солидарности со своей референтной группой, как и все остальные компоненты

идентичности, тесно связаны между собой. В основе их взаимосвязи лежат широко действующие процессы дифференциации и интеграции, в которых также участвует родной язык. Как считает известный исследователь человеческого разума Д. Сигел, трудности идентичности в современную эпоху глобальных перемен связаны с нарушением интеграции. Согласно автору, для того чтобы вновь ощутить гармонию своей идентичности и достичь интеграции, необходимо находить способы дифференцировать себя от других, а затем объединиться с ними, помогая поддерживать социальное благополучие [Сигел 2019: 213].

Осмысление, осознавание и понимание своего «Я», сформированного под влиянием родного этнического языка, предполагает также участие в нем родного языка. Этот процесс понимания своих особенностей и установление своей самотождественности может происходить во внутреннем диалоге, в котором субъект может использовать какродной, так и другой язык. Родной язык при этом будет отражать этнические особенности психики и эмоционально-чувственной сферы. Установление тождественности со своим «Я» в то же время позволяет дифференцировать себя от других и устанавливать тождество со своейсоциальной группой, или общностью. Таким системообразующим фактором общности обычно выступает родной этнический язык.

Знание родного языка в комплексе обусловливаемых им этнокультурных особенностей – ценностей, установок, психического склада, социально одобряемых личностных качеств как общественных ценностей, норм, эталонов принципов поведения, является основанием для аттракции к представителям своей референтной группы и формирования чувства социальной солидарности с ними. Все перечисленные выше этнокультурные особенности передаются в социальном взаимодействии и усваиваются как осознанно, так и неосознанно.

Подсознательная связь со своими корнями и представителями своей общности устанавливается, как отмечалось выше, еще в процессе усвоения родного языка. Как отмечает, Л. Коварскис, «то, что в подсознании, мы не понимаем, хотя именно оно объединяет нас со значимыми для нас людьми и с группами. Это сильная, глубоко личная связь и обусловленные ею смыслы, впечатаны в наш мозг генами, а затем в раннем детстве ее формирует общение с важными для нас людьми» [Коварскис 2020].

Исследователи специфической сущности языка отмечают, что этнический язык, даже потеряв функцию общения, может играть роль символа единения с народом и восприниматься родным [Бокаев 2011].

В качестве примера можно привести широко известный в практике факт отношения к родному языку адыгской молодежи, обучающейся в столичных и зарубежных вузах. Многие молодые люди, не проявлявшие обычно готовности говорить на родном языке и, казалось бы, индифферентные к вопросу используемых ими языков в общении, уже после первого года обучения возвращаются домой на каникулы с выраженной потребностью говорить, читать, знать и, в целом, использовать свой родной язык как средство общения, мышления и самовыражения.

С целью проверки гипотезы о том, что обучение в иноязычной среде активизирует рефлексию культурной идентичности и усиливает интерес адыгских

студентов к использованию родного языка, было проведено анкетирование 90 адыгских студентов, обучающихся за пределами Кабардино-Балкарской Республики (КБР) [URL: https://forms.gle/x5AJJKSP6D2Mvhw47]. Анкетирование позволило выявить значимые тенденции в динамике использования родного языка на фоне образовательной миграции.

Выборка респондентов (N=90) включала лиц в возрасте 18-25 лет (средний возраст – 21 год), сбалансированных по гендерному признаку (52 % женщин, 48 % мужчин). География обучения распределилась следующим образом: 90 % (n=81) респондентов обучались в вузах Москвы и Санкт-Петербурга, 10 % (n=9) – в зарубежных университетах (Германия, Турция, США, Италия, Южная Корея). Большинство опрошенных (75 %) находились за пределами родного региона более одного года, что обеспечило релевантность данных об адаптационных процессах. Специализация респондентов охватывала технические (45 %), гуманитарные (30 %) и естественнонаучные направления (25 %), что минимизировало влияние профессионального контекста на результаты.

Анализ языковой практики до миграции выявил противоречивую картину. Несмотря на высокую распространенность кабардино-черкесского языка в семейном общении (65 % респондентов использовали его постоянно), уровень владения демонстрировал значительную вариативность. Самооценка навыков по 5-балльной шкале показала, что понимание устной речи находилось на уровне 4.2, умение говорить – 3.8, тогда как компетенции в чтении и письме оказались минимальными – 2.5. Это коррелирует с отсутствием систематического обучения письменному кабардино-черкесскому языку в региональных школах. Эмоциональное отношение к языку до отъезда характеризовалось преобладанием позитивных установок: 70 % респондентов испытывали гордость за родной язык, ассоциируя его с культурным наследием, тогда как 10 % отмечали стеснение из-за редкого использования.

После года обучения за пределами региона 58 % респондентов отметили увеличение частоты использования кабардино-черкесского языка, 30 % не наблюдали изменений, а 12 % сообщили о снижении активности. Основными контекстами применения языка стали:

1. Приватная коммуникация: 80 % опрошенных активно использовали кабардино-черкесский язык в видео-разговорах с семьей, что связано с ностальгией и потребностью в эмоциональной поддержке.
2. Цифровое взаимодействие: 65 % респондентов применяли родной язык в переписке через социальные сети, а 40 % участвовали в онлайн-сообществах адыгской культуры.
3. Самообучение: 25 % студентов прибегали к мобильным приложениям (например, Quizlet) и онлайн-курсам для улучшения языковых навыков.

Ключевым стимулом для 68 % респондентов выступила ностальгия по родной культуре, что подтверждается сильной положительной корреляцией между уровнем тоски по дому и частотой использования языка ($r=0.41$, $p<0.01$). Интересно, что 35 % студентов, особенно в зарубежных вузах, отмечали любопытство со стороны сверстников к кабардино-черкесского языку, что мотивировало их к демонстрации культурных особенностей.

Родной язык оказался неотъемлемым элементом самоидентификации для 75 % респондентов. Участники, вовлеченные в деятельность адыгских диаспор (30 %), демонстрировали более высокую языковую активность: 80 % из них отмечали, что мероприятия сообщества (фестивали, языковые клубы) усиливали мотивацию к использованию кабардино-черкесского языка. Корреляционный анализ выявил значимую связь между участием в мероприятиях диаспоры и частотой применения языка ($r=0.52$, $p<0.01$). При этом студенты, обучающиеся за рубежом, на 30 % чаще использовали цифровые ресурсы для изучения родного языка по сравнению с теми, кто находился в Москве или Санкт-Петербурге ($p<0.05$), что объясняется меньшей концентрацией диаспоры.

Анализ открытых вопросов выявил три ключевые темы:

1. Язык как сопротивление ассимиляции. Многие респонденты описывали случаи, когда использование родного языка становилось актом культурного самоутверждения.
2. Культурный шок и рефлексия. Столкновение с непониманием или стереотипами провоцировало более глубокое погружение в родной язык.
3. Цифровизация сохранения языка. 40 % участников упоминали роль технологий: видео- с уроками, Telegram-чаты для перевода, приложения для запоминания лексики.

Несмотря на общую тенденцию к усилению языковой активности, 12 % респондентов сообщили о снижении интереса к кабардино-черкесскому языку. Качественный анализ выявил два основных фактора:

– Академическая нагрузка: 70 % этой подгруппы связывали уменьшение практики с нехваткой времени.

– Страх осуждения: 30 % студентов в межнациональных отношениях избегали языка из-за опасений «неловкости».

Результаты анкетирования согласуются с теорией «культурного напряжения» Дж. Берри [Berry 2006: 19], согласно которой мигранты балансируют между интеграцией в новое общество и сохранением этнической идентичности. Усиление языковой активности адыгских студентов отражает стратегию «сепарации», направленную на противостояние ассимиляции. Проведенное исследование демонстрирует, что образовательная миграция адыгской молодежи активизирует процессы культурной рефлексии, трансформируя родной язык из средства повседневной коммуникации в символический маркер идентичности.

Положение о единстве языка и культуры, в свою очередь, позволяет говорить об одухотворенности языком всех социокультурных факторов, что делает возможным обратный ход, т.е. через «распредмечивание» культурных артефактов и создание образов, понятий, идей, представленийвосходить к языку и выполнять его объединительную функцию.

Убедительным примером такой функции социальной солидарности для многочисленных адыгов, живущих за рубежом, служит Адыгский Этикет (Хабзэ). Последние поколения молодых людей, уже не помнящие языка своих предков, но ревниво соблюдающие правила и законы этого широко известного этикета, считают себя неотъемлемой частью своего народа.

Исследователь данной проблематики Ф.Н.Хуако пишет об интересном литературном опыте нашего соотечественника писателя Кадыра Натхо, живущего в Турции и старающегося через описание истории, культуры, традиций, обычаев, мифотворчество адыгов пробудить национальное самосознание своих соплеменников и далее побудить их к языку как мотиву обращенности к родине. Как отмечает автор, в таком случае создается специфическое «пейзажное поле», располагающееся между реальностью и индивидом. Язык здесь выступает «буквально силой: он подстраивает под обстоятельства, то или иное сознание, нацеленное на оставленную за морем почву, нуждающуюся в пусть и косвенном, но возмещении реального бытия» [Хуако 2022: 74].

Таким образом, анализ родного этнического языка в контексте понятия идентичности показывает не только его активную, но и часто незаменимую роль в ее формировании, регулировании смысловых ориентиров жизнедеятельности и сохранения своей тождественности.

Как было показано, в понятии идентичности в концентрированной форме отражаются сложные социальные процессы, в условиях которых человек должен формироваться, развиваться и сохранять свою целостность.

Сегодня процесс самоорганизации и определения своей идентичности происходит на фоне глобальных явлений, подрывающих базисные «Я»-основы идентичности человека, включающие комплекс этносоциокультурных факторов. Родной этнический язык как стержневой носитель этносоциокультуры обусловливает существование этнической идентичности, которая только усиливается в противовес тенденции универсализации всех проявлений социальной и индивидуальной сущности человека.

В этих условиях сохранение жизни в интенсивном интеграционном процессе социального взаимодействия рассматривается как сохранение своего «Я» и традиционной самобытности своей этнической общности. И чем активнее проявляется прессинг глобализации, тем больше усиливаются внутренние мотивы самосохранения. Как отмечает Ф.Х. Кессиди, глобализация не в состоянии породить нового человека, т.е. человека вне этноса [Кессиди 2003: 177].

Согласно разделяемой нами точки зрения отечественных исследователей, несмотря на наступление глобализации, рано списывать этнический фактор и этническую идентичность в российской идентичности, хотя модели этнической идентичности усложняются [Жаде и др. 2010: 174]. Надо научиться правильно использовать огромный созидательный потенциал развития единства в многообразии. Для этого надо изменить отношение к родным этническим языкам, не списывать существующие проблемы в использовании родных языков на глобализацию,а создавать реально существующие условия для их функционирования на основе соответствующих социально-институциональных, дискурсивных структур, ценностных принципов, символов, различных видов искусства.

Заключение

В современном мире, охваченном процессами глобализации и множеством кризисных явлений, феномен идентичности становится ключевым механизмом защиты целостности личности и психологическим регулятором социальной

жизни человека. Исследование роли родного этнического языка в контексте формирования и функционирования идентичности раскрывает его уникальное значение как стержневого носителя этносоциокультуры. Родной язык выступает не только средством коммуникации, но и основным инструментом передачи культурных норм, ценностей и бессознательных установок, которые определяют поведение и мировоззрение человека. В условиях стремительных изменений внешней среды, когда человек сталкивается с необходимостью адаптации к новым реалиям, сохраняя при этом свою уникальность, родной язык становится важнейшим фактором самоидентификации. Он обеспечивает историческую связь между прошлым, настоящим и будущим, формирует чувство принадлежности к своей этнической группе и помогает находить смысловые опоры в сложных жизненных ситуациях.

Анализ функциональной структуры идентичности показывает, что родной язык играет значимую роль во всех ее компонентах: когнитивном, ценностном, тождественности и социальной солидарности. Когнитивный компонент, представляющий собой сумму знаний о себе и окружающем мире, обогащается благодаря владению родным языком, который дает четкие ответы на вопросы о корнях, происхождении и представительстве. Это создает прочную основу для самопознания и исторической преемственности. Ценностный компонент идентичности также тесно связан с родным языком, через который передаются культурные нормы, идеалы и бессознательные установки. Эти ценности становятся ориентирами поведения и взаимодействия с миром, особенно важно их влияние в условиях миграции или потери активного использования языка, когда его символическое значение возрастает. Тождественный компонент идентичности базируется на способности родного языка формировать внутренний диалог, позволяющий человеку понять свои особенности, принять себя и ощутить единство со своим «Я». Наконец, социально-солидарный компонент предполагает принятие ценностей и принципов референтной группы, где родной язык выступает важным маркером принадлежности и символом единства.

Проведенное анкетирование адыгской молодежи, обучающейся за пределами Кабардино-Балкарской Республики, подтвердило гипотезу о том, что образовательная миграция усиливает интерес к родному языку и культуре. Даже те студенты, которые ранее не проявляли особой готовности использовать родной язык, после первого года обучения вдали от дома начинают активно применять его в приватной коммуникации, цифровых платформах и самообразовании. Этот эффект особенно заметен среди тех, кто учится за рубежом, где меньшая концентрация диаспоры стимулирует использование цифровых технологий для поддержания языковых навыков. Таким образом, родной язык становится символическим маркером идентичности, помогая противостоять ассимиляции и сохранять культурную самобытность.

Необходимо отметить, что глобализация, создавая вызовы для сохранения этнических языков, одновременно порождает механизмы их защиты и развития. Противовес универсализации выражается в усилении внутренних мотивов самосохранения, что проявляется в росте интереса к изучению родного языка и культурных традиций. Язык, даже потеряв функцию повседневного общения,

продолжает играть роль символа единения с народом, как это наглядно демонстрирует пример Адыгского Этикета (Хабзэ). В связи с изложенным, сохранение и развитие родных этнических языков требует создания условий для их функционирования на основе соответствующих социально-институциональных и дискурсивных структур, а также популяризации их культурного значения. Это позволит эффективно использовать огромный созидательный потенциал развития единства в многообразии и обеспечить сохранение целостности идентичности личности в современных условиях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Бестаева 2009– *Бестаева Э.Ш.* Проблема идентификации личности в этнокультуре: автореф. дис. кан. филос. наук. – Ростов-на-Дону, 2009. –34с.

Бокаев 2011 – *Бокаев Б.Н.* Язык как фактор этнической идентичности // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. –2011. –№5. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-faktor-etnicheskoy-identichnosti

Демичев, Султанова 2017 – *Демичев И.В., Султанова Г.Д.* Идентичность как социокультурный феномен // Вестник ВолГУ (LOGOS ET PRAXIS). Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2017. – Т. 16. –№ 3. – С. 40-48.

Дудченко, Мытиль 1995 – *Дудченко О.Н., Мытиль А.В.* Социальная идентификация и адаптация личности // Социологические исследования. – 1995. – № 6. – С. 110-119.

Жаде и др. 2010 – *Жаде З.А., Куква Е.С., ЛяушеваС.А., Шадже А.Ю.* Российская идентичность на Северном Кавказе. – М.: Социально-гуманитарные знания. – Майкоп: ООО «Качество», 2010. – 248 с.

Кессиди 2003 – *Кессиди Ф.Х.* Идеи и люди: историко-философские и социально-политические этюды. – М., 2003. – 228 с.

Коварскис 2020 – *Коварскис Л.* Кто я? О миграции и идентичности // Журнал практической психологии и психоанализа. –2020. –№1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://psyjournal.ru/articles/kto-ya-o-migracii-i-identichnosti

Краус 1997– *Краус В.* На пороге нового тысячелетия. Культура будущей Европы // Вопросы философии. – 1997. – № 5. – С. 184-191.

Лотман 1992 – *Лотман* Ю.М. Статьипосемиотикеи типологии культуры: Избранные статьи: в 3 томах. – Таллин:Александра, 1992. –Том 1.– 480 с.

Сигел 2019 – *Сигел Д.* Разум. Что значит быть человеком. – Москва: Манн, Иванов, и Фербер, 2019. – 335 с.

Тхагапсоев и др. 2016 – *Тхагапсоев Х.Г., Мосолова Л.М., Леонов И.В., Соловьева В.Л.* Идентичность как навигатор сознания. – СПб.: Астерион, 2016. – 170 с.

Хараева 2021 – *Хараева Л.А.* Педагогическое общение в условиях двуязычия (на материале кабардинско-русского двуязычия). – Нальчик.: изд. Котляровых. – 2021. – 334 с.

Хуако 2022 – *Хуако Ф.Н.* Язык как мотив обращенности к родине (на примере адыгов у Кадыра Натхо) // Доклады АМАН. –2022. – Т. 22, №. 4. – С. 67-75.

Эриксон 2006 – *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис: учеб. пособие. –2-е изд. – Москва: Флинта, 2006. – 341 с.

Юдина 2013 – *Юдина Г.А.* Социально-философский анализ роли языка в формировании идентичности: автореф. дис. кан. филос. наук. – Новосибирск, 2013. –34с.

Юнг 1991 – *Юнг К.Г.* Архетип и символ. – Москва: Ренессанс, 1991. – 300 с.

Berry 2006 - *Berry J. W.* Conceptual Approaches to Acculturation // Acculturation: Advanced in Theory, Measurement, and Applied Research / ed. by K. M. Chun, P. B. Organista, and G. Martin. – Washington DC: APA, 2006. – Pp. 17-38.

Crystal 2010 – *Crystal D.* The Cambridge Encyclopedia of Language. – Cambridge University Press, 3rd Edition, 2010. – 526 p.

Toffler 1980 –*Toffler A.* The Third Wave. – N.-Y: William Morrow and company Inc., 1980. – 366 p.

REFERENCES

BESTAEVA E.Sh. *Problema identifikatsii lichnosti v etnokul'ture* [The problem of personal identification in ethnoculture]: avtoref. dis. kan.filos. nauk. – Rostov, 2009. –34p. (In Russ.).

BERRY J. W. Conceptual Approaches to Acculturation // Acculturation: Advanced in Theory, Measurement, and Applied Research / ed. by K. M. Chun, P. B. Organista, and G. Martin. – Washington DC: APA, 2006. – Pp. 17-38. (In Eng.).

BOKAEV B.N. *Yazyk kak factor etnicheskoi identichnosti* [Language as a factor of ethnic identity]. IN: Aktual'nye problem gumanitarnykh i estestvennykh nauk. – 2011. – №5.[Elektronnyiresurs]. – Rezhimdostupa: – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazyk-kak-faktor-etnicheskoy-identichnosti (In Russ.).

CRYSTAL D. The Cambridge Encyclopedia of Language. – Cambridge University Press, 3rd Edition,2010. – 526 p. (In Eng.).

DEMICHEV I.V., SULTANOVAG.D. Identichnost' kak sotsiokul'turnyi fenomen [Identity as a sociocultural phenomenon]. IN: Vestnik VolGU (LOGOS ET PRAXIS). Seriya 7. Filosofiya. Sotsiologiya i sotsial'nye tekhnologii. – 2017. – T.16. –№3. – P. 40-48. (In Russ.).

DUDCHENKO O.N., MYTIL' A.V. *Sotsial'naya identifikatsiya i adaptatsiya lichnosti* [Social identification and adaptation of personality]. IN:Sotsiologicheskieissledovaniya. –1995. –№ 6. – P. 110-119.(In Russ.).

ERIKSON E. *Identichnost': yunost' ikrizis* [Identity: Youth and Crisis]: ucheb. posobie. –2-e izd. – Moskva: Flinta, 2006. – 341 p.(In Russ.).

ZHADE Z.A., KUKVA E.S., LYAUSHEVA S.A., SHADZHE A.YU. *Rossiiskaya identichnost' na Severnom Kavkaze* [Russian Identity in the North Caucasus]. – M.: Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. – Maikop: OOO «Kachestvo», 2010. – 248 p. (In Russ.).

KESSIDI F.KH. Idei i lyudi: istoriko-filosofskie i sotsial'no-politicheskie ehtyudy [Ideas and People: Historical-Philosophical and Socio-Political Studies]. – M., 2003. – 228 s. (In Russ.).

KHARAEVA L.A. *Pedagogicheskoeobshchenie v usloviyakhdvuyazychiya (namaterialekabardinsko-russkogodvuyazychiya)*[Pedagogical communication in the context of bilingualism (based on the Kabardian-Russian bilingualism)]. – Nal'chik.: izd. Kotlyarovykh. – 2021. – 334 p.(In Russ.).

KHUAKO F. N. *Yazyk kak motiv obrashchennosti k rodine (na primere adygov u K.Natkho)*[Language as a motive for turning to the homeland (using the example of the Adyghe in K. Natkho)].In: Doklady AMAN. – 2022. –№ 4. – p. 67-75..(In Russ.).

KOVARSKIS L. Kto ya? *O migratsii i identichnosti* [Who Am I? On Migration and Identity]. IN: Zhurnal prakticheskoi psikhologii I psikhoanaliza. 2020, №1.[Elektronnyi resurs]. – Rezhimdostupa: URL: https://psyjournal.ru/articles/kto-ya-o-migracii-i-identichnosti

KRAUS V. *Na poroge novogo tysyacheletiya. Kul'tura budushchei Evropy* [On the threshold of a new millennium. The culture of the future Europe]. IN: Voprosyfilosofii. –1997. –№ 5. – P. 184-191. (In Russ.).

LOTMAN Yu.M. *Stat'i po semiotike I tipologii kul'tury* [Articles on semiotics and typology of culture]: Izbrannyestat'i: v 3 tomakh. – Tallin: Aleksandra, 1992. –Tom 1.– 480 p.(In Russ.).

SIGEL D. Razum. *Chtoznachitbyt' chelovekom* [Mind: What it means to be human]. – Moskva: Mann, Ivanov, i Ferber, 2019.– 335 p. (In Russ.).

TKHAGAPSOEV KH.G., MOSOLOVA L.M., LEONOV I.V., SOLOV'EVA V.L. *Identichnost' kak navigator soznaniya* [Identity as a Navigator of Consciousness]. – SPb.: Asterion, 2016. – 170 p. (In Russ.).

TOFFLER A. The Third Wave. N.-Y, William Morrow and company Inc., 1980. 366 p.(In Eng.).

YUDINA G.A.*Sotsial'no-filosofskiianalizroliyazyka v formirovaniiidentichnosti*[Social and philosophical analysis of the role of language in the formation of identity]: avtoref. dis. kan.filos. nauk. – Novosibirsk, 2013. –34 p. (In Russ.).

YUNG K.G. Arkhetip i simvol [Archetype and symbol]. – Moskva: Renessans, 1991. – 300 s. (In Russ.).

Сведения об авторах:
Л.А. Хараева – доктор педагогических наук, профессор
Л.Х. Дзасежева – кандидат филологических наук, доцент
Information about the authors
L.A. Kharaeva– doctor of sciences (Pedagogy), professor
L.Kh. Dzasezheva– PhD (in Philology), associate professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторызаявляютоботсутствииконфликтаинтересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.12.2024 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 26.12.2024; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

ОЧЕРКИ, ЗАМЕТКИ, РЕЦЕНЗИИ

Персоналии
УДК 929
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-374-382
EDN: YJFESO

ЛЁЛЯ КУНИЖЕВА – ПЕРВЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ЭТНОГРАФ АБАЗИНСКОГО НАРОДА

Макка Султан-Гиреевна Албогачиева
Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия, albmac@mail.ru, https: //orcid.org/0000-0001-9746-1820

Аннотация. В июне 2024 г. исполнилось 50 лет, как Лёля Замахшяриевна Кунижева защитила кандидатскую диссертацию в стенах Ленинградского отделения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР (ныне – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. Она стала первым профессиональным этнографом малочисленного абазинского народа и вошла по праву в плеяду лучших отечественных кавказоведов.

В данной статье мы не ставили своей целью сделать анализ ее работ, а предприняли попытку раскрыть направление деятельности этой многогранной личности. В статье приводится подробное описание биографии, в которой прослеживается не только научная деятельность ученого, но гражданская позиция, направленная на репрезентацию абазинской истории и культуры. Будучи профессиональным этнографам, она сумела раскрыть различные стороны жизни народа, не оставляя в стороне ни материальную, ни духовную культуру абазин.

В заключение, отмечается, что влияние Лели Замахшериевны Кунижевой на науку и культуру невозможно переоценить. Её многогранная деятельность оказала значительное воздействие на сохранение, популяризацию истории и этнографии малочисленного абазинского народа, заложив прочный фундамент для будущих исследований.

При написании статьи использовался биографический метод, позволивший рассмотреть различные аспекты жизнедеятельности Л.З. Кунижевой.

Ключевые слова: Л.З. Кунижева, Л.И. Лавров, абазины, малочисленный народ, культура, этнография, история, наука.

Финансирование и благодарности: Статья подготовлена в рамках работы по проекту «Коренные малочисленные народы: обновление этничности» по Программе научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности, 2023–2025 гг. (рук. А.В. Головнёв).

Для цитирования: Албогачиева М.С.-Г. Лёля Кунижева – первый профессиональный этнограф абазинского народа // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 374-382. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-374-382. EDN: YJFESO.

© Албогачиева М.С.-Г., 2025

Personalities

LELYA KUNIZHEVA IS THE FIRST PROFESSIONAL ETHNOGRAPHER OF THE ABAZA PEOPLE

Makka S.-G. Albogachieva
Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia, albmac@mail.ru, https://orcid.org/0000-0001-9746-1820

Abstract. In June 2024, Lyolya Zamakhshyarievna Kunizheva defended her thesis within the walls of the Leningrad branch of the Institute of Ethnography named after N. N. Miklukho-Maclay of the USSR Academy of Sciences (now the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamer) of the Russian Academy of Sciences. She became the first professional ethnographer of the Abaza people and rightfully entered the galaxy of the best domestic Caucasian scholars.

We attempted to identify the direction of action of this complex personality in this piece, rather than attempting to analyze her work. The biography, which follows the scientist's scientific endeavors and his civic role in promoting Abazin history and culture, is described in full in the article.

In conclusion, it is noted that the influence of Leli Zamakhsherievna Kunizheva on science and culture cannot be overestimated. Her multifaceted activities had a significant impact on the preservation and popularization of Abaza culture, laid a solid foundation for future research and cultural initiatives.

When writing the article, a biographical method was used, which made it possible to consider various aspects of the life of L.Z. Kunizheva.

Keywords: L.Z. Kunizheva, L.I. Lavrov, abazins, small people, culture, ethnography, history, science.

Funding and acknowledgements: The article was prepared as part of the work on the project "Indigenous peoples: updating ethnicity" under the Program of scientific research related to the study of the ethnocultural diversity of Russian society and aimed at strengthening the all-Russian identity, 2023-2025 (directed by A.V. Golovnev).

For citation: Albogachieva M.S.-G. Lelya Kunizheva is the first professional ethnographer of the Abaza people. IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 374-382. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-374-382. EDN: YJFESO.

© Albogachieva M.S.-G., 2025

Лёля Кунижева родилась 14 декабря 1942 г. в ауле Псыж Черкесской автономной области в семье героя Советского Союза Замахшяри Османовича Кунижева.

Успешно окончив среднюю школу, она поступила в Карачаево-Черкесский педагогический институт, который окончила с отличием в 1966 г. Получив высшее образование, она по распределению вернулась в Карачаево-Черкесию и проработала два года учительницей в школах хутора Фроловский и аула Икон-Халк [Хабекирова, Курмансеитова 2010: 187].

Лёля Замахшяиевна с юности проявляла интерес к изучению истории и этнографии абазинского народа. Пунктуальная, исполнительная, талантливая и любознательная, она отличалась от своих сверстниц. Трудолюбивую и способную молодую абазинскую девушку трудно было не заметить. Регион нуждался

в своих профессиональных кадрах и регулярно отправлял в аспирантуру вузов Москвы, Ленинграда, Тбилиси талантливых и подающих надежды молодых людей. Отбором будущих аспирантов от представителей пяти титульных наций республики занимался ведущий научный сотрудник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований Ханафи Идрисович Суюнчев. При выборе кандидатов для поступления он учитывал не только личные качества, но склонность соискателя к научным изысканиям. Кандидатуры, выбранные им для поступления, оправдали возложенные на них надежды и успешно окончили учебу. Они стали профессионалами своего дела. В числе последних была и Л.З. Кунижева, которая в 1969 г. поступила в аспирантуру Ленинградского отделения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. Встреча Лёли Замахшяриевны и Леонида Ивановича Лаврова (1909–1982 гг.) была не случайна, скорее она была предопределена судьбой. Леонид Иванович – признанный ученый кавказовед и абазиновед, его научные интересы были тесно связаны с абазинским народом. Вести полевые исследования в абазинских районах Карачаево-Черкесии Леонид Иванович начал еще до войны и в 1946 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «История абазинского народа». Его научные интересы, безусловно, были связаны с различными народами Кавказа, но в тот период они были аккумулированы вокруг изучения абазинского народа. Результатом его научных изысканий стали следующие работы:

- Абазины. Историко-этнографический очерк // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Вып. 1. 5–47;
- Абазины // Народы Карачаево-Черкесии (Историко-этнографические очерки). Ставрополь, 1957. С. 81–118;
- Абазины // Народы Кавказа. М., 1960. Т. I. С. 232–242. (Сер. «Народы мира»).

Л.И. Лавров был не только выдающимся ученым, но и одним из организаторов отечественного кавказоведения. Его неизменной заслугой является то, что он был учителем и других талантливых исследователей, с которыми щедро делился своими знаниями. Это Г.С. Аракелян (Харатян), М.-Г.А. Гаджиев, Ю.Ю. Карпов, Г.Г. Копешавидзе, Э.Х. Панеш, Р.К. Чанба, А.И. Шамилов [Карпов 2009: 85]. Ученики Леонида Ивановича, как и Лёля, стали профессионалами своего дела и внесли значительный вклад в изучение истории и этнографии народов Кавказа.

Леонид Иванович многие годы посвятил изучению абазинского народа, был знаком со многими выдающимися деятелями абазинского народа и лично с отцом его подопечной – Замахшяри Османовичем Кунижевым, участником Польского похода, Советско-финской и Великой Отечественной войн, первым уроженцем Карачаево-Черкесии, удостоенным звания «Герой Советского Союза» [Дзыба 2024]. Часто бывая среди абазин во время сбора полевых материалов, Л.И. Лавров обратил внимание и неподдельный интерес к истории и этнографии абазинского народа у молодой абазинки, которая получила высшее образование и вернулась на родину. Дружеские отношения с этой семьей, возникшие и укрепившиеся благодаря многолетним неоднократным поездам, позволили ему увидеть в Л. Кунижевой талантливого и пытливого исследователя.

По приглашению Л.И. Лаврова она впервые приехала в Ленинград и увидела город на Неве, с которым все последующие годы она была связана научными и дружескими связями неразрывно. Через год она поступила в аспирантуру. Вопрос о том, кто будет ее научным руководителем, даже не возник, так как Л.И. Лавров заведовал сектором Кавказа. За годы учебы Л. Кунижева смогла освоить основы этнографической науки и стала высококлассным специалистом. Она была частым и желанным гостем в семье Леонида Ивановича Лаврова и Натальи Николаевны Гревенс. Коллега Л. Кунижевой, Айшат Хамидовна Дзыба, рассказывает, что Лёля Замахшяриевна, часто вспоминала о своих аспирантских годах учебы в Ленинграде и семье Лавровых. Доброту и заботу Натальи Николаевны она ощущала не только во время учебы, но и в последующие годы жизни. Контакты с Лавровыми продолжались всю жизнь.

Сельской учительнице, приехавшей в Ленинград, удалось наладить дружеские отношения и с коллегами. Ее коммуникабельность и творческий подход к любой теме позволяли ей двигаться в ее научном поиске дальше других. Её профессиональная деятельность, начавшаяся в Академии наук, где она научилась проводить полевые исследования, помогли ей при сборе материала непосредственно у представителей абазинского народа. Ее знания были подкреплены тем, что она хорошо владела родным языком. Хорошее знание методики сбора полевого материала позволили ей запечатлеть в своих публикациях сюжеты материальной и духовной культуры уходящей эпохи. Результатом ее хорошей академической подготовки стала ее успешная защита в стенах Музея антропологии и этнографии. Ее профессионализм был подтвержден в 1974 г. успешной защитой диссертации на оискание ученой степени кандидата исторических наук по теме «Домашние промыслы и ремесла абазин (XIX – начало XX в.)», где она подробно описала различные ремесленные техники и процессы изготовления, что позволило сохранить знания о традиционных методах производства и об искусстве абазинского народа. Это стало важным звеном в цепи передачи знаний о богатой и самобытной культуре абазин для будущих поколений. Официальными оппонентами диссертации Л. Кунижевой были доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой этнографии и антропологии исторического факультета Лениградского государственного университета Рудольф Фердинандович Итс (1928–1990) и кандидат исторических наук, научный сотрудник Кавказского кабинета Института народов Азии АН СССР Саурмаг Саргисович Какабадзе (1928–1977). Оба оппонента являлись признанными учеными, внесшими существенный вклад в этнографическую науку. Их согласие быть оппонентами свидетельствует о высоком уровне диссертационного исследования Л.З. Кунижевой, которое не потеряло своей актуальности и сегодня.

Знания, полученные при обучении у корифеев науки в стенах Петровской Кунсткамеры, она пронесла сквозь всю свою жизнь, изучая и вводя в научный оборот никем до нее не изученные и не описанные этнографические и исторические материалы о своем народе.

В июне 2024 г. исполнилось 50 лет, как Лёля Замахшяриевна Кунижева защитила кандидатскую диссертацию в стенах Ленинградского отделения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР (ныне –

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук. В память о ней в Кунсткамере подготовлен сборник «Научное наследие Л.З. Кунижевой» (2024). Это сборник позволяет изучить жизнь малочисленного абазинского народа. Необходимость в этой работе была продиктована тем, что работая по теме НИР мы сталкивались с тем, что значительная часть ее работ отсутствует в Российской национальной библиотеке, в Российской государственной библиотеке им. Ленина в Москве, в Библиотеке Академии наук Санкт-Петербурга и в других крупных библиотеках страны. Основные научные труды Л. Кунижевой были рассредоточены по различным региональным изданиям и не попали в обязательную библиотечную рассылку. Ввиду этого основной массив опубликованных статей остался в библиотеках и архиве Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, где она проработала всю жизнь. Не все выявленные материалы Л.З. Кунижевой вошли в предлагаемое вниманию читателя издание. Составители провели анализ работ и включили в книгу только избранные статьи касающиеся истории и этнографии малочисленного народа. Такие сборники научных трудов важны для исследователей, потому что благодаря подобным публикациям авторские работы становятся доступными для широкого круга читателей.

Ее работы охватывают широкий спектр тем, включающих традиции, обычаи, фольклор и повседневную жизнь абазин. Одним из ключевых достижений Л. Кунижевой стало систематическое описание и анализ обычаев абазин. Она детально исследовала праздники, ритуалы и обряды, выделив их значимость в формировании национальной идентичности малочисленного абазинского народа. Благодаря ее трудам, многие из этих традиций были сохранены и задокументированы для будущих поколений. Еще ждут своих исследователей неопубликованные работы, связанные с патронимией абазин. Научные интересы Лёли Кунижевой были столь широки и многоплановы, что трудно найти проблему, которой бы она не коснулась в своих исследованиях. Л.З. Кунижева автор более 60 научных трудов, в том числе монографических исследований «Абазины: историко-этнографический очерк» (Черкесск, 1989; в соавт.), «Народные промыслы абазин» (Черкесск, 2005). Важным аспектом работы Кунижевой было ее стремление сохранить наработки предыдущих поколений исследователей. Она тщательно собирала архивные данные, восстанавливала забытые имена и работы тех, кто ранее занимался изучением абазинской культуры. Этот трудоемкий процесс помог не только сохранить ценные сведения, но и ввести в научный оборот имена зарубежных исследователей, занимавшихся изучением истории, культуры, традиций абазинского народа. Выявленные материалы легли в основу монографии «Абазины в источниках иностранных и российских авторов» (Черкесск, 2008) и др.

Важной частью научного наследия Лёли Замахшяриевны Кунижевой стала ее педагогическая и просветительская деятельность. Она активно участвовала в работе с молодежью, стремясь передать свои знания и любовь к абазинской культуре. Благодаря ее лекциям и публикациям, многие молодые абазины получили возможность глубже познакомиться с историей и культурой своего

народа. Она стала одним из авторов учебного пособия для учащихся старших классов «Народы Карачаево-Черкесии: история и культура» (Черкесск, 1998).

Лёля Замахшяриевна понимала важность передачи культурных ценностей и традиций своего малочисленного народа следующим поколениям. Она организовывала лекции и мастер-классы, на которых делилась своими знаниями и опытом с молодежью, вдохновляя их на изучение и сохранение абазинского наследия. Л. Кунижева являла собой образец настоящего, вдумчивого исследователя, соответствующего требованиям, предъявляемым классиками отечественной этнографии к исследователю.

Её стремление воспитать новое поколение исследователей, увлечённых изучением своего родного края, принесло свои плоды: многие её ученики и последователи продолжают работать в области этнографии и истории, вдохновлённые её примером. Ее ученица Фатима Куначева преподает в Карачаево-Черкесском государственном университете имени У.Д. Алиева и является продолжателем темы абазиноведения, которой была посвящена вся жизнь Л. Кунижевой [Керейтов 2002: 3].

Не менее значимым аспектом деятельности Лёли Замахшяриевны была ее работа по написанию и изданию научно-популярной литературы. Эти книги, адресованные широкой аудитории, способствовали повышению интереса к абазинской истории и культуре среди людей различных возрастов и профессий. Ее стиль изложения, сочетавший научную точность с доступностью, делал эти издания особенно ценными для школьников и студентов, стимулируя их к дальнейшему изучению и исследованию малочисленного народа.

Л. Кунижева с 1974 г. и до конца своей жизни работала в Карачаево-Черкесском институте гуманитарных исследований, пройдя путь от старшего научного сотрудника, ведущего научного сотрудника до заведующего сектором этнографии народов Карачаево-Черкесии и отдела абазиноведения [Некролог 2010: 4]

Как профессиональный этнограф-абазиновед Л. Кунижева воплотила в себе непреходящие по своей ценности традиции российской этнографии. Под руководством Лёли Замахшяриевны Кунижевой были организованы многочисленные экспедиции в различные уголки Абазинского региона [Хабекирова 2002: 253]. Эти поездки позволили ей не только глубже исследовать культурные особенности и жизненный уклад абазинского народа, но и установить тесные связи с местными жителями. Прекрасное владение абазинским языком позволило ей оставаться своей в любом обществе. Знание языка, абазинского менталитета играли ключевую роль в ее работе. Достоверные данные и подробные рассказы о традициях и устоях позволили ей ввести в научный оборот многие материалы, касающиеся различных аспектов абазинской культуры.

В работах Лёли Замахшяриевны подняты и отражены проблемы этнографии, этнической истории, социальной организации абазинского народа, которые позволяют изучать не только историко-этнографические аспекты бытования народа, но и другие, смежные вопросы, касающиеся языка и культуры малочисленного народа. Возможно, именно из-за такого комплексного подхода

работы Л. Кунижевой в равной мере интересны специалистам в разных областях науки – как историкам, так и филологам, философам и даже краеведам.

Ее опыт и знания были очень востребованы в Карачаево-Черкесии после ее возвращения на родину. Она была единственным профессиональным этнографом и экспертом по всем вопросам, связанным с историей, этнографией и антропологией абазинского народа. Исследовательская и просветительская работа Лёли Замахшяриевны также включала активное использование современных технологий и медиаресурсов. Она принимала участие в создании документальных фильмов, теле- и радиопередач, посвященных абазинской культуре. Эти проекты позволяли максимально широко распространять знания о культуре и истории абазинского народа, делая их доступными для широкой аудитории.

На радио и телевидении она всегда была востребована, как ученый способный ответить на все вопросы по истории и этнографии своего народа. 12 июня 1993 г. на канале Государственной телерадиовещательной компании «Карачаево-Черкесия» вышла в эфир первая телевизионная передача на абазинском языке. На начальном этапе своей работы телерадиокомпания не имела ни записывающего, ни монтажного оборудования. Все передачи шли в прямом эфире из студийного павильона, размещенного в здании бывшего Дома политпросвещения. Приоритетной задачей для творческой группы было запечатлеть современную историю и людей. Большую помощь в этом вопросе оказали абазинские ученые и просветители, которые видели в этих передачах возможность показать свой народ с разных сторон. Не осталась в стороне от этого вопроса и Лёля Кунижева, которая вела цикл передач «Наши обычаи». Они пользовались большой популярностью у зрителей, имевших возможность из уст профессионального этнографа абазинского народа слышать на родном языке различные интересные истории из жизни абазин, узнавать об их традициях и обычаях[1].

Лёля Кунижева участвовала в написании коллективной монографии «Абазины», в которой нашли отражение различные аспекты материальной и духовной культуры, этническая история, этнокультурные процессы, происшедшие в жизни абазин за годы советской власти.

Лёля была редактором и рецензентом многих коллективных трудов и монографий, посвященных проблемам традиционной культуры, социальной организации, этнической истории, этнических процессов, происходивших не только в абазинском обществе, но и в Карачаево-Черкесии.

Заслуги Кунижевой были отмечены наградами и признанием как на национальном, так и на международном уровнях. Она принимала участие в конференциях, научных чтениях, конгрессах и симпозиумах, где представляла результаты своих исследований, обменивалась опытом с коллегами и налаживала научные контакты. Она принимала участие в организации региональных конференций, и сама по возможности участвовала в конференциях, проходивших на Кавказе и за его пределами. Отдавая свой долг памяти Л.И. Лаврова, регу-

[1] Б. Хасароков Телевидение на национальном языке: 26 лет назад началось вещание на абзинском. URL https://www.abaza.org/televidenie-na-natsionalnom-yazyke-26-let-nazad-nachalos-veschanie-na-abazinskom (дата обращения 12.12. 2024)

лярно старалась выезжать на Лавровские чтения в Ленинград. Неоднократно принимала участие в конгрессах антропологов и этнологов, в международных конференциях, проходивших в странах ближнего и дальнего зарубежья.

Благодаря ее усилиям, изучение абазинской культуры привлекло внимание зарубежных исследователей, что привело к расширению круга участников и углублению межкультурного диалога. Ее труды представляли и представляют интерес не только для абазин и исследователей Кавказа, но и для зарубежной диаспоры. Здесь же отметим, что абазины в XIX в. вынуждены были покинуть историческую родину и переселиться в Туцию. С этого периода они живут за рубежом, расселившись из Турции по странам Европы и Америки. Важной частью деятельности Лёли Замахшяриевны было поддержание и развитие связи с диаспорами абазинского народа за рубежом. Она активно общалась с представителями абазинских общин, оказывая им информационную и консультационную поддержку, помогала организовывать культурные мероприятия и праздники. По сценарию Л. Кунижевой в Германии был снят фильм про абазинский праздник первой борозды «Нып» [Некролог 2010]. Прошли века, но значительная часть мухаджиров знает о своем происхождении и изучает историю и этнографию своего народа. Международное объединение содействия развитию абазино-абхазского этноса «Алашара» размещает на своей странице книги и интересные статьи, позволяющие репрезентировать через интернет-пространство свой народ и его культуру.

На протяжении всей своей жизни Лёля Замахшяриевна продолжала изучать культуру и традиции абазинского народа. Она и по сей день остается символом любви к своему народу и преданности своей культурной миссии, вдохновляя новые поколения на продолжение ее дела. Благодаря её трудам и многолетним усилиям, культура и традиции малочисленного абазинского народа не только сохранились, но и обогатились новыми идеями и проектами. Её деятельность стала примером того, как один человек способен изменить судьбу целого народа и оставить неизгладимый след в его истории.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Дзыба 2024 – *Дзыба А.Х.* Леля Кунижева. Слово об ученом // Вестник Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований имени Х.Х. Хапсирокова. Посвящается памяти ученых-этнографов Р.Х. Керейтова и Л.З. Кунижевой. – Черкесск: КЧГУ, 2024. – С. 62-69.

Карпов 2009 – *Карпов Ю.Ю.* Историк. Этнограф. Кавказовед. К столетию со дня рождения Л.И. Лаврова // Научная мысль Кавказа. – 2009. – № 2. – С. 84–92.

Керейтов 2002 – *Керейтов Р.Х.* Преданная науке // Экспресс-почта. – 2002. – 19 дек. (№ 51). – С. 1.

Некролог 2010 – Некролог // День Республики. – 2010, 1 июля. – № 131–132. – С. 4.

Хабекирова 2002 – *Хабекирова Х.А.* Кунижева Лёля Замахшяриевна // Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований: 70 лет: юбилейный сборник. – Черкесск: Информационно-полиграфический центр Карачаево-Черкесского института гуманитарных исследований, 2002. – С. 253.

Хабекирова, Курмансеитова 2011 – *Хабекирова Х.А., Курмансеитова А.Х.* Лёля Замахшяриевна Кунижева (14.12.1942–25.06.2010). Некролог // Этнографическое обозрение. – 2011. – № 2. – С. 187–188.

REFERENCES

DZYBA A.KH. *Lelya Kunizheva. Slovo ob uchenom* [Lelya Kunizheva. A word about the scientist]. In: Vestnik Karachaevo-Cherkesskogo in-stituta gumanitarnykh issledovanii imeni Kh.Kh. Khapsirokova. Posvyashchaetsya pamyati uche-nykh-etnografov R.Kh. Kereitova i L.Z. Kunizhevoi. – Cherkessk: KChGU, 2024. – P. 62-69. (In Russ.).

KARPOV YU.YU. *Istorik. Etnograf. Kavkazoved. K stoletiyu so dnya rozhdeniya L.I. Lavrova* [Historian. The ethnographer. The Caucasian scholar. On the centenary of the birth of L.I. Lavrov]. In: Nauchnaya mysl' Kavkaza. – 2009. – № 2. – P. 84–92. (In Russ.).

KEREITOV R.KH. *Predannaya nauke* [Devoted to science]. In: Ekspress-pochta. – 2002. – 19 dek. (№ 51). – P. 1. (In Russ.).

KHABEKIROVA KH.A. *Kunizheva Lelya Zamakhshyarievna* [Kunizheva Lelya Za-makhsharievna]. In: Karachaevo-Cherkesskii institut gumanitarnykh issledovanii: 70 let: yubileinyi sbornik. – Cherkessk: Informatsionno-poligraficheskii tsentr Karachaevo-Cherkesskogo instituta gumanitarnykh issledovanii, 2002. – P. 253. (In Russ.).

KHABEKIROVA KH.A., KURMANSEITOVA A.KH. *Lelya Zamakhshyarievna Kunizheva (14.12.1942–25.06.2010). Nekrolog* [Lelya Zamakhsharievna Kunizheva (12/14/1942–06/25/2010). Obituary]. In: Etnograficheskoe obozrenie. – 2011. – № 2. – P. 187–188. (In Russ.).

Nekrolog [Obituary]. In: Den' Respubliki. – 2010, 1 iyulya. – № 131–132. – P. 4. (In Russ.).

Информация об авторе

М.С.-Г. Албогачиева – доктор исторических наук.

Information about the author

M.S.-G. Albogachieva – Doctor of Sciences (History).

Статья поступила в редакцию 16.01.2025 г.; одобрена после рецензирования 15.03.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.

The article was submitted 16.01.2025; approved after reviewing 15.03.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Рецензия на книгу
УДК 398
DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-383-386
EDN: RAKYIT

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ «КАЛМЫЦКИЕ ПЕСНИ О СИБИРИ. – М.: БУМБА, 2023. – 216 с.»

Тамара Горяевна Басангова
Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова, Элиста, Россия, basangova49@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4415-3530

Аннотация. Одна из неизученных проблем в калмыцкой истории – это духовная жизнь калмыков во время сталинской ссылки. Есть скупые сведения о проведении калмыками в эти годы календарных обрядов, домашних ритуалов, об исполнении народных песен и танцев. Внутренний протест калмыков выразился, прежде всего, в песнях, посвященных печальному дню выселения калмыков 28 декабря 1943 г. Запись и изучение песен сталинской ссылки было начато калмыцкими фольклористами только в 90-е гг. XX в. Рецензируемый сборник примечателен тем, что впервые в калмыцкой фольклористике песни сибирского, депортационного цикла собраны воедино – это восемьдесят три текста, записанные от разных исполнителей. Часть из них записана составителями сборника в полевых исследованиях по Калмыкии в 2022–2023 г.
Ключевые слова: калмыцкий песенный фольклор, сибирские песни, жанр, поэтика

Для цитирования: Басангова Т.Г. Рецензия на книгу «Калмыцкие песни о Сибири. – М.: Бумба, 2023. – 216 с.» // Электронный журнал «Кавказология». – 2025. – № 1. – С. 383-386. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-383-386. EDN: RAKYIT.

© Басангова Т.Г., 2025

Book Review

REVIEW OF THE BOOK «KALMYK SONGS ABOUT SIBERIA. – M.: BUMBA, 2023. – 216 P.»

Tamara G. Basangova
B.B. Gorodovikov Kalmyk State University, Elista, Russia, basangova49@yandex.ru, https://orcid.org/0000-0002-4415-3530

Abstract. One of the unexplored problems in Kalmyk history is the spiritual life of the Kalmyks during Stalin's exile. There is scant information about Kalmyks conducting calendar rituals, household rituals, and performing folk songs and dances during these years. The internal protest of the Kalmyks was expressed, first of all, in songs dedicated to the sad day of the Kalmyks eviction on December 28, 1943. Kalmyk folklorists started the recording and study of songs of Stalin's exile only in the nineties of the last century. This collection is notable because it brings together, for the first time in Kalmyk folklore, eighty-three texts of songs from the Siberian deportation cycle, recorded from different performers. Some of them were recorded by the authors of the collection in field research on Kalmykia in 2022-2023.
Keywords: Kalmyk song folklore, Siberian songs, genre, originality, poetics

For citation: Basangova T.G. Review of the book «Kalmyk songs about Siberia. – M.: Bumba, 2023. – 216 p.». IN: Electronic journal «Caucasology». – 2025. – № 1. – P. 383-386. – DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1-383-386. EDN: RAKYIT.

© Basangova T.G., 2025

Текст сборника сибирских песен предваряет краткое предисловие академика РАН В.А. Тишкова, который справедливо отмечает, что песни периода сибирской ссылки калмыков посвящены «народной драме коллективного насильственного переселения с мест из проживания в Сибирь» [Тишков 2023: 9].

Преступная акция сталинского режима длилась 13 лет с декабря 1943 г. по 1957 гг. и оставила глубокий след в коллективной памяти народа». В разделе сборника «От составителей и переводчиков» авторы сборника благодарят всех коллег, которые причастны к появлению данного сборника. В планах калмыцких фольклористов, трудившихся в Калмыцком институте гуманитарных исследований РАН, было намечено академическое издание тома «Свода калмыцкого фольклора» под названием «Калмыцкие песни о ссылке» на калмыцком и в переводе на русский, куда также входили тексты «сибирских песен». Ныне этот том хранится в Научном Архиве КалмНЦ РАН (шифр. неизв).Третья часть сборника, автором которой является доктор исторических наук Э.-Б.М. Гучинова, носит название «Калмыцкие песни Сибирского цикла» состоит из следующих частей – 1. Введение; 2. Фольклорная специфика сибирской песни; 3. Интертекстуальность; 4. В тюрьму за песню; 5. Исполнение песен после 1957 г.; 6. Язык власти; 7. Песня как хроника депортации; 8. Песня солдат и о солдатах; 9. Песня как сопротивление; 10. Язык травмы; 11. Люди и животные; 12. Песни как предвестники перемен; 13. Возвращение на родину. Автор особое внимание уделяет определению жанра песен, посвященных депортации сталинского периода. В этой связи Э.-Б.М. Гучинова обратилась к исследованиям ученых, которые ранее обратились изучению песенного наследия калмыков. Т.Г. Басангова (Борджанова) впервые в калмыцкой фольклористике начиная с 90-х гг. XX в. до настоящего времени в разных статьях, опубликованных в материалах конференции, в научных журналах, исследовала жанровую принадлежность и поэтику сибирских песен [Басангова 1992: 70-72; Басангова: 2023].

Авторы и составители рецензируемого сборника поставили свою научную цель: «Показать, что сибирский цикл – это особый жанр песенного фольклора калмыков, а также выявить скрытые послания и то, как меняется бытование песни в зависимости от социально-политического контекста» [Калмыцкие песни о Сибири 2023: 151]. На шестнадцатой странице данного сборника автор полемизирует с другим автором, пишущим на тему духовной жизни о время депортации, что она не совсем не согласна, что эти песни можно отнести к историческим [Калмыцкие песни о Сибири: 2023]. Но далее, противореча самой себе, автор пишет, что «сибирская песня может быть выделена как самостоятельный жанр, в некоторых проявлениях близкий к исторической, в других к лирической» [Калмыцкие песни о Сибири 2023: 19-20]. Затем, опираясь труды, монгольского исследователя Буяндалая, автор определяет песни сибирского цикла

как *бариmтай дун* / документирующая песня, отмечая, что «многие сибирские песни документируют события, чувства, имена и места» [Калмыцкие песни о Сибири 2023: 16]. Из этого заключения видно, что автор не приемля классификацию и описание жанровых особенностей сибирских песен, предполагает позиционировать ее как документ, который бы давал более точное и подробное описание жизни депортированных калмыков [Калмыцкие песни о Сибири 2023: 17]. В трудах Т.Г. Басанговой также обозначены жанровые характеристики песен, предлагая следующие обозначения как песня – протест, в них звучат вопросы: «Почему так случилось?», «Кто виноват в этом?»). Память народа отражается в песнях, рисует все детали этого события. В песнях отражена тема внезапности ссылки, отмечена также деталь, что их выселяли на больших американских машинах, на машинах с черной будкой, вагоны, в которых калмыков доставляли в Сибирь, в песнях называются как вагоны, покрашенные синим цветом [Басангова, Манджиева 2003: 189-190]. В традиционной поэтике исследуемых песен встречаются поэтические образы, сравнение и метафоры, характерные для песен монголоязычных народов. Прежде всего, это обращение к небесным светилам – луне и солнцу, как к лучу надежды, как символу освобождения, обращение к алтайским горам за покровительством. Описание шума американских машин перекликается с описание пения степных птиц, через такую метафору передается тоска по покинутой родине. Степь, которую оставили калмыки, сочинители песен характеризуют как осиротевшую: «Богатая, широкая степь моя, осталась, позади осиротевшая» [Басангова 2023:76]. Реальность этой метафоры подтверждается воспоминаниями людей, оставшихся в калмыцкой степи после высылки калмыков, хотоны опустели, осталось множество бесхозного скота, тоскливо взвыли собаки, чуя недоброе, блеяли овцы, мычали коровы. Таким образом, песни о ссылке калмыков являются свидетельством этого исторического факта, облаченного в плачево-лирическую форму, это песни-плачи – воспоминания о трагических событиях. В четвертом разделе рецензируемого сборника опубликованы тексты песен, собранные авторами из разных известных источников. В сборнике широко представлен справочный материал, сопровождающий каждый текст – фамилия, имя, отчество исполнителя, год рождения, родовая принадлежность исполнителя, место проживания в ссылке, фамилия автора записи и фамилия фольклориста, расшифровавшего тексты.

В заключение отметим, что книга будет интересна историкам, фольклористам, широкому кругу читателей, интересующихся историей и культурой калмыцкого народа

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Басангова 1992 – *Басангова Т.Г.* Калмыцкая фольклорная традиция в ссылке и после нее // Репрессированные народы: история и современность: Тезисы докладов и сообщений Российской научно-практической конференции, Элиста, 28–29 мая 1992 года. – Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1992. – С. 70–72.

Басангова 2023 – *Басангова Т.Г.* Песни о сибирской ссылке в фольклорной традиции калмыков (на материале полевых исследований) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2023. – № 1(312). – С. 72-80.

Басангова, Манджиева 2003 – *Басангова Т.Г., Манджиева Б.Б.* Песни скорби и печали // Политические репрессии в Калмыкии в 20-40-е гг. XX в. – Элиста: Джангар, 2003. – С. 185-190.

Калмыцкие песни о Сибири 2023 – *Калмыцкие песни о Сибири* / науч. ред., сост., пер. Э.-Б.М. Гучинова, Ц.Б. Селеева; [предисл. В.А. Тишкова]; вступ. ст. Э.-Б.М. Гучиновой [и Ц.Б. Селеевой]. – М.: БУМБА, 2023. – 216 с.

Тишков 2023 – Тишков В.А. Предисловие// *Калмыцкие песни о Сибири* / науч. ред., сост., пер. Э.-Б.М. Гучинова, Ц.Б. Селеева; [предисл. В.А. Тишкова]; вступ. ст. Э.-Б.М. Гучиновой [и Ц.Б. Селеевой]. – М.: БУМБА, 2023. – 216 с.

REFERENCES

BASANGOVA T.G. *Kalmytskaya fol'klornaya traditsiya v ssylke i posle nee* [Kalmyk folklore tradition in exile and after it]. In: Repressirovannye narody: istoriya i sovremennost': Tezisy dokladov i soobshchenii Rossiiskoi nauch-no-prakticheskoi konferentsii, Elista, 28–29 maya 1992 goda. – Elista: Kalmytskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992. – P. 70–72. (In Russ.).

BASANGOVA T.G. *Pesni o sibirskoi ssylke v fol'klornoi traditsii kalmykov (na mate-riale polevykh issledovanii)* [Songs about Siberian exile in the folk tradition of Kalmyks (based on field research)]. In: Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Se-riya 2: Filologiya i is-kusstvovedenie. – 2023. – № 1(312). – P. 72-80. (In Russ.).

BASANGOVA T.G., MANDZHIEVA B.B. *Pesni skorbi i pechali* [Songs of sorrow and sorrow]. In: Politicheskie repressii v Kalmykii v 20-40-e gg. XX v. – Elista: Dzhangar, 2003. – P. 185-190. (In Russ.).

Kalmytskie pesni o Sibiri [Kalmyk songs about Siberia] / nauch. red., sost., per. E.-B.M. Guchinova, Ts.B. Seleeva; [predisl. V.A. Tishkova]; vstup. st. E.-B.M. Guchinovoi [i Ts.B. Seleevoi]. – M.: BUMBA, 2023. – 216 p. (In Russ.).

Информация о рецензенте
Т.Г. Басангова – доктор филологических наук, доцент.
Information about the reviewer
T.G. Basangova – Doctor of Philology, Associate Professor.

Рецензия поступила в редакцию 24.02.2025 г.; принята к публикации 27.03.2025 г.
The review was submitted 24.02.2025; accepted for publication 27.03.2025.

Наши авторы

Анищенко Елена Александровна – старший преподаватель института менеджмента, туризма и индустрии гостеприимства ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия; соискатель ученой степени кандидата наук Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: elen_anischenko@mail.ru

Албогачиева Макка Султан-Гиреевна – доктор исторических наук, заведующая отделом этнографии Кавказа Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: albmac@mail.ru

Ахматова Мариям Ахматовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: mari.ahmatova@yandex.ru

Баразбиев Муслим Исмаилович – кандидат исторических наук, доцент кафедры организации работы с молодежью ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: muslim1971@yandex.ru

Басангова Тамара Горяевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая сектором международного научно-исследовательского центра «Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве» ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова», Элиста, Россия.
E-mail: basangova49@yandex.ru

Башиева Светлана Конакбиевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: bfo-pdo@mail.ru

Беппаев Азамат Русланович – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: beppaev33@mail.ru

Биттирова Тамара Шамсудиновна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: tbittir@mail.ru

Бозиев Альберд Тахирович – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия; старший научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alberdboziev@mail.ru

Борова Асият Руслановна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской и зарубежной литератур социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: assbora@mail.ru

Воропай Елена Сергеевна – ассистент кафедры истории Отечества ФГБОУ ВО «Луганский государственный педагогический университет» (ФГБОУ ВО «ЛГПУ»), Луганск, Россия.
E-mail: voropay.elena18@mail.ru

Гаунова Лина Ризуановна – младший научный сотрудник культурно-образовательного центра «Эрмитаж-Кавказ» ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: gaunova.lina@mail.ru

Дабагова Инна Мухамедовна – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: innadabagova@gmail.com

Дзасежева Лариса Халифовна – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой английского языка социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: dzasezheva@mail.ru

Досхоева Рукэт Хаджибикаровна – аспирант Научно-образовательного центра ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: ruket.doskhoeva@yandex.ru

Дышеков Мурат Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права института права экономики и финансов ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: dugur1@mail.ru

Зельницкая Рица Шотовна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела этнографии народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана ФГБУК «Российский этнографический музей», Санкт-Петербург, Россия.
E-mail: riza81@yandex.ru

Карданов Мусадин Латифович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: musadin07@mail.ru

Кенетова Рита Биляловна – кандидат филологических наук, заведующая кафедрой иностранных языков социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: ritakenetova@mail.ru

Кетенчиев Мусса Бахаутдинович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: ketenchiev@mail.ru

Махиева Людмила Хамангериевна – кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: liudmila.makhiieva@mail.ru

Мизиев Ахмат Магомедович – доктор филологических наук, профессор кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: miz1967@mail.ru

Мусаева Руганият Атаковна – кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Дагестанский филиал), Махачкала, Россия.
E-mail: rukhani@yandex.ru

Мусуков Борис Абдулкеримович – доктор филологических наук, заведующий сектором карачаево-балкарского языка Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: bmusukov@bk.ru

Тетуев Алим Инзрелович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: alim-tetuev@mail.ru

Ульбашева Зульфия Мустафировна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им.Х.М. Бербекова», Нальчик Россия.
E-mail: z.gaboeva@yandex.ru

Урусмамбетова Лаура Адамовна – кандидат педагогических наук, заведующая лабораторией развития социально-гуманитарных дисциплин Государственного бюджетного учреждения дополнительного профессионального образования «Центр непрерывного повышения профессионального мастерства педагогических работников» Минпросвещения КБР, Нальчик, Россия.
E-mail: layra76@mail.ru

Хакуашева Мадина Андреевна – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия.
E-mail: dinaarma@mail.ru

Хараева Леорена Ахмедовна – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры английского языка социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: leorenakharaeva@mail.ru

Хашхожева Загират Талибовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры кабардино-черкесского языка и литературы социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: zagirat_inkaz@mail.ru

Хуболов Сахадин Магаметович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: khubol@yandex.ru

Хульчаева Марьям Хажидаутовна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры карачаево-балкарской филологии ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: mariam.li.18@yandex.ru

Чекалов Петр Константинович – доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник РГБУ «Карачаево-Черкесского ордена «Знак Почёта» Института гуманитарных исследований», Черкесск, Россия.
E-mail: chekalov58@rambler.ru

Чернышова Елена Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания социально-гуманитарного института ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова», Нальчик, Россия.
E-mail: elena-chernishova@yandex.ru

Шомахов Фидель Султанович – неаффилированный исследователь, Москва, Россия.
E-mail: fid@bk.ru

Яхутль Юрий Асланбиевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», Краснодар, Россия.
E-mail: a075ca@yandex.ru

Электронный журнал

«Кавказология»

Caucasology

№ 1 / 2025

DOI: 10.31143/2542-212X-2025-1

Подписано к изданию:
28.03.2025 г.

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова © 2025